Министерство образования и науки РТ
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Отдел новой истории

Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.)

Казань – 2017

УДК 93/94
ББК 63.3(2)4
Н 30

Серия «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья»

Выпуск 9

Редакционная коллегия:
И.К. Загидуллин (науч. ред. и сост.), *И.З. Файзрахманов* (отв. ред.),
А.А. Арсланова (ред. английских текстов)

Н 30 **Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.)**: сб. статей. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 516 с.

ISBN 978-5-94981-266-2

В сборнике статей представлены материалы Всероссийской научной конференции «Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.)» и Круглого стола «Источники по истории народов Поволжья и Приуралья позднеимперского периода», проведенных в рамках V Всероссийского научного форума (с международным участием) «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (г. Казань, 7–8 сентября 2017 г.).

На обложке: Татарская семья на уборке урожая. Нач. XX в.; Отправка обоза с рожью на мельницу. Уфимская губ. Фото М.А. Круковского. Нач. XX в. (История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 202; 211); Газета «Казанское слово», 24 октября 1917 г. – 1 декабря 1917 г. (ЦГА ИПД РТ. № 121. Л. 308); Первый номер газеты «Хыпар» на чувашском языке, 8 января 1906 г., издан в Казани (из фондов архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары).

© Авторы, 2017
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Загидуллин И.К. Предисловие 7

Материалы Всероссийской научной конференции «Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.)»

Абдрахманов К.А. Предпринимательская деятельность оренбургских купцов в условиях Первой мировой войны 13

Айнутдинова Л.М. Либеральные партии Казанской губернии в 1917 г.: от триумфа до поражения 25

Алешина С.А. Проблема ликвидации неграмотности мордвы Урало-Поволжского региона (конец XIX – начало XX века) 35

Аминов Р.Р. Татары-казаки Оренбургского казачьего войска в 1917 г. 44

Ахтямова А.В. П.Л. Драверт: «Здесь на родной земле оставил я свой след…» 49

Бакирова А.М. Российско-мусульманский модернизм на рубеже XIX–XX веков и реформирование образования мусульман 59

Бахарева О.Я. Многогранная деятельность оренбургских землевладельцев Шоттов (до 1917 года) 66

Бекасова Е.Н. Историко-культурный диалог народов Оренбуржья (по материалам записей Б.А. Моисеева) 73

Вильданова Р.К. Татары в правительственных, сословных и общественных учреждениях г. Симбирска в последней трети XIX – начале XX вв. 83

Гарипов Н.К. Отношение кадимистов к религиозному реформаторскому движению среди татар 94

Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Аграрный рынок и сельско-хозяйственное производство в регионе Казанского Поволжья в начале XX в. 102

Гибадуллина Э.М. Татарская диаспора Казахстана в торговле с Синьцзяном на рубеже XIX–XX вв. 113

Годовова Е.В. Записки казака Н.В. Агапова как исторический источник по изучению военной повседневности оренбургских казаков 124

Горшкова Н.Н. Личные книжные коллекции как отражение общественных взглядов собирателей-библиофилов Казани начала XX века 130

Джунджузов С.В. Мобилизация и распределение оренбургских льготных казачьих полков для несения полицейской службы в период Первой русской революции 139

Дубовиков А.М. Николай Андреевич Бородин: ученый, политик и депутат 1-й Государственной Думы от Уральского казачьего войска 149

Ермошин А.В., Мустафина Г.М. Законоучители учебных заведений Казани в период Первой русской революции 168

Загидуллина Д.Ф. Становление светской философии в татарской литературе начала XX века 177

Имашева М.М. Национальная татарская печать в Астрахани в период между двумя русскими революциями 190

Клементьев В.Н. К вопросу об идеологии и организационных формах чувашского национального движения в начале XX в. 202

Кобзев А.В. Локальный брачный рынок мордвы селений Еремкино и Алешкино в 1880–1919 гг. 218

Коршунова О.Н., Салимгареев М.В. Народы Поволжья в начале XX века: дискурс этнической солидарности и российской идентичности 240

Кылынч Арзу. Положение российских, турецких и волго-уральских татар на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны 249

Латыпов Ф.Р. Феномен знаменитого давлекановского купца Набиуллы Каримова – удачливого предпринимателя Уфимской губернии 271

Лепешкина Л.Ю. Синкретическая секта «Кугу-сорта» как новое явление в культуре марийцев начала XX века 277

Любичанковский С.В. Выборы в волостное земство на юге Урало-Поволжья в 1917 году: фактор «туземной аристократии» 284

Марискин О.И. Трансформация налогообложения крестьянства Среднего Поволжья в начале XX века 292

Махмутова А.Х. Материалы Второй Всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1917 года как источник по характеристике села в эпоху революций (по материалам д. Бизяки Елабужского уезда Вятской губернии) 301

Машковцев А.А. Эволюция конфессионального курса российских властей в отношении лютеран Среднего Поволжья и Приуралья в 1905–1917 гг. 311

Машковцева В.В. Указ 17 апреля 1905 г. и трансформация государственно-старообрядческих отношений (на материалах Вятской губернии) 321

Миннемуллина Ч.Р. Преподаватели и учащиеся Казанской учительской инородческой семинарии в 1905–1907 гг. 331

Миннуллин З.С. Татарское общественно-политическое движение и образование Татарской АССР (1917–1920 гг.): источниковедческий аспект 338

Молотова Т.Л. Архивные материалы о принятии ислама марийцами (2-ая половина XIX – начало XX вв.) 351

Пирова Р.Н. Азербайджанцы в мусульманском общественном движении Астрахани в начале XX века 360

Салахова Э.К. Первая мировая война в судьбе татарского народа: взгляд через призму писем татарских солдат 370

Саматова Ч.Х. Особые совещания как инструмент школьной политики правительства в отношении татар-мусульман Поволжья в начале XX в. 379

Свешникова О.А. Программа огнестойкого строительства Симбирского губернского земства и ее реализация (1910-е гг.) 390

Сенюткина О.Н. Документы Нижегородского губернского жандармского управления как источник по истории нижегородских татар-мусульман начала XX века 403

Сидоренко Н.С. Динамика политической жизни на Урале в годы Первой мировой войны и накануне революции 1917 г. 409

Субботина А.М. Деятельность органов земского самоуправления по реализации всеобуча на территории Удмуртии в 1910-е гг. 418

Тараканова Н.Г. Адвокаты Среднего Поволжья в борьбе за новую Россию (конец XIX – начало XX вв.) 424

Файзрахманов И.З. Е.И. Чернышев о крестьянском движении в Казанской губернии в 1917 году 430
Фот А.Г. Отзвуки Первой русской революции в стенах Оренбургской духовной семинарии 440
Шафиков И.Ф. «Мәҗмуга аль-афкар» Сагита Сунчелея как исторический источник 448

Материалы Круглого стола «Источники по истории народов Поволжья и Приуралья позднеимперского периода»

Ахсанов К.Г. Освещение государственного переворота 23 января 1913 г. в Османской империи периодической печатью татар Поволжья и Приуралья 451
Ахтямова А.В. Источники по изучению идеологии казанских эсеров (1905–1907 гг.) 468
Гусева Ю.Н. Информация об информаторах: как и кем собирались данные о мусульманах Российской империи в начале XX века 476
Гусева Ю.Н. Образ исламского модернизма и механизмы его формирования: сбор сведений о мусульманах поволжских губерний в начале XX века 493
Загидуллин И.К. Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 года как исторический источник 506

Список сокращений 513

ПРЕДИСЛОВИЕ

С высоты XXI века, в канун столетней годовщины Октябрьской революции, научное сообщество Российской Федерации пытается сформировать свое отношение к величайшему деянию большевиков прошлого столетия и старается определить место и роль этого явления в исторической судьбе страны. Свидетельство тому – настоящая «волна» самого различного масштаба и статуса конференций, семинаров и «круглых столов», прокатившихся после летних отпусков по российским городам. Такая активность научных центров, с одной стороны, немного настораживает, потому что серьезные научные темы должны изучаться во всероссийском масштабе и региональном измерении комплексно и системно, а не по «юбилейным датам», с другой стороны – радует, потому что эта многоаспектная тема, оказавшаяся в постсоветский период по разным причинам в тени, вновь становится объектом интереса специалистов.

На мой взгляд, тема российских революций имеет два ключевых аспекта. Прежде всего – это причины, предпосылки, ход осуществления данного исторического явления, с другой – последствия революции для судеб народов страны и варианты разрешения кризисных ситуаций в истории России. Революции начала XX века – поучительный пример для любой власти, когда она игнорирует «национальный вопрос» в многонациональной стране, общественные настроения, проводит половинчатые реформы и после ослабления общественного напряжения даже старается препятствовать их реализации, теряет политическое чутье и не проявляет твердую политическую волю.

Первая русская революция 1905–1907 гг. породила Февральскую революцию 1917 г., свергнувшая с трона династию Романовых, Октябрьская революция 1917 г. установила диктатуру пролетариата, открыв новую эпоху в истории народов страны. Периодом между двумя революциями (1905–1917 гг.) определяется и хронологические рамки нашего форума.

В периоды революционных ситуаций наиболее ярко раскрываются роль личности и потенциал народов в судьбоносные моменты истории государства. Народная революция 1905–1907 гг. развивалась в русле реализации чаяний нерусских народов края, ее результаты послужили во благо социальному развитию и национальной консолидации этносов. Мани-

фесты от 17 апреля о свободе вероисповеданий и 17 октября 1905 г. о предоставлении демократических свобод, участие их представителей в Государственной думе четырех созывов и деятельности политических партий и др. факторы способствовали повышению социальной активности местных элит, национальному возрождению, ускорению модернизационных процессов. Одновременно раскрылись глубокие социальные противоречия, существующие в многонациональной стране, которые ускорили поиск соответствующей вызовам времени модели общественных отношений. Однако социальные потрясения начала XX века не смогли нарушить взаимоотношений между народами, основанных на традиционных ценностях. В отличие от ряда российских регионов в Поволжье и Приуралье сохранялось межэтническое согласие между народами. По отношению к революциям 1917 г. в силу своей малочисленности, низкого социального статуса, привычки дистанцироваться от общественно-политических процессов в стране, народы Волго-Уральского региона оказались в большей степени в роли наблюдателей, нежели участников.

Пятое по счету научное собрание исследователей, проводимое отделом новой истории и посвященное изучению вопросов социального развития и общественных процессов среди народов Волго-Уральского региона, впервые именуется нами научным форумом, что логично вытекает из масштабов и широты тематики и формата организации мероприятия. Первая конференция «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященная 80-летию известного татарского историка доктора исторических наук С.Х. Алишева (1929–2015), состоялась 24 марта 2009 г. Было опубликовано 79 докладов[1]. Тогда же было решено проводить научные мероприятия по данной перспективной теме через каждые два года.

Второе научное мероприятие – Всероссийская научная конференция (с международным участием) – было проведено 5–6 октября 2011 г. при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11–11–16502г/В). На приглашения откликнулись 74 исследователя из нескольких десятков городов и научных центров страны, оно было посвящено изучению традиций и

[1] Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященной 80-летнему юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. 428 с. + 8 с. цв. вкл.

новаций этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье в XVI – начале XX вв.[2]

Главным принципом проведения последующих мероприятий был определен хронологическо-проблемный подход при определении тематики и обсуждение нескольких актуальных тем. Так, в третьем по счету мероприятии, помимо Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII вв.)», состоялся круглый стол на тему «Понятия «чюваш» и «ясачная чюваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (6 декабря 2013 г.)[3].

19–20 ноября 2015 г. в рамках четвертого научного собрания также состоялись два мероприятия: международная научная конференция «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» с участием 40 исследователей[4] и круглый стол «Вопросы формирования и трансформаций этносословных групп Поволжья и Приуралья XVII – начала XX века» (опубликовано 8 статей)[5].

Эта традиция была продолжена в V научном форуме. 7–8 сентября 2017 г. состоялись три мероприятия: Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Народы Поволжья и Приуралья меж-

---

[2] Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. 360 с. + 12 с.

[3] Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 4. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII вв.)» и Круглого стола «Понятия «чюваш» и «ясачная чюваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.), проведенного в рамках данной конференции. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. 304 с.

[4] Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья**.** Сб. статей. Вып. 5. Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 476 с.

[5] Материалы круглого стола «Вопросы формирования и трансформаций этносословных групп Поволжья и Приуралья XVII – начала XX века» (г. Казань, 20 ноября 2015 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 302–379.

ду революциями (1905–1917 гг.)»[6], Круглый стол на тему «Источники по истории народов Поволжья и Приуралья позднеимперского периода» (статьи их участников представлены в данной книге) и семинар «Габдерашит Ибрагимов: российский период общественно-политической деятельности», посвященный 180-летию известного мусульманского общественного деятеля XX века, материалы которого размещены в журнале «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» № 7 за 2017 г.

В материалах форума социальное поведение народов края в период Первой русской революции 1905–1907 гг. реконструируется через ряд сюжетов: по новым явлениям в общественной активности преподавателей и учащихся образовательных учреждений (*Ч.Р. Миннемуллина*, *А.Г. Фот*, *А.В. Ермошин, Г.М. Мустафина*), изменениям положения лютеранских и старообрядческих общин (*А.А. Машковцев, В.В. Машковцева*), источникам об идеологии казанских эсеров и мусульман (*А.В. Ахтямова*, *И.К. Загидуллин),* несению оренбургскими льготными казачьими полками полицейской службы (*С.В. Джунджузов*), деятельности общественных деятелей П.Л. Драверт (*А.В. Ахтямова*) и Н.А. Бородин (*А.М. Дубовиков*).

Некоторые стороны жизнедеятельности народов в годы Первой мировой войны освещаются в публикациях, анализирующих отношение солдат-мусульман к этому событию, политическую жизнь на Урале и транспортные проблемы в г. Оренбурге в 1914–1917 гг. (*Э.Ф. Дэвис, Э.К. Салахова, Н.С. Сидоренко, К.А. Абдрахманов*).

Специального упоминания заслуживает исследование Н.Н. Горшковой, посвященное личным книжным коллекциям библиофилов г. Казани в начале XX века.

Ряд важных аспектов динамики социально-экономических процессов в национальных регионах затрагивается в статьях, посвященных месту Казанского Поволжья в аграрном рынке и сельскохозяйственном производстве региона в довоенный период (*М.З. Гибадуллин, А.Р. Нуриева*), трансформации налогообложения крестьянства Среднего Поволжья в начале XX века (*О.И. Марискин*) и результатам Второй Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. (*А.Х. Махмутова*).

---

[6] После пленарного заседания работа конференции продолжалась в трех секциях: «Политические партии и общественные движения народов Волго-Уральского региона в начале XX в.», «Социально-экономические процессы в национальных регионах в начале XX в.», «Социокультурное процессы в национальных регионах в начале XX в.».

Новые грани взаимодействия земств и местного населения презентуют публикации о реализации в 1910-е гг. проектов всеобуча и огнестойкого строительства в Вятской и Симбирской губерниях (*А.М. Субботина, О.А. Свешникова*).

Вопросы этносоциальной истории народов Поволжья и Приуралья освещаются через дискурс этнической солидарности и российской идентичности (*О.Н. Коршунова, М.В. Салимгареев*), а также сюжеты о некоторых этнических группах. Имеются в виду статьи о синкретической секте «Кугу-сорта» и процессе исламизации марийцев *(Л.Ю. Лепешкина, Т.Л. Молотова*), брачном рынке мордовских селений и мероприятиях по ликвидации неграмотности среди мордвы (*А.В. Кобзев, С.А. Алешина*).

Целый ряд публикаций имеет непосредственное отношение к татарам, что объясняется не только местом проведения форума, но и важной ролью этноса в этносоциальных процессах региона в начале XX века. В частности, новые явления в среде татар-мусульман раскрываются через характеристику национальной периодической печати и азербайджано-татарского взаимодействия в г. Астрахани (*М.М. Имашева, Р.Н. Пирова*), идеологической борьбы между традиционалистами и джадидистами (*Н.К. Гарипов, А.М. Бакирова*), общественной деятельности татарских предпринимателей (*Э.М. Гибадуллина, Ф.Р. Латыпов, Р.К. Вильданова*), становления светской философии в татарской литературе (*Д.Ф. Загидуллина*), а также анкету Сагита Сунчалея 1914 г., адресованную национальной интеллигенции (*И.Ф. Шафиков*), и оценку татарской периодикой государственного переворота 23 января 1913 г. в Османской империи (*К.Г. Ахсанов*).

Некоторые аспекты «национального вопроса» представлены статьями о межведомственных совещаниях как инструмента школьной политики правительства в отношении мусульман (*Ч.Х. Саматова*), организации слежки и добычи информации губернскими жандармскими управлениями (*Ю.Н. Гусева, О.Н. Сенюткина*); идеологии и организационных формах национального движения чуваш (*В.Н. Клементьев).*

Еще одной весьма заметной сюжетной линией в публикациях следует признать тему историко-культурного диалога народов на примере поступков и деятельности отдельных личностей и корпоративных групп (*Е.Н. Бекасова, О.Я. Бахарева, Е.В. Годовова, Н.Г. Тараканова*).

События судьбоносного 1917 г. в Волго-Уральском регионе запечатлены в статьях, посвященных деятельности либеральных партий и кресть-

янским выступлениям в Казанской губернии (*Л.М. Айнутдинова, И.З. Файзрахманов*), отношению оренбургских татар-казаков к революционным событиям (*Р.Р. Аминов),* особенностям проведения выборов в волостное земство на юге региона (*С.В. Любичанковский*), татарскому общественно-политическому движению в 1917–1920 гг. (*З.С. Миннуллин*).

В заключение хочу поблагодарить российских и зарубежных коллег, которые нашли время и возможность за свой счет приехать в Казань, несмотря на множество жизненных трудностей. В этом отношении форум стал подлинным олицетворением мобилизации научного сообщества во имя развития исторической науки и новых научных открытий. В ходе обсуждений и дискуссий мы осознавали, что нас сближает не только общность исторических судеб народов Волго-Уральского региона, но и стремление своими научными изысканиями объективно освещать сложные общественные процессы среди этносов. Надеюсь, что представляемые вниманию читателей материалы форума будут способствовать усилению интереса и активизации изучения истории Поволжья и Приуралья начала XX века.

И.К. Загидуллин,
доктор исторических наук

Материалы Всероссийской научной конференции «Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.)»

УДК 94

К.А. Абдрахманов

Предпринимательская деятельность оренбургских купцов в условиях Первой мировой войны

В статье рассмотрены изменения условий предпринимательской деятельности в городской среде Оренбурга в период Первой мировой войны. В начале XX века многие купеческие предприятия города были насыщены техническими средствами, употребляющими значительное количество электроэнергии. Так как действующая армия потребляла нефтепродукты в огромном количестве, то в городах за линией фронта сразу обозначилась нехватка углеводородов. Последствия топливного катаклизма сказались на снабжении горюче-смазочными материалами электростанций провинциальных городов. В связи с этим купеческие предприятия Оренбурга, являющиеся потребителями тока из городской электросети, столкнулись с проблемой снижения отпуска электричества или полного прекращения его подачи. В результате лишь незначительное меньшинство промышленных фирм, заключивших контракты на поставку оборудования и амуниции в армейские части, не ощутили в полном объеме отрицательное воздействие военного времени. Но, тем не менее, оренбургские коммерсанты продолжали в столь тяжелых условиях осуществлять свою деятельность, и при этом изыскивали материальные средства для поддержки мобилизованных земляков и родственников погибших.

Ключевые слова: Первая мировая война, автомобильный транспорт, купечество, городской трамвай, электростанция, общественный транспорт, благотворительность.

K.A. Abdrakhmanov

Business activity of Orenburg merchants in the conditions of the World War I

The article shows how World War I affected the business activity in Orenburg. In the early 20th century many of merchant enterprises of the city were full of technical equipment that consumed a lot of electrical energy. Since the active army consumed oil in large numbers, in the cities behind the front line was immediately apparent shortage of hydrocarbons. The consequences of fuel cataclysm affected the supply of fuel and lubricants for power plants of provincial cities As a result merchant enterprises in Orenburg which consumed electricity from city's electrical grid were getting lower amount of energy or weren't receiving it at all. As a result, only a small minority of industrial firms that signed contracts to supply equipment and ammunition to the army, did not feel in full negative impact of wartime. But, nevertheless, Orenburg merchants continued in this harsh conditions to carry out their activities, and even sought funds resources to support mobilized fellow countrymen and relatives of the war victims.

Keywords: World War I, automobile transport, merchants, city tram, power station, public transportation, charity.

На фоне нестабильной международной обстановки в XXI веке, связанной с экономическим и политическим противостоянием ведущих мировых держав, не ослабевает интерес к изучению военно-революционных событий начала XX века. Правильное понимание трагических событий прошлого, причин, приведших к крупномасштабным вооруженным конфликтам, должно сформировать у политических деятелей, в чьей компетенции находится определение внутри- и внешнеполитического курса страны, адекватное видение вызовов настоящего времени. Частично разрешить проблему отказа от вооруженного пути при решении спорных вопросов в межгосударственной политике призваны работы историков, выявляющие и демонстрирующие негативные стороны военных столкновений.

Первая мировая война, крупнейшая геополитическая катастрофа своего времени, затронула все регионы и категории граждан Российской империи. Оренбургская губерния, казалось бы, весьма удаленная от театра боевых действий, также понесла колоссальный экономический ущерб, как и прочие российские провинции. Наиболее чувствительной к изменениям в политике страны и состоянию экономики государства

прослойкой российского общества являлось купечество. К 1914 г. предприниматели Оренбургского края играли значительную роль в деловой и общественной жизни губернии, поэтому мировая война самым непосредственным образом повлияла на коммерческую деятельность местных купцов. Но несмотря на неблагоприятные изменения условий профессиональной деятельности, оренбургские коммерсанты не спешили отказываться от своего социального статуса в массовом порядке. Например, в 1914 г. сословные свидетельства выбрали 83 купца (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 425. Л. 3 об.–32). В следующем году количество оренбургских коммерсантов составило 81 человек (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 426. Л. 4 об.–35). В 1916 – 1917 гг. регистрацию в качестве предпринимателей продлили 79 и 77 человек соответственно (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 443. Л. 3 об.–35; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 466. Л. 1 об.–34 об.).

Изучение влияния хода и результатов Первой мировой войны на жизнь российской провинции стало популярным направлением исследований в современной региональной историографии. Отражение проблем военного времени в социально-экономической жизни Оренбургского края рассмотрела Т.Э. Лактюнкина (Лактюнкина, 2014, с. 119–122). Д.А. Сафонов в своей работе сделал акцент на региональной специфике общего развития края в условиях мировой войны (Сафонов, 2014, с. 57–65). Работу городской прессы, освещавшей в этот период, в том числе, и сюжеты материальной поддержки оренбургскими коммерсантами воющей армии, проанализировала Н.Н. Шмакова (Шмакова, 2014, с. 118–124). Проблемы бизнес-сообщества Волжско-Камского региона, вызванные военным положением, охарактеризовал в своих статьях В.В. Ермаков (Ермаков, 2014, с. 235–245).

Наиболее серьезной проблемой, с которой столкнулся Оренбург в начале войны, была нехватка ГСМ, которые в огромном количестве потреблялись действующей армией. Городская электростанция, для работы которой требовалось топливо на основе нефти, была вынуждена сократить отпуск электроэнергии на многие купеческие предприятия. В письме городского головы значилось, что «в виду сократившейся добычи топлива во всей России на 30% и прекращения его подвоза из заграницы» наблюдается значительный дефицит нефтепродуктов во всей губернии (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1465. Л. 1). «При таком положении вопроса с топливом, городская электрическая станция не имеет возможности обслуживать своих абонентов в полной мере потребления ими электрической энергии, вынуждена расход таковой сократить до нормы со-

кращения топлива, что во всяком случае может быть достигнуто лишь путем издания соответствующего Обязательного Постановления», – гласило распоряжение градоначальника (Там же).

Для экономии ставшего дефицитным углеводородного сырья вводились ограничительные меры следующего характера: «воспрещается освещение реклам, вывесок, окон и всяких витрин (за исключением газетных витрин для чтения) в торговых и иных заведениях, а также наружное освещение театров, кинематографов, магазинов, ресторанов и т.п.»; «все рестораны, кафе и прочие заведения трактирного промысла, а также клубы должны быть закрываемы не позднее 12 ч. вечера»; «гостиницы и меблированные комнаты, постоялые дворы обязаны ежемесячно расходовать только 70% того количества энергии, какое было израсходовано в соответствующем месяце предыдущего года»; «магазины, склады, банки, конторы и проч. торговые предприятия обязаны сократить потребление энергии на 40% по сравнению с соответствующими месяцами предыдущего года»; «после закрытия магазинов, допускается лишь дежурное освещение не более 16 свечей на каждое помещение»; «Фабрики, заводы, предприятия, имеющие электромоторы, при работе в одну смену обязаны заканчивать работу не позднее 4 ½ ч. дня в течении ноября, декабря и января месяцев» (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1465. Л. 1 об.–2).

Существовала довольно суровая система штрафов для предприятий и лиц, нарушающих данное постановление и превышающих нормы отбора электроэнергии из городской сети: «виновные в неисполнении настоящего Обязательного Постановления за излишне израсходованный киловатт час энергии уплачивают: первый раз по пятикратному, второй – по 10-ти кратному тарифу, в третий раз и по 10-ти кратному и подвергаются закрытию света» (Там же. Л. 2). В последующие месяцы нормы отпуска электроэнергии на вышеуказанные предприятия были в очередной раз понижены.

От подобных мер экономии, в первую очередь, пострадали предприниматели, чьи предприятия употребляли значительное количество электроэнергии, например, владельцы кинотеатров. Одним из них был купец 2-й гильдии Маркус Заселович Брауде, которому принадлежал кинотеатр «Кино-Палас». Однако содержащиеся в архивных документах сведения дают возможность предположить, что проблема с электроснабжением купеческих предприятий имела не один источник. Как отметил В.В. Ермаков, «на предприятиях, принадлежавших российским

гражданам, надлежало в срок до 1 апреля 1915 г. уволить всех служащих, являвшихся подданными неприятельских стран» (Ермаков, 2014, с. 236). Во исполнение данного постановления, персонами нон грата в Оренбурге были объявлены немецкие подданные, обеспечивающие функционирование городской электростанции и обслуживающие всю электросеть губернской столицы.

В рапорте помощника заведующего электростанцией говорилось, что «на основании распоряжения г. Главноначальствующего об увольнении со службы всех немцев подданных воюющих с Россией государств, мною уволены с электрической станции следующие лица: инженер Ф.Г. Шмидт, инженер Г.К. Кильштейн, работавшие над проектом расширения станции и трамвая» (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1488. Л. 132). Техник Паппенгеймер, работавший по ремонту и проверке счетчиков, монтер Риггер, работавший главным образом по расширению сети, монтер Гершат, работавший по ремонту линии, устройству вводов и контролю счетчиков (Там же. Л. 132–133). Обращает на себя внимание тот факт, что сектора ответственности, закрепленные за данными специалистами, как раз и были рассчитаны на увеличение абонентов электростанции, реализацию проектов общегородской значимости и ремонт энергооборудования. Без привлечения этих квалифицированных специалистов так и не состоялись запланированное расширение генерирующих мощностей электростанции и появление в городе современного общественного транспорта.

Задача ограждения промышленных и других коммерческих предприятий от проникновения в руководящий состав, да и просто в число служащих, лиц, находящихся в подданстве воюющих с Россией государств, предусматривала такие меры, как внесение в учредительные документы новообразованных фирм положений о приеме на работу или увольнении иностранных граждан. Поэтому оренбургские коммерсанты, чья деятельность пришлась на военные годы, прописывали в уставе своих предприятий требования, соответствующие внешнеполитической конъюнктуре того времени. Так, в 1917 г. для продолжения принадлежащей Торговому Дому «А.Зарывнов с сыновьями» торговли мануфактурными товарами русского и иностранного производства, а также зерном в натуральном и переработанном виде и другими товарами, в Оренбурге было учреждено Торгово-промышленное товарищество на паях «А.И. Зарывнова сыновья». Учредителями товарищества стали: коммерции советник Иван Алексеевич Зарывнов, оренбургский первой гильдии купец Федор Алексеевич

Зарывнов и потомственный почетный гражданин Яков Алексеевич Зарывнов (ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 70. Л. 2).

Устав Торгово-промышленного товарищества на паях «А.И. Зарывнова сыновья» был утвержден министром торговли и промышленности А.И. Коноваловым 3 мая 1917 г. на основании постановления Временного правительства от 1-го марта 1917 г. В этом внутреннем регламенте были задекларированы положения об освобождении с занимаемых должностей всех иностранных подданных, чьи государства в данный момент вели боевые действия против России. «Подданные воюющих с Россией держав не могут принимать никакого участия в управлении и заведывании делами, а также отдельными предприятиями и имуществами товарищества, в частности же устраняются от занятия должностей директоров правления, кандидатов к ним, директоров-распорядителей; подданные этих государств не могут состоять техниками, приказчиками и вообще служащими товарищества» (Там же. Л. 2, 6). «Совершенное устранение подданных воюющих с Россией держав от какого бы то ни было участия в управлении делами товарищества, а также от службы в нем, распространяется в полном объеме и на подданных государств, вступивших в войну с Россией уже после занятия означенными лицами соответствующих должностей», – было указано в документе (Там же. Л. 6–6 об.).

Возвращаясь к понесшему убытки хозяину кинематографа «Кино-Палас» М.Брауде, стоит отметить, что этот купец, стремясь как можно скорее решить проблему с электроснабжением своего заведения, писал в городскую управу: «Если мотивом закрытия энергии для дела только желание сделать экономию в нефти, то я прежде всего могу дать городу то количество ее, которое нужно для дачи света моему кинематографу» (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1465. Л. 10). Другой предприниматель – собственник, открывшегося в 1914 г. кинематографа «Аполло» – Петр Федорович Панкратов – также имел возможность приобретать топливо для собственного генератора, обеспечивающего светом его усадьбу. Получается, что люди, обладающие финансами и связями, могли, невзирая на дефицит нефтепродуктов, приобрести необходимое для собственных нужд сырье. Исходя из этих сведений, можно предположить, что «энергетический голод» в Оренбурге был в большей степени связан с отсутствием на городской станции опытного обслуживающего персонала, уволенного в силу национальной принадлежности, а не из-за проблем с поставками топлива.

Также тяжелое экономическое положение страны в военное время и отсутствие на электростанции опытных рабочих рук не позволили завершить проект замены уличного керосинового освещения электрическим, рассчитанный на 1913–1916 гг. Одним из подрядчиков работ по переводу освещения города с керосина на электричество был оренбургский купец 1-й гильдии Никита Архипович Смочилин. Этот коммерсант владел магазином, располагавшимся напротив кафедрального собора в собственном доме, и еще одним – розничным на Гостинодворской улице. Купец Смочилин торговал железными и стальными инструментами, товарами из меди, олифой, тертыми красками, и другой лакокрасочной продукцией. В 1915 г. из его магазина на нужды городской электростанции в рамках проекта замены керосинового освещения электрическим было поставлено товара на сумму 8 руб. 33 коп. Ассортимент поставки включал: железо, заклепки, болты, тинктуры, алюминий и т.д. (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1440. Л. 247). Вторая партия товара, состоящая из железа и проволоки, принесла прибыль Смочилину в 34 руб. 59 коп. (Там же. Л. 267). За неимением сведений, дающих представление о степени финансовой вовлеченности Смочилина в городские энергопроекты, нельзя точно сказать о размере понесенного им ущерба в результате приостановки сотрудничества, но в 1917–1918 гг. он продлил сословную регистрацию уже в качестве купца 2-й гильдии вместо 1-й, что предполагает уменьшение размера его капитала (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 466. Л. 3 об.; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 467. Л. 3).

Стоит добавить, что оренбургская электростанция даже в довоенные годы не могла обеспечить энергией все возрастающее количество абонентов в полном объеме из-за своей небольшой мощности. В этот период администрация города активно обсуждала проект запуска трамвайного движения в Оренбурге. Предполагалось, что в целях недопущения перегрузки мощностей городской подстанции, коммерсанты, желающие инвестировать капиталы в городской транспорт, также должны будут возложить на себя решение вопроса с электроснабжением проекта. Пока план ввода в строй городского трамвайного парка и сроки его реализации не были утверждены, в Управу поступило альтернативное предложение. Предприимчивые люди из других городов империи в 1908 г. направили властям Оренбурга прошение об открытии в городе автомобильного движения по перевозке пассажиров и грузов. Осуществить столь амбициозный проект решилась представительница торгового сословия города Ревеля – Ирина Антоновна Гейнрехсен. Через своего представителя и компаньона, ниже-

городского купца Мелентия Яковлевича Кожебаткина она осуществляла контакты с руководством Оренбурга и местными предпринимателями (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1344. Л. 1–1 об.).

В заявлении, составленном купцом Кожебаткиным, говорилось: «Городское управление, желая разрешить предпринимателям устроить электрический трамвай для перевозки публики по городу Оренбургу без эксплуатации в городе электрического освещения, строить электрическую станцию специально только для трамвая, для предпринимателей не представляет интереса, а потому взамен трамвая я предлагаю Общественному Городскому Управлению поставить автомобили, которые специально будут построены с первым и вторым классом, в два этажа, вмещающие в себя каждый 35 человек. Автомобили эти будут развивать скорость хода около двадцати верст в час, а для принятия пассажиров будут приостанавливаться перед каждой поперечной улицей. Автомобили будут проходить по тем самым улицам и дорогам, которые отмечены для трамвая в плане города Оренбурга. Время и работоспособность автомобилей желательно определить так: начинать движение с весны тотчас же, как будут очищены улицы от снега и осенью оканчивать, как выпадет снег. Время открытия движения по городу должно быть обязательно для г. Гейнрехсен с семи часов утра и до девяти часов вечера, работа же более этого времени г. Гейнрехсен оставляет право за собой. Пути, намеченные в плане, проходящие через весь город должны быть разделены на две станции, плата за провоз пассажиров будет взиматься в первом классе по шесть копеек, а во втором – по четыре коп. за станцию с пассажира. Автомобили во все время с каждой станции будут выходить через каждые семь минут» (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1344. Л. 2–2 об.).

Иногородние коммерсанты в качестве страховки от серьезных убытков и ограждения своего дела от притязаний конкурентов, желали получить многолетнее монопольное право на все, что было связано с городским транспортом[1]. Г.Гейнрехсен обязуется со дня заключения с городом

[1] «Ввиду крупного затрата капитала и нового дела движения, первые годы надо ожидать убытков, моя доверительница просит от города концессию на двадцать пять лет с правом, если предпринимательница найдёт для себя выгодным, перевести автомобильное дело по тем же дорогам на электрический трамвай. Кроме того в настоящее время доверительница у города просит отвести ей в собственность пустопорожнее место рядом с элеватором для постройки помещения служащим ремонтных мастерских и лабазов для установки подвижного состава, а впоследствии, если придётся строить станцию для электрического трамвая еще место для электрической станции» (Там же. Л. 2 об.).

контракта открыть движение не позднее как через шесть месяцев, при этом заявляет, что для солидности этого дела будет основано паевое Товарищество или Акционерное общество», – предполагало прошение Мелентия Кожебаткина и Ирины Гейнрехсен (Там же. Л. 2 об.).

К текстовой части плана по устройству автомобильного движения купец Кожебаткин прилагал «…два рисунка моторных омнибусов. Один из них одноэтажный, вмещающий в себя 30 человек, а другой двухэтажный на 34 человека (Там же. Л. 25 об.).

Для подробного рассмотрения плана запуска в городе автомобильного движения была создана специальная комиссия, заседание которой состоялось 3 октября 1908 г. Председательствовал городской голова Н.В. Кузьмин, присутствовали члены комиссии: О.Ф. Граф, И.Т. Соколов, В.С. Мошков, Н.Е. Богачев, Н.И. Бутовский, М.П. Пятницкий, Д.А. Холодковский, заведующий электрической станцией инженер Б.К. Яновский и доверенный М.Я. Кожебаткин (Там же. Л. 6–6 об.).

Вступление России в Первую мировую войну сорвало грандиозные планы по модернизации инфраструктуры Оренбурга. Проекты трамвайного и автомобильного движения по городу так и остались на бумаге.

Несколько в стороне от проблем с поставками электроэнергии, нехваткой рабочих рук из-за мобилизации взрослого мужского населения и общим отсутствием спроса на производимый товар оказались те купеческие предприятия, продукция которых была востребована российской армией. Современные исследователи истории Оренбуржья отмечали, что «в промышленном отношении Оренбургская губерния заметно уступала другим районам России» (Лактюнкина, 2014, с. 120), и «в крае не было крупных предприятий, чье производство было бы принципиально важно для нужд фронта. То, что производилось на предприятиях края, можно определить как производство «второй очереди»» (Сафонов, 2014, с. 61).

Одним из предприятий, удачно заключивших контракт с государством на поставку военной продукции, было производство временного оренбургского купца 2-й гильдии Федора Карловича Эверта. На чугунолитейном и механическом заводе Эверта в Оренбурге был размещен государственный заказ на изготовление 260 тыс. ручных гранат и 100 тыс. корпусов артиллерийских снарядов для 9-сантиметровых бомбометов, которые изготавливались в Главных мастерских Ташкентской железной дороги. Акционерное общество «Орлес» получило заказ на сборку деревянных ящиков для гранат, снарядов и мин (Лактюнкина, 2014, с. 120). Из предприятий пищевой промышленности поставщиком российской

армии являлась Оренбургская консервная фабрика Серова и Попова (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1465. Л. 47). Заказы на изготовление обуви для армии получили 16 кожевенных заводов и мастерских губернии. Промышленные предприятия региона, не обеспеченные оборонными заказами, вынуждены были свертывать производство из-за нехватки сырья, топлива, оборотных средств, поэтому их количество сократилось на одну треть (Злобин, 1996, с. 30).

Помимо прочего на оренбургскую торговую аристократию возлагалось исполнение различных постановлений правительства, целью которых являлось выявление и подсчет материальных ресурсов, находящихся в распоряжении провинциальных городов. Так, в 1915 г. была сформирована особая комиссия по выяснению запасов топлива угля, нефти, дров и торфа в г. Оренбурге, председателем которой был назначен городской голова В.Н. Ладыгин. В состав этого органа вошли местные крупные коммерсанты (И.В. Путолов, А.П. Зизелев, В.М. Пимонов, Н.А. Смочилин, П.В. Мошков, Гольденцвайг) (ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 431. Л. 6).

В тяжелые для страны военные годы предприниматели всех городов России старались материально поддерживать своих земляков, мобилизованных в действующую армию. Как писал В.В. Ермаков, «условия Первой мировой войны заставили представителей российского общества определиться со своей гражданской позицией. Деловые круги вынуждены были изменить основные направления своей благотворительной деятельности» (Ермаков, 2014, с. 242). Здесь, вероятно, историк имел в виду, что купечество, традиционно жертвовавшее значительные суммы на призрение неимущих и строительство культовых сооружений, включило в программу финансовой помощи и солдат, выполняющих свой долг на фронте. Например, на страницах газеты «Оренбургское слово» солдаты действующей армии Михаил Ерофеев, Тихон Хрулев, Андрей Решетников и их сослуживцы 2-й роты 100-го Островского полка выразили глубокую благодарность торговому дому «Василий Юров и сын» за подарки, отправленные им на фронт (Шмакова, 2014, с. 121). Другой известный коммерсант Оренбурга – Петр Федорович Панкратов – осенью 1915 г. передал 50 руб. на приобретение полушубков для команды полевого подвижного госпиталя. Благодаря финансовой помощи купечества 8 сентября 1915 г. было открыто второе отделение приюта Святой Ольги, рассчитанное на размещение 100 сирот, чьи отцы погибли на полях сражений (Шмакова, 2014, с. 120).

Подводя итог, можно говорить о том, что потрясения военного времени оказали непосредственное и по большей части негативное влияние на развитие индивидуального предпринимательства в Оренбуржье. В самом губернском центре многие проблемы частного сектора экономики были связаны с нехваткой топлива для электроснабжения города и невозможностью провести модернизацию электростанции из-за отсутствия специалистов и средств. Череда потрясений, вызванных мировой войной и революционными событиями, не позволила деловым кругам воплотить в жизнь планы по решению транспортных проблем Оренбурга. Но, несмотря на очевидное изменение условий профессиональной деятельности коммерсантов в худшую сторону, массового оттока из рядов оренбургского купечества на протяжении военных лет не произошло.

Источники и литература

1. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 425.*
2. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 426.*
3. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 431.*
4. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 443.*
5. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 466.*
6. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 467.*
7. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1344.*
8. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1440.*
9. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1465.*
10. *ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1488.*
11. *ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 70.*
12. *Ермаков* В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Нижнем Прикамье в условиях Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сб. статей. науч. конф. Казань, 2014. С. 235–245.
13. *Злобин* Ю.П. Развитие промышленности Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX века // Материалы XX преподавательской и XXXVIII студенческой научно-практической конференции Оренб. гос. пед. инс-та. Оренбург, 1996. С. 28–33.
14. *Лактюнкина* Т.Э. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение Оренбургской губернии// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10–3 (48). С. 119–122.

15. *Сафонов* Д.А. Первая мировая война и провинция (на материалах Оренбургской губернии) [Электронный ресурс] // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. 2014. № 3 (11). С. 57–65. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/10_11_2014.pdf

16. *Шмакова* Н.Н. Оренбургская пресса о милосердии и благотворительности в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. 2014. № 1 (9). С. 118–124. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/19_9_2014.pdf

Абдрахманов Константин Алексеевич – аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург); e-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Abdrakhmanov Konstantin Alekseevich – Postgraduate of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)

УДК 9(с)1

Л.М. Айнутдинова

Либеральные партии Казанской губернии в 1917 г.: от триумфа до поражения

С началом Первой мировой войны деятельность либеральных партий на местах практически прекратилась. Свержение царизма в результате Февральской революции 1917 г. и провозглашение демократических прав и свобод привели к исчезновению монархических партий и оттоку части их членов в Конституционно-демократическую партию, которая становится ведущей либеральной партией Российской Империи. В Казанской губернии организационное оформление губернского комитета партии кадетов происходит в марте 1917 г. Казанская губернская организация была одной из самых многочисленных в Поволжье. Весной и летом 1917 г. их влияние среди городского населения было достаточно высоким. Они проводили активную агитационную деятельность, занимали ведущие позиции в Казанской городской думе. Октябрьский переворот привел либералов к полному их краху, кадеты явились одной из первых жертв большевистского террора, что проявилось повсеместно по стране, в том числе и в Казанской губернии. Кадетам в конкретных политических, экономических и социальных условиях марта–октября 1917 г. реализовать свою программу не удалось.

Ключевые слова: революция, Россия, Казанская губерния, либерализм, Конституционно-демократическая партия, кадеты, большевики.

L.M. Aynutdinova

Liberal parties of the Kazan Province in 1917: from triumph to defeat

With the beginning of the World War I, the activities of local liberal parties practically stopped. The overthrow of tsarism in the February revolution of 1917 and the proclamation of democratic rights and freedoms led to the disappearance of the monarchist parties and the Exodus of some of their members to the Constitutional democratic party, which became the leading liberal party in the Russian Empire. In Kazan province the institutionalization of the provincial Committee of the Cadet party took place in March, 1917. The Kazan provincial organization was one of the most largest in the Volga region. In the spring and summer of 1917 their influence among the urban population was high enough. They conducted an active propaganda activities, have occupied the leading positions in the

Duma of the Kazan city. The October revolution brought the liberals to their complete collapse, the cadets were one of the first victims of the Bolshevik terror, which manifested itself everywhere in the country, including Kazan province. Cadets in specific political, economic and social conditions of March–October 1917 has failed to realize their program.

Keywords: revolution, Russia, Kazan province, liberalism, Constitutional democratic party, the cadets, the Bolsheviks.

Февральская революция 1917 г. способствовала стремительному росту Конституционно-демократической партии – ведущей либеральной партии Российской империи. Революция сняла многие тактические и программные различия и разногласия, имевшие место между либеральными партиями. Октябризм, как политическое течение, окончательно исчезает с политической арены, хотя отдельные видные члены «Союза 17 октября» входили в состав Временного комитета членов Государственной думы и первые составы Временного правительства (М.В. Родзянко, А.И. Гучков, И.В. Годнев). Представительство интересов российской буржуазии окончательно перешло к кадетам, фактически единственной сохранившейся общероссийской либеральной партии.

Центральный комитет Конституционно-демократической партии превратился в полном смысле слова в политический штаб российского либерализма. В марте–апреле 1917 г. в стране действовало уже более 380 кадетских комитетов, а общая численность партии составляла около 70 тысяч человек (Секиринский, 1995, с. 267). В нее хлынули бывшие члены «Союза 17 октября», партии прогрессистов и даже некоторые представители правых монархических организаций. Несмотря на стремление ЦК партии создать как можно более дисциплинированную и централизованную организацию, вследствие наводнения ее разнородными социальными элементами, кадетские организации приобрели еще большую аморфность.

После Февральской революции 1917 г. сама жизнь заставила их пересмотреть Программу и Устав партии, обновить ЦК, постоянно менять политическую линию поведения в зависимости от стремительно меняющейся обстановки в стране. Новый масштаб приобрела пропагандистская деятельность кадетов: в свет вышли сотни брошюр, были прочитаны тысячи лекций, кадетские агитаторы выезжали на фронт, вели многочасовые дискуссии с представителями других партий, устраивали концерты и т.п. Однако, если в центре кадеты после свержения царя заняли лидирующие позиции, то ситуация на местах не везде внушала им оптимизм.

К моменту Февральской революции в Казани не было организационно оформленных партий. Одним из первых организовался губернский комитет партии кадетов. Казанская городская организация кадетов выросла очень быстро. Организационное собрание членов комитета состоялось уже в марте 1917 г., на нем был избран губернский комитет. Самыми острыми вопросами перед восстановившейся группой стали агитационный и организационный. Барон А.А. Симолин, избранный председателем Казанского губернского комитета, отмечал, что партия «народной свободы» в Казани возобновила активную работу 27 февраля 1917 г., но первое организационное собрание ее комитета состоялось лишь 12 марта и только 17 марта прошло первое многолюдное собрание казанских кадетов (Ионенко, 1996, с. 61). Несмотря на все трудности в течение лета 1917 г. возникли отделения в Арске, Козьмодемьянске, Лаишеве, Спасске, Тетюшах, Царевококшайске, Мариинском посаде (Чебоксарский уезд), Чистополе (Вестник, 1917, с. 44). Казанская городская организация являлась одной из самых крупных в Поволжье. В ней числилось около 800 чел. (в Самаре – 300 чел.). Кроме того, в Казани существовали две автономные студенческие фракции – в Духовной академии и Казанском университете (в университете группу в количестве 80 человек возглавлял Б.В. Нечкин). В состав Казанского губернского комитета партии кадетов вошел цвет городской интеллигенции: профессор М.М. Хвостов (директор Высших женских курсов), профессор А.Е. Арбузов, приват-доцент П.И. Пономарев и др. Влияние их среди городского населения было достаточно высоким. Кроме того, их активно поддерживали торгово-промышленная буржуазия и духовенство.

Губернский комитет весной и летом 1917 г. вел большую работу по укреплению партийной организации в Казани и губернии. Было воссоздано партийное издательство «Благо народа», продолжалось издание ежедневной газеты «Камско-Волжская речь». Создавались партийные клубы, библиотеки. Как отмечалось на втором губернском съезде, и в уездах стало заметно влияние кадетов. Особое внимание уделялось студенчеству, как наиболее активной части населения: перед ними нередко выступали лидеры партии А.Г. Бать, Н.П. Гусев, Ф.Ф. Иванов, М.С. Венецианов, М.М. Хвостов и др. Кадетская студенческая группа была настолько популярной, что во время выборов в Совет университета студенческих депутатов, им удалось провести 30 своих депутатов, тогда как блок семи социалистических партий получил 50 мест (Вестник, 1917, с. 44).

В период между февралем и октябрем 1917 г. в Казани состоялось три губернских съезда партии. Первый съезд состоялся 17–18 июля 1917 г., на котором присутствовали делегаты от семи уездных комитетов и г. Казани. Съезд состоялся в период, когда Временное правительство пыталось покончить с большевизмом. В Казанской губернии были произведены аресты большевиков, левых эсеров, активно участвующих в революционной борьбе. Съезд принял резолюцию, выражающую отношение местных кадетов к происходящим в стране событиям. По мнению лидеров губернской организации, правительство социалистов, которое находится у власти, вместо того, чтобы объединить вокруг себя все демократические силы, отпугивает от себя все эти силы, провозглашая принцип классовой борьбы. «Для спасения России, – заявляли они, – необходима единая твердая власть в лице правительства коалиционного не только по названию, но и по существу и в этом коалиционном правительстве должны участвовать члены партии народной свободы» (Камско-Волжская речь, 1917, 19 июля).

Почти все делегаты съезда от уездных комитетов отмечали, что на местах население сильно запугано радикальными организациями, которые нередко грозят физической расправой тем, кто сочувствует кадетам. Было замечено, что партия встречает сочувствие не только среди горожан, но и в сельской местности, особенно в среде зажиточных крестьян. С другой стороны, почти все отметили, что в уездах власть как таковая отсутствует. Частая смена комиссаров в уездных центрах и городах была обычным явлением. Например, в Чебоксарском уезде с 5 марта по 2 июля 1917 г. сменилось 4 комиссара, и так было почти в каждом уезде (Валеев, 1972, с. 84).

Второй губернский съезд партии «народной свободы» состоялся 29–30 августа. Он был созван в срочном порядке в связи с корниловским мятежом. Необходимо было выработать тактику губернской организации, тем более что ЦК в лице П.Н. Милюкова высказался за диктатуру, т.е. по сути, за поддержку мятежа. В работе съезда участвовало 115 человек. Председателем был избран А.А. Симолин. Отчитываясь о деятельности партии в губернии, он отметил явный рост популярности их организации в народных массах, особенно среди горожан. Среди достижений губернской организации отмечались факты образования в двух уездах партийных клубов, получение в двух уездах на выборах в Городские думы почти 90% голосов, а в двух других – до 50%. Положение партии в уездах качественно изменилось – если на предыдущем губерн-

ском съезде почти все уездные делегаты жаловались на притеснения со стороны представителей левых партий, которые устраивали общественные травли против кадетов, то теперь большинство представителей уездных комитетов особо заметили, что на местах позиции левых очень слабы, а среди населения проявляется усталость от крайностей.

Особо обсуждался вопрос о текущем моменте. А.Г. Бать по поводу августовского Московского совещания отметил, что оно имело некоторое значение для народа, но не такое, как ожидалось. Останавливаясь на роли Советов солдатских и рабочих депутатов, он признавал за ними в прошлом, как большие заслуги, так и большие грехи, особенно нежелание отгородиться от большевизма, и подчеркнул, что в дальнейшем Советы должны существовать как профессиональные организации. По поводу корниловского мятежа губернский съезд принял резолюцию, подтверждающую, что законной властью в стране является только Временное правительство. Съезд особо отметил, что члены казанской губернской организации партии «народной свободы» осудят любое выступление против законного правительства, откуда бы оно не исходило (Камско-Волжская речь, 1917, 1 сентября). Данной резолюцией съезд продемонстрировал свое несогласие с генеральной линией ЦК партии во главе с П.Н. Милюковым на поддержку переворота и установления диктаторской власти, принятой 11–12 августа 1917 г. Своим участием в заговоре Корнилова руководство кадетской партии вызвало возмущение не только народных масс, но и рядовых членов партии в провинции, которые осудили политику своих лидеров и заявили, что выступят против любого незаконного действия против законной власти, ибо это противоречит основным либеральным принципам.

Еще в момент возобновления своей деятельности в марте 1917 г. губернский комитет продекларировал основные свои политические требования – стремиться к установлению в России демократической парламентской республики, сохранять верность соглашениям с союзниками в войне, укреплять армию, при этом твердо следовать партийным принципам: обеспечение гражданских свобод, равенства, полного господства народной воли и социальной справедливости (Камско-Волжская речь, 1917, 11 апреля). Все эти установки комитет проводил в жизнь на протяжении всего 1917 г., иногда даже вопреки желаниям народа. Например, в Спасске в мае 1917 г. состоялся уездный съезд крестьян, который постановил отобрать землю и инвентарь в земельные комитеты для передачи в пользование нуждающимся крестьянам. Комиссар Спасского

комитета общественной безопасности член партии кадетов Геркен объявил решения съезда недействительными, вследствие чего, на следующем съезде в июне 1917 г. его переизбрали (ЦГА ИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 204. Л. 23–24).

Вплоть до октябрьских дней 1917 г. Партия «народной свободы» сохраняла достаточно крепкую позицию, особенно в Казани. Весной–летом 1917 г. параллельно с вновь созданными органами власти продолжали действовать и органы местного самоуправления, в которых нередко превалировали представители либерального движения. На выборах в Казанскую городскую думу в октябре 1917 г. партийный список партии «народной свободы» набрал наибольшее количество голосов. Незадолго до выборов в думу 26 сентября 1917 г. ими была выпущена предвыборная газета «Свободный избиратель», содержащая основные политические требования партии и партийный список кандидатов в гласные. В нем фигурировали и некоторые лидеры бывшей партии октябристов (в том числе А.Н. Боратынский и И.В. Годнев), что еще раз подтверждало факт объединения либеральных сил края. В списке были перечислены самые известные личности города, многие из которых уже неоднократно избирались гласными Городской думы, что особо отмечалось в газете. Кому как не им лучше всего были известны проблемы населения города и способы их решения. На выборы в Городскую думу пришли всего 34092 человека, что составляло всего 25% избирателей. Из них, за кадетов проголосовало 9167 (26,9%), в результате чего они получили 30 мест (27,5%); социал-демократы (большевики) – 22 места (19,2%), левые эсеры – 15,8%, Социалистический блок (правые эсеры и меньшевики) – 14,6%, Мусульманский социалистический комитет – 6%; остальные партии по одному месту (НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 102. Л. 146–148; Татария, 1957, с. 395–397). Как видим, даже одержав численную победу, кадеты не могли рассчитывать на влияние в Думе, так как в сумме представители социалистических партий составляли значительное большинство. Но, с другой стороны, победа на выборах кадетов является показателем сохраняющейся популярности партии среди населения. Чем же можно объяснить, что за несколько дней до Октябрьской революции городское население, голосовавшее незадолго до этого за эсеров и меньшевиков, вдруг изменило свое отношение и проявило умеренность позиций? Может быть, это произошло из-за того, что основную часть городского населения составляли мещане и обыватели, выступающие за постепенное изменение жизни, за ее эволюционное разви-

тие. Их пугал процесс большевизации местных органов управления и близкая перспектива перехода к ним государственной власти, отсутствие ее преемственности со старым строем. Основная часть городского населения предпочитала жить в условиях буржуазно-демократической парламентской республики. Испугавшись возможности установления диктатуры пролетариата, городские обыватели, до этого нередко проявлявшие индифферентность и инертность в отношении своих избирательных прав, на октябрьских выборах в Городскую думу проявили максимальную активность.

Осенью 1917 г. в стране назрел очередной кризис власти. 14 сентября в Москве состоялось Демократическое совещание, на котором была окончательно отвергнута коалиция с кадетами во Временном правительстве. Как отмечала местная «Камско-Волжская речь», на совещании победила точка зрения В.И. Ленина, который первым «поднял клич против коалиции. Он первый начал вести агитацию за захват власти исключительно пролетарскими органами» (Камско-Волжская речь, 1917, 22 сентября). Буржуазия в лице кадетской партии окончательно была отстранена от участия во власти. Демократическое совещание не привнесло каких-либо существенных изменений в сложившееся положение в верхах. Разгром корниловского мятежа и провал Демократического совещания, как известно, коренным образом изменили обстановку в стране. Во второй половине сентября началась повальная большевизация Советов. Старые органы власти теряли последний авторитет. Аналогично складывалась ситуация и в Казани. Осенью в Казани началась открытая травля кадетской газеты «Камско-Волжская речь». На страницах социалистических изданий от имени рабочих и солдат раздавались призывы бойкотировать ее. Иногда от словесных угроз переходили к физическим. В начале октября были перерезаны провода в типографии, где печаталась газета (ЦГА ИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 200. Л. 52). А после октябрьского переворота, кадеты явились одной из первых жертв большевистского террора. Уже утром 28 ноября 1917 г. без каких-либо на то оснований были арестованы только что избранные в Учредительное собрание лидеры партии (Ф.Ф. Кокошкин, А.И. Шингарев, П.Д. Долгорукий и др.). Вечером того же дня В.И. Ленин подписал постановление «Об аресте вождей гражданской войны против революции», по которому партия кадетов объявлялась «партией врагов народа». На местах постановление было воспринято как приказ к уничтожению всех кадетов без исключения. И только неуверенность большевиков в собственных силах не по-

зволили реализовать его в полной мере. Благодаря этому некоторые отделения партии кадетов продолжали свою деятельность на большевистской территории до лета 1918 г.

Большинство представителей либерального движения были возмущены большевистским переворотом и захват ими власти считали незаконным. Часть из них вошла в состав ряда организаций, в том числе и в Комитет спасения Родины и революции, в которых вели борьбу против большевиков. После издания постановления, запрещающего деятельность партии кадетов и ставящего ее вне закона, были закрыты центральные органы кадетской партии, ее клубы, а жизнь видных ее членов оказалась под угрозой ареста и даже расстрела. 30 ноября 1917 г. органы Советской власти Казани провели обыски у всех членов Городской думы, принадлежащих к партии кадетов, а также в редакции газеты «Камско-Волжская речь». Однако никаких серьезных улик эти обыски для обвинения в контрреволюционной деятельности последних не дали. Тем не менее, следуя указаниям Совета Народных Комиссаров, организация кадетской партии в Казани была запрещена. 14 декабря по постановлению Казанского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов была закрыта газета «Камско-Волжская речь». В других городах Поволжья такие постановления вышли в 1918 г., уже после разгона Учредительного собрания. Оказавшись вне закона, активные члены партии были вынуждены уйти в подполье.

Последняя страница легальной деятельности Казанского губернского комитета партии кадетов связана с выборами в Учредительное собрание. Кандидаты в него были избраны на заседании губернского комитета партии еще 11 октября 1917 г. В своем отчете в ЦК партии руководители казанских кадетов отмечали, что «особенности избирательной кампании в Казанской губернии те же, что и в других губерниях, т.е. полная неподготовленность населения к выборам в Учредительное собрание, вследствие чего несомненно огромная часть населения совершенно уклонится от участия в выборах. Шансы наши по губернии невелики и было бы удачей, если бы удалось провести трех кандидатов, надеясь на городское население, на торгово-промышленный союз, постановивший поддерживать целиком наш список и на духовенство, оказавшее сильную поддержку партии своей агитацией на выборах в Городскую думу» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1024. Л. 5 об.). На выборах в Учредительное собрание партия выступала самостоятельно. Среди рабочих и военных их сторонников почти совсем не было. Многие из сочувствующих боялись заявить о своей под-

держке партии кадетов. По сути дела, уже в эти дни последние находились в полулегальном положении. На выборах в Казани участвовало 180 тыс. человек (около 57% избирателей), из них за конституционных демократов проголосовало всего лишь 20044 человека (т.е. всего около 11%) (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1024. Л. 6). Если учитывать положение в котором они находились, то и эта цифра свидетельствует о том, что у них еще был шанс принять активное участие в работе Учредительного собрания (в целом по стране партия набрала всего 4% голосов).

В одном из последних сообщений губернского комитета говорилось, что «результаты выборов могли бы измениться, если бы были соединены списки духовенства и мирян. Злоупотребления были во всех участках, солдаты голосовали по 3–4 раза. Поводов для кассации создать не удалось. Гонения на партию есть. Были произведены обыски более чем у 20 членов партии, в том числе у кандидата Васильева (Александр Васильевич), закрыта газета. Могут быть и аресты» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1024. Л. 6). Если учесть, что кадеты никогда не отличались своей революционностью и радикализмом, а членами партии чаще всего являлись добропорядочные граждане, то можно представить, как создавшаяся ситуация их напугала. Открыто выступить против диктаторского режима большевиков хватило сил не у всех. Поэтому не удивительно, что часть казанских кадетов в последующем отошла от активной политической деятельности. И лишь немногие встали на путь борьбы с большевистским режимом.

Таким образом, кадетам в конкретных политических, экономических и социальных условиях марта–октября 1917 г. реализовать свою программу не удалось. Их надежды на политическую консолидацию общества после свержения самодержавия не оправдались. В обществе происходили диаметрально противоположные процессы. Усилились дезинтеграционные процессы в национальных регионах. Стремительно росли инфляция, нужда и отчаяние беднейших слоев населения. В этой ситуации могли помочь немедленные решения, которые руководство партии «народной свободы» откладывало на неопределенное время до окончания войны и созыва Учредительного собрания.

Источники и литература

1. *ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1024.*
2. *НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 102.*
3. *ЦГА ИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 200.*

4. *Валеев* Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье (июль–октябрь 1917 года). Казань, 1972. 153 с.

5. *Вестник* партии народной свободы. 1917. 31 авг.

6. *Ионенко* С.И. А.А. Симолин и деятельность Казанского комитета партии народной свободы // Интеллигенция Татарстана в период реформ и революции первой трети XX в. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 100-летию Г.Шарафа, 3–4 дек. 1996. Казань, 1997. С. 60–63.

7. *Камско-Волжская речь*. 1917. 11 апр.

8. *Камско-Волжская речь*. 1917. 19 июля.

9. *Камско-Волжская речь*. 1917. 1 сент.

10. *Секиринский* С.С., *Шелохаев* В.В. Либерализм в России. М., 1995. 286 с.

11. *Татария* в борьбе за победу пролетарской революции: Сборник документов и материалов. Казань, 1957. 508 с.

Айнутдинова Лариса Махмутовна – кандидат исторических наук, заведующая центром регионоведения и социокультурных исследований, ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (г. Казань); e-mail: a-lora@yandex.ru

Aynutdinova Larisa Makhmutovna – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center of regional studies and socio-cultural researches, Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 37.014.22

С.А. Алешина

Проблема ликвидации неграмотности мордвы Урало-Поволжского региона (конец XIX – начало XX века)

В статье анализируется состояние образования мордовского населения Урало-Поволжского региона, рассматриваются основные направления работы по ликвидации неграмотности, отмечаются позитивные и негативные стороны образовательной политики.

Ключевые слова: школа, грамотность, учебные заведения, национальная школа, мордовское население, ликвидация неграмотности.

S.A. Aleshina

The problem of the eradication of illiteracy of the Mordovians of the Ural-Volga region (the end of the XIX – early of the XX century)

The article analyzes the state of education of the Mordovian population of the Ural-Volga region, considers the main directions of work to the eradication of illiteracy, specifies positive and negative aspects in the implementation of educational policy.

Keywords: school, literacy, educational institutions, national school, Mordovian population, the eradication of illiteracy.

Важнейшими задачами образовательной политики Урало-Поволжского региона в послереволюционные и первые годы советской власти были ликвидация неграмотности, подъем образовательного уровня, развитие школьного дела. На решение вопроса грамотности мордовского населения в значительной степени повлияли Гражданская война и послевоенная разруха, вопрос о развитии национальной школы в Урало-Поволжском регионе решался медленно.

Малограмотность мордовского народа, особенно женской его половины, может быть объяснена, во-первых, низкой культурой народа, являвшейся результатом многовековой политики правительства царской России в отношении «инородцев»; во-вторых, ликвидация неграмотности среди мордвы в рассматриваемые годы существенно отставала от работы на данном же участке среди русских, как с количественной, так и

с качественной стороны; в-третьих, большинство населения мордовского края проживало в сельской местности.

Отметим, что и в дореволюционный период наблюдались инициативы по просвещению мордвы. Многое сделал для организации просвещения мордовского народа В.Х. Хохряков. Будучи инспектором народных училищ Пензенской губернии, он способствовал открытию 28 новых школ, курсов по подготовке учителей для начальных школ. По его инициативе в 1874 г. была открыта Пензенская учительская семинария, начата подготовка учителей для мордовских школ, в том числе из представителей национальной молодежи. Он добивался открытия при семинарии мордовского начального училища, ввел преподавание мокша-мордовского языка. В соавторстве с Н.П. Барсовым и Ф.Кечиным им были составлены «Азбука для мордовских учителей Пензенской губернии», «Указания учителю, как учить по азбуке», «Первоначальные уроки русского языка для мордвы» (Гуркина, 2003, с. 412–425).

Правительство не признавало необходимость издания особых учебников для мордовских школ, обучение велось на русском языке. В феврале 1867 г. вопрос о том, на каком языке следует вести обучение в инородческих школах, обсуждался в ученом комитете Министерства народного просвещения. К тому времени многие земства высказывались за допущение преподавания в национальных школах на родном языке. Царское правительство боялось, что обучение инородцев на родном языке «может послужить к пробуждению племенного самолюбия и уважения к собственному языку», поэтому, хотя многие работники народного просвещения и признавали целесообразным обучение мордвы на своем языке, власть с их доводами согласиться не могла.

Что касается мордвы Оренбургского края, то В.А. Перовский, управлявший краем почти полтора десятилетия, в «Отчете по управлению краем с 1833 по 1842 годы», представленном царю по завершении первого периода губернаторства, высказал следующее мнение: «Народное просвещение требует в Оренбургском крае особенно попечительного по характеру жителей, состоящих наполовину из магометан, а между христиан – из крещеных финских племен и раскольников» (Межэтнические…, 2013).

В XIX веке в мордовских деревнях постепенно появляются школы. 21 мая 1857 г. в Лабазах при Михайло-Архангельской церкви открыли казенное училище, впоследствии преобразованное в церковно-приходскую школу. В 1867–1870 гг. в селе Нойкино на средства кресть-

ян была построена церковь, а при ней действовала церковно-приходская школа, в которой обучалось 50–60 учеников. В 1901 г. в селе Новоузели начала работу церковно-приходская школа, находившаяся в ведении уездного епархиального отдела народного образования г. Бугуруслана. Школа была основана Евгенией Аполлоновной Беловой. За пятнадцатилетнюю добросовестную работу ее наградили серебряной медалью «За усердие».

В 1917–1918 гг. в многонациональных районах происходили разрушение старой и формирование новой системы народного просвещения, органичной частью которой должно было стать обучение неграмотного и малограмотного взрослого населения и детей школьного возраста, не охваченных школой. Тогда же стали рассматриваться и вопросы об организации национального просвещения мордовского народа, повышении его культурного уровня, от ликвидации неграмотности среди мордовского населения. Одной из основных черт политики большевиков, в том числе в области просвещения, была опора на поддержку национальных меньшинств.

После выхода Декрета о ликвидации неграмотности 26 декабря 1919 г. на местах развернулась активная деятельность по реализации этого правительственного документа. В некоторых мордовских селах ликвидация неграмотности крестьянства началась даже раньше – в первой половине – середине 1919 г.

Создававшиеся в городах и селах учебно-просветительные учреждения имели различные учебные планы, что зависело от профориентации организаторов, состава кадров, традиций. Например, в учебном плане открывавшихся в апреле 1919 г. в Краснослободске (Пензенская губерния) общеобразовательных курсов для красноармейцев и населения имелись такие предметы: политическая экономия, русский язык, математика, история культуры, обществоведение, история социализма, естествознание, география, сельское хозяйство. Кроме того, подобные учреждения были в подавляющем большинстве русскими. Это объясняется тем, что организация национального ликбеза требовала широкой подготовки соответствующих специалистов, разработки учебных и методических пособий на родном языке, наличия специальных программ, недостаток которых был весьма ощутим.

Сложная ситуация с начальным образованием сложилась в начале 20-х гг. XX в., когда в Самарской, Оренбургской губерниях разразился невиданный голод. Результаты обследования некоторых мордовских сел

содержат документы Государственного архива РФ, в одном из которых говорится: «Голод больше всех отразился на мордве, так как мордва преимущественно занимается землепашеством и обитает в самых Поволжских губерниях» (Оренбургская мордва…, 1998, с. 111).

Руководство страны осознавало «ужасное положение мордовских школ и всего просветительского дела среди мордвы». В одной из докладных записок 1921 г. в центр относительно школ говорилось: «И было от чего всколыхнуться и ужаснуться! Действительность мордовских школ по докладам представилась самой мрачной, безотрадной. Точнее, не было у них никакой действительности, а полное отсутствие их самих: в некоторых местностях все 100 процентов школ были закрыты на весь учебный год. Из-за вопиющего отсутствия учителей и все дело просвещения стало на мертвой точке» (Федорова, 1999, с. 88).

Низкий культурный уровень мордвы объяснялся тем, что «в мордовских селениях только последние 20–30 лет стали строить более или менее сносные (относительно) школы (земские), если и были школы, то церковно-приходские». Далее в документе отмечалось: «Преподавание велось, да и теперь ведется, за отсутствием учителей из мордвы на русском языке, непонятном детям. Контингент учителей из мордвы невелик» (Федорова, 1999, с. 80–99).

До 1918 г. не было ни одного учебного заведения с национальной окраской для подготовки преподавательского состава. В двадцатых годах в мордовских школах начал распространяться первый учебник для детей, составленный Ф.М. Чесноковым в соавторстве с Т.И. Даниловым и Л.П. Рябовым. Ф.М. Чесноков с 1924 г. – редактор мордовской секции Центриздата народов СССР, а затем редактор мордовской секции Учпедгиза. Вместе с мордовскими учеными М.Е. Евсевьевым и Ф.Ф. Советкиным, педагогами И.Прокаевым и Е.Скобелевым Ф.М. Чесноков вел большую работу по составлению учебников для мордовских школ. «Лисьмапря» («Родник») – так назывался первый учебник для детей мордовских школ.

Для учащихся вторых и третьих классов были подготовлены книги для чтения «Вадцо чи» («Светлый день») и «Од киява» («По новому пути»). В учебных пособиях печатались также рассказы и очерки Ф. Чеснокова «Яков атя» («Дед Яков»), «Евкс а евкс, ансяк истя евтнесызь» («Сказка не сказала, только так рассказывают»), «Стувтовить лемест, а стувтовить тевест» («Позабудутся имена, не позабудутся их дела»),

«Лия толт кармасть паломо» («Другие огни зажглись»), «Од тол» («Новый огонь»).

В 1923 г. в 8-ми губерниях РСФСР, в которых проживала мордва, насчитывалось 997 школ, из них 965 школ I ступени и 22 школы II ступени. Как видно из приведенных данных, абсолютное число школ были школами I ступени, что указывает на значительное отставание роста школ повышенного типа. Одна из причин такого положения – социально-экономические условия края того периода.

Большое внимание Наркомпрос РСФСР придавал языку преподавания в национальной школе, в частности мордовской. Об этом свидетельствуют циркуляры от 15 декабря 1922 г., 31 августа 1923 г., 27 марта и 29 октября 1924 г. Однако, эти постановления и циркуляры воплощались в жизнь школ нацменьшинств по-разному. Например, в Самарской губернии у татар и немцев родной язык был введен в 95% школ, чувашей – 80–85%, украинцев – 50%, а у мордвы – только в 25%. Другую картину мы видим в Тамбовской губернии, где у татар родной язык был введен во всех 36 школах I ступени, чувашей – в 13 из 16. У мордвы было 5 нацменских школ, во всех этих школах преподавание велось на русском языке (Мокшин, 1977, с. 156).

По данным Н.В. Саратовцевой, в 1924/25 учеб. году «в Саратовской губернии на родном языке вели обучение 100% школ для татарских детей и 80% школ для детей мордвы. При этом особо отличились Кузнецкий и Петровский уезды» (Саратовцева, 2003, с. 19). На наш взгляд, приведенные цифры несколько завышены. Например, в Ардатовском уезде Симбирской губернии в том же году на родном языке велось обучение в 37% мордовских школ, в Пензенской губернии – в 25%. По Тамбовской губернии данные приводились выше.

В связи с индустриализацией и коллективизацией страны разворачивалась работа по совершенствованию системы народного образования и увеличению числа школ повышенного типа, главным образом, школ крестьянской молодежи, занятия в которых сочетались с производственным трудом. При их комплектовании предпочтение отдавалось детям батраков и национальных меньшинств. По Пензенской губернии в школах крестьянской молодежи в 1926/27 учеб. году обучался 151 мордва. В следующем году таких школ было 8, а учащихся в них – 660 (Мокшин, 1977, с. 156).

В городах Оренбургской губернии были открыты пункты ликвидации неграмотности, школ малограмотных, школы повышенного типа для взрослых.

В профессиональном плане задача организации ликвидации неграмотности была возложена на органы управления народным образованием и политическим просвещением. Для этой цели в районах были введены штатные работники (инструкторы-методисты) по ликвидации неграмотности. Проводились курсы для ликвидаторов неграмотности. Летом 1926 г. в Оренбурге работали курсы ликвидаторов неграмотности среди нацмен, где обучалось 35 человек. Из них: мужчин – 20 человек, женщин – 15, с высшим образованием – 23, со средним – 12, со стажем до одного года – 5 человек, со стажем до трех лет – 3, со стажем в четыре года – 1 и без стажа – 1; членов ВКП(б) – 6, ВЛКСМ – 7, беспартийных – 22 (Тарасов, 1920, с. 70–78). Работе по ликвидации неграмотности был придан плановый характер, разработаны система ежегодных заданий и отчетность о результатах работы. В докладной записке Бугурусланского РОНО о ликвидации неграмотности в уезде в 1924–1925 учеб. году указывалось: «в течение текущего учебного года обучалось 5736 человек, мужчин – 4934, женщин – 802. Из указанного количества обучалось призывников – 1882 человека, представителей национальных меньшинств 96 человек. К 15 мая выпущено всего 2354 человека: мордвы – 409, чувашей – 431, татар – 249, украинцев – 32. Из этого количества выпущенных допризывников по национальности: мордвы – 196, чувашей – 220, татар – 149, украинцев – 32, русских – 399» (Козлов, 1982).

По результатам переписи 1926 г. грамотность среди национальных меньшинств в Оренбургской губернии составляла: среди «великорусов» – 59%, украинцев – 57,8%, татар – 44%, прочих – 36,5%. В то же время продуманная организация работы по ликвидации неграмотности начала давать результаты. Так, в 1928–1929 учеб. году в Оренбургском округе предполагалось обучить 3000 человек. В Бугурусланском округе в 1927–1928 учеб. году было обучено на ликпунктах мордвы – 1648 человек, татар – 1083, чувашей – 785, украинцев – 364 (Основные задачи, 1928, с. 57–59).

В 1926–1929 гг. было выпущено несколько пособий для обучения неграмотных и малограмотных, авторами которых были известные писатели З.Ф. Дорофеев, Я.П. Григошин, Ф.М. Чесноков.

В 1926 г. в Оренбургской губернии было открыто восемнадцать школ первой ступени, из них две школы с преподаванием на родном,

мордовском языке. Однако для таких школ учителей в губернии не нашлось, их «выписали» из соседней Башкирии. В Софиевской волости работало пять школ первой ступени, в двух из них занятия велись на мордовском языке – в Н. Кузлах и Кузлах-Петровке.

Низкая грамотность влияла на состояние среднего и высшего образования. В 1925–1926 учеб. году в Оренбургской губернии в средних учебных заведениях обучалось десять человек из мордвы на рабфаке, в педтехиикуме и совпартшколе. В следующем году тринадцать мордвинов учились в таких учебных заведениях, как институт журналистики (один), рабфак (пятеро), совпартшкола (трое), медтехникум (один). В высшие учебные заведения мордовские юноши и девушки не поступали из-за слабой подготовки. В одном из документов за 1926 г., в частности, отмечалось: «По линии Наркомпроса нам была дана разверстка в вузы – 6 мест, из коих не могли заполнить ни одного места ввиду того, что нет совершенно подготовленных товарищей из мордвы, которые могли бы поступить в высшие учебные заведения. Прежде чем давать в вуз места, нужно ликвидировать среди мордвы неграмотность, а то в Оренбургской губернии ликвидировано 8,2%» (ГАОО. Ф. Р–2394. Оп. 1. Д. 59. Л. 16). По той же причине не отправили на учебу в Казанский коммунистический университет запланированных двух человек.

С 1926 г. в некоторых мордовских селах Оренбуржья появились школы-передвижки. В Каширинском районе сделала два выпуска школа-передвижка под руководством мордвина Алексея Рисова. Преподавание велось на эрзянском и мокшанском языках. Школа Алексея Рисова работала и в Оренбургском районе. Одна из таких школ функционировала в 1928 г. в селе Нижняя Платовка, в ней обучалось 44 человека, из них 42 мордвина. Занятия велись на мокшанском и эрзянском языках. В работе встречались трудности, вызванные тем, что между этими языками имелись существенные различия, и крестьяне отдельных волостей с трудом понимали друг друга. Положение исправлялось медленно. В 1928 г. учитель мордовской школы-передвижки сообщал в центр: «В мордовских школах большая отсталость. Масса некультурная. Стало быть, еще непочатый край работы». Сказывался и недостаток педагогических кадров. В Оренбургском округе в 1926 г. в мордовских школах работало 125 учителей, среди них учителей мордовской национальности лишь 71 человек. Из этого числа только 44 человека имели специальную педагогическую подготовку. В 1930 г. в Мордово-Боклинском районе не хватало 119 учителей (Мордва…, 2012).

Работа по ликвидации неграмотности и малограмотности была продолжена в течение всех тридцатых годов. Достигнутое к середине 1930-х гг. практически всеобщее начальное обучение детей школьного возраста, уменьшило поток новых неграмотных. Однако проблема ликвидации неграмотности оставалась. Так, в докладе Оренбургского облисполкома на областном съезде Советов о состоянии и задачах развития народного образования (8 января 1935 г.) отмечалось, что «из задания на 1934–1935 год 35 тыс. неграмотных охвачено обучением 12339, или 37,5%, по обучению неграмотных из 70740 охвачено 19713, или 28,1%». При этом предлагалось особое внимание обратить на национальные районы.

Несмотря на значительные материальные и организационные усилия, решить задачу абсолютной ликвидации грамотности у населения области, в том числе и не русского, не удалось.

Таким образом, в 1924–1940 гг. в губернии наблюдается рост числа национальных школ, улучшается их обеспечение учебниками и школьным оборудованием. К 1938–1939 учеб. году в Чкаловской области среди всех школ имелось 531 национальных. Среди них было 458 начальные школы, 58 неполных средних школ. Процессы, проходившие в стране в 1930–1940-х гг., изменили культурный уровень населения.

Источники и литература

1. *ГАОО. Ф. Р–2394. Оп. 1. Д. 59.*

2. *Гуркина* Н.К. Инспектора народных училищ: место и роль в развитии просвещения и начального образования // Из истории русской интеллигенции: сб. материалов и ст. СПб.: Нестор, 2003. С. 412–425.

3. *Козлов* В.И. Национальности СССР: этнодемографический обзор. М.: Луч, 1982. 289 с.

4. *Межэтнические* и конфессиональные отношения в Оренбургской области // авт. колл. В.В. Амелин, В.В. Денисов, Д.Н. Моргунов. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. 270 с.

5. *Мокшин* Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 280 с.

6. *Мордва*: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. 3-е изд. / под общ. ред. Н.П. Макаркина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. 720 с.

7. *Мордовии* 70 лет. Саранск: Красный октябрь, 1999. 208 с.

8. *Оренбургская мордва*: Этническая история и духовная культура: Материалы обл. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Д. Морского. Оренбург: Печат. дом «Димур», 1998. 156 с.

9. *Основные задачи* в работе по ликвидации неграмотности // Вестник просвещенца. 1928. № 7–8. С. 57–59.

10. *Саратовцева* Н.В. Реформирование системы воспитания в школах Мордовского края в 1917–1930 годы // Страницы истории образования в Мордовском крае: постреволюционный период: монографич. сб. Саранск: Красный Октябрь, 2003. С. 16–24.

11. *Тарасов* В. Хроника по просвещению // Вестник просвещенца. 1920. № 7–8. С. 70–78.

12. *Федорова* А.В. Оренбургская мордва // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург: Южный Урал, 1994. С. 80–99.

13. *Федорова* А.В. Мордва // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург, 1999. С. 67–80.

Алешина Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, ректор ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» (г. Оренбург); e-mail: aleshina_s_a@mail.ru

Aleshina Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Rector of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State Pedagogical University» (Orenburg)

УДК 94(470.5)"19"

Р.Р. Аминов

Татары-казаки Оренбургского казачьего войска в 1917 г.

В данной статье рассматривается положение татар-казаков в период революционных потрясений. В связи с тем, что многие казаки Оренбургского казачьего войска находились на фронте, не представляется возможным оценить их политические настроения. Выясняется, что татары были вовлечены в основные события, происходившие в регионе в исследуемый период. Особняком стоит первый съезд казаков-мусульман ОКВ в Народном доме Оренбурга, прошедший 6 мая и выборы в Учредительное собрание в сентябре 1917 г.

Ключевые слова: Татары-казаки, нагайбаки, Оренбургское казачье войско, февральская революция, съезд казаков-мусульман, А.И. Дутов, Учредительное собрание.

R.R. Aminov

Cossack Tatars of the Orenburg Cossack army in 1917

In this article, position of Cossack Tatars in the period of revolutionary shocks is considered. Because of many Cossacks of the Orenburg Cossack army were at the front, it is not possible to estimate their political moods. It becomes clear that the Tatars have been involved in the main events, which were taking place in the region during the period under review. Somewhat apart stands the First Congress of Muslim Cossacks of OKV in the People's house of Orenburg which had place in May, 6 and elections to the Constituent assembly in September, 1917.

Keywords: Cossack Tatars, the Nagaybaks, the Orenburg Cossack army, the February revolution, Congress of Muslim Cossacks, A.I. Dutov, the Constituent assembly.

Историография проблемы ограничивается лишь трудами, раскрывающими особенности участия татар-казаков на фронтах Первой мировой войны, но никак неучастия их в событиях 1917 г. на войсковой территории (Бражников, 2010; Семенов, 2008). Правда, есть фундаментальные работы, в которых рассматривается история ОКВ на рубеже XIX – XX вв., в этих трудах о татарах-казаках упоминается лишь вскользь (Ганин, 2008; 2009; Футорянский, 1997). Единственной работой, посвященной истории татар-казаков ОКВ в 1917 г., является статья А.А. Бражникова об участии

нагайбаков в дутовском мятеже, основная часть статьи посвящена событиям ноября 1917 г. и первой половины 1918 г.

В 1917 г. наблюдается тенденция снижения производства и ослабления возможностей по социальной защите неблагополучных в экономическом отношении семей. Связано это с тем, что войсковой капитал за годы Первой мировой войны существенно уменьшился, поэтому практически не было возможности хоть как-то поддерживать казачьи семьи. Данная ситуация была характерна для всего ОКВ (Каминский, 1996, с. 43).

Интерес представляет распределение земельных угодий в войске к 1917 г. в сравнении с данными 1900 г. Так, если в 1900 г. станичные наделы от общего земельного фонда составляли 4919569 дес. (57,7%), то к 1917 г. доля станичных земель возросла до 82,5% (6209664 дес.). Также возросло количество земли, принадлежащей офицерам и чиновникам: с 473971 дес. (5,6%) до 474407 дес. (6,4%). Среди войсковых земель, напротив, наблюдается тенденция к снижению: с 3096460 дес. (36,7%) до 831762 дес. (11,1%), очевидно уменьшение на 25,6% (Футорянский, 1997, с. 64–65). Увеличение станичных земель и, соответственно, уменьшение войсковых связано с тем, что в 1900–1917 гг. за счет войсковых запасных земель происходило расширение ареала расселения казаков. В частности, татарами-казаками были основаны во 2-м военном отделе новые поселки: Ново-Ахуновский, Ново-Аблязовский, Ново-Алабайтальский, Верхне-Зубочистенский, Ново-Зубочистенский, Ново-Никольский, Сафинский, Ново-Чесноковский (Аминов, 2017, с. 85, 86, 126).

Интересно, что к началу XX века представители татарских офицерских династий Альметьевых, Бектеевых, Кочуровых, Дашкиных завели одноименные хутора, на которых подселялись крестьяне и брали у них в аренду земельные участки (Аминов, 2017, с. 166; Футорянский, 1997, с. 66).

Февральская революция привнесла собой существенные изменения в административную систему управления ОКВ. Высшим распорядительным и законодательным органом становится Войсковой круг, который избирается по принципу всеобщего, тайного и прямого голосования. Исполнительным органом объявлялась Войсковая управа, ее председателем назначался Войсковой атаман ОКВ. На местном уровне упразднялись станичные сборы, взамен них создавались сходы, состоявшие из казаков, достигших 18 лет. Впервые женщины получили равные с мужчинами права (Каминский, 1996, с. 44).

Среди новшеств военно-административной системы ОКВ следует также отметить образование на войсковом круге в апреле 1917 г. вместо

трех военных отделов (Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого) четырех округов по подобию Донского казачьего войска (Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский) (Коротин, Павлычев, 2003, с. 187).

В связи с тем, что большая часть татар-казаков ОКВ находилась в период 1914–1918 гг. на театре военных действий, не представляется возможным дать целостную оценку восприятия татарами революционных событий 1917 г. Мы обладаем лишь отрывочными данными. К примеру, из воспоминаний казака пос. Чесноковский Д.А. Муканаева мы узнаем, что многие чесноковцы были захвачены в плен и о революции они узнали находясь в немецком плену от местных социалистов, которые требовали у командования лагеря улучшения условия содержания русских военнопленных (Кушмухаметов, 2014, с. 57–58).

Еще до переворота большевиков, 6 июня 1917 г., открылся первый съезд казаков-мусульман ОКВ в Народном доме Оренбурга. На съезде присутствовало 100 делегатов. Председательствовал казак из татар Г.Г. Богданов. По завершении съезда участники приняли резолюцию, в которой назвали желательной формой правления демократическую республику на основе национально-территориальной федерации. Предполагалось сохранить казачье самоуправление. Делегаты были готовы в случае необходимости незамедлительно организовать отдельные мусульманские казачьи части. Что касается войны, то ее предлагали закончить в скором времени, но не путем сепаратного мира. На съезде также избрали исполнительный орган – Центральный комитет казаков-мусульман Оренбургского казачьего войска, председателем назначили З.Ш. Дашкина, его заместителем Н.Г. Иманкулова (Ислам на Урале, 2009, с. 350).

В сентябре 1917 г., во время выборов в Учредительное собрание, от ОКВ по списку № 2 выдвинулось 13 казаков, из которых четверо были мусульманами: Войсковое правительство г. Оренбурга представлял Габдрауф Габдуллинович Богданов. 1-й округ – Галлям Шакирзянович Суюндуков (пос. Желтинский) и Усман Айтнуллович Уразаев (пос. Нижнеозерный), 2-й округ – Юлдашбай Ишмухаметович Млишев (пос. Кумлякский) (Семенов, 2001, с. 184).

Примечательно, что 3 октября 1917 г. произошел конфликт на почве дележа земли из-за того, что казаки Никольской станицы выпасали скот на землях рычковцев; завязался бой, в результате которого было ранено семь человек, двое из них умерло от ран. Отметим, что отношения между двумя станицами всегда были накаленными. В дальнейшем никольские казаки перешли на сторону красных (Ганин, 2008, с. 600).

К моменту большевистского переворота (25 октября 1917 г.) оренбуржцы, в том числе татары-казаки, шли за своим атаманом Александром Дутовым, который с успехом оспаривал власть войскового круга. 26 октября (8 ноября) 1917 г. Дутов посетил 1-й очередной съезд 1-го военного округа, где подписал приказ «О непризнании насильственного захвата власти большевиками в Петрограде». Войсковое правительство в лице А.И. Дутова до воссоздания власти Временного правительства с 26 октября взяло на себя всю полноту исполнительной власти в войске. С этого времени ОКВ выступило против новой власти, вошло в полосу Гражданской войны, после которой уже не оправилось (Ганин, 2008, с. 630, 632).

Рассмотрим ситуацию среди нагайбаков. В ноябре 1917 г. в так называемом дутовском мятеже участвовали нагайбаки станиц Кассельская и Остроленская, а также татары-мусульмане Карагайской станицы. Одна из причин участия нагайбаков на стороне Дутова могла быть связана с тем, что женой атамана являлась нагайбачка из Остроленской станицы, и поэтому у нагайбаков Дутов пользовался популярностью (Бражников, 2013, с. 42–43).

С установлением Советской власти был взят курс на ликвидацию казачества. Об этом свидетельствует Декрет Совета народных комиссаров, принятый 11 (24) ноября 1917 г. В соответствии с Декретом в России упразднялись сословия, сословные деления граждан, привилегии и ограничения, а также сословные учреждения, организации; ликвидировались гражданские чины. Здесь стоит отметить, что после Февральской революции, 3 марта (на следующий день после отречения Николая II) в декларации Временного правительства утверждалось об отмене всех существующих сословных ограничений. Как видим, уже тогда был осуществлен важный шаг на пути упразднения казачьего сословия (Футорянский, 1997, с. 177).

Таким образом, в связи с тем, что в годы Первой мировой войны сумма войскового капитала ОКВ уменьшилась, к 1917 г. средства из него не могли удовлетворять нужды татар-казаков. Проследить должным образом участие татар-казаков в политических событиях 1917 г., затруднительно, виною тому участие их на фронтах Первой мировой войны. Интересно, что политический кризис в стране привел к сплочению татарского казачества, в частности, впервые 6 июня 1917 татары ОКВ собрались на съезд казаков-мусульман в народном доме в г. Оренбург для обсуждения дальнейшего политического устройства Оренбургского казачьего войска. К положительным моментам можно отнести и уравнение женщин в правах с мужчинами после Февральской революции.

Источники и литература

1. *Аминов* Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с.

2. *Бражников* А.А. Казаки-нагайбаки на фронтах Первой мировой войны // Вестник Томского университета. 2010. История. № 3 (11). С. 39–45.

3. *Бражников* А.А. Участие нагайбаков в дутовском мятеже // Вестник СурГУ. 2013. Вып. 1 (1). С. 42–45.

4. *Ганин* А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 686 с.

5. *Ганин* А.В. Атаман А.И. Дутов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 623 с.

6. *Ислам на Урале*: энциклопедический словарь / коллектив авторов; сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2009. 404 с.

7. *Каминский* Ф.А. Оренбургское казачество в первые годы Советской власти. Магнитогорск: [Б. и.], 1996. 150 с.

8. *Коротин* Р.П., Павлычев И.Г., Пьянков И.Г. На рубежах Отечества. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2003. 303 с.

9. *Кушмухаметов* Р.Ф. Станица Чесноковская. Переволоцкий: Редакция газеты «Светлый путь»: Переволоцкий филиал ГУП «РИА «Оренбуржье», 2014. 176 с.

10. *Семенов* В.Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. 260 с.

11. *Семенов* В.Г. Татары в Оренбургском казачьем войске // Евразийское ожерелье: Альманах общественного института истории народов Оренбуржья им. Мусы Джалиля. 2001. Вып. 1. С. 166–190.

12. *Футорянский* Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1997. 200 с.

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: rustem_270988@mail.ru

Aminov Rustem Ravilevich – Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher of the Center for the Study of the History and Culture of Tatars-Kryashens and Nagaibaks, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 94

А.В. Ахтямова

П.Л. Драверт: «Здесь на родной земле оставил я свой след…»

Статья посвящена памяти ученого-энциклопедиста, поэта Серебряного века, писателя и революционера П.Л. Драверта (1879–1945). В ней на основе неопубликованных архивных источниках рассматривается казанский период жизни и творчества воспитанника Казанского университета. Показывается роль Драверта в революционных событиях в Казани в период Первой российской революции и его жизнь в сибирской ссылке.

Ключевые слова: П.Л. Драверт, Казань, Казанский университет, эсеры, митинг.

A.V. Akhtyamova

P.L. Dravert: «Here on my native land I left my mark...»

The article is dedicated to the memory of the scientist-encyclopaedist, poet of the Silver Age, writer and revolutionary P.L. Dravert (1879–1945). On the basis of unpublished archival sources the Kazan period of life and creativity of the pupil of the Kazan university is considered. The role of Dravert in the revolutionary events of Kazan during the First Russian Revolution and life in the Siberian exile is shown.

Keywords: P.L. Dravert, Kazan, Kazan University, Socialist-Revolutionaries, meeting.

Петр Людовикович (Людвигович) Драверт, будущий революционер, разносторонний ученый, талантливый поэт и писатель-фантаст, родился 4 января 1879 г. в г. Вятке. Когда мальчику было 5 лет, родители переехали в Екатеринбург. Первоначальное образование он получил в Екатеринбургской, а позже в Первой Казанской гимназии (Ляхович, 1997, с. 143)[1]. В 1899 г. Драверт поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского императорского университета. Будучи на первом курсе, молодой студент работал под руководством профессора А.А. Штукенберга (1844–1905) и приват-доцента А.В. Лаврского (1863–1944). Однако завершить университетский курс удалось ему совсем нескоро.

[1] По другим сведениям, во Второй Казанской гимназии (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 295. Л. 82).

В феврале – марте 1901 г. под влиянием массовых политических демонстраций в крупнейших городах страны демократическое студенчество Казани участвовало во Всероссийской студенческой забастовке, направленной против отдачи 183-х киевских студентов в солдаты (Элерт, 1961, с. 52). Так, 15 и 20 февраля состоялась сходка студентов в анатомическом театре, разогнанная полицией. Согласно постановлению Совета университета от 21 февраля 1901 г., из университета исключили 24 человека (Летопись, 2004, с. 200), в том числе оказался и Драверт «как один из руководителей студенческой сходки 15 февраля» (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 254. Л. 150). По утверждению начальника КГЖУ, это стало первым случаем массовых арестов и обысков: всего подверглись обыску 44 человека, из них 12 человек привлечены к дознанию в качестве обвиняемых (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 99. Л. 61).

Драверт был отчислен «без права обратного поступления в Казанский университет, но без воспрещения поступления в другие университеты». С разрешения министра народного просвещения 9 октября 1901 г. был вновь принят в число студентов университета на первый семестр естественного отделения физико-математического факультета (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 295. Л. 82 об.). Тогда, осенью 1901 г., Петр Драверт, вернувшись после административной ссылки из Пермской губернии, под руководством М.Э. Янишевского и М.Э. Ноинского начал изучать в геологическом и палеонтологическом плане пермские отложения. Летом 1902 г. студент совершает поездку на Киргишанские рудники Красноуфимского уезда, в область развития отложений артинского яруса, а затем по поручению Общества Естествоиспытателей направляется в Сибирь, на юго-западное побережье Байкала, где занимается минералогическими исследованиями (Ляхович, 1997, с. 143).

Но относительно спокойная творческая жизнь продолжалась недолго. За причастность к студенческой забастовке 1901 г. П.Л. Драверт подвергался различным формам преследования со стороны жандармерии, для которой приоритетной задачей являлась борьба против распространения «вредных идей». Свидетельством тому являются документы, отложившиеся в фондах КГЖУ. 14 января 1906 г. начальник КГЖУ полковник К.И. Калинин докладывал казанскому губернатору о результатах проведенных мероприятий: «В ночь на 25 февраля 1902 г. Драверт, в числе других, подвергнут был обыску и арестован…. В ночь на 11 июня 1903 г. Драверт снова был подвергнут обыску по распоряжению начальника жандармского управления по делу Якобсона, обвиняемого в рас-

сылке революционных изданий. 14 декабря 1903 г. Драверт был обыскан в числе других участников сходки в квартире Воронцовой» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 295. Л. 10). Следует отметить, под непосредственным наблюдением охранительных структур совершались и экспедиционные выезды молодого ученого. Так, например, в 1906 г. начальник Пермского охранного отделения направил сведения за 1903 г. в КГЖУ: «… наблюдением за Дравертом по Перми ничего представляющего интерес добыто не было. Драверт тогда направлялся в Сибирь, в составе какой-то экспедиции…» (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 294. Л. 62).

Очевидно, что опасения местных властей оказались не напрасными: высокая активность студента Драверта в стенах Казанского университета вновь привлекла пристальное внимание жандармерии. Это было вызвано следующими обстоятельствами. 5 ноября 1903 г. в здании университета студенты пели революционные песни, а также попытались организовать демонстрацию на Воскресенской улице. Но полиция сразу пресекла действия демонстрантов: задержали 36 человек, причем срок ареста был определен на один месяц. Такие меры властей вызвали «сильное возбуждение» в студенческой среде: «начались сходки с целью выражения протеста». В информации, доносимой местной агентурой, были отмечены 7 студентов-агитаторов в пользу устройства таких сходок, среди которых фигурировала и фамилия Драверта (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 99. Л. 64).

В 1904 г. П.Л. Драверт возглавляет небольшую группу студентов университета, получившую название «Казанская ассоциация революционеров» (Там же. Л. 65 об.). Эта группа обратилась со специальным воззванием к казанскому сообществу, в котором объявила свою основную задачу – свержение самодержавия. Судя по жандармским делопроизводственным материалам, в 1905 г. Драверт возглавил Казанскую организацию партии социалистов-революционеров (ПСР) (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 254. Л. 150).

Примечательно, что в 1904 г. тиражом 1000 экземпляров в университетской типографии был напечатан первый сборник стихов Драверта «Тени и отзвуки» (Аристов, 1987, с. 203).

В стенах Казанского университета, начиная со второй половины сентября 1905 г., почти ежедневно проводились митинги с участием рабочих, мастеровых, ремесленников и других слоев населения, на которых главными ораторами выступали социал-демократы – А.С. Кулеша, С.А. Дридза (Лозовский), эсеры – П.Л. Драверт, С.Н. Каллистов и др. (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 99. Л. 67; Ф. 1. Оп. 4. Д. 2240. Л. 7–10; ГАРФ.

Ф. 102. Оп. 233. Д. № 3ч. Д. 75. Л. 28, 31, 37). Очередным поводом для революционной агитации явились похороны домашней учительницы М.Кузнецовой (18 сентября) и ученика реального училища К.Малиновского (22 сентября), превратившиеся во внушительные противоправительственные демонстрации. Во время их проведения поднимались красные знамена, выкрикивались антисамодержавные лозунги, пелись революционные песни: «Рабочая марсельеза», «Вечная память» и др. (Амирханов, 2005, с. 19). На одной из этих демонстраций Драверт «публично произносит речь, призывая всех вооружиться и готовиться к народному восстанию» (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 254. Л. 150).

В течение месяца на митингах ораторы призывали массы к объединению сил для борьбы с самодержавием, причем здесь же собирались деньги на приобретение оружия и нелегальную литературу. Против Драверта было даже возбуждено формальное дознание по делу «О бывшем 12 октября 1905 г. в здании Казанского университете митинге». На этом митинге под председательством Драверта, по некоторым данным, собралась публика до 1000 чел. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. № 3ч. 75. Л. 78). Забегая вперед, отметим, что вскоре, 21 октября, «ввиду Всемилостивейшего Манифеста» дознание было прекращено.

16 октября в два часа дня демонстранты стали собираться на очередной митинг в университете. Казанский полицмейстер Панфилов был вынужден вызвать казаков против участников митинга, на которых «посыпался град камней» (Революционное движение, 1957, с. 191; НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 278. Л. 33). Университет был оцеплен полицией и казаками, и вдруг, на крыше главного здания, рядом с крестом, взметнулся красный флаг. Как пишет известный казанский библиограф и краевед В.В. Аристов, произошло это впервые в истории университета, а поднял флаг Петр Драверт (Аристов, 1987, с. 204). Именно этот фактор, по мнению П.К. Бадаевой[2], послужил позднее основой для ссылки Драверта в Якутию (Андреева, 2014, с. 36).

В этот день удалось без жертв разогнать собравшуюся публику, но уже вечером, по словам фабричного инспектора Казанской губернии Киселева, конные городовые разъезжали по улицам и позволяли себе бить нагайками отдельных лиц, состоявших, главным образом, из учащейся молодежи (Революционное движение, 1957, с. 195). На другой

[2] Бадаева Павла Константиновна – гражданская жена П.Л. Драверта (об этом подробнее см.: Исторический архив Омской области [Электронный ресурс] URL: // http://www.iaoo.ru/note321.html (дата обращения: 01.09.2017)).

день, 17 октября, как сообщала газета «Волжский вестник» в статье «События в г. Казани с 17 по 23 октября», стрельба продолжалась от трех часов дня, до десяти часов вечера все еще были слышны залпы и отдельные выстрелы (Волжский вестник, 1905, 8 ноября). «На всю ночь город был отдан во власть пьяных казаков, полицейских и солдат. На все просьбы граждан о защите власти отвечали обычной фразой: "все меры приняты"», – писалось в статье.

В эту же ночь, с 17 на 18 октября 1905 г., в стенах университета находилась наиболее революционно настроенная группа студентов под руководством Драверта, которая проникла в здание еще во второй половине дня (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2240. Л. 14). Утром 18 октября в Казани было получено телеграфное сообщение о содержании Манифеста 17 октября. 19 октября состоялось экстренное заседание Городской думы, на котором выдвинули «ходатайства» к губернатору П.Ф. Хомутову, сводившиеся главным образом тому, чтобы «местная оппозиция» взяла город под свой контроль. К постановлению Городской думы присоединились и «делегаты народного собрания» П.Л. Драверт, П.М. Стадырнов и К.Б. Гранковский (НА РТ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 33. Л. 17). По данным С.Я. Лившица, к вечеру был создан объединенный комитет партий («Городская коммуна»), в состав которого вошли пять представителей эсеров, в том числе Драверт (Лившиц, 1930, с. 92). Вот как описывается роль Драверта в событиях Казани 17–21 октября в жандармских сводках: «17 октября участвует в вооруженном столкновении с войсками, сначала на Воскресенской улице, а потом, забравшись в здание Университета, открывает (одно слово непонятно. – *А.А.*) стрельбу по войскам. Затем принимает активное участие в разоружении Городской полиции и организации взамен ее милиции. Выступает оратором на митингах в Городской думе, настаивая на вооружении населения за счет городских сумм, и требует отдать город ему во власть, ручается своею головою за сохранение порядка…» (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 254. Л. 151).

Характерно, что в октябре – ноябре 1905 г. более чем в ста городах прошли «патриотические манифестации». В Казани они состоялись 21–22 октября[3]. В итоге 21 октября правительственным силам удалось

[3] См. об этом подробнее: Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах. 1905 г. в бывшей Казанской губернии. Казань: Татиздат, 1932. 47 с.; Алексеев И.Е. Правомонархическое (черносотенное) движение в г. Казани и Казанской губернии в 1905–1907 гг. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VII. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 104–116.

одержать вверх. Во второй половине дня стало известно, что постановление Городской думы об образовании городской милиции было объявлено губернатором как незаконное. Отметим, подавляющее большинство арестованных были лица в возрасте от 17 до 22 лет, среди них доля учащейся молодежи составляли более половины (52%).

Студент Драверт, продолжив революционную деятельность, в ноябре – в начале декабря вместе с другими революционерами посетил митинги рабочих на Алафузовском заводе (Там же. Л. 256). Однако в ночь на 12 декабря 1905 г. был подвергнут обыску, аресту и привлечен к переписке в порядке Положения о государственной охране, по делу революционной организации. Тогда Казанские организации социал-демократов и социалистов-революционеров понесли большие потери. Так, в Казани в ночь с 11 на 12 декабря было произведено 29 обысков и арестовано 24 человека. Продолжая обыски, местная жандармерия в следующую ночь арестовала еще 4 человека, а в ночь на 14 декабря в застенках оказались 10 лиц, принадлежавших военной группе Казанского комитета РСДРП (НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 272. Л. 1). Отметим, на месте обыска у Драверта были изъяты нелегальные брошюры, в том числе книжка «Как организовалась в Казани милиция» (издание Казанского комитета ПСР), периодика и различные прокламации (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 295. Л. 12).

Во время пребывания в Казанской губернской тюрьме состояние здоровья политического арестанта резко ухудшилось. В связи с этим 17 января 1906 г. его отправили для лечения в Казанскую окружную лечебницу (Там же. Л. 15). Вскоре состоялся суд. Председателем сессии Казанской судебной палаты был отец Драверта. Петр Драверт подлежал высылке в самое отдаленное место административной ссылки – в Якутскую область – под гласный надзор полиции на пять лет, считая срок с 29 января 1906 г. 8 февраля того же года приговор был исполнен. Согласно постановлению Правления Казанского университета от 9 марта 1906 г., студент считался выбывшим (Там же. Л. 82 об.). Но даже будучи вынужденно оторванным от «партийных дел», ссыльный хлопотал о том, «чтобы снабжали литературой Пермские и Вятские уезды» (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 294. Л. 61).

Драверт сумел заполнить якутские годы напряженной духовной деятельностью – научным и литературным трудом. Он предпринимает многочисленные экспедиции, в результате которых находит месторождения полезных ископаемых – выходы яшмы, розового мрамора, желез-

ных руд, поваренной соли, свиту золотоносной породы и многое другое (Петр Драверт, 1979, с. 7). Драверт самозабвенно полюбил Сибирь, близкую его сердцу северную природу. И он верил в ее славное будущее, думая о том, какая яркая трудовая жизнь начнется со временем в этих краях. Несколько позднее в одной из своих статей профессор Драверт напишет: «Сибирь, рано или поздно, будет иметь свои собственные мастерские. Слабой стороной многих ее месторождений остается их трудная доступность, вследствие отдаленности от культурных центров и неимения удобных путей сообщения. Но с прогрессирующим заселением Сибири эти недостатки постепенно будут смягчаться, а молот и кайма рабочего все чаще и увереннее станут оглашать своими бодрыми звуками безлюдные и пустынные ныне места» (Драверт, 1923, с. 207). Тема Сибири становится одной из сквозных в его творчестве. Примечательно, что в якутские годы Драверт пробует свои силы и в прозе, а произведением, относящимся к «совершенно фантастической истории», являлась «Повесть о мамонте и ледниковом человеке», опубликованная под псевдонимом «Гектор Д.».

К этому времени личность Драверта приобрела широкую популярность, что даже повлияло на выбор места пребывания молодого ученого. Приведем текст из «Бюро газетных вырезок» («Студенческий мир», 8 февраля 1910 г.). «Нелишнее сказать несколько слов о студенте П.Драверте, которым интересуются в настоящее время все ученые круги Франции. Ссыльным на поселение в Якутскую область Петром Дравертом, студентом 4 курса физико-математического факультета Казанского университета, сделано замечательное открытие в области минералогии. Он открыл необыкновенной формы минерал, живущий только 4 дня. Это открытие возбудило большой интерес в заграничных университетах, и Парижская академия наук обратилась с ходатайством к нашему министру внутренних дел о возвращении П.Драверта из ссылки. Впоследствии к этому ходатайству присоединилась Русская академия наук, в результате молодому и талантливому ученому разрешено приехать в Казань для научного доклада. Кроме того, Драверт открыл залежи соли на крайнем северо-востоке Сибири и произвел много интересных наблюдений в области ботаники и зоологии…» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 295. Л. 64).

Таким образом, по постановлению министра внутренних дел от 23 июня 1909 г. Драверту была разрешена «временная отлучка» на четыре месяца в город Казань, где с 19 октября того же года над ним был установлен гласный надзор полиции. Как зафиксировано в источнике, он

проживал в Казани на Старо-Горшечной улице, в доме Вишневского, занимался научными исследованиями, а пособия от казны не получал (Там же. Л. 58). Оставшийся срок наказания был связан с городом Томском. Проходное свидетельство Драверту выдали 17 февраля 1910 г., а в случае возобновления противоправительственной деятельности, ему вновь грозила якутская ссылка.

П.Л. Драверт смог вернуться в Казань и завершить образование. В результате переписки попечителя Казанского учебного округа, казанского, якутского и томского губернаторов (последние, в свою очередь, отметили его выдержку и тактичность) прошение Драверта о восстановлении в Казанском университете было удовлетворено (Там же. Л. 82–84). В 1914 г. (через 15 лет после поступления) Драверт окончил физико-математический факультет по специальности «минералогия», будучи уже сложившимся ученым. «Возвратясь после ссылки в Казань, я дал слово не служить на правительственной службе при самодержавии. И сдержал это слово. Работал исключительно пером (кроме руководства геологич.[ескими] работами на частной В[олго]-Б[угульминской] жел. дороге)», – писал он в 1927 г. в письме к известному фольклористу и литературоведу М.К. Азадовскому (Петр Драверт, 1979, с. 220).

В мае 1917 г. Драверт был избран на должность ассистента кафедры геологии физико-математического факультета Казанского университета. Весной 1918 г. он вновь отправился в экспедицию, но, очевидно, начавшаяся Гражданская война изменила его планы. Дальнейшая судьба ученого и поэта связана с городом Омском.

Таким образом, казанский период деятельности П.Л. Драверта был весьма плодотворным. Научные исследования в области минералогии прославили Драверта за пределами страны. Уезжал он из Казани уже известным ученым, успешно апробированным свои идеи и труды в Казанском университете. К этому же времени относятся и его первые литературные опыты. Здесь истоки поэзии Драверта. Именно в Казани в 1904 г. студент Петр Драверт издал первую книгу своих стихов «Тени и отзвуки». В юношеские годы Драверт, будучи противником самодержавного государства, вступил на путь революционной борьбы. Можно заключить, что он сыграл ключевую роль в создании Казанской организации эсеров.

Будучи глубоким мыслителем, он находился в постоянном духовном поиске. В философском стихотворении «Смерти», написанном в Казани (1912), ощутимо его стремление оглянуться на пройденный путь, а также уверенность в себе и в светлое будущее:

Я не боюсь тебя: уже не первый раз
Вхожу я в этот мир с душой своей нетленной,
Я жил – и буду жить в немеркнущей Вселенной,
И темный смертный час не есть последний час! <…>
Здесь на родной земле оставил я свой след,
Он неприметен, мал, – но в смене поколений
С другими он войдет в дорогу откровений
К триумфу над тобой одержанных побед.
Все то, что я один здесь выполнить не мог,
К чему стремился я так искренне и страстно,
В пучине времени не пропадет напрасно
И в предназначенный осуществится срок… <…>

Источники и литература

1. *ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. № 3ч. 75.*
2. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2240.*
3. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 278.*
4. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 295.*
5. *НА РТ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 33.*
6. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 99.*
7. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 254.*
8. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 294.*
9. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 272.*
10. *Амирханов* Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 152 с.
11. *Андреева* Л.Л. Петр Драверт. Ученый и поэт. М.: Голос-Пресс, 2014. 405 с.
12. *Аристов* В.В. Страницы славной истории: рассказы о Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1987. 222 с.
13. *Волжский вестник.* 1905. 8 ноября.
14. *Драверт* П. Драгоценные камни Сибири // Сибирские огни. 1923. № 5/6. С. 187–206.
15. *Летопись* Казанского Государственного Университета: (история в фактах, подтвержден. док.) / А.П. Исаков, Е.П. Исаков. В двух томах. Том 1. 1804–1945 гг. Казань; Лондон: Дизайн-студия «МИАН», 2004. 487 с.
16. *Лившиц* С.Я. Казань в годы первой революции (1905–1907 гг.) / Истпартотдел Татобкома ВКП(б), Татар. науч.-исслед. экон. ин-т. Казань: Изд. Татар. науч.-исслед. экон. ин-та, 1930. 152 [2] с.

17. *Ляхович* В.В. Памяти П.Л. Драверта – геолога и поэта // Записки Всероссийского минералогического общества. 1997. Ч. CXXVI № 1. С. 143–150.

18. *Незакатное вижу я* солнце: (Стихи, проза) / Петр Драверт; Вступит. статья Е.Беленького. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1979. 224 с.

19. *Революционное движение* в Татарии в 1905–1907 гг.: Документы и материалы / под ред. Х.Х. Хасанова и С.И. Мухамедова. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 494 с.

20. *Элерт* А.А. Очерк студенческого движения в Казани накануне революции 1905–1907 гг.: (из истории Казанского университета и Ветеринарного института). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1961. 114 с.

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: alsu_was@mail.ru

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 93/94

А.М. Бакирова

Российско-мусульманский модернизм на рубеже XIX-XX веков и реформирование образования мусульман

В статье анализируется реформирование мусульманского образования тюркоязычного населения Оренбургской губернии на рубеже XIX–XX вв. в контексте широкого общественно-политического движения, возглавляемого национальной буржуазией. Классовые интересы растущей национальной буржуазии требовали модернизации образования, появилась необходимость в новых формах организации обучения, изменении его характера и содержания. Решение просветительских задач происходило двумя, параллельными путями: перестройкой образования, сферой, затрагивающей, прежде всего детей и через массовую просветительскую работу в отношении взрослого населения, вышедших из обучаемого возраста. В последнем случае активную роль играла издательская деятельность. В оренбургской татарской прессе дореволюционной поры темы народного просвещения и образования были одним из ключевых, доминирующих проблем. Татарская дореволюционная пресса служила своеобразным мостом, соединяющим общепризнанные ценности западной и восточной культуры. Своевременно реагируя на животрепещущие вопросы, татарские газеты и журналы значительно большее внимание уделяли материалам просветительского характера. При распространенном в тот период видении печати как, прежде всего, издании оперативном и информационно насыщенном, в данном случае акцент делался на знаниях. Периодика рассматривалась ее издателями как способ распространения знаний – по сравнению с книгами более дешевый, а значит, более доступный и более массовый.

Ключевые слова: мусульманское население, джадидизм, мектебы, медресе, модернизм, образование.

A.M. Bakirova

Russian-Muslim Modernism at the turn of the XIX–XX Centuries and Reforming of the Muslims' education

The article analyzes the reform of the Muslim education of the Turkic-speaking population of the Orenburg Province at the turn of the 19th and 20th centuries in the context of a broad socio-political movement headed by the national bourgeoisie. The class interests of the growing national bourgeoisie de-

manded the modernization of education, a need arose for new forms of organizing instruction, changing its character and content. The solution of educational tasks took place in two parallel ways: restructuring of education, a sphere that primarily affects children and through mass educational work with regard to the adult population that have come out of the student's age. In the latter case, the active role played the publishing activity. In the Orenburg Tatar press of the pre-revolutionary period the themes of public education and education were one of the key, dominant problems. The Tatar pre-revolutionary press served as a kind of bridge connecting the universally recognized values of Western and Eastern culture. Timely responding to burning issues, Tatar newspapers and magazines paid much more attention to materials of the enlightening nature. With the widespread vision of the press at that time, primarily, the publication of operational and information-rich, in this case, the emphasis was made on knowledge. Periodicals was considered by its publishers as a way to spread knowledge than with books cheaper and therefore more accessible and more widespread.

Keywords: Muslim population, Jadidism, mektebs, madrassas, modernism, education.

Ускорение развития российского общества, получившего импульсы в результате социально-экономических реформ 60–70-х гг. XIX в. и социально-политических преобразований 1905–1906 гг. отразилось и на тюрко-мусульманском населении страны. Следствием этого стал постепенный рост общественного сознания российских мусульман и политизация их общественной жизни. Воплощением этих явлений стал российско-мусульманский модернизм (известный более как джадидизм), использовавший плоды европейского Просвещения для подъема культурного уровня не только татарского, но и тюрко-мусульманских народов с целью включения их в мировую культуру.

На рубеже веков вопросы образования и просвещения были предметом повышенного внимания российского общества, ощущавшего потребность в обновлении. Педагоги, политики и публицисты активно обсуждали перспективы развития образования, дискутировали вопрос о введении всеобщего обучения.

К концу XIX столетия конфессиональные учебные заведения стали в определенном смысле преградой для формирующейся татарской нации. Все более актуализирующаяся потребность общества в грамотных и образованных людях была продиктована самой жизнью. Общественная жизнь ощутимо усложнялась, и в силу этого требовались новые формы организации обучения, изменении его характера и содержания.

Классовые интересы растущей национальной буржуазии требовали модернизации образования. Для участия в конкурентной борьбе, для завоевания внутреннего рынка, для использования достижений европейской цивилизации она нуждалась в школе национального характера с преподаванием на родном языке и с упором на реальные знания.

Период с 90-х гг. XIX в. и до революции 1917 г. стал важным рубежом в истории мектебов и медресе. Наряду с глубинными преобразованиями учебной жизни мектебов и медресе произошло количественное их приращение. В результате широкого общественно-политического движения, возглавляемого национальной буржуазией, в школах внедрялись светские предметы, преподавание велось на татарском языке, религиозная схоластика оттеснялась на второй план. Это явилось серьезным шагом к слому примечетных школ старого типа и созданию светских национальных учебных заведений.

Наполнение учебных материалов национальным содержанием привело к фактическому превращению значительной части вненациональных конфессиональных учебных заведений Оренбургской губернии в национальные татарские.

Сторонником «европеизированного» просвещения выступила национальная буржуазия. Ее наиболее активными представителями были купцы и промышленники братья Хусаиновы из Оренбурга, Яушевы из Троицка, Рамиевы из Орска. Их капиталы стали основным источником финансирования новых просветительских начинаний.

В Оренбургской губернии энергично взялся за дело народного образования Габдулгани Хусаинов (1836–1902), который по существу возглавил дело перестройки мектебов и медресе. Он положил начало подготовке педагогических кадров для реформирования школ, обеспечивал их материально, снабжал учебниками, устраивал встречи светских учителей с целью обмена опытом, переписывался со многими из них, давал им практические советы и рекомендации.

Движение за школу нового типа не имело своего организующего центра. Поэтому оно не могло вылиться в строго определенную форму. В условиях отсутствия единой программы преобразований, координирующего центра и наличия всяких неблагоприятных факторов школы подвергались преобразованиям в различной степени. В одних джадидистских мектебах и медресе традиционный курс преподавания вовсе не был затронут, единственное отличие их состояло в наличии звукового метода обучения и отдельных элементов классно-урочной системы. В

других же школах наряду с введением нового метода и упорядочиванием учебного процесса было расширено преподавание светских дисциплин. Такие мектебе и медресе являлись полусветскими учебными заведениями, но их было сравнительно мало.

Реформа школы встречала упорное сопротивление в лице кадимистов, отстаивающих старые порядки. Ссылаясь на Коран и хадисы, они объявили школьные нововведения противоречащими исламским традициям и призывали отказаться от них. Сильная оппозиция джадидистам возникла во многом и потому, что большая часть имамов не могла перестроиться в соответствии с духом времени, это происходило вследствие недостаточности их кругозора, а также нежелания делиться своим привилегированным положением. Часть мулл-кадимистов, отстаивая в споре с джадидистами свою позицию по реформе образования, видела путь сохранения татарской нации в лоне мусульманской цивилизации, боясь ассимиляции татар под воздействием европейской культуры. Они опасались, что реформаторы «слишком легко относятся к вере, необдуманно толкают нацию на всякие новшества и тем вредят вере и нации» (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 771. Л. 252).

Что касается правительства, то поначалу в борьбе между новометодистами и кадимистами по вопросу обучения в мектебах и медресе оно заняло позицию невмешательства, а после того как влияние нового метода стало внушительным, оно встало на сторону кадимистов, поскольку не желало роста самосознания «инородцев». Провалившаяся политика христианизации вынудила правительство поддерживать кадимистов. В начале XX века министр внутренних дел России Н.В. Маклаков писал по этому поводу: «Движение по поводу новометодных школ встретило противодействие в лице консервативных представителей мусульманского духовенства.… Будучи движимы побуждениями чисто религиозными, такие лица, в сущности, сами того не сознавая, являются союзником властей в борьбе с нежелательной, с государственной точки зрения национальной мусульманской школой» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5482. Л. 3).

Более того, царское правительство применяло репрессивные меры в отношении джадидистских школ. Чиновники считали, что поскольку в новометодных школах вводятся светские предметы, постольку они перестают быть конфессиональными, попадая под компетенцию Министерства народного просвещения, учебные заведения которого по закону не имели права преподавания на инородческих языках (НА РТ. Ф. 1370.

Оп. 1. Д. 3. Л. 14). Джадидистские школы оставались под контролем властей вплоть до Первой мировой войны.

Следует подчеркнуть, что решение тех задач, которые ставили перед собой просветители, происходило двумя, параллельными путями: перестройкой образования, сферой, затрагивающей, прежде всего детей и через массовую просветительскую работу в отношении взрослого населения, вышедших из обучаемого возраста. В последнем случае активную роль играла издательская деятельность. Возможность широко издавать свои газеты и журналы, а также открывать свои печатные заведения, татары получили благодаря первой русской революции.

В оренбургской татарской прессе дореволюционной поры темы народного просвещения и образования были одним из ключевых, доминирующих проблем. Деятели татарской общественной мысли много размышляли о том, как обстояло и обстоит дело просвещения у других народов, с какими проблемами они сталкивались и сталкиваются на пути решения насущных проблем народного образования. Предметом пристального внимания становилось, прежде всего, русское просвещение. Для татарской прессы было характерно то, что в ней много места отводилось истории проблемы в связи со стремлением рассматривать то или иное явление духовной жизни в динамике.

Это делалось для того, чтобы читатель имел цельное представление об излагаемой проблеме, сопоставлял ряд данных и делал соответствующие выводы как относительно развития русской, так и татарской национальной культуры. Именно с таких «панорамных» позиций печать часто рассматривала вопросы средней, специальной и высшей школы России, углубляясь и в историю образования.

Татарская дореволюционная пресса служила своеобразным мостом, соединяющим общепризнанные ценности западной и восточной культуры. Она способствовала распространению знаний среди широких слоев населения, тем самым способствуя делу просвещения тюрко-мусульманских наций. Прогрессивная национальная интеллигенция стремилась соответствовать запросам новой эпохи и в связи с этим уделяла особое внимание деятельности ведущих учебных заведений страны, в первую очередь Московского университета, сообщая о нем мельчайшие подробности. Так, в 1910 г. объемную статью, посвященную 155-летнему юбилею университета, подготовил для журнала «Шура» Р.Фахретдинов. Эта статья содержала многочисленные данные о числе студентов, количестве томов в библиотеке, финансировании вуза, размерах стипендии, о

создании университетского музея и т.д. Как факт особой важности автор подчеркивал функционирование при университете общества вспомоществования, которое помогало сотням бедных студентов и спасало их от угрозы прекращения учебы (Амирханов, 2002, с. 210).

В фокусе внимания прессы находились и другие учебные заведения страны, среди которых выделялись те, в которые могли поступить юноши без ограничений по сословному, религиозному и национальному признаку. Подробно описывались внутренний распорядок и учебные процессы медицинских училищ, учительских институтов, которые были особо популярны у молодежи в начале XX века ввиду своей большей доступности. Также периодические издания уделяли внимание и делали упор на коммерческие и сельскохозяйственные школы, призывая туда молодых людей, и указывая на исторические традиции татар, издавна слывших «народом торговым».

И надо отметить, что усилия печати по популяризации русских высших и специальных учебных заведений в смысле практической значимости даваемых ими знаний не пропали даром. В начале XX века, в особенности в первое десятилетие, татарская молодежь сотнями потянулась в гимназии, учительские институты, университеты страны.

В условиях острой политизации российского общества в начале XX века в русской периодике, безусловно, преобладали политические мотивы, и сами издания в массе своей были, прежде всего, политическими. Татарская же пресса края не то, чтобы не участвовала в этом, но старалась уклониться от чрезмерного увлечения подобным. Своевременно реагируя на животрепещущие вопросы, татарские газеты и журналы значительно большее внимание уделяли материалам просветительского характера. При распространенном в тот период видении печати как, прежде всего издании оперативном и информационно насыщенном, в данном случае акцент делался на знаниях. Иначе говоря, периодика рассматривалась ее издателями как способ распространения знаний – по сравнению с книгами более дешевый; а значит, более доступный и более массовый.

Издания, ориентированные прежде всего на взрослых, уже не обучающихся в школах, стремились доказать им потребность в учении, знании.

В течение периода с конца XIX – до начала XX в. развитие образования в Оренбургской губернии шло относительно высокими темпами. Уровень грамотности татарского населения являлся одним из самых высоких среди других национальностей, проживавших на территории

Оренбургской губернии в исследуемый период. В определенном смысле показателем могут быть не только цифровые показатели учреждаемых учебных заведений, библиотек и курсов для взрослого населения, но и издательская деятельность и деятельность национальных периодических изданий. Наглядный результат, позволивший бы однозначно говорить об эффективности преобразований и начинаний, в такой сфере, как образование, проявляется далеко не сразу. И все же за данный период сделано было многое. Процесс просвещения был сложен и многопланов. По сути своей наряду с задачами подъема общего уровня образования и культуры, он служил цели формирования национальной интеллигенции в конкретно-исторических условиях. Татарское просвещение исследуемого периода можно полагать социокультурным феноменом, показывающим возможности ускоренного развития национального самосознания в многонациональном государстве ненасильственными гуманными методами без какой-либо конфронтации с другими народами.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5482.*
2. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 771.*
3. *НА РТ. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 3.*
4. *Амирханов* Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад» (на примере развития русской культуры). Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 240 с.

Бакирова Альфия Мухаммадиевна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет» (г. Оренбург); e-mail: bakirovaalf@mail.ru

Bakirova Alfiya Mukhammadievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University» (Orenburg)

УДК 94(470)

О.Я. Бахарева

Многогранная деятельность оренбургских землевладельцев Шоттов (до 1917 года)

В статье на основе документов XIX и начала XX вв. Государственного архива Оренбургской области и Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга исследована обширная деятельность дворян-землевладельцев Шоттов Ипполита Даниловича и Льва Ипполитовича в Оренбургской губернии Оренбургского уезда до 1917 г.

Ключевые слова: И.Д. Шотт, Л.И. Шотт, дворянское землевладение, земельная собственность, Оренбургская губерния; Оренбургский уезд, башкиры, арендатор.

O.Ya. Bakhareva

Many-sided activity of Orenburg landowners Schott until 1917

In the article based on the documents of the 19th and 20th centuries of the State of the Orenburg region and the Russian State Archives of St.Petersburg was investigated the extensive activity of the noblemen-landowners Schott I.D. and Schott L.I. in the Orenburg province and the Orenburg district until 1917.

Keywords: I.D. Schott; L.I. Schott; noble landownership; landed property; the Orenburg province; the Orenburg district; the Bashkirs; the tenant.

Родоначальником крупных оренбургских землевладельцев Шоттов был купец из Лиона немецкого происхождения Иоганн Даниэль Шотт, уроженец г. Страсбурга. Он обратился к графу Н.П. Румянцеву с прошением 13 сентября 1809 г.: «На основании Манифеста первого января 1807 г. даны права и преимущества купечеству, я имею желание вступить в вечное российское подданство и быть записанным в купечество Санкт-Петербурга по третьей гильдии» (РГИА. Ф. 13. Оп. 1 Д. 650. Л. 13). В 1820 г. Данило Шотт уже числился в списках купцов Санкт-Петербурга как подданный России, православного вероисповедания.

Его сын Ипполит Данилович Шотт (1817–1901) выходец из мещан Санкт-Петербурга, был внесен во вторую часть книги дворян Петербургской губернии, был студентом Киевского университета Св. Владимира (ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 16. Л. 5). На службу поступил в возрасте

23 лет корнетом в Первый Оренбургский Казачий полк в 1839 г., который ранее был Уфимским. Он участвовал в Хивинской экспедиции в главном отряде под начальством командующего Отдельным Оренбургском корпусом генерал-лейтенанта В.А. Перовского. С 17 августа 1842 г. имел чин поручика для особых поручений к исполняющему должность командующего Башкирским войском. За добросовестную службу награжден орденами Св. Станислава 3 степени (1840), Св. Анны 3 степени (1859 г.). И.Д. Шотт окончил полный курс наук в Киевском университете Св. Владимира со степенью действительного статского советника. И.Д. Шотт, состоящий по кавалерии, являлся попечителем 1-го кантона Башкирского войска (Адрес-календарь, с. 106). Из служебного списка известно, что был женат на дочери майора Иванова Вере Иосифовне (Осиповне), имел детей – сына Льва (1856 г.р.) и дочерей Екатерину (1846 г.р.), Ольгу (1852 г.р.), Евгению (1853 г.р.), все православного вероисповедания. Со службы уволен 3 января 1861 г. по болезни в чине майора с мундиром и пансионом. Жена в качестве приданого имела две деревеньки – Куюргаза (Ермолаевка) и Покровка, они достались ей по наследству от матери по раздельному акту с сестрой А.И. Житковой в сентябре 1854 г., купленные у владелицы Е.Скрябиной. Ей же принадлежал винокуренный завод в с. Ермолаево, построенный в 1856 г., где трудилось 120 чел., имение в 203 души муж. пола на 11500 дес. земли и дом в Оренбурге. Самому Ипполиту Даниловичу Шотт принадлежал водочный завод в Оренбурге, им же был прикуплен участок в 12500 дес. земли в Ташлинской волости. В октябре 1847 г. у титулярной советницы Т.И. Приезжевой куплено сельцо Николаевское (Шоттовка) площадью в 1611 дес. (41 душ) (РГИА. Ф. 577. Оп. 25. Д. 30. 35 л.). Таким образом, И.Д. Шотт в начале своей карьеры крупного землевладельца владел одновременно водочным заводом в г. Оренбурге и винокуренным заводом из 4 заводов подобного профиля в Оренбургском уезде в 1883 г. В губернии работало всего таких 9 заводов в 1883 г., в 1886 г. – 10, в 1898 г. – 5, в 1904 г. – 9 (Статистический отчет, 1905, с. 27). Действительный статский советник И.Д. Шотт был записан в списки оренбургских купцов в 1869 г. как временный 2-й гильдии купец. Будучи крупным землевладельцем, принимал участие в решении вопроса о введении земства в Оренбургской губернии в 1863 г. «Когда 1 января 1864 г. был опубликован закон о введении земства, то под пунктом 14 в нем стояла и Оренбургская губерния, в которой находилось тогда 9 уездов (в царствование Александра II). Еще в 1863 г. Оренбургский губернатор Безак поднял

вопрос о введении земства в Оренбургской губернии у башкир края. Скоро особая комиссия в Оренбурге под председательством И.Д. Шотта разрабатывает проект, по которому земство должно было быть и у крестьян, и у казаков, для чего требовалось преобразовать местное управление и провести социально-экономическую унификацию окраин. Однако, проект И.Д. Шотта Петербург не одобрил и вернул в Оренбург» (Оренбургская газета. 1914. 12 июня).

Интересно отметить, что куплей-продажей И.Д. Шотт занимался через своего посредника доверенного коллежского асессора В.Н. Иванова, на которого оформил генеральную доверенность, выражаясь современным языком. «Прошу и уполномочиваю Вас покупать для меня у башкир и других лиц и казенных мест с торгов и частным образом незаселенные земли, дома и вообще движимое и недвижимое имущество, брать в аренду, а также продавать и закладывать то и другое, т.е. движимое и недвижимое имущество казенным местам и частным лицам за … цену и совершать крепостным порядком купчие крепости, на мое имя и от моего имени, …» (ГАОО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 32. Л. 5). Так, 4 января 1875 г. им была куплена земля у В.А. Бегичева в Оренбургском уезде при деревне Азнагуловой на левом берегу р. Накаса в 232 дес. удобной земли за 1160 руб. серебром. Во второй половине XIX века И.Д. Шотт приобрел с. Тугустемир у известного помещика В.В. Звенигородского. В 70–80-х гг. XIX в. значительная часть земель была им продана переселенцам, вырученные деньги были пущены для развития обширного хозяйства на капиталистической основе с использованием наемного труда. 200 дес. пахотных угодий он арендовал у соседних башкир.

Правительство намеревалось создать слой землевладельцев из покупателей башкирских земель и «изменить этноконфессиональную карту края. По официальным данным за 1868–1878 гг. было заключено 106 сделок, их них 23 дворянами, 50 – совместно дворянами, купцами, мещанами, 20 – крестьянами-переселенцами, 13 – башкирами» (Азаматова, 2015, с. 57). С 1887 г. по 1905 г. прошло Всероссийское обследование земельной собственности по единому опроснику для всех землевладельцев, в 1881 г. собирали сведения о распределении земель по владениям и угодьям, затем – о пахотных землях для учета посевных площадей в стране. В 1905 г. правительство выясняло точные сведения о посевных площадях для определения ежегодных сборов хлебов и новые сведения о распределении земельной собственности (Шустов, 2011, с. 89–90).

Отставной майор был не только землевладельцем. «Оренбургский листок» в июне 1877 г. поместил «Объявление лесопромышленника Шотта»: «В г. Оренбурге открыта продажа разной толщины бревен до 15-ти аршин длины, коротышей, длиною 6-ти и 7-ми аршин, и дров разных пород по очень сходным ценам. Контора находится на Большой улице в доме Исаева рядом с уездным училищем, где помещается Агенство русского страхового от огня общества» (Оренбургский листок. 1877. 5 июня).

В 1890 г. И.Д. Шотт открыл в с. Тугустемир Ташлинской волости стекольный завод, выпускавший бутылки для винного завода, посуду и оконное стекло. В Оренбурге магазин по продаже стекла находился по ул. Петропавловской в доме Шоттов, владельцем которого стал позже его сын Л.И. Шотт.

Действительный статский советник И.Д. Шотт с 1871 по 1879 гг. избирался губернским предводителем дворянства (ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14635. Л. 82), был действительным членом Оренбургского отдела императорского русского географического общества (Справочная книжка…, с. 40). В его честь была названа улица в Новой Слободке города (современная ул. Сухарева, в прошлом ул. Крестьянская).

Перейдем к личности Льва Ипполитовича Шотта и его многоплановой деятельности. Л.И. Шотт родился в 1856 г., вышел из дворян Оренбургской губернии. В 1881 г. окончил институт Путей сообщения императора Александра I и с 9 июля 1881 г. находился на действительной государственной службе, в 1891 г. откомандирован в Оренбургскую губернию. 10 января 1893 г. избран губернским предводителем дворянства, набрав 28 баллов против 26 баллов у тайного советника А.Д. Холодковского. 11 марта 1893 г. вступил в эту должность на трехлетие, в 1899 г. успешно переизбран. В 1896, 1899, 1905 и 1906 гг. избирался членом Государственного совета на губернском съезде землепашцев. В 1907 г. внесен в списки лиц, имеющих право на участие в выборах в Государственную думу 1907 г. Лев Ипполитович Шотт унаследовал от родителей винокуренный и ректификационный заводы в имении Куюргазы той же волости Оренбургского уезда (Статистический отчет…, 1905, с. 27) и хутор Покровский, где находился спиртоочистительный завод при винокуренном, оба предприятия работали сезонно. Он имел 8930 дес. земли и дополнительно арендовал две тысячи дес. земли у башкир в Бурзянской волости. На них он поселил крестьян из Самарской в 1872 г. и Симбирской губерний в 1876 г. (ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 152. Л. 23). В

1902 г. он на запрос канцелярии оренбургского депутатского собрания дал сведения о своем имении (ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 509. Л. 8). Владел 26969 дес. земли, двумя винокуренными заводами, одним ректификационным (спиртоочистительным) заводом, двумя кирпичными заводами, мериносовым овцеводством в 15 тыс. голов, имел одну лавку мануфактурно-бакалейной торговли. «Оренбургская газета» в 1897 г. сообщала, что на основании Высочайшего повеления Л.И. Шотт утвержден вице-президентом Оренбургского-Тургайского общества поощрения коннозаводства (Оренбургская газета. 1897). Помещик имел собственный коннозавод, на котором разводили чистокровных рысистых лошадей и английских полукровок. Лучшие из рысаков участвовали в соревнованиях. Приведем объявление из «Оренбургской газеты» из раздела «Спорт» (Оренбургская газета. 1914. 21 июня): «15. 06. В Оренбургско-Тургайском обществе поощрения рысистого коннозаводства закончилась предварительная запись на именные призы, разыгрываемые в текущем осеннем сезоне … записаны пока 40 лошадей, из которых пять лошадей иногородних владельцев и 15 местных. Открытие сезона назначено 17 августа. До сих пор записаны лошади следующих владельцев и на следующие призы: 1. Приз в честь главного управляющего государственного коннозаводства князя Н.П. Щербатова в одну тысячу рублей, дистанция одна верста (полный возраст), записан жеребец Дан (Л.И. Шотт); 2. Приз в честь бывшего вице-президента, а ныне почетного члена общества Льва Ипполитовича Шотта в одну тысячу рублей; 3. Приз в честь вице-президента общества Н.А. Холодковского в 1000 руб. Дистанция – 1 ½ версты (для 4-х леток). Записаны: Великан (Л.И. Шотт 4. Приз в честь почетного и старшего члена общества И.Е. Баландина в 1000 руб. Дистанция 3 версты. Записаны: Жемчуг (Л.И. Шотт). Далее идут призы в 500 руб., записаны: жеребцы Железный, Знахарь, Успех коннозаводчика Л.И. Шотта».

Лев Ипполитович Шотт вел большую общественную работу (Адрес-календарь и Справочная книжка Оренбургской губернии на 1914 г., с. 20, 32, 52). Он был членом Дворянского депутатского собрания, до начала 1918 г. – губернским предводителем дворянства, депутатом дворянства был сын – Борис Львович Шотт. Л.И. Шотт являлся председателем совета по больницам города, председателем Дворянской опеки, в Губернском комитете попечительства о тюрьмах был директором общества. С 1908 г. Л.И. Шотт входил в лесоохранительный комитет. Семья Шоттов принимала участие в благотворительных делах города и вноси-

ла пожертвования в общую кассу. В войну 1886–1887 гг. состоятельные оренбургские дворяне купили полушубки и тулупы для раненых воинов. Вера Осиповна Шотт внесла пять полушубков (Оренбургский листок. 1877. 25 сентября).

Итак, потомки русского подданного немецкого происхождения Иоганна Даниэля Шотта из г. Страсбурга его сын Ипполит Данилович Шотт и внук Лев Ипполитович Шотт служили на благо России верой и правдой. Они постоянно увеличивали земельные площади родового имения в с. Ермолаево и с. Тугустемир Оренбургского уезда, покупая и арендуя земли у соседей – помещиков и башкир, провели телеграфную (проволочную) связь в имении. Их считали крупными заводчиками по производству водки и спирта, они имели стекольный завод, занимались разведением породистых жеребцов, которые участвовали в забегах на определенные дистанции, успешно использовали в ведении сельского хозяйства передовые приемы до революции 1917 г.

Источники и литература

1. *Адрес-календарь* Оренбургского края на 1858.

2. *Азаматова* Г.Б. Земское самоуправление на Южном Урале: опыт реализации и региональные особенности (1874–1917 годы) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63.

3. *Адрес-календарь и Справочная книжка Оренбургской губернии на 1914 г.*

4. *ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 16.*

5. *ГАОО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 32.*

6. *ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14635.*

7. *ГАОО. Ф.155. Оп. 1. Д. 1*

8. *ГАОО. Ф. 11. Оп. 1 Д. 152.*

9. *ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 509.*

10. *Оренбургская газета. 1914. 12 июня*

11. *Оренбургский листок. 1877. 5 июня*

12. *Оренбургская газета. 1897.*

13. *Оренбургская газета. 1914. 21 июня*

14. *Оренбургский листок. 1877. 25 сентября*

15. *РГИА. Ф. 13. Оп. 1 Д. 650.*

16. *РГИА. Ф. 577. Оп. 25. Д. 30. 35 л.*

17. *Статистический отчет* Оренбургской губернии за 1904. Оренбург, 1905.

18. *Справочная книжка* Оренбургского края на 1871.

19. *Шустов* С.Г. Эволюция земледелия на Урале в конце XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2011. Вып. 4 (Том 4. История).

Бахарева Ольга Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург); e-mail: Vladimir_bvn@mail.ru

Bakhareva Olga Yakovlevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)

УДК 181.161.1

Е.Н. Бекасова

Историко-культурный диалог народов Оренбуржья (по материалам записей Б.А. Моисеева)

На протяжении 250-летнего существования Оренбуржье формировалось как полиэтнический регион, в котором происходит интерференция языков и культур, усиливаемая непрекращающимися активными миграционными процессами. Одним из источников исследования феномена взаимодействия языков и народов является культурно-историческая память людей, представленная в их устных рассказах о прошлом и настоящем. В связи с этим особую ценность имеют зафиксированные в «Оренбургском областном словаре» Б.А. Моисеева записи диалектной речи жителей Оренбуржья 50–70-х гг. XX в., которые позволяют реконструировать фрагмент языковой картины в условиях контактирования некогда территориально разделенных групп людей, обладающих своим особым – нередко значительно отличающимися – укладом жизни и культурными традициями. Анализ материала, отраженного в собранных Б.А. Моисеевым записях, позволяет выявить некоторые реальности диалога народов Оренбуржья, без искажения субъективностью интерпретации и однозначной трактовкой фактов. В записях содержаться сведения об оценке – положительной или отрицательной – этнических и социальных сообществ, рефлексии по поводу своих или чужих особенностей, а также тех многочисленных контактов и их результатов, которые идут на пользу каждому из оказавшихся в соседстве народов.

Ключевые слова: история заселения Оренбуржья, диалекты, заимствования, история русского языка, диалектные записи как текст, рефлексия диалектоносителя.

E.N. Bekasova

Historical and cultural dialogue of the peoples of the Orenburg region (on materials of records of B.A. Moiseyev)

Throughout 250 years' existence the Orenburg region was formed as the multiethnic region in which there is an interference of languages and cultures strengthened by continuous active migration processes. One of the sources of research of the phenomenon of interaction of languages and the people is the cultural and historical memory of people presented in their oral stories about the past and the present. In this regard the records of the dialect speech of residents of

Orenburg Oblast of the 50–70th years of the 20th century recorded in "The Orenburg regional dictionary" of B.A. Moiseyev which allow to reconstruct a fragment of a language picture in the conditions of engagement of once territorially divided groups of the people possessing special – quite often considerably differing – tenor of life and cultural traditions have special value. The analysis of the material reflected in the records collected by B.A. Moiseyev allows to reveal some realities of dialogue of the people of Orenburg oblast, without distortion by subjectivity of interpretation and unambiguous interpretation of the facts. To contain in records data on assessment – positive or negative – ethnic and social communities, a reflection concerning the or others features and also those numerous contacts and their results which do well to each of the people which have appeared in the neighbourhood.

Keywords: history of settling of Orenburg region, dialects, loans, Russian history, dialect records as text, reflection of a the dialect speakers.

С началом освоения огромного края, получившего в 1744 г. название Оренбургской губернии, сложилась особая этническая и соответственно языковая составляющая, где волны переселенцев из 20 губерний Российской империи смешивались с приливами живущих и кочующих по бескрайним землям этносов. Движение шло не только с запада, но и с востока, когда переселенцы возвращались в уже пройденные земли или когда перемещалось казачество на новые сторожевые посты. Складывались однородные поселения, по сути копирующие родное на новом месте – нередко с теми же названиями или уточнениями с приставочным *Ново-* (Новосергиевка, Новотроицк, Новомихайловка, Новоникольское и др.), и смешанные, где рядом оказывались выходцы разных территорий, в том числе и в соседстве с неоднородным в этническом плане яицким (уральским) казачеством, тюркскими и финно-угорскими народами. В последнем случае требовалось время и усилия на складывание определенных соседских отношений между группами людей, разделенных пространством и жизненным укладом.

Некоторые моменты сложных взаимоотношений односельчан отмечает известный оренбургский краевед и диалектолог Б.А. Моисеев (Моисеев, 2010, с. 6–8). Например, выходцы Саратовской губернии Балашовского уезда в основанном ими селе Саратовка Соль-Илецкого района оказались в окружении казачьих поселений. Между соседями «установились неприязненные отношения», отразившиеся в том числе на сохранении акающего говора бывших саратовских крестьян среди окающего казачества. В с. Гамалеевка Сорочинского района к курским

переселенцам (30-х гг. XIX в.) в 1843 г. были подселены «вынужденные переселенцы из Зауралья, с той территории, где заканчивалась Оренбургская пограничная линия и начиналась Сибирская охранная линия» (Там же, с. 7), в результате в селе появился Курский и Сибирский концы, при этом отношения между акающими куряками и окающими сибиряками были настолько напряженными, что они не только сохранили свой говор, но и никогда не роднились между собой. Имеются случаи своеобразного «взаимодействия» речи односельчан, например, в с. Григорьевка Соль-Илецкого района, основанном в 1834 г. окающими казаками, где позже поселились воронежские акающие крестьяне. Однако, как пишет Б.А. Моисеев, «окальщики, задавали тон в военной деятельности, в хозяйственных занятиях и в общественной жизни. Свой говор они считали образцовой речью, которую старались сохранить. В таких условиях многие особенности акающего говора (яканье, [г] фрикативный и др.) постепенно исчезли…» (Там же, с. 7).

В XX веке миграционные процессы в Оренбуржье также были связаны с освоением новых земель – поднятием целины, но во многом происходили из-за опустошения казачьих станиц в связи с революцией и гражданской войной, вымиранием деревни в советское и постперестроечное время. Однако особый лингвистический настрой Оренбуржья в какой-то степени сохраняется и до настоящего времени (Бекасова, 2015; Бекасова, 2016). При этом в диалектных записях, где, как правило, речь идет о реальной жизни, в том числе прошлой, наибольший интерес представляют отношения народов, которые в той или иной степени доносит до нас язык. Это единственное объективное свидетельство, которое не искажено ни личным пристрастным мнением, ни односторонностью рассмотрения фактов, ни их скудностью в плане освещения конкретных деталей обихода, который, по утверждению А.М. Панченко, «слагается из «прописей», из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации» (Панченко 2005, с. 83).

Именно эти «прописи» не всегда позволяли реализовать ту отмеченную еще А.С. Пушкиным «общежительность» и «переимчивость», в целом свойственную российскому народу. Поэтому казаки, осмысливающие себя как значимый слой населения, называли крестьян Саратовки «обидными и грубыми словами*: музлáн, музланье*», а «сибиряки» из Гамалеевки в свое время не признавали курных изб «куряков», сторони-

лись «грязного» быта соседей и брезговали жениться на соседках «мужицкого» края села (Моисеев, 2010, с. 7).

Однако десятилетия соседства оставляли определенный след в жизни народов и их языков. Судя по «Оренбургскому областному словарю» Б.А. Моисеева, наиболее значимым показателем взаимодействия разных обиходных культур является обмен в области традиционного питания. Естественно, это предполагает более тесное общение между народами: не только стороннее наблюдение, но и совместный прием пищи, а также соблюдение своеобразного этикета гостеприимства. Следует отметить, что еда, названия которой вошли в состав оренбургских русских говоров, по-разному оценивается респондентами. Например, *джюрьма* (*джюрма*) рассматривается как *затируха*: *Какое там угощение – одна джюрьма была* (Там же, с. 40). Респонденты могут оценивать национальное блюдо положительно и указывать на привычность его приготовления разными народами, ср.: *зюрьма* – 1. Жидкая каша из пшеничной муки. *Зюрьму башкиры любят, русские тоже ее варят*. 2. Лапша из раскатанного и порезанного на кусочки теста. *Зюрьму мы варили обычно вечером* (Там же, с. 52); *сарса / сарца* – вид сухого сыра, приготовленного из кислого молока: кислое молоко кипятится в котле, затем из полученной густой массы желтого или красноватого цвета делают лепешки и высушивают их. «*Сарсу делают русские и киргизы, она сладкая, вкусная, ее с чаем пьют* (Там же, с. 153); *чучь-паря* – пирожки с мясом. *«Но самая деликатесная у башкир пища «чучь-паря», то есть маленькие пирожки с мелко нарубленным мясом, варенные в масле или воде, наподобие сибирских пельменей»* (Там же, с. 182).

Особый интерес представляет преобразование названия национального блюда *коже* (*куже*) в русское *кузя*: «*Кузю варили: пшенцо и молоко». «Пшенная каша с последнего вида молока (прокисшего) называется кузя». «Мешочек пшена остался, вот мы кузю варили и ели»* (Там же, с. 77). В газете «Оренбургский край» (1893, № 107) дан рецепт кузи: *«Киргизки коз уж подоили, коров и жирных кобылиц; кузю на завтрак заварили...»* (В сноске: *«Кузя – жидкое кушанье, приготовляемое из джугары или просто муки, которая, варясь в котле, постепенно помешивается. По сварке к нему прибавляется топленое баранье сало»*).

Новые кулинарные пристрастия переселенцев хорошо просматриваются и в тех наименованиях, степень присвоенности которых определяется соответствующими названиями по моделям русского языка. Например, в оренбургских русских говорах имеются *саламата / саламат*

(Мы сегодня ели саламат. Наварили саламаты, и на весь день хватило) и *саламатник* – «так прозывают (дразнят) жителей с. Кузьминовки за то, что они в прошлом, по словам престарелых жителей, однажды варили свое любимое кушанье саламату и подожгли деревню: *Верхнегумбетцы* (жители с. Верхний Гумбет) *называют нас саламатники, а мы их дразним черносливниками*» (Моисеев, 2010, с. 152).

Наиболее показательна ассимиляция в языке, особенностях приготовления и способах употребления такого распространенного и в современном Оренбуржье традиционного мясо-мучного блюда тюркоязычных народов, как *бижбармак:* «*Раз пришли к ним, а они нас бижбармаком угостили*». «*Бывало мать часто варила бижбармак, но мы ложками ели, а киргизы – руками: возьмут рукой лепешечку и кусочек мяса, положат в рот, потом ладошкой черпают жижку и запивают*» (Там же, с. 21–22) *«Павел Николаевич выбрал лучшего кургашка, собственноручно его зарезал и снял кожу, для чего туго привязывал к оглобле повозки, а затем принялся готовить бижбармак»* (Там же, с. 79).

Следует отметить, что записи Б.А. Моисеева не имеют той негативной коннотации, которая встречается в словаре В.И. Даля с пометой (*орнб.*) – «О дурно приготовленном кушанье говорят: это какой-то бишбармак, крошево» (Даль, 1998, т. 1, с. 85).

Помимо свойственной русскому языку регрессивной ассимиляции по звонкости (би**ж**бармак < бишбармак, бесбармак) появляются глаголы типа *бижбарматничать, бижбармачить*: *«Куда пропал наш хозяин, а он ушел к киргизам и там бижбармачит»* (Моисеев, 2010, с. 23). Подобная запись свидетельствует не только об определенном вхождении кушанья в систему питания оренбуржцев и признании приоритетности его качеств в исконной национальной кухне, но и о дружеских отношений между представителями разных этносов.

Сведения о таких приятельских отношениях также можно найти в различных записях, например, при обращении: *кайда-барасым* – куда пошел, куда идешь? Это выражение употребляют русские при обращении к казахам и казахи, когда они обращаются к русским. «*Эй, знаком* (знакомый), *кайда барасым?*» (Там же, с. 54); *аман* – здравствуй, здорово. Обычно русские так приветствуют казахов. *«Аман, Бисенгалей! Как живешь?»* (Там же, с. 16). Используются специальные слова для обозначения друга или приятеля другой национальности**:** *джюлдас* – товарищ, попутчик. Русские жители знают это слово, но употребляют его лишь в беседе с казахами (Там же, с. 40), *тамыр* **–** приятель, друг из ка-

захов по отношению к русскому человеку. Многие жители казачьих станиц на побережье реки Илек находились в дружбе с казахами, которые постоянно кочевали поблизости от русских селений по левому берегу реки Илек. «*Они были с ним тамыры», «Тот киргизин был моим тамыром, он ко мне ездил, а я к нему»* (Там же, с. 165).

О частотности использования слова *тамыр* свидетельствуют однокоренные образования *тамырить, тамырство.* Однако тамырство распространялось только на тех казахов, которые вели оседлый образ жизни и жили по соседству, ср.: *тамырить* – дружить с казахами. Русские дружили не со всеми казахами, а только с ближними, которых они хорошо знали. С некоторыми казахами (адайцами, кушпилями и др.), которые прикочевывали в эти места издалека (от Каспийского моря), русские поселенцы враждовали, так как адайцы и др. нападали на русские села, похищали людей, угоняли скот. *«Эти киргизы рядом жили, они с урусом* (русским человеком) *тамырили. Ближние киргизы на нас не нападали, они уже тогда с ними тамырили. С адайцами не тамырили: они на нас нападали и на наших тамыров»* (Там же, с. 165). При этом уточняется, что такие *«киргизы с урусом дружили»* (Там же, с. 172).

Распространение в русских диалектах получили тюркские слова для идентичного обозначения сначала своих соседей, а затем и русского человека, например: *крестанай* – из русского словосочетания «Христа ради (подайте)». *«Пастухи из джатапов (киргизы) предпочитают есть русские сухари (сукар), которые они собирают в праздники у русских и называют «крестанай» (от «Христа ради»). Собирание же это обычное у пастухов и не считается между хозяевами и пастухами за нищенство. Сто́ит только пастуху с мешком при седле подъехать к окну и закричать слово «крестанай», как тотчас же из окон высунутся головы хозяюшек с горячими калачами и заботливыми поручениями о своих скотинушках»* (Там же, с. 74); *джюрбала – Ирон.* Неповоротливый и нерасторопный человек. «*Вон джюрбала идет, с ноги на ногу переваливатся».* В прошлом дети, увидев казаха в национальной одежде, из любопытства ходили за ним, подолгу рассматривали его. В таких случаях казах, желая избавиться от надоедливых ребят, обычно кричал на них: «Джор, бала!» В переводе с казахского это значит: «Пошел, уйди, мальчик!». Сочетание двух слов, воспринятое местными жителями как одно, стало названием для казаха, затем и для русского человека (Там же, с. 40); *кара-чекмень* (в переводе «черный кафтан») – бедный казах или русский крестьянин (мужик). Среди оренбургских казаков были кара-чекмени (мужики), которые

не пользовались казачьими правами и не получали земельного надела. *У нас жили кара-чекмени, мужики, они за все платили казакам и за землю, по которой ходили* (Там же, с. 57); *буляк / булюк* – 1. Казах (киргизин), живущий в одиночку в степи вместе со своим семейством и скотом. «*Раньше киргизы жили буляками: киргизин поставит кибитку где-нибудь в степи и живет один с семьей, а вокруг пасет скот».* 2. Уральский казак, который во время полевых работ жил с семьей в степи. По рассказам местных жителей, казаки-уральцы в прошлом не делили между собой пахотную землю и сенокосные угодия. Каждый казак брал себе столько земли, сколько мог обработать. В степи, недалеко от своих посевов и сенокосов, казак устраивал гумно, где жил в шалаше или в какой-нибудь легкой постройке весь период полевых работ. «*Наши казаки тоже были буляки. Летом все жили отдельно, буляками. У каждого свое гумно в степи, там работает и живет»* (Там же, с. 25).

Такое использование иноплеменного слова для дифференциации семантических значений и обогащения языка – явление достаточно распространенное. В связи с этим показательна сфера, связанная с детьми (Якимов, 1014), например: *бельмешок* – грудной ребенок. «*Бельмешок ты мой маленький*, *ничего-то не понимаешь*». Слово образовано от казахского «бельмей», которое хорошо известно русским жителям и часто употребляется ими в разговоре с казахами. *«Начали киргизы нас расспрашивать: где косим, не слыхали ли ночью выстрелов. Петрович на все вопросы одно отвечает «бельмей», а сам все понимает, притворился, значит»* (Моисеев, 2010, с. 21); *бишара – собир*. маленькие дети. «*Зашли к ним, а у них бишары полная изба: один в люльке, двое ползают, остальные бегают»* (Там же, с. 22). Востребованность данных заимствований приводит к появлению соответствующего словообразовательного гнезда, например: *армай* – шалун, озорник. «*Армай ты этакий, никогда не посидишь спокойно»*; *армайка* – шалунья, озорница. «*Такая армайка растет, не слушает никого»; армайничать* – озорничать, хулиганить. «*Ходят ночью по улицам и армайничают»* (Там же, с. 17).

Записи 50–70-х гг. XX в. свидетельствуют о том, что живущие рядом народы достаточно хорошо знали друг друга, например, сторонились *адайцев* / *адаев* («*Раз прискакал адаец и нашу корову угнал. Смотрим: адаи едут*» *«Адаев много было, все богато жили»*) и нередко так называли невежественного, грубого и нахального человека (*На человека не похож, адаец какой-то. Он ничего не признает, настоящий адаец*) (Там же, с. 16).

Однако зона разногласий между народами сокращалась за счет определенных контактов между нами и признания каких-либо положительных явлений. Например, несмотря на указанные отношения к адайцам высоко ценились *адаевские лошади* (*адайцы*), которые отличались мелким ростом и большой выносливостью («*Адайские лошади дикие, как звери, и бегают больно быстро»)* (Там же, с. 16). С другой стороны, усваивались чужие слова для обозначения окружающих предметов, которые в результате становились общими для разных народов, например: *карашпай* – ерш («*Какой ты рыбак, если за весь день поймал только два карашпая»* (Там же, с. 16)); *кургаш, кургашек* – ягненок в возрасте 5–6 месяцев (*«Давай зарежем кургашка, нам хватит покушать»*); *кургашина* (мясо ягненка, кургаша (Там же, с. 79)); *куян* – разновидность тюльпана с желтым цветком, луковицы которого выкапывают из земли и едят («*Айда за куянами в степь. Куяны поспели, будем их выкапывать»* (Там же, с. 82)) и др.

Такие слова, в свою очередь, становились материалом для появления на русской почве новых, переносных значений. Например, слово *джибага (джебага),* имеет значения: 1. Овечья, а также верблюжья шерсть весенней стрижки (*«Джибагой называется шерсть, снимаемая с овец весною и свалявшаяся на самом животном». «Из джебаги киргизы и бедные казаки шьют шубы и одеяла»*). 2. Плохой, свалявшийся козий пух. 3. Казахское пальто с мелкой стежкой без покроя («*Джибага длинная, киргизы часто-часто ее стегают, она у них как одеяло».* «*У богатого купа* (пальто), *а у бедного джибага*»). Специфика сшитой из *джибаги* одежды послужила причиной появления еще одного – иронического – значения для наименования тяжелой и неудобной верхней одежды: «*Вот надела джибагу, и повернуться нельзя. Уж бросил бы носить свою джибагу». «Надрючил на себя джибагу и ходит»* (Там же, с. 39).

Нередко заимствованные слова уходят в прозвищную номинацию, например: *цокыр* (косой верблюд) – человек с одним глазом, а также косоглазый. «*В этом доме Васька-цокыр живет, одноглазый, один глаз ему выбили»* (Там же, с. 177); *бурить, буриться, разбуриться* (о верблюде (буре): находиться в возбужденном состоянии в период случки) – *перен*. о человеке: бушевать, разбушеваться, дебоширить. *«Зашел к нему, а он так разбурился!» «Придет пьяный и начинает бурить, семье покоя не дает».* «*Не бури больно, как верблюд»* (Там же, с. 26); *кушпиль /кушпель* (кочующий казах) – о человеке, которые ничего не знает «*Ты ничего не знаешь, как кушпиль, который весь век в степи кочует»* (Там

же, с. 82); *куян* (заяц) – *перен.* о человеке, который ничего не замечает вокруг себя «*Эх ты, куян косой! Ты куян слепой, что ничего не видишь*» (Там же, с. 82) и под. (Бекасова, 2014).

Таким образом, записи оренбургской диалектной речи 50–70-х гг. XX в., зафиксированные в «Оренбургском областном словаре» Б.А. Моисеева, предоставляют нам сведения о том многообразном и позитивном диалоге между людьми, которые волею судьбы оказались соседями и, несмотря на разность мировосприятия, сложившихся традиций и обихода, вопреки неприятию и даже враждебности, выстраивали между собой человеческие отношения. В этом плане весьма показательны записи речи диалектоносителей в двух словарных статьях – *нерусь* и *обрусеть*. С одной стороны, значение слова *нерусь* – *собир.* нерусские люди (другой национальности) – четко корректируется иллюстративным материалом: *«На Кавказе живут все нерусь: грузины, армяне, ингуши, чеченцы»* (Там же, с. 106–107). В данном случае речь идет или о территории, где русских нет, или о народах, проживающих далеко от Оренбуржья, но следует подчеркнуть, что среди записей нет контекстов, где так называются этносы по общей Оренбургской земле, то есть казахи, татары, башкиры, чуваши, мордва и др. С другой стороны, записи, сопровождающие слово *обрусеть*, позволяют уточнить процесс присвоения и приобщения «не-руси» к «руси», которые следует понимать не как этнические метаморфозы, а как преобразование жизни – проявления сути всего живого: 1. О диких животных и птицах: привыкнуть к домашним условиям, стать прирученными. «*Поймаешь зайца и домой, он обрусеет и живет».* 2. О людях: привыкнуть к новым условиям жизни, обжиться. «*Когда приехали сюда, у нас (**мужиков**) **отличка** была с **казаками**, а сейчас уж **мы обрусели**»* (здесь и далее разрядка моя – Е.Б.). «*Постепенно **мы обрусели** на новом месте. **Киргизы обрусели** и перестали топтать наши посевы».* «***Киргизы обрусели**, стали ездить к нам на базар»* (Там же, с. 111). В понимании обрусения не важны этнические и социально-бытовые различия – мужики обрусели и казахи обрусели, – важным становится приобщение к новым природным, хозяйственным и этнокультурным явлениям, принятие их как своих, отказ от враждебной позиции к чужому – к чему-нибудь или кому-нибудь, которые естественно приводят не только к разнообразию жизни, но и мирообщежительности, выработанной многовековыми контактами человечества.

Источники и литература

1. *Бекасова* Е.Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края // Вестник ОГПУ. 2015. № 3. С. 98–107.

2. *Бекасова* Е.Н. Проблемы и перспективы изучения языкового пространства Оренбуржья // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: в 2 ч. Ч. 1. Материалы Международной научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 14 октября 2016 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. Оренбург: ООО «Издательство “Оренбургская книга”», 2016. С. 28–33.

3. *Бекасова* Е.Н. Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских говорах // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 34–44.

4. *Моисеев* Б.А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.

5. *Панченко* А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 544 с.

6. *Даль* В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. (второе издание, 1880–1882 гг.). М.: Русский язык, 1998.

7. *Якимов* П.А., *Кирина* М.М. Концепт «ребенок» в Оренбургской диалектной картине мира // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 1 (44). С. 218–220.

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург); e-mail: bekasova@mail.ru

Bekasova Elena Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Methods of Teaching Russian Language, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)

УДК 929.73

Р.К. Вильданова

Татары в правительственных, сословных и общественных учреждениях г. Симбирска в последней трети XIX – начале XX вв.

Целью статьи является выявление значимых имен симбирских татар, внесших вклад в развитие национальной общины во второй половине XIX – начале XX вв. Работа выполнена на основе сохранившихся выпусков Памятных книжек и Адрес-календарей Симбирской губернии (1860–1916). По данным источникам прослеживается расселение жителей-мусульман, а также участие их представителей в органах управления и в общественной жизни губернского центра.

Ключевые слова: симбирские татары-дворяне, татары-купцы, органы управления.

R.K. Vildanova

On participation of Tatar community representatives in the self-government bodies of Simbirsk province

The purpose of this paper is to identify significant names of Simbirsk Tatars who have contributed to the development of the national community in late 19th – early 20th century. The paper is based on extant editions of Reference books and Address-calendars published in Simbirsk province (1860–1916). These sources provide information on the settlement of Mohammedan inhabitants and participation of their representatives in the public life of the province.

Keywords: Tatars-nobles of Simbirsk, Tatar merchants, self-government bodies.

Памятные книжки, Статистические обозрения и Адрес-календари Симбирской губернии, на основе которых выполнена данная работа, являются официальными справочными источниками, содержащими сведения о структуре государственных и общественных учреждений, об их личном составе, по ним прослеживаются результаты пореформенных изменений, связанные с земской, городской и другими реформами, в целом с модернизационными процессами в стране, а также сведения о повседневной жизни губернии. Из издававшихся на протяжении почти

60 лет Памятных книжках Симбирской губернии (с середины XIX в. до 1916 г. включительно) сегодня сохранилось 24 выпуска.

В исследуемый период в 1860–1914 гг. число жителей Симбирской губернии постоянно росло, а вместе с ним и число мусульман выросло с 6,5% до 9,5% от общего населения губернии. В г. Симбирске татарское население также заметно увеличилось с 1,3% до 6,15%. Наибольшее число татар проживало в 5 уездах: Буинском (41844 чел.), Курмышском (19162 чел.), Симбирском (12229 чел.), Карсунском (5039 чел.) и Сенгилеевском (4262 чел.) уездах.

Таблица 1

Динамика роста численности мусульманского населения Симбирской губернии в 1860, 1887 и 1915 гг.

Годы	Числ. жителей губернии	Числ. мусульман в губернии	Числ. мусульман в уездах	Числ. мусульман в городах	Числ. мусульман в г.Симбирске
1860	1160809	88288	87207	1081	305
1887	1579847	130290	127160	3130	1055
1915	2059274	200510	191136	9374	6027

В России общество было разделено на четыре основные сословия: дворянство, мещане, крестьянство и духовенство. В Памятных книжках нет данных об этнической принадлежности внутри сословий, исключение сделано только для духовенства.

Таблица 2

Численность населения Симбирской губернии по сословиям в 1860 и 1914 гг.

Название сословия	Численность в 1860 г.	Численность в 1914 г.
Дворяне	5114	7343
Мещане	37170	76802
Купцы	2791	1662
Цеховые	973	Нет сведений
Крестьяне	1045790	1651222
Духовенство	Православных 9996 Магометан – нет сведений	Православных 10725 Магометан 859

Симбирские татары-дворяне.

Среди большого числа симбирских дворян процент татар был ничтожен, а в членах Дворянских обществ они вовсе не значатся. Скорее всего, мусульмане были личными дворянами, получившими титул за собственные гражданские заслуги, ордена и занесенные в 1–2 часть Дворянской родословной книги Симбирской губернии. Исключение составляет древняя ветвь Тенишевых (Исеша, Емаша, Сафар), впоследствии принявшая христианство. В дореволюционный период в родословные книги были занесены также следующие фамилии: Алеевы, Искаковы, Шариповы (ГАУО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 362. Л. 13 об.–14). По различным документам числились дворянами также Ассанович Х.Х. (Справочная книжка, 1910, с. 56), Еникеев М.А. и Еникеева М.В. (Раскладочная ведомость, 1915, № 963, 623).

Татары-дворяне не обладали высоким экономическим положением, но отличались уровнем образования, владели русским языком, и некоторые из них были представлены в учреждениях губернского центра. Так, Еникеев Абдул Салихович – губернский секретарь (Памятная книжка, 1868, с. 42), коллежский секретарь казенной палаты Министерства финансов (Памятная книжка,1869, с. 48); казначей, надворный советник Буинского уездного казначейства (Памятная книжка, 1875, с. 213; 1877, с. 60); Еникеев Ибрагим Абдуллович – коллежский регистратор казенной палаты Министерства финансов (Памятные книжки, 1901–1902, с. 84); Ассанович Хусаин Хасанович, гласный городской думы, член исполнительной училищной комиссии при городской управе (Памятная книжка, 1910, с. 37).

Татарское духовенство не являлось сословием в общепринятом смысле, а скорее социальной корпоративной группой. В 1914 г. в губернии насчитывалось около 11 тыс. православных священников и 859 представителей мусульманского духовенства. Наибольшее их число – 381 человек проживали в Курмышском уезде. В Симбирске была одна мечеть и 4 представителя духовенства. Это род указного муллы симбирской мечети Абдул Вели Гафарова, наиболее стабильно представленный в Памятных книжках. С 1868 г. он являлся действительным членом статистического комитета Губернского по крестьянским делам присутствия (Памятная книжка, 1868, с. 42). В конце 1880-х его сменил на этом посту ахун Мухамет-Шакир Велиуллович Гафаров. М.Ш. Гафаров руководил медресе при мечети, в 1893 г. ему была пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте.

Известно, что в 1904 г. мулла М.Ш. Гафаров работал также законоучителем в Симбирском кадетском корпусе, что говорит о некотором количестве обучавшихся здесь кадетов-мусульман. В 1912 г. должность члена статистического комитета перешла к мулле Абдул Кариму Гафарову.

Мещане Симбирска были вторым по численности сословием после крестьян в составе губернии. В Симбирске в 1860-е гг. их количество колебалось от 9,6 до 10,4 тыс. человек (Галимова, 2010, с. 15). Горожане делились на 6 разрядов: владельцы недвижимости в черте города; гильдейские купцы; состоявшие в цехах ремесленники; иностранные и иногородние купцы; именитые граждане; прочее посадское население. Мещане имели свое самоуправление (мещанское управление), должности мещанского старосты, их помощников и членов управы были выборными. Большинство татарского городского населения губернского центра были мещанами или крестьянами, их фамилии указаны в посемейных списках симбирского мещанского старосты (ГАУО. Ф. 137, 143). Среди старост и членов мещанского и купеческого самоуправления Симбирска татары отсутствовали.

Татары-купцы.

Купцы составляли наиболее активную в экономическом отношении часть населения и «подпитывались» выходцами из других сословий. На протяжении XIX века в гильдейское купечество записывались дворяне, бывшие чиновники, государственные крестьяне. В 1863 г. была отменена третья гильдия, и все купцы, приписанные к ней, были переведены в мещанство. В документах одни и те же татарские фамилии в разные годы причислялись то к купцам, то к мещанам, то в городе, то в уезде. Так, в 1873 г. Абдул Чабар Мангушев с семьей перешел из симбирского в сенгилеевское купечество, или в 1885 г. в Карсунском уезде вел дела московский купец Салех Ерзин, а в 1899 г. – оренбургский купец Ахмет Хусаинов. Купечество стало основой формирующейся торговой, финансовой и промышленной буржуазии губернии.

Купечество в 1860-е гг. составляло незначительный процент населения Симбирского края и насчитывало в трех гильдиях 460 человек, в 1880–1890-е гг. численность его увеличилась и достигла максимальной величины – свыше 700 человек. В последующий период эта цифра несколько снизилась, а затем (на рубеже и в первое десятилетие XX в.) стабилизировалась в пределах 500–600 человек (Галимова, 2010, с. 15). Татары занимали значительное место в торговой и предпринимательской сфере губернии, так в 1868 г. из 141 симбирского купца 1–2 гиль-

дии 37 были татарами. Из них трое 1 гильдии (в г. Симбирске) и 34 купца 2 гильдии (в уездах). Наибольшее число купцов-татар 2 гильдии приходилось на г. Буинск, где 28 из 70 купцов были татарами (Памятная книжка, 1868, с. 49). За более чем полуторавековой период существования образ купца изменился до неузнаваемости. В конце XVIII века купеческое сословие состояло из торгующего крестьянства, в большинстве неграмотного, не умевшего подписывать купчие крепости и другие финансовые документы, работающие под «честное купеческое слово». Гораздо дальше пошли их дети. Второе и третье поколение купцов и промышленников, работавших в конце XIX – начале XX вв., было образованным, активным, предприимчивым, легко впитывало западный опыт и идеи. Ручное деревенское производство они заменили машинной техникой, вышли со своими товарами на мировой рынок. Татарские купцы участвовали в общественной жизни губернского центра и до 1918 г. были движущей силой татарской общины, что соответствовало духу времени и законодательству.

«Городовое положение» 1870 г. ввело городские думы (законодательный орган) и управы (исполнительный орган). По нему жители могли участвовать в выборах гласных городских дум. Хотя избирательная система была основана на принципе «всесословности», но существовал имущественный ценз, по которому избирательные права принадлежали состоятельным гражданам, владельцам недвижимостью или предприятиями, торговцам и купцам. В Симбирской городской думе большинство гласных были представителям гильдейского купечества, но татарские фамилии появились в думе лишь с 1909 г. По данным Памятных книжек наибольшее число татарских фамилий, занятых в работе тех или иных учреждений принадлежало купечеству.

Этот список начинается с середины 1870-х гг. с фамилии Акчуриных. В Памятной книжке 1875 г. действительным членом губернского статистического комитета становится Акчурин Андрей Семенович (возможно, Абдрашит Сулейманович? – *В.Р.*), а гласным от Карсунского уезда в губернской земской управе избран Тимофей (Тимербулат – *Р.В.*) Курамшевич Акчурин. Кроме того, членом учетного и ссудного комитетов Симбирского отделения Госбанка, а также членом правления симбирского Общества взаимного кредита до своей смерти в 1878 г. являлся Хасан Сулейманович Акчурин. Абдрашит и Хасан Сулеймановичи, Тимербулат Курамшевич Акчурины – крупные землевладельцы, купцы 1 гильдии, потомственные почетные граждане, владельцы суконных

фабрик в поселениях Самайкино, Ляховка, Гурьевка, «Торгового дома вдова Акчурина с сыновьями» в Симбирске.

В 1880-е гг. представительство татар в общественных органах управления сводится к минимуму и других фамилий, кроме члена статистического комитета А.В. Гафарова, нет. Лишь в 1889 г. в Симбирском губернском податном присутствии от Карсунского земства вновь появляется фамилия Тимербулата Курамшевича Акчурина.

О 1890-х гг. судить трудно, т.к. Памятные книги за этот период не сохранились. Надо сказать, что проблемы татарской общины в повестках городской думы практически не звучали: до 1900 г. всего 2–3 раза по частным случаям, связанным с покупкой или арендой недвижимости, далее на рубеже веков: о разрешении Абдельменеву варки мыла в его доме (1898), о постановке парового котла на сенопрессовальном заводе А.Г. Хусаинова (1902), о разрешении построить фабрику искусственной шерсти в 3 части г. Симбирска Б.Юсуповым (1903) (Перечень…, 2004, с. 140, 160, 165).

Начало XX века в Симбирской губернии отличалось интенсивным развитием, города разрастались, значительно увеличилось количество ведомств, органов управления, банков, частных кредитных учреждений, училищ, гимназий, больниц, благотворительных заведений и т.д. К прежним татарским суконным фабрикам Акчуриных, Алеева и Хусаинова добавились новые промышленные предприятия: суконные фабрики Юсупова Б.Ш., Агишева А.А., Трегулова Х.Ф., Кильдеева У.А, мыловаренные заводы Алимова И.А., позже Тенишева М.М., лесопильный и чугунно-литейный заводы Акчуриных, Тенишевых. В списке крупных землевладельцев губернии появились фамилии Алеева И.Х. и Муллина Ш.Г. Активизировалась деятельность в татарских общинах, шел процесс создания мусульманских благотворительных обществ в г. Симбирске, Симбирском и Буинском уездах, в фабричном центре Акчуриных д. Старо-Тимошкино, в губернии росло число мечетей и мектебов. Становится популярным коммерческое образование. Впервые в Симбирском коммерческом училище нештатным преподавателем «правил магометанского вероучения» назначен Мирзасалих Нугайбеков, который проработал в училище до 1917 г.

1900-е гг. характеризуются сменой поколений в татарской элите и появлением новых имен. В первую очередь это сын «легендарного» Тимербулата Акчурина Якуб Тимербулатович, избранный членом губернского по фабричным делам присутствия от местных фабрикантов и за-

водчиков. Я.Т. Акчурин – потомственный почетный гражданин, купец 1 гильдии, землевладелец, директор крупнейших суконных фабрик в с. Гурьевке и с. Самайкино, входивших в «Торгово-промышленное товарищество Т.К. Акчурина».

Материалы Памятной книжки 1910 г. впервые дают сведения о татарах-гласных городской думы XI четырехлетия (1909–1912 гг.): Хусаин Хасанович Ассанович (училищная, ревизионная, по выработке системы счетоводства комиссии), Карим Шамшетдинович Абушаев (санитарная и ломбардная комиссии), Шигабутдин Гафарович Гафаров (ярмарочная, больничная комиссии). Таким образом, из 44 гласных и 9 кандидатов Симбирской городской думы только трое были татарами. Здесь уместно более подробно охарактеризовать новых гласных Симбирской городской Думы. О дворянине Х.Х. Ассановиче было сказано выше. К.Ш. Абушаев – выходец из известной семьи купца 2 гильдии Ш.Абушаева, которая занималась плодоводством и сельским хозяйством, за что имела награды. Карим Шамшетдинович был также коннозаводчиком, владел магазинами «Китайских чаев, сахара и кофе Ш. Абушаева», занимался благотворительностью. К 1917 г. Карим Абушаев подтвердил свою успешную деятельность и стал купцом 1 гильдии. Также гласным из татар был симбирский купец Ш.Г. Гафаров, учредитель мусульманского общества Симбирского уезда (1908–1909), отец одного из основателей татарского театра Бари Шигабутдиновича Тарханова-Гафарова. Надо сказать, что татарские представители в городской думе в разные периоды работы большой активности не проявляли, вопросов, касающихся национальной жизни не поднимали. Самым добросовестным гласным был К.Ш. Абушаев, но и он из 130 заседаний посетил лишь 35 (Краткий обзор, 1913, с. 17). Скорее всего, татарские купцы были сосредоточены на самостоятельном решении проблем своей национальной общины, не вынося их на заседания городской думы и лишь по мере необходимости участвуя в решении общегородских задач.

Кроме гласных городской думы в Памятных книжках и Адрес-календарях появляются и другие татарские фамилии. Например, выходцы из мещан Пензенской губернии Мухаммет и Мубин Мухаммеджановичи Тенишевы. Это были весьма образованные люди. Личный почетный гражданин Мухаммет Тенишев был членом комитета учетно-ссудного по кредитам торговым и промышленным предприятиям Симбирского отделения Госбанка, а Мубин Тенишев – членом учетного комитета Симбирского отделения Волжско-Камского коммерческого банка. Му-

бин и его отец Мухаммедзян Тенишевы многие годы вели дела и были доверенными купца Тимербулата Акчурина и «Торгово-промышленного товарищества Т.Акчурина». Кроме того, братья Тенишевы владели мыловаренным заводом в г. Симбирске, а позже чугунно-литейным и механическим заводом в Симбирском уезде.

В 1910-е гг. в органах самоуправления сохраняли свое участие Я.Т. Акчурин, К.Ш. Абушаев, А.К. Гафаров, М.М. Тенишев. В новый же состав городской думы XII четырехлетия вновь были избраны 3 татарина: Ибрагим Курамшевич Акчурин, Зариф Серазетдинович Бахтеев, Абдулкадыр Гафарович Гафаров. И.К. Акчурин также представлял городскую думу в Общем присутствии Казенной палаты по промысловому налогу. Это был наилучший состав татарских представителей, когда в городской думе стали рассматриваться общественные проблемы татар: об отводе места для постройки мусульманской школы (1912), о назначении пособия на содержание мусульманской школы (1914), о постройке лавок под торговлю мясом для мусульман (1915), о выделении денежного пособия на содержание мусульманских школ (1917), об открытии мусульманских школ (1917) (Перечень, 2004, с. 140, 160, 165).

О гласных можно сказать следующее. Имя И.К. Акчурина как общественного деятеля широко известно. Он закончил Симбирский кадетский корпус, владел несколькими иностранными языками, принимал активное участие в татарском национальном движении, был представлен на съездах партии «Иттифак аль-муслимин». О высоком авторитете Ибрагима Акчурина в мусульманском мире Российской империи говорит и тот факт, что в июне 1915 г. мусульманской общественностью рассматривался в качестве одного из кандидатов на должность оренбургского муфтия. З.С. Бахтеев – представитель нового поколения татарских деловых людей, активно проявивший себя как в бизнесе, так и в общественной деятельности. В 1911 г. Бахтеевы вошли в «Общество суконных фабрикантов России», объединивших 46 крупных представителей отрасли (Ефимов, 1993, с. 15). Зариф Бахтеев ратовал за светское образование для мусульман, в том числе для девочек. Татарские «думцы» добились государственного субсидирования татарской школы (ГАУО. Ф. 137. Оп. 39. Д. 38), а Зариф Бахтеев стал председателем совета школы (Таиров, 2008, с. 50–56). Он участвовал в создании Симбирского благотворительного мусульманского общества, призванного поддерживать начинания в сфере культуры, образования и духовной жизни. О гласном думы А.-К.Г. Гафарове известно пока мало. Он был выходцем из кресть-

ян, занимавшихся торговлей, коммерсантом, активным членом Симбирского мусульманского общества (1908, 1915). Летом 1918 г. А.К. Гафаров стал членом городской управы, вошел в список кандидатов от партии «Союз возрождения России» в гласные городской думы на новый срок, но выборы в Симбирске провалились.

Надо отметить, что практически те же фамилии татарского купечества участвовали в работе профессиональных сообществ (Агишев, Акчурины, Бахтеев, Сеит-Шакулов), фабричных комитетов, правлений банков (Тенишевы), они обсуждали вопросы производства, вносили предложения по устранению существующих недостатков в промышленности губернии (Акчурины, Алеев, Трегулов). Татарские купцы выполняли общественные нагрузки, например, назначались присяжными заседателями (Шарипов, Мангушев, Насыров, Рафиков и др.), занимались сами и привлекали других к участию в деятельности мусульманских обществ (Ассанович, Хусаинов, Хамидуллин, Еникеев, Ишуков и др.), стремились к получению за работу наград и почетных званий. Представители купечества активно поддерживали национально-просветительские инициативы, что на тот момент было первостепенной задачей в развитии татарской общины.

В Симбирской губернии были зарегистрированы 4 мусульманских благотворительных общества: г. Симбирска (1908, учредители И.К. Акчурин, А.Ишмаков, Х.Т. Мангушев) (ГАУО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 35, 79, 90), с. Большие Тарханы Симбирского уезда (1908, председатель М.Г. Хакимов), д. Старо-Тимошкинское Сингелеевского уезда (1909, председатель К.А. Акчурин), с. Убеи Буинского уезда (1912, председатель А.Ш. Шагидуллин). Включение мусульман в общественную жизнь губернии «не подразумевало исчезновение традиционной автономии локальной мусульманской общины, а напротив, за счет притока новых средств на уровне общины позволяла в дальнейшем мусульманской буржуазии обращать внимание на решение общих для татарских поселений задач: искоренение нищеты, борьбу с неграмотностью и болезнями, социальное призрение престарелых, сирот, неимущих и т.д.» (Салихов, 2010).

Памятные книжки и Адрес-календари Симбирской губернии дают достаточные сведения о видных представителях татарской диаспоры в различных органах управления г. Симбирска. Татарские фамилии зарегистрированы в них с 1868 г., это представители духовенства (Гафаровы) и мелких чиновников (Еникеевы). С 1875 г. началось вхождение в органы управления татарских купцов, которые проявляли обществен-

ную активность весь дореволюционный период. Лидерами среди них был клан Акчуриных, К.Ш. Абушаев, Х.Х. Ассанович, З.С. Бахтеев, Ш.Г. Гафаров, К.Г. Гафаров. Несмотря на имеющиеся капиталы, татарские фамилии в правительственных, сословных и общественных учреждениях встречались все же довольно редко. Характерно, что до 1918 г. татарских фамилий совсем не было среди представителей светских профессий (юристов, преподавателей, врачей, строителей и т.д.). Связано это было с привычной обособленностью жизни татарских общин, преобладающим в них конфессиональным образованием и слабым владением русским языком большинства населения. Использованные источники показывают, что именно купцы способствовали открытости и дальнейшему включению татарского населения в общероссийское правовое поле и деловую жизнь. Вместе с тем купцы сохраняли свою этническую и конфессиональную самобытность, понимали, что в сложившихся условиях только их материальная независимость могла помочь становлению и развитию религиозных и национальных институтов.

Источники и литература

1. *Адрес-календарь* лиц служащих в Симбирской губернии в 1875 году. Симбирск: Симбирская губернская типография, 1875. 287 с.

2. *Галимова* Л.Н. Мир провинциального купечества. Купечество города Симбирска во второй половине XIX – начале XX века: социально-бытовой аспект. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 224 с.

3. *ГАУО. Ф. 137. О. 35. Д. 564, 565*. Раскладочная ведомость налога с недвижимых имуществ города Симбирска на 1915 год.

4. *Ефимов* Ю.Д. Очерки истории суконной промышленности Симбирской губернии конца XIX начала XX вв. Ульяновск: Стержень, 1993. 66 с.

5. *Календарь* и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год / сост. П.В. Мураховский; Симбирск. губ. стат. комитет. Симбирск: Симбирская губернская типография, 1889. 329 с.

6. *Календарь* Симбирской губернии. 1877. Симбирск: Изд. Симбирской губернской тип., [1876]. 279 с.

7. *Кобзев* А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине 19 – начале 20 вв. ДУМНО; Нижегор. Исламский ин-т им. Х.Фаизханова. Н.Новгород: ИД «Медина», 2007. 446 с.

8. *Краткий обзор* деятельности Симбирской городской думы в 1909–1912 гг. (XI четырехлетие). Симбирск: тип. Балакирщикова, 1913. 53 с.

9. *Памятная книжка* и адрес-календарь Симбирской губернии на 1901 год. – Симбирск : Тип. Губ. Правления, 1901. 263 с.

10. *Памятная книжка* и адрес-календарь Симбирской губернии на 1902 год. Симбирск: Тип. губ. правления, 1902. 287 с.

11. *Памятная книжка* Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. Симбирск: Тип. губ. правления, 1863. 365 с.

12. *Памятная книжка* Симбирской губернии на 1868 год. Симбирск: Тип. Симбирск. губ. правления, 1868. 398 с.

13. *Памятная книжка* Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск: Тип. Симбирск. губ. правления, 1869. 411 с.

14. *Перечень* постановлений Симбирской городской думы 1868–1917 гг. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2004. 256 с.

15. *Салихов* Р.Р. Татарская буржуазия и развитие мусульманской благотворительности во второй половине XIX – начале XX веков. 2010. URL: http://www.info-islam.ru/publ/tatary_i_islam/istorija_islama_u_tatar/tatarskaja_burzhuazija_i_razvitie_musulmanskoj_blagotvoritelnosti_vo_vtoroj_polovine_xix_nachale_xx_vekov/17-1-0-12228 (дата обращения: 15.08.2017)

16. *Справочная книжка* и адрес-календарь Симбирской губернии на 1910 год / Симбирск. губ. стат. комитет; под ред. В.А. Виноградова. Симбирск: Симбирская губернская типография, 1910. 243 с.

17. *Справочная книжка* и адрес-календарь Симбирской губернии на 1914 год / Симбирск. губ. стат. комитет; под ред. В.А. Виноградова. Симбирск: Типо-литогр. губ. правления, 1914. 214 с.

18. *Статистическое обозрение* Симбирской губернии // Памятная книжка Симбирской губернии на 1860 год. С. 1–7.

19. *Таиров* Н.И. Татарские предприниматели и школьное образование в Поволжье и Приуралье // Новый исторический вестник. 2008. № 18. С. 50–56.

Вильданова Рамзия Камильевна – кандидат исторических наук, помощник президента ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (г. Ульяновск); e-mail: vil-rimma@yandex.ru

Vildanova Ramziya Kamil'evna – Candidate of Historical Sciences, Assistant to the President of Ulyanovsk State University (Ulyanovsk)

УДК 908

Н.К. Гарипов

Отношение кадимистов к религиозному реформаторскому движению среди татар

В статье кратко изложены основные моменты отношения татарских традиционалистов начала прошлого века к попыткам религиозного реформаторства со стороны прогрессивно настроенного духовенства. Показана идеологическая борьба двух течений в религиозной сфере того времени.

Ключевые слова: кадимисты, джадидисты, татарское богословие, мусульманское духовенство.

N.K. Garipov

The attitude of Kadimists to the religious reform movement among the Tatars

The article briefly outlines the main points of the Tatar traditionalists' attitude at the beginning of the last century towards attempts of the religious reformation bfrom the part of progressive clergy. The ideological struggle of two currents in the religious sphere of that time is shown.

Keywords: Kadimists, Jadidists, Tatar theology, Muslim clergy.

В последние годы мы много слышим о традиционном исламе среди татар и о необходимости его сохранения. Этот тезис или идею в свое время выдвинул известный татарский религиозный и общественный деятель Валиулла хазрат Якупов, который был убит 19 июля 2012 г. В частности, он писал о том, что традиционный ислам тесно связан с традицией татарского народа, и именно в традиции татарского народа заложено истинное вероубеждение. К сожалению, последнее десятилетие исказило истинное значение термина. Сегодня термин традиционный ислам носит в большей степени рекламный или коммерческий характер. Термином традиционный ислам пытаются спекулировать, особенно широко в своей риторике этот термин использует современное татарстанское духовенство. Сегодня как никогда актуальным является проблема возвращения истинного значения термина «традиционный ислам. Для этих целей мы должны, прежде всего, вспомнить собственные традиции, которые в свое время защищали от различных изменений, в том числе и религиозных реформ.

До революции 1917 г. татарское сообщество было озабочено именно внутренней борьбой в религиозной сфере. Мировые тенденции в экономической и социальной сфере ввели татар-мусульман в мировую экономическую модель, где религиозные нормы уступали материальному накопительству. Весь прошлый век показывает, как мировая экономика с успехом поглотила не только мировые державы, но и так называемые страны третьего мира.

Идеологи просветительства и секуляризма всегда выполняли, прежде всего, задачу финансовых групп, которые были заинтересованы в получении прибыли и сверхприбыли. Если традиционное общество было замкнутым и самодостаточным, то капиталистическая модель предлагает выход за рамки самодостаточности для получения сверхприбыли. Именно для получения прибыли создаются все новые и новые механизмы, сегодня это информационные новинки. При всем современном цинизме производителей, мы понимаем, что многие технические новинки упростили жизнь большинства жителей планеты. Однако цена этих нововведений довольно велика. Это, прежде всего экология, которая практически во многих мегаполисах сведена на нет. Это уничтожение общин, в которых жизнь протекала более стабильно и не была подвергнута постоянному стрессу, и изменения понимания веры в Бога и богопоклонения.

Видимо, кадимисты – сторонники сохранения традиционного ислама чувствовали не только положительные стороны прогресса, но и негативные результаты обновления общества. Для многих кадимистов религия – это основа их культурных ценностей. Любые влияния на общину извне рассматривается ими как покушение, как на религию, так и на культуру народа в целом. В этой связи, самым «интересным», на наш взгляд, являются работы главного идеолога кадимизма Ишми ишана.

К сожалению, его работы практически не исследованы. Есть только одни библиографические исследования и не более. Практически нет анализа его работ. Его работы были переведены только в издательстве «Иман». Качество перевода требует доработки и дополнительного редактирования. В качестве примера проанализируем его работу «Условия по возрождению Шариата» (Шәех, 2000). В этой работе ишан выделяет основных идеологов татарского джадидизма: «Джадидизм в России начался в виде борьбы с невежеством, «распространением знаний». Эту работу обосновали и стали пропагандировать такие мурджииты, как Курсави, Марджани, Баруди, Риза казый, Хайрулла (имеется в виду Бигиев – *Н.Г.*), Рашит эфенди» (Шәех, 2000, б. 7). Конечно тезис татарского богослова

Ишми ишана спорный, и многие сегодня уверены, что все эти имена заслуживают уважения. Действительно, эти личности с точки зрения европоцентризма и основанных на данном тезисе идей заслуживают уважения и полного и беспрекословного принятия. Однако в то далекое время Ишми ишан был идеологическим противником джадидов, это раз, с другой стороны он защищал устоявшиеся в татарском религиозном обществе нормы, которые сложились веками. Возьмем, к примеру, тезис о начале поста в месяц Рамазан. Ишми ишан полагается на хадис, где сказано, что если невозможно увидеть глазами новый месяц, то месяц Шагъбан продолжается 30 дней. По его мнению, использование европейского опыта расчета является отходом от Шариата. В этом отходе он обвиняет Шигабутдина Марджани (Шәех, 2000, б. 8–9). Ишми ишан выступает с критикой облегченного перевода Священного Корана, который был сделан Галимджаном Баруди. Ишми ишан открыто обвиняет Баруди в ваххабизме, исходя из тех переводов Священного Корана на татарский язык, которые были опубликованы им в журнале «Дин вә әдәб» (Религия и воспитание) (Шәех, 2000, б. 10–11). Не обошел стороной Ишми ишан и пресловутый женский вопрос, в котором он выявил ряд интересных моментов сделанных со стороны джадидов. В своей работе (Пояснение к книге досточтимого меллы Джаляля «Светоч пояснений», написанная славным исправителем ошибок веры, ученым мужем, достигшем высот знаний – Абун-Накибом ат-Тунтари) он дает подробные разъяснения особенностей религиозного вероучения и ошибки, которые допускаются при изучении данных вопросов (Ишмухаммет, 2003). К сожалению такого рода интерпретации вероучения сегодня практически не изучаются. В современном исламоведении делается упор на изучении не татарских богословов, а, скорее, татарских религиозных модернизаторов, которых кадимисты справедливо считали реформаторами.

Из того богатства, которое было в свое время переведено мы хотели бы обратить внимание читателей на несколько известных работ Гиладжуддина ал-Казани, и работы, которые были напечатаны в журнале «Дин вә мәгыйшат». Гиладжуддин ал-Казани очень подробно рассматривал Шариат в целом и последствия модернизации основных религиозных догм. Возьмем, к примеру, его работу «Стальной клинок против новой методики (Нусул әл-хәдидә фи хыляфи әл-усул әл-җәдидә) (Гиладжуддин, 2004). В этой работе Ал-Казани в нескольких местах замечает, что многие внешние атрибутивные изменения сильно влияют на изменения внутри самой религии и искажают многие первоначальные

принципы, заложенные Всевышним Аллахом и доведенные до людей Пророком Мухаммедом (мир ему и благословение Всевышнего Аллаха). Он об этом пишет открыто, и примером служат следующие его слова: «*Отличие новометодной системы от нашей*[1] *еще состоит в том, что для обучения детей выдумали дополнительные буквы, поэтому в их алфавите 32 или по 33 буквы, с учетом того, что они ликвидировали букву «лям алиф». И теперь начали издавать новые буквари по своей системе. Все знают очень хорошую книгу «ал-Мугджам»*[2]*, она содержала 29 букв вместе с «лям алиф», так вот эти люди исказили эту книгу. Книгу, которая занимало очень высокое место перед Аллахом, вся информация этой книги подтверждалась священными текстами. Во-первых, у шейха Ахмада ибн ал-Мубарака*[3] *было сказано, что «лям алиф» – это единое целое. Во-вторых, Абу-Зарр*[4] *сказал, что в алфавите 29 букв, в числе которых есть лям алиф. В истории ат-Табари, и приводится, что Аллах ниспослал пророку Адаму г.с. десять свитков, после этого пришел ангел Джибриил г.с. и обучил его буквам, и объяснил значение того, что написано в этих свитках. Пророк Адам г.с. в свою очередь обучил всему этому своих сыновей*».

Однако сегодня сложилось двойственное отношение к реформам в Исламе и вообще в религиозной сфере. Это касается не только мусульман, но и других религий. Например, в Православии сегодня много разного рода практик, привнесенных извне в угоду политической конъюнктуре. Например, современные памятники, которые в основе противоречат Православному вероучению. Однако сегодня многие понятия замалчиваются и переводятся в плоскость светскости и государственной политики. Мы не будем конкретизировать эти постулаты, но они хорошо отражены в работах некоторых православных деятелей, которые выступали против подобных явлений.

Этот текст – один из примеров, который наглядно демонстрирует отношение кадимистов к реформам в исламе.

У Ишми ишана, как и у многих кадимистов, была выработана следующая стратегия по защите Шариата и Ислама в целом. Многие базовые вещи защищались на фоне попыток изменения устоявшихся норм. Такие

---

[1] Кадимистской.

[2] «Аль-Мугджам» – книга известного хадисоведа, ученого Ат-Табарани.

[3] Ахмед ибн-Мубарак, мусульманский богослов.

[4] Абу́ Зарр Джундуб ибн Джанада аль-Гифа́ри – один из известных сподвижников пророка Мухаммеда.

изменения касались не только алфавита, они касались одежды, системы образования, языка проповедей, обычаев и обрядов и т.д. Кадимисты болезненно относились к музыке, театру и фотографии. Помимо этого, из внешних изменений большой проблемой для многих стало широкое использование мусульманскими предпринимателями заемных банковских средств. И здесь полемика была очень острой. Дискуссия шла практически до революции 1917 г. Вопрос финансового стимулирования, как известно, решили большевики через плановую экономику и народный займ, который остался в руках государства и не был возвращен.

О запрещенности ссудного процента много писал журнал «Дин вә Мәгыйшәт». Например, в одном из номеров был дан ответ на вопрос о ссудном проценте, где редакция однозначно выступила против ростовщичества. Поэтому в начале XIX века татарские предприниматели, которые включились в интеграционные процессы мировой экономики, понимали, чтобы развиваться на высоком уровне, необходимо быть конкурентоспособным. Основное препятствие для развития экономики крупные татарские предприниматели видели в религиозных запретах, которые определяли в целом деятельность российских мусульман. Поэтому были предприняты попытки обосновать с религиозной точки зрения ссудный процент. Для этих целей процент обычно был завуалирован под разные экономические термины. Самыми известными экономическими журналами российских мусульман были «Иктисад» и «Эль-ислах». В этих изданиях с разной периодичностью появлялись статьи, которые так или иначе обосновывали необходимость ссудного процента для развития экономики мусульман (Иктисад. 1908. № 1. 2 б.).

О том, как глубоко обсуждался вопрос о ссудном проценте в начале прошлого века, в своем интервью объяснил доктор исторических наук Р.Р. Салихов, он отметил что: «Троицкие купцы как-то обратились к Зайнулле Расулеву с вопросом: «Мы, мусульмане, пользуясь банковским кредитом с процентом (риба), нарушаем заповеди. Что нам делать?» Он ответил: «Если вы не будете пользоваться этим инструментом, то ваш бизнес погибнет. А если погибнет бизнес, погибнет и нация». Поэтому пользоваться нужно, последовал ответ.

Мы не хотели бы вдаваться в вопросы полемики о необходимости ссудного процента для экономики. Наша задача показать аргументы противников ссудного процента. Для этих целей мы должны с вами обратиться к одному из оплотов консервативных мусульман того времени – это журнал «Дин вә мәгыйшәт». О запретности ссудного процента го-

ворили часто и консерваторы, и новаторы. Главным аргументом является, конечно же, ссылка на известные аяты из Священного Корана и сборники преданий (хадисов) о жизни и деятельности Пророка Мухаммеда. Другим аргументом является то, что многие ростовщики для оправдания взимания процента придумывают различные уловки в виде разных непонятных экономических терминов, либо пытаются завуалировать сам ссудный процент платой за оказание коммерческих услуг и т.д. Об этом интересно сказано в статье одного из татарских богословов, где он показывает ту последовательную схему аргументов ростовщиков (Дин вә Мәгыйшәт. 1910. № 1. Б. 4).

В журнале о ссудном проценте сказано следующее: «*Использование денег, сохранение денег, использование денег в безтоварных отношениях, деньги данные в долг возвращаются владельцу в той сумме, в которой были выданы. Если деньги были использованы для коммерции это является торговлей. Если во время торговли количество товара и его качество не изменилась, а появился процент с продажи, то это уже недозволенный рост (риба – (араб. ربا – рост, прирост, увеличение, ростовщичество – Н.Г.) – в шариате: оговоренный при заключении сделки незаконный прирост определенных товаров*» (Дин вә Мәгыйшәт. 1910. № 1. Б. 4).

Таким образом, консерваторы и либералы российского мусульманского сообщества в начале прошлого века довольно активно обсуждали вопрос о ссудном проценте. Либералы предлагали в основном аргументы, которые были предложены еще западными религиозными реформаторами. Другими словами, экономику страны невозможно развивать без заемных средств. В лице оппонентов выступали консерваторы, которые не видели такой необходимости в заемных средствах и предлагали в основном аргументацию из Священного Корана и сборников преданий жизнедеятельности Пророка Мухаммеда.

Анализ и систематизация трудов татарских богословов показывает неоднозначность отношения духовенства к европоцентризму и техническому прогрессу в целом. Была высокая степень обеспокоенности по отношению к религиозной традиции и сохранения ее среди народа. Как показала революция 1917 г., обеспокоенность эта была не без оснований. Кадимисты предполагали подобный исход всех реформ в татарской среде. Более того, об этом с сожалением будут в последующем писать и сами идеологи национально-религиозного прогресса, такие как Галимджан Баруди.

Сегодня у исследователей татарского религиозного культурного феномена сложная задача. Необходимо объективно исследовать татарское богословское наследие. К сожалению, во многих работах превалирует однобокий анализ работ татарских богословов. Практически за последние двадцать с лишним лет исследователи так и не приступили к системному изучению всего татарского богословского наследия.

Источники и литература

1. *Дин вә Мәгыйшәт. 1910. № 1.*

2. *Зарипов* Р.Ш. Гали ишан, Ишми ишан һәм Түнтәр мәдрәсәсе. Казан: “Иман” нәшрияте, 2002. 32 б.

3. *Иктисад. 1908. № 1.*

4. *Мухадарат вә мутахарат* галә бәгъдый мәвәдыйгыйль фүтүхат. Игътикатта ахыргы пәйда булган фикер-сүзләр темасына лекцияләр һәм фикер алышулар. Тикшерүче мөхтәрәм галим мелла Ишмөхәммәт Түнтәри әсәрләреннән. Казан: “Иман” нәшрияте, 2000. 26 б.

5. *Тайиб бин Мулла Гыльман*. Хөласател-мәсәил вә мөһиммәтед-дәләил. Мәсьәләләрнең нәтиҗәсе һәм дәлилләрнең әһәмияте. Казан: “Иман” нәшрияте, 2002. 76 б.

6. *Шәех* Ишмөхәммәт хәзрәтләре Түнтәри. Шәригатьне торгызу шартлары (Дин исламны яңа гасырларда торгызу һәм мөҗәддидләр турында). Казан: “Иман” нәшрияте, 2000. 16 б.

7. *Абдуллин* Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. Казан: «Иман» нәшрияте, 1998. 41 с.

8. *Галимджан хазрат Баруди*. Памятная книжка (Хәтер дәфтәре). Казань: Издательство «Иман», 2000. 147 с.

9. *Ислам* на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М.: «Восточная литература», 2006.

10. *Гиладжуддин* ибн Мухиддин ас-Сардави ал-Казани. Стальной клинок против новой методики (Нусул ал-хадида фи хыляфи ал-усул ал-джадида). Казань: «Иман», 2004. 63 с.

11. *Ишмухаммет* бин Динмухаммет Тунтари (Ишми ишан). Мисбах аль-Хаваши Барр Мелла Джаляль лиль-Мухаккык аль-Бариг филь-Гильм Аби ан-Накыб ат-Тунтари. (Пояснение к книге досточтимого меллы Джаляла «Светоч пояснений», написанная славным исправителем ошибок веры, ученым мужем, достигшем высот знаний – Абун-Накибом ат-Тунтари). Перевод с арабского языка Д.Шаймурзина. Казань: Издательство «Иман», 2003. 172 с.

12. *Кардини* Франко. Европа и ислам: история непонимания. СПб.: Александрия, 2007. 328 с.

13. *Мусульманское право* Альфреда Фон-Кремера. Перевел с немецкого Преподаватель Ташкентской мужской гимназии Р.Р. Эйхгорн. Ташкент: Типография окружного штаба, 1888. 62 с.

14. *Мухаметшин* Р., *Салахов* И. Экономические основы функционирования мусульманского общества на страницах журнала «Иктисад» // Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005). Казань, 2006. С. 115–120.

15. *Нужна ли реформа Исламу*. Материалы Всероссийского круглого стола «Нужна ли реформа взглядам об Исламе» (Казань, май 2004). Казань: Институт истории АН РТ, 2005. 172 с.

16. *Сунна*. Мусульманское предание, его образование и развитие / сост. М.К. Третьяков. Макарьев на Унже, Типография Н-в. Е.П. Троицкой, 1903. 84 с.

Гарипов Наиль Камилевич – кандидат исторических наук, председатель центра исламской культуры «Иман» г. Казани, учитель истории и обществознания СОШ № 143 (г. Казань); e-mail: garifnk@gmail.com

Garipov Nail Kamilevich – Candidate of Historical Sciences, Chairman of the Center of Islamic culture «Iman» in Kazan, Teacher of history and social studies at the School № 143 (Kazan)

УДК 33:332

М.З. Гибадуллин, А.Р. Нуриева

Аграрный рынок и сельскохозяйственное производство в регионе Казанского Поволжья в начале XX в.

В статье рассматриваются ключевые проблемы аграрного сектора экономики региона Казанского Поволжья в начале XX века, выявляются тренды развития сельского хозяйства в крае.

Ключевые слова: аграрный рынок, сельское хозяйство, аграрная специализация.

M.Z. Gibadullin, A.R. Nurieva

The agrarian market and agricultural production in the Kazan Volga region in the early XX century

The article deals with the key problems of the agrarian sector of the economy of the Kazan Volga region at the beginning of the 20th century, and the trends in the development of agriculture in the province are revealed.

Keywords: agrarian market, agriculture, agrarian specialization.

Пути развития сельского хозяйства в России начала XX столетия рассматривались в трудах как советских, так и современных авторов. Из последних работ по этой проблематике стоит назвать монографии М.А. Давыдова, Л.В. Милова, А.В. Островского, И.К. Загидуллина, Ф.Г. Зайнуллиной, Р.В. Шайдуллина и др.

Но, несмотря на широкий круг вопросов, которые поднимались в работах перечисленных авторов, эта тема, по-прежнему, оставляет широкий простор для научных изысканий. В рамках настоящей статьи ставится задача выявить круг проблем, которые препятствовали развитию аграрного рынка и сельскохозяйственного производства в территориальных границах Казанской губернии.

В начале XX века Россия, несмотря на определенный прогресс в деле промышленной модернизации, оставалась аграрно-индустриальной страной. В сельском хозяйстве производился основной объем добавленной стоимости страны, в деревне проживало более 80% ее населения. На территориях периферийного экономического развития роль сельского хозяйства в экономической жизни населения была еще значительнее.

Казанская губерния относилась к числу типичных аграрных регионов страны с отдельными элементами индустриализации в промышленности. Доля сельского населения в крае значительно превышала аналогичный показатель по Российской империи. Но и эта ведущая отрасль хозяйства региона отличалась низким потенциалом экономического роста и была неспособна стать драйвером его экономического развития. Проблемы имелись во всех производительных элементах аграрного сектора края: институциональном, технологическом, техническом и инновационном. Рассмотрим их по порядку.

Во-первых, архаичная структура распределения земельного фонда, в котором преобладало крестьянско-общинное землевладение, занимавшее 58% всей земельной площади. Капиталистический, частнокапиталистический сектор имел в своем распоряжении лишь 14% земельных ресурсов. Велика была доля земель, находившихся в составе фондов государственного имущества – казне принадлежало 26% земель (Обзор Казанской губернии за 1901, с. 6). Таким образом, значительная часть земельных ресурсов региона была фактически выведена из рыночного обращения, что препятствовало проникновению прогрессивных форм организации сельскохозяйственного хозяйства, сдерживало модернизацию экономических отношений на селе. Если сравнить эти цифры с данными переписи 1887 г., то обнаружится, что за пятнадцать лет капиталистического развития каких-либо кардинальных изменений в структуре землепользования в крае не произошло: крестьянско-общинное землевладение составляло 59,6%, частное – 13,5%, казенное – 25% (Смыков, 1973, с. 41).

Во-вторых, основным способом обработки полей в Казанской губернии, как известно, являлось трехполье – крайне неэффективный способ севооборота. Непрерывное возделывание зерновых культур, которые чередовались с поздним паром, приводило к засорению и распылению посевов. По этой причине производительность труда в сельском хозяйстве и урожайность сельскохозяйственных культур была невысокой. Таким образом, капиталистическая модернизация практически никак не проявила себя в процессах трансформации институциональной структуры земельных отношений в регионе Казанского Поволжья. Рутинный способ севооборота являлся прямым следствием неразвитости предпринимательского сектора в аграрных отношениях и отсутствия экономически крепкого фермерского хозяйственного уклада на селе.

Не способствовало развитию сельского хозяйства в регионе Казанского Поволжья низкая техническая оснащенность крестьянских хо-

зяйств. Сельскохозяйственное производство, как известно, состоит из трех основных видов трудовых операций – вспашка почвы и подготовка ее к посеву, собственно посев семенного материала, и послепосевной уход, заключавшийся в поливе, прополке и рыхлении почвы. К началу XX столетия все три вида трудовых операций в сельском хозяйстве подверглись частичной или полной механизации. Но в то время, когда технические инновации получили широкое распространение в практике повседневности сельскохозяйственного производства развитых стран, российские крестьяне повсеместно продолжали обрабатывать почву с помощью конной тяги и ручного труда. И крестьянство Казанской губернии в этом отношении не стала исключением. Конечно, технические новшества проникали в сельское хозяйство края. К началу XX века в распоряжении сельских хозяев здесь уже имелось 35 тыс. железных плугов, более 10 тыс. веялок и жнеек (Маслов, 1905, с. 7, 38). Однако этого количества было недостаточно для перехода к интенсивным методам ведения сельскохозяйственного производства, так что даже официальное губернское статистическое издание вынуждено было констатировать: «…способы обработки земли в большинстве местностей губернии практикуются самые примитивные. Особенную косность в усвоении и совершенствовании в сельском хозяйстве проявляет инородческий элемент населения. Вследствие слабой обработки почвы и трехпольной системы… та или иная влажность воздуха всецело обуславливают урожайность полей» (Обзор Казанской губернии за 1907, с. 6).

Основными видами сельскохозяйственных орудий труда для обработки почвы в крестьянских хозяйствах края являлась соха, а в частновладельческих хозяйствах – плуг. В крупных хозяйствах использовался более разнообразный сельскохозяйственный инвентарь. В Спасском и Чистопольском уездах, например, крепкие хозяйства применяли различные средства труда по обработке земли, в зависимости от типа почв и вида сельскохозяйственных работ.

Из посевных сельскохозяйственных орудий труда в уездах Казанской губернии использовались сеялки конструкции Эккерта, Бермана, братьев Эльварти, Гузьера. Широкое распространение они получили в особенности в уездах Спасском, Свияжском, Чистопольском и Лаишевском (Сельскохозяйственные статистические сведения…, 1903, с. 83).

Механизация посевных операций давала ряд преимуществ по сравнению с ручным методом посева семян: уменьшался расход семенного материала (экономия могла достигать от 12 до 20%), сокращались затраты

рабочего времени на выполнение этого вида трудовой функции, семена по площади земельного участка высеивались более равномерно, гряды получались более ровные, что имело не только эстетическое значение, но и облегчало дальнейший уход за растениями. Применение технических инноваций давало крестьянским хозяйствам конкурентные преимущества, повышало эффективность сельскохозяйственного производства.

Большинство орудий труда производилось кустарным способом. Общинное землевладение и принятый в нем порядок распределения и перераспределения земельного фонда (чересполосица, дальнеполосица, мелкополосица) технически не позволяли применять усовершенствованные орудия по обработке земли. Сельскохозяйственные орудия фабричного производства имелись, но количество их было невелико. Они закупались, как правило, состоятельными крестьянскими хозяйствами у казанских фирм М.Рам и Колчина. Стоимость таких моделей земледельческих орудий была заметно выше стоимости привычных крестьянину средств производства.

Следует отметить еще одну причину, сдерживавшую техническую модернизацию в сельском хозяйстве региона. Дело в том, что использование улучшенных орудий труда требовало привлечение к работе трех и более лошадей. Так, если простая соха обслуживалась одним рабочим и одной лошадью, косуля- одним-двумя работниками и одной-двумя лошадьми, то для работы на бороне Рандоля необходимо было задействовать труд одного работника и четырех лошадей, бороне Валькура – одного работника и трех лошадей. Возделывание земли с применением трехлемешного плуга требовало затрат труда одного работника и трех-четырех лошадей (Сельскохозяйственные статистические сведения…, 1903, с. 83). Низкая покупательная способность сельского населения, с одной стороны, и высокие затраты на приобретение улучшенных средств труда, с другой стороны сделали практически невозможным широкомасштабное обновление и улучшение парка сельскохозяйственных орудий в крестьянских хозяйствах.

И, наконец, негативно сказывался на производственных возможностях сельского хозяйства Казанского Поволжья низкий уровень грамотности крестьян. Согласно данным официальной статистики, в 1913 г. грамотность на тысячу душ населения по Казанской губернии составляла 179 чел., в то время как по 50 губерниям Европейской России он был 229 чел. (Ежегодник России, 1914, с. 83). Практически не умеющие писать и читать крестьяне с трудом осваивали передовые достижения аг-

рономической науки. В особенности это касалось нерусского крестьянства, уровень русской грамотности среди которого был еще ниже.

Что касается третьего этапа сельскохозяйственных работ, то уход за растениями в большинстве уездов Казанской губернии осуществлялся теми же орудиями труда, что использовались для вспашки земли. Прополка и окучивание сельскохозяйственных культур осуществлялась преимущественно ручным способом. Хотя механизированные орудия труда имелись и для этих видов трудовых операций. Только в трех хозяйствах Казанского уезда использовались окучники и пропашники Држевского и в немногих хозяйствах боронование производилось с помощью бороны Говарда (Сельскохозяйственные статистические сведения…, 1903, с. 86).

Трудности, с которыми сталкивалось сельское хозяйство региона Казанского Поволжья, оказывали непосредственное влияние на показатели развития отрасли.

Как видно из таблицы 1, площадь земель, отведенных под сельскохозяйственные культуры на протяжении первого десятилетия XX века. практически не менялась, что свидетельствует об исчерпании потенциала экстенсивного роста в земледелии региона. Наличных трудовых ресурсов было уже недостаточно, чтобы только за счет увеличения количества труда расширять обрабатываемые площади. А интенсивный путь освоения земельных ресурсов, как уже отмечалось выше, наталкивалось на препятствие в виде недостаточного спроса на улучшенный сельскохозяйственный инвентарь и оборудование.

Таблица 1

Площадь земель под сельскохозяйственные культуры (десятин) в Казанской губернии (Обзор Казанской губернии за 1902, с. 10; Обзор Казанской губернии за 1913, с. 8–10)

Культуры	1902 г.	1907 г.	1913 г.
Озимые хлеба	879206,75	967300	850991
Яровые хлеба и картофель	885576,5	1018604	955382
Итого	1764783,25	1985904	1806373

Этой же причиной объясняется неустойчивый характер производства сельскохозяйственных культур. Урожаи ржи, овса и других возделываемых в пределах губернии зерновых на протяжении всего первого десятилетия XX века имели широкий диапазон волатильности (см. табл. 2). После хлебодатных 1902–1905 гг. последовал крайне неурожайный 1906 г.,

когда удалось собрать лишь 18 млн. пуд. продовольственных хлебов. Современник писал: «Для всех было очевидно, что население не в силах прожить год своими средствами, и потому выдавались ссуды, устраивались общественные работы, открывались столовые. Но несмотря на громадную помощь, население запуталось в долгах, чтобы пережить голодный год, стоящий очень дорого хозяину, желающему сохранить способность и дальше работать на земле» (Кропоткин, 1915, с. 60).

Но последующие четыре года вознаградили крестьян края щедрыми урожаями. В 1911 г. регион вновь столкнулся с недородом, хотя он не был столь катастрофическим, как в 1906 г.

Таблица 2

Урожаи зерновых культур в Казанской губернии (1902–1913 гг.)
(Обзор Казанской губернии за 1907, с. 12; Обзор Казанской губернии за 1909, с. 8; Обзор Казанской губернии за 1913, с. 8–10)

	Валовой сбор млн. пуд.					
Годы	Рожь	Овес	Греча	Ячмень	Прочие хлеба	Итого по зерновым
1902	31,3	17,0	5,2	1,2	5,1	59,8
1903	49,9	10,2	7,5	0,9	7,5	76
1904	56,6	43,3	13,9	4,1	13,9	131,8
1905	29,7	26,6	7,0	2,0	7,0	72,3
1906	10,2	4,4	1,5	0,5	1,4	18
1907	37,1	15,1	2,9	1,4	5,0	61,5
1908	41,4	17,5	1,4	1,4	5,1	66,8
1909	51,5	41,3	2,8	3,0	13,2	111,8
1910	36,0	29,9	1,0	2,2	8,2	77,3
1911	19,2	14,1	5,9	0,9	3,4	43,5
1912	65,3	35,4	2,2	1,2	8,3	112,4
1913	67,8	33,2	2,1	1,9	13,9	118,9

Территориальное распределение земель сельскохозяйственного назначения в административных границах Казанской губернии определялось составом почв и особенностями природного ландшафта территории. Таблица 3 дает некоторое представление о размерах площади культивируемых земель под нужды сельского хозяйства в уездах края. В 1902 г. самые значительные участки земли под сельхозугодия были от-

ведены в Чистопольском и Казанском уездах (более 200 тыс. дес.). Свыше 100 тыс. дес. занимали хлебные поля и картофельные плантации в Мамадышском, Лаишевском, Тетюшском, Свияжском, Спасском и Цивильском уездах. В трех уездах (Козьмодемьянском, Царевококшайском и Чебоксарском) под сельскохозяйственные нужды отводилось менее 100 тыс. дес. земли. Внутри губернии имело место периодическое перераспределение фонда используемых земель. Например, за пятилетие (1902–1907 гг.) Лаишевский уезд губернии стал важнейшим, наряду с Чистопольским земледельческим районом. Площадь возделываемых земель увеличилась здесь в 2,2 раза. Кроме того, увеличение площади запашки произошло в Спасском (на 8%), Цивильском (на 4%), Царевококшайском (на 2,5%), Ядринском (на 4,6%) и Чистопольском (на 15%) уездах. В Казанском, Козьмодемьянском, Мамадышском, Свияжском, Тетюшском и Чебоксарском уездах площадь земель под нужды сельского хозяйства, напротив, сократилась. Эти изменения были не случайны. Они происходили под влиянием роста товарности сельскохозяйственного производства, усилением конкурентных отношений в аграрном секторе экономики, перемещением капитала в районы перспективной экономической эксплуатации.

Сделанный вывод подтверждается данными об урожайности продовольственных хлебов в уездах Казанской губернии.

Для определения степени урожайности сельскохозяйственных культур в научной литературе часто используют единицу – сам, означающую отношение собранного урожая к затратам посевного материала. По существу это коэффициент, отражающий, в простейшем виде, систему «затраты-выпуск» и характеризующий эффективность сельскохозяйственного производства (не учитывающий разумеется затраты других видов).

Как видно из таблицы 3 в 1904 г. сам в Казанском, Козьмодемьянском, Мамадышском, Свияжском и Чебоксарском уездах был ниже среднего по губернии значения. Не удивительно, что все перечисленные уезды дали отрицательный показатель роста посевных площадей. И, наоборот, в Лаишевском, Спасском, Чистопольском, Цивильском уездах урожайность полей оказалась выше, что стимулировало крестьянские хозяйства к расширению обрабатываемых участков земли. Таким образом, в процессах межуездного перераспределения пахотных земель просматривается тенденция к проникновению рыночных отношений в аграрный сектор, его коммерциализация.

Таблица 3

Территориальное распределение сельскохозяйственных земель по уездам Казанской губернии (Обзор Казанской губернии за 1902, с. 10–11; Обзор Казанской губернии за 1907, с. 8–10; Статистический ежегодник России, 1904, с. 194.)

	1902		1907		Урожайность в 1904 г. (сам)
Уезды	десятин	в %	десятин	в %	
Казанский	216942	12,3	210720	10,6	5,5
Козьмодемьянский	66172,5	3,7	64457	3,2	4,7
Лаишевский	152349	8,6	336532	16,9	8,1
Мамадышский	182387	10,3	180576	9,2	6,1
Свияжский	117779	6,7	103694	5,2	5,5
Спасский	182207	10,3	196244	9,9	9,3
Тетюшский	165648	9,4	162225	8,2	7,7
Царевококшайский	80850	4,6	82323	4,1	5,0
Цивильский	121369	6,9	126649	6,4	8,3
Чебоксарский	79053	4,5	73255	3,7	6,3
Чистопольский	292906	16,6	336633	16,9	7,4
Ядринский	107117	6,1	112596	5,7	6,3
Итого по губернии	1764783	100	1985904	100	6,7

Казанская губерния относится исследователями аграрной истории дореволюционной России к зернопроизводящему типу регионов. Свое значение крупного поставщика на внутренний и внешний рынок продукции растениеводства край сохранил и в начале XX века. Здесь выращивались практически все важнейшие зернобобовые культуры (кроме кукурузы и собственно бобов). Тем не менее, в силу сложившегося естественно-географического разделения труда Казанское Поволжье имело свою рыночную нишу и специализацию в структуре сельскохозяйственного производства страны.

Для определения отраслей сельскохозяйственной специализации региона воспользуемся коэффициентом душевого производства. Он рассчитывается как отношение удельного веса отрасли (вида сельскохозяйственного производства) региона в соответствующей отрасли страны к удельному весу населения региона в населении страны. Если коэффициент душевого производства больше единицы, то есть производство дан-

ного вида продукции сельского хозяйства на душу населения в регионе выше, чем по стране, то отрасль считается отраслью специализации.

Таблица 4

Специализация Казанской губернии по видам сельскохозяйственных производств в начале XX в. (Ежегодник России, 1905, с. 12–22; Ежегодник России, 1914. с. 14–30)

Виды с/х производств	1905 г.	1913 г.
Озимая рожь	1,41	1,9
Яровая пшеница	0,15	0,16
Овес	1,72	1,55
Полба	11,0	16,3
Ячмень	0,34	0,01
Гречиха	1,14	1,52
Просо	0,21	0,46
Горох	1,14	1,71
Чечевица	2,06	2,99
Картофель	0,26	0,34

Показатели специализации Казанской губернии по видам сельскохозяйственных производств, рассчитанные по данным официальных статистических источников показаны в таблице 4. Они позволяют сделать вывод о том, что из десяти видов продукции растениеводства Казанская губерния специализировалась на шести. Главным видом специализированной культуры сельскохозяйственного производства в крае являлась полба. Полба – это один из видов пленчатых пшениц. Потребительские качества этого растения уступают настоящей пшенице, но в отличие от нее, полба неприхотлива к условиям произрастания, устойчива к болезням и вредителям. Аномально высокий показатель коэффициента душевого производства в этом случае объясняется тем обстоятельством, что культура относилась к числу малораспространенных в России. На Казанское Поволжье приходилась в 1904 г. четверть, а в 1913 г. – более трети ее производства. Полбой местные аграрии замещали пшеницу настоящую, выращивание которой в природно-климатических условиях края требовало больших трудозатрат, и было связано с большими рисками.

Из прочих видов зернобобовых культур губерния специализировалась на выращивании чечевицы, овса, ржи, гречихи и гороха. К 1913 г. число отраслей сельскохозяйственной социализации не изменилось, но

степень специализации претерпела некоторые изменения. Она выросла по всем видам продукции растениеводства, кроме овса. Данные таблицы 4 позволяют сделать вывод о том, что растениеводство в крае было диверсифицировано.

Зерновые культуры, и в особенности рожь, в экономике региона играли первостепенную роль. Они служили не только для внутреннего потребления сельхозпроизводителей, но являлись также основным источником доходов бюджетов хозяйств, поставлялись на рынок.

Некоторая часть выращенного зерна перерабатывалась в пределах губернии на паровых и водяных мельницах, принадлежавших как местным, так и иногородним предпринимателям. Крупнейшим зерноперерабатывающим предприятием края являлась паровая мукомольная мельница торгового дома «И.Оконишников с сыновьями» (Свияжский уезд д. Печище). Она располагалась в пятиэтажном каменном корпусе, была оснащена паровой машиной мощностью в 310 л.с. Мощность переработки составляла 1,2 млн. пуд. зерна на сумму 1,5 млн. руб. (НА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4309. Л. 143–144). Крупными были также паровая мельница Нижегородских купцов братьев Блиновых (Спасский уезд).

Однако производственные мощности местной мукомольной промышленности позволяли перерабатывать лишь небольшое количество зерна. Значительные его объемы (главным образом ржи и гречихи) поставлялись на российский и зарубежный рынки. Основным способом транспортировки хлеба являлся волжский торговый путь. Баржи, груженные зерном, отплывали с Чистопольской, Тетюшской, Спасской, Лаишевской и других пристаней в Санкт-Петербург, Рыбинск, Нижний Новгород.

Вместе с тем следует отметить, что зерноперерабатывающая промышленность края в начале XX века переживала не лучшие времена, и этот факт не ускользнул от внимания рыночных аналитиков того времени. Так, уже цитировавшийся выше князь А.А. Кропоткин с чувством явного сожаления писал: «Теперь же все мельницы работают в три раза меньше, чем двадцать лет назад, когда вывозилась мука из Казанской губернии» (Кропоткин, 1915, с. 65). Автор заметки чутко уловил неблагоприятный тренд в развитии экономики Казанского Поволжья, связанный с «уходом» производства добавленной стоимости из региона, трансформацией губернии из зернопроизводящей и зерноперерабатывающее в преимущественно зернопроизводящую. Иными словами, наметилась отчетливая тенденция превращения края в сырьевую периферию России.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие сельскохозяйственного производства в Казанской губернии сдерживалось целым рядом факторов: закостенелость институциональной структуры землепользования, техническая и технологическая отсталость, низкий потенциал предпринимательской активности сельхозпроизводителей. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги, аграрный сектор региональной экономики в целом деградировал в сторону сырьевой ориентации.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4309.*

2. *Ежегодник России*. 1904. Год первый. СПб., 1905.

3. *Ежегодник России*. 1913. Год десятый. СПб., 1914.

4. *Кропоткин* А.А. Влияние торгового договора с Германией на наше сельское хозяйство // Труды по изысканию мер для поднятия русской промышленности. Вып. 1. Изд-е второе. Казань: Тип. Губернского правления, 1915. С. 56–70.

5. *Обзор Казанской губернии за 1902*. Казань, 1903.

6. *Обзор Казанской губернии за 1907*. Казань, 1908.

7. *Обзор Казанской губернии за 1909*. Казань, 1910.

8. *Обзор Казанской губернии за 1913*. Казань, 1914.

9. *Сельскохозяйственные статистические сведения*. По материалам, полученным от хозяев. Вып. 11. Применение и распространение в России сельскохозяйственных машин и орудий. СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1903. С. 81–86.

10. *Смыков* Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань: Тат. кн. изд-во, 1973. 268 с.

Гибадуллин Марат Зуфарович – кандидат экономических наук, доцент Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: margibadullin@yandex.ru

Нуриева Айгуль Рустамовна – кандидат экономических наук, доцент Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: Nurieva_a.r@mail.ru

Gibadullin Marat Zufarovich – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of Kazan (Volga) Federal University (Kazan)

Nurieva Aigul Rustamovna – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of Kazan (Volga) Federal University (Kazan)

УДК 94(47)

Э.М. Гибадуллина

Татарская диаспора Казахстана в торговле с Синьцзяном на рубеже XIX–XX вв.

Торговые предприниматели татарской диаспоры Казахстана, состоявшей преимущественно из поволжских и сибирских татар, играли важную роль в развитии российско-китайской торговли, способствуя реализации мероприятий правительства, направленных на защиту геоэкономических и геополитических интересов России на восточном направлении.

Ключевые слова: торговое посредничество, меновая торговля, купцы, кочевники, геоэкономика, геополитика.

E.M. Gibadullina

Tatar diaspora of Kazakhstan in trade with Xinjiang at the turn of the XIX–XX centuries

Business entrepreneurs of Tatar Diaspora of Kazakhstan, which consisted mainly of the Volga and Siberian Tatars, played an important role in the development of Russian-Chinese trade, contributing to the realization of actions of the Russian government aimed at protecting the geo-economics and geopolitical interests of Russia in the East.

Keywords: trade intermediation, barter, merchants, nomads, geo-economics, geopolitics.

На рубеже XIX–XX вв. большое значение приобретает внешняя торговля России с Китаем. Территориальная близость Казахской степи к владениям Цинской империи являлась одним из факторов, предопределявших расширение русско-китайских торговых контактов.

Заключение Кульджинского договора 1854 г. способствовало установлению официальных отношений между Россией и Китаем в районе Синьцзяна, росту взаимовыгодных экономических связей. Однако продвижение на юг при этом не завершилось. В 1871 г. российские войска были введены в Илийский край, а в 1881 г. заключен Петербургский договор, который служил основой для межгосударственных отношений России и Китая в Синьцзяне и огромном регионе, примыкающих к нему казахских земель.

К.Скачков в 1881 г. справедливо отмечал: «При континентальном соседстве России с Китаем и при большей склонности нашего народа к сухопутной, чем к морской торговле, пространства Средней Азии представляют готовые рынки для нашей торговли. Прямой путь влечет нашу торговлю не к портам Китая, а в Китай Застенный» (Галиев, 2003, с. 61).

Торговая деятельность российских торговцев в Китае регулировалась «Уставом торговым», имевшим три редакции: 1856, 1883, 1908 гг. В «Уставе торговом» редакции 1908 г. указывалось, что «права и обязанности, проистекающие из сделок и отношений, торговле свойственных, определяются законами торговыми. В случае недостатка этих законов применяются законы гражданские и принятые в торговле обычаи».

Для обширного региона русско-китайской торговли в 1881 г. был установлен беспошлинный товарообмен между русскими и китайскими подданными в 50-верстной полосе по обе стороны русско-китайской границы. По условиям Петербургского договора российские купцы и торговцы имели право беспошлинной торговли в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре, а также право транзита через территорию Синьцзяна в города внутреннего Китая – Сучжоу и Тяньцзин.

Беспошлинно допускались к ввозу и вывозу золото и серебро в слитках, иностранная монета, мука разных сортов, сало, сухари, мясо и зелень в консервах, сыр, масло коровье, конфеты, иностранная одежда, изделия ювелирные, изделия из серебра, духи и мыло всех сортов, древесный уголь, табак и сигары иностранные, вино, пиво, спиртные напитки, канцелярские припасы, ковровые изделия, ножевой товар, иностранные лекарственные предметы, стекло и хрусталь, рис, зерно всех родов.

Не допускались к ввозу или вывозу и, в случае контрабандного провоза, подлежали конфискации: порох, артиллерийские снаряды, пушки, ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрельное оружие, военные снаряды и припасы, соль, опиум, запрещен был также вывоз риса и китайской медной монеты (ПСЗ–2, 1881, т. 1, с. 249–259). Возвращался купцам и торговцам акциз на спички и на сахар при ввозе их из российских территорий в Синьцзян (Галиев, 2003, с. 62).

12 июня 1890 г. были учреждены Туркестанский и Семипалатинский таможенные округа, начальнику вновь образованного Семипалатинского округа подчинялись таможенные учреждения Томской губернии, Семипалатинской области и восточной части Семиреченской области.

В Приложении к Правилам для сухопутной торговли, включенным в Петербургский договор 1881 г., указывалось 35 пограничных пунктов, через которые могли проходить границу русские подданные, направлявшиеся для торговли в Китай. Для Синьцзяна были указаны такие проходные пункты, как Бахты, Капшагай, перевал Кок-су, Хоргос, перевалы Бадель, Туругарт, Суйок, Иркештам. Из них Иркештам и перевал Сунак прилегали к Ферганской области Туркестанского, а остальные − к Семиреченской области Степного генерал-губернаторства (Галиев, 2003, с. 43).

Караваны, выходившие из Зайсана, Алкабека и Катон-Карагая направлялись не только в Чугучак, но и в Кобдо, Улясутай (Западная Монголия); Дорбулджин, Шихо, Манас, Урумчи, Гучен, Хами. Второстепенное значение имела дорога из Усть-Каменогорска на Катон-Карагай. Кроме этих путей большая часть товаров шла из Семипалатинска через Сергиопольский (Аягузский) уезд на Бахты и далее на Чугучак (Коншин, 1925, с. 19). В начале XX века наиболее оживленная торговля с Китаем велась в основном через Зайсанскую таможню с переходными пунктами в Катон-Карагае, Алкабеке и на Укокском таможенном посту (ЦГА РК. Ф. 800. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–10).

Введение льгот для купцов Китая и России в торговле по Петербургскому договору 1881 г., реорганизация таможенного надзора на внешних границах, формирование торговых трактов способствовали успешному развитию российско-китайской торговли: для синьцзянских купцов открывался новый рынок России, к границам которой теперь примыкали сельскохозяйственные районы Казахстана; в свою очередь, быстро возраставшее население Средней Азии предъявляло спрос на такие синьцзянские товары, как фрукты, живой скот, мясо и сало, которые ранее находили спрос только на внутреннем рынке Синьцзяна. В новых условиях синьцзянские купцы получили возможность продавать их в обмен на хлопчатобумажные и шерстяные ткани и другие изделия российской промышленности.

Главными предметами вывоза в Китай служили изделия фабрично-заводской промышленности, а главными предметами привоза – скот и сырье. Так как фабрично-заводская промышленность в области была развита очень слабо, то большая часть товаров, отпускаемых в Китай, привозилась из Европейской России (Обзор Семипалатинской области, 1909, с. 52–57).

Обмен товарами происходил, в сущности, между Россией и Китаем, а торговцы являлись посредниками в этой торговле. В Китай вывозились

бумажные ткани, швейные машины и принадлежности к ним, выделанные кожи, юфть, сафьян, рога марала и сайги, верблюды, овцы и козы, железо сортовое и в изделиях, олово, пшеница в муке и зерне, просо и др., галантерейный, фармацевтический, москательный и ножевой товар, ковры и сукно, шкуры выдры и лисицы, шелковые ткани и шелковая вата, ташкентские бумажные ткани, одеяла, мата, деревянные изделия: медные изделия, табак листовой, седельно-шорные изделия, стекло, стеклянные и фарфоровые изделия, готовое платье, сахар, конфеты и пряники, чай, эмалированная посуда, рис, серебро в слитках и пр.

В этом перечне экспортируемых товаров 75,8% составляли бумажные ткани, 10,3% − рога марала и сайги, 7,3% − выделанные кожи, юфть и сафьян и 6,6% − остальные товары фабрично-заводской промышленности.

Семипалатинские купцы поддерживали с китайцами торговлю чаем. Таким способом они наживали капиталы, с которым пытались вытеснять среднеазиатских купцов из киргизских кочевьев, находя степную торговлю более прибыльной для себя, чем торговые дела на среднеазиатских товарах.

Российские торговцы вывозили из Цинского Китая кожу, шерсть, серебро в слитках и особенно чай. Из Китая вывозили также крупный и мелкий скот, выделанные и невыделанные кожи, ковры, шерсть верблюжья и баранья, войлок, овчины и мерлушки, козий пух, китайскую фарфоровую посуду, шкуры белки, лисицы, соболя, выдры, сурка, волка, медведя и пр.), серебро в слитках, табак листовой, вата, шерстяные изделия, битую дичь, рыбу, конские хвосты и гривы, фрукты, орехи, чай, соль, деревянные изделия, шелковые ткани, бумажные ткани и т.д. Из Кульджи и Чугучака российские торговцы привозили чай байховый и кирпичный, фарфоровую посуду, серебро в слитках, китайские материи: канфы, канчи, лензы, завиданы, веера, зеркальца, огниво, гребни, румяна, леденцы и пр. Эти товары частью продавались в Семипалатинске, а большая часть отвозилась на Тюменскую и Ирбитскую ярмарки, в Казань и Москву (Абрамов, 1861, с. 162).

Торговлей с Китаем через таможни, расположенные в казахской степи занимались русские, татары, казахи, сарты, но большей частью − татары, постоянно или временно проживавшие в регионе и специализировавшиеся на торговом предпринимательстве; численность торговцев среди них росла, только в Зайсане их было 260 человек (Адильбаева, 2010, с. 65). Успешной торговой деятельности татар способствовал и тот

факт, что еще в первые десятилетия XIX века в Китае начала складываться татарская диаспора, татары заняли такие районы как Чанцзи-Хуэйский автономный округ, Урумчи, районы Или и Тачэн. Небольшая колония также существовала на юге Синьцзяна. Небольшие по численности татарские колонии имелись в Пекине, Тяньцзине, Харбине, Чжэнчжоу, а также в других крупных и средних городах.

Давние родственные, деловые связи имели важное значение для поддержания и развития торговых отношений, закупки и сбыта товаров, сохранения постоянной клиентуры среди населения приграничных территорий государств. В Семипалатинске сложился круг торговцев, специализировавшихся на торговле с Китаем. Среди них заметное место занимали татарские торговцы − выходцы из Казанской губернии, купцы 3 гильдии, доверенные купеческие сыновья Б.Измаилов, А.Мурсалимов, М.Абдышев, М.Рафиков, М.Фаткуллин, Х.Монасыпов, А.Рахматуллин, А.Гумеров, Б.Усманов, М.Монасыпов, М.Рафиков, Х.Ибетуллин, А.Ишимов, Т.Абдулатифов, А.Абдулгазизов, М.Усманов, Х.Смаилов, А.Габитов, А.Габикеев, А.Баязитов, Б.Мукминов, А.Зубаиров – 22 человека (55%) из 40 российских торговцев (ЦГА РК. Ф. 478. Оп. 2. Д. 147. Л. 38). Татары, жившие в Синьцзяне, кроме торговли, успешно занимались животноводством, национальная элита была представлена в основном работниками просвещения – татарская интеллигенция внесла значительный вклад в развитие сферы образования Синьцзяна.

Большинство семипалатинских купцов, торгующих в Чугучаке, брали заграничные билеты в Семиреченской области и обороты их не были зарегистрированы в Семипалатинской области (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 299. Л. 82).

Российский товар поступал в Китай через Семипалатинск с Ирбитской и Крестовской ярмарок. Товары, привезенные из Китая, отправлялись в Кяхту, Семипалатинск, Москву, Ташкент, Ирбит.

Вот как описывает современник перевоз через реку Иртыш товаров из Китая в Семипалатинск: за рекой в степи вы видите караваны верблюдов, ослов и верховых лошадей. Они идут к городу; вот они столпились на берегу реки, ждут паром, смешались, и крики животных, увидевших воду, так и прорывают воздух. Вот их гонят на паром, укладывают рядами на мост, и вы видите целую картину лежащих под тяжелым хлопком животных, которых ведут через реку, плавят по быстрому Иртышу к берегу города. Вот снова составился караван, они осторожно, с пронзительным криком поднимаются в гору, к улицам города; еще не-

много и вы видите их уже в улице, мерно, тяжело шагающими по ней... На их спинах привезли сюда из Китая, Кульджи рис, хлопок, ягоды, шерсть и даже виноград. Здесь сложат все это и нагрузятся уже русским товаром, по преимуществу железом и мануфактурой, более всего нужной для степной меновой торговли (Азиатская Россия, 1903, с. 327).

Среди торговавших в Синьцзяне в 1900 г. значились семипалатинские купцы 1 гильдии – А.В. Москвин, Д.Н. Деров, купцы 2 гильдии – Ф.В. Ступин, В.А. Торопов. Все они торговали сахаром, мануфактурой. По промысловому свидетельству 2 разряда торговали: компания «Коковин и Басов», А.Р. Лушников, М.Д. Пятков, И.Ф. Токмаков, компания «Сотенников и бр. Молчановы».

Среди купцов Зайсана были известны И.Абдышев, В.Анваров, Л.Ахтямов, А.Болтабаев, Р.Бейсекеев, торговый дом «Бикчентаев и Абылханов», М.Давлеткельдеев, К.Ерзин, Д.Зурамбаев, М.Джамбулатов, К.Жаркынбаев, З.Ибрагимжанов, Х.Кадрагин, Д.Манготин, Т.Ногайбаев, А.Рафиков, С.Сейдлуков, С.Сейдаутдинов, а также Фидахмет Бобкин, Хавиулла Ерзин, Ю.К. Сейфуллин, Исматулла Урманов, Хайбулла Шаметдинов; в Кокпектах − С.С. Абдуллин, С.А. Абдулкаримов, Х.И. Искаков, Н.Д. и Г.Д. Ведищевы. Большинство из них вели торговлю в приграничной полосе на территории Синьцзяна (Галиев, 2003, с. 65).

Каркаралинские купцы С.Арыбтанов, А.Зуфаров, Губайдулла Бекметов, Валиулла Бекметов, Халиулла Бекметов, Каримбаев, М.Кулмурзин, С.Нурбаев, М.Мусин, С.Рахимжанов, М.Салимбаев, А.Салихов и другие тоже были тесно связаны с Куяндинско-Ботовской ярмаркой и торговали с Синьцзяном.

Россия придавала большое значение развитию взаимовыгодных связей с соседней Монголией − провинцией Китая. По Петербургскому договору 1881 г. с Китаем Россия добилась права на беспошлинную торговлю по всей территории Монголии и учреждения русских консульств в Кобдо и Улясутае. В результате принятых властями мер, основная часть русско-монгольской торговли стала производиться через Зайсан, Семипалатинск, Усть-Каменогорск.

Товары доставлялись из России в Монголию по четырем маршрутам: 1) из Усть-Каменогорска и Семипалатинска до Кободо; 2) из Бийска, Чуйской дороге до Кобдо и Улясутая; 3) из Минусинска в Урянхайский край; 4) через Забайкалье и Амурский край в Кяхту, и далее в Монголию.

Современники неоднократно обращали внимание на участие татар в торговле с Китаем и Монголией. Так, Н.В. Богоявленский писал: «Торговлею занимаются купцы из татар, сартов, таранчей и дунган; встречаются между ними коренные русские, но в самом незначительном числе». Российский консул в Урумчи в 1902 г. отмечал, что «торговля ведется по-прежнему исключительно татарами и нашими среднеазиатскими сартами». Другой консул Н.Н.Кротков отмечал, что « в руках узбеков и небольшой кучки татар и казахов сосредоточивалась, по-прежнему, торговля в Урумчийском округе». Газета «Правительственный вестник» за 1914 г. сообщала, что «большинство российских торговцев, проживающих в Урумчийском округе – татары и киргизы Семипалатинской области» (цит. по: Галиев, 2003, с. 65).

Взаимовыгодная российско-китайская торговля активно развивалась, ее центрами становились Урумчи, Чугучак, Кульджа, Кашгар, Кобдо, Улясутай, Хами, Хотан, Аксу и другие города. Так, например, обширный базар Урумчи был переполнен китайскими и русскими товарами, если в конце 80-х гг. XIX в. в Урумчи и его оазисе российских торговцев было 50 татар и казахов, то в 1908 г. торговлей занимались в округе уже 183 человек. О деятельности купцов из узбеков, татар и казахов в Синьцзяне исследователь Ч.Холкомб писал, что они, как никто другой приспособились для ведения дел в этом регионе и «имели давно установившиеся торговые отношения. Они знали и понимали друг друга лучше» (цит. по: Галиев, 2003, с. 65).

Вдоль казахстанской границы и внутри Синьцзяна самой удобной для населения была развозная торговля. Мелкие торговцы находили меновую торговлю для себя более выгодной, чем денежную. И это было естественно, поскольку у кочевого населения всегда было мало наличных денег.

Все завезенные товары складывались в караван-сараях торговых городов Синьцзяна. Российские купцы и торговцы имели свои склады, перераспределение товаров из которых происходило при посредстве мелких торговцев, разъезжающих по окрестным аулам и распродающих свой товар, частью за наличные деньги, частью в кредит – на деньги или под ожидаемый урожай. Торговля велась преимущественно в кредит или на обмен.

Несмотря на то, что оборот каждого мелкого торговца был незначительным, именно они являлись главными инициаторами торговых сделок и в руках понимающего дело купечества играли заметную роль.

Оживлению российско-китайской торговли способствовало строительство Великой Сибирской железной дороги, создание пунктов связи: почты и телеграфа, что особенно было важно на огромных расстояниях, занимаемых Синьцзяном и пограничной полосой районов Казахстана. На развитие российско-китайской торговли в Синьцзяне оказывала влияние деятельность российских банков, среди которых выделялся Русско-Китайский банк, который выдавал ссуды под обеспечение товарами и без обеспечения, учитывал векселя.

Большую роль в экономической жизни Синьцзяна играл Илийский округ. Он имел вид равнобедренного треугольника, основанием упиравшегося в Семиречье, а по бокам был ограничен труднодоступными хребтами, смыкающимися на юге. Здесь проживали преимущественно казахи – 45000 человек, потомки киргизов Большой Орды. Центром округа был г. Кульджа, где проживало 80 татар из числа торговцев-землевладельцев и около 100 мелких торговцев-татар в поселках края (Галиев, 2003, с. 23).

В 1881 г., когда в результате Петербургского договора часть земель западной части Илийской долины осталась за Российской империей, на перекрестке дорог, идущих из Верного в Кульджу и из гор Терскей-Алатау к реке Или и на киргизские кочевья на плоскогорье Каркару, гор Кунгей-Алатау, у города Каркаралинска, был основан город Жаркент. Через г. Джаркент в Китай экспортировали мануфактуру, бакалею, урюк и изюм, рис, рыбу, хлеб, арбузные семена, поташ, скот, выделанные кожи, посуду, кошмы, арканы, водку и виноградное вино, ввозили – ямбовое серебро, овчины и козлины, мерлушки, яловые кожи, конские кожи, медвежьи, верблюжьи, волчьи, лисьи шкуры, шкуры куницы, барсука, моральи рога, баранью шерсть, конские гривы и хвосты, козий пух, верблюжью шерсть, мату, вату, аксуйский войлок, сухие фрукты и орехи, сошники, горшечные изделия, китайскую фаянсовую посуду, мелочный товар, нашатырь, баранов и быков.

В Кульджу российские торговцы везли свечи, спички, керосин, сахар, бумагу, стекло, обувь, чай, москательный и бакалейный товар, вино, водку из Ирбита и Нижнего, из Кульджи – пушнину, золото и серебро.

Российский товар привозили преимущественно татарские торговцы (70%) и сарты (30%). Татары имели 16 лавок в Кульдже, 6 лавок в Сайдуне (Гуандуне); продавали свой товар в основном кашгарцам, а по мелочам – китайцам. Статьи товара были те же, что и в прежние годы: бязь, ситец, тик, немного шерстяных материй, незначительное количест-

во сукна, юфть, шкуры выдр, сахар, свечи, карамель, железный и чугунный товар; мелочные товары: иглы, галантерея и пр. Ташкентские товары продавали исключительно сарты, причем доставка товара им обходилась в 11 руб. 70 коп. за пуд (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 39331. Л. 401).

На рубеже XIX-XX вв. в Семиреченской области сложилась устойчивая группа торговцев, специализировавшихся на коммерческих операциях с Китаем. Они занимались торговлей как в Илийском округе, так и во всей Синьцзянской провинции Китая, тем более, что торговля не облагалась пошлиной, а дорога сравнительно короткой. Среди них были купцы из Верного Г.Баязитов, Р.Зайнуллин, И.Комаев, М.Мухамед-Седиков, Н.Мусин, Д.Нигматуллин, С.Нигматуллин, Х.Тюменев, А.Усманов, М.Мусин, М.Махмутбаев, Х.Мулланкулов, Р.Мирза-Мухамедов, М.Бабаев, З.Ахметжанов, А.Юнусбаев, И.Топылтыбаев и др., из Джаркента – В.А. Юлдашев, С.Абсалямов, Ш.Ахметов, М.Габдуллин, А.Джилкибаев, З.Илиев, М.Миржанов, А.Маметкулин, М.Махмутбаев, С.Салихов, М.Исханбаев, Х.Мусабаев, М.П. Кувшинов, С.Галимов, М.Мусин, А.Юлдашев, З.Садыков, И.Сарымсаков, А.Гулизаев и др., из Лепсинска – Ш.Шамсутдинов, К.Юсуфбаев, А.Абдулалиев, С.Алимбеков, Х.Асаходжин, З.Абдулвагапов, А.Валиуллин, И.Иксанов, В.Рафиков, С. Сулейменов, А.Тамуров и другие; из Капала – Н.Бекбулатов, Ш.Мухтаров, Х.Мусагитов, К.Кусебаев, М.Мусин, братья Колковы, Ю.Юсманбеков, Ю.Шаихов, А.Салихбаев и др. (Галиев, 2003, с. 66).

Российские торговцы для поездки в Китай снабжались билетами от русского начальства на русском и китайском языках, с монгольским или татарским переводом. Билет предъявлялся при вступлении на китайскую территорию, в ближайшем к границе китайском карауле, где после проверки караульное начальство делало на нем соответствующую отметку.

Китайские власти имели право задерживать купцов, перешедших границу без билетов и сопровождать их до ближайшего пограничного русского начальства, или к подлежащему консулу для строгого наказания. Товары, вывезенные в Монголию и Притяньшанские округа и там нераспроданные, могли быть отправлены в города Тянь-цзинь и Сучжэу (Цзя-юй-гуань), для продажи там или провоза их далее, в Китай. Показательно, что по наблюдениям начальника пограничной таможни, с просьбами о выдаче паспортов на поездку в Кульджу обращались преимущественно жители Кавказа, татары − выходцы из Казанской губернии и др. лица (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 721. Л. 196, 197).

Успешно развивающаяся российско-китайская торговля вызывала беспокойство Англии, пытавшейся любыми средствами ослабить влияние России в Синьцзяне и сопредельных территориях. Поэтому успех российских торговцев, среди которых заметное место принадлежало татарам, в российско-китайской торговле имел не только важное геоэкономическое, но и геополитическое значение.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, отмечался торговый бум в отношениях с Западным Китаем: только за 1909–1913 гг. по одному Чугучаку торговый оборот составил свыше 23,9 млн. руб., торговый экспорт России составил 12,5 млн. руб., импорт − 11,4 млн. руб. (ЦДНИ ВКО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 9. Л. 22–23).

Первая мировая война, а затем Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война и экономический кризис первых лет Советской власти вызвали катастрофический упадок как внешней, так и внутренней торговли. Торговля Советского государства организовывалась на принципиально новой основе, путем национализации и централизации управления.

Подобная мера в условиях существования кочевых волостей и кочевого хозяйства приводила к товарному голоду, спекуляции, росту контрабанды.

Для поддержания торговли совершенствования товарообмена между сельской местностью и городами, новая власть была вынуждена в 1922 г. возродить торговые ярмарки, в первую очередь, Куяндинскую, Чарскую, Семиярскую и др. Эти ярмарки проводились в районах кочевого хозяйства вплоть до конца 1930-х гг. (ЦДНИ ВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 583. Л. 18).

Внешнеторговые отношения с Китаем начали возобновляться в 1920-х гг. Вместо частного капитала во внешней торговле участвовали государственные и кооперативные торговые организации − Казторг, общество «Шерсть», Внешторг и его филиалы, отделения, союзы потребительских обществ различного уровня. Эта торговля, как и прежде, представляла собой характер обмена китайского сырья теперь уже на советские фабричные изделия.

Источники и литература

1. *ПСЗ–2. 1881. Т.1.*
2. *ЦГА РК Ф. 44. Оп. 1. Д. 7.*
3. *ЦГА РК Ф. 44. Оп. 1. Д. 721.*

4. *ЦГА РК Ф. 44. Оп. 1. Д. 39331.*
5. *ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 299.*
6. *ЦГА РК. Ф. 478. Оп. 2. Д. 147.*
7. *ЦГА РК. Ф. 800. Оп. 2. Д. 1.*
8. *ЦДНИ ВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 583.*
9. *ЦДНИ ВКО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 9.*
10. *Абрамов* Н.А. Областной город Семипалатинск. Краткий исторический взгляд на места, занимаемые Семипалатинской областью. Записки РГО. Кн. 1 / Под ред. А.Н. Бекетова. СПб.: Тип-я В.Безобразова, 1861.
11. *Адильбаева* А.С. Социально-экономическое и культурное развитие городов Восточного Казахстана в конце XIX – начале XX вв.: дисс… канд. ист. наук, Семипалатинск, 2010.
12. *Азиатская Россия*. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А.Крубером, С.Григорьевым, А.Барковым и С.Чефрановым, Изд-е 1-е Т-ва И.Н. Кушнерева и К°, М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903 г.
13. *Галиев* В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX веков). Алматы, 2003.
14. *Касымбаев* Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг.: (социально-экономический аспект). Алма-Ата: Гылым, 1990.
15. *Коншин* Н.Я. Записки о торговле с Западным Китаем и о мерах ее развития. Рукопись. 1925г. Семипалатинский городской историко-краеведческий музей.
16. *Обзор Семипалатинской области* за 1909 г. Тип-я Семипалатинского областного статистического комитета. Семипалатинск, 1910.

Гибадуллина Эльза Маратовна – кандидат исторических наук, доцент, зам. директора по бизнес-образованию Бугульминского филиала «ЧОУ ВО Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)» (г. Бугульма, РТ); e-mail: gibelza@yandex.ru

Gibadullina Elza Maratovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Business Education, Bugulma branch of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Bugulma, Republic of Tatarstan)

УДК 94(47)

Е.В. Годовова

Записки казака Н.В. Агапова как исторический источник по изучению военной повседневности оренбургских казаков[1]

В статье представлен обзор рукописи оренбургского казака Н.В. Агапова. Записки казака Н.В. Агапова отражают военные будни оренбургских казаков: схватки с врагом, выживание в экстремальных условиях, формирование системы ценностей и является ценным источником по истории военной повседневной жизни оренбургского казачества.

Ключевые слова: казачество, оренбургское казачество, Н.В. Агапов, военная повседневность.

E.V. Godovova

Notes of cossack N.V. Agapov as a historical source for study of everyday military life of the Orenburg Cossacks

The article presents an overview of the manuscript of Orenburg Cossack N.V. Agapov. Notes of cossack N.V. Agapov reflect the everyday military life of the Orenburg Cossacks: battle with enemies, survival in extreme conditions, formation of value system and are a valuable source of history of the everyday military life of the Orenburg Cossacks.

Keywords: Cossacks, Orenburg Cossacks, N.V. Agapov, military everyday life.

В Государственном архиве Оренбургской области, в Личном фонде С.Н. Севастьянова хранится уникальное дело – Рукопись оренбургского казака Николая Васильевича Агапова. Эти «рассказы старого воина» были переданы С.Н. Севастьянову братом автора рукописи Василием Васильевичем Агаповым не случайно. Сергей Никанорович Севастьянов был известным историком Оренбургского казачьего войска, членом Оренбургской ученой архивной комиссии. Отправляя материалы своего личного архива С.Н. Севастьянову, В.В. Агапов надеялся на возможность опубликования рукописи (или ее фрагментов) в военном сборнике.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008).

В 60-е гг. XIX в. в правительственных кругах развернулась дискуссия о целесообразности существования в России казачьих войск. В.В. Агапов входил в группу оренбургских казаков, собиравших материал, доказывающий «полезность» Оренбургского казачьего войска, и подготовивших статью «Правда об Оренбургском казачьем войске», изданную в шестом номере «Военного сборника» за 1862 г. под псевдонимом «Оренбургский казак».

Нужно сказать, что в те годы рукопись Н.В. Агапова опубликована не была и долгое время хранилась в архиве С.Н. Севастьянова. В 2011 г. этот ценный материал был обнаружен в ГАОО сотрудниками Лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. В 2012 г. в работу по опубликованию рукописи включились и оренбургские коллеги. В результате была издана книга «Записки Н.В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Научная публикация и исследование текста» (Оренбург, 2013). В этой книге представлены, во-первых, вариант рукописи Н.В. Агапова, опубликованный по правилам нормативной орфографии и пунктуации, во-вторых, авторский вариант текста, в-третьих, материалы исследований рукописи, в-четвертых, приложения, включающие в себя переписку по поводу рукописи, комментарий к рукописи, словарь языка Н.В. Агапова, указатель имен и фамилий, а также таблица казачьих войсковых чинов. Публикация рукописи Н.В. Агапова открыла новые страницы для исследователей истории оренбургского казачества. Остановимся на рассмотрении рукописи как исторического источника по изучению военной повседневной жизни оренбургских казаков.

По мнению Н.Л. Пушкаревой, к категории повседневности следует относить: событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей (Пушкарева).

В центре рукописи оренбургского казака Н.В. Агапова – становление личности молодого казака, природа его героизма, находчивости и смекалки, тема верности долгу и преданности государю и Отечеству (Рожкова, 2013, с. 13). Записки Н.В. Агапова практически не содержат воспоминаний о личной жизни, семье, детях. Только в нескольких эпизодах автор упоминает свою жену.

Большую часть своей боевой жизни Н.В. Агапов провел в Среднеазиатской степи, вероятно, поэтому основную часть его рассказов составляют воспоминания об этом периоде его биографии.

«В 1840 году первая моя командировка в двухсотенный отряд к управителю Средней части орды» начинает свой рассказ Н.В. Агапов. Записки казака достаточно ярко рисуют столкновения казаков с «хищными шайками» (отрядами киргизов. – *Е.Г.*). «*Батырь* что-то приказывал на бугре стоящим киргизам и ругал всячески их за неуспех против русских. В это время я поскакал прямо к нему. Он устремился на меня, летел мне навстречу с пикою, я же угрожал ему шашкою. Направленная пика была отбита моей шашкой так, что древко у пики раздробил, и отлетела часть в сторону. И успел ухватить его за рукав, и разорвал халат и обнаружил на нем надетую кольчугу» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 42 об.).

Изображает он и самих врагов: «*Батырь* был *росту* большого, в *крылцах* широк, глаза большие, широко раскрыты как у тигра, борода длинная и широкая. *Препоясана* широким кушаком на бедре шашка и калта, и кинжалы – все это было убрано серебром и золотом. Конь под ним сивый, аргамак, и хорошо наезженный, и быстрый в поворотах. За плечами ружье, двухстволка, в руке пика *на длинной древке, по древке* прикрепленные острые лезвия» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 42 об.).

Пишет Агапов и о мирном населении, настроенном против казаков «Случилось идти мимо одного аула, расположенного близ нашего следования в левой стороне. И что же? Все бывшие в ауле киргизы: старые и малые, и женщины с грудными детьми – бежали к нам, имея в руках мотыги, чигарачины и железные шибалы и кто с чем, и бросились на нас с криком. Женщины бросали своих детей под ноги лошадям с ругательством «*урус* кафыр, *урус* яман» (русский неверный, русский плохой. – *Е.Г.*) и так далее, махая оружием на казаков. И одна женщина так ловко ударила урядника по спине дубиной, что вышибла его из седла. Я приказал ее за дерзость поднять на пики, а *продчих* не шевелить, а оттаскивать от фронта прочь. Орда, видя наказание дерзкой женщины, отступила, боясь, дабы и всем не *подпасть* такому же наказанию, и убрались в свой аул. Матери собирали своих брошенных детей, едва ли всех живьем, я думаю, наполовину мертвыми. Вот как озлобились *ординцы* на русских, готовы съесть живьем, но русские, не обращая на них внимания, и обходились с ними кротко, понимая, что орда, как степной зверь кровожадный готов поглотить или с живого драть кожу» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 145).

Много внимания Н.В. Агапов в своих записках уделяет способам выживания в степи: добыванию пищи, воды, спасению от непогоды, лечению болезней в антисанитарных условиях. Казак пишет, как в степи сам сделал себе операцию по удалению абсцесса: «На левой щеке появилась сибирская язва и так скоро подействовала, что у меня разнесло щеку, что и глаз закрыло, и горло распухло, так что и дышать с трудом можно, и на сердце тоска, а лечить некому. Взял хомутное шило и вырыл ямку из песка, в левую руку взял зеркало, а в правую шило – и давай щеку теребить. С трудом воткнешь шило, потому что щека *задервенела,* всунешь сбоку лезвием шила под корень и *рвенешь* – только *лоскутья* летят, а кровь ручьем в яму. Покончил операцию – и почувствовал легкость на сердце, и в горле опухоль стала опадать. Пошел к сотнику Жарикову просить билет ехать в госпиталь в укрепление Раим для излечения раны» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 92 об.–93). Следует отметить, что доктор, осматривавший послеоперационную рану, сказал Агапову: «Хорошо, что ты догадался и решился это сделать, а то бы лежал бы в песке навечно» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 93 об.).

Н.В. Агапов описывает и свою службу в Москве. С 1843 по 1847 гг. казак Агапов служил ординарцем, назначавшийся к войсковому штабу, к командиру или к почетному лицу для выполнения их поручений, главным образом, для связи и передачи приказаний у генерала от кавалерии московского коменданта Карла Густавовича фон-Стааля (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 18). Очень интересен эпизод, где оренбургский казак описывает отдых генерала и его семьи. «Летом комендант выезжал на дачу в село *Царицано* во дворец царицы Екатерины Алексеевны. Там очень весело и хорошо. Сады под наблюдением садовой роты. Пруды с островками, где много всяких фруктов и грибов, где дочери господина коменданта *сбирали* фрукты и грибы в корзины *в провождении* ординарца. И езда на шлюпках по плесам: казаки в распашные весла, а *мамзель* правит рулем, а фрейлины его императорского двора, дочери Карла Густавовича, с цветами под балдахином с *деушками* распевали песенки. А матросов что-то никогда не брали. *Оне* находились всегда здесь на службе. Да иногда вздумают барышни на лошадях покататься верховыми. Жандарм *седлат* им *жидармских* лошадей, а мы, ординарцы, за ними телохранителями. *В тем* и провожаем время целое лето, а в сентябре – в Москву на жительство. А в Москве – по балам и по гостям, да в театр. А мы, ординарцы, за генералом, а за барышнями придворные лакеи всегда от своего двора понедельно присылались из Грановитой палаты

государя императора Николая Павловича» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 21–21 об.).

Где бы ни служил оренбургский казак Агапов, везде с ним был его любимый конь. С гордостью и одновременно ласково он пишет: «Моя Савраска как стрела из лука пустилась и оставила своего спутника Чалбаша и всадника Андрея Афанасьевича Иванова. И возвратясь, примчался к нему и на свое место» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 12). Столь теплое отношение к коню было не случайно. Конь – подарок отца перед командировкой Николая в степь – воспринималось им как благословение родителей, всегда напоминал ему о родном доме.

Казачья верность семье, присяге, друзьям также прослеживается в записках Н.В. Агапова. «Мне родительское благословение дороже всего на свете, я не могу изменить и быть недостойным сыном. Лучше умереть, чем не послушать родителей и нарушить заповедь божию. Бог говорит: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо тебе будет, и да долголетен будешь на земле» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 12 об.).

Н.В. Агапову свойственно постоянное обращение к Богу. «С нами Бог, он защитит нас и покорит нашего врага под ноги наши» (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 42 об.), – говорит он своим воинам перед схваткой с ордынцами. «Уж настала ночь и смешалась с темнотой с бураном, и идти нам стало уж невмочь. Осталось только просить Бога о помиловании напрасной смерти, встав на колени и подняв руки к небу и изливая теплые и душевные к Богу молитвы и Пресвятой Богородице Приснодевы Марии и чудотворной ея иконы Казанския. «Пресвятая Богородице, спаси нас от напрасной смерти и моли сына твоего и Бога нашего Иисуса Христа, и пошли ангела-спутника, да покажет нам путь, и мы пойдем по нем, славя Бога и его, и святых чудотворцев во век и веков века». Вдруг просветил огонек вдали, несколько вправе, и опять пропал, мы по направлению оного поспешили продолжать путь свой, как будто в надежде отыскать путь спасения от замерзания. Почувствовавши что-то в теле, теплоту и бодрость, и присматриваясь, не увидим ли еще что-нибудь. И огонек мелькнул чуть заметно сквозь вьюги снежной, и, прибавив шагу, спешили в надежде получить спасение от Бога Вседержителя » (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 121–121 об.), – вспоминает Н.В. Агапов.

На протяжении всей рукописи Агапов с гордостью пишет об оренбургских казаках, выделяя такие их качества, как храбрость, силу, неподкупность и преданность царю. Он восклицает: «Слава нашему царю и Вседержавному богатырю, и покорителю врагов, помоги ему, мило-

сердный Бог, покорять врагов и расширить землю русскую, и продли, Боже, жизнь царю на *многия лета»* (ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 173).

Итак, рукопись казака Н.В. Агапова отражает военные будни оренбургских казаков: схватки с врагом, выживание в экстремальных условиях, формирование системы ценностей и является ценным источником по истории военной повседневной жизни оренбургского казачества.

Источники и литература

1. *ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11.*
2. *Пушкарева* Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info (дата обращения 22.06.2017).
3. *Рожкова* Т.И. Записки казака Н.В. Агапова (функциональная и филологическая природа) // Записки Н.В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Публикация и исследование текста / сост.: И.А. Филиппова, Е.В. Годовова, С.А. Моисеева. Оренбург, 2013. С. 317–326.

Годовова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Оренбург); e-mail: godovova@mail.ru

Godovova Elena Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Orenburg branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation (Orenburg)

УДК 027.1

Н.Н. Горшкова

Личные книжные коллекции как отражение общественных взглядов собирателей-библиофилов Казани начала XX века

К началу XX столетия в казанском библиофильстве сложились определенные традиции. Представителями разных слоев общества – мещанами, священнослужителями, чиновниками, учеными – были созданы личные книжные коллекции, заметные в книжной культуре города. Они стали отражением не только заложенной в них информации о владельцах – его пристрастиях, интересах, взглядах, – но и исторической картины интеллектуальной и культурной жизни общества, в котором возникновение этих коллекций и их последующее функционирование оказалось возможным. Книжные собрания, рассмотренные в статье, принадлежали казанским ученым – психиатру, одному из первых русских психоаналитиков, доктору медицины Н.А. Вырубову, врачу-клиницисту, профессору Казанского университета, доктору медицины Н.А. Засецкому, педагогу, директору Казанского педагогического института А.И. Анастасиеву. Сферы профессиональной деятельности владельцев (психиатрия, общая терапия и педагогика), их научные и общекультурные интересы, общественная позиция, значительно отличаются друг от друга. И эти различия нашли выражение в структуре и составе их личных библиотек, подходах к их созданию.

Ключевые слова: библиофильство, книжная культура, книжная коллекция, личная библиотека, книголюб, собиратель, научные интересы, общественные взгляды, социально-культурный облик, гражданская позиция.

N.N. Gorshkova

Personal book collections as image of the public views of collectors-bibliophiles of Kazan at the beginning of the XX century

There were certain traditions in the Kazan bibliophilism by the beginning of the twentieth century. Personal book collections, visible in the book culture of the city were created by representatives of different strata of society – philistines, clergymen, officials, scientists. They have become the reflection not only of the information about the owners – their preferences, interests, views – but also of the historical picture of intellectual and cultural life of the society in which the emergence of these collections and their subsequent functioning was possible. The book collections, considered in the article, belonged to the Kazan scientists –to

psychiatrist, one of the first Russian psychoanalysts, doctor of medicine N.A. Vyrubov, doctor-clinician and professor of the Kazan University, the doctor of medicine; NA. Zasetsk;, the teacher and director of the Kazan Pedagogical Institute – A.I. Anastasiev. Spheres of professional activity of these owners (psychiatry, general therapy and pedagogy) – their scientific and general cultural interests, public position significantly differ from each other. And these differences found expression in the structure and composition of their personal libraries, approaches to their creation.

Keywords: bibliophilism, book culture, book collection, personal library, bibliophile, collector, scientific interests, public views, social and cultural appearance, civil position.

Как и большинство российских городов в конце XIX – начале XX вв. Казань была охвачена страстью книгособирательства. Положение «столицы» русского востока, в которой концентрировались интересы Российской империи как промышленно-экономические, так и культурные, лишь способствовало ее развитию. В традициях казанского библиофильства был тот же обмен изданиями из личных коллекций, что и в столицах. Владельцы дарили книги друг другу, продавали и покупали напрямую или через книжные лавки. В стране в это время уже сформировалась развитая сеть книжных магазинов. Некоторые из них были оформлены с роскошью, «на европейский манер», и выпускали каталоги собственной «наличности». В Казани вел свои дела известный книготорговец П.П. Шибанов. А книжные магазины М.А Голубева, В. Дубровина и другие стали своеобразными клубами библиофилов. Переплетные заведения также имели своих постоянных клиентов. Часто один библиофил обращался в разные мастерские – подешевле и подороже – в зависимости от уровня своего благосостояния на тот момент.

К началу XX века необходимость иметь в доме книги ощущалась у представителей практически всех слоев российского общества. Сохранилось немало владельческих надписей, подтверждающих принадлежность «Житий святых» и «Молитвенников» в потрепанных переплетах даже малограмотным крестьянам. Что говорить об интеллигенции, чиновниках, священнослужителях? По свидетельству современника, в это время не было «квартиры интеллигентного человека, в которой не имелось бы коллекции книг... Отсутствие библиотеки в доме – это как будто явное свидетельство... малокультурности лиц, занимающих данную квартиру» (Соскин, 1980, с. 73).

Значительную часть владельцев личных библиотек в Казани составляли представители научного сообщества, чья жизнь была сосредоточена вокруг третьего в России, как по времени возникновения, так и уровню преподавания, Казанского университета. Коллекции книг, созданные учеными и переданные в научные библиотеки города, сегодня помогают воссоздать картину жизни казанского общества в один из самых насыщенных политическими и культурными событиями периодов истории России. Раскрывая профессиональные и личностные интересы владельца, его круг общения, личные книжные коллекции предоставляют возможность исследовать некоторые страницы жизни собирателя. Собрания не только выражали стремление владельцев окружить себя произведениями любимых авторов, но и являлись частью системы самообразования, средством передачи другим людям своих идей, мыслей, духовных ценностей.

По мнению книговеда О.Г. Ласунского, каждому библиофилу «присуще обостренное ощущение истории. Имея дело со старой и антикварной книгой, он поневоле оказывается вовлеченным в поток движущегося времени. Бытование книги он воспринимает в протяженности, непрерывности» (Ласунский, 1985, с. 11). В процессе этой деятельности владелец коллекции «…персонально способствует богатству интеллектуальной жизни, творит действительных друзей не только среди живых, но и среди давно ушедших, поднимает уважение к книге и к ее культуре, улучшает ее качество и создает ей непреходящую память, оберегая и сохраняя книгу для грядущих поколений» (Куфаев, 1927, с. 110–111). То же касается и собирательства книг, современных эпохе коллекционера. В книжных коллекциях такого рода прослеживается чутье книголюба на новые для его времени явления культуры, обостренное, благодаря основательному знакомству с историей. Такое собрание раскрывает социально-культурный облик, личные пристрастия и связи владельца. Научные, профессиональные, общекультурные интересы, а также его общественная и гражданская позиции являются важными составляющими личности собирателя и, как правило, находят отражение в структуре и содержании коллекции.

Наиболее интересной, в этом смысле, среди коллекций, собранных в период 1900–1917 гг., является личная библиотека педагога-филолога Андрея Ивановича Анастасиева (1852–1914). На всем пути формирования ее разделы появлялись и пополнялись в соответствии с профессиональной необходимостью, изменениями в послужном списке, перемена-

ми в той сфере деятельности, где трудился владелец коллекции, а именно – в педагогике.

Несмотря на положительные рекомендации для поступления в духовную академию по окончании Симбирской духовной семинарии, Андрей Анастасиев решил получить светское образование и поступил в 1874 г. на историко-филологический факультет Казанского университета, который окончил со степенью кандидата (1878 г.). Вначале он преподавал русский язык в Порецкой учительской семинарии (Симбирская губ.), Казанском учительском институте. Затем, в 1885 г., Андрей Иванович был назначен инспектором народных училищ Николаевского уезда Самарской губернии. С сентября 1886 г. в той же должности был переведен в Симбирскую губернию. В 1896 г. А.И. Анастасиев стал директором Казанского учительского института. После шести лет службы в этой должности он получил место директора народных училищ Вятской губернии (1902 г.).

Одной из граней просветительского таланта Андрея Ивановича стала журналистская деятельность. В частности, в 1894–1901 гг. Анастасиев издавал, сначала в Симбирске, затем – в Казани, журнал «Городской и сельский учитель». Усилиями Андрея Ивановича, а также благодаря широте ставившихся в журнале проблем, глубине и объективности их рассмотрения, он стал одним из лучших периодических изданий в России.

Будучи сторонником всеобщей начальной профессиональной подготовки среди учителей, А.И. Анастасиев выдвинул идею проведения регулярных педагогических курсов и способствовал претворению ее в жизнь. По его настоянию, преподавателями на курсах были видные российские ученые. Большое внимание уделял Андрей Иванович развитию национальных школ.

Анастасиев имел обширные познания в области языкознания, теории и истории педагогики и методике начальной школы, обладал тонким педагогическим чутьем, талантом исследователя. Им написано более 20 монографий и большое количество журнальных статей, посвященных различным педагогическим проблемам, методике преподавания русского языка, проблемам просвещения татарского населения, составлено более десятка учебников для русской начальной школы (Абдрашитова, 2008).

Книги из коллекции Андрея Ивановича Анастасиева были переданы в Библиотеку Казанского университета после его смерти вдовой владельца. Можно предположить, что 478 томов составляют значительную, но все же, часть коллекции. В ней собраны современные владельцу из-

дания отечественной и зарубежной печати XIX – начала XX вв. по физике и географии, медицине и психологии, педагогике и философии, истории и искусствознанию, филологии и религиоведению, художественная литература на русском, немецком, французском языках (Документальный каталог…, л. 222–245). Определенная оригинальность и специфичность коллекции говорит о собирателе, как о широко образованном человеке, чей круг интересов не был ограничен профессиональной необходимостью. Складывается впечатление, что в собрании каждая книга служила не столько предметом коллекционирования, сколько «работала» на его владельца и вместе с владельцем.

Структура книжного собрания демонстрирует внимание А.И.Анастасиева к актуальным проблемам современной ему науки, прежде всего – в области педагогики, истории, литературоведении, языкознании. Изучение его состава позволяет ощутить духовную атмосферу, создавшуюся в России начала XX века, и способствует формированию представлений о развитии педагогики и образования в этот период. Коллекция представляет собой некий срез кругозора, уровня образованности и подготовленности педагога того времени. Такой подход в создании книжной коллекции объясняется тем, что специфика его деятельности обязывала, как и сегодня, постоянно следить за новинками печатной продукции, учитывать меняющиеся вкусы, перемены в общественной жизни. Несмотря на широту репертуара коллекции, ее нельзя отнести к библиофильским, так как в ней нет ни старопечатных, ни рукописных книжных редкостей. Владелец, скорее, подпадает под класс собирателя-утилитариста, чье собрание – рабочий инструмент, необходимый в профессиональной деятельности.

Столь же необычна по репертуару и структуре коллекция доктора медицины, выдающегося казанского психиатра, невролога и психоаналитика, члена Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества психиатров Николая Алексеевича Вырубова (1869–1918).

По окончании Московского университета (1894–1907) он работал в Клинике душевных и нервных болезней Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии, в Психиатрической больнице Святого Пантелеймона под Санкт-Петербургом, возглавлял Психиатрическую лечебницу Воронежского губернского земства. Параллельно в 1899 г. защитил диссертацию на звание доктора медицины. Его рецензентом был В.М. Бехтерев. Во все время научной и профессиональной деятельности

Николай Алексеевич проявлял большой интерес к новым идеям в психиатрии и психотерапии, в числе лидеров российского психоаналитического движения одним из первых обратил внимание на возможности использования учения З.Фрейда в лечении неврозов.

Вырубова интересовали также психиатрические аспекты совершения преступлений. Занимаясь проблемами призрения душевнобольных преступников, он осуществлял эксперименты, в которых наряду с психоанализом и гипнозом нашли применение символы и традиции русского православия. Параллельно с врачебной практикой и научной работой с 1910 г. при активном участии коллег-единомышленников Николай Алексеевич организовал выпуск первого русского психоаналитического журнала «Психотерапия. Обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии» и возглавлял его от первого до последнего номера.

В годы Первой мировой войны, работая в Московском госпитале для душевнобольных воинов и в Психиатрической комиссии Красного Креста, Николай Алексеевич начал лечить и исследовать психозы и психоневрозы военного времени (Созинов, 2014, с. 56). В частности, его интересовали психологические последствия тяжелых ранений.

Одновременно, до начала Первой Мировой войны и после ее окончания развивалась и преподавательская деятельность Н.А. Вырубова. В 1917–1918 гг. он был избран профессором и заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета. Известны его труды по анатомии и физиологии мозга, психотерапии, лечению прогрессирующего паралича и алкоголизма, организации психиатрической помощи в России (Овчаренко, 1994, с. 32–38).

В 1919 г. в библиотеку Казанского университета вдовой Н.А. Вырубова вместе с личным архивом была передана часть его книжной коллекции. Ее составили 57 книг печати начала XX века. (Документальный каталог…, л. 443–444). О том, что перед нами далеко не вся личная библиотека ученого, говорит структура переданного массива. Помимо медицинских книг здесь присутствуют современные владельцу общественно-политические издания отечественной и зарубежной печати на русском и французском языках. Тем самым создается ощущение отсутствия целостности, что лишь подтверждает версию о том, что перед нами лишь небольшая часть собрания. Хотя о настоящих размерах коллекции и ее структуре ничего не известно, можно предположить, собрание было небольшим, как большинство личных библиотек, принадлежавших ученым-медикам. Собиратель-исследователь в подборе литературы ру-

ководствовался, прежде всего, научными интересами, так как понимал, что изучение душевных болезней, являвшееся его специальностью, невозможно рассматривать без связи развития личности с культурной и политической атмосферой современного ей общества. Коллекция также отражает общественные взгляды владельца, его гражданскую позицию. Именно это и объясняет такую необычную структуру собрания, сочетающую книги по медицине и общественно-политическую литературу. Обе отрасли непосредственно связаны со спецификой профессиональной деятельности ученого, но при этом не являются смежными или пересекающимися, что позволяет говорить о переданной коллекции как о фрагменте малой или средней по объему специальной коллекции.

Не всегда, даже в книжных коллекциях ученых, бывают отражены только научные и профессиональные взгляды и интересы владельца. Иногда они создаются в соответствии с общекультурными и читательскими интересами. Такую характерную особенность имеет личная книжная коллекция профессора частной патологии и терапии Николая Александровича Засецкого, переданная после его смерти в 1918 г. в библиотеку Казанского университета.

Потомственный дворянин Николай Александрович Засецкий окончил Санкт-Петербургскую Императорскую медико-хирургическую академию в 1880 г. с отличием. По окончании он получил звание лекаря и золотую медаль. Выдержав конкурс, Николай Александрович был оставлен в профессорском институте для дальнейшего обучения и написания и защиты диссертации. Избрав своей специальностью внутренние болезни, он остался при терапевтической клинике профессора В.А. Манасеина в должности ординатора. Защитив диссертацию в мае 1883 г. получил степень доктора медицины. В 1884 г. был избран приват-доцентом Медико-хирургической академии по кафедре клиники внутренних болезней и диагностики и, «для дальнейшего усовершенствования», отправлен за границу, где проходил стажировку в различных терапевтических клиниках в течение почти двух лет. По возвращении в 1886 г. он был назначен экстраординарным профессором Казанского университета по кафедре частной патологии внутренних болезней, а затем, через семь лет, ординарным профессором той же кафедры (За сто лет, 1904, Ч. 2, с. 198–199).

Параллельно Засецкий работал старшим врачом казанской губернской земской больницы и директором фельдшерской школы казанского губернского земства, уделяя много внимания благотворительным учреждениям, в частности, организации детских воспитательных домов (Там же).

Структура части книжной коллекции, собранной Николаем Александровичем Засецким и хранящейся в НБЛ КФУ, довольно необычна. Она включает в себя 89 отечественных и зарубежных изданий второй половины XIX – начала XX вв. на русском и европейских языках. Коллекция как бы составлена из двух совершенно разных самостоятельных частей. В одной из них – литература по истории, фармакологии и медицине, в другой – художественная литература. Безусловно, первая часть подбиралась в соответствии с общекультурными и научными интересами владельца. Приобретение книг из второй части, скорее всего, объясняется его читательскими интересами (Документальный каталог…, л. 411–415). Возможно также, что в создании коллекции участвовали члены семьи собирателя.

Таким образом, собрание нельзя соотнести ни с одним из типов личных книжных коллекций. Так как присутствуют книги по разным отраслям, его нельзя назвать отраслевым либо узкоотраслевым. Для энциклопедического собрания слишком мал спектр представленных дисциплин. Можно было бы предположить, что в другой, неизвестной нам части коллекции собраны книги по другим отраслям знания. Но выявленные нами в других библиотеках издания из коллекции Н.А. Засецкого (НБ КГМА – 1 экз., НБ КазНЦ РАН – 2 экз.) также представляют историю и медицину. Безусловно, структура и состав этого книжного собрания может быть темой для дальнейших исследований.

Перед нами три совершенно разных книжных коллекции, принадлежавшие трем книголюбам-ученым, представлявшим совершенно разные сферы профессиональной деятельности, с разными научными и общекультурными интересами. Никто из них в собирании книг не ставил перед собой больших целей «сберечь общее культурное достояние для грядущих поколений» (Кунин, 1984. С. 473). И, тем не менее, при всем многообразии состава, обстоятельств возникновения, принадлежности, эволюции, созданные ими коллекции, имеют общие свойства. Они отражают заложенную в них информацию о владельцах и о том историческом времени и месте (хронотопе), в котором возникновение этих коллекций и их последующее функционирование оказалось возможным.

Источники и литература

1. *Абдрашитова* Э.А. Роль и значение педагогического наследия А.И. Анастасиева [Электронный ресурс] // Казанский педагогический жур-

нал. 2008. № 1 (55). Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=12225261 (проверено 19.04.2017).

2. *Документальный каталог* Библиотеки Императорского Казанского университета. Т. 14. 560 л.

3. *За сто лет*: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): Ч. 2 / ред. Н.П. Загоскин. Казань, 1904. 455 с.

4. *Кунин* В.В. Библиофилы и библиоманы. М.: Книга, 1984. 478 с.

5. *Куфаев* М.Н. Библиофилия и библиомания (Психофизиология библиофильства). Л., 1927. 139 с.

6. *Ласунский* О.Г. Жизнь книги как библиофиловедческая проблема // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства (тезисы сообщений науч.-практ. конф.) / Всесоюзн. добровольн. о-во любит. книги. Л., 1985. С. 11.

7. *Овчаренко* В.И. Первая волна российских психоаналитиков // Психоаналитический вестник. 1994. № 3–4. С. 32–38.

8. *Созинов* А.С. История казанской психиатрии в лицах: в 2 кн. / А.С. Созинов, Д.М. Менделевич. Казань: Медицина, 2014. 322 с.

9. *Соскин* Л.М. О классификации книгособирателей и личных библиотек // Книга и время: сб. статей. М.: Книга, 1980. С. 70–87.

Горшкова Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, главный библиотекарь Научной библиотеки Казанского научного центра РАН (г. Казань); e-mail: Nataly_7107@mail.ru

Gorshkova Natalia Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Librarian of the Scientific Library of Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Kazan)

УДК 94(47)083.4(2р36)

С.В. Джунджузов

Мобилизация и распределение оренбургских льготных казачьих полков для несения полицейской службы в период Первой русской революции

Рост народных выступлений в 1905–1906 гг. и неспособность правоохранительных органов обеспечить охрану общественного порядка, а также участие значительных контингентов регулярной армии в войне с Японией вынуждали царское правительство прибегнуть к мобилизации льготных казачьих полков. Оренбургское казачество стало для командования Казанским военным округом главным источником пополнения вооруженных сил, направлявшихся в распоряжение гражданских властей губерний Волжского и Уральского регионов. В указанный период было мобилизовано восемь оренбургских казачьих полков – два 2-ой и шесть 3-ей очереди.

Полицейско-охранительная служба оренбургских казаков сводилась к участию в подавлении народных волнений, охране помещичьих имений, несению караульной службы в городах и рабочих поселках, сопровождению полицейских и гражданских чиновников. Мобильные казачьи части в охранительных целях использовались гораздо активнее формирований регулярной армии.

Негодование нижних чинов оренбургских льготных казачьих полков вызывали неопределенность срока мобилизации, неудовлетворительное денежное, продуктовое и вещевое довольствие, злоупотребления гражданского и войскового начальства и, наконец, обязанность охранять чужую собственность, в то время как их личные хозяйства оставались без должного присмотра и рабочих рук. Тяготы полицейской службы послужили поводом к открытому выражению недовольства части рядовых казаков и даже отдельных офицеров. Однако, отмечавшиеся среди казаков протестные настроения и начавшаяся уже в сентябре 1906 г. их поэтапная демобилизация, не противоречат общему выводу о значимой роли льготных полков Оренбургского казачьего войска в подавлении народных выступлений.

Ключевые слова: власть, военный округ, казачье войско, льгота, мобилизация, полк, революция, служба.

S.V. Dzhundzhuzov

Mobilization and distribution of the Orenburg preferential Cossack regiments for police service during the First Russian revolution

The growth of popular uprisings in 1905–1906 and inability of law enforcement agencies to provide protection of public order, and also the participation of the considerable contingents of the regular army in the war with Japan, forced the imperial government to make a mobilization of preferential Cossack regiments. The Orenburg Cossacks for command of the Kazan military district became the main source of replenishment of the armed forces going to the order of the civil authorities of provinces of the Volga and Ural regions. In this period it was mobilized eight Orenburg Cossack regiments – two of the 2 and six of the 3phases.

The police and the security service of the Orenburg Cossacks was reduced to participation in the suppression of popular unrest, the protection of estates, guard duty in the cities and towns, support of police and civilian officials. Mobile Cossack units in the enforcement order has been used much more forces of the regular army.

Indignation of the lower ranks of the Orenburg preferential Cossack regiments was aroused by uncertainty of term of mobilization, an unsatisfactory monetary, grocery and ware allowance, abuses of the civil and army administration and, at last, a duty to protect someone else' property while their personal farms were left without due supervision and working hands. Burdens of police service were the cause of open expression of discontent of a part of ordinary Cossacks and even certain officers. However, the protest moods noted among Cossacks and their stage-by-stage demobilization which has begun in September, 1906, don't contradict the general conclusion about significant role of preferential regiments of the Orenburg Cossack army in suppression of the revolts of the people.

Keywords: power, military district, Cossack army, privilege, mobilization, regiment, revolution, service.

Революционная стихия, охватившая Российскую империю в 1905 г., по мере распространения втягивала в свою орбиту многомиллионные народные массы. Привычными становились сообщения в периодической печати о забастовках рабочих и служащих, аграрном движении, недовольстве и даже открытых антиправительственных выступлениях нижних чинов и офицеров в армии и на флоте. Формировавшийся столетиями и до последнего времени безотказно служивший репрессивный аппарат самодержавия под натиском народного гнева фактически оказался парализованным. Губернские административные и полицейские чинов-

ники проявили полное бессилие самостоятельно, без помощи войск, восстановить прежний порядок (Любичанковский, 2000, с. 189–195; Любичанковский, 2006, с. 72–82).

Настойчивые просьбы губернаторов о командировании войск, введение в отдельных местностях военного положения или положения усиленной охраны ставили перед правительством трудновыполнимую задачу – в условиях, когда на Дальнем Востоке была сосредоточена 210-тысячная армия, обеспечить гражданские власти необходимым количеством войск для несения полицейской службы внутри России. Рассчитывать приходилось в основном на резервные батальоны, полицейскую стражу и льготные казачьи полки.

Военная служба для казаков являлась священным долгом и одновременно тяжелой повинностью. Если из 120 млн. жителей страны служил 1% населения, то казачество ежегодно давало 13% (Футорянский, 1974, с. 118). Царское правительство смотрело на казаков, как на людей, обязанных нести воинскую повинность за предоставленное им право пользоваться земельными участками и другими угодьями в размерах, превышавших крестьянскую норму.

Служилый состав Оренбургского казачьего войска разделялся на три разряда: подготовительный, строевой и запасной. Собственно строевая служба начиналась для казака с 21 года и продолжалась 12 лет. Первые четыре года она проходила в первоочередных частях, в мирное время дислоцировавшихся в четырех военных округах – Варшавском, Казанском, Киевском и Туркестанском. Затем казаки переводились на льготу и восемь лет служили в полках 2-ой и 3-ей очереди. Последний период службы в запасном разряде длился 5 лет. Таким образом, тяготы воинской повинности продолжались для казака долгие двадцать лет.

Служба в льготных полках 2-ой и 3-ей очереди в мирное время не была столь обременительной, как в строевых частях. Казаки-льготники жили в своих станицах, занимались сельским хозяйством и периодически вызывались на трехнедельные лагерные сборы: льготники 2-ой очереди – три раза, 3-ей – один раз.

Относительно спокойная политическая обстановка на Южном Урале позволила правительству начать широкомасштабную мобилизацию оренбургских льготных казачьих полков. Оренбургское казачество стало для командования Казанским военным округом, в подчинении которого по военной части оно находилось, главным источником пополнения

вооруженных сил, направлявшихся в распоряжение гражданских властей губерний Волжского и Уральского регионов.

Весь процесс мобилизации льготных частей казачьих войск можно условно разделить на два этапа. На первом – в марте-июне 1905 г. – мобилизации подлежали второочередные полки, на втором – в ноябре 1905 –январе 1906 гг. – полки третьей очереди.

Первый указ о мобилизации второочередных казачьих полков для несения службы внутри Российской империи, был подписан Николаем II уже 22 февраля 1905 г. Мобилизации подлежали пятнадцать шестисотенных и один четырехсотенный второочередных казачьих полка, из них три в Казанском военном округе – 7-ой Уральский, 8-ой Оренбургский и четырехсотенный Астраханский казачьи полки (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. Л. 6.). Все казачьи части формировались по штатам военного времени.

Следующий высочайший указ о вызове льготных казачьих полков был опубликован 14 июня 1905 г (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. Л. 13). В нем повелевалось мобилизовать все оставшиеся невызванными на службу второочередные полки Донского, Оренбургского и кавказских казачьих войск с назначением первым днем мобилизации 25 июня 1905 г. Под ружье было поставлено еще двенадцать полков, в том числе и 7-ой полк Оренбургского казачьего войска.

В начале октября 1905 г. рост революционного движения на Урале и в Поволжье достиг своего апогея. Из-за забастовки железнодорожников прекратились перевозки грузов и пассажиров по железной дороге. Не работали почта и телеграф. Массовые стачки рабочих и служащих в городах и заводских поселках способствовали активизации аграрного движения в тех районах, где небольшие крестьянские наделы соседствовали с обширными имениями частных землевладельцев.

В большинстве уездов полиция оказалась не в состоянии контролировать ситуацию и сама нуждалась в защите. Посетивший с инспекторской проверкой сотни 7-го оренбургского казачьего полка, полковник Бурский в своем рапорте с сарказмом отметил: «Полиция оказалась в значительной степени терроризирована и без помощи казаков активной деятельности не проявляет... Для ареста какой-нибудь сельской учительницы, обвиняемой в распространении антиправительственной пропаганды, чины полиции обращаются за содействием к казакам, несмотря на то, что имеют в своем распоряжении стражников» (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 36).

Под давлением Министерства внутренних дел, провинциальных гражданских властей, правительство было вынуждено пойти на беспрецедентный шаг – в мирное время (то обстоятельство, что страна находилась на грани гражданской войны, правительство, естественно, официально не признавало) объявить о мобилизации третьеочередных казачьих полков.

Призыв казаков 3-ей очереди на Южном Урале производился в спешном порядке и в очень сжатые сроки. Указ о мобилизации 13-го и 16-го полков был подписан 5 ноября 1905 г. (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 228) и уже в первых числах декабря они приступили к обязанностям службы (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. Л. 220). Не менее скоротечно прошло формирование 14-го, 15-го, 17-го и 18-го полков. Таким образом, лишь два месяца потребовалось оренбургскому войсковому начальству на введение в строй шести полков шестисотенного состава. Всего же, для борьбы с революцией, с учетом ранее сформированных двух второочередных полков, их общая численность достигла восьми.

На дезорганизованность и плохую дисциплину, царившие в казачьих частях, обращали внимание офицеры и гражданские лица, сталкивавшиеся с ними по долгу службы. Эти факторы проявились уже на стадии мобилизации второочередных полков. Вот как описал начальник штаба Казанского военного округа подготовку и обеспечение офицерскими кадрами 7-го оренбургского казачьего полка: «Полк получил последних офицеров, что оставались в Оренбургском войске. Только что отмобилизованные сотни выступили в поход в Саратовскую губернию, где начали разбросанно нести непривычную для них службу по содействию гражданским властям в подавлении народных выступлений. Командиру полка полковнику Колпаковскому совершенно не было дано времени познакомиться с личным составом офицеров, сколотить, подобрать и подчинить набранных казаков. Прибывшие по железной дороге части полка, с пути расходились в пункты, где происходили беспорядки. Следовательно, знакомиться с командирами сотен также не приходилось» (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 23).

В еще более удручающем состоянии пребывали в первые месяцы службы оренбургские казачьи части 3-ей очереди. Пьянство, самовольные отлучки и другие происшествия, имевшие место в январе-феврале 1906 г., вынужден был отметить в своем рапорте командир 17-го полка. Истоки этих негативных явлений он усматривал в поспешности и сложности процесса мобилизации: «Сотни были сформированы в конце де-

кабря из казаков, проживавших после службы в полках дома не менее пяти лет, а треть полка, если не больше, казаки никогда не служившие». Под стать своим подчиненным подбирались и командиры сотен: «Большинство командиров сотен, приняли сотни при походе или перед самым выходом. Чтобы, так сказать, сколотить сотни, взять их в руки, времени было мало, да и почти все офицеры первый раз командуют сотнями» (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 252 об.).

Сотни восьми льготных оренбургских казачьих полков по завершении комплектования немедленно направлялись в распоряжение гражданских властей тех губерний, где ощущалась наиболее острая нехватка вооруженных сил. В итоге, оренбургские казаки несли службу на территории восьми губерний и примерно 55-ти уездах и городах.

По губерниям казаки распределялись не целыми полками, а отдельными сотнями, которые затем полусотнями командировались по уездам и городам, что привело в итоге к разбросанности отдельных частей одного полка на сотни и даже тысячи километров друг от друга. К примеру, штаб и две сотни 18-го полка находились в г. Троицке Оренбургской губернии, три сотни в нижневолжской Саратовской губернии и одна на Ижевском заводе Вятской губернии. Немногим лучше обстояло дело с разбросанностью частей в других полках – сотни 8-го полка дислоцировались в пределах четырех губерний, 13-го и 16-го – в трех, 7-го и 15-го – в двух и лишь сотни 14-го и 17-го полков дислоцировались в Оренбургской и Пермской губерниях.

Удаленность небольших казачьих отрядов на значительные расстояния от штабов своих полков осложняла им своевременную доставку продуктового и материального довольствия, а отсутствие надзора со стороны офицеров и, что особенно важно, нежелание казаков исполнять карательные функции, вело к ослаблению дисциплины среди нижних чинов и жалобам на них губернаторов.

Полицейско-охранительная служба оренбургских казаков сводилась к участию в подавлении народных волнений, охране помещичьих имений, несению караульной службы в городах и рабочих поселках, сопровождению полицейских и гражданских чиновников. Мобильные казачьи части в охранительных целях использовались гораздо активнее формирований регулярной армии.

Имеющиеся сведения о количестве вызовов казачьих сотен нельзя назвать полными. Запрос по ним был сделан командованием Казанским военным округом в конце 1906 г., уже после расформирования полков 3-

ей очереди. В поступивших сводках отсутствуют данные по 17-му и 18-му полкам, а по 13-му полку, сведения о вызовах ограничиваются пределами Симбирской губернии.

Наибольшее количество командировок выпало на долю тех полков, сотни которых дислоцировались в городах и уездах Поволжья. К 14 декабря 1906 г. части 7-го полка вызывались 17 раз – примерно, 2,8 вызова на сотню. Из 16-ти вызовов 16-го полка, на четыре сотни, расквартированные в уральских Оренбургской и Уфимской губерниях, приходилось всего 4 вызова, в то время, как две сотни, дислоцировавшиеся в поволжской Самарской губернии, вызывались 12 раз – по 6 вызовов на сотню. Гораздо реже из мест дислокации командировались части полков, квартировавшие территориях губерний Урала. Так, части 15-го полка командировались 7 раз – 1,1 вызова на сотню, а 14-го полка всего 3 раза – 0,5 вызова на сотню (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 86. Л. 52–53, 61–62).

Существенное различие между количеством вызовов войск в Поволжье и на Урале объясняется особенностями социального протеста, преобладавшего в народных выступлениях каждого из этих регионов. Мощное аграрное движение, охватившее большинство уездов Поволжья, вынуждало местные власти постоянно обращаться к содействию войск, из которых особое предпочтение отдавалось казакам, чьи конные отряды являлись самыми мобильными войсковыми единицами. Это обстоятельство и стало основной причиной их многочисленных командировок. На Урале революционное движение развивалось, главным образом, в городах и рабочих поселках, находило проявление в забастовках, демонстрациях, стачках и даже отдельных вооруженных выступлениях рабочих и служащих уральских заводов. Поэтому роль казачьих и регулярных армейских частей на Урале сводилась в основном к несению караульной службы в промышленных центрах региона. Отсюда и относительно редкие случаи командирования войск из мест их постоянного квартирования.

В отдаленных населенных пунктах казаки обычно размещались по дворам обывателей, по три-пять человек на двор. В ряде случаев командиры полков обращали внимание на безучастность со стороны местных чиновников и помещиков к нуждам вызванных по их требованию казаков. Так, нижние чины 2-ой полусотни 3-ей сотни 13-го полка, размещенные в слободе Ольховка Царицынского уезда, из-за отсутствия постельных принадлежностей спали на голом полу. От недоедания и постоянной сырости, шестеро казаков страдали головными болями и лихорадкой (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 47).

Полицейские чиновники возлагали на казаков совершенно не соответствующие их назначению обязанности, как например, конвоирование гражданских властей, производство обысков, а также использовали их в качестве городовых. На принуждение казаков к исполнению чисто полицейских функций и усиленную эксплуатацию нижних чинов казачьих частей вопреки правительственным ограничениям обратил внимание начальник летучего отряда в Саратовской губернии генерал-майор Лисевич. В рапорте на имя командующего войсками Казанского военного округа он писал: «По личному распоряжению саратовского губернатора П.А. Столыпина полусотня 2-ой сотни 7-го оренбургского казачьего полка с июля 1905 г. находилась в селе Вторая Ивановка Балашовского уезда. Ежедневно двадцать казаков этой полусотни – почти треть личного состава – несли караульную службу». Критикуя самоуправство гражданских властей, Лисевич приходит к заключению: «Постоянный в течение трех месяцев наряд, является уже не мерой к прекращению наличных беспорядков, а чисто полицейской службой, никакими уставами и положениями для войск не предусмотренной, которая при незначительном составе полусотни настолько изнурительна и обременительна, что она, в случае экстренной надобности и вызова по тревоге, действовать в строю и в полном составе будет не способна, а потому и своего назначения как войско выполнить не сможет» (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 72. Л. 232).

Негодование нижних чинов оренбургских льготных казачьих полков вызывали неопределенность срока мобилизации, неудовлетворительное денежное, продуктовое и вещевое довольствие, злоупотребления гражданского и войскового начальства и, наконец, обязанность охранять чужую собственность, в то время как их личные хозяйства оставались без должного присмотра и рабочих рук. Тяготы полицейской службы послужили поводом к открытому выражению недовольства части рядовых казаков и даже отдельных офицеров.

Брожение в оренбургских казачьих частях 2-ой и 3-ей очереди проявлялось в нарушениях воинской дисциплины, неповиновении полицейским чиновникам, выдвижении коллективных требований, направляемых в виде анонимных писем, подачи петиций, обращений к депутатам Государственной думы (Футорянский, 1985, с. 21–24).

Ненадежность казачьих полков отмечалась в донесениях Саратовского губернатора П.А. Столыпина и и.д. пермского губернатора А.В. Болотова. П.А. Столыпин сообщал: «Казаки поголовно пьянствуют, предъявляют непомерные требования... и открыто начинают заявлять,

что будут помогать крестьянам в разграблении помещичьих усадьб... Причины тут в плохом поведении офицеров и отсутствии всякого надзора со стороны полкового начальства, благодаря чему казаки превратились просто в шайку своевольных вооруженных мужиков. Казаки 7-го оренбургского полка громогласно высказывают, что они обязаны служить царю, а не охранять помещиков и хотят идти домой». Из сказанного саратовский губернатор заключает, что «несмотря на ожидание весенних беспорядков (донесение датировано 1 февраля 1906 г.), все же предпочтительнее остаться без войск, чем подвергаться опасности бунта казаков, чего нетерпеливо и злорадно ожидают революционеры…» (Революция, 1957, с. 728).

Аналогичные претензии к рядовому составу и офицерам 17-го полка предъявляли должностные лица в Пермской губернии: «Полк ненадежен, дисциплина слаба, казаки братаются с местными рабочими..., заводят близкие отношения. Казачье начальство ничего поделать не может».

Поэтапная демобилизация льготных казачьих полков началась во второй половине 1906 г. Уже в сентябре Военное министерство приказало уволить на льготу шесть оренбургских полков 3-ей очереди, а в 1907 г. принимается совместное решение Военного министерства и Министерства внутренних дел о расформировании пятнадцати второочередных казачьих полков (Джунджузов, 1996, с. 35). Причины этих шагов военного ведомства кроются не только в спаде революционного движения в России и в возвращении с Дальнего Востока частей регулярной армии, но и в распространявшемся среди казаков недовольстве полицейской службой, что в конечном итоге явилось главным препятствием для дальнейшего их использования в карательных целях. Данное заключение не противоречит общему выводу о значимой роли льготных полков Оренбургского казачьего войска в подавлении народных выступлений в пределах губерний Казанского военного округа.

Источники и литература

1. *РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 72.*
2. *РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 86.*
3. *РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53.*
4. *РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59.*
5. *РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63.*
6. *Джунджузов* С.В. Участие оренбургских казачьих частей в подавлении аграрного движения в Среднем Поволжье в период революции 1905–

1907 гг. // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех зеках. Оренбург, 1996. С. 33–35.

7. *Любичанковский* С.В. Состояние полицейских органов Оренбургской губернии в начале 20 века (по материалам Оренбургского Губернского Правления) // Актуальные проблемы правовой теории и практики. Материалы межвузовской научно-практической конференции (23 декабря 1999 года). Оренбург: Изд-во Оренбургского отделения ФЗО Челябинского юридического института МВД России, 2000. С. 189–195.

8. *Любичанковский* С.В. Становая полиция Оренбургской губернии в конце XIX века // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского. 3 марта 2006 г.: Сб. статей. В 2 т. Т.2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 72–82.

9. *Футорянский* Л.И. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1973.

10. *Футорянский* Л.И. Человек абсолютно добросовестный // Блокнот агитатора. 1985. № 4. С. 21–24.

Джунджузов Степан Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург); e-mail: djund@yandex.ru

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)

УДК 94(47)

А.М. Дубовиков

Николай Андреевич Бородин: ученый, политик и депутат 1-й Государственной Думы от Уральского казачьего войска

В данной статье проанализирована общественно-политическая и научная деятельность Николая Андреевича Бородина. Потомственный уральский казак Н.А. Бородин начал свою деятельность как защитник интересов своих земляков и исследователь специфики их хозяйственных занятий. С этой целью он сначала окончил Санкт-Петербургский университет, став впоследствии видным ученым и депутатом Государственной Думы одновременно. Работая, в основном, в столице, он поддерживал теснейшие контакты с земляками-казаками, будучи в курсе всех их нужд и проблем. Как ни странно, считая себя частью казачьей общины и будучи горячим патриотом казачества, он, как политик, был убежденным либералом, членом конституционно-демократической партии. Во многом это было следствием его знакомства с Америкой, которую он неоднократно посещал по заданиям как войскового, так и российского правительства, и которую он часто ставил в пример по многим социально-политическим и экономическим показателям. В период гражданской войны он принял активное участие в белом движении (политическое, но не военное), после чего эмигрировал в США, где провел последние 18 лет своей жизни, продолжая заниматься наукой и участвуя в жизни русского зарубежья. Умер в возрасте 76 лет, будучи профессором Гарвардского университета.

Ключевые слова: Уральское казачье войско, ихтиология, Первая Государственная Дума, «Выборгское воззвание», уральские рыболовства.

A.M. Dubovikov

Nikolai Andreyevich Borodin: scientist, politician and deputy of the 1st State Duma from the Ural Cossack troops

This article analyzes the socio-political and scientific activities of Nikolay Andreyevich Borodin. Hereditary Ural Cossack, Borodin began his activity as a defender of the interests of his countrymen and the researcher of the nature of their economic occupations. To this end, at first he has graduated from St. Petersburg University and then became a prominent scientist and Deputy of the State Duma at the same time. Working mainly in the capital, he maintained close contacts with fellow countrymen-Cossacks, being aware of all their needs and prob-

lems. Oddly enough, considering himself as a part of the Cossack community and being an ardent patriot of the Cossacks, he, as a politician, was a staunch liberal, a member of the Constitutional-democratic party. This was largely the result of his acquaintance with America, which he visited on many occasions on jobs as the Cossack-regional and the Russian government, and which he often set an example for many socio-political and economic indicators. During the Civil war he took an active part in the white movement (political, but not military), then emigrated to the United States, where he spent the last 18 years of his life, continuing to do science and participating in the life of Russian Diaspora. He died at the age of 76 years as a Professor at Harvard University.

Keywords: the Ural Cossack army, aquatic science, the First State Duma, "the Vyborg appeal", the Ural fishings.

Николай Андреевич Бородин родился в Уральске в 1861 г. в семье казачьего сотника Андрея Архиповича и казачки Пелагеи Максимовны Бородиных, там же был крещен в старообрядческой (единоверческой) Казанско-Богородичной церкви. В ту пору Уральск был административным центром Уральского казачьего войска (ныне – центр Западноказахстанской области – «Батыс Казахстан облысынын орталыгы»). Символично, что родился он в год отмены крепостного права, а умер в 1937 г., на чужбине, когда на родине маховик политических репрессий достиг апогея. Можно сказать, что время его рождения было временем надежд на свободную жизнь всего российского общества, а смерть пришлась на один из самых несвободных периодов в его жизни.

Фамилия Бородиных в Уральском казачьем войске была довольно известной, в числе ее представителей были даже войсковые атаманы (Никита Трифонович, два Андрея Никитича, Мартемьян Михайлович и Давыд Мартемьянович Бородины). Немало было и заслуженных офицеров. Но Николай Андреевич Бородин не продолжил их традицию, выбрав гражданскую профессию; при Александре II казаки получили такую возможность.

Семья Андрея и Пелагеи Бородиных была небогатой, хотя и офицерской. Свидетельство тому – периодическое выделение студенту Николаю Бородину материальной помощи от руководства университета, в период его обучения там (в том числе освобождение от платы за учебу), а также помощь от администрации Уральского войска.

Студентом Санкт-Петербургского университета он стал после того, как в 1879 г. успешно завершил учебу в войсковой мужской гимназии в Уральске (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 205/3. Л. 1). В его оценочном

листе была лишь одна четверка по русскому языку, тогда как по всем остальным предметам были лишь отличные оценки. Поначалу он выбрал профессию математика, но через год перевелся на другое отделение, решив стать биологом (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 205/3. Л. 3). Такое решение он принял не случайно, осознав, что на родине специалисты в области биологии (ихтиологи, зоологи) были более востребованы.

Рыболовство в хозяйстве уральских казаков всегда играло важнейшую роль и являлось традиционной отраслью в экономике Уральского войска. Традиционные казачьи промыслы проводились в водах Урала и на Каспии, а также в водах Большого и Малого Узеней, в озерах и ериках. В той части области, что оказалась за пределами войсковых границ, рыболовство также получило широкое распространение. Границы области доходили до северо-западных берегов Арала, а на северных и северо-восточных берегах Каспия имелся ряд рыбацких поселков со смешанным русско-казахским населением.

Окончив университет в 1885 г., он вернулся в Уральск, хотя имел возможность неплохо устроиться в столице. Уже в университете Николай проявил интерес к научной деятельности в области рыбного хозяйства. По собственной инициативе Н.А. Бородин совершил ряд поездок в различные регионы страны, где рыболовство носило характер традиционного промысла – в Астрахань, в Самару, в ряд других городов и губерний. В 1882 г. он знакомился с работой Никольского рыбоводного завода (в Новгородской губернии), а в октябре-ноябре следующего года вновь посетил данный завод, для чего университет предоставил ему отпуск, а войсковая уральская администрация выделила «командировочные» в размере 39 руб. 73 коп.

Научную деятельность Н.А. Бородин совмещал с политической. Еще в студенческие годы впервые был арестован. После окончания университета его жизнь была полна ярких, порой драматических, событий. Вернувшись в Уральск, он некоторое время находился под надзором полиции как «неблагонадежное лицо», несмотря на то, что даже сам атаман Уральского войска относился к нему с симпатией и, по возможности, оказывал поддержку. Вскоре Н.А. Бородин увлекся идеями марксизма, но затем перешел в лагерь либералов.

Н.А. Бородин не оставил за рамками своего внимания вопросы социальной инфраструктуры – образования, здравоохранения, а также работу правоохранительных органов. В 1885/1886 гг. организовал статистическое исследование казачьего населения области, выявив некоторые

интересные факты. Например, среди 1188 дворян абсолютное большинство (907) составляли потомственные уральские казаки, тогда как среди купечества картина была обратной. Все эти аспекты нашли отражение в основном труде Н.А. Бородина, посвященном Уральскому войску (Бородин, 1891).

В 1887 г. в Уральске Н.А. Бородин учредил газету «Уралец», став ее редактором. Газета отличалась большей свободой взглядов, чем официальные «Уральские войсковые ведомости» – основное местное издание.

В 1893 г. 32-летний Н.А. Бородин, еще не владея английским языком, впервые посетил Америку в качестве эксперта «Отдела рыбопромышленности и рыболовства» Всемирной выставки в Чикаго. Около года, будучи экспертом данного «Отдела», Н.А. Бородин провел в поездках по разным штатам Америки (затем непосредственно возглавил русскую часть «Отдела»). За этот период он хорошо ознакомился с особенностями этой заокеанской страны, заодно освоив ее язык.

С 1894 по 1899 гг. Н.А. Бородин занимал учрежденную по его же инициативе должность техника рыболовств при Уральском войсковом хозяйственном правлении. Данная должность была создана для улучшения организации рыболовных промыслов и оптимизации рыбного хозяйства. Техник рыболовств руководил опытами по разведению осетров и выведению новых пород осетровых, по искусственному оплодотворению икры. Он проводил мероприятия по спасению молоди рыбы при летнем высыхании некоторых водоемов, способствовал устройству прудов, открытию рыборазводных станций. Долгое время небезуспешно отстаивал право Уральского войска на установку учуга, закрывавшего крупной рыбе выход за пределы войсковых вод, что вызывало крайнее недовольство оренбургских соседей. Большое внимание Н.А. Бородин уделял и защите войсковых рыболовных угодий от всевозможных «непрошенных гостей» (в том числе и от земляков, решивших порыбачить в заповедный период). Немало энергии Н.А. Бородин потратил, отстаивая запрет судоходства в войсковых водах (за исключением Каспия).

Завершив работу войскового техника рыболовств, Н.А. Бородин перешел на службу в Департамент сельского хозяйства, где работал с 1899 по 1905 гг., вместе с коллегами исследуя ихтиофауну и состояние рыбного хозяйства в разных регионах страны (в основном, на Каспии и в Приазовье). Н.А. Бородин посвятил исследованию ихтиофауны много научных трудов: «Озеро Чархал» (1896), «Об опытах искусственного оплодотворения осетровых рыб и других наблюдениях по биологии»

(1897), «Уральские казаки и их рыболовства» (1901), «Азово-Донское рыболовство: отчет по командировке на реку Дон и Азовское море старшего специалиста по рыбоводству при Департаменте земледелия» (1901), «Результаты зоологической экспедиции по Азовскому морю на пароходе «Ледокол донских гирл» с 10 по 20 мая 1900 года» (1901), «Общий очерк исследований, произведенных в 1900 году для изучения условий рыбного промысла в Азовском море и его притоках» (1901), «Рыболовство в России в 1901 году» (1901), «Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение» (1903), «Об изучении рыбьей молоди» (1903), «Исследование образа жизни и размножения каспийских сельдей» (1904), «Кубанское рыболовство, его современное положение и нужды» (1904), «Материалы по гидрологии северной части Кавказского побережья Черного моря, собранные научно-промысловой экспедицией Н.А. Бородина» (1905) и др.

Но большую часть своих работ Н.А. Бородин посвятил родному краю. Будучи членом редакции словаря «Брокгауза-Ефрона», он написал десятки статей в различных его томах («Урал», «Уральск», «Уральская область», «Уральское казачье войско», «Уральское рыбное хозяйство», «Узенское рыболовство», «Илек», «Илецкие казаки», «Станица легкая», «Калмыков» и др.). Его статьи присутствуют и в других энциклопедиях и изданиях: например, в «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства», «Журнале животноводства». Кроме рыболовства и рыбоводства его интересовала проблема сохранения продуктов, прежде всего, рыбных. Он активно занимался вопросами копчения и замораживания продуктов, а его статьи можно найти в «Известиях комитета по холодильному делу» и «Технической энциклопедии».

В 1906 г. Н.А. Бородин стал депутатом Государственной Думы от Уральского казачьего войска. Его конкурентом был отставной генерал С.Е. Толстов, заслуженный и уважаемый в Уральском войске человек. В молодости, не будучи офицером, он начал службу, участвуя в степных экспедициях, самой известной из которых стала экспедиция на каспийский полуостров Бузачи для наказания представителей казахского рода Адай, совершивших ряд нападений на российские владения. В конце службы он возглавлял Гурьевский отдел Уральского войска, а в период с 1899 по 1905 гг. возглавлял Терское казачье войско, после чего вышел в отставку. Везде, где Толстов проходил службу, он завоевывал заслуженное уважение подчиненных. И все же казаки избрали депутатом не заслуженного генерала, а заслуженного ученого-биолога.

Примкнув в Думе к фракции кадетов, Н.А. Бородин вскоре вступил в их партию (а заодно и в масоны). Казачий патриотизм, любовь к казачьей истории, казачьей субкультуре, казачьему фольклору у него странным образом уживались с убеждением о пользе масонства для русского общества. Масонские идеи во многом перекликались с идеями либерализма, а именно его, по мнению Н.А. Бородина, не хватало России. В либерализме Н.А. Бородин видел инструмент для борьбы с бюрократизмом, мешавшим, по его мнению, успешному и быстрому развитию страны. Он писал, что «у нас создалось прочное и неколебимое влияние состава действующих чиновников со сворою принципалов в бюрократии», что «самые большие новаторы не могут сделать ничего значительного, если не получат содействия бюрократии» (Белодубровский, 2011, с. 244).

Совместно с профессором Л.И. Петражицким Н.А. Бородин добился обязательного включения в аграрную комиссию представителей окраин – Сибири, Кавказа и Степного края, слишком слабо представленных в Думе. Выступая против использования казачьих полков для выполнения полицейских функций, Н.А. Бородин пытался доказать, что казаки сами тяготятся такого рода деятельностью. Для этого он несколько раз зачитывал письма и телеграммы своих земляков, выполнявших полицейские функции, а также от их жен, требовавших возвращения мужей домой. Н.А. Бородин способствовал публикации таких писем в прессе, в частности, в газете «Наша жизнь». Депутат в то время мог работать одновременно в нескольких фракциях, формально числясь в одной. Поэтому Н.А. Бородин, находясь во фракции кадетов, одновременно входил во фракцию «автономистов», выступавших за широкое местное самоуправление, особенно, в казачьих областях. Никакого противоречия здесь не было, поскольку кадеты разделяли идеи автономизма. По мнению Н.А. Бородина, проект земельной реформы в казачьих областях не отвечал интересам уральского казачества. При этом с ним была согласна даже войсковая администрация. В кадетской фракции Н.А. Бородин возглавлял комиссию, созданную для обсуждения законодательных инициатив беспартийных депутатов, особенно, крестьян. В аграрном вопросе Н.А. Бородин поддерживал идею своей кадетской фракции о наделении крестьян землей (Изюмов, 2012, с. 118–120).

Работая в Думе, Н.А. Бородин написал серьезный труд, в котором произвел подробный анализ ее депутатского корпуса (Государственная Дума, 1906). В первой главе этой книги он провел анализ сословной,

этнической, религиозной принадлежности депутатов, а также их уровень образования. Профессиональная принадлежность депутатов была рассмотрена во второй главе. Третья глава была посвящена политическим взглядам депутатов, их партийной и фракционной принадлежности. В последней, четвертой, главе Н.А. Бородин охарактеризовал политические позиции и направления деятельности различных фракций Думы. Поэтому последнюю главу можно считать самой важной, не случайно она заняла примерно половину всего объема книги. Подробный анализ состава Думы был проведен Н.А. Бородиным благодаря его собственному предложению об анкетировании депутатов, поддержанному руководством Думы в лице Д.И. Шаховского, Г.Н. Шапошникова и др.

Роспуск царем первой Государственной Думы, вставшей в оппозицию правительству страны, вызвал протест у многих депутатов, включая Н.А. Бородина. Думские оппозиционеры подписали «Выборгское воззвание», в котором содержались призывы к акциям гражданского неповиновения в ответ на роспуск Думы. Н.А. Бородин был вновь арестован и провел в тюрьме несколько месяцев. После этого он снова попал в число «политически неблагонадежных», и дорога в парламент для него была закрыта.

Наряду с большим количеством работ, посвященных экономическим проблемам края, у Н.А. Бородина имеется много работ, в которых он затронул и другие проблемы, связанные с жизнью земляков. В частности, он посетил ряд среднеазиатских селений, в которых проживали уральские казаки, сосланные туда за отказ принять новшества в соответствии с военной реформой 1874 г. Итогом этой поездки стала вышедшая в 1907 г. статья, которую Н.А. Бородин посвятил ссыльным землякам, прозванными на родине «уходцами» (Бородин, 1907). В 1910 г. Н.А. Бородин опубликовал работу с названием «В защиту уральского рыболовства», в которой последовательно защищал привилегии уральского казачества в области рыболовного промысла. В частности, в ответ на требование оренбургских властей (и некоторых влиятельных лиц, поддержавших их в столице) запретить установку учуга близ Уральска, Н.А. Бородин убедительно доказывал, что такая мера приведет к развалу всей системы промысла в Уральском войске, где рыболовство является важнейшей хозяйственной отраслью. В том же году вышло 3-е издание собрания сочинений казачьего писателя, войскового старшины И.И. Железнова (Железнов, 1910), трагически ушедшего из жизни еще в 1863 году. Н.А. Бородин не только активно содействовал изданию книги, но и на-

писал обширное (на 74 страницы) вступление к ней, посвященное жизненному и творческому пути ее автора («Иоасаф Игнатьевич Железнов. Биографический очерк»). Ранее, в 1901 г., вышло отдельное сочинение Н.А. Бородина о Железнове (Бородин, 1901).

Н.А. Бородин сумел восстановиться на государственной службе; в 1911 г. занял пост старшего специалиста по рыбоводству в соответствующем департаменте. Тогда же был издан его очередной крупный труд «Рыболовство и рыбоводство в России».

В 1913 г. Н.А. Бородин вновь посетил Америку, прибыв на «Международный холодильный конгресс» (Чикаго). Как и прежде, он совершил поездку по ряду штатов, где его внимание привлекало многое – от театров и музеев до заводов и фабрик.

После начала Первой мировой войны Н.А. Бородин, как и прежде, занимался научной и научно-педагогической деятельностью: читал лекции по рыболовству и рыбоводству, холодильному делу для слушателей Высших сельскохозяйственных курсов, посещал рыбные заводы и рыболовные промыслы, проводил эксперименты с рыбой осетровых пород. Кроме того, Н.А. Бородин не мог оказаться безучастным к судьбе земляков, оказавшихся на фронте. Он несколько раз посещал действующую армию, уральские казачьи полки, особое внимание уделял общению с ранеными земляками, находившимися на лечении с госпиталях и лазаретах. Параллельно он отслеживал условия хранения и потребления скоропортящихся продуктов, будучи специалистом в этой области, посвятившим ей ряд научных работ. Живя и работая в Петрограде, активно сотрудничал в отделении Союза городов, занимаясь, в основном, организацией помощи русским пленным через контакты с Международным Красным Крестом. Он писал, что лишь «дружными усилиями можно еще, пока не поздно, спасти наших военнопленных от голодного истощения» (Вестник Европы. 1916. № 8. С. 401). Будучи оппозиционером в отношении официальных властей и право-монархических сил, на которые власть опиралась, Н.А. Бородин считал главным злом для России не только их, но и тех, кто призывал к сепаратному миру, а, тем более, к поражению. Либерал и патриот мирно уживались в нем, а потому он всегда поддерживал идею войны до полной победы.

В 1915 г., в разгар первой мировой войны, Н.А. Бородин стал главным инициатором создания «Общества сближения между Россией и Америкой» («Society for promoting mutual friendly relations between Russia and America»). Среди целей общества, обозначенных в его уставе, были такие

как: обмен интересующей информацией, установление деловых отношений в области научной, литературной и торгово-промышленной, устройство выставок и музеев, проведения съездов и вечеров, чтение лекций и докладов и другие виды контактов. В определенной степени создание «Общества» было связанно с войной, с военными заказами и поставками. Председателем «Общества» стал бывший российский посол в САСШ (Североамериканских соединенных штатах) барон Владимир Васильевич Розен, сопредседателем – Н.А. Бородин. В правлении «Общества» также оказались известные российские либералы А.И. Туган-Барановский, А.И. Шингарев и др. Первое заседание «Общества» прошло 5 апреля 1915 г. в Петрограде, в здании Городской думы, в присутствии большого числа иностранных гостей, прежде всего, официальных представителей США и Канады. Заседание открыл В.В. Розен, выступление которого продолжил Н.А. Бородин. Вскоре вышла в свет книга Н.А. Бородина «Североамериканские штаты и Россия».

В другой работе («Американцы и американская культура») Н.А. Бородин с восторгом отзывается обо всем американском едва ли не как к идеалу, к которому Россия должна стремиться. Может показаться, что автор книги не стремился к объективности, а занимался пропагандой американского образа жизни, восхищаясь Америкой, «собирающей под защиту идей конституции лиц любого племени, национальности и превращающей их в своих граждан, защищающих ее честь и достоинство не за страх, а за совесть» (Бородин, 1915, с. 8). Но противопоставление самодержавию республиканской формы правления при наличии Конституции – это типичный либеральный подход, которого тогда придерживалось абсолютное большинство однопартийцев Н.А. Бородина и прочих российских либералов.

Деятельность «Общества» освещалась в издаваемых им «Известиях Общества сближения между Россией и Америкой». В каждом номере рассматривались планы на будущее и отмечались уже достигнутые результаты. Возможно, если бы в России не сменилась власть и мировая война не переросла в гражданскую, деятельность данного общества имела бы большие перспективы. Общество просуществовало до начала 1918 г., и было закрыто. За это время вышли пять номеров его «Известий».

Февральские события 1917 г. Н.А. Бородин встретил с воодушевлением. К тому времени он, проживая, в основном, в столице, занимал видное место в кадетской партии, будучи близко знаком со всеми ее первыми лицами.

Вскоре после начала революции в Уральске стала издаваться газета «Яицкая воля». В ней идеи демократических свобод сосуществовали с идеями казачьей автономии. В марте того же года в Петрограде прошел 1-й Обще-казачий съезд, на который прибыли представители всех тогдашних казачьих войск России. Н.А. Бородин стал одним из членов делегации от Уральского войска, включавший 30 человек (очевидно, по числу уральских станиц). Уже из первых выступлений делегатов стало очевидно отсутствие единства в их политических взглядах. У одних они были консервативно-монархические, у других – либеральные, у третьих – сепаратистские, у четвертых – эсеровские и меньшевистские, были даже сторонники большевиков. Наиболее леворадикальную позицию занимали, как правило, нижние чины из числа фронтовиков, которые, оказавшись в меньшинстве, покинули съезд в знак протеста.

Не удалось исправить ситуацию и на 2-м Общеказачьем съезде, прошедшем в июне. Число сторонников левых партий, включая большевиков, к этому времени возросло. Даже в уральской делегации не было единства. Если В.Горшков поддержал большевистские лозунги («Вся власть Советам» или «Никакой поддержки Временному правительству») (Яицкая воля. 1917. 16 июня), то Н.А. Бородин был сторонником Временного правительства и утверждал, что Советы только сеют смуту и дезорганизуют власть в стране. Принятое большинством делегатов постановление, согласно которому власть в каждом казачьем войске формирует его казачий круг, и он же принимает законы, имеющие верховенство на своей войсковой территории, фактически означало переход к конфедеративному устройству (Вестник Союза казачьих войск. 1917. 20 июня). Будучи патриотом казачества, но оставаясь сторонником единства Российского государства, Н.А. Бородин был противником данного решения. С другой стороны, он всегда был активным сторонником широкой автономии казачества, а также расформирования Уральской области посредством полного разделения казачьей и казахской частей (Яицкая воля. 1917. 4 мая), о чем не раз заявлял в течение трех десятилетий.

После завершения казачьего съезда Н.А. Бородин вновь отправился в Америку, куда его послало Временное правительство в качестве одного из лидеров делегации. Теперь Н.А. Бородин посетил Америку уже не как ученый, а как политик. Н.А. Бородин был выбран не случайно. Он был хорошо знаком многим членам правительства, которые знали, что Н.А. Бородин не раз был в Америке, был лично знаком некоторыми влиятельными лицами, был в числе организаторов и руководителей «Общест-

ва сближения» с Америкой и прекрасно владел английским языком. Однако основная цель поездки – договориться о предоставлении крупного займа России – достигнута не была. Мало кто из американских банкиров готов был идти на риск, предоставляя заем Временному правительству, положение которого было весьма шатким. Итоги поездки Н.А. Бородин описал в своей очередной работе, вышедшей в свет уже при большевиках (Бородин, 1918). Годом ранее Россия уже получала крупный американский кредит (50 млн. $) под 5,5% годовых. Примечательно, что тогда Н.А. Бородин скептически отнесся к его выделению, ибо, как экономист, понимал опасность попадания в «кредитную кабалу». «Государства, как и отдельные учреждения, и лица с шаткой кредитоспособностью, не могут получать деньги взаймы только потому, что готовы уплатить большой процент. Американские финансисты, очевидно, помимо симпатии, имеют много веры в мощь, кредитоспособность и конечную победу России», – писал он (Бородин, 1916, с. 4).

Н.А. Бородин все еще был в Америке, когда в России развернулась борьба за места в Учредительном собрании. От Уральского войска были выдвинуты три кандидатуры: Н.А. Бородин, войсковой агроном Гурьян Макарович Фомичев и председатель войскового правления Илларион Александрович Кожевников (оба были известны своими левыми взглядами). По этой причине казаки-фронтовики, получившие в сентябре право голосовать за депутатов от своих войск и станиц, активно поддерживали Кожевникова. Н.А. Бородина же они резко критиковали за «буржуазные» взгляды и за то, что он, по их мнению, давно стал человеком из другой среды, живущим между Петроградом и Америкой, и давно забывшим малую родину (Яицкая воля. 1917. 23 и 29 октября). Местная газета была вынуждена напомнить читателям о заслугах Н.А. Бородина, о том, как в столице он отстаивал интересы своих земляков (Яицкая воля. 1917. 5 ноября). В итоге, несмотря на позицию фронтовиков, Н.А. Бородин победил на выборах в Учредительное собрание.

Октябрьский переворот 1917 г. Н.А. Бородин встретил с осуждением. Еще до свержения Временного правительства, он, будучи знаком с большевистской пропагандой, считал ее сознательным манипулированием примитивными инстинктами темных масс, а потому «гнуснейшим преступлением против народа, именем которого они прикрываются» (Уралец. 1917. 14 ноября). Позже, прожив в Америке десять лет, он с грустью вспоминал свои впечатления от возвращения в Петроград. На одной из станций, столкнувшись с деморализованными революционны-

ми солдатами, обыскивающими пассажиров с оскорблениями и издевательствами, он отметил, что это были «настоящие хамы, получившие власть» (Бородин, 1930, с. 180).

Н.А. Бородин без особых раздумий отверг предложение о сотрудничестве с новой властью и вернулся в Уральск, где также кипели политические страсти. Здесь он, как будущий депутат, выступил с речью на внеочередном войсковом съезде. Говоря о большевизме, он отметил, что это «величайшее зло, с которым надо бороться всеми силами». На вопрос о фракционной принадлежности (в какой фракции Вы будете – в кадетской или в казачьей?) он ответил, что останется в кадетской, но если она выступит против федерализации страны и автономии казачьих областей, то он перейдет в казачью фракцию (Уралец. 1917. 27 и 29 ноября).

Прибыв в Петроград в качестве депутата, Н.А. Бородин так и не смог принять участия даже в его единственном заседании, поскольку его депутатский мандат еще не был готов. Столкнувшись с репрессиями, направленными против кадетской партии, Н.А. Бородин был вынужден периодически скрываться и менять адреса. Вместо закрытой большевиками кадетской газеты «Речь» периодически появлялись новые кадетские издания – «Наша речь», «Свободная речь», ни и их вскоре ждала та же участь. В феврале 1918 г., когда находиться в Петрограде стало слишком опасно, Н.А. Бородин перебрался в Москву. Некоторое время он работал скромным служащим в «народном» банке, параллельно участвуя в подпольной деятельности «Национального центра», созданного местными кадетами.

Н.А. Бородин с горечью наблюдал не только за тем, как рушится привычный уклад общества в казачьих землях, но и за тем, как рушится все рыбное хозяйство страны. Этому была посвящена его статья «Развал астраханского рыбного промысла» (1918). В ней Н.А. Бородин осуждает экономическую политику новой власти, начиная статью словами: «Национализация банков, повлекшая за собой приостановку кредитных операций, стеснения в свободе торгово-промышленной деятельности и национализация капиталистических рыбных промыслов нанесли астраханскому рыбному промыслу трудно поправимый удар». Далее он сравнивает с соответствующими дореволюционными показателями размеры уловов, сократившиеся многократно. Также он доводит до читателей итоги «ловецкого» съезда бывших астраханских рыбопромышленников, которые «органически себе не представляют, как можно вывести страну на путь спасения без восстановления частной промышленной собствен-

ности, без восстановления тесно связанного с ней частного кредита и деятельности частных банков, без свободной торговли, без соблюдения обязательств по договорам, без судебных учреждений, охраняющих целость имущества и свободу личности». К требованиям рыбопромышленников Н.А. Бородин добавляет свои требования, среди которых: прекратить обыски пассажиров поездов и пароходов, прекратить отбирание денег у людей, прекратить «самочинные реквизиции рыбных грузов» и т.п. Новая власть, отобрав имущество прежних рыбопромышленников, устроив «национализацию рыбных промыслов и социалистическую их организацию», поручила руководство этими промыслами «комитетам, не знающим рыбного и коммерческого дела» и не пользующимся доверием «ловцов». В плачевных же результатах такой деятельности новые власти, «видя крах своей затеи, как водится, стали искать виновных, конечно, вне своих кругов – обвинили промышленников в саботаже». В конце статьи Н.А. Бородин подвел краткий итог сказанному: «Слишком дорого уже заплатил весь Астраханский край за проделанный над ним социальный эксперимент, и слишком грозны перспективы рыбного продовольствия всей страны» (Бородин, 1918, № 12).

В марте 1918 г. в Уральском войске произошел переворот. Казаки, ранее не желавшие участвовать в политической борьбе, столкнувшись с деятельностью новой власти, уничтожили ее местную структуру, убив несколько сот ее представителей. Во главе заговора встал полковник Матвей Филаретович Мартынов. Вместе с бывшим конкурентом Н.А. Бородина на выборах в Учредительное собрание, Гурьяном Фомичевым, они фактически стали первыми лицами новой, антибольшевистской власти.

Примерно тогда же аналогичный переворот произошел в Самаре, где власть оказалась в руках Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), укомплектованного, преимущественно, правыми эсерами. В мае Н.А. Бородин тайно перебрался из Москвы в Самару, где сблизился с членами Комуча. Вскоре он встретился с делегацией земляков, прибывших в Самару во главе с Фомичевым, чтобы заключить нечто вроде военного союза. Однако союз этот оказался непрочным, подавляющее большинство уральцев придерживалось принципа «за грань не пойдем», то есть, отказывались воевать за пределами своей войсковой границы, наивно полагая, что освобождение их края завершилось окончательно. В отличие от них, Н.А. Бородин понимал, что это лишь временное затишье, и настоящая война еще впереди. Он призывал земляков объединяться со

всеми антибольшевистскими силами, и вместе с ними двигаться вглубь России, ибо, только победив большевизм во всей стране, можно будет чувствовать себя в безопасности. Это не находило понимания у казаков.

Войсковой съезд, работавший практически непрерывно, уполномочил Н.А. Бородина быть представителем Уральского войска при Комуче. Однако неудачи «Народной армии» Комуча привели к сдаче Самары и перемещению антибольшевистского центра на восток. Новым центром Российской демократической федеративной республики вместо Самары стала Уфа, где было образовано новое Временное Всероссийское правительство, более известное как Директория. Прибывший в Уфу Н.А. Бородин с удивлением узнал, что там уже имеется делегация от Уральского войска во главе с генералом Хорошхиным. Возвращаться в Уральск было слишком опасно, и Н.А. Бородин остался при Директории.

Неудачи антибольшевистских сил продолжались. Директории пришлось сдать Уфу и переместиться в Омск, где в ноябре 1918 г. адмирал Колчак (приглашенный в качестве военного министра, как и Н.А. Бородин, вернувшийся в Россию из Америки) совершил переворот, свергнув Директорию и провозгласив себя Верховным правителем России. О перевороте уральцы узнали от оренбургского атамана генерала А.И. Дутова. От имени Уральского войска Колчака поздравил Хорошхин. Войсковой съезд отстранил генерала от должности своего представителя за то, что он поздравил Колчака, не сообщив в Уральск о перевороте, и не высказав своих соображений на этот счет. Съезд потребовал объяснений у Н.А. Бородина, и тот охарактеризовал действия Колчака как правильные и своевременные, после чего Съезд признал новый статус Колчака и назначил Н.А. Бородина своим представителем (Яицкая воля. 1918. 13(26) и 17(30) ноября).

Однако представительство продолжалось недолго. В январе 1919 г. красные части захватили Уральск, и телеграфная связь с Уральским войском прервалась. Давно прервано было и транспортное сообщение ввиду отсутствия общего фронта. Н.А. Бородин подал прошение об отставке и выходе из Главного управления казачьих войск, воссозданного Колчаком. Кроме того, отношение многих земляков к его деятельности изменилось. Многие считали, что Н.А. Бородин плохо разбирается в военных вопросах, которые на тот момент были наиболее важными. Отставка была принята, а место Н.А. Бородина занял уральский есаул Е.Коновалов.

Н.А. Бородин остался на службе правительства Колчака, занявшись вопросами сельского хозяйства. Он читал лекции студентам Омска, где при Колчаке были открыты сельскохозяйственный и политехнический институты. Во многом это было связано с наплывом в «белую» Сибирь многих ученых и педагогов, бежавших от «красного террора». В марте в Омске была возобновлена деятельность комитета по холодильному делу, который возглавил Н.А. Бородин, избранный также товарищем председателя сельскохозяйственного ученого комитета Омска. Н.А. Бородин активно агитировал за кооперацию крестьянских хозяйств и создание на их основе маслодельческого союза. Читая лекции студентам, профессор Н.А. Бородин часто рассказывал им про американский опыт. В Министерстве земледелия он отвечал за обеспечение сельскохозяйственных учебных заведений учебным материалом.

В апреле 1919 г., когда армии Колчака наступали и уже приближались к Поволжью, правительство Колчака решило командировать Н.А. Бородина в Америку. В начале лета 1919 г. «Нью-Йорк таймс» писали: «С октября 1918 по апрель 1919 года профессор Н.А. Бородин работал в Сибири в тесном контакте с Омским правительством». Июль 1919 г. был временем наступления белых армий практически на всех фронтах, особенно, на юге. Это об этом времени Ленин сказал, что «Социалистическое Отечество в опасности», что оно оказалось в кольце фронтов. Цели командировки были самыми разными – от приобретения учебного оборудования и пособий до материальной помощи белому движению. От имени правительства Колчака Н.А. Бородин, прибыв в Америку, сделал заявление. В нем были перечислены территории, «уже освобожденные от большевиков»: Сибирь, Урал, часть Поволжья и Туркестана, Дон и Кубань, Крым и Кавказ, Эстония и Финляндия, а также Архангельская территория. При этом все, даже Эстония и Финляндия «добиваются возрождения России». В чем же заключается роль американцев в этом «благородном деле»? «Помощь в людях не требуется», – отмечено в заявлении («no aid in men need»), поскольку «операции против большевиков должны быть проведены принципиально русскими войсками» и «советская власть должна быть сброшена русскими, а не иностранными армиями». Однако «Россия сама абсолютно не в состоянии стабилизировать свои финансы». Поэтому «если союзники искренне хотят поддержать Россию, они должны оказать ей серьезную денежную помощь», и «восстановление русской финансовой системы должно быть, по необходимости, предпринято союзниками» (New York Times. 1919, July 7). Возможно, как и многие уча-

стники белого движения, Н.А. Бородин наивно верил, что «союзники» искренне желают помочь России, а не преследуют собственные корыстные интересы. А, возможно, и не верил, но Гражданская война уже не оставляла ему выбора. В конце 1919 г., узнав о поражении Колчака и всего белого движения, Н.А. Бородин понял, что его командировка в Америку, скорее всего, станет пожизненной. В своих воспоминаниях он написал, что на этом «закончилось его официальное служение русскому делу» (Бородин, 1930, с. 209).

Н.А. Бородин был ученым не регионального, но всероссийского, а впоследствии – и мирового масштаба. Он внес существенный вклад не только в российскую, но и в американскую науку. Уже вскоре после прибытия в США Н.А. Бородин опубликовал книгу «Естествознание в приложении к жизни» (Бородин, 1920). В ней он показал значение естественных наук для общества, связь фундаментального и прикладного, практическое применение знаний, полученных благодаря естественным наукам. В этой книге кратко показаны позитивные плоды, которые принесли обществу такие науки, как: физика, химия, астрономия, аэронавтика, геология, минералогия, метеорология, ботаника, зоология, бактериология, агрономия, гистология, анатомия, физиология.

В 1928 г. им был учрежден «Русско-американский республиканский политический клуб», и это наглядное свидетельство того, что 70-летний ученый продолжал заниматься не только наукой, но и политикой. Будучи сторонником республиканской партии США, он создал указанный «клуб» для пропаганды республиканских идей среди русских эмигрантов в США и поддержки республиканского кандидата в президенты партии Герберта Гувера (Осипов, 2009, с. 22–23). К сожалению, общественно-политическая деятельность Н.А. Бородина в США остается малоизученной, пока нет проверенных и точных сведений о Н.А. Бородине в этом качестве. Но, несомненно, что такая деятельность имела место, хотя фрагментарные и разрозненные сведения не дают возможности составить целостную картину этой деятельности, о масштабах и значимости. Пока ничего не известно и о потомках Н.А. Бородина. Из сообщения в «Нью-Йорк Таймс» известно лишь, что после смерти Н.А. Бородина у него осталась вдова Надежда, в оригинале – «Надин» («his widow, Mrs. Nadine S. Borodin») (New York Times. 1937. December, 23).

В эмиграции Н.А. Бородин пытался сплотить научное сообщество «русских американцев», наладить контакты между соотечественниками в рамках всего «русского зарубежья». Он был организатором и актив-

ным членом «Русского Академического Союза». Его роль в жизни русской эмиграции также мало изучена. Известно, что он принимал участие в подготовке «Альманаха русской эмиграции», изданного в Белграде в 1931 г. (Альманах русской эмиграции. 1920–1930. 1–2 выпуски, 1931). В начале 1929 г. в одном из русскоязычных (эмигрантских) изданий Америки была опубликована статья Н.А. Бородина «Русские профессора и студенты в американских университетах», в которой отмечалось, что «русские здесь на особом счету, и имеют здесь высокий удельный вес, хотя все они ведут свое дело скромно и без помпы». Это о профессорах, а «наша учащаяся молодежь прославилась еще больше, чем профессора» (Последние новости. 1929. 6 января). Также Н.А. Бородин подсчитал, что в минувшем учебном году американские университеты закончили 55 человек из русской эмигрантской молодежи. Есть и англоязычные публикации, в которых Н.А. Бородин также затрагивал «русскую» проблематику. Например, желая показать как «русская революция» больно ударила по развитию «русской науки», он написал статью «Scientific Research in Russia, seriously curbed by revolution» (The Springfield report, 1928, May 20).

С 1928 г. Н.А. Бородин возглавлял отдел ихтиологии Музея сравнительной зоологии при Гарвардском колледже, в Кембридже, штат Массачусетс. Много времени он посвятил сбору коллекций рыб. Параллельно он читал лекции студентам и занимался различными вопросами ихтиологии. Кроме традиционных экспериментов в этой области, его привлекали и экзотические вопросы, связанные с рыбоводством. Например, он исследовал возможности определения по чешуе возраста рыбы, возможности анабиоза (оживления) рыбы после ее замораживания, возможности адаптации рыб к новым условиям, участвовал в открытии новых видов глубоководных рыб.

Несмотря на свое антибольшевистское прошлое, он поддерживал контакты с коллегами из СССР, обменивался с ними научными данными, печатными изданиями, коллекциями рыб. Еще при жизни Н.А. Бородина австралийские коллеги присвоили его имя открытому ими виду тропических угрей, назвав его «Borodinula». Об уходе из жизни Н.А. Бородина сообщил известный международный научный журнал «Science» (Science. 1937. December, 31. Vol. 86, № 2244, P. 604). Все это наглядно свидетельствует о признании его заслуг перед мировой наукой.

Умер Н.А. Бородин 22 декабря 1937 г. в кембриджском санатории Бэтл-Крик, где проходил лечение. Некролог, размещенный в «Нью-Йорк

Таймс», начинался словами: «Николас А. Бородин, профессор Гарварда, заслуженный куратор по изучению рыб, эмигрант из России после поражения Колчака, умер» («Nicholas A. Borodin, Harvard professor, Curator Emeritus of fishes, an exile from Russia after fall of Kolchak, is dead») (New York Times. 1937. December, 23). Похоронен Н.А. Бородин на кладбище Маунт Хоуп после отпевания в Русской церкви в Роксбери.

К сожалению, интерес к личности Николая Андреевича Бородина и его деятельности (как научной, так и общественно-политической) проявляют пока лишь российские авторы, притом очень немногие. Однако и в США, и в Казахстане интерес к данной теме отсутствует полностью; видимо, ни американцы, ни казахстанцы просто не считают Н.А. Бородина своим земляком, своим соотечественникам, а жаль.

Источники и литература

1. *ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 205/3.*

2. *Альманах русской эмиграции*. 1920–1930. 1–2 выпуски. Белград, 1931.

3. *Белодубровский* Е.Б. Участие и работа Бородина Н.А. в создании Общества сближения между Россией и Америкой // Бородин Н.А. (1861–1937) – ученый, просветитель, общественный деятель. Уральск, 2011.

4. *Бородин* Н.А. Уральское казачье войско. Уральск, 1891.

5. *Бородин* Н.А. Государственная Дума в цифрах СПб., 1906.

6. *Бородин* Н.А. Опыт применения пассивного сопротивления в 70-х годах // Былое. 1907. № 3.

7. *Бородин* Н.А. И.И. Железнов – писатель-казак. СПб., 1901.

8. *Бородин* Н.А. Американцы и американская культура. Петроград, 1915.

9. *Бородин* Н.А. Сельскохозяйственная Америка во время войны: по личным впечатлениям 1917 года. М., 1918.

10. *Бородин* Н.А. Россия и Америка до войны и во время войны // Известия общества сближения между Россией и Америкой. Выпуск 3. Сентябрь 1916.

11. *Бородин* Н.А. Естествознание в приложении к жизни. Нью-Йорк, 1920.

12. *Бородин* Н.А. Развал астраханского рыбного промысла // Свобода России, 1918, № 12.

13. *Бородин* Н.А. Идеалы и действительность. Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента, Берлин – Париж, 1930.

14. *Вестник Европы. 1916. № 8.*

15. *Вестник Союза казачьих войск. 1917. 20 июня.*

16. *Железнов* И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910.

17. *Изюмов* А.И. Николай Андреевич Бородин – ученый и политик. Тольятти, 2012.

18. *Осипов* Н.И. Н.А. Бородин – видный общественный и политический деятель России и Русского Зарубежья // Материалы международной научной конференции «Н.А. Бородин – выдающийся ученый и общественный деятель России, Казахстана и США». СПб., 2009. С. 22–23.

19. *Последние новости. 1929. 6 января.*

20. *Уралец. 1917. 14, 27 и 29 ноября.*

21. *Яицкая воля. 1917. 4 мая, 16 июня, 23 и 29 октября, 5 ноября; 1918. 13(26) и 17(30) ноября.*

22. *New York Times, 1919. July 7; 1937. December 23.*

23. *Science. 1937. December, 31. Vol. 86, № 2244.*

24. *The Springfield report, 1928, May 20.*

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и правоведения ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (г. Тольятти); e-mail: kaf_oip@tolgas.ru

Dubovikov Alexander Maratovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, History and Law of Volga Regional State University of Service (Tolyatti)

УДК 947"18":373.5

А.В. Ермошин, Г.М. Мустафина

Законоучители учебных заведений Казани в период Первой русской революции

Статья посвящена рассмотрению взглядов и позиций представителей православного духовенства, являвшихся законоучителями различных учебных заведений г. Казани в период Первой русской революции 1905–1907 гг. В ней анализируются причины расслоения в духовном сословии, выразившиеся в отходе значительной части законоучителей от консервативно-охранительных позиций. Материалы и выводы статьи могут быть полезны при изучении истории взаимоотношений церкви и общества в России, истории политических партий и общественных движений, истории светского и духовного образования в Казанской губернии, политологам, социологам, краеведам и религиоведам.

Ключевые слова: Первая русская революция, Православная церковь, учебные заведения, духовенство, законоучители, политические партии.

A.V. Yermoshin, G.M. Mustafina

Catechists of Kazan Schools during the First Russian Revolution

The article deals with opinion and positions of the representatives of Orthodox Church that worked as catechists in different schools of Kazan during the First Russian Revolution of 1905–1907. The reasons of stratification within clergy that brought to deviation of considerable part of it from conservative positions are analyzed. The content and conclusions of the article will be useful while studying the relations of Church and Society in Russia as well as activities of political parties and public movements, history of religious and secular education in Kazan province.

Keywords: the First Russian Revolution, Orthodox Church, schools, clergy, catechists, political parties.

Кризисная ситуация, сложившаяся в Российской империи к 1905 г., наглядно продемонстрировала острые социальные противоречия, накопившиеся в российском обществе конца XIX – начала XX вв. В этих условиях выявилась архаичность сословного строя, сохранявшегося в стране, переживающей эпоху стремительной модернизации.

Раскол общества, наиболее ярко выразившийся в поддержке отдельными слоями населения различных политических партий и движений (Ермошин, 2012, с. 233), затронул и такое, на первый взгляд консервативное, сословие, как православное духовенство. Традиционно воспринимавшееся как незыблемая опора самодержавия, оно весьма неоднозначно проявило себя в сложившейся революционной обстановке. Широко известны факты участия выходцев из семей священнослужителей, воспитанников духовных семинарий и академий в различных революционных кружках и в предшествующий период. Но нельзя не отметить, что «брожение умов» затронуло и самих священнослужителей. Наиболее сильно это проявилось в среде законоучителей различных светских учебных заведений, в частности, казанских.

Развитие системы богословского образования, инкорпорированного в светский образовательный процесс (как на начальном, так и на среднем и высшем уровне), привело к возникновению на рубеже XIX–XX вв. особого типа священнослужителя – законоучителя светского учебного заведения. Конечно, преподавание Закона Божьего в светских школах практиковалось и прежде, однако ставка на усиление позиции религиозного обучения в начальной и средней школе и повышение требований к кандидатам на законоучительские вакансии в пореформенный период спровоцировали расслоение внутри духовного сословия. Обязательное высшее богословское образование для законоучителей гимназий, получение которого в дореволюционной России было возможно лишь в одной из четырех духовных академий, расширение сети домовых храмов при учебных заведениях и, как следствие, постепенный отход от практики привлечения на законоучительские места священников из близлежащих приходов (так, в начале XX века большинство законоучителей казанских гимназий и институтов были настоятелями домовых церквей в данных учебных заведениях), а также ряд иных факторов обусловили обособление этой части священнослужителей не только от сельских собратьев (быт которых мало отличался от крестьянского), но и от городского приходского духовенства.

Учебная нагрузка законоучителя гимназии в рассматриваемый период обеспечивала его высоким уровнем годового дохода, а кроме того, позволяла повысить последний через дополнительные нагрузки как внутри гимназии (оплачиваемое членство в различных хозяйственных комитетах, проведение уроков в подготовительных классах, совмещение преподавания с должностями секретаря гимназического правления и

т.п.), так и вне ее: уроки Закона Божьего (а иногда и других предметов – русского или латинского языков, пения и др.) в частных гимназиях, на разного рода курсах, в публичных лекториях. Эта активная педагогическая деятельность, сопровождавшаяся необходимостью совершать богослужения в храмах при учебных заведениях (причем гораздо реже, чем на приходах), возможность проводить длительные летние отпуска «на дачах», на курортах и в путешествиях (чего была лишена значительная часть не только сельского, но и городского духовенства), сближала быт законоучителей с образом жизни городской интеллигенции – университетской профессуры, преподавателей немногочисленных средних учебных заведений, чиновников губернского города (Степанов, 2016). Эти факторы не могли не сказаться на общественно-политических взглядах и поведении представителей данной прослойки казанского духовенства.

Отдельными портретами законоучителей казанских учебных заведений 1905–1907 гг. можно проиллюстрировать относительно политический спектр, за исключением, пожалуй, лишь левых партий, что вполне объяснимо.

К 1905 г. должность законоучителя и преподавателя педагогики Родионовского института благородных девиц – элитного среднего учебного заведения закрытого типа для девочек преимущественно из дворянских семей – занимал священник Михаил Константинович Источников (1865–1918), трудившийся здесь с 1892 г. Выпускник Казанской духовной академии (1889), магистр богословия, специалист по истории и религии Древнего Ирана, он в разные годы преподавал в Уфимской духовной семинарии, Казанском мужском духовном училище, Казанском епархиальном женском училище, Казанской земской школе для образования народных учительниц, Казанской центральной крещено-татарской школе (НА РТ. Ф. 80. Оп. 2. Д. 5. Л. 4 об.–7 об.). Вероятно, руководство Родионовского института, состоявшего в ведомстве учреждений императрицы Марии и гордившегося доверием к себе со стороны императорской семьи, видело в нем благонадежного учителя и воспитателя дочерей представителей казанской элиты. Действительно, анализ опубликованных проповедей этого священника (напр., Источников, 1916, с. 1002–1007) позволяет охарактеризовать его как представителя «охранительного» направления, хотя и не ярого «черносотенца». Однако предпочтения руководства института в эти годы не всегда совпадали со взглядами его воспитанниц.

Так, в 1904 г. из этого учебного заведения была исключена Вера Петровна Булич-Брауде (1891–1961) – внучка А.М. Бутлерова, правнуч-

ка А.Н. Радищева, потомок П.Я. Чаадаева, впоследствии – известная чекистка. Причиной исключения (с формулировкой: «без права поступления в казенные учебные заведения за антирелигиозные и антиправительственные выступления») стал отказ 13-летней ученицы посещать институтскую церковь и изучать Закон Божий, преподававшийся М.К. Источниковым (Горшкова, 2011). Несмотря на строгие меры, принятые в отношении В.П. Булич, в 1906 г. М.К. Источников покинул это светское учебное заведение, став законоучителем Казанского окружного женского духовного училища, сосредоточившись на воспитании девочек из священнических семей.

В том же году в сан священника был рукоположен Николай Михайлович Троицкий (1880–1937) – выпускник Казанской духовной академии (1904), кандидат богословия, законоучитель ряда начальных учебных заведений (НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10160). В 1905 г. Н.М. Троицкий стал членом казанского монархического общества «Русское Собрание» (а также вступил в брак с дочерью одного из его учредителей – начальника типографии Казанского университета А.Т. Соловьева). В его лице казанское духовенство пополнилось сторонником крайне правых политических взглядов. Впоследствии он стал не только законоучителем Казанской патриотической прогимназии и Казанского первого реального училища, но и председателем «Казанского союза русского народа» (НА РТ. Ф. 426. Оп. 1. Д. 165. Л. 29–31). Следует подчеркнуть, что по своим политическим взглядам он был скорее исключением среди казанских законоучителей, в большинстве своем принадлежавших к либеральному лагерю.

Ярким представителем этого направления был протоиерей Александр Васильевич Смирнов (1857–1933) – выпускник Казанской духовной академии (1884), доктор богословия, ученый-библеист. Бывший надзиратель Симбирского духовного училища, законоучитель Вольской учительской семинарии, Казанского учительского института, Казанского Родионовского института благородных девиц и Казанского окружного женского духовного училища, экстраординарный профессор Казанской духовной академии (НА РТ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1281. Л. 7 об.–10 об.), А.В. Смирнов в 1896 г. занял наиболее почетное место среди преподавателей основ религии в светских учебных заведениях г. Казани – должность профессора богословия Казанского университета, сопряженную с настоятельством в университетской церкви (Биографический словарь, 1904, с. 14–16). Именно в этом качестве в период революции он активно включается в политическую жизнь, становится членом «Союза 17 ок-

тября». В 1906–1907 гг. А.В. Смирнов руководил изданием либерального журнала «Церковно-общественная жизнь», на страницах которого неоднократно критиковалась деятельность Министерства народного просвещения. В ряде биографических очерков содержится утверждение, что эта критика стала причиной увольнения А.В. Смирнова из Казанского университета в 1912 г. Однако анализ источников того времени позволяет заключить, что ни о каком «изгнании прогрессивного профессора-протоиерея» из стен университета говорить не приходится: он был вынужден оставить преподавание здесь в связи с переездом в Санкт-Петербург, будучи избран депутатом IV Государственной думы от партии «Союз 17 октября». Теплое прощание с ним со стороны руководства и профессорско-преподавательской корпорации университета также опровергает это утверждение (Известия, 1912, № 43, с. 1312). В столице он вскоре становится профессором богословия и настоятелем храма Петроградского университета, после Февральской революции 1917 г. – товарищем обер-прокурора Св. Синода. В его лице казанское законоучительство достигло наибольших служебных высот.

В рамках этого же «либерального лагеря» казанского духовенства развивалась деятельность трех братьев Руфимских. Старший из них – протоиерей Петр Митрофанович Руфимский (1858–ок.1930) – выпускник Казанской духовной семинарии (1880), не имея высшего духовного образования, сделал при этом весьма успешную для своего времени карьеру (очевидно, не без помощи младших братьев): прослужив два года учителем Чистопольского духовного училища и 11 лет священником и законоучителем церковно-приходской школы села Булдырь Чистопольского уезда Казанской губернии, он с 1899 по 1930 гг. являлся настоятелем Борисоглебского храма г. Казани. Уровень образования позволил ему стать законоучителем лишь в начальном фабрично-заводском училище Товарищества братьев Крестовниковых, но широта взглядов и семейно-дружеские связи ввели его в либеральные круги законоучителей. По сообщению газеты «Московский листок» в апреле 1906 г., он даже был «привлечен к ответственности за произнесение проповеди на злободневную тему, противоречащей взглядам духовных властей» (Руфимская, 2016). Это показательный случай из истории церковной жизни Казани в период революции.

Другим незаурядным представителем как этой священнической семьи, так и казанского духовенства в целом, был протоиерей Павел Митрофанович Руфимский (1864/1865–1923). Окончив, как и брат, Чебоксар-

ское духовное училище и Казанскую духовную семинарию (1883), он продолжил обучение в Казанской духовной академии (1887), стал кандидатом богословия. Послужив священником в Духосошественской дворцовой церкви в Казанском кремле, в Кирилло-Мефодиевском и Пятницком приходах г. Казани, а также законоучителем Казанского учительского института (НА РТ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 248. Л. 13) и Казанской Мариинской женской гимназии (НА РТ. Ф. 125. Оп. 2. Д. 165. Л. 17), он с 1899 г. становится законоучителем Казанской первой мужской гимназии (до 1918 г.). Здесь в полной мере раскрылся его педагогический талант, а сам он снискал популярность как талантливый проповедник и активный церковный деятель. В период между революциями 1905–1907 и 1917 гг. в своих публичных выступлениях П.М. Руфимский предпочитал не напрямую обращаться к политической и социальной проблематике, а анализировал ее через вопросы культуры. Так, широкую известность получили его публичные лекции о Ф.М. Достоевском и С.Т. Аксакове, о творчестве современных ему Л.Андреева и М.Горького (Руфимский, 1908). Однако, несмотря на личные либеральные взгляды (например, он был сторонником отделения церкви от государства), его активность не простиралась в область чисто политическую, что позволяло ему всегда быть на хорошем счету у начальства, занимать ответственные посты в системе епархиального управления как до 1917 г., так и после.

В этом отношении чуть меньше везло его младшему брату – протоиерею Порфирию Митрофановичу Руфимскому (1866/1867–1923). Закончив те же училище (1879) и семинарию (1886), что и его старшие братья, он поступил в Казанскую духовную академию, но вскоре оставил учебу, женился и стал священником и законоучителем церковноприходской школы в селе М. Чурашево Ядринского уезда Казанской губернии. Однако раннее вдовство сподвигло его вернуться на студенческую скамью, и в 1897 г. он окончил академию со степенью кандидата богословия, занял место второго священника Воскресенского храма на одноименной улице Казани. Вскоре он получает ряд ответственных епархиальных должностей, в частности, члена правления Казанского свечного завода и благочинного Второго округа казанских церквей, в течение ряда лет председательствует на съездах духовенства Казанской епархии. Но успешно развивавшаяся церковная карьера П.М. Руфимского пережила серьезный кризис в период революции: в апреле 1906 г. последовал указ о его переводе (фактически – ссылке) в Софийский собор уездного города Лаишева, вызванный конфликтом с архиепископом

Димитрием (Самбикиным). Известно, что в ходе революционных событий этот казанский архиерей подвергался резкой критике со стороны как революционно, так и либерально настроенных кругов. В местной печати стали появляться анонимные статьи с нападками на него, а их авторство было приписано священнику Порфирию Руфимскому. Возможно, в другое время это решение беспрепятственно вступило бы в силу, но в революционной атмосфере 1906 г. оно вызвало бурный протест как прихожан Воскресенского храма, демонстративно поднесших опальному священнику наградной крест, так и многих представителей казанского духовенства и интеллигенции (в частности, университетской профессуры и адвокатов). В итоге менее чем через месяц указ о переводе был отменен, а сам этот резонансный конфликт нашел отражение не только на страницах епархиальной периодики (Печальное явление. 1906. № 33. С. 1025–1029), но и столичной газеты «Колокол» (1906. № 55).

Впоследствии П.М. Руфимский стал законоучителем Казанской частной мужской гимназии – по-видимому, «бунтарская слава» этого священника не смутила гимназическое руководство. И хотя его причастность к едкой критике правящего архиерея в анонимных статьях не была доказана, в целом следует признать, что, в отличие от своего брата Павла, Порфирий Митрофанович был менее осторожен в публикациях, часто затрагивая спорные и болезненные вопросы (о качестве обучения в Казанском епархиальном женском училище, о финансовой деятельности свечного завода, эмеритальной и похоронной касс епархиального духовенства и др.). В опубликованных им воспоминаниях о годах обучения в Казанской духовной семинарии (Руфимский, 1910; Руфимский, 2017), в письмах с фронтов Первой мировой войны, куда он добровольно отправился в качестве полкового священника (Руфимский, 1916), подвергаются критике многие негативные явления в церковной и гражданской жизни той поры.

Таким образом, на примере ряда законоучителей казанских учебных заведений начала XX века можно наблюдать определенное разнообразие общественно-политических взглядов, сформировавшихся в реалиях церковного и педагогического служения в пореформенный период и наглядно проявившихся в условиях революционной обстановки 1905–1907 гг. и последующих лет. Как известно, после революции 1917 г. эта идейная дифференциация приведет к возникновению т.н. обновленческого раскола, найдет выражение в других кризисных явлениях церковной и гражданской жизни России в данный период.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10160.*
2. *НА РТ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1281.*
3. *НА РТ. Ф. 80. Оп. 2. Д. 5.*
4. *НА РТ. Ф. 125. Оп. 2. Д. 165.*
5. *НА РТ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 248.*
6. *НА РТ. Ф. 426. Оп. 1. Д. 165.*
7. *28 октября в университетской церкви…* // Известия по Казанской епархии. 1912. № 43. С. 1312.
8. *Биографический словарь* профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1. С. 14–16.
9. *Горшкова* А. Протоиерей Михаил Источников. Жизнь. Служение. Кончина [Электронный ресурс] URL: http://foto-progulki.ru/michail_istochnikov (дата публикации: 29.11.2011; дата обращения: 30.05.2017).
10. *Ермошин* А.В. Вопрос о положении религии в светской школе в программах политических партий Российской империи начала XX века // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 233–238.
11. *Источников* М., прот. Слово в день восшествия на престол Государя Императора Николая Александровича, 21 октября 1916 года // Известия по Казанской епархии. 1916. № 43/44. С. 1002–1007.
12. *Печальное явление в православном мире* // Известия по Казанской епархии. 1906. № 33. С. 1025–1029.
13. *Руфимская* О. Петр Руфимский – священник Казанской епархии [Электронный ресурс] URL: http://foto-progulki.ru/rufimskij_petr (дата публикации: 04.09.2016; дата обращения: 30.05.2017).
14. *Руфимская* О. Протоиерей Порфирий Митрофанович Руфимский. Казанская епархия [Электронный ресурс] URL: http://foto-progulki.ru/porfirij_rufimskij (дата публикации: 21.10.2016; дата обращения: 30.05.2017).
15. *Руфимский* П.М. Из семинарских воспоминаний // Известия по Казанской епархии. 1910. № 41. С. 1156–1159; 1911. № 1. С. 25–33; № 8. С. 254–258; № 10. С. 316–321; № 22. С. 676–679; № 40. С. 1129–1133.
16. *Руфимский* П.М. Казанская духовная семинария и ее преподаватели // Православный собеседник. 2017. № 1. С. 84–91; № 2. С. 64–73.
17. *Руфимский* П.М. На ратных полях // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 8. С. 246; № 11–12. С. 341.
18. *Руфимский* П.М. Основные мотивы творчества М. Горького: Публичная лекция, читанная в зале Императорской Казанской 1-й гимназии

1908 года марта 25 дня // Известия по Казанской епархии. 1908. № 23/24. С. 703–723; № 25. С. 753–767; № 26. С. 794–809.

19. *Степанов* А.Ф. История Казанской епархии в 1918–1924 гг. в свидетельствах современника [Электронный ресурс] URL: http://www.sedmitza.ru/lib/text/6416948/ (дата публикации: 2016; дата обращения: 30.05.2017).

Ермошин Антон Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры латинского языка, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» (г. Казань); e-mail: antoniy_v@mail.ru

Мустафина Гульшат Мударисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань); e-mail: tggpu_history_russia@mail.ru

Yermoshin Anton Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Department of Latin Language, Kazan State Medical University (Kazan)

Mustafina Gulshat Mudarisovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Russian History, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

УДК 821.512

Д.Ф. Загидуллина

Становление светской философии в татарской литературе начала XX века

Национальные литературы, рассматриваемые в мировом литературном процессе как некое целое, представляют собой уникальные духовно-практические образования. Характерные для каждой культуры национальные традиции дают представление о менталитете, мировоззрении, психологическом «состоянии» отдельного этноса. В связи с этим важным представляется изучение тех аспектов художественной формы и содержания произведения, в которых явственны процессы национально-культурной самоидентификации. Одной из таких сфер является философский компонент в художественном сознании. Изучение основных философских мотивов позволяет сделать вывод о том, что этот компонент сознания в татарской литературе был нацеориентирован и послужил трансформации художественной культуры в целом.

Ключевые слова: татарская литература, философский компонент художественного сознания, национальные особенности художественно-эстетических поисков, мотив, концепция человека.

D.F. Zagidullina

Formation of secular philosophy in the Tatar literature of the early 20th century

The national literatures being considered in the world literary process as a certain whole represent unique spiritual and practical formations. National traditions, characteristic of each culture, give ideas of mentality, outlook, psychological "condition" of a separate ethnos. In this regard study of those aspects of art form and content of the work in which processes of national and cultural self-identification are clear is important. One of such spheres is the philosophical component in the artistic consciousness. Study of the main philosophical motives permits to conclude that this component of consciousness in Tatar literature was nationally oriented and served for transformation of artistic culture in general.

Keywords: Tatar literature, the philosophical component of artistic consciousness, national peculiarities of art and esthetic searches, motive, concept of the person.

Художественная литература каждого этноса имеет ряд специфичных признаков, вытекающих из особенностей восприятия мира, склада мышления и т.д. Одним из таких свойств выступает, по нашему мнению, философский компонент художественного сознания, который хранит мировоззренческие особенности и конститутивные черты народа. К татарской литературе начала XX века мы подходим из этих позиций.

К концу XIX века вышедшее на арену с запозданием татарское просветительство способствовало активизации движения секуляризации. В результате татарская литература начинает искать новые ориентиры и новую философскую базу. В татарской культуре устанавливается жесткое разделение на два этапа, прошедший – средневековая религиозная культура; и современный – новая светская культура. С точки зрения «современной» культуры религиозная воспринимается как массовая, адресованная простому сельскому жителю. В результате в татарской литературе появляется специфическое крыло, которое объединяет произведения, затрагивающие онтологические проблемы бытия (Заһидуллина 2015, б. 80). В них были презентованы новые, непривычные для татарской литературы мотивы, однако форма их представления (приемы и интонации) оказались традиционными, исконно восточными. Поэтому мы сочли возможным назвать это течение «литературой стенания» (сызлану әдәбияты), подчеркнув близость, но и нетождественность экзистенциализму европейского типа (Заһидуллина 2003, б. 80).

Необходимо отметить, что Р.Мэй, обращая внимание на взаимосвязь между экзистенциализмом и восточной философией, пишет: «Основным предметом исследования и в восточной философии, и в экзистенциализме являются онтология и бытие. И то, и другое направление стремятся найти связь с реальностью, которая преодолела бы расщепление между субъектом и объектом. (…) Основанием этих сходств является то, что восточной философией никогда не переживалось столь серьезное расщепление между субъектом и объектом, которое было характерно для западного мышления, и эта дихотомия и является как раз тем самым, что экзистенциализм стремится побороть» (Мэй, 2004, с. 62).

В подобном ключе философский компонент художественного сознания в татарской культуре рассматривался учеными начала XX века, которые определяли его истоки в народных песнях, в фольклоре. В частности, Г.Сагди детерминировал его особенностями менталитета и условиями проживания тюрко-татар (Сәгъди, 1912, б. 43–51), Гали Рахим – характером мироощущения кочевых народов (Рәхим, 2008, б. 114).

Начало XX века для татарского общества стало временем осознания глубокого национального социокультурного кризиса. Творчеству многих поэтов и прозаиков данного времени присущ пессимизм, которое выступает как свойство сознания человека – страдающего, одинокого, чувствующего, смертного, и как характерная черта национального сообщества, вставшего на путь возрождения.

Татарская литература часто обращается к мотиву одиночества и отчуждения, причиной подобного мироощущения, как и в мировой литературе, является несоответствие идеала и реальности, а также несовершенство бытия или человека вообще. Во многих произведениях и национальное сообщество рисуется в «пограничной ситуации» – в процессе становления, переживания кризиса, поиска непростых решений. Общеизвестен вопрос Г.Тукая: «Наша нация умерла или только спит?». Мотив непробудного сна и призыв татар к пробуждению проходит красной нитью через творчество Тукая, М.Гафури, С.Рамеева, Ш.Бабича, Г.Исхаки, Г.Ибрагимова, Г.Рахима и др.

Мотив познания человеком себя, поиск своего места, смысла бытия через тревогу, отчаяние, отчуждение проявляется, прежде всего, в произведениях, в которых описываются современные авторам национальные проблемы. Вместе с тем, появляются произведения иного плана, прежде всего, философские, затрагивающие общечеловеческие ценности. Но на фоне основного лейтмотива татарской литературы даже подобные произведения превращаются в сложные в смысловом отношении тексты, которые могут прочитываться и с точки зрения чисто национальной проблематики (Заһидуллина, 2006, б. 31–39).

Например, самый распространенный в татарской литературе данного периода мотив, главная идея философии вообще – поиск смысла жизни – был активно заявлен в творчестве талантливого поэта Дэрдменда в 1904–1907 гг. Литературовед и знаменитый прозаик Г.Ибрагимов (1913 г.) пишет: «Куда бы не направлялось перо Дардеменда, за ним как шлейф тянется как красное на черном фоне нить, бытие конечно! Все в мире имеет конец!» (Ибраһимов, 1978, б. 107).

Известный ученый Дж. Валиди в 1913 г. констатировал, что особенность его творчества – в «тюркскости», восточности (Вәлиди, 2010, б. 260). Действительно, образно и интонационно стихотворения Дэрдменда воспринимались как глубоко традиционные, как «преемники» средневековой тюрко-татарской поэзии. В творчестве Дэрдменда такому восприятию способствовало постоянное обращение поэта к образной и

интонационной системе суфийской поэзии, суфийские символы и мотивы становились предметом стилизаций и своеобразными кодами данного типа культуры, определяющими двупланность содержания стихотворений; элементы недосказанности, мистицизма включались в систему философского знания.

Современники Дэрдменда подчеркивали, что главное в его поэзии – не эмоции, а «мысль», и что в лирике он стремится выразить свои взгляды на окружающий человека мир, на закономерности бытия. Любое описание природы, одушевленной поэтом, рождало ощущение сопричастности человека к величественной красоте бытия, становилось средством психологического и ментального откровения, в то же самое время чувствовалось желание лирического героя раскрыть его тайну: «О дни мои… Печалям нет конца… / Все продолжается суровая зима… / Небо тихое… Не летает птица счастья… / Хотя слышен азан, нет ориентира-компаса» (Подстроч. перев. наш) (Дәрдмәнд, 1980, б. 137). На первый взгляд, стихотворение выражает печаль романтического героя, почувствовавшего на себе бег времени. Сожаление о быстротечности молодости и о невозможности понять суть сокрытого определяют основное содержание произведения. Вместе с тем, последняя строка, «хотя и слышится азан (призыв к молитве), нет ориентира» – прочитывается в национальном ключе.

Схожие по мотивам, по интонации, по философии, по использованным приемам эпические произведения также подчеркивают невозможность постижения смысла жизни. Один из них – нәсер «Из-за неразумности» (1914) М.Ханафи. Рассказ написан как диалог двух друзей. Прозвучавший на вопрос о причинах печали ответ разделен на четыре части. В первой части причиной указывается желание «быть как облако», монолог раскрывает стремление человека быть сильным, достичь – невозможного, стать – «всем», центром мира. Второй рассказ посвящен желанию быть талантливым, «как ястреб бросаться ввысь», «как сокол быть зорьким», «как лебедь – храбрым», «как соловей – певцом». Третий показывает сокровенное желание стать свободным как ветер, как волны. Завершая рассказ, в четвертой части подчеркивается ограниченность человеческой плоти физическими параметрами, которая не позволяет постигнуть суть вещей человеку, ограничивает его стремление парить как дух над вселенной (Хәнәфи, 1914, б. 159–160). Невозможность познать и стать частью бытия, реализовать свои желания и мечты становится, в свою очередь, причиной душевной дисгармонии: «…личность перестает себя осознавать существом, которому принадлежит мир, или

может принадлежать… Момент разорванности человеческой личности приводит человека к абсурдности бытия» (Сучков, 1976, с. 265).

В стихотворении Дэрдменда «Туча прошла» подобное состояние рождают явления и звуки природы, «ропот и грохот» несут в себе семантику непознаваемости бытия. Ту же функцию в стихотворении «Прошумит ли ветер по лугам» выполняет образ нида (стона), неверие в то, что гармония и чистота мира сохранится, заставляет человека печалиться, как и то, что человеку не дано обрести то, о чем он мечтает.

В художественном процессе данного периода особое место занимают рассказы о поиске смысла жизни, в которых проявляется мотив существования человека в мире без Бога, среди иррациональности и абсурда, в состоянии страха и тревоги. Таких произведений немного, но в них ярче всего проявляется как процесс секуляризации, так и разрушения традиционной мусульманской картины мира. Интересно и то, что авторы этих произведений – мусульмане, осознавшие необходимость выразить свое мнение по поводу возникающих в татарском обществе новых тенденций. Этой идейно-творческой установкой обусловлены художественно-содержательная специфика перечисленных произведений, в которых структурообразующую функцию выполняют дискуссия, спор, столкновение противоположных точек зрения. Сами рассказы вступают в диалогические отношения между собой.

Опубликованный в 1915 г. в журнале «Аң» философский рассказ «Среди фиалок» Г.Рахима задуман как разговор двух друзей о любви. В основе сюжета – история любви Рашида к жене брата, Зулейхе. Имя женщины ассоциируется с главной героиней памятника средневековой тюрко-татарской литературы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Кроме того, автор подчеркивает, что полное имя Рашида – Гарун ар-Рашид. Имя арабского халифа (786–809) из «Тысячи и одной ночи», имеющего прозвище «справедливый», уводит читателя к средневековому жанру сказок, в конце которой слушателя ждал сокрытый смысл, вывод, мудрость.

Философская концепция строится на основе диалога двух противоположных позиций. На это указывают и психологические характеристики, данные повествователем: «Я был материалистом, любил воспринимать реальность так, как есть, как истину. Он был поэтической натурой, фантазером, идеалистом» (Рәхим, 1915, б. 138). Рассказывая о своей любви к жене брата, Рашид подчеркивает, что эта – духовная, платоническая любовь, которая не требует ничего взамен. Объясняя свои чувства, он сравнивает влюбленность – с любовью к фиалкам, которых беско-

нечное множество на берегу озера; а единственную любовь – с любовью к розе. Использование суфийского символа, обозначающего любовь ко Всевышнему, создает определенные ассоциации, в результате любовь к Богу и платоническая любовь к женщине воспринимаются явлениями одного ряда. И то, и другое дает возможность почувствовать себя счастливым, «среди ненавистной толпы» любой может найти ту единственную или обрести любовь к Богу. Рассказчик с материалистических позиций призывает ограничиться земной любовью. Он напоминает, что божественная любовь – удел фантазии человека.

С одной стороны, Г.Рахим показывает, что великая любовь может дать человеку надежду в беспросветной жизни, где человек одинок и окружен враждебными людьми, стать смыслом жизни. С другой, он напоминает, что это чувство – иллюзия, не подкрепленная ничем. Подобная параллель подчеркивает, что для человека важно не существование потусторонней силы, а вера в Нее. Но и в конце рассказа диалог остается открытым, есть своя «правда» у Рашида, но есть она и у рассказчика. Автор не подводит своего читателя к какому-то одному умозаключению. Состоявшийся разговор приводит и Рашида, и его друга повествователя, и даже читателя-мусульманина в замешательство.

Для сравнения можно взять романтический рассказ Ф.Амирхана «Счастливые минуты» (1912). Если принимать во внимание тот факт, что имя главного героя – Рәшат – повторяется в обоих рассказах (на арабографике они прочитываются одинаково – письменное оформление в данном случае традиционное, используется вариант первого текстолога), то можно рассмотреть их в одной связке. Герой рассказа Рәшат дает решительную отповедь модному в начале прошлого века чувству разочарования, настроению пессимизма, которые были «визитной карточкой» почти каждого человека, считавшего себя интеллигентом и интеллектуалом. Формой выражения философии, мировоззрения героя становятся воспоминания о самых счастливых минутах в его жизни – мгновениях влюбленности. Утверждается мысль о том, что смысл жизни, ее конечная цель и оправдание – в любви, что любовь – нечто непререкаемо высокое и святое. Именно любовь упорядочивает как само бытие, так и отношение к нему.

Рассказ «В поисках попутчика» (1916) Г.Газиза (Газиза Губайдуллина) продолжает начавшийся на страницах журнала разговор. Герой – «потерявший Бога Ильяс» (югалган Аллалы Ильяс) – также находится в ситуации обнаружения философских основ бытия. Повествователь про-

слеживает ход мыслей Ильяса, который осмысливает свое прошлое как поиск смысла жизни. В самом начале пути он решил, что «каждый должен найти свой ответ на этот сложный вопрос». Он обратился к книгам, трудам известных философов, но пришел к выводу, что именно книги привели его к отказу от Бога. Поиск смысла жизни объясняется осознанием им неизбежности смерти. Смерть ему представляется концом пути, и одинокому человеку страшно его пройти до последней точки. Герой считает, что человеку необходимы попутчики не для ощущения счастья в молодости или спокойствия в старости, а для того, чтобы бесстрашно встретить смертный час.

Отвечая на вопросы о силе любви, поставленные Г.Рахимом, автор показывает, что Ильяс женат, рядом с ним находится любимая жена Зухра (имя также узнаваемо в тюрко-татарской литературе – героиня любовной истории дастана о Тагире и Зухре). Но ее «потерявший Бога герой» считает «попутчиком жизни, а не попутчиком вообще» (Газиз 1916, 283). Для героя Г.Газиза смысл жизни – это вера вообще. Экскурсы в историю тюрко-татар в рассказе указывают, что содержание веры меняется в зависимости от исторического времени. Каждый век формирует свою веру, но она должна быть. Потерю смысла жизни и Бога в душе он объясняет потерей веры.

Далее М.Ханафи (Ханафи Кайбышев) публикует рассказ «Откуда? Куда?». Как и авторы предыдущих произведений, он считает, что все люди несчастны и описывает три модели поиска смысла жизни. Первый вариант – жизнь Тимура (в переводе с татарского языка – железный), который, встретив свою любовь, отказался от нее («Любовь – кандалы, влюбленный теряет свой разум» (Хәнәфи, 1916, б. 304)). Он промышлял «ночными делами», попадал в тюрьму, богател и терял все, считая смыслом жизни – силу. Но этот путь не сделал Тимура счастливым – он наложил на себя руки.

Второй герой, Батыр, любил жизнь и искал смысл жизни в книгах. Но люди начали использовать его доброту и святость в своих корыстных целях, он умер, не поняв секрета бытия. Письмо Батыра (в переводе – доблестный, храбрый) напоминает концепцию Ницше о сверхчеловеке, все стремятся к власти, а жизнь – поле битвы за власть. История Батыра приводит читателя к заключению, что, живя среди грешных людей, нельзя оставаться святым.

Третий из друзей, рассказчик, сидит в тюрьме, полагает, что нашел смысл бытия. Истина в том, что человек обречен быть одиноким; стрем-

ление к богатству, счастью, любви – иллюзия; только осознание бессмысленности жизни дает человеку ощущение свободы. Свобода – в смерти, восклицает он вслед за А.Шопенгауэром. Проблемы свободы осмыслены им как выбор человеком одной из бесчисленных возможностей. Каждый человек, подобно героям М.Ханафи, постигает свою сущность в течение всей жизни и несет ответственность за каждое свое действие.

Ослабевание веры в душе человека в суфийской системе символов называется трущобами («хәрабә»). В начале XX века данное слово часто используется в сильной позиции, параллельно с мотивом поиска смысла жизни. Таков, например, нэсер Ф.Амирхана «Среди развалин…» (1913). В нем посещение героем развалин, в которые превратилась усадьба, бывшая символом молодости, красоты и богатства, меняет представления человека, жизнь превращается в понимание неизбежности смерти. Одна половинка души, живущая надеждами, «встречается» с другой, осознавшей конечность бытия. В этот момент происходит прозрение – постижение истины. Ужас осознанной героем истины заключается в отсутствии всякого смысла и цели, в отсутствии всяких условий, при которых этот смысл был бы осуществлен.

Как видно на примере вышеназванных произведений, с поиском смысла жизни связан мотив осознания конечности бытия. Первоначально он также формируется в поэзии Дэрдменда. Так, в стихотворении «В лучах от солнца желто-золотистых…» констатируется безрадостность бытия, причиной которой указывается недоступность смысла жизни. Только до наступления момента понимания этой истины человек живет с надеждой – надеждой осознать свое место, свое предназначение, говорит поэт.

В таком ключе прочитывается и нэсер А.Тангатарова «Перед надеждой» (1914). В нем описывается природа в течение суток, которая символизирует человеческую жизнь. Картина начинается с изображения прекрасной зимней солнечной погоды, однако ближе к вечеру она меняется, ветер разбудил вьюгу, темно и страшно «как в аду». Наступает утро, тишина. «Находиться перед надеждой» – надеждой осознания смысла жизни преподносится автором как чувство счастья, присущее человеку вообще. Если для кого-то наступает время прозрения, тогда осознав бессмысленность жизни, он становится несчастным.

Этот миг прозрения описан Дэрдмендом в стихотворении «Мы» (1908). Автор рассказывает о бренности земной жизни, называя человека путником на земле, которому уготованы тяжкие испытания. Ветры, понимаемые как судьба, как закон бытия или как непрерывность жизни,

напоминают о бессилии человека перед высшими силами, перед судьбой. Поэт применяет систему реминисценций, странник – мир – время – надежда – огонь, имеющих суфийский подтекст и определяющих восприятие стихотворения читателями, «человек сам сжигает всякие надежды, сам уходит из жизни, глотая ее огонь». В этом – смысл, которого ищет любой человек, констатирует поэт.

Многие авторы ищут ту силу, которая способна победить смерть. Два прекрасных прозаических произведения, написанных в 1913 г. – «Что это?...» А.Тангатарова и «Он был еще слишком молод» М.Ханафи указывают на два варианта ответа. Символом жизни Тангатаров констатирует надежду. У М.Ханафи в этой роли представляется любовь.

Во многих произведениях начала XX века любовь рассматривается и как синоним жизни. Но, как правило, в них чувствуется иллюзорность бытия.

Классический образец философии иллюзорности представлен в нэсере Г.Рахима «Летний рассказ» (1916). Обогащенный суфийскими символами и изобразительно-выразительными средствами, в ритмико-интонационном плане напоминающее лирику, произведение написано в форме риторического обращения. Автор превозносит лето, красоту природы, объясняется ей в любви. В центре летней природы перо писателя воссоздает лучистый дворец из белого мрамора. В системе суфийских символов дворец – центр вселенной, сад – символ бытия или души. Возникает философия в духе субъективного идеализма, человек сам придумывает, сам создает мир, эту и ту стороны бытия! Красота мира – в силе фантазии создающего. По мнению автора, вся трагедия человека – в иллюзорности мира.

Человек ничем, никакими делами своими, не сможет придать смысл жизни, если его нет изначально в чем-то, что бесконечно превосходит человека. Эта мысль прослеживается в рассказе Г.Рахима «Загадочная сказка» (1913), который является стилизацией под восточные сказки. Нэсер Н.Гасрыя «На кладбище» (1916) подвергает сомнению не только наличие жизни, но и смерти. Жизнь и смерть – одно целое, человек придумывает его, констатирует философия иллюзорности Гасрыя.

Зачастую мотив осознания конечности жизни структурируется вокруг образа смерти. Во многих произведениях авторов начала XX века «момент прозрения» наступает тогда, когда человек осознает неизбежность смерти (нэсер М.Ханафи «Оттуда» (1914), поэмы Ф.Бурнаша «Коркут» (1916), Н.Исанбета «Беженец» (1916) и «Скиталец» (1916) и др.).

Некоторые философские мотивы, проявляющиеся в татарской литературе начала XX века, напрямую противоречат традиционным для мусульманского общества взглядам. Так, бытие в мире отождествляется с понятием свободы, вплоть до свободы ухода из жизни. Этот мотив присутствует в творчестве М.Ханафи, у других прозаиков данного периода («Весенние размышления» (1915), «Потерянный» (1916) А.Тангатарова и др.). С одной стороны, он позволяет закрепить смерть как единственный смысл и единственное настоящее в бытии. С другой стороны, подобный подход углубляет негативное отношение к тяготам жизни, только смерть способна спасти человека от тех несчастий и лишений, которыми награждает его жизнь.

Тема поиска смысла жизни в татарской литературе начала XX века была взаимосвязана с репрезентацией нового героя – интеллигента и интеллектуала, стремившегося осознать свое место в жизни вообще и в жизнедеятельности татарского общества, в частности. Было заметно, что новый герой воспринимает себя частью национальной общности, сомнения и печали, одолевающие его, также присущи многим. В общей тенденции татарской литературы, проявляющейся в стремлении к возрождению национального самосознания, к развитию татарской культуры по образцу европейской, философский компонент дополнялся социальным и национальным содержанием. Поэтому во многих произведениях центральным становился мотив этнической идентификации, а причиной стенания – состояние татарского общества. В подобных произведениях основным средством изложения философской концепции являлись символы или мифологические образы.

Одно из первых произведений подобного ряда – «Девушка-булгарка Айслу» (1910) М.Гафури. Небольшой рассказ описывает предсмертное состояние молодой девушки. Это событие рисуется вне причинно-следственных связей, биографических моментов, и дискретность, в итоге, служит для усиления эмоциональной оценки. «Последняя из булгар» Айслу представлена как символ нации, хаос в картине мира связан с грозящим нации исчезновением. Произведение в этом плане созвучно со знаменитой антиутопией Г.Исхаки «Исчезновение через 200 лет» (1902–1904), в котором символом исчезающей нации становится «последняя из булгар» Сююмбике.

Во многих произведениях писателей начала XX века причиной стенания становятся традиции в татарском обществе, препятствующие его развитию. Самая болезненная из них – отсутствие свободы у женщин.

Одним из ярких примеров является рассказ Ф.Амирхана «Татарка» (1909), который был воспринят современниками писателя как новое явление в татарской литературе.

В изображении судьбы женщины-татарки писатель претендует на универсализм обобщений. История татарки не является лишь аллегорическим изображением жизни всех женщин-мусульманок, этот образ символизирует Жизнь, Искренние Мечты, Красоту, Святость. Темная Сила – символическая модель типических, повсеместно распространенных обстоятельств, сковавших жизнь. Вместе с тем, выявляя сущность и меру социального зла, Темная Сила указывает на некий трансцендентный закон, концентрирует в себе космическое зло. Она лишает человека свободы, убивает красоту, мечты и надежды.

Еще в одном произведении – «В печали» (1913) Г.Рахима причиной беспокойства, тревоги героя-повествователя так же становятся схоластические традиции в татарском обществе, а именно – запрет на общение молодых людей, достигших совершеннолетия. Ситуация, которая могла бы возникнуть только в татарском обществе, расписывается А.Тангатаровым в рассказе «Нет сил» (1914). Обобщающим подобные многочисленные рассказы, объединяющим их под единым углом зрения произведением стал нэсер М.Ханафи «Моя нация» (1913). Он задуман как риторическое обращение к нации, в отношении к которой чередуются чувства стенания и любви. Как и другие авторы, Ханафи указывает на исчезновение надежд, называя нацию «могилой мечты». Воспринимая современное состояние своей нации как предсмертное, в отличие от других соратников по перу автор рисует не только сегодняшний день, но и прошлое народа черными красками. Проклятия повествователя направлены в адрес бытия, которое создало нацию с «ядовитой кровью в жилах» (Хәнәфи, 1913, б. 52).

Совершенно иная поэтика выбрана А.Тангатаровым в нэсере «Забылся» (1916). Если М.Ханафи через лирический монолог доводит до читателя свою идею, у Тангатарова центральную роль играют символы. В произведении использованы различные модификации оппозиции целого и частички, большое озеро / звук под ним, густой лес / маленькое дерево, большой пароход / отделившаяся от него лодка. В данном ряду находится и оппозиция нация / человек. Рассказывая о том, что без озера – звук гула, без леса – деревце, без парохода – маленькая лодка обречены на погибель (Тангатаров, 1916, б. 3), автор подтверждает, что человек вне своей нации также не найдет защиты и спасения.

Рассказ Тангатарова «Оборвался», увидевший свет в 1917 г. в газете «Тормыш», рассказывает об осознании человеком своей необходимости для нации, для ее развития – самоидентификации. Сюжет уводит читателя в дни Первой мировой войны. Герой рассказа – начальник караула, молодой татарин. «Все спят», повторяет автор, только начальник караула чувствует свою ответственность перед всеми. Он вспоминает свою молодость, беззаботные дни, свою возлюбленную Настю, мечтает о встрече с ней. Вдруг он осознает, что эта встреча может стать препятствием между ним и его родителями, родными, нацией. «Во имя любви чего только не приносят в жертву. Но сегодня ты должен думать о тяжелом состоянии своего народа, о его милосердии ... ради народа никто ничего не приносят в жертву», – слышится ему. «Все спят», а он чувствует свою ответственность перед нацией, народом (Тангатаров, 1917, б. 5).

Вторая картина рисует его – раненого, возвращающегося домой. Поезд проходит через те места, где проживает Настя. Он очень хочет сойти с поезда, встретиться с ней, хочет остаться в тех краях со своей возлюбленной навсегда. Однако едет дальше, по выбранному ранее пути. Идея о том, что служение нации превыше любви, звучит как аксиома, однако она не приносит герою успокоения. Его душу переполняют тревога и печаль и за возлюбленную, и за нацию.

Итак, в татарской литературе начала XX века появляется проективное, неоднозначное восприятие человеком самого себя и национального сообщества. Такое отношение к действительности противоречило традиционной исламской картине мира. Но оно способствовало укреплению веры в возможности человека, который предстал способным не только мыслить и осознавать свое бытие, но и быть ответственным за себя и свою нацию, за жизнь вообще, способным взять судьбу народа и человечества в свои руки.

Источники и литература

1. *Вәлиди* Җ. Әдәби һәм тарихи-документаль җыентык. Казан: «Җыен» нәшр., 2010. 623 б.

2. *Газиз* Г. Юлдаш эзләгәндә // Аң. 1916. № 7. 282–283 б.

3. *Дәрдмәнд*. Исә җилләр. Шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 256 б.

4. *Заһидуллина* Д.Ф. Дөнья сурәте үзгәрү, XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: монография. Казан: Мәгариф, 2006. 191 б.

5. *Заһидуллина* Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 255 б.

7. *Ибраһимов* Г. Әсәрләр. 8 томда. Т. 5: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1933). Казан: Татар.кит.нәшр., 1978. 614 б.

8. *Мэй* Р. Открытие Бытия. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. 224 с.

10. *Рәхим* Г. Миләүшәләр арасында // Аң. 1915. № 7. 136–145 б.

11. *Рәхим* Г. Халык әдәбиятына бер караш (1914) // Гали Рахим, историко-документальный, литературный и биографический сборник / сост. Р.Марданов, И.Хадиев. Казань: Джиен, 2008. С. 71–116.

12. *Сәгъди* Г. Әдәбият ысуллары. Оренбург, 1912. 53 б.

13. *Сучков* Б.Л. Лики времени. Т. 2. М., 1976. 275 с.

14. *Тангатаров* Ә. Онытылдым // Тормыш. 1916. 24 декабрь (№ 566). 3 б.

15. *Тангатаров* Ә. Өзелде // Тормыш. 1917. 10 ноябрь (№ 750). 5 б.

16. *Хәнәфи* М. Гакылсызлыктан... // Аң. 1914. № 8. 159–160 б.

17. *Хәнәфи* М. Кайдан? Кайда? // Аң. 1916. № 19–20. 304 б.

18. *Хәнәфи* М. Милләтем // Аң. 1913. № 4. 51–52 б.

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент Академии наук РТ (г. Казань). E-mail: zagik63@mail.ru

Zagidullina Dania Fatikhovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Vice President of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 330.83

М.М. Имашева

Национальная татарская печать в Астрахани в период между двумя русскими революциями

В период между двумя русскими революциями в Астрахани оформляется национальное мусульманско-татарское общественное движение. Татарские общества «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» поставили своей целью культурно-просветительскую деятельность среди местных мусульман. Одним из средств ее реализации стало издание периодических изданий на татарском языке. В течение короткого времени газеты «Бургани-Таракки» («Прогресс») и «Идель» («Волга») завоевывают популярность среди астраханских мусульман. События внутри России и за рубежом, в регионах со значительным мусульманским населением, статьи о местных событиях, фельетоны и объявления – эти и другие рубрики нашли отражение на страницах астраханских татарских газет.

В силу того, что российские власти в начале XX века пристально следили за общим настроением российской уммы, астраханская татарская печать оказалась под пристальным вниманием политической полиции. Издатели газет периодически привлекались к дознанию по обвинению в антиправительственной деятельности. В итоге, «Бургани-Таракки» и «Идель» были закрыты.

Кроме двух главных изданий, в Астрахани выходили и другие газеты, а также увидели свет несколько номеров юмористического журнала «Туп» («Пушка»). Примечателен и тот факт, что в Астрахани вышел в свет и первый номер газеты «Казахстан» на казахском языке.

Ключевые слова: национальная печать, периодическая печать, татары, мусульмане, общественное движение, политическая полиция.

M.M. Imasheva

Tatar national press in Astrakhan, in the period between two Russian revolutions

In the period between two Russian revolutions in Astrakhan issued the national Muslim-Tatar social movement. Tatar societies "Shurai-Islam" and "Jamiati-Islamiya" put the aim of cultural-educational activity among local Muslims. One of the means of its realization was the publication of periodicals in Tatar language. Within a short time newspapers "Burgani-Terakki" ("Progress") and

"Idel" ("Volga") gained popularity among the Astrakhan Muslims. Events in Russia and abroad, in areas with high Muslim population, articles about local events, humorous anecdotes, and announcements: all these and other headings were reflected in the pages of the Astrakhan Tatar Newspapers.

Due to the fact that Russian authorities in the early twentieth century, has closely followed the General mood of the Russian Ummah, the Astrakhan Tatar press has been under the scrutiny of the political police. Publishers of Newspapers were periodically brought to inquiry on charges of antigovernment activities. At the end, "Burhani-Terakki" and "Idel" were closed.

In addition to the two main publications, in Astrakhan there were also other Newspapers, and also several numbers of a comic journal the "Tup" ("Cannon") saw the release. Noteworthy is the fact that in Astrakhan was published the first issue of the newspaper "Kazakhstan" in Kazakh language.

Keywords: national press, periodicals, the Tatars, Muslims, social movement, political police.

Возникновение татарской периодической печати в Астрахани неразрывно связано с революционными событиями 1905–1907 гг. и последовавшими вслед за ними общественными трансформациями практически во всех группах населения огромной империи. Существенные сдвиги в общественном сознании произошли у российских мусульман. Была создана общероссийская мусульманская партия «Иттифак-аль-Муслимин», появились общественные организации мусульман в регионах со значительным мусульманским населением. Практически в каждом таком обществе была поставлена задача создания своего печатного органа на национальном языке. Не стала исключением и Астрахань.

Численность астраханского городского татарского населения была значительной. По количеству татарского населения в губернском центре во второй половине XIX в. Астрахань была на втором месте среди городов России (15 тысяч человек) после Казани (28 тысяч человек). В Оренбурге в это время татар проживало 11 тысяч, Симферополе – 9 тысяч (Шибаев, 1930, с. 46).

Наиболее прогрессивная часть татарского населения Астрахани к моменту появления собственных региональных изданий, была знакома с изданиями, имевшими общегосударственный масштаб. Прежде всего, это была газета «Терджиман» Исмаила Гаспринского, издававшаяся в Бахчисарае. Она получила распространение в среде образованных татар Астрахани. Ее выписывали «в небольшом числе экземпляров» в селах Астраханского уезда и в Ханской Ставке.

По словам астраханского полицмейстера в 1901 г., целый ряд лиц в Астрахани являлись корреспондентами «Терджимана». Среди них он назвал: муллу мечети № 2 Абдуллу Мяуситовича Абдуллина; второго муллу мечети № 2 Абдрахмана Измаиловича Умерова (Гумари); муэдзина мечети № 1 Мухамедкерима Фахретдиновича Умерова; астраханского мещанина Искака Ильясовича Абдрахманова и астраханского мещанина Абдула Ильясова. Кроме того, по сведениям полицмейстера, Абдрахман Умеров и Мухамедкерим Умеров выписывали из Стамбула журнал «Мономат», в котором состояли сотрудниками-корреспондентами.

Все эти лица были представителями татарской интеллигенции, они имели среднее конфессиональное образование (закончили медресе), полицмейстер писал, что «живут вполне зажиточно, особых каких-либо связей в мусульманской среде не имеют, кроме мулл, влияющих на прихожан, как духовные лица, ибо мусульманское население мало культурно и держится старых традиций» (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1712. Л. 9).

В ходе революционных событий летом 1905 г. мусульмане Астрахани выступают с инициативой создания культурно-просветительского национального общества. В ходе собраний, на которых присутствовали молодые татарские буржуа, владельцы недвижимости и небольших предприятий; священнослужители и мугаллимы; немногочисленная татарская городская интеллигенция, выдвигаются лидеры движения – Мустафа Лутфи Измайлов, Абдрахман Умеров, Искак Искандеров и др.

Устав мусульманского культурно-просветительского общества «Шурай-Ислам» был утвержден губернатором 9 октября 1906 г., хотя общество образовалось еще в начале года. Одной из целей общества было провозглашено просвещение мусульман. А средством к этому было издание периодической газеты.

Намерение издавать газету на татарском языке, высказанное обществом «Шурай-Ислам» в кадетской «Прикаспийской газете» 1 января 1906 г. было обозначено как «Подъем среди местных мусульман». За полгода до выхода первого номера, мусульманское общественное движение уже определилось с ее названием – «Бургани-Таракки» («Прогресс»), что она будет ежедневная. Определились и с ее программой, в которую вошли: телеграммы, местная жизнь, внутренние и внешние известия, биржевые сведения, статьи по вопросам нужд мусульманства, объявления и т.п. Подписная плата планировалась в 4 рубля в год (Прикаспийский край. 1906. 1 января. № 1).

Первый номер первой мусульманской газеты в городе Астрахани вышел в свет 8 июня 1906 г. под редакцией Мустафы Измайлова. Всего с 1906 по 1911 гг. увидели свет 146 номеров газеты. Направление газеты было обозначено как «прогрессивное». Однако с самых первых дней существования газеты власти сразу определяют ее характер, как, впрочем, и любой другой газеты мусульман в Российской империи, «панисламистским». Департамент полиции в циркуляре астраханскому губернатору отмечал: «…серьезным средством распространения идей панисламизма является и повременная мусульманская печать, служащая в большинстве случаев идеям панисламизма» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 146).

В передовице своего первого номера газета заявила, что «для нее все равны, начиная от высшего духовенства до последнего мусульманина». Она намеревалась «одинаково относится и к бедным, и к богатым», ведь так учит Коран: «Все вопросы общественной важности будут разрешаться прямо и откровенно, с точки зрения человеческой».

Фельетон первого номера касался состояния мусульманского населения. В нем говорилось о «непросвещенности массы, о необходимости просвещения ее, увеличения числа школ и других учреждений в деле народного образования». Еще одна статья была посвящена полемике между российскими мусульманскими газетами: петербургской «Ульфат» («Единство») и казанской «Йолдыз» («Звезды»). В вопросе о задачах и деятельности муфтиев «Бургани-Таракки» встала на сторону «Ульфата», порицавшего бездеятельность и консерватизм муфтиев, стремящихся, по мнению издания, держать мусульманский народ в невежестве. Астраханская газета выступает против казанской газеты, как раз защищавшей муфтиев, задавая вопрос: «Скажите, что сделали муфтии для народа в области просвещения, увеличивали ли они число образовательных школ?». И отвечает: «Нет!». Далее астраханская газета перечисляет мусульманские газеты в России, отмечает, что большинство их – «прогрессивного направления».

Астраханская демократическая печать, приветствовала первый мусульманский орган в Астрахани в «полезном, просветительском начинании». Редакция русскоязычной «Прикаспийской газеты» выразила пожелание Измайлову «объединить мусульман не в одних только религиозных целях, а и во имя дружной защиты гражданских прав всех народностей, их свободы и разумных вольностей» (Прикаспийская газета. 1906. 15 июня. № 121).

В целом, отклик астраханской общественности солидаризуется с реакцией на появление подобных изданий в других городах: «Появление национальных периодических изданий вызвало большой энтузиазм во всех слоях татарского общества. В публикациях на татарском языке еще более резко, чем в русской печати, подвергались критике клерикально-монархические правые издания, выражались симпатии в отношении прогрессивных газет и журналов» (Амирханов, 1988, с. 10).

Газета «Бургани-Таракки» стала выразителем интересов астраханского крыла мусульманского движения, ориентировавшегося на сотрудничество с российской партией кадетов. Отсюда и достаточно критические статьи и заметки в отношении властей общегосударственного и регионального уровней. В газете печатались как оригинальные статьи астраханских корреспондентов, в числе которых в 1909–1911 гг. заметное место занял Нариман Нариманов, а также перепечатки из других изданий.

В ноябре 1909 г. начальник астраханского жандармского управления отметил факт сотрудничества М.Измайлова с кадетской астраханской газетой «Прикаспийской газеты» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 68). Кроме того, жандармерия отмечала: «Газета Измайлова «Бургани-Таракки» содержит в себе, главным образом, статьи, взятые из газет турецких, персидских, выходящих в России; татарских, выходящих в России, и Бакинской русской газеты «Каспий»» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 164), «Основав Общество «Шурай-Ислам», Измайлов начал издавать газету на татарском языке «Бургани-Таракки», в которой помещал статьи противоправительственного содержания, а также перепечатывал подобные статьи из русских газет революционного направления. Газета «Бургани-Таракки» может служить очевидным доказательством революционного направления и взглядов Измайлова» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 68).

Власти отмечали, что в газете нашло отражение «рабочий вопрос» в мусульманско-татарской среде. В рубрике «Чит мәмләкәтләрдән хәбәрләр» («Новости из-за границы») постоянно печатались материалы о Турции. Параллельно с этим на страницах газеты помещались материалы о деятельности общества «Шурай-Ислам», годовом бюджете общества, достижениях и проблемах новометодной педагогики в Астрахани. Содержалась на страницах газеты и критика реакционного мусульманского духовенства. Почти в каждом номере газеты «Бургани-Таракки» публиковались фельетоны (Минуллин, 2009, с. 176).

В январе 1908 г. газета «Бургани-Таракки» и начавший выходить в ноябре 1907 г. юмористический журнал «Туп» («Пушка») попадают в поле зрения жандармов. Мустафу Измайлова и редактора «Туп» астраханского мещанина Хабибуллу Умерова, являвшегося в то время и секретарем общества «Шурай-Ислам» привлекают к следствию по обвинению в публикации на страницах своих изданий панисламистских материалов. Инициатором преследования стал заведующий первого министерского русско-татарского училища и, по совместительству, цензор изданий на татарском языке, И.Х. Искандеров. Он же был и соперником М.Измайлова в вопросах лидерства в астраханской мусульманской общине.

Измайлову было предъявлено обвинение «в устной противоправительственной пропаганде среди мусульман г. Астрахани, в возбуждении мусульман против русских и Государя Императора, а также в помещении в издаваемой им газете «Бургань-Таракки» статей с выражениями преступными в политическом отношении» (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722. Л. 68).

В итоге следствия, продолжавшегося в течение нескольких месяцев, доказательств вины М.Измайлова не было обнаружено, дело было прекращено, и его освободили от надзора полиции без каких-либо дополнительных санкций. Вместе с тем, проходивший по тому же обвинению Х.Умеров был приговорен к штрафу в 300 руб., третий, арестованный, номер журнала «Туп» оказался последним. Больше периодика юмористического характера в Астрахани на татарском языке не издавалось.

В октябре 1909 г. М.Измайлов был привлечен к дознанию по поводу публикации приветственной и хвалебной статьи в отношении политического ссыльного доктора Наримана Нариманова, который избрал Астрахань местом своего пребывания и оставил значительный след в местном общественном движении. В результате М.Измайлов был приговорен к штрафу в 200 руб. (ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 518. Л. 18).

Во второй половине 1910 г. общество «Шурай-Ислам» вступает в полосу кризиса. Наиболее умеренные члены хотят отойти от политики конфронтации с властями и создать благоприятные условия для себя в регионе. Они инициируют кампанию по отстранению М.Измайлова от дел общества, которая в итоге приводит к его отъезду из Астрахани навсегда в сентябре 1911 г. Чуть раньше, в июле 1911 г., перестает выходить оставшаяся без экономической поддержки татарской буржуазии города газета «Бургани-Таракки». Последней попыткой спасти издание стал отказ М.Измайлова от поста редактора. Новым редактором стал

житель селения Мюлкула Казахского уезда Елизаветпольской губернии Абдул Самед Ширинов. Он постоянно проживал в Астрахани в 4 участке, на Епанчинском бугре, в доме Чиняхова. Он был явно подставным лицом. Соратники Измайлова прямо называли Ширинова «человеком без образования». Ширинов занимался мелкой торговлей и редакцию «Бургани-Таракки» не посещал под предлогом болезни (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 514. Л. 13, 20). В итоге издание закрылось.

Отказ татарской буржуазии города финансировать издание стал весомой причиной закрытия. Поводом же стала позиция Измайлова по поводу празднования 25-летнего юбилея службы оренбургского муфтия Мухамедьяра Султанова. В статье от 14 марта 1911 г. М.Л. Измайлов открыто обвинял муфтия в том, что он в течение 25-летней службы не принес мусульманам никакой пользы и заботился только о том, чтобы угодить правительству, получая за это ордена и другие знаки отличия. М.Л. Измайлов сравнивал муфтия Султанова с армянским каталикосом в пользу последнего. Дескать, каталикосы всегда держали себя относительно русского правительства независимо, открывали для образования армян школы и были действительными руководителями и защитниками армян. Далее идет такое же сравнение оренбургского муфтия с Шейхуль-Исламом Мухамедом Пашазаде.

Из статьи Измайлова следовало, что главная цель празднования юбилея Султанова – сбор пожертвований на открытие татарской учительской школы в ознаменование юбилея. А в одной из последующих статей Измайлов написал: «Стремление общества к устройству юбилея муфтию подходит к позору и подражанию обезьян. Обязанность общества – с призрением относиться к подобным юбилеям. Пусть начальство – губернаторы – устроят для муфтия золотой престол, они ему обязаны, потому что муфтий Мухамедъяр безупречно служил правительству и лучше своих русских. Правительству простительно, сколько бы подарков не подносило муфтию» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 200 об.).

Совершенно иную позицию по этому вопросу занял другой орган татарской печати в Астрахани, выходивший в свет в 1907–1913 гг. – газета «Идель» («Волга»), ставшая одной из самых влиятельных газет в российской умме (Минуллин, 2009, с. 175). В ней была опубликована серия приветственных и восхваляющих муфтия статей.

Газету издавал астраханский татарский просветитель Абдурахман Умеров, на протяжении долгого времени являвшийся секретарем другого астраханского мусульманского общества «Джамияти-Исламия», объ-

единившего в своих рядах наиболее имущих членов астраханской махалли и приходское консервативное духовенство.

«Идель» была более умеренным изданием, так как члены «Джамияти-Исламия» тяготели к программе октябристской партии, не чужды им были монархические идеи. На страницах издания также печатались статьи, заметки, фельетоны и т.п. из жизни местной общины, всей российской уммы, а также мусульманских стран. Избегать преследований газете удавалось, в том числе и потому, что цензор И.Х. Искандеров был бессменным заместителем председателя общества. Несмотря на умеренный характер издания, одним из главных его сотрудников на протяжении нескольких лет был татарский социал-демократ Сагит Рамеев.

Одной из причин, приведших к опале издателя газеты «Идель» Абдурахмана Умерова, а в дальнейшем и к закрытию этого печатного органа, стали весьма неоднозначные заметки о ходе Балканских войн. Цензор И.Искендеров писал губернатору в марте 1913 г.: «В номерах газеты «Идель» встречал заметки о войне на Балканском полуострове, отпечатанные жирным шрифтом в тех случаях, когда победа была на стороне турок и союзные государства за все время, он, Умеров, называл врагами, всякие сведения о движениях младотурецкой партии он помещал без пропуска в передовых статьях «Идель». До настоящего времени Умеров выписывал исключительно только газеты младо-турецкой партии, номера которых мне попадались при ревизии его типографии» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 123). В июне 1913 г. А.Умеров был осужден и выслан из Астрахани, «Идель» перестала издаваться.

Ни «Бургани-Таракки», ни «Идель» так и не стали успешными коммерческими проектами. В начале 1910 г. астраханскому губернатору сообщали, что «постоянных подписчиков в обеих газетах мало и издание их поддерживается, главным образом, розничной продажей» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 152).

Кроме этих периодических изданий, оставивших значительный след в истории татарской общины региона, в предреволюционный период в Астрахани выходили еще несколько изданий. В феврале 1907 г. ахун Ады Ходжаев направляет губернатору заявление, в котором «ставил в известность» власти о том, что намеревается издавать в Астрахани, под личным редакторством крестьянина Дубровской волости Кузнецкого уезда Саратовской губернии Абубекира Абушахмановича Дашкина газету под названием «Ислах» («Мир») на татарском языке с выходом от 2 до 3 раз в неделю. 5 марта 1907 г. было выдано разрешение на выпуск

газеты. В апреле все права на издательство газеты были переданы астраханскому мещанину Абдулле Алиевичу Ильязову (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1712. Л. 10–12). Но, выпустив в свет 4 номера и убедившись в их нерентабельности, газету перестали издавать. Такая же судьба в ноябре 1907 г. постигла и газету «Хамиат» («Богатырь»), которую для юношества пыталось начать издавать общество «Шурай-Ислам». В свет вышло всего 7 номеров.

После того, как стало ясно, что «Бургани-Таракки» обречена, в феврале 1911 г. Измайлов стал ходатайствовать о разрешении на издание новой газеты «Бир копек» («Копейка»). Планировалось, что выходить она будет 4 раза в неделю и стоить одну копейку. В целях безопасности редактором ее был выставлен все тот же Ширинов, но издание в свет так и не вышло (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 154). Тогда же планировалось начать издавать так и не вышедшую в свет газету «Хак» («Правда») (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 514. Л. 29 об.).

В середине июня 1914 г. из печати вышел первый номер газеты «Халык» («Народ») (Астраханский вестник. 1914. 31 мая. № 115). Газета была очень нужна, так как именно в это время мусульманская община Астрахани осталась совсем без периодической печати на родном языке: газета «Идель» прекратила выходить, редактор которой А.Умеров был выслан из города (Астраханский вестник. 1914. 31 мая. № 115).

Разрешение на издание газеты «Халык» было выдано 28 мая 1914 г. В июне вышел первый номер, а в середине февраля 1915 г. астраханский губернатор получил весьма неприятное письмо от Начальника Казанского военного округа генерала от инфантерии Гейсмана и начальника штаба генерал-майора Сухомлинова.

Как известно, Россия, вступив в Первую Мировую войну на стороне Антанты, оказалась в состоянии войны с Турцией. И военной цензурой было отмечено, что «издающаяся в Астрахани татарская газета «Халык», со времени начала войны, …освещает военные события на Кавказском фронте весьма тенденциозно и в духе, далеко не враждебном Турции». Так, например, в № 48 от 16 декабря 1914 г. была помещена такая заметка: «Энвер Паша. Тифлис. Принявший главное начальство над турецкими войсками в Армении Энвер паша хвастливо заявил своему штабу, что в успехе он не сомневается, возьмет Кутаис, а затем и Тифлис. Под начальством Энвер паши находится 100000 штыков и сабель». Цензура посчитала, что «малокультурный читатель из татар» может прочитать слово «хвастливо», как «гордо». А сама заметка была на-

печатана без необходимых комментариев, а потому могла быть истолкована в смысле восхваления силы и могущества турок, «которые вскоре отнимут у России чуть ли не весь Кавказский край». Далее, «о блестящей победе русских над турками, известие о коей появились 21 декабря в телеграммах и более подробно 23 декабря в прессе газета «Халык» не обмолвилась ни единым словом». Только 2 января 1915 г. в № 53 на третьей странице обыкновенным, мелким шрифтом было напечатано: «Исхан Паша. Взятый в плен под Саракамышем Исхан Паша говорит, что поражение турок произошло в виду неустойчивости турецкого войска, что он, Исхан Паша, решился на бой, надеясь получить подкрепление, но турецкие войска не поспели ему на помощь. Другие пленные турки в Тифлисе подтверждают тоже самое».

Начальство военного округа считало, что такой подбор заметок о военных действиях и умалчивание о русских победах, а затем «как бы оправдание неудачи турок, не может не произвести соответствующего впечатления на те темные фанатические мусульманские массы, которые читают в деревнях и аулах эту газету и считают турок за родственных им людей по вере и по крови». Также неправильным было и то, что о зверствах турок в этой газете не было упомянуто ни разу.

Начальник Казанского военного округа считал направление газеты «Халык» вредным «для военных интересов России» (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1712. Л. 12–12 об.). Астраханский губернатор 21 февраля 1915 г. срочно вызвал цензора мусульманской печати И.Х. Искендерова, а на следующий день, «во избежание нежелательных эксцессов» в среде мусульман и на основании п.8 ст.26 «Правил о чрезвычайной охране» постановил «приостановить на все время объявленного чрезвычайного положения» деятельность редакции газеты «Халык», так как ее дальнейшее издание «может вредно сказаться на военных интересах России» (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1712. Л. 13–14).

В сентябре 1914 г. «местная мусульманская молодежь» планировала начать издавать журнал «Жуйнтык» («Мелочи») (Астраханский вестник. 1914. 11 сентября. № 195). Но поддержки эта идея ни у властей, ни среди татарского населения не получила.

Следует отметить и еще один очень важный исторический факт. Появление татарских газет и типографий в Астрахани послужило началом издания казахской периодической печати. В 1911 г. в Астрахани вышло два номера первой газеты на казахском языке «Казакстан». Издавать ее начал народный учитель казах Букеевской орды Имусин Бюй-

рин. Газета эта, по мнению жандармерии, «по своему характеру и направлению была леворадикальная». Печаталась газета в типографии «Окур и Апресянц».

По имевшимся у властей сведениям, редактор Бюйрин, нуждаясь в средствах на издание газеты, при содействии и посредничестве местных татарских газет «Бургани-Таракки» и «Хак», вошел в союз с издателями кавказских газет с целью поддержания его газеты. Как заявляла сама газета, она получила пособие от Зейналабдина Тагиева в 1000 руб. на дальнейшее ее существование. Астраханской жандармерии не было известно о сотрудниках газеты, и по каким причинам она перестала выходить.

Однако вскоре стало известно, что в г. Уральске издание газеты под тем же названием «Казакстан» И.Бюйрин возобновил в конце того же 1911 г.

Председатель Временного Совета по управлению Внутренней Киргизской Ордой добавил от себя, что газета «Казахстан» распространялась среди казахов Орды. По свидетельствам некоторых лиц, Бюйрин брал деньги у некоторых зажиточных казахов на издание газеты. Но газета оказалась «вообще малосодержательной», за исключением перепечаток из других газет, в которых описывались разные мелкие случаи, такие как проводы отъезжающих лиц на службу в другую местность. Фельетоны, по словам самого Бюйрина, касались больше жизни киргиз, их хозяйства и вообще были направлены «к улучшению их быта» (ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д. 297. Л. 359, 361, 364).

В заключении хотелось бы отметить, что астраханская периодическая печать на татарском языке предреволюционного периода оставила заметный след в истории не только региона, но и всего татарского народа. Она способствовала пробуждению национального самосознания, и, безусловно, ее появление было связано с традициями, заложенными в 1880–1890-е гг. Исмаилом Гаспринским и его газетой «Терджиман».

Источники и литература

1. *Амирханов* Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). М., 1988.
2. *Астраханский вестник. 1914. 31 мая. № 115.*
3. *Астраханский вестник. 1914. 11 сентября. № 195.*
4. *ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1712.*
5. *ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722.*
6. *ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297.*

7. *ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 518.*
8. *ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 514.*
9. *Миннуллин* Б.К. Татарская периодическая печать Астрахани начала XX века // Научный Татарстан. 2009. № 4.
10. *Прикаспийская газета. 1906. 15 июня. № 121.*
11. *Прикаспийский край. 1906. 1 января. № 1.*
12. *Шибаев* В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР // Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. Выпуск 2. Л., 1930.

Имашева Марина Маратовна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, этнологии и археологии Института международных отношений, истории и востоковедения, отделения Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); e-mail: imaschewa@yandex.ru

Imasheva Marina Maratovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Ethnology and Archeology, Kazan Federal University (Kazan)

УДК 323.1(091)(470.344)"1900/1917"

В.Н. Клементьев

К вопросу об идеологии и организационных формах чувашского национального движения в начале XX в.

В статье рассматриваются формирование и развитие идеологических и организационных основ чувашского национального движения в период с 1905 г. по октябрь 1917 г. Отмечается, что оно прошло ряд этапов в своем развитии, соответствующих революции 1905–1907 гг. и Февральской революции 1917 г. Уже в ходе первой революции проявилась достаточно сильная общественно-политическая мобилизация чувашского этноса. Свидетельством чего стали возникновение у чувашей общественных объединений и союзов, общенационального печатного органа и парламентариев, выдвижение лозунга национально-культурной автономии как программного требования чувашского национального движения. Констатируется, что в среде национальных лидеров и интеллигенции четко определилось три лагеря в отношении перспектив развития чувашского народа: умеренно-консервативный, либеральный и радикальный. Первый представляли миссионеры и авторитетные деятели национального образования, противники любых революционных шагов и радикальных ломок И.Я. Яковлев, священники Д.Ф. Филимонов и А.С. Иванов. Второе направление, лидером которого являлся Н.В. Никольский, связывало решение национальных проблем с расширением политических и гражданских прав и свобод, с конституционными реформами. Радикальное крыло в национальном движении чувашей представляли Т.Н. Николаев, Г.Ф. Алюнов, С.И. Игнатьев, П.А. Алексеев и др., которые видели путь к национальному освобождению в революции, классовой борьбе, свержении самодержавия, уничтожении любых форм социального гнета.

Мощным катализатором движения за национальное самоопределение чувашей стала Февральская революция 1917 г. Произошла окончательная институализация чувашского национального движения: оно превращается в социальный институт, устанавливаются его организационные формы и идейно-политическая платформа с четко сложившимися целями и программой действий. Приоритетной задачей остается национально-культурное возрождение и достижение культурно-национальной автономии. В качестве предметов самоопределения также обсуждаются общественно-политическое, социальное состояние чувашского народа, государственное устройство страны и при этом у чувашских лидеров отсутствуют какие-либо проявления сепаратизма и наблюдается весьма осторожный поход к вопросу о территориальном статусе этноса.

Ключевые слова: Идеология, организационные формы, чувашский народ, национальное самоопределение, национально-культурная автономия.

V.N. Klementyev

On ideology and organizational forms of the Chuvash national movement in the early 20th century

The article considers the formation and development of the ideological and organizational fundamentals of the Chuvash national movement during the period of 1905–1917. It is noted that in its development the latter has passed a number of stages, corresponding to the revolution of 1905–1907 and that of February 1917. Already in the course of the First revolution, a sufficiently strong socio-political mobilization of the Chuvash ethnos was revealed. The origin of public associations and unions, nationwide press organ and parliamentarians among the Chuvash, advancement of the slogan of the national-cultural autonomy as a program requirement of the Chuvash national movement became the evidence of the latter. It is stated that among the national leaders and intelligentsia there are three clear camps regarding the perspectives of the development of the Chuvash people: medium-conservative, liberal and radical. The first was represented by the missionaries and brains of the national education, the opponents of any revolutional steps and radical demolitions I.Ya. Yakovlev, priests D.F. Filimonov and A.S. Ivanov. The second direction, the leader of which was N.V. Nikolskiy, connected the solution of national problems with widening of political and civil rights and freedoms, and with constitutional reforms. The radical wing of the national movement of the Chuvash was represented by T.N. Nikolayev, G.F. Alyunov, S.I. Ignatyev, P.A. Alexeyev and so forth, who saw the way to the national liberation in revolution, class struggle, annihilation of any form of the social oppression.

The revolution of February 1917 became a powerful accelerator of the movement for the national self-determination of the Chuvash. A final institutionalization of the Chuvash national movement took place: it turns into the social institute, its organizational forms and ideological-political platform with clearly-set objectives and action program are established. The national-cultural rebirth and realization of the cultural-national autonomy remains a priority task. The socio-political, the social situation of the Chuvash people, and the state structure of the country are also discussed as the themes of self-determination, and, however, among the Chuvash leaders there are no demonstration of separatism, and an extremely conservative approach to the territorial status of the ethnos is slow.

Keywords: Ideology, organizational forms, the Chuvash people, national self-determination, national-cultural autonomy.

История национального движения чувашского народа является одной из приоритетных тем в местной историографии. Ее изучение началось в 20-е гг. XX в. и продолжает сохранять свою актуальность до настоящего времени (Петров, 1926; Павлов, 1957; Кузнецов, 1960; Любимов, Юлдашбаев, 1967; Изоркин, 1999; Немцева, 2002; Щербаков, 2013; Клементьев, 2014), поскольку не исчезает потребность в дальнейшем и более глубоком научном анализе темы, а также новом осмыслении ранее некорректно решенных проблем в историографии по названной проблематике.

Предметом исследования настоящей статьи является анализ чувашского национального движения в хронологических рамках 1905 г. – октябрь 1917 г. – с момента зарождения его организационных форм и идеологии вплоть до установления советской власти в стране. Революция 1905–1907 гг., по образному выражению авторитетного исследователя национальных движений в дореволюционной России А.Каппелера, стала генеральной репетицией «весны народов 1917–1920 гг.» (Каппелер, 2005, с. 402). Она резко стимулировала развитие чувашского национального движения, способствовала росту национального самосознания; в ней, наряду с чисто экономическими, социальными и политическими лозунгами, достаточно четко проявились национальные потребности и запросы в массе своей аграрного чувашского населения. Об этом свидетельствуют приговоры чувашских крестьян, в которых вместе с требованиями передачи всей земли без выкупа в общую собственность всего народа, отмены всех недоимок и выкупных платежей; гражданского равноправия всех, свободы печати, самого широкого местного самоуправления и т.д., ставились цели равноправия языков, обучения на родном языке (Крестьянское движение, 1955, с. 59–61).

В национальных регионах этническое движение неразрывно переплеталось с массовым социальным протестом, крестьянским движением, Особенно резонансными стали выступления в августе 1906 г. чувашских крестьян Чебоксарского уезда (Тамошний, 1906, с. 3; Альфа, 1906, с. 3–4; 1905 г., т. I, 1925, с. 482–483), и в феврале 1907 г. жителей селений Чемеево, Лебедкино, Хозанчино и Ихонькино Ядринского уезда. В Ядринском уезде они приняли характер вооруженного сопротивления, о чем было доложено министру внутренних дел П.А. Столыпину и царю Николаю II (Национальные движения, 1935, с. 314–317).

На почве социальной борьбы в годы первой революции выявлялись национальные лидеры чувашского народа. Одной из наиболее извест-

ных и ярких фигур стал чувашский революционер эсер Т.Н. Николаев (Хури), о котором чуваши с благоговением говорили как о «дорогом друге народа» (Путевые наброски, 1906, с. 3). В докладной записке министру внутренних дел от предводителя дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов С.А. Бекетова отмечалось, что среди чувашского населения началась агитация «в пользу образования особой чувашской народной организации» и во главе этого движения стоит студент Казанского ветеринарного института Т.Николаев (1905 г., т. I, 1925, с. 482). Вокруг Николаева сложилась группа активных участников освободительной борьбы из числа интеллигенции Чебоксарского уезда, которая оказывала ему содействие в «ведении противоправительственной пропаганды» и устройстве митингов (Национальные движения, 1935, с. 305–308). Фигура и деятельность Т.Н. Николаева вызывали большие опасения и находились под пристальным вниманием жандармских чинов (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 539. Л. 60–61 об.).

Под давлением революционного натиска Николай II пошел на изменение государственного устройства России – создание законосовещательного органа в лице Государственной думы. С появлением Думы представители национальных регионов впервые получили возможность «легальной политической презентации своих интересов и вхождения в политическую элиту и политическую жизнь страны» (Цианчук, 2001, с. 139). Выборы в Государственную думу заняли важное место в общественной и политической жизни чувашей. На страницах печатных изданий давалась информация о том, как проходила избирательная кампания, об устранении от участия в выборах враждебных правящему режиму лиц; характеристики кандидатам в Государственную думу; сведения о составе депутатов российского парламента от губерний с чувашским населением (Р.В., 1907. № 177, с. 4; Как выбирают представителей из чувашей, 1907, № 3, с. 19–20; Депутаты второго созыва, 1907, № 6, с. 2; Буинский, 1907, № 2, с. 2).

Одним из самых значимых результатов революции 1905–1907 гг. для чувашей явилось появление национальной газеты на чувашском языке. 5 января 1906 г. Н.В. Никольский получил свидетельство, подписанное исполняющим обязанности казанского губернатора полковником А.А. Рейнботом на издание в г. Казани газеты «Хыпар» (НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. № 214. Инв. № 1614. Л. 1). В программу печатного органа заложили широкую просветительную программу: освещать текущие события в стране и за рубежом, жизнь чувашского и других народов, со-

циально-экономические вопросы и вопросы крестьянской общественной жизни, просвещения и литературно-издательской деятельности. Газета «Хыпар» стала рупором и выразителем интересов чувашского народа. В редакцию в большом количестве поступала корреспонденция от грамотных чувашей, в которых артикулировались национальные нужды и запросы; говорилось о необходимости созыва общечувашского съезда для обсуждения путей улучшения жизни чувашского народа (Польза газеты. 1906. № 1, с. 1; Говоря восторженно, 1906, № 8, с. 126–127). Печатный орган пропагандировал и ратовал за избрание депутатом Государственной думы представителя чувашей, освещал на своих страницах депутатскую деятельность члена Государственной думы чуваша Я.А. Абрамова (О газете, 1906, с. 299–300; Тимерсен ачи, 1906, с. 374).

Разрешенная правительством свобода слова позволила относительно свободно обсуждать в печати «национальный вопрос». Свидетельством чего стал цикл статей, опубликованный в газете «Симбирские вести» в августе 1906 г. под названием «Старая и новая постановка инородческого вопроса». В них автор освещает историю и современное ему состояние национального вопроса в Поволжье. Отмечает роль Н.И. Ильминского, И.Я. Яковлева, Симбирской чувашской школы в развитии национального образования и подготовки национальных кадров Также он формулирует актуальную повестку дня в решении национальных проблем применительно к «инородцам» Поволжья: обеспечение их землей, передачу местного самоуправления «в целом ряде случаев в руки инородцев», организация учительских союзов, обществ «в целях изучения своего племени», представительство национальностей в государственных органах, расширение национального образования и издательства (А-ев, 1906. № 173, с. 3; № 174. с. 2–3;. № 176, с. 2–3).

Нужно отметить и публикацию в газете «Волжский вестник», озаглавленную «На смерть Победоносцева», в которой дается нетипичная оценка этому общепризнанному консервативному государственному деятелю. Автор статьи пишет, что Победоносцев, стремившейся «всех подданных империи превратить в истинно-русских», «гнавший инородческие окраины», при этом благоволил до самой могилы «к чувашам и их культуртрегерам». Покровительство К.П. Победоносцева просвещению чувашей, лично И.Я. Яковлеву публицист объясняет тем, что чувашский просветитель и его наставник «великий учитель инородцев» Н.И. Ильминский принялись деятельно искоренять среди чувашей язы-

чество и насаждать «истинный русизм»: православие, верность самодержавию, русский патриотизм (Серый чувашин, 1907, с. 2).

Дарованная в ходе революции 1905–1907 гг. «свобода печати» была весьма условной и носила ограниченный характер. Чувашская национальная печать подвергалась жесткой цензуре и постоянному прессингу. Редакторов газеты «Хыпар» и ее тиражи арестовывали и конфисковывали; в редакции проводились обыски (НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 214. Инв. № 1614. Л. 13; Из Поволжья, 1906, с. 3; НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 93. Л. 2–2 об.; Наша печать, 1907, с. 3; Свой, 1907, с. 3; НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 494. Л. 5–5 об.). Была арестована изданная З.М. Таланцевым на чувашском языке брошюра «Гражданская свобода» (НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 214. Инв. № 1616. Л. 2). По требованию начальника казанского губернского жандармского управления полковника К.И. Калинина рукописи и литература на чувашском языке должны были губернским комитетом по делам печати рассматриваться на предмет «преступного содержания» (НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 90. Л. 51, 52).

Революция всколыхнула национальную интеллигенцию и побудила ее к активному обсуждению проблем и перспектив национально-политического развития чувашского этноса. Причем четко определились три лагеря: умеренно-консервативный, либеральный и радикальный. Первое направление представляли авторитетные миссионеры и деятели национального образования, противники любых революционных шагов и радикальных ломок И.Я. Яковлев, священники Д.Ф. Филимонов и А.С. Иванов. В письме Д.Ф. Филимонова к Н.В. Никольскому от 6 ноября 1906 г., а также в статье о необходимости созыва всеобщего съезда деятелей по образованию чувашей для их автора абсолютно неприемлемо «выставить маленькую чувашскую нацию (малоразвитую) на арену политической борьбы во имя социализма» (НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 163. Инв. № 4864. Л. 276). Первейшая задача, по его мнению, заключается в том, чтобы «чуваши «прежде всего усвоили себе общечеловеческую культуру и шли по пути прогресса» (ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 76 об.). В унисон Д.Филимонову были размышления А.С. Иванова, который отмечал, что чувашские юноши вместо того, чтобы «совместно работать с духовенством над просвещением и образованием темных своих соплеменников» увлеклись освободительным движением и присоединились к революционерам. Он резко критиковал редакцию газеты «Хыпар», которая, как он считал, оказывает на чувашей самое вредное и развращающее влияние (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2208. Л. 70–71).

Второе направление, лидером которого являлся Н.В. Никольский, связывало решение национальных проблем с расширением политических и гражданских прав и свобод, с конституционными реформами, со свободным развитием национального языка и культуры.

Радикальное крыло в национальном движении чувашей представляли Т.Н. Николаев, Г.Ф. Алюнов, С.И. Игнатьев, П.А. Алексеев и др., которые видели путь к национальному освобождению в революции, классовой борьбе, свержении самодержавия, уничтожении любых форм национального и социального гнета.

Ведущей организационной формой деятельности чувашской интеллигенции стали союзы учителей, которые отличались выраженной политизированностью и оппозиционностью к существующему политическому строю. 1–2 августа 1906 г. недалеко от г. Симбирска состоялся нелегальный съезд чувашских учителей с участием около 50 делегатов из Казанской, Симбирской, Уфимской и Самарской губерний. Газета «Волжский вестник» в связи с этим событием писала: «Съезд был созван группой молодых чувашских интеллигентов для обсуждения вопроса об объединении всех прогрессивно настроенных деятелей по образованию чуваш в особый союз с широкими просветительными и политическими задачами» (Ал.-Хв.-Кев., 1906, с. 4). Союзу дали название «Кружок деятелей по образованию чуваш», он признавался филиалом Всероссийского съезда учителей. Был принят устав, в котором провозглашалось, что целью «кружка» является поднятие умственного и экономического состояния чуваш, в частности, развитие их политического самосознания. Средствами для достижения этих целей провозглашались: издание и распространение периодических органов на чувашском языке, борьба за реорганизацию школьного и внешкольного образования чувашей «на началах свободы и строгого демократизма» (Устав кружка, 1906). Возникли и уездные союзы чувашских учителей, в частности, в Буинском уезде. Программа действий членов этого союза включала политическую деятельность, по оценкам полицейских чинов, «стремящаяся к ниспровержению существующего политического строя» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2188. Инв. № 8400. Л. 483–484).

Большинство прогрессивно настроенной чувашской интеллигенции поддерживало программу партии эсеров, которые в отношении решения национального вопроса выдвигали требование культурно-национальной автономии. Эсерами являлись видные деятели национально-освободительного движения: Т.Н. Николаев (Хури), Г.Ф. Алюнов, С.И. Игнатьев, Ф.Н. Николаев (Сергеев), Д.П. Петров, С.Н. Николаев, Н.Ф. Беляев.

С подавлением революции власти попытались вернуть все уступки, сделанные в период полусвобод. Усилилась политика этнозапретительства, прежде всего в сфере использования национального языка, национального образования. В мае 1907 г. было прекращено издание газеты «Хыпар». Симптоматичным было решение совещания при Государственной думе об инородческих школах. В постановлении, опубликованном в газете «Речь» (21 ноября 1909 г.) среди инородческих языков, на которых можно было вести преподавание, отсутствовал чувашский язык. Это вызвало возмущение видного чувашского национального деятеля священника Д.Ф. Филимонова, который обратился с «докладом» к депутату Государственной думы И.С. Клюжеву, где доказывал, что численность чувашей и школ, угроза исламизации «дают полное основание признать чувашский язык преподавательским…». Он также подчеркивал, что применяемая в инородческих школах система Н.И. Ильинского, основана на использовании чувашского языка в обучении (НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 186. Инв. № 5240. Л. 1–10).

Заслуживают внимания и решения Казанского губернского дворянского собрания о постановке дела инородческого образования в губернии, пронизанные великорусским шовинизмом: нерусские народы Поволжья обвинялись в «сепаративных стремлениях», осуждалась система Н.И. Ильминского, которая «прямо соответствует означенным сепаративным стремлениям»; предусматривалось создание специальной комиссии для разработки мероприятий «по борьбе с инородческим сепаратизмом» (Губернское дворянское собрание, 1911, с. 3).

Вместе с тем в среде русской общественности высказывались и демократические воззрения по реализации национальной политики в отношении немусульманских народов Поволжья. Показательно письмо в редакцию газеты «Окраины России» попечителя Казанского учебного округа А.Деревицкого и епископа Андрея в защиту инородческой школы Поволжья, опубликованного 26 марта 1911 г. Они не согласились с тем, что «инородческое население» Казанской губернии «проникается сепаратистскими стремлениями, … благодаря преподаванию на местном языке», позитивно оценили роль Симбирской чувашской учительской школы, деятельность Казанской переводческой комиссии; высказались за развитие «национализма» чувашей, мари, удмуртов «в противовес татаризации» (Епископ Андрей, 1911, с. 193–196).

Свержение царизма в феврале 1917 г. вызвало новый подъем политической активности и национального самосознания, демократизацию всей сферы национальных отношений. Вернувшись к решению задач,

неразрешенных в 1905–1907 гг., достижениям, утерянным в период реакции, Февральская революция 1917 г. вместе с тем выдвинула перед национальной интеллигенцией новые цели, прежде всего, относительно организационного сплочения и выработки идейно-политической платформы чувашского национального движения. На первых порах его доминирующей организационной формой стало политическое объединение немусульманских народов Среднего Поволжья и Приуралья – Общество (впоследствии Союз) мелких народностей Поволжья, созданное 22 марта 1917 г. и возглавляемое Н.В. Никольским. В тоже время стали активно возникать и сугубо чувашские организации. В Уфе 23 марта 1917 г. образовалось Уфимское чувашское национальное общество с задачей «объединения интеллигентных и народных сил чуваш» (Гурий Комиссаров, 1999, с. 326–328). 26 апреля 1917 г. состоялось организационное собрание Совета депутатов воинских чинов Казанского гарнизона (Полковая жизнь, 1917, с. 4). В Симбирске весной 1917 г. действовало два чувашских общества: одно объединяло чувашей военнослужащих, другое – гражданских лиц (А.М., 1917, с. 4).

Общество мелких народностей Поволжья инициировало проведение 15–22 мая 1917 г. в Казани I съезда мелких народностей Поволжья, ставшего важной вехой в нациестроительстве народов региона, в том числе и чувашей: был обсужден весь комплекс проблем и задач развития от культурно-просветительских до местного самоуправления, государственного устройства страны и церковных вопросов. По одному из главных вопросов, рассмотренных на съезде, – о государственном устройстве страны – чувашские делегаты, участники дискуссии (Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н Николаев) однозначно высказались за унитарную демократическую республику с предоставлением широкой культурно-национальной автономии «всем мелким народностям», признав возможным переход к федеративному государству «при наступлении соответствующих культурно-политических условиях» (Протоколы 1-го общего собрания, 1917, с. 5–12).

В начале августа 1917 г. в Казани был проведен II съезд мелких народностей Поволжья, работа которого достаточно широко освещалось на страницах губернской прессы. Основное внимание он уделил выборам в Учредительное собрание, агитации среди военнослужащих и развитию национального образования народов региона и утвердил устав преобразованного в Союз Общества мелких народностей Поволжья (Съезд мелких народностей Поволжья, 1917, № 15, с. 3; № 16, с. 3–4; № 17, с. 3).

Однако логика процессов национального развития народов Среднего Поволжья в послефевральский период неизбежно приводила к организационной дифференциации этнического движения народов региона и сделала актуальной задачей проведение общечувашского национального съезда, призванного сформулировать стратегию национального возрождения и определиться с выбором идеологической платформы. Подготовка к созыву всероссийского чувашского форума была обсуждена на заседании чувашской секции I съезда мелких народностей Поволжья, на котором определились со сроками и представительством делегатов с мест (Ширновой, 1917, с. 1). За неделю до созыва всероссийского съезда чувашей газета «Камско-Волжская речь» 13 июня 1917 г., опубликовала программу его работы и от имени организационного бюро съезда призвала чувашскую интеллигенцию принять живейшее участие в работе национального форума (Всероссийский чувашский съезд, 1917, с. 4).

I общечувашский национальный съезд прошел в г. Симбирске 20–28 июня 1917 г. Резолюции, принятые съездом, но без его стенограммы вскоре были изданы в виде отдельной брошюры (Резолюции и пожелания, 1917). I общечувашский национальный съезд завершил работу созданием Чувашского национального общества (ЧНО) как центральной чувашской организации, избрал его правление.

Структурирование чувашского национального движения происходило также в формах объединения чувашей, проживающих в отдельных губерниях, этнических и профессиональных групп. Одним из наиболее деятельных являлось Уфимское чувашское национальное общество, возглавляемое Г.И. Комиссаровым. Оно стало формировать широкую сеть местных национальных обществ в губернии. В мае 1917 г. провело съезд уфимских чувашей, на котором была выработана организационная структура, программа, идейная платформа Уфимского чувашского национального общества (Жизнь чуваш, 1917, № 14. с. 2–3; № 15, с. 2).

Среди этнических групп чувашей особую активность в 1917 г. проявили представители верховых чувашей (этнической части, населяющих северо-запад Чувашского края – территории Ядринского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии и Курмышского уезда Симбирской губернии). В июне 1917 г. организационное бюро по устройству вирьялского общества чувашей обратилось к соплеменникам и в органы управления в местах их проживания с призывом образовать отдельное «Вирьялское общество чуваш», чтобы защищать «наши общенациональные и местные вирьялские интересы» (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 245. Инв. № 5885. Л. 383; ГИА ЧР. Ф. 546. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–31 об.). 25 июля

1917 г. в с. Аликово открылся организационный съезд вирьялских чувашей. Однако в тот же день в селе было созвано волостное собрание по вопросу выполнения закона о хлебной монополии. Крестьяне устроили бунт, произошло столкновение с властями и делегатами съезда, из-за чего он был сорван и Общество вирьялских чувашей не было создано, несмотря на попытки повторного созыва вирьялского съезда во второй половине 1917 г. (Обращение к верховым чувашам, 1917, с. 4; Михетер, 1917, с. 4).

Составной частью национального чувашского движения явились чувашские военные организации. В годы Первой мировой войны в армии оказалась значительная часть наиболее передовой, образованной прослойки чувашского населения; в тылу, в городах Поволжья сосредотачивалось много запасных военных частей. В одной только Казани в отдельные периоды военнослужащих чувашей насчитывалось свыше 5 тыс. чел. (Макаревский, 2008, с. 36). Чуваши-армейцы стали создавать свои военные организации, которые появились в Кронштадте, Казани, Симбирске, Уфе, Белебее, Бугульме, гарнизонах Оренбурга, Термеза (Туркестан) и др. местах. Особенно заметное влияние на национальное движение этноса оказал Казанский чувашский военный комитет, именовавшийся также Казанской чувашской военной организацией (первоначально до начала мая назывался Советом депутатов чувашских воинских чинов). В воззвании, принятом на заседании 13 августа 1917 г., и в «Наказе», опубликованном 7 сентября 1917 г., организация продекларировала цели своего создания: для культурно-просветительной работы «в среде чуваш как военных, так и сельских с целью ознакомления их с фактами и событиями жизни нашей страны и разъяснения смысла и значения этих фактов и событий» (Воззвание, 1917, с. 4). В своей деятельности Казанский чувашский военный комитет предусматривал укрепление и расширение завоеваний революции, поднятие воинской дисциплины и духа, устройство внутренней жизни военнослужащих чувашей, формирование их сознательного отношения к текущему политическому моменту и т.д. (Наказ, 1917, с. 4).

Занимая левое крыло в общедемократическом национальном движении, чувашские военные комитеты в дооктябрьский период достигали своих целей главным образом, культурно-просветительными задачами. Усиление политической составляющей и установление ведущей роли «солдатского фактора» в процессах национально-демократического движения чувашского этноса произошло уже после Октября 1917 г.

В 1917 г. одним из главных вопросов, стоявших в повестке дня чувашского национального движения, стали выборы призванного устано-

вить основы конституционного, государственного и экономического строя новой России Учредительного собрания «без рассмотрения и санкции которого», – как отмечалось на I общечувашском национальном съезде, – невозможно «удовлетворительное решение чувашского национального вопроса» (Резолюции и пожелания, 1917, с. 11). Подготовка к выборам в Учредительное собрание, определение кандидатов в депутаты от чувашей, агитация за них заняли очень важное место в деятельности национальных организаций и на страницах газеты «Хыпар» (Слушатель, 1917, с. 4; Юлташ, 1917, с. 4). Основной спор шел о том – выступать ли чувашам при выборах во всероссийский парламент с национальным списком или иными списками (Жизнь чуваш, 1917, № 34. с. 4). Было решено на выборы во Всероссийское Учредительное собрание по Казанской, Симбирской и Самарской губерниям, не вступая ни в какие блоки, выступать с самостоятельным национальным списком. Окончательно состав чувашского национального списка из 7 кандидатов утвердил II общечувашский национальный съезд, прошедший в Казани 28–30 сентября 1917 г. (Васильев, 1917, № 101, с. 2; № 102, с. 2). На выборах национальный список был выставлен по Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерниям.

В связи с обсуждением вопроса о выборах депутатов Учредительного собрания шли дискуссии и вокруг такой проблемы – и не только на официальных чувашских форумах, но и на страницах национальной прессы с участием корреспондентов «Хыпар» – каким должно быть государственное устройство страны: федеративным или унитарным и место в России чувашей (Йемел, 1917, с. 1; Юлташ, 1917, с. 4; Илгача Микулайе, 1917, с. 3–4).

К октябрю 1917 г. произошла окончательная институализация чувашского национального движения: оно превращается в социальный институт, устанавливаются его организационные формы и идейно-политическая платформа с четко сложившимися целями и программой действий. Характеризуя национальное движение чувашей в первые два десятилетия XX в., можно говорить о том, что оно прошло ряд этапов в своем развитии – этап национально-культурный. Приоритетными на этом этапе являлись задачи возрождения и развития национального языка, культуры, национального образования и печати, лозунг национально-культурной автономии, как программное требование чувашского национального движения. После февральской революции 1917 г. также стали активно обсуждаться политическое состояние, государственное устройство страны, но при этом у чувашских лидеров отсутствовали какие-либо проявления се-

паратизма и наблюдался весьма осторожный подход к вопросу о территориальном статусе этноса. С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г., провозглашением советским правительством права наций на самоопределение вплоть до отделения, последовавшей затем «территориализации этничности на принципах советского федерализма» (Зорин, 2003, с. 67), программные положения чувашского национального движения начинают эволюционировать к целям территориального самоопределения: первоначально в виде областной автономии народов Среднего Поволжья и Приуралья (проекты создания Урало-Волжского штата, Татаро-Башкирской советской республики), а затем национально-территориальной автономии чувашей. На этом этапе национальное движение чувашей перерастает в борьбу за территориальное самоопределение этноса. После создания в июне 1920 г. Чувашской автономной области следует говорить о начале этапа национально-административного, национально-государственного строительства чувашского народа.

Источники и литература

1. *ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5.*
2. *ГИА ЧР. Ф. 546. Оп. 1. Д. 1.*
3. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 494.*
4. *НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 90.*
5. *НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 93.*
6. *НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 245. Инв. № 5885.*
7. *НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 163. Инв. № 4864.*
8. *НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 214. Инв. № 1614.*
9. *НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 214. Инв. № 1616.*
10. *А.М.* О съезде мелких народностей Поволжья в Казани // Хыпар. 1917. № 6. 23 мая.
11. *А-ев.* Старая и новая постановки инородческого вопроса // Симбирские вести. 1906. № 173. 5 августа; № 174. 6 августа; № 176. 9 августа.
12. *Альфа*. О политических чувашах // Волжский вестник. 1906. № 203. 19 августа.
13. *Ал.-Хв.-Кев.* Первый съезд деятелей по образованию чуваш // Волжский вестник. 1906. № 192. 5 августа.
14. *Буинский.* Члены Государственной думы от чуваш // Волжские вести. 1907. № 12. 5 мая.
15. *Васильев* И. Во глубине // Крестьянская газета. 1917. № 101. 24 ноября; № 102. 25 ноября.

16. Воззвание Казанской чувашской организации // Казанская рабочая газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. № 111. 26 августа.

17. Всероссийский чувашский съезд // Камско-Волжская речь. 1917. № 127. 13 июня.

18. Говоря восторженно о газете «Хыпар», о необходимости созвать для чувашей большой съезд // Хыпар. 1906. № 8. 28 февраля.

19. Губернское дворянское собрание // Казанский телеграф. 1911. № 5329. 15 января.

20. Гурий Комиссаров – краевед и просветитель / сост. А.А. Кондратьев. Уфа: Издательство ТГТ., 1999.

21. Депутаты второго призыва // Парус. 1907. № 6. 17 февраля.

22. *Епископ Андрей.* К вопросу об инородческой школе в Приволжском крае. Письма в редакцию // Окраины России. 1911. № 13. 26 марта.

23. Жизнь чуваш. О первом губернском съезде чуваш, состоявшемся в городе Уфа // Хыпар. 1917. № 14. 23 июня; № 15. 27 июня.

24. Жизнь чуваш. Чувашское совещание // Хыпар. 1917. № 34. 7 сентября.

25. *Зорин* В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2003.

26. Из Поволжья (От собствен. корреспондента) // Волгарь. 1906. № 303. 6 ноября.

27. *Изоркин* А.В. Этап зарождения и развития идеи самоопределения чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 9–19.

28. *Ильгача Микулайе.* Открытие чувашского общества в Новоадамской волости // Хыпар. 1917. № 20. 17 июля.

29. *Йемел.* М. Государственное устройство («Федеративная республика») // Хыпар. 1917. № 11. 13 июня.

30. Как выбирают представителей чувашей в Думу // Хыпар. 1907. № 3. 11 февраля.

31. *Каппелер* А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П.Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005.

32. *Клементьев* В.Н. История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары, 2014.

33. *Крестьянское движение* в Симбирской губернии в период революции 1905–1907 годов. Документы и материалы. Ульяновск: Издательство «Ульяновская правда», 1955.

34. *Кузнецов* И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960.

35. *Любимов* В.Н., *Юлдашбаев* Б.Х. Ленин и самоопределение наций: на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967.

36. *Макаревский* В.В. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008.

37. *Михетер.* Мечта верховых чувашей // Хыпар. 1917. № 34. 7 сентября.

38. Наказ Казанскому чувашскому военному комитету // Казанская рабочая газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. № 120. 7 сентября.

39. Национальные движения в период Первой революции в России (сборник документов из архива быв. департамента полиции). Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1935.

40. Наша печать // Волгарь. 1907. № 50. 1 марта.

41. *Немцева* Т.В. Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2002.

42. О газете на чувашском языке // Хыпар. 1906. № 19. 7 мая.

43. Обращение к верховым чувашам // Хыпар. 1917. № 34. 7 сентября.

44. *Павлов* Я.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917–1925 гг.). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.

45. *Петров* Д.П. Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.-Л., 1926.

46. Полковая жизнь. Среди солдат – чуваш // Казанская рабочая газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. № 19. 2 мая.

47. Польза газеты // Хыпар. 1906. № 1. 8 января.

48. Протоколы 1-го общего собрания представителей мелких народностей Поволжья. Казань: «Т-во Центральная Типография», 1917.

49. *Р.В.* Хроника провинции. «Свобода» выборов // Товарищ. 1907. № 177. 28 января.

50. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. Симбирск: Типо-Литография исполнит. комитета, 1917.

51. *Свой.* Наши корреспонденции. Курмышский уезд // Волжские вести. 1907. № 3. 21 апреля.

52. *Серый чувашин*. На смерть Победоносцева // Волжские вести». 1907. № 7. 28 апреля.

53. *Слушатель.* Село Шихазаны // Цивильская народная газета». 1917. № 10. 5 июля.

54. Съезд мелких народностей Поволжья. Первый день заседания // Крестьянская газета Казанского губернского земства. 1917. № 15. 4 августа;

55. Съезд мелких народностей Поволжья. Продолжение заседания 2-го дня // Крестьянская газета Казанского губернского земства. 1917. № 16. 5 августа;

56. Съезд мелких народностей Поволжья. Третий день заседания 3 августа // Крестьянская газета Казанского губернского земства. 1917. № 17. 6 августа.

57. *Тамошний* // Столкновение с полицией (Имение Чебоксар. уезда) // Волжский Вестник. 1906. № 202. 18 августа.

58. *Тимерсен ачи*. Беседа с избранным от чувашей Я. Абрамовым // Хыпар. 1906. № 24. 18 июня.

59. 1905 г. Материалы и документы под общей редакцией М.Н. Покровского. Аграрное движении в 1905–1907 гг. Том I. Составители С. Дубровский и Б. Граве. М.–Л.: Госиздат, 1925.

60. Устав кружка деятелей по образованию чуваш. (Утвержден общим учредительным собранием, состоявшимся в г. Симбирске 1–2 августа 1906 г). Казань. Типо-Литография И.В. Ермолаевой (бывш. Ключникова). 1906.

61. *Цианчук* Р.А. Российская империя как система «центр-регионы»: генезис, развитие, кризис // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001.

62. *Ширновой* Н. О Всероссийском съезде чуваш // Хыпар». 1917. № 7. 29 мая.

63. *Щербаков* С.В. Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект. Чебоксары: Новое время, 2013.

64. *Юлташ* Й. Мое мнение // Хыпар, 1917. № 19. 13 июля.

Клементьев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики» (г. Чебоксары); e-mail: ds26263@yandex.ru

Klementyev Vladimir Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Chuvash State Institute of the humanities of the Ministry for education and youth policy of Chuvash Republic (Cheboksary)

УДК 314.5

А.В. Кобзев

Локальный брачный рынок мордвы селений Еремкино и Алешкино в 1880–1919 гг.

В статье рассматриваются брачные отношения мордвы в рамках локального брачного рынка Еремкино – Алешкино. Источниковая база исследования – метрические книги Государственного архива Ульяновской области и Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области. Исследование кроссбрачных отношений селений Еремкино и Алешкино охватывает период 1880–1919 гг.. В статье анализируется динамика и удельный вес внутрипоселенческих и межэтнических браков, формирование и изменение брачного рынка, иерархия кроссбрачных отношений. В ходе исследования было выяснено, что в последней четверти XIX – начале XX вв. в мордовских селениях Еремкино и Алешкино наблюдается положительная динамика населения. Локальный брачный рынок включал от 8 до 12 населенных пунктов, преимущественно мордовских. Удельный вес межнациональных (мордовско-русских и мордовско-чувашских) браков был незначительным, и более 94% всех внешних браков были этнически эндогамными. Брачный рынок Еремкино – Алешкино состоял из трех брачных кругов и на периферии не соприкасался с локальными брачными рынками мордвы других селений таких, как Кузоватово, Кивать и Еделево, Шелехмет, Бахилово и Торновая, Мордовская Бектяшка. Также не были зафиксированы брачные отношения с мордовскими крестьянами Алатырского и Ардатовского уездов.

Ключевые слова: мордва, русские, чуваши, брачный рынок, брачный круг, Алешкино, Еремкино, Сенгилеевский уезд, Симбирская губерния, внутрипоселенческие и внешние браки, кроссбрачные отношения, территориальные брачные предпочтения.

A.V. Kobzev

Local marriage market of the Mordovian villages of Yeremkino and Aleshkino in 1880–1919

The marital relations of the Mordva within the framework of the local marriage market of Yeremkino-Aleshkino analyzed in the article. The source base of the research are the metric books of the State Archives of the Ulyanovsk Region and Syzran Branch of the Central State Archive of the Samara Region. The study of the crossbred relations between the villages of Yeremkino and Aleshkino co-

vers the period of 1880–1919. The dynamics and specific gravity of intra-settlement and inter-ethnic marriages, the formation and change of the marriage market, the hierarchy of crossbred relations analyzed in the article. During the study it was found that in the last quarter of the XIX – beginning of the XX centuries in the villages of the Mordva (Yeremkino and Aleshkino) there were a positive population dynamics. The local marriage market included from 8 to 12 settlements, mainly Mordovian. The share of inter-ethnic (Mordva-Russian and Mordva-Chuvash) marriages was insignificant, and more than 94% of all external marriages were ethnically endogamous. The marriage market of Yeremkino-Aleshkino consisted of three marriage circles and did not come into contact with the local marital markets of the villages of the Mordva and other villages such as Kuzovatovo, Kivat and Edelevo, Shelekhmet, Bakhilovo and Tornovaya, Mordovskaya Bektyashka. Also, marriage relations with the Mordva peasants of the Alatyr and Ardatov districts were not recorded.

Keywords: the Mordva, the Russians, the Chuvash, marriage market, marriage circle Aleshkino, Eremkino, Sengileevsky county, Simbirsk, inside the settlement and outside marriages, cross marriage relations, territorial mating preferences.

Во второй половине XIX – начале XX вв. большая часть мордвы (примерно две трети) Симбирской губернии населяла Алатырский и Ардатовский уезды. В ее восточной и юго-восточной частях, мордовские поселения представляли локальные территориальные кусты, которые располагались в преобладающем русском окружении. В Сенгилеевском уезде это были мордовские селения Томылово, Мордовская Бектяшка, Верхние и Нижние Коки, Кузоватово, Мордовская Темрясань и Кивать (Подворная перепись… Вып. 7, с. 18, 42). В Сызранском уезде – селения Шелехмет, Бахилово и Торновая, находившиеся в относительной близости друг друга на территории Жигулевских гор, а также Еремкино, Алешкино и Еделево, расположившиеся вдоль южной административной границы Сенгилеевского уезда (Подворная перепись… Вып. 8, с. 2, 66, 106). В Симбирском узде можно выделить два локальных куста мордовских поселений. К первому относятся селения Новые Маклауши, а ко второму Возжи, Александровка, Вышки, Безсоновка, Кильдюшево, Кадышево и Киртели (Подворная перепись… Вып. 1, с. 2, 42, 82, 98). В Буинском уезде также территориально выявляется два локальных куста: первый из них – Помаево, Атяшкино, Паркино и Шамкино, а второй – Мордовские Тюки (Подворная перепись… Вып. 4, с. 42, 50, 98).

Еремкино и Алешкино – мордовские селения, в прошлом входившие в состав Сызранского уезда Симбирской губернии. Оба селения относились к Старо-Рачейской волости, в которой помимо мордвы жили чуваши и русские. Преобладающей этнической группой были русские, чья доля в 1884 г. составляла 70,2%. Доля мордвы равнялась 21,3% и чувашей – 8,5%. Общий удельный вес нерусского населения волости равнялся 29,8%. К началу Первой мировой войны доля русского населения уменьшилась на 3,4% и составила 66,8%, при этом доля чувашей увеличилась на 2%, а мордвы на 1,4%. Удельный вес первых равнялся 10,5%, а вторых 22,7% (см. табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес русских, чувашей и мордвы в Старо-Рачейской волости Сызранского уезда Симбирской губернии в 1884–1913 гг.*

	1884		1897		1911		1913	
	чис-ть	в %	чис-ть	в %	чис-ть	в %	чис-ть	в %
Русские	6718	70,2	7166	69,4	7693	66,03	7582	66,8
Мордва	2039	21,3	2254	21,7	2666	22,87	2587	22,7
Чуваши	810	8,5	927	8,9	1294	11,1	1192	10,5
Итого	9567	100	10347	100	11653	100	11361	100

* Составлено автором по материалам: Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1884, 194 с.; Список населенных мест Симбирской губернии в 1896 году, Симбирск, 1897, 470 с.; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг., Симбирск, 1914, Выпуск 8. Сызранский уезд, 220 с.

Таблица 2

Динамика численности населения в Еремкино и Алешкино в 1859–1913 гг.*

Годы	1859	1884	1897	1911	1913
Еремкино	827	1037	1188	1408	1254
Алешкино	812	1002	1066	1258	1333

* Составлено автором по материалам: Список населенных мест Симбирской губернии по сведениям 1859 года. СПб., 1863, 99 с.; Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1884, 194 с.; Список населенных мест Симбирской губернии в 1896 году, Симбирск, 1897, 470 с.;

Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг., Симбирск, 1914, Выпуск 8. Сызранский уезд, 220 с.

В мордовских селениях Еремкино и Алешкино численность населения оставалась примерно равной на всем протяжении второй половины XIX – начала XX вв. За 60 лет она выросла в 1,5–1,6 раза, и если в 1859 г. в Еремкино проживало 827 человек, а в Алешкино – 812, то к 1913 г. в Еремкино насчитывалось 1254, и в Алешкино 1333 жителей (см. табл. 2).

В 1864 г. в с. Еремкино был построен деревянный храм. Прихожанами церкви стали крестьяне из самого Еремкино, соседней мордовской деревни Алешкино и чувашской деревни Смолькино. Помимо православных христиан в селениях в начале XX в. проживали так называемые «раскольники поморского и австрийского толка». Их численность была незначительной и составляла всего 39 человек (Баженов, 1903, с. 96–97). Выявленные метрические книги православного прихода с. Еремкино охватывают 39-ти летний период с 1880 по 1919 гг. с временными лакунами общей длительностью 14 лет за 1885–1898 и 1917 гг.

За 25 полных лет в с. Еремкино было заключено 306 браков по линии женитьбы. В среднем в год в церкви регистрировалось 12,2 браков. За это время среди односельчан было оформлено 189 брачных союзов, и в среднем в год заключалось 7,5 внутрипоселенческих браков. Между крестьянами с. Еремкино и жителями других селений было заключено 117 браков, соответственно в среднем в год оформлялось 4,7 браков. Таким образом, доля внутрипоселенческих браков равнялась 61,76%, а доля внешних браков – 38,24%, другими словами, условно две из трех невест были односельчанками.

За это же время в д. Алешкино также по линии женитьбы было заключено 269 браков, и в среднем в год оформлялось 10,7 брачных союзов. При этом между односельчанами был заключен 141 брак, соответственно в среднем ежегодно регистрировалось 5,6 браков. Между крестьянами д. Алешкино и жителями других сел и деревень было заключено 128 браков, и в среднем в год оформлялось 5,1 браков, то есть каждая вторая невеста была уроженкой соседних селений. Удельный вес внутрипоселенческих и внешних браков был примерно одинаковым. Доля первых составляла 52,42%, а доля вторых равнялась 47,58%. Женихи из Алешкино чаще, чем их соседи из Еремкино брали невест не из своей деревни, и были более открыты для формирования родственных, семейных отношений с мордвой из соседних селений.

Максимальные значения общей брачности жителей села Еремкино были отмечены в 1899, 1903, 1918–1919 гг. В эти годы общее количество браков варьировало в пределах 20–21 бракосочетаний. Минимальные значения брачности (5–7 браков за год) были зафиксированы в 1881, 1883, 1906, 1910 и 1916 гг. (см. табл. 3).

Внутрипоселенческая брачность варьировала в пределах 2–14 бракосочетаний в год. Максимальные значения (12–14 браков) были зафиксированы неоднократно в 1899, 1903, 1905, 1912–1913, 1918–1919 гг., а минимальные (2–3 брака) приходятся на 1880–1881, 1883, 1910 и 1916 гг. (см. табл. 3).

Показатели внешней брачности в это же время колебались в пределах 2–9 браков в год. Ее максимальные значения (8–9 браков) были отмечены в 1899 и 1919 гг., а минимальные значения (2–3 брака) в 1883, 1904, 1906, 1909–1910, 1912–1914 и 1916 гг. (см. табл. 3).

В 1883, 1910 и 1916 гг. наблюдается совпадение минимальных значений всех показателей брачности, а совпадение максимальных значений приходится на 1899, 1903 и 1918 гг. (см. табл. 3).

В д. Алешкино максимальные значения общей брачности – 18 и 20 браков были отмечены в 1903, 1905 и 1918 гг., а минимальные значения (3–4 бракосочетания в год) в 1880 и 1913 гг. (см. табл. 4).

Внутрипоселенческая брачность в это время варьировала в пределах 2–12 бракосочетаний. В 1914 и 1918 гг. были достигнуты ее максимальные значения. В эти годы было заключено 11 и 12 браков. Минимальное количество браков (1–2) было зарегистрировано в 1880, 1902, 1911 и 1913 гг. (см. табл. 4).

Общее количество внешних браков в 1880–1919 гг. также колебалось в пределах 2–12 бракосочетаний. Их максимальные значения пришлись на 1903 и 1905 гг., и совпали с максимальными значениями общей брачности. Минимальные значения внешних браков наблюдаются в 1880, 1882, 1904, 1913, 1915–1916 гг. (см. табл. 4).

Следует обратить внимание на полное совпадение минимальных значений общей, внутрипоселенческой и внешней брачности в 1880 и 1913 гг. В 1903 и 1905 гг. совпали максимальные значения внешней и общей брачности. Наконец, в 1918 г. прослеживается синхронность максимальных значений внутрипоселенческой и общей брачности (см. табл. 4).

Таблица 3

Динамика общего количества браков, внутрипоселенческих и внешних браков в с. Еремкино в 1880–1919 гг.*

Показатели брачности / Годы	Общее кол-во браков	Кол-во внутри-поселенческих браков	Кол-во внеш-них браков
1880	9	**3**	6
1881	**7**	**3**	4
1882	9	4	5
1883	**5**	**2**	**3**
1884	9	4	5
1899	**22**	**14**	**8**
1900	12	7	5
1901	11	7	4
1902	13	9	4
1903	**21**	**12**	**9**
1904	12	**9**	**3**
1905	17	12	5
1906	**7**	4	**3**
1907	12	**8**	4
1908	13	6	7
1909	15	**12**	**3**
1910	**6**	**3**	**3**
1911	10	5	5
1912	15	**12**	**3**
1913	15	**12**	**3**
1914	9	7	**2**
1915	10	5	5
1916	**6**	**3**	**3**
1918	**21**	**12**	**9**
1919	**20**	**14**	6

* Составлено автором по материалам: ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 83–87; ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 619–623.

Таблица 4

Динамика общей, внутрипоселенческой и внешней брачности в д. Алешкино в 1880–1919 гг.*

Показатели брачности / Годы	Общее кол-во браков	Кол-во внутрипоселенческих браков	Кол-во внешних браков
1880	**4**	**2**	**2**
1881	13	5	8
1882	8	6	**2**
1883	10	5	5
1884	11	5	6
1899	15	10	5
1900	10	6	4
1901	13	8	5
1902	5	**1**	4
1903	**18**	7	**11**
1904	5	3	**2**
1905	**18**	6	**12**
1906	12	3	9
1907	14	6	8
1908	10	6	4
1909	12	5	7
1910	8	3	5
1911	5	**2**	3
1912	11	8	3
1913	**3**	**1**	**2**
1914	15	11	4
1915	6	4	**2**
1916	11	9	**2**
1918	**20**	**12**	8
1919	12	7	5

* Составлено автором по материалам: ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 83–87; ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 619–623.

Годовые колебания общего количества браков, внутрипоселенческих и внешних браков могли быть вызваны разными обстоятельствами, например, колебаниями уровня рождаемости и численности представи-

телей поколений юношей и девушек, достигших брачного возраста на определенный период времени. В годы Первой мировой войны снижение всех показателей брачности было вызвано мобилизацией на фронт мужчин брачного возраста. В с. Еремкино нисходящий тренд брачности как раз приходится на военное время: за год до войны в селе было заключено 15 браков, а в 1914 г. их общее количество снизилось на треть. Своеобразное дно брачности в Еремкино было достигнуто в 1916 г., когда было заключено всего шесть браков: с 1913 к 1916 году общее количество заключенных браков сократилось в 2,5 раза. В свою очередь резкий рост общего количества браков, который пришелся на 1918 год, мог быть связан с возращением в село демобилизованных солдат и тех юношей, которые в силу возраста не могли быть призваны на фронт в течение 1914–1917 гг., и достигли брачного возраста только к 1918 году. В соседней деревне Алешкино дно брачности во время Первой мировой войны приходится на 1915 год, и в отличие от Еремкино нисходящий тренд не столь очевиден. Буквально накануне войны, в 1913 г., было заключено еще меньше браков, чем в военный 1915 год, а с 1916 г. наметился рост общей брачности, достигшей своего максимального значения в 1918 г. за весь наблюдаемый период (см. табл. 4).

Этнически эндогамные внешние браки преобладали среди мордвы обоих селений. В Еремкино их доля составила 94,02%, а в Алешкино – 96,88%. Межэтнические браки по линии женитьбы были преимущественно мордовско-русскими. В Еремкино их удельный вес равнялся 5,13%, а в Алешкино оказался еще ниже – 2,34%. В численном выражении крестьяне из Еремкино шесть раз женились на русских невестах, а в Алешкино такое событие случилось трижды в 1881, 1905 и 1913 гг. (ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 84. Л. 200 об.; Д. 85. Л. 50 об.; Д. 86. Л. 46 об.; Д. 87. Л. 134 об., 48 об., 227 об., 283 об.; ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 620. Л. 34 об.). Доля мордовско-чувашских браков оказалась еще меньше. За все время крестьянами из Еремкино и Алешкино с чувашками соседней деревни Смолькино было заключено всего два брака – в 1881 и 1916 гг. (ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 620. Л. 31 об.; ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 87. Л. 45 об.). Удельный вес таких браков составил 0,85% (Еремкино – Смолькино) и 0,78% (Алешкино – Смолькино). За это же время с 1881 по 1919 гг. по метрическим данным приходской церкви с. Еремкино со стороны женихов из русских поселений Сызранского (Топорнино, Сызрань), Сенгилеевского (Большая Борла, Новая Ерыкла) и Ардатовского (Чебудась) уездов были взяты в жены семь мордовских невест из Еремкино и Алешкино

(ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 84. Л. 202 об.; Д. 85. Л. 52 об., 134 об., 137 об., 203 об.; Д. 85. Л. 210 об.; Д. 87. Л. 44 об., 206 об.). В количественном выражении на девять русских невест, взятых замуж крестьянами из Еремкино и Алешкино, пришлось семь мордовских невест, вышедших замуж за русских женихов из окрестных селений Симбирской губернии.

В стратегии выстраивания брачных отношений мордовских крестьян Еремкино и Алешкино прослеживается влияние двух факторов – этнического и территориального. В Еремкино и Алешкино жила мордва. Оба селения располагались рядом на расстоянии не более двух километров. Мордовское село Нижние Коки (ныне Белогорское) располагалось чуть дальше примерно в 11 км от обоих селений. Русские населенные пункты находились на разном расстоянии, так, например, ближайшее к Еремкино русское село Большая Борла располагалось в 4–5 км, а самое отдаленное русское село Поселянки, по всей видимости, находилось в Курской, а не в Белгородской губернии, как об этом было написано в метрической книге с. Еремкино[1]. Ближайшее русское село Борлинский Выселок располагалось чуть более в шести км от Алешкино, в то же время г. Сызрань находился в 42,5 км. Но и в том и в другом случаях было зарегистрировано с русскими невестами всего три брачных союза (см. табл. 5).

В брачный рынок с. Еремкино входило 12 населенных пунктов, из которых десять селений относилось к Симбирской губернии и два селения располагались за ее пределами. Деревня Богдашкино находилось в составе Озерской волости Ставропольского уезда Самарской губернии, и деревня Поселянки, по всей видимости, в составе Белгородского уезда Курской губернии. Из 12 населенных пунктов, четыре были мордовскими, одно селение мордовско-чувашским, одна чувашская деревня и шесть русских селений. Подавляющее большинство внешних браков было заключено между крестьянами двух мордовских селений Еремкино и Алешкино. Всего было зарегистрировано 94 брачных союза, а их удельный вес составил 80,34%. По существу бинарная пара Еремкино – Алешкино по линии женитьбы образовывала ядро локального брачного рынка. В основе второго брачного круга лежали брачные связи между крестьянами сел Еремкино и Нижние Коки. На их долю приходилось 9,45% всех внешних браков. В третий, явно периферийный брачный круг, входили все остальные селения с общим удельным весом в 10,26% (см. рис. 1).

---

[1] Вероятно, в обозначении статуса Белогородчины, в метрической книге была допущена ошибка. В Российской империи был Белгородский уезд в составе Курской губернии.

Браки жителей селений Еремкино и Алешкино	Кол-во браков	Этнический состав	Волость	Уезд	Губерния	Расстояние в км
По линии женитьбы						
Еремкино - Алешкино	94	Мордва	Старо-Рачейская	Сызранский	Симбирская	2,0
Еремкино - Нижние Коки	11		Горюшкинская	Сенгилеевский		11,2
Еремкино - Томылово	1		Мало-Борлинская			15,7
Еремкино - Тумкино	1		Тереньгульская			31,8
Еремкино -Верхние Коки	3	Мордва, чуваши	Собакинская			13,9
Еремкино - Смолькино	1	Чуваши	Старо-Рачейская			4,5
Еремкино - Большая Борла	1	Русские	Мало-Борлинская			5,0
Еремкино - Топорнино	1		Головинская	Сызранский		63,2
Еремкино - Тереньга	1		Тереньгульская	Сенгилеевский		30,9
Еремкино - Скарли (Скорлядка)	1		Поповская			59,7
Еремкино - Богдашкино	1		Озерская	Ставропольский	Самарская	119,0
Еремкино - Поселянки	1			Белгородский	Курская	?
По линии женитьбы						
Алешкино - Еремкино	95	Мордва	Старо-Рачейская	Сызранский	Симбирская	2
Алешкино - Нижние Коки	17		Горюшкинская	Сенгилеевский		10,9
Алешкино - Верхние Коки	8	Мордва, чуваши	Собакинская			13,5
Алешкино - Томылово	3	Мордва	Мало-Борлинская			17,5
Алешкино - Тумкино	1		Тереньгульская			30,8
Алешкино - Сызрань	2	Русские		Сызранский		42,5
Алешкино - Борлинский Выселок	1	Русские	Мало-Борлинская	Сенгилеевский		6,3
Алешкино - Смолькино	1	Чуваши	Старо-Рачейская	Сызранский		5

Таблица 5. **Количество браков, этнический состав селений и расстояние между селениями.**
Составлено автором по материалам: ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 83–87;
ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 619–623.

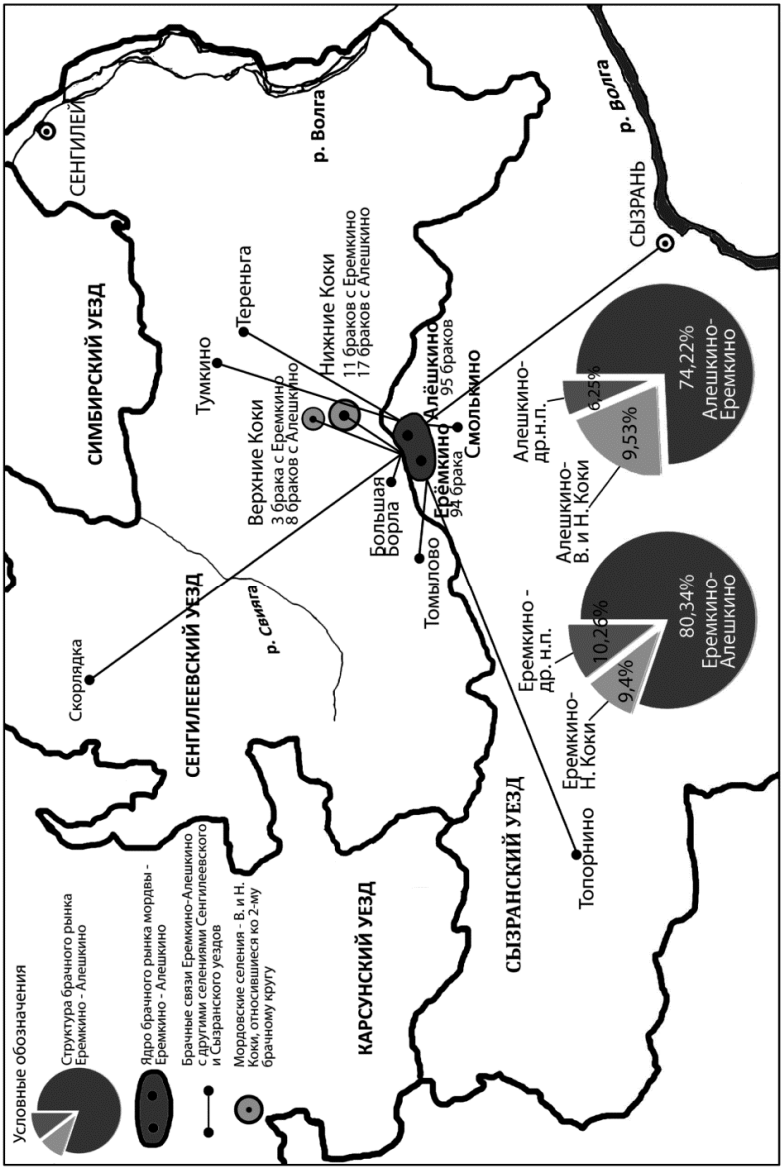

Рис. 1. **Брачный рынок Еремкино – Алешкино в 1880–1919 гг.**
Составлено автором по материалам: ГАУО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 936. Л. 65.

Брачный рынок д. Алешкино был уже, чем в Еремкино и в него входило восемь населенных пунктов Симбирской губернии. Из них, четыре селения – Еремкино, Нижние, Коки, Томылово и Тумкино были мордовскими, одно село мордовско-чувашское – Верхние Коки, два русских селения – Борлинский выселок и г. Сызрань и одна чувашская деревня – Смолькино. Из 128 внешних браков, 95 было заключено с крестьянами из Еремкино, а их удельный вес составил 74,22%. В основе второго брачного круга лежали брачные отношения между крестьянами д. Алешкино и жителями сел Верхние и Нижние Коки. Их совокупный удельный вес равняется 19,78%. В третий брачный круг вошли селения Томылово, Тумкино, Борлинский Выселок, Сызрань и Смолькино. Их доля составила 6,24% (см. рис. 1).

Брачные отношения в бинарной паре Еремкино – Алешкино по обеим линиям (женитьбы и замужества) были наиболее распространенными. Всего за 25 лет с той и с другой стороны было заключено 189 браков. Их соотношение по линии женитьбы с обеих сторон оказалось практически равным. Крестьяне Еремкино в 1880–1919 гг. взяли в жены 94 невесты из Алешкино, а женихи из Алешкино женились на 95 невестах из Еремкино. Между жителями селений происходил регулярный, равноценный обмен невестами. На одну невесту из Еремкино приходилась одна невеста из Алешкино. Браки между крестьянами этих селений по обеим линиям заключались практически каждый год, за исключением 1883 года, когда замуж были взяты невесты только из с. Еремкино (см. табл. 6).

Равноценный обмен невестами между селениями был зафиксирован в 1902, 1904, 1911 и 1919 гг. В остальные годы наблюдается колебания пропорций. В 11 случаях (в 1880, 1882, 1884, 1899, 1900, 1903, 1908, 1912, 1913, 1915 и 1918 гг.) еремкинцы чаще женились на невестах из Алешкино, чем женихи из Алешкино брали в жены невест из Еремкино. Соответственно в остальных восьми случаях (в 1881, 1901, 1905–1906, 1907, 1909–1910 и 1914 гг.) алешкинцы чаще женились на крестьянках из Еремкино, чем женихи из Еремкино брали в жены невест из Алешкино (см. табл. 6).

В рамках брачного рынка Еремкино – Алешкино в среднем в год по обеим линиям заключалось 7,5 браков. Можно считать, что условно таких браков было восемь, в которых с той и с другой стороны было по четыре невесты. Максимальные значения брачности по обеим линиям в этих селениях приходятся на 1903, 1905 и 1918 гг., когда было заключе-

но 14–15 браков, а минимальные значения – на 1883 и 1913 гг., когда было зарегистрировано 2–3 брачных союза.

Таблица 6

Динамика браков в селениях Еремкино и Алешкино по обеим линиями: женитьбы и замужества в 1880–1919 гг.*

Годы	**Браки по обеим линиям – женитьбы и замужества**	
	Еремкино – Алешкино	Алешкино – Еремкино
1880	**4**	2
1881	1	**6**
1882	**3**	1
1883	0	2
1884	**4**	3
1899	8	3
1900	**5**	4
1901	3	**5**
1902	4	4
1903	**9**	5
1904	2	2
1905	5	**10**
1906	3	**6**
Итого	**51**	**53**
1907	3	**5**
1908	**6**	4
1909	1	**5**
1910	3	**4**
1911	3	3
1912	**3**	2
1913	**2**	1
1914	2	**4**
1915	**4**	2
1916	**3**	1
1918	**8**	6
1919	5	5
Итого	**43**	**42**

* Составлено автором по материалам: ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 83–87; ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 619–623.

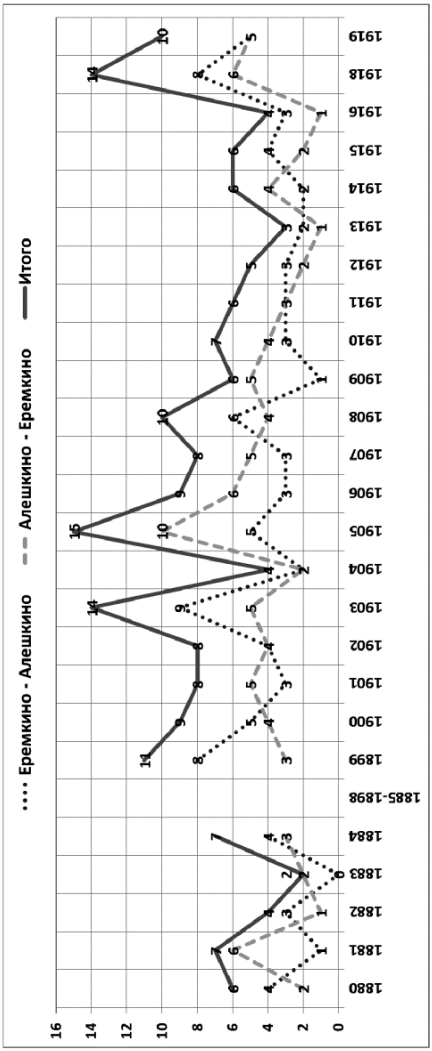

Рис. 2. **Динамика браков по линиям женитьбы и замужества в селениях Еремкино и Алешкино в 1880–1919 гг.**

Колебания брачности по обеим линиям (женитьбы и замужества) в Еремкино и Алешкино носили разнонаправленный характер. Совпадающие восходящие и нисходящие колебания брачности прослеживаются в 1902–1906, 1916–1919 гг. В остальные годы фазы роста и снижения брачности разнонаправлены. В 1905–1913 гг. наметился восьмилет-

ний нисходящий тренд. В 1905 г. брачные отношения между жителями селений достигли своего максимального значения, а затем началось длительное снижение брачности, которое достигло своего минимального значения в 1913 г., как раз накануне Первой мировой войны. В целом за это время общее количество зарегистрированных браков снизилось в пять раз (с 15 до трех). В годы войны по сравнению с 1913 годом произошел небольшой рост брачности, а в 1916–1918 гг. брачность выросла в 3,5 раза и достигла значения в 14 браков (см. рис. 2).

В обоих селениях по линии женитьбы были свои второй брачный круг и периферия брачного рынка. Их сопоставление показывает, что второй брачный круг у обоих селений практически совпадает. В него вошло мордовское село Нижние Коки. В то же время есть и свои отличия. На брачном рынке Еремкино по линии женитьбы брачные связи с жителями с. Верхние Коки относятся к периферии, а на брачном рынке Алешкино ко второму кругу брачного рынка вместе с селом Нижние Коки. В принципе, на локальном брачном рынке Еремкино и Алешкино вторыми по степени значимости были брачные отношения с жителями этих двух сел. Правда, в количественном выражении, алешкинцы, чаще, чем еремкинцы женились на крестьянках из сел Верхние и Нижние Коки (см. табл. 7).

Анализ территориальных брачных предпочтений по линии женитьбы не будет полным без анализа брачности по линии замужества с жителями с. Нижние Коки, которое входило во второй брачный круг селений Еремкино и Алешкино. Метрические книги этого села охватывают период с 1784 по 1918 гг. За 134 года было зарегистрировано 57 брачных союзов в бинарной паре Нижние Коки – Еремкино и 58 браков в паре Нижние Коки – Алешкино (Кобзев А.В. Брачные отношения…, 2015, с. 229). Первые акты бракосочетания женихов из с. Нижние Коки с невестами из Алешкино и Еремкино относятся к 1786 и 1792 гг. (ГАУО. Ф. 134. Оп. 13. Д. 2. Л. 23, 42 об.). Если взять за основу сравнительного анализа синхронные сведения метрических книг сел Еремкино и Нижние Коки, то будет две отправных точки отсчета – 1880 и 1899 годы. К 1918 г. между жителями селений Нижние Коки – Еремкино был заключен 21 брачный союз, а в паре Нижние Коки – Алешкино – 18 браков. Это означает, что в последней четверти XIX – начале XX вв. мордва из с. Нижние Коки чаще женилась на крестьянках из с. Еремкино, чем мужчины из Еремкино женились на невестах из с. Нижние Коки. Брачный обмен невестами был неэквивалентным: на одну невесту из Еремкино приходилось две невесты из Нижних Кок. За этот же период между женихами с. Нижние Коки и невестами д. Алешкино было заключено 18

браков, что вполне сопоставимо с браками по линии женитьбы Алешкино – Нижние Коки. Исходя из этого, можно допустить, что обмен невестами между жителями этих селений был равноценным. На одну невесту из Алешкино приходилась одна невеста из Нижних Кок.

Таблица 7

Структура брачного рынка Еремкино / Алешкино*

Иерархия брачного рынка	Населенные пункты	Кол-во браков	В %
Ядро	Еремкино – Алешкино	94	80,34
Второй круг	Еремкино – Нижние Коки	11	9,40
Периферия	Еремкино – Верхние Коки	3	10,26
	Еремкино – Томылово	1	
	Еремкино – Тумкино	1	
	Еремкино – Смолькино	1	
	Еремкино – Большая Борла	1	
	Еремкино – Топорнино	1	
	Еремкино – Тереньга	1	
	Еремкино – Скарли (Скорлядка)	1	
	Еремкино – Богдашкино Ставр. уезд Самар. губ.	1	
	Еремкино – Поселянки Белгород. губ.	1	
Ядро	Алешкино – Еремкино	95	74,22
Второй круг	Алешкино – Нижние Коки	17	19,53
Периферия	Алешкино – Верхние Коки	8	
	Алешкино – Томылово	3	6,24
	Алешкино – Тумкино	1	
	Алешкино – Смолькино	1	
	Алешкино – Борлинский Выселок	1	
	Алешкино – Сызрань	2	

* Составлено автором по материалам: ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 83–87; ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 619–623.

Со стороны женихов с. Верхние Коки за 133 года с 1784 по 1917 гг. в жены были взяты 35 невест из Алешкино и 30 невест из Еремкино. Из их числа в 1880–1917 гг. за крестьян с. Верхние Коки замуж вышли всего пять невест из Еремкино и столько же из Алешкино. Брачные отношения по линиям женитьбы и замужества фактически были пропорцио-

нальными. В последней четверти XIX – начале XX вв. еремкинцы трижды женились на невестах из с. Верхние Коки, а крестьяне из Алешкино взяли в жены восемь невест (см. табл. 7). В целом же, брачные отношения, сложившиеся между жителями этих селений, отличаются невысокой интенсивностью по сравнению с соседями из с. Нижние Коки.

Не были зафиксированы по линиями женитьбы и замужества брачные связи между крестьянами Еремкино и Алешкино с одной стороны, и мордвой из Кузоватово, Кивать и Еделево с другой стороны (ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 293, 294, 323–331, 502, 621; Оп. 14. Д. 395–398, 609–613, 663–666; Оп. 16. Д. 10, 12, 17–21, 60–62; Оп. 32. Д. 16, 117, 118). Лишь один брак был зарегистрирован в 1852 г. между крестьянином с. Кузоватово и крестьянкой д. Алешкино (ГАУО. Ф. 134. Оп. 16. Д. 17. Л. 32 об.). Метрические книги селений Кузоватово, Кивать и Еделево охватывают период с 1852 по 1902 гг., соответственно асинхронны с материалами метрических книг по Еремкино и Алешкино. Тем не менее, можно допустить, что брачные локальные рынки этих селений не соприкасались даже на периферии, хотя территориально были расположены друг от друга по прямой на расстоянии 27–34 км. Примерно на таком же расстоянии от Еремкино и Алешкино находились мордовское село Тумкино и русское село Тереньга, которые относились к периферии брачного рынка Еремкино – Алешкино. Также не были зафиксированы брачные отношения между крестьянами селений Еремкино и Алешкино с жителями мордовских населенных пунктов Мордовская Бектяшка, Бахилово, Торновая и Шелехмет, расположенных в восточной и северо-восточной части Симбирской губернии (см. табл. 5, рис. 3).

Периферия брачных рынков Еремкино и Алешкино отличается еще большим разнообразием. С одной стороны, мы видим, что крестьяне обоих селений хотя бы один раз, но женились на крестьянках из одних и тех же селений – Томылово, Тумкино, Смолькино и Большая Борла. Видимо, это совпадение неслучайно. Томылово и Тумкино были мордовскими селениями. Деревня Смолькино входило в состав церковного прихода с. Еремкино. Русское село Большая Борла находилось в соседнем Сенгилеевском уезде на расстоянии 5–6 км от Еремкино и Алешкино. Единая брачная коммуникативная сеть на основе тесных родственных и семейных отношений предопределили выбор потенциальных невест из других селений губернии, не входивших в ядро брачного рынка Еремкино – Алешкино. Этот выбор, скорее всего, был ничем иным как выбором родителей.

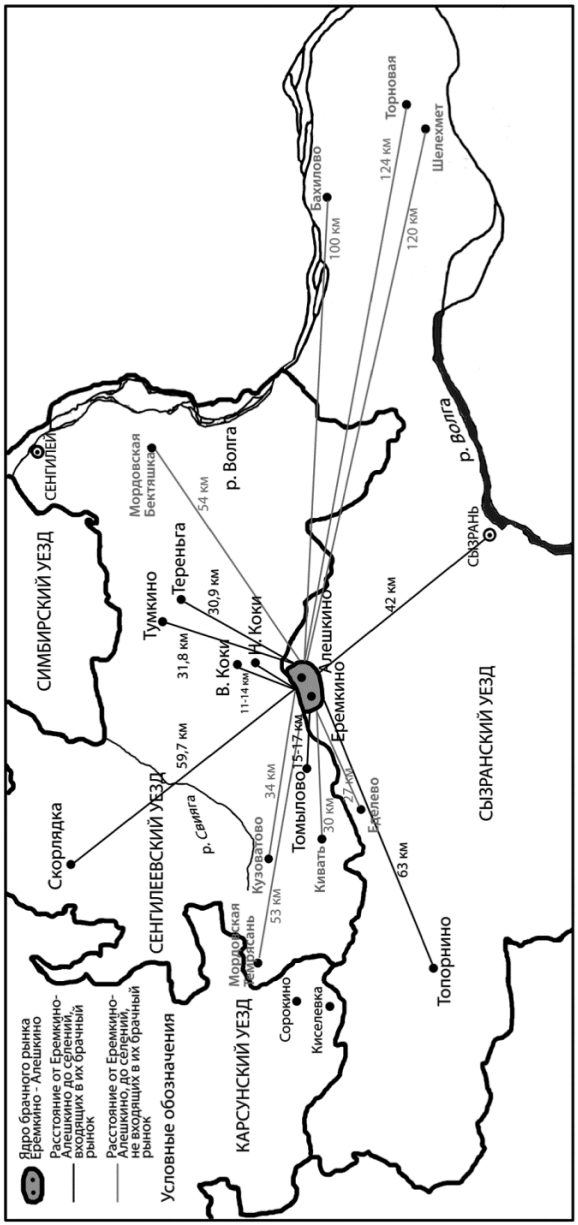

Рис. 3. **Мордовские поселения Сенгилеевского и Сызранского уездов и локальный брачный рынок Еремкино – Алешкино.** Составлено автором по материалам: ГАУО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 936. Л. 65.

Периферия локального брачного рынка Еремкино – Алешкино отличается значительно большей вариативностью, прежде всего за счет брачных союзов жителей Еремкино с крестьянками из русских селений. Такие браки были единичными и скорее всего, являлись результатом свободного выбора молодоженов. Сам факт относительно большого количества селений, относившихся к периферии локального брачного рынка, его увеличения свидетельствует о возросшей социальной мобильности мордовских крестьян в последней четверти XIX – начале XX вв.

В 1880–1919 гг. локальный брачный рынок селений Еремкино – Алешкино включал три брачных круга. Ядро или собственно первый брачный круг образовывали пропорциональные, регулярные брачные отношения по обеим линиям между жителями Еремкино и Алешкино. Второй брачный круг составили отношения с жителями селений Нижние Коки в случае с Еремкино и Нижние и Верхние Коки в случае с Алешкино. Периферия брачного рынка или третий брачный круг характеризуется большей вариативностью, в том числе за счет брачных связей с ближайшими русскими селениями Сызранского и Сенгилеевского уездов. На периферии локальный брачный рынок Еремкино – Алешкино не соприкасался с другими локальными брачными рынками мордвы, например, такими как Кузоватово, Кивать и Еделево. Хотя эти селения располагались не намного дальше, чем некоторые русские селения, с которыми были зафиксированы брачные связи жителей Еремкино и Алешкино. Также не были зафиксированы брачные связи и с другими заметно удаленными брачными рынками мордвы в Алатырском и Ардатовском уездах, где было сосредоточено порядка две трети всего мордовского населения Симбирской губернии. Доля внешних браков в Еремкино составила чуть менее одной трети всех внешних браков, а в Алешкино, почти каждая вторая невеста была родом из другого села или деревни. Доля межнациональных браков оказалась минимальной в пределах 3–6%, соответственно удельный вес этнически эндогамных браков составил в Еремкино – 94,02% и в Алешкино – 96,88%. При этом мордовско-русские браки были чуть более распространенными, чем мордовско-чувашские. За все время было зарегистрировано всего два брака с чувашками из соседней деревни Смолькино, относившейся к церковному приходу с. Еремкино. В условиях преобладающего русского окружения этнический и территориальный факторы стали определяющими в стратегии брачного поведения мордвы Еремкино – Алешкино.

Источники и литература

1. *ГАУО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 936.*
2. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 293.*
3. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 294.*
4. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 323.*
5. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 324.*
6. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 325.*
7. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 326.*
8. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 327.*
9. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 328.*
10. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 329.*
11. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 330.*
12. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 331.*
13. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 502.*
14. *ГАУО. Ф.134. Оп. 11. Д. 621.*
15. *ГАУО. Ф. 134. Оп. 13. Д. 2.*
16. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 395.*
17. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 396.*
18. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 397.*
19. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 398.*
20. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 609.*
21. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 610.*
22. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 611.*
23. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 612.*
24. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 613.*
25. *ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 619.*
26. *ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 620.*
27. *ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 621.*
28. *ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 622.*
29. *ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 623.*
30. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 663.*
31. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 664.*
32. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 665.*
33. *ГАУО. Ф.134. Оп. 14. Д. 666.*
34. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 10.*
35. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 12.*
36. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 17.*
37. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 18.*
38. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 19.*

39. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 20.*
40. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 21.*
41. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 60.*
42. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 61.*
43. *ГАУО. Ф.134. Оп. 16. Д. 62.*
44. *ГАУО. Ф.134. Оп. 32. Д. 117.*
45. *ГАУО. Ф.134. Оп. 32. Д. 118.*
46. *ГАУО. Ф.134. Оп. 32. Д. 16.*
47. *ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 83.*
48. *ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 84.*
49. *ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 85.*
50. *ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 86.*
51. *ГБУ СО ЦГАСО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 87.*
52. *Баженов* Н. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии на 1900 год. Симбирск, 1903.
53. *Кобзев* А.В. Брачные отношения жителей с. Нижние Коки по данным метрических книг 1783–1918 гг. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Выпуск 5. Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марждани АН РТ, 2015. С. 222–242.
54. *Подворная перепись* Симбирской губернии 1910–1911 гг. Симбирск, 1914. Вып. 7. Сенгилеевский уезд, 156 с.
55. *Подворная перепись* Симбирской губернии 1910–1911 гг. Симбирск, 1914. Вып. 8. Сызранский уезд. 220 с.
56. *Подворная перепись* Симбирской губернии 1910–1911. Симбирск, 1914. Вып. 4. Буинский уезд. 232 с.
57. *Подворная перепись* Симбирской губернии 1910–1911. Симбирск, 1915. Вып. 1. Симбирский уезд. 221 с.
58. *Список населенных мест* Симбирской губернии по сведениям 1859 года. СПб., 1863. 99 с.
59. *Список населенных мест* Симбирской губернии. Симбирск, 1884. 194 с.
60. *Список населенных мест* Симбирской губернии в 1896 году. Симбирск, 1897. 470 с.
61. *Список населенных мест* Симбирской губернии. Симбирск, 1913. 283 с.

Кобзев Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; старший научный сотрудник, НИИ Истории и культуры им. Н.М. Карамзина, (г. Ульяновск); e-mail: alkobzev@yandex.ru

Kobzev Alexander Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Faculty of History and Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov; Senior Researcher, Institute of History and Culture named after N.M. Karamzin (Ulyanovsk)

УДК 94(47):316.3

О.Н. Коршунова, М.В. Салимгареев

Народы Поволжья в начале XX века: дискурс этнической солидарности и российской идентичности

Этническая солидарность – это солидарность, которая направлена на формирование, восстановление, поддержание этнического организма. Большую роль по конструированию солидарности как важного аспекта территориально-политической интеграции на основе общих культурных черт и ценностных норм в контексте российских реалий играет государство. Неэффективность системы государственного управления, отсутствие оперативной реакции политических институтов на импульсы обратной связи в масштабах империи породили в начале XX века всплеск внутрисистемного напряжения. Идентификационная база, лежащая в основе приверженности единому для всех российскому государству, постоянно подвергалась угрозам, в том числе по причине роста этнического самосознания в сочетании с политическими требованиями. Появилось соперничество между растущими тенденциями этнонационализма и необходимостью укрепления общегражданского единства. Потенциал ослабления напряжения содержали традиции межэтнической солидарности и джадидизма.

Ключевые слова: этническая солидарность, Поволжье, политический диалог, этнонационализм, общегражданская идентичность, российская цивилизация, государство, джадидизм, Марджани, Насыри.

O.N. Korshunova, M.V. Salimgareev

Peoples of the Volga region in the early 20th century: discourse of ethnic solidarity and all Russian identity

Ethnic solidarity is the solidarity, which aims to formation, restoration, maintaining of ethnic body. A major role for design of solidarity as an important aspect of territorial and political integration on the basis of shared cultural features and values norms in the context of Russian reality is the state. The inefficiency of public administration system, the lack of an operative reaction of political institutions to feedback impulses in the scale of the empire gave birth at the beginning of the 20th century to burst internal system voltage. The identification base underlying the commitment to a single Russian state was constantly threatened, including the cause of the growth of ethnic self-consciousness coupled with political demands. There was a rivalry between the growing tendencies of ethno-

nationalism and the need to strengthen the civil unity. The potential for weakening of the tension was maintained by the traditions of inter-ethnic solidarity and Jadidism.

Keywords: Ethnic solidarity, the Volga region, political dialogue, ethnonationalism, general civil identity, Russian civilization, state, Jadidism, Marjani, Nasyri.

Актуальность проблемы предопределена обсуждаемыми в гуманитарной науке антиномиями политической культуры. После периода активизации исследований с использованием неизвестных или недоступных прежде архивных материалов и документов, после своеобразного возрождения краеведческих изысканий ныне наличествует потребность «вновь обрести упорядоченное целостное представление о мире, мировоззрение, упорядоченное знание, методологию» (Пивоваров, 2002, с. 27). Эвристическим, парадигмальным подходом в русле темы отличаются, на наш взгляд, труды Л.Н. Гумилева, А.С. Ахиезера. На региональном уровне вектор изучения задают понятия «модель Татарстана», «Феномен Удмуртии», ориентирующие на изучение межэтнического взаимодействия и, следовательно, российской идентичности, а не только этнической солидарности и т.д. Ключевым вектором выступает дискурс государство – этнос.

Важность выявления универсальных черт, в том числе отечественного общества с позиций цивилизационного подхода возрастает по мере осознания принципиальной значимости самоидентификации (самоопределения). Американский историк Теодор Тарновски в интервью журналу «Родина» справедливо полемизирует с утверждением Р.Пайпса и Э.Киннана о том, что Россия есть «неизменное и однородное мистическое нечто», страна «замкнутой на самое себя политической культуры, неизменно воспроизводящей в веках свою самобытность». Разнообразие государственных и культурных типов дореволюционной России поразительно («Европейцы» и «восточники», 1995, с. 25).

Но Россия – страна парадоксов, в числе которых дуальность феномена разнообразия, с одной стороны, и наличия общезначимых характеристик, когда речь заходит о глобально-исторических параметрах, с другой. Правомерность тезиса о том, что Россия – самостоятельная цивилизация ученые аргументируют тем, что глубинные цивилизационные структуры, «общероссийский народный характер и менталитет, фундаментальные черты образа жизни и мысли» сохраняют свою специфику по отношению к другим цивилизациям на протяжении веков (Шаповалов, 2003, с. 7). Пример истории Поволжья подтверждает, что состав-

ляющие страну народы не обязательно близки по языку, культуре и конфессиональной принадлежности, и любой представитель цивилизации является носителем «характера и ментальности, общих для данной цивилизации, без обязательной утраты социально-психологических черт той национальности, к которой принадлежит» (Шаповалов, 2003, с. 98).

Национальная идентичность понятие наиболее неопределенное и противоречивое, хотя прочно укоренено в научном общественно-политическом лексиконе. Но оно нагружено разными смыслами, поскольку понятию нации как общества и государства в западноевропейских языках противостоит доминирующее в России понимание термина как народа (этноса) (Зарецкий, 2011, с. 89).

Процессы, происходившие в национальных отношениях на рубеже XX–XXI вв., нередко описываются в контексте парадигмы этнической мобилизации. Важным фактором мобилизации были историческая память и апелляция к истории. Однако, во-первых, это неоднозначный период, сопровождающийся поиском новых конструктов сознания. Во-вторых, народы имеют разные исторические судьбы. При высоком уровне дисперсности расселения татар не удивительно, что в 1999 г. только пятая часть их назвали «историческое прошлое» объединяющим фактором.

Методологический ракурс темы предполагает ключевое значение терминов-понятий «идентичность» и «солидарность». При этом идентичность представлена в общероссийском и этническом формате. П.Крупкин применяет понятие субъективно идентичности. Этим термином он обозначает коллективную идентичность сообществ, «способных к внутренней солидарности членов и общему пониманию своих групповых интересов», отстаиваемых с помощью политики. В начале XX века российское государство признавало этническую идентичность поляков, немцев, евреев. Идентичность социальных групп отличалась спецификой. В этот период большинство российского общества составляли представители целого спектра сословий. Их коагулят – интеллигенция «сублимировала в дискуссии об общественном устройстве», но в нем были и люди с организаторскими способностями (контрэлита). «Прогрессивная общественность» выкристаллизовала свою идентичность, оторвав себя и от актива Империи, и от массы (Крупкин, 2010, с. 359). При этом революционной интеллигенции в России была присуща критика парламентаризма и либерализма с позиций широко трактуемой солидарности.

Солидарность можно определить как эмоциональную, ценностно-мотивационную характеристику всякого человеческого сообщества, где

ключевым аспектом в деятельности отдельной личности выступает ее интеграция в коллектив для обеспечения его целостности и жизнеспособности. Как принцип, конституирующий общественную связь между людьми, солидарность действует во всех социальных сообществах, представляя собой «вектор исторического движения» (Межуев, с. 78). Этническая солидарность – это солидарность, которая направлена на формирование, восстановление, поддержание этнического организма. Формат межэтнической солидарности возникает через совместный социально-исторический опыт разных народов, а также через усилия их элит для поддержания определенной целостности, но уже в масштабе общенациональном. Большую роль по конструированию солидарности как важного аспекта территориально-политической интеграции на основе общих культурных черт и ценностных норм в контексте российских реалий играет государство (Максимова, с. 307–309).

Однако неэффективность системы государственного управления, отсутствие оперативности реакции политических институтов на импульсы обратной связи в масштабах империи породило в начале XX века всплеск внутрисистемного напряжения. Идентификационная база, лежащая в основе приверженности единому для всех российскому государству, постоянно подвергалась угрозам, как со стороны внешних сил, так и внутренних (рост этнического самосознания в сочетании с возникающими политическими требованиями этнических общностей). Появилось соперничество между растущими тенденциями этнонационализма с одной стороны и необходимостью укрепления общегражданского единства с другой. И хотя культурная самобытность и возникающая в ней личностная и групповая идентификации дополняют панораму экономических, социальных, гендерных, возрастных, профессиональных параметров идентичности, этничность в данный исторический момент начала XX века выступила как инструмент политической мобилизации, в определенной степени дестабилизируя российское общество в целом.

Это проявилось в национальных и конфессиональных вызовах со стороны тюрко-мусульман региона. Их превращение в политическую общность получило толчок по мере формирования идеологии джадидизма, литературного языка, развития книгоиздательства и национальной системы образования. Джадидизм знаменовал переход от изоляционистских приоритетов этнического сознания татар к более сложному спектру идейно-ментальных доминант.

Модернистское течение джадидизма активизировало внимание и стимулировало интерес к другим культурам. Его идеологическая направленность побуждала и к национальному самосовершенствованию, и к стремлению обогатить мировую культуру. В популяризации новых мировоззренческих ориентиров ключевую роль сыграл крупный ученый и философ Шигабутдин Марджани. Энциклопедически образованный просветитель Ш.Марджани обращал внимание на взаимовлияние культур Запада и Востока. Условием культурного и цивилизационного прогресса татарского народа он считал изучение русского языка и законодательства Российской империи. Призыв осваивать достижения русской культуры соответствовал вектору культурного прогресса, невозможного без «выхода» на европейскую науку и культуру.

Начало общероссийской солидарности подпитывалось этнокультурными взаимовлияниями. Экономические и социокультурные процессы Нового времени характеризовались нарастанием каналов и масштабов взаимовлияний в различных сферах жизни. Это отразилось и на панораме культурных взаимодействий татарского сообщества России. Изменились векторы заимствований. Если в прежние века культурные образцы прибывали к волжским и уральским татарам из Средней Азии и требовали владения арабским и персидским языками, то к началу XX века вектор заимствований обрел турецкую и российскую направленность. По мере освобождения русской культуры от церковного влияния ее образцы становились приемлемыми для использования представителями народов с мусульманскими корнями культуры. Добровольность культурной ассимиляции и контактов служила принципиально важной предпосылкой взаимообогащения культур. Иными стали и сферы наиболее интенсивных взаимовлияний: место бытовых и фольклорных форм культурных контактов и заимствований заняли просвещение и образование, высокое искусство, периодическая печать, книгоиздательское дело.

К рубежу XIX–XX вв. татарское общество вступает в новый этап цивилизационного развития, ознаменованный бурным ростом социальных структур буржуазного, рыночного времени (Тагиров, 2007, с. 287). Важным фактором возникновения новой социокультурной ситуации стало расширение границ татарской диаспоры, превысившей 2 млн. человек. Составляя относительное большинство населения в регионе давнего проживания – Волго-Уралье они мигрируют в промышленные районы империи, а также в Сибирь и Среднюю Азию. Наиболее крупные анклавы татарского населения сложились в Казанской, Уфимской, Са-

марской, Вятской, Симбирской и Оренбургской губерниях. Это требовало от татар культурной адаптации на новых местах проживания. Особенно заметными культурные взаимовлияния были в городах, в том числе и прежде всего в столицах России.

В межкультурных связях региона роль активного фермента стала играть интеллигенция. Формами контактов и взаимовлияний становятся научные сообщества, переводческая деятельность, музейная и издательская сферы. Масштабы и глубина влияния, диапазон общественной и культурной деятельности Казанского университета во второй половине XIX века возросли до масштабов системообразующего элемента культурных связей народов региона, Востока России, татарского народа. Согласно подсчетам С.М. Михайловой, в 1861–1895 гг. в Казанском императорском университете обучались 28 татар. Благодаря университету Казань была центром культуры чувашей, марийцев, удмуртов (Михайлова, 1991, с. 130–137).

Особый сюжет культурных связей народов Востока России составляет казанское востоковедение. Казанской школе ориенталистов мировая наука обязана дешифровкой и анализом литературных памятников, без которых невозможно изучение и сохранение культурного наследия многих народов. В Обществе археологии, истории и этнографии сотрудничали и были членами и татары. Так, 19 февраля 1895 г., в годовщину подписания «Манифеста» об отмене крепостного права с сообщением «О памятниках народной литературы Казанских татар» выступил Абдул-Каюм Насыров. Памятники казанско-татарской литературы в переводах и обработке Каюма Насыри постоянно печатались в «Известиях ОАИЭ». На него многократно ссылался в своих работах Н.Ф. Катанов. Культуру своего народа Насыри пропагандировал не только в Казани. В 1880 г. в Петербурге были опубликованы «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на них суннитского магометанства» с предисловием В.В. Григорьева. Изданные в Казанском университете труды Каюма Насыри по морфологии и синтаксису татарского языка, сравнительная характеристика русского и татарского языков свидетельствовали о профессионализме просветителя и исследователя, о соответствии его изданий уровню развития ориенталистики конца XIX века. (Михайлова, Коршунова, 1997, с. 72–73).

Востоковеды университета фокусировали внимание на изучении и популяризации языков, литературных памятников, этнографических и фольклорных образцов, религии, истории и особенностей правовой

культуры народов Востока и прежде всего татар, «которые всегда под рукой». Во второй половине века традиции обращения ученых университета к татарской культуре обогатились источниковедческой и переводческой работой, укреплением связей с городской публикой Казани, периодической печатью. В рамках этой деятельности развивалась музейная работа, организация выставок, существовали проекты создания татарского училища, периодических изданий на татарском языке, курсов по изучению мусульманского права. Актовые годичные собрания в университете привлекали внимание и татарской публики. Формой культурных связей в эпоху просвещения выступают личные контакты, «филиация идей» в интеллигентском кругу. Вместе с просветителем Шагбаз-Гиреем Ахмеровым (1854–1900) работал крупный ученый В.В. Радлов, в 1871–1884 гг. исполнявший обязанности инспектора татарских и татаро-башкирских школ Казанского учебного округа, а с 1876 г. в течение восьми лет одновременно руководил учебной частью Казанской татарской учительской школы.

Численность татарской интеллигенции была относительно невелика, но ее подвижничество и связи с представителями интеллигенции других народов имели качественное значение, несли «сверхнагрузку». Интеллигенции принадлежит ключевая роль в расширении каналов культурного взаимовлияния. Вектор воздействия интеллигенции на формирование национального сознания возрастал. Казанскую учительскую школу закончил учитель из мари, крестьянин по происхождению П.И. Ерусланов. Выпускником Казанского университета был просветитель из калмыков Э.Хара-Даван (1885–1942).

Среди заказчиков книг, обращавшихся в типографию Казанского университета, было немало татар из Оренбурга, Троицка, Челябинска, Петропавловска, Петербурга и других городов России. Неоднократно издавались книги, «нужные для русского читателя». Они печатались по заказу государственных учреждений. По заявке Оренбургского губернатора отпечатано «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков» С.Бекчурина. Типография Казанского университета занимала ведущее место среди типографий, печатавших татарские книги (Габдельганеева, 1994, с. 3). В Казани изданы первые удмуртские, марийские, чувашские, мордовские, башкирские литературные образцы. Через педагогов-просветителей русская литература распространялась среди народов Поволжья. Так, К.Насыри в учебнике «Образец русско-татарской грамматики по методе арабской граммати-

ки» (1891) дал свой перевод басен И.Крылова. Отдельным сборников его басни на татарском языке вышли в 1901 г. Особенно заметно в этот период увеличилось число переводов А.Пушкина и Л.Толстого.

А.С. Ахиезер рассматривает смуту начала XX века в контексте недостаточного понимания властью двойственного характера сакральности и необходимости адекватно ответить на активизацию сил смуты. В свою очередь, магистральным маршрутом раскола в рассматриваемый нами период он считает противоречие между нравственным развитием общества (появление либерально-модернистского идеала в правящем слое) и ростом дезорганизации, усиление раскола между обществом и государством (Ахиезер, 2002, с. 68). Описанные процессы, разворачивавшиеся в имперском и региональном масштабах, повышали ответственность властных элит за организацию политического диалога. Однако реалии эпохи войн и революций оказались роковыми.

Раскол в российском обществе, достигший апогея в 1917–1918 гг., отразился и на истории складывания татарской нации. Параллельно и синхронно с интенсификацией культурно-модернизационных процессов социально-экономические реалии стимулировали пробуждение национального сознания народов. Примкнувшая к кадетам партия «Иттифак-эль-муслимин» на учредительном съезде (август 1905 г.) обращала внимание на необходимость отстаивать права и свободы мусульманских народов России. Этническая солидарность, облеченная в лозунги политической стратегии, встретила, однако, оппозицию со стороны интеллигентов левой ориентации. В национальном движении начала XX века наряду с течением, олицетворяемым Садри Максуди, наметились потоки, которые представлял Гаяз Исхаки (эсеровское крыло) и основатель Мусульманского социалистического комитета Мулланур Вахитов, поразному оценивавшие условия процветания татарского народа.

Источники и литература

1. *Ахиезер* А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et contra. Т. 7. № 3. 2002. С. 51–76.

2. *Габдельганеева* Г. Книгопечатание и типографская деятельность Казанского университета второй половины XIX века: дис… канд. филол. наук. Казань, 1994.

3. *«Европейцы» и «восточники»* // Родина. 1995. № 8. С. 24–27.

4. *Зарецкий* Ю.П. Стратегии понимания прошлого. Теория, история, историография. М., 2011. 384 с.

5. *Крупкин* П. Россия и современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М: Флинта: Наука, 2010. 568 с.

6. *Максимова* О.Н. Этнополитическая культура современного российского региона: дисс... д-ра полит. наук. М., 2015.

7. *Межуев* В.М. Солидарность как утопия // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. Вып. № 9. М.: Научный эксперт, 2010.

8. *Михайлова* С.М., *Коршунова* О.Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. Казань, 1997. 106 с.

9. *Михайлова* С.М. Казанский университете в духовной культуре народов Востока России. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 360 с.

10. *Пивоваров* Ю. Русская политическая культура и political culture // Pro et contra. Т. 7. № 3. 2002. С. 23–50.

11. *Тагиров* Э.Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. Казань, 2007. 391 с.

12. *Шаповалов* В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации: учеб. пособие для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 624 с.

Коршунова Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань); e-mail: felix_kor@list.ru

Салимгареев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань); e-mail: msalimga.dis@mail.ru

Korshunova Olga Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Humanities Department of the Kazan National Research Technological University (Kazan)

Salimgareev Maxim Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Humanities Department of the Kazan National Research Technological University (Kazan)

УДК 94

Арзу Кылынч

Положение российских, турецких и волго-уральских татар на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны

Большая часть ближневосточных земель, которые считались колыбелью иудаизма, христианства и ислама, начиная с XVI века до Первой мировой войны находились во владении Османской империи. Следует отметить, что палестинские и сирийские земли, в XIX веке в духовном плане оказались под влиянием Запада. Со временем количество и влияние зарубежных консульств и поселений возросли. Великобритания, Франция, Россия Австрия и США открыли свои консульства в Иерусалиме. В XIX веке Россия стала больше обращать внимание на положение греческих православных общин в Сирии. Столица Османского халифата – Стамбул – как обладатель двух исламских святынь – городов Мекки и Медины – имела большое значение для волго-уральских, крымских, кавказских и среднеазиатских мусульман, которые проживали на территории царской России. После окончания Первой мировой войны на Ближнем Востоке появились новые государственные образования. Одной из важнейших причин вовлечения Османской империи в Первую мировую войну несомненно была потеря ближневосточных земель.

Ключевые слова: Ближний Восток, Россия, Православие, Мусульмане, Иерусалим, Хиджаз.

Arzu Kılınç

The position of the Russian, Turkish and Volga-Ural Tatars in the Middle East on the eve of the First World War

A large part of the Middle East lands, which was considered the cradle of Judaism, Christianity and Islam, starting from the XVI century until the First World War was in the possession of the Ottoman Empire. It should be noted that Palestinian and Syrian lands, in the XIX century spiritually were under the influence of the West. Over time, the number and influence of foreign consulates and settlements has increased. Britain, France, Russia, Austria and the United States opened their Consulates in Jerusalem. In the XIX century Russia began to pay more attention to the situation of Greek Orthodox communities in Syria. The capital of the Ottoman Caliphate in Istanbul as the owner of two Islamic shrines – Mecca and Medina was of great importance for the Volga-Ural, Crimean, Caucasian and Central Asian Tatars, who lived on the territory of tsarist Russia. After

the end of the First World War in the Middle East appeared new state entities. One of the most important reasons for the involvement of the Ottoman Empire into the First World War was undoubtedly the loss of the Middle East lands.

Keywords: Middle East, Russia, Orthodox, Muslim, Jerusalem, Hijaz.

Введение

Регион, который на сегодняшний день называется Ближним Востоком, начиная с XVI века и до конца Первой мировой войны, находился под протекторатом Османской империи. Капитуляция Османского государства в Первой мировой войне (1914–1918) стала причиной распада империи и лишения всех ближневосточных владений. Большая часть этих территорий – бывшие сирийские и палестинские земли.

В первой половине XIX века Османская империя установила с Западом духовные, культурные и литературные связи и заимствовала оттуда некоторые законы и институты. В этом плане Уложение Танзимата (Гюльхане Хатт-ы Хумаюн), которое было объявлено в 1839 г., предусматривало нововведения в области права, финансов и управления. Уложение Реформ 1856 года, которое было объявлено под внешним влиянием, предоставляло равные права мусульманам и зиммиям[1]. Несмотря на то, что они были одним из элементов правового государства, права, предоставленные зиммиям и иностранцам, имели дестабилизирующий и деструктивный характер (Tahiroğlu, 1985, s. 589). По этой причине с принятием Уложения Реформ иностранные государства стали обладателями значительных торговых и правовых преференций. После получения преференций посольства и консульства имели широкие права и полномочия на османских землях. Они издали свои законы, учреждали суды, тюрьмы и почтовые службы (Lewis, 2003, s. 341). Создав сети в османских городах, получили полномочия открывать частные школы, больницы и церкви. Реформы ощущались и на Ближнем Востоке: христиане, проживающие на территории Сирии[2], получили равные права.

Как и западные государства, с середины века Россия успешно воспользовалась этими юридическими нововведениями. Первоначально, на Ближнем Востоке, в частности в Иерусалиме, Россия купила земельные

---

[1] Немусульманское население, которое проживает на землях исламского государства, платит налог под названием джизья для защиты имущества и свобод.

[2] Сирия была подразделена на 3 провинции: Дамаск, Триполи и Алеппо. В те времена включала в себя территорию следующих современных государств: Сирия, Ливан, Израиль и Иордания.

участки для открытия религиозных, образовательных и благотворительных учреждений для православного населения, построила здания и пыталась расширить сферу их влияния. Количество российских христиан и мусульман, которые отправились в Иерусалим, Мекку, Медину и Египет с целью паломничества, получения образования и развития торговли, возросло. Цель этой статьи – исследовать российско-турецкие отношения начала XX века в регионе Ближнего Востока.

Деятельность России и западных держав на Ближнем Востоке в XIX столетии

Османские подданные классифицировались не по этническому или региональному признаку, а по конфессиональному. Для каждой общины использовался термин «миллет». Например, последователи христианского православия именовались «православным миллетом». После завоевания Стамбула в 1453 г., у христиан, которые проживали на османских землях, открыто функционировали их религиозные и образовательные учреждения. Для всех православных, в частности, русских Греческая православная патриархия в городе стала одним религиозных центров паломничества. Айнароз и Иерусалим также были священными местами паломничества для русских – последователей восточной Церкви. С целью расширения их влияния в Палестине Россия содействовала и оказывала помощь русским православным учреждениям.

Османское государство по мере ослабления стало свидетелем больших трансформаций, которые можно было увидеть и на Ближнем Востоке. Европейские учреждения, которые были в Иерусалиме, в частности, религиозные группы воспользовались этими изменениями. Увеличивалась численность иностранных консульств и поселений и усиливалось их влияние. Великобритания, Франция, Россия, Австрия и США открыли в Иерусалиме свои консульства. Со временем улучшились коммуникации – средства передвижения и связи. Пароходы начали курсировать между Европой и Палестиной, налажены почтовые и телеграфные связи. Иерусалим был соединен со Средиземноморьем, Яффе по суше. В 1892 г. была построена железная дорога (Filistin'de Osmanlı Postaları 1840–1918, 2007, C. II, s. I). Иностранные государства начали открывать в Османском государстве неофициальные, тайные, отделения почтовых служб. Было известно, что в Иерусалиме, немецкие и французские почтовые службы, первоначально арендовали пустые лавки и за несколько дней превращали их в почтовое отделение. Одним из таких примеров может служить от-

крытие без разрешения властей российского почтового отделения в 1901 г. Для его закрытия понадобились меры на уровне российского посольства (BEO. 1721/129017/ 1319. C. 04/18.09.1901). Было установлено, что в средиземноморском порте Хайфа российское консульство занималось торговлей, а на двери торгового дома висела табличка «Российское почтовое отделение» (BEO. 3184/238755, 1325.L.08/ 06. 11. 1907). Этот случай стал предпосылкой для ревизии почтовых отделений, открытых без разрешения властей на территории империи (BEO. 3222/241629, 1325. Za. 29/ 04. 01. 1908). В годы Первой мировой войны, Ильялович Дайчевич, который работал в администрации российского почтового отделения Бейрута, одновременно был представителем судоходной компании. В справке, где указывал свои личные данные, заявил, что он является инспектором отделений в городах Бейрут и Мерсин Российско-арабской торговой компании. Несмотря на то, что этот человек был отправлен в город Конья в качестве заложника после окончания войны, он приезжал в Стамбул с целью лечения глазных болезней. В конце концов, он захотел уехать Россию, мотивируя свой поступок тем, что у него недостаточно средств для лечения в Стамбуле. Его просьба была удовлетворена (DH. EUM. 5. Şb. 57/51 1336 C. 29 /11. 04. 1918).

В XIX столетии Россия начала оказывать больше внимания положению православных греков в Сирии. Начиная с 1820-х гг. Россия, как и другие французские, английские и американские миссионеры Запада, присоединилась к кампании открытия школ. Естественно, сирийские христиане старались отправить своих детей в близкие по духу миссионерские школы. Дети маронитских и униатских[3] католиков посещали французские католические школы и ассоциировали себя с Францией. Православным христианам было сложнее с ними конкурировать. По причине низкого религиозного образования духовных служителей, некоторые православные переходили в католицизм или протестантство и отправляли своих детей в их миссионерские школы. Одна часть, которая была верна религии отцов, по причине того, что высокие посты находились в руках греков, редко становилась священниками или посещала российские миссионерские школы. Еще меньше людей обучались в российских университетах (Arthur Goldschmidt Jr., Lawrence Davidson, 2008, s. 274–275). Неимущие, осиротевшие из числа немусульманского населения по разным каналам попадали под влияние России, Англии, Франции и Америки. В их воспитании принимали участие: Российское пале-

[3] Греческое католичество.

стинское общество, Английское протестантское общество, Французское иезуитское общество. В качестве противодействия этим учебным заведениям и с целью защиты детей от влияния этих миссионеров и сохранения их религиозных убеждений была открыта школа для сирот. В 1899 г. один из мэров сирийского города отправил письмо, чтобы расходы этого учреждения были возмещены (Osmanlı Belgelerinde Suriye, 2013, s. 406).

В одном из важнейших торговых центров империи – в Алеппо – католики наиболее активно осуществляли свою деятельность и заинтересовывали представителей других конфессий. Население города со временем увеличивалось за счет арабоязычных приезжих из греко-православных христианских деревень из регионов Триполи и Хамы (Masters, 2003, s. 42). В частности, приходили сведения, что православные из Алеппо переходили в католичество. В 1818 г. даже Бабиали по требованию Стамбульской греческой православной патриархии призвал религиозных деятелей из числа мелкитов Алеппо (греки Алеппо) к принятию православия. Восстание греков в 1822 г. еще более усилило позицию католиков Алеппо. В 1822 г. султан предоставил им автономию и право оставлять 35 часть из 40 собранных денег в качестве налога от греков Алеппо. В это время, только 30–40 греческих домов принадлежали православию, в то время как остальные 1500 домов принадлежали католической религии (Masters, 2003, s. 72).

Согласно официальным османским документам, на Ближнем Востоке Россия свое культурное и религиозное влияние оказывала через различные общества, такие как «Русско-греческое православное палестинское общество», «Русское благотворительное общество», «Общество палестинских земель». Общества функционировали под руководством сына императора Александра II, графа Сергея Александровича (1857–1905). Согдасно османским документам, центром учреждения был город Хайфа (DH. İD. 163/46, 1332. B. 14/08.06.1914) Цель заключалась в оказании помощи православным, которые проживают на землях Палестины и Сирии. В одном из сообщений на арабском языке, которое было опубликовано по случаю открытия общества, целью его учреждения указывалась «защита православной веры на священных землях» (HR. SYS. 1365/63, 01.31.1895).

Россия оказывала влияние на управление греческими православными школами посредством этого общества. «Русско-греческое православное палестинское общество» назначило около 30 инспекторов в греческие пра-

вославные школы. В некоторых школах, куда были определены русские инспектора, начали обучать русскому языку (DH. ŞFR. 227/ 158, 1314. E. 27/ 09. 12. 1898). Предложение консульства г. Дамаск о нерекрутировании в армейские ряды учителей начальных классов греко-православных школ указывает на то, что Россия практически сама решала все вопросы в области образования (DH. MUİ. 71/67, 1328. R. 17/27.04.1910). Особенно через общества и консульства урегулировались некоторые проблемы церквей в Сирии. В частности, одним из таких примеров является вешание колоколов, крестов и икон на греко-православные церкви Хамы и Хомса, которые были отправлены из Одессы на пароходе (DH. MKT. 1553/86, 1306. S. 05/11.10. 1888). Было проведено исследование, по которому оказалось, что эти переданные митрополитам материальные ценности повешены российским консульством в г. Хама и Палестинским обществом (DH. MKT. 1565/55, 1306. Ra. 13/17.11. 1888).

Недвижимое имущество в виде земельных участков и сооружений на Ближнем Востоке было зарегистрировано за графом и «Русско-греческим православным палестинским обществом». После смерти графа Сергея Александровича в г. Москве, был составлен список недвижимого имущества. Юридический процесс по поиску его детей, наследников и имущества продолжался вплоть до Первой мировой войны. Он начался по причине получения сведений о бесхозности недвижимого имущества Сергея Александровича в санджаке Иерусалим, провинциях Бейрут и Сирия. Только в Иерусалиме и в его окрестных деревнях было выявлено около 13 единиц сооружений и земельных участков с общей стоимостью 3,1 млн. османских курушов. Функционировали 87 школ начального уровня, которые обучали по православной системе образования. До объявления мобилизации ими руководил заместитель председателя, а с началом войны они находились в ведении итальянского консула (HR. İD. 307/14, 12. 05. 1915).

Санджак Священный Иерусалим

Во времена Османской империи палестинские земли в административном плане делились на санджаки: Иерусалим, Газа, Наблус и Сафед, относящиеся к провинции Шам (Сирия) (Karaman, 1996, s. 92). Между греко-православной и латинской католической церковью существовала конкурентная борьба в отношении раздела благодати и управления сооружениями духовного назначения, молитвенными домами и храмами, часто возникали столкновения на этой почве. С самого начала утвер-

ждения в столице греческого патриарха в качестве главы православной церкви в Стамбуле Османское государство получило в наследство вопрос «священных земель» (Karal, 1988, s. 222–223). Одной из причин возникновения Крымской войны в 1853 г. была защита со стороны России османских православных христиан.

Она построила на купленных землях в Иерусалиме здания религиозного и культурного значения. Там также функционировали гостиницы, которые обслуживали русских паломников. Российские консульства содействовали их деятельности, решали возникающие правовые вопросы. Например, представитель консульства Акки и Хайфы в Насыре оказывал помощь в покупке земельного участка для сооружения гостиницы и пансионата для неимущих. Разрешение было дано с условием, что сооружение не будет трансформировано в начальную школу или в учреждение другого назначения (DH. MKT. 2436/97, 1318. Ş. 16/ 09. 12. 1900). Палестинское русское православное общество обеспечивало строительство стройматериалами и ходатайствовало, чтобы они были ввезены на территорию Османской империи беспошлинно (HR. İD. 2086/ 54, 10. 06. 1901). Для покупки недвижимого имущества на Ближнем Востоке Россия выставила на продажу в Стамбуле два земельных участка, расположенных недалеко от летней дачи российского посольства в Тарабье. Однако продажа объектов не состоялась по причине отсутствия разрешения властей (HR. SYS. 1786/76, 18. 07. 1891).

В покупке недвижимости были замечены махинации. Один из исков, который поступил в местный суд, был связан с недвижимостью, принадлежавший вакфу шейха Абдуллаха ас-Сухейли, руководителя Аккы Накибулэшраф[4]. В результате судебного разбирательства, кофейня и сад (M.V. 102/26, 1319. M. 25/ 14. 05. 1901), которые были переданы в управление представительства российского консульства г. Хайфы, были возвращены прежнему владельцу (DH. MKT. 2277/96, 1317. B. 26/ 30. 11. 1899). Консульство, хотя и утверждало, что шейх Абдуллах сказал слова против российского императора и правительства, при личном допросе он не признал это обвинение (DH. MKT. 864/27, 1322. R. 11/ 25. 06. 1904).

Также можно было встретить случаи, когда благотворительные учреждения без разрешения властей трансформировали в церкви. «Русско-греческое православное палестинское общество» построило гостиницу на западе озера Лута [Мертвое море], в Халиле [Хевроне], под названи-

[4] Накиб-уль-эшраф, чиновник, назначенный со стороны государства для оказания помощи потомкам рода пророка.

ем «Saintde Macara». Российское консульство попросило разрешения, чтобы к нему были добавлены еще две комнаты. Разрешение было предоставлено с таким условием, чтобы «сооружение не трансформировалось в церковь». Был заплачен налог и начато строительство (HR. TH. 354/28, 20. 10. 1907). С 1868 г. на земельном участке в районе Сибта, принадлежавшем обществу, с ведома султана и местных османских чиновников было построено одно здание. Однако общество со временем инициировало общественные дискуссии по поводу превращения сооружения в церковь, в качестве причин указывало, что тысячи русских паломников посещают «Мамуре Зинджири» (замок Мамуре), и им требуется укрытое место отдыха (BEO. 3880/290 966, 1329. R. 12/12. 04. 1911). Здание находилось в 200 м от дерева, под которым сидел Ибрахим (Авраам), это дерево также посещали мусульмане (DH. İD. 123/19, 1332. R. 23/20. 03. 1914). Через три года та же самая просьба упоминается в официальных документах: в Иерусалиме, в районе аль-Халиль, гостиница «Saintde Mamure», которая была построена в честь графа с разрешения местных властей, состоящая из трех комнат и гостиной, была превращена русскими священнослужителями в церковь, несмотря на то, что в XIX веке в Иерусалиме были пять, а в аль-Халиле одна гостиница, где могли ночевать русские православные паломники (Syrie, Liban, Palestine…, 1896–1901, s. 549). Функционирование одной русской церкви в Яффе обнаружилось вследствие случая кражи церковного имущества (DH. MUİ. 552/4, 1328. S. 10/ 21. 02. 1910).

В городе, который считался священным с точки зрения трех небесных религий, за пределами стен старого города находился район, который принадлежал России. Этот район образовался после покупки просторного земельного участка, расположенного среди деревьев, рядом с воротами Яффы, городских стен с протяженностью 2,5 км, и строительства на этом участке новых зданий. Недалеко от него и от здания консульства располагалась церковь Марии Магдалены, которая обслуживала больше 1000 паломников. Подальше от них находились одна больница и две гостиницы (места для ночлега) для паломников. В этих зданиях паломники могли переночевать, поесть и помыться. При необходимости в этих местах, где также была библиотека, оказывались платные услуги. Строительство этого комплекса под названием «Новый русский дом» закончилось в 1882–1891 гг. (Syrie, Liban, Palestine…, 1896–1901, s. 546–547). Татарский общественный деятель Юсуф Акчура, который посещал Иерусалим, упоминал, что народ именовал это место «Московией», т.е.

«Русским местом». Двери этого комплекса, который был окружен толстыми стенами и был похож на маленький городок, закрывались каждый вечер (Akçura, 2016, s.135). Общество и российское консульство в Иерусалиме отправили официальное письмо-обращение к властям с просьбой открыть в месте, которое упоминается в османских источниках как «Московия», школу для мальчиков и девочек – детей российских подданных (MF. MKT. 423/29, 1316 C 30/ 15. 11. 1898).

Зейтиндагы (Оливковая гора) в Иерусалиме, несомненно, является одним из самых значимых мест для христиан. Эта священная гора для христиан упоминается и в Библии, и в Торе. В этом месте похоронены известные религиозные деятели, так как считается, что в этом месте умер Иисус. Писатель и журналист Фалих Рыфкы Алай, который отправился на Ближний Восток во время Первой мировой войны, так описывает Иерусалим: «Нахожусь на Оливковой горе... Самое красивое сооружение Иерусалима у немцев, после них – у них же, самое большое сооружение – у русских, другие же сооружения – у англичан, французов, были у других народностей [а не у нас]» (Atay, 1988, s. 37, 39).

Османское правительство признавало права православных, латинян и армян посредством издания ферманов и указов, при необходимости расширяло их. После завоевания Стамбула в 1455 г., Иерусалимская греческая патриархия обосновалась в Стамбуле. Православным показали документы халифа Умара, в которых он признавал права православных, и новые власти также продолжали эту традицию (Karal, 1988, s. 223). Русская православная община, которая проживала на территории Иерусалима, относилась к Иерусалимской греческой патриархии. Религиозным авторитетом греческих православных в Палестине был патриарх, который руководил синодом из 12 епископов (Syrie, Liban, Palestine…, 1896–1901, s. 517). В Иерусалиме располагались 10 греческих православных церквей и монастырей. Самой большой из них была церковь «Камаме» (Saint Sépulcre) (Syrie, Liban, Palestine…, 1896–1901, s. 537). Эта церковь была разделена между четырьмя христианскими общинами и находилась под их управлением.

Французский католик Александр Данжен, посетивший Ближний Восток в начале XX века, так описывает обряд Священного огня в церкви во время Пасхи: «В обед к церемонии, где участвовали патриарх и митрополиты, присоединились все русские. Более двух тысяч греков пришли в церковь со свечками. На первых рядах расположились епископы и митрополиты, консульские работники и высокие чины заняли места рядом с

ними. Потом зажгли Священный огонь. Присутствующие на церемонии, зажигая свои свечи, выходят на улицу. Они верят, что эти свечи приносят исцеление и счастье, предотвращают несчастные случаи. Каждый год организуют обряд Священного огня, обходят церковь три раза и эта церемония длится три часа». После обряда Данжен также наблюдал за грандиозным представлением греков. Епископы и митрополиты были одеты в яркие жемчужные одеяния, украшенные дорогими камнями, а за ними расположились российский и испанский консулы (Danjean, 1907, s. 147–153). В другие дни большое количество русских и греков с утра до вечера возносили мольбу в старых церквях Иерусалима, целовали священные камни и только под вечер покидали церкви (Pierre, 2011, s. 132).

Число русских православных паломников, которые посещали Иерусалим и священные земли, со временем увеличилось, в среднем упоминается о 5 тысячах паломниках в год (Syrie, Liban, Palestine…, 1896–1901, s. 542). В первые годы XX столетия, Францискен, который отправился на паломничество, встретил караван из 700–800 паломников, которые спускались с горы Табор, он писал: «С горы с протяженностью 1000 метров люди спускались пешком, а попы на мулах. Как видно было из их дряхлого одеяния, у этих «настоящих» паломников на руках была палка и сухари, которыми они питались в течение дня. В обед их угощали в горном православном монастыре» (Danjean, 1907, s. 72). Похожие высказывания оставил французский писатель Пьер Лоти. Он так описывает русских в Иерусалиме, которые следовали за одним киприотским караваном паломников, направляющимся в сторону реки Иордан: «Сотни изнеможенных пожилых русских крестьян с рыжими и красными бородами следовали пешком» (Pierre, 2011, s. 121). «В это утро за пределами стен Иерусалима я наблюдал за церемонией погребения одного русского паломника. Столько паломников погибло на пути в Иерусалим! Церемония погребения пожилой женщины, лицо которой открыто и покрыто воском. Ее несут матушки. Сотни паломников из числа женщин и мужчин наблюдают за церемонией, русские крестьяне с длинными юбками в бледных тонах, в старых шапках из грубой шерсти, с бородами серого цвета. Вид у них дряхлый и немощный. Но в их взглядах можно разглядеть искорки веры. Они все вместе исполняют церковные песни. Как же счастлив этот человек, который умер на священных землях, завидую!.. О! Какая вера у этих людей!..», – восхищался писатель (Pierre, 2011, s. 71).

В конце столетия начинаются массовые переселения в Иерусалим. Большинство иудеев были подданными России и Румынии. Увеличилась официальная переписка по поводу перехода этих людей в подданство Османской империи (MV. 36/5, 1306.M. 13/19.09.1888). Когда было получено сообщение, что они направились из России в Стамбул через Одессу, стал вопрос: как обращаться с людьми иудейской веры (Y.A. Res., 56/41, 1309. 03. 28/ 01. 11. 1891; Y. A. Res., 57/26, 06. 01. 1892). До Первой мировой войны двести еврейских семей выразили желание переселиться в священные земли. В правительственных кругах обсуждались вопрос о принятии подданства переселенцами подданства Османской империи, положительные и отрицательные аспекты этого явления (ŞD. 28/39, 1328.Ca. 29/ 28. 05. 1911).

Образовательные учреждения

В XIX веке во владениях Османской империи были проведены реформы в сфере образования, в частности, были переоснащены военные школы и обновлены их программы. Во многих областях Османской империи были учреждены школы западных держав, с разрешения властей открывались французские, английские средние и высшие учебные заведения.

В этой ситуации Россия также потребовала открыть свои школы, мотивируя свое решение тем, что в империи функционировали французские и католические школы. Перевод обращения Российской стороны был прочитан в меджлисе специальных представителей. В XIX столетии в Иерусалиме функционировали около 600 католических школ, в которых обучались 30–40 тысяч человек (BEO. 001810/135691, 24. Zilkâde 1319/ 04. 03. 1902). Школы, которые открывались при помощи России, в основном были начального и среднего уровня.

Так, в архивных документах упоминается, о функционировании в 1912 г. в Палестине и Сирии 93 мужских и женских школ, которые были открыты Палестинским русским православным обществом. Из переписки с российским консульством становится ясно, что были предоставлены разрешения и на открытие двух раздельных школ для мальчиков и девочек православной веры в городе Зехле горного Ливана и двух мужских школ в районе Хамидия города Хумус (ŞD. 2808/48, 1330 R. 02/22. 03. 1912). Властями были изучены земельные участки в районе Хамидия города Хумус и в деревне Биляль аль-Джалиль, на которых должны были расположиться школы. Исследование участка на предмет безопасно-

сти, вида предназначения, использования в качестве сельхозугодий было естественной процедурой (ŞD. 2316/26, 1331 C. 13/20. 05. 1913). Аналогичное исследование было проведено в отношении земельных участков 8 школ, которые были заново отстроены Палестинским русским православным обществом в деревнях санджаков Триполи и Дамаска. Были проведены общественные дискуссии по поводу земельных участков двух планируемых к открытию начальных школ на предмет их назначения, размера, плодородности (ŞD. 229/24,1331 Ş. 11/16. 07. 1913). Потому что перевод земель сельскохозяйственного назначения на другие виды цели означал снижение поступления налогов в казну.

Развитие средств передвижения на Ближнем Востоке и проекты железных дорог

В XIX столетии концессия Багдадской железной дороги была предоставлена падишахом Абдульхамидом II (1876–1909) немецким компаниям. Визиты императора Вильгельма II в Стамбул, Сирию и Иерусалим оказали существенное влияние на инвестирование Дойче банка в этот проект. Финансирование же Хиджазской железной дороги, строительство которой велось в 1900–1908 гг., было реализовано со стороны Османской империей, ее подданными и другими мусульманами. Железная дорога протяженностью 1300 км соединила город Дамаск с Сирией и Хиджазом. Она стала альтернативой дороге по суше, которая была долгой и небезопасной для мусульманских паломников. Их приезд в Медину был облегчен, но линия до Мекки не была построена. Из Сирии в Амман отправлялись рейсы каждый день, а в Медину – три раза в неделю. Кроме этих рейсов, в Медину отправлялись грузовые поезда без расписания, которые перевозили грузы и воду.

Город Хайфа был важным портовым хабом и имел особое значение для функционирования железной дороги. Кроме причала там располагались фабрики, текстильные мануфактуры, склады для труб и амбары. В Медину отправлялись экспресс поезда с питанием и местом для сна. Путешествие по этому маршруту длилось 48 часов. Этот город был одним из семи узловых станций обслуживания железной дороги (İstanbul'dan Medine'ye, 1999, s. 14–15). Документы 1913 года сообщают о том, что Русское православное общество захватило земельный участок на западной стороне от здания администрации Хайфы, принадлежавший управлению Хиджазской железной дороги. Вопрос на рассмотрение был направлен в Министерство иностранных дел. До утверждения плана при-

чала и порта г. Хайфы, были приняты решения, которые будут приниматься в случае повторного захвата земли (BEO. 4155/ 311572, 1331 R. 11/ 20. 03. 1913; BEO. 4166/ 312415, 1331 Ca. 16/ 23. 04. 1913). В этот период в Хайфе Обществу принадлежало лишь одна гостиница (BEO. 4298/ 322311, 1332 Ş. 17/ 11. 07. 1914).

Российские мусульмане от вилаята Сирии до Хиджаза

Взаимоотношения казанских татар, проживающих на территории Волго-Уральского региона, с Османской империей были тесными. Их можно связывать общими религиозными и культурными связями. Этим связям также способствовало то, что такие стратегически важные города и регионы как Стамбул, проливы, Ближний Восток находились во владении Османской империи. Можно было встретить большое количество людей, которые посещали столицу халифата, Стамбул, проходили там обучение и вели торговлю, совершали паломничество и даже переселялись на жительство. В XIX столетии татары из Волго-Уральского региона и Западной Сибири переселялись на османские земли, в частности, в некоторых местах проживания они устанавливали связь со своими соотечественниками и оказывали помощь друг другу.

Начиная с середины XIX века, есть сведения о том, что некоторые люди из Казанского вилаята России проживали на территории Сирии, они многократно обращались за разрешением поселиться в вилаят Сирия. Эти люди без паспорта и разрешения на проживание просили перейти под османское подданство. В качестве такого примера можно привести задержанного в 1907 г. в Сиирте казанца Идрис бин Мехмеда. Первоначально он поселился в поселении Ризе вилаята Трабзон, нашел себе работу через посредников, потом отправился в Сиирт – эти данные были выявлены во время расследования (DH. MKT. 1143/1, 1324. Z. 09/23. 01. 1907). В эти же годы другой татарин, который обращался за разрешением перейти в османское подданство, был Гайнеддин оглу Мухаммед бин Хибетуллах, который приехал из деревни «Дубек Ходжа» Казанской губернии в Стамбул без паспорта, далее направлялся в Сирию (HR. TH. 362/73, 30. 04.1908). Из деревни Балтач Казанской губернии Якуб бин Юсуф также без паспорта приехал через Трабзон в Стамбул, потом был направлен в вилаят Сирия. Было принято решение о начале расследования, чтобы принять его в османское подданство (HR. TH. 372/8, 02. 02. 1909).

Османы называли священные города Мекку «Высокочтимой Меккой» [место расположения Каабы], а Медину – «Лучезарной Мединой».

Османские правители принимали меры безопасности для паломников, которые приезжали из разных стран для защиты их от агрессивных действий бедуинов. Были предусмотрены карантинные зоны для борьбы с заразными болезнями в различных портах и регионах, открыты больницы для путешественников, особенно были предприняты инфраструктурные решения для снабжения чистой водой. Руководители обращали внимание к таким вопросам, как наличие проводников для паломников, благоустройство городов, их чистота и освещение.

Караваны Сурре[5] с деньгами и различными подарками отправлялись из Стамбула в Хиджаз. К этим караванам под названием «Сурре Хумаюн» присоединились и российские мусульмане. Так, например, в 1782 г. в этот караван Сурре присоединились 26 казанских татар (Kılınç, 2014, s. 255). Число среди российских число мусульман паломников из Волго-Уральского региона было достаточно высоким. Тэккие, которые в Мекке и Медине принадлежали казанским паломникам, выполняли функции мест отдыха. Здесь можно было встретить торговцев, которые оказывали помощь казанским паломникам в покупке недвижимости и завещали свое имущество вакфам. В 1894 г. одна из таких сделок не была осуществлена по причине нерешительности относительно продажи (BEO. 507/37982; 1312. Ca. 09/ 07. 11. 1894). Одним из таких людей, имя которого зафиксировано в документах, был казанский торговец хаджий Мехмед бин Адбульменнан. Он потребовал переписать на себя один из жилищ, которое ранее принадлежало бывшему врачу Мустафе Эфенди из больницы «Мекке Гуреба». Так как в священном городе продажа недвижимого имущества была затруднена, он получил отрицательный ответ (DH. MKT. 325/5, 1312 B. 01/ 28. 12. 1894). В Медине славилась известностью тэккие хаджия Курбанали, которое было основано казанским торговцем. Курбанали бин Муртаза в 1849 г. совершил хадж и умер в 1858 г. в Казани. Историк и религиозный деятель Шигабуддин Марджани во время поездки в Хиджаз в 1886–1887 гг. отмечал, что оставался в вышеупомянутом тэккие (Rıhlet-ül Mercani, 1897, s. 17). Ахметшах бин Ахметжаналь-Казани в описании своего путешествия па-

[5] Словарное значение: «кошелек». Сурре-и Хумаюн означает «сосуды с деньгами и различные подарки», которые османские правители отправляют через уполномоченных лиц Равза-и Мутаххара в Медине, Заповедной мечети в Мекке, мечети аль-Акса в Иерусалиме для распределения в священных местах во время паломничества среди неимущих, ученых и благочестивых людей, которые служат эталоном для общества.

ломничества, которое он начал в 1327 г. по хиджре (гр. 1909/1910), указывал, что он в Мекке оставался в тэккие астраханца Арифуллаха Эфенди. Этим тэккие и в прежние времена, и теперь управляли казанцы. Этот человек, который некоторое время оставался в тэккие Муджавира Курбанали, встретился с Абдуррашидом Эфенди[6]. Он отмечал, в тот год хадж совершили около 4000 паломников. Ахметшах бин Ахметжаналь-Казани, который вместе со своими друзьями посещал Дамаск, Бейрут, Хайфу и Иерусалим, во время путешествия зашел в дом мухаджира (переселенца) по имени Бурханеддин из уезда Бугуруслан (Татар сәяхәт-намәләре, 2015, б. 76–91).

В одном из османских архивных документов за 1907 г. сообщается о 1000 российских паломниках. Документ содержит указания по поводу облегчения их поездки (BEO. 2997/ 224731, 1325 M. 06/ 19.02. 1907). Об этом также свидетельствуют просьбы некоторых казанских татар, которые посещали Медину за несколько месяцев до начала войны. В Александрии они написали обращение-письмо о назначении им казанского татарина в качестве руководителя их группы (A.MTZ. (05), 10A/ 3299/1332. R. 19/ 06. 03. 1914). Также установлено, что паломники время от времени жаловались.

Путевые заметки, отправляющихся на священные земли паломников, предоставляют детальные сведения о географии этого региона. Воспоминания путешествий паломников прочитывали также в Волго-уральском регионе. Эти тексты мотивировали на посещение священных земель. В Мекке-Медине долгое время проживали выходцы из Волго-Уральского региона. Так, например, к 1896 г. трое (Сейфуллах бин Молла Абдуллах Мирхайдаров, Абдуррахман бин Худауддин Токтариф и Кул Мухаммед бин Абдуллах бин Кударис) около 17 лет жили в Мекке и Медине. Известно, что некоторые лица из Казани изъявили желание прожить оставшуюся жизнь в этих местах и подавали заявление о переходе в османское подданство (HR. İD., 111/38. 15. 01. 1896). Также были казанцы, которые проживали в Медине и получали жалованье. Об этих личностях известно по переписке о прекращении платы жалованья в связи с их смертью (BEO. 2510/ 188187, 1322 Z. 16/ 21. 02. 1905).

В Первой мировой войне Османская и Российская империи заняли противоположные стороны. В ходе и после окончания войны на Ближнем Востоке находились христиане и мусульмане из числа российских

---

[6] Абдуррашид Ибрагим (1857–1944) – мусульманский деятель, писатель, журналист и путешественник.

подданных. Из мусульман – это люди, которые приехали в Хиджаз из Средней Азии, Кавказа, Крыма и Волго-Уральского региона. Некоторые из вышеуказанных молодых людей, после окончания войны поступали в образовательные учреждения г. Стамбула, продолжали там обучение. Османская империя, которая вела войну против России, заняла осторожную позицию по отношению к российским подданным, подозревая их в агентурной деятельности. Например, в 1914 г. она выдала разрешение некоторым российским подданным на проход через Багдад, но чиновники были предупреждены об их возможной агентурной деятельности (DH. EUM. 5. Şb. 3/ 60, 1332 Z. 29/18. 11. 1914).

Рассказы, которые появились в результате расследований в рамках государственной безопасности, свидетельствуют о жизни российских мусульман в Османском государстве. Так, например, казанец Фахреддин оглу Курбан Али, который переселился из России в Стамбул, прожил в Хиджазе в общем 16 лет. Потом он был переселен в Эдирне, далее поселился в Бурсе, где, возможно, проживали его соотечественники. Жена Курбан Али скончалась в Медине, а сам он проживал в районе Сетбашы Бурсы. Ему было выдано разрешение поехать в Медину на четыре дня, чтобы он смог уладить некоторые юридические вопросы (DH. EUM. 4. Şb. 18/5, 1336 C. 06/ 19. 03. 1918). Следующий документ, который связан с этим человеком, возможно, указывает, что он вступил на османские земли в 1900-е гг. После того, как перешел под османское подданство, он занялся торговлей и прожил в Хиджазе 16 лет, в том числе 1 год в Медине. После начала войны возник вопрос о его лояльности, и было принято решение вернуть его обратно на родину, в Россию (DH. EUM. 2. Şb. 20/ 60 C, 1336. N. 23/ 02. 07. 1918).

Студенты из Волго-Уральского региона, которые обучались в Хиджазе после Первой мировой войны

Немалое количество людей из числа интеллигенции отправлялись из Волго-Уральского региона в Хиджаз для обучения и оставались там в течение долгого времени. Наряду с Абдуррашидом Ибрагимом и Мусой Джаруллой Бигиевым[7], деятельность которых изучено довольно подробно, следует упомянуть историка Мурада Рамзи (1854–1934), который после поездки на хадж в 1876 г., остался жить в Медине. В это время в

[7] Муса Джаруллах Бигиев (1875–1949) – религиозный деятель и ученый, писатель и журналист, большую часть своей молодости провел, обучаясь в медресе Бухары, Самарканды, Мекки, Медины, Дамаска, Стамбула и Индии.

городе проживали несколько торговцев из числа жителей Казани, шейх теккеи и один студент. Торговцев звали Абдуррахим Кадим, его братья Харис и Хусейн Эфенди и брат Мурада Рамзи Абдуррахман Джедид (Ahmet Temir, 1986, s. 495–505). Также в этот период там были его друзья казанец Зия Эфенди, Абдуррашид Ибрагим и Семейли Абдулхак Юсуф (http://bodrum.bel.tr/ckfinder/userfiles/files/turgutreis-sempozyum-2015-CILT-2.pdf).

Ближний Восток привлекал молодых людей возможностью получения хороших исламских знаний. После 1905 г. Каир, Медина, Бейрут и Стамбул все еще сохраняли свою притягательность (Rorlich ,2000, s. 213). Юсуф Акчура упоминает о 20 студентах в вилаяте Бейрут. Двенадцать из них предпочли получать светское образование и обучались в американском колледже в Бейруте (Akçura, 2016, s. 26).

В начале XIX столетия мединские студенты создали общественную организацию «Общество казанских российских мусульманских студентов». Вначале им не было выдано разрешения для открытия общества, целью которого была поддержка образования. Причина заключалась в том, что учредители общества являлись российскими подданными, тогда как по закону они должны были иметь османское подданство (BEO. 3815/ 286124, 1328. L. 21/ 25. 10. 1910; MV. 145/5, 1328.L.07/11.10. 1910). В Мекке казанцы Мурад и Шукур Эфенди учредили общество российских студентов (DH. MUİ. 661/38, 1328. S. 07/18. 02. 1910). В городе Таиф Аравии было открыто «Общество казанских студентов»[8].

Медина привлекала татарских молодых людей как центр для изучения религиозных наук и арабской литературы, они обучались, в основном, в двух медресе. Один из них – медресе Казань, который находился рядом с площадью Менаха, на улице Джафер. Здание медресе и его вакф принадлежали казанцам. Согласно условиям вакфа, все комнаты здания следовало распределить между приезжими молодыми людьми из Казани. Мударрисы и воспитатели медресе также были татарами. Второе медресе, которое они выбирали, было медресе Ирфания, расположенное недалеко от ворот Баб аль-Меджид, стен города. Комнаты других учреждений, как медресе Махмудия и Карабаш, арендовали более взрослые турецкие студенты. Новых студентов принимали в медресе на основе экзаменов (Kılınç, 2001, s. 108–109).

---

[8] В архиве Османской империи также присутствует список лиц, которые состоят в этом обществе (DH. EUM. 2 Şb, 6/ 42, 1333. C. 21/ 06. 05. 1915).

Первая мировая война изменила карту Ближнего Востока. Население, проживающее на этой территории на постоянной основе, как и временное, столкнулось с различными проблемами. Часть из них – это российские подданные, у которых были разорваны связи с родиной. Борьба на фронте Чанаккале, которая началась в конце 1914 г., продолжалась больше года, и пролив Чанаккале был закрыт для прохождения гражданских судов. В это время у жителей Хиджаза осложнился доступ к материальной поддержке. Когда связь этих людей с родиной оборвалась, условия их жизни ухудшились.

Один из документов за 1915 г., имеющий отношение к региону Хиджаз, в деталях описывает положение людей, проживающих в самой Медине. Согласно документу, в регионе отсутствует немусульманское население. Мусульманское население состоит из выходцев Индии, Казани, Алжира, Туниса, Дагестана и казахов. Дополнительно указываются лица, которые проживали в качестве поселенцев (DH. EUM. KLU 9/25, 1333. N. 20/ 02. 08. 1915). Выходцы Индии, Казани, Бухары, Туниса и Алжира, которые проживали в Медине, написали обращение, в котором указывали, что они не получают деньги из дома из-за начала войны, по этой причине потребовали ежемесячное жалованье от османских властей под поручительство (DH. ŞFR. 480/139, 1331 T 10 / 23. 09. 1915).

Во второй год войны, в июне 1916 г., произошло Арабское восстание. В Мекке был потерян контроль по причине восстания шерифа Хусейна. Целью повстанцев была Медина, где существовало сильное турецкое единство. С целью ослабления противодействия оказания помощи извне особенно сильно была повреждена железная дорога. Было принято решение об эвакуации военных и гражданского населения: было эвакуировано примерно 25 тысяч человек. При финансовой поддержке и поставке оружия Англии восстание распространилось на другие провинции. В 1917 г. армия Османской империи ушла из Иерусалима, а в конце сентября 1918 г. покинула Сирию[9].

---

[9] Турецкая армия в результате войн, которые происходили между турецкой и английской армиями, куда входили представители Новой Зеландии, Австралии, Индии и Израиля, на пути в Иерусалим между долиной Иордан и Наблусом ушла на восток Иордана от Хиджазской железной дороги в сторону Аммана, Хайфа была завоевана. Арабы под руководством Хусейна захватили Маан и разрушили Хиджазскую железную дорогу (HR. SYS. 2113/17/ 12. 09. 1918).

В последние годы войны южный вилаят Адана стал плацдармом для людей, которые возвращались с Ближнего Востока. В этот период там также можно встретить казанцев. Один из них – Велиоглу Мехмед Ваиз – и его товарищи, которые ожидали разрешения на поездку к родственникам в Эскишехир. Им выдали разрешение с тем условием, что затраты на поездку будут компенсированы ими самими. Имя другого человека – Закироглу Хасан. Рядом с этими людьми были члены их семьей из 13 человек (DH. EUM. 5. Şb. 11/ 11, 1333. Ca. 16/ 01. 04. 1915). Трое казанских татар из числа российских подданных, которые прервали получение образования в Медине из-за начала войны и ожидали поездки в Стамбул для обучения, находились в районе Юмурталык вилаята Адана. Им должны были выдать разрешение в случае серьезности их намерений (DH. EUM. 5. Şb. 69/ 14/1336. Z. 16/ 23. 09. 1918). Некоторые из числа жителей Казани и Самарканда, которые долгое время проживали в Медине, были отправлены в Адану и Анатолию во время мобилизации, попросили у испанского консульства разрешение на проживание и переход от российского подданства в османское. В этом процессе в отношении них были проведены расследования: так как отсутствовала связь между Мединой, трудно было принять какое-либо решение по поводу этих переселенцев (DH. SN. THR 88/ 81, 1340. B. 15 /14. 03. 1922).

Выводы

Россия после подписания соглашения Кючук-Кайнарджа в 1774 г. признала некоторые права над османскими православными и увеличила свое влияние на Ближнем Востоке, начала конкурировать с католической церковью, вкладывая инвестиции в различные проекты. Деятельность России расширилась после Танзимата и ферманов Реформ, которые предоставляла западным державам правовые и торговые преференции. Конкуренция была на самом высоком уровне в Иерусалиме, которая считалась священной с точки зрения трех небесных религий.

Россия вышла из войны после революции большевиков, после Гражданской войны был образован СССР. Русская православная церковь начала терять свое влияние. Связи российских мусульман с Хиджазом не были разорваны, хотя со временем существенно ослабли.

Источники и литература

1. *Ahmet Temir*, "Doğumunun 130. ve Ölümünün 50. Yılı Dolayısıyla Kazanlı Tarihçi Murad Remzi (1854- 1934)", Belleten, C. L, sayı: 197, Ağustos 1986.

2. *Akçura,* Yusuf, Suriye ve Filistin Mektupları (haz. İsmail Türkoğlu), Ötüken Yayınları, İstanbul, 2016.

3. *Arthur Goldschmidt Jr., Lawrence Davidson.* Kısa Ortadoğu Tarihi, (çev. Aydemir Güler), Doruk Yayınları, İstanbul, 2008.

4. *Atay*, Falih Rıfkı, Zeytindağı, Cumhuriyet Yayınları, İstanbul, 1988.

5. *Danjean* Alexandre, Récit d'un voyage circulaire en Orient: Italie, Grèce, Turquie, Syrie, Palestine, lieux saints, et retour par l'Egypte, Jobard, Dijon, 1907, s. 147–153.

6. *Filistin'de Osmanlı Postaları 1840–1918*, (haz. Kemal Giray), C. II, Tarih Vakfı Yayınları, İstanbul, 2007.

7. *İstanbul'dan Medine'ye* Bir Tarih Belgeseli Hicaz demiryolu fotoğraf Albümü, (ed. İbrahim Usul), Albaraka Türk Yayınları, İstanbul, 1999.

8. *Karal*, Enver Ziya, Osmanlı Tarihi, C. V, TTK Yayınları, Ankara, 1988.

9. *Karaman,* M. Lutfullah, "Filistin", TDVİA, C. 13, İstanbul, 1996.

10. *Kılınç*, Ocaklı, Arzu, "İdil-Ural Bölgesinden Göçler Neden ve Sonuçları (XIX. Yüzyıl ve XX. Yüzyıl Başı)", Basılmamış Doktora Tezi, (Danışman: Nadir Devlet), Marmara Üniversitesi, Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, İstanbul, 2001.

11. *Kılınç*, Ocaklı, Arzu, "II. Abdülhamid Döneminde İdil-Ural Müslümanlarıyla Dini ve Kültürel İlişkiler", Sultan II. Abdülhamid Sempozyumu 20–21 Şubat 2014 Selanik, İç ve Dış Siyaset Bildiriler, (ed. M. Metin Hülagu... [ve başk.]), TTK Yayınları, C. I, Ankara, 2014.

12. *Lewis*, Bernard, Ortadoğu, (çev. Selen Y. Kölay), Arkadaş Yayınları, Ankara, 2003

13. *Masters*, Bruce, "Halep: Osmanlı İmparatorluğu'nun Kervan Kenti", (çev. Sermet Yalçın), Doğu ile Batı Arasında Osmanlı Kenti Halep, İzmir ve İstanbul, Tarih Vakfı Yurt Yayınları, İstanbul, 2003, s. 19–89.

14. *Osmanlı Belgelerinde Suriye*, (ed. M. Albayrak, K. Şeker, K. Gurulkan…), Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Yayınları, İstanbul, 2013.

15. *Pierre* Loti, Kudüs 1895 , (çev. H. Erdal Yalt), Lotus, Ankara, 2011.

16. *Rıhlet-ül Mercani*, (Yayınları Rızaeddin bin Fahreddin), Sankt Peterburg, 1897.

17. *Rorlich*, Azade-Ayşe, Volga Tatarları, (çev. M. Süreyya Er), İletişim Yayınları, İstanbul, 2000.

18. *Syrie, Liban, Palestine*: géographie administrative, statistique, descriptive et raisonée, (ed. Vital Cuinet), V. 4, Paris, 1896–1901.

19. *Tahiroğlu*, Bülent "Tanzimat'tan Sonra Kanunlaşma Hareketleri", Tanzimat'tan Cumhuriyet'e Türkiye Ansiklopedisi, İletişim Yayınları, 1985, s. 588–601.

20. *Татар сәяхәтнамәләре* [кит. төз., текст., иск. һәм аңлат. әзерл., кереш сүз авт. Ә. Алиева]. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2015. 429 б.

21. *A.MTZ (Sadaret Mısır). (05) 10A/ 3299/1332. R. 19/ 06. 03. 1914.*

22. *BEO (Bâb-ı Âli Evrak Odası). 001810/135691, 24. Zilkâde 1319/ 04. 03. 1902.*

23. *BEO. 1721/129017/ 1319. C. 04/18.09.1901.*

24. *BEO. 2510/ 188187, 1322 Z. 16/ 21. 02. 1905.*

25. *BEO. 2997/ 224731, 1325 M. 06/ 19.02. 1907.*

26. *BEO. 3184/238755, 1325.L.08/ 06. 11. 1907.*

27. *BEO. 3222/241629, 1325. Za. 29/ 04. 01. 1908.*

28. *BEO. 3880/290 966, 1329. R. 12/12. 04. 1911.*

29. *BEO. 3815/ 286124, 1328. L. 21/ 25. 10. 1910.*

30. *BEO. 4155/ 311572, 1331 R. 11/ 20. 03. 1913.*

31. *BEO. 4166/ 312415, 1331 Ca. 16/ 23. 04. 1913.*

32. *BEO. 4298/ 322311, 1332 Ş. 17/ 11. 07. 1914.*

33. *BEO. 507/37982; 1312. Ca. 09/ 07. 11. 1894.*

34. *DH. EUM (Dahiliye Emniyet-i Umumiye Müdürlüğü). 2. Şb. 6/ 42, 1333. C. 21/ 06. 05. 1915.*

35. *DH. EUM. 2. Şb. 20/ 60 C. 1336. N. 23/ 02. 07. 1918.*

36. *DH. EUM. 4. Şb. 18/5, 1336 C. 06/ 19. 03. 1918.*

37. *DH. EUM. 5. Şb. 3/ 60, 1332 Z. 29/18. 11. 1914.*

38. *DH. EUM. 5. Şb. 11/ 11, 1333.Ca. 16/ 01. 04. 1915.*

39. *DH. EUM. 5. Şb. 57/51 1336 C. 29 /11. 04. 1918.*

40. *DH. EUM. 5. Şb. 69/ 14/1336.Z. 16/ 23. 09. 1918.*

41. *DH. EUM. KLU (Dahiliye Emniyet-i Umumiye Müdürlüğü, Kalem-i Umumî). 9/25, 1333. N. 20/ 02. 08. 1915.*

42. *DH. İD (Dahiliye İdare). 123/19, 1332. R. 23/20. 03. 1914.*

43. *DH. İD. 163/46, 1332.B.14/08.06.1914.*

44. *DH. MKT (Dahiliye Mektubî Kalemi). 325/5, 1312 B. 01/ 28. 12. 1894.*

45. *DH. MKT. 864/27, 1322. R. 11/ 25. 06. 1904.*

46. *DH. MKT. 1143/1, 1324. Z. 09/23. 01. 1907.*

47. *DH. MKT. 1553/86, 1306. S. 05/11.10. 1888.*

48. *DH. MKT. 2277/96, 1317. B. 26/ 30. 11. 1899.*

49. *DH. MKT. 2436/97, 1318. Ş. 16/ 09. 12. 1900.*

50. *DH. MUİ (Dahiliye Muhaberat-ı Umumiye İdaresi). 71/67, 1328. R. 17/27.04.1910.*

51. *DH. MUİ. 552/4, 1328.S. 10/ 21. 02. 1910.*

52. *DH. MUİ. 661/38, 1328.S.07/18. 02. 1910.*
53. *DH. SN. THR (Dahiliye Sicill-i Nüfus Tahrirat Kalemi). 88/ 81, 1340. B. 15 /14. 03. 1922.*
54. *DH. ŞFR (Dahiliye Şifre Kalemi). 227/ 158, 1314. E. 27/ 09. 12. 1898.*
55. *DH. ŞFR. 480/139, 1331 T 10 / 23. 09. 1915.*
56. *HR. İD (Hariciye Nezareti İdare). 111/38. 15. 01. 1896.*
57. *HR. İD. 307/14, 12. 05. 1915.*
58. *HR. İD. 2086/ 54, 10. 06. 1901*
59. *HR. SYS (Hariciye Nezareti Siyasî Kısım). 1365/63, 01. 31.1895.*
60. *HR. SYS. 1786/76, 18. 07. 1891.*
61. *HR. SYS. 2113/17/ 12. 09. 1918.*
62. *HR. TH. (Hariciye Nezareti Tahrirat), 354/28, 20. 10. 1907.*
63. *HR. TH. 362/73, 30. 04.1908.*
64. *HR. TH. 372/8, 02. 02. 1909.*
65. *MF. MKT (Maarif Nezareti Mektubî Kalemi). 423/29, 1316 C 30/ 15. 11. 1898.*
66. *MV (Meclis-i Vükelâ Mazbataları). 36/5, 1306. M. 13/19.09. 1888.*
67. *MV. 102/26, 1319. M. 25/ 14. 05. 1901.*
68. *MV. 145/5, 1328.L.07/11.10. 1910.*
69. *ŞD (Şura-yı Devlet). 28/39, 1328. Ca. 29/ 28. 05. 1911.*
70. *ŞD. 229/24,1331 Ş.11/ 16. 07. 1913.*
71. *ŞD. 2316/26, 1331 C. 13/20. 05. 1913.*
72. *ŞD. 2808/48, 1330 R. 02/22. 03. 1912.*
73. *Y.A. Res. (Yıldız Resmi Marûzat). 56/41, 1309. 03. 28/ 01. 11. 1891.*
74. *Y.A. Res. 57/26, 06. 01. 1892.*

Перевод с турецкого языка *А.А. Закирова*

Арзу Кылынч – доцент, доктор, Университет искусств им. Мимар Синана (г. Стамбул, Турция); e-mail: arzu.kilinc@msgsu.edu.tr

Arzu Kılınç – Associate Professor, Doctor, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

УДК [94:297](470)

Ф.Р. Латыпов

Феномен знаменитого давлекановского купца Набиуллы Каримова – удачливого предпринимателя Уфимской губернии

В контексте социально-политических процессов конца XIX века в Российской Империи, в статье рассматривается перечень благих деяний талантливого, образованного и богатого человека – купца Набиуллы Габдулкаримова в Уфимской и Калужской губерниях. Излагаемый материал комментируется воспоминаниями внучки Н.Каримова – Найли Латыповой-Терегуловой о своем знаменитом деде, а также сопровождается копиями фотографий из семейных альбомов наследников Н.Каримова. Кроме этого, делаются попытки проанализировать причины появления выдающихся способностей у рассматриваемой исторической персоны и оценить итоги его деятельности.

Ключевые слова: предпринимательство в Российской Империи в конце XIX века, благие дела казанского купца Набиуллы Габдулкаримова.

F.R. Latypov

The phenomenon of the famous merchant of the Davlekanovo village Nabiulla Karimov as a successful businessman of the Ufa province

In the context of socio-political processes in the Russian Empire in the late 19th century, this paper considers good deeds done by talented, well-educated and rich man Nabiulla Gabdulkarimov in the Ufa and Kaluga Provinces. The presented material is supplemented with the memoirs of Nailya Latypova-Teregulova on her famous grandfather and photos from the family's archive. Additionally, some attempts are made to analyze the causes for the formation of eminent abilities in the historical figure under consideration and assess the results of Gabdulkarumov'sactivities.

Keywords: the enterprise in the Russian Empire in the late 19th century, good deeds of the Kazan merchant Nabiulla Gabdulkarimov.

Вступление России в эпоху индустриализации и капитализма требовало перестройки феодально-крепостных и колониально-рабских отношений. Открытие кредитных учреждений в 1890-ые гг. и строительство железной дороги из Кинели через Самару − Уфу в Златоуст в 1888 г. моби-

лизовали тысячи переселенцев из западных областей Поволжья, центральной России и других регионов для переезда на богатые и плодородных земли Уфимской губернии вдоль всей железнодорожной трассы.

Как свидетельствуют исторические источники (Гатауллина, 2010, с. 47–50; Гатауллина, 2011, с. 4–35; Страницы истории Давлеканово, 2017), на этой волне переселения в станционной башкирской деревне Иткул и появился казанский предприматель Набиулла Гайнуллович Габдулкаримов, светлой памяти и деяниям которого посвящена настоящая статья.

Рассматривая феномен знаменитого давлекановского купца Набиуллы Каримова (так его имя осталось в народной памяти), мы ставили перед собой такие цели:

− попытаться объяснить поступки Н.Каримова в контексте исторических событий конца XIX − начала XX вв.;

− рассказать о судьбах его детей и возведенных Н.Каримовым зданий.

Мы не знаем, какое образование Н.Каримов получил в г. Казани до переезда в д. Иткул. Однако известно, что он успешно составлял юридические документы, торговые контракты, векселя на русском языке, также обладал познаниями в исламе. Что касается его владения приемами массового гипноза, то имеются сведения о том, что во время его пребывания в Казани, до приезда Н.Каримова в д. Иткул, сеансы спиритизма и массового гипноза, в качестве светских развлечений, организовывал некто Фокс. По воспоминаниям очевидцев, в Башкирии Набиулла выступает уже как опытный гипнотизер, будь то мобилизация населения на какие-либо мероприятия (сабантуй, религиозные праздники), игра в карты или его «шуточки» с прохожими на улицах Уфы, когда те, мгновенно усыпленные одним взглядом Набиуллы, выполняли его указания.

Набиулла Каримов одним из первых на Южном Урале открыл кумысолечебницу. В архивных документах, в воспоминаниях русских писателей А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, в семейных фотографиях наследников Каримова сохранились многочисленные сведения об организации кумысного дела именно в его хозяйстве. В воспоминаниях внучки Н.Каримова (от его дочери Ракии) Латыповой-Терегуловой Найли Халиловны, в своем саду-имении Набиулла построил гостиницу на 40 комнат, держал табун кобылиц и организовал цех бутылочного производства кумыса (Латыпова-Терегулова, 2002, с. 9, 17; Латыпова-Терегулова, 2004, с. 4–6, 41–49), где главным технологом являлся местный специа-

лист по приготовлению кумыса − Тимербай-агай. Воспользовавшись наплывом «кумысников» из центральной России, соседние мусульманские населенные пункты также начали принимать лечащихся на постой. В итоге, кумысолечебница Н.Каримова стала притягательной рекламой к появлению дополнительного заработка местного населения.

Н.Каримов на свои деньги построил и открыл 8 прекрасных каменных мечетей: 5 мечетей – в деревне Слак нынешнего Альшеевского района Республики Башкортостан, 2 – в г. Стерлитамак и 1 – в д. Иткул (центр будущего г. Давлеканово). Благодаря высокому минарету булгарского типа, мечеть д. Иткул была запечатлена на почтовых открытках как местная достопримечательность. Аналогичную стандартную конструкцию имели и остальные мечети. Белый камень для строительства мечети в д. Иткул доставлялся из карьера деревни Слак (Рыбалко, 1997, с. 5).

В Челябинске, Уфе, Стерлитамаке и д. Иткул Н.Каримов открыл мануфактурные магазины, куда привозились товары с Нижегородской ярмарки, из Казани, из Турции. В Уфе он также открыл керосиновую лавку, которая находилась в овраге, на остановке трамвая «Пермская» при спуске к железнодорожному вокзалу.

В последние годы жизни Н.Каримова его семья зимой проживала, как правило, в губернском центре − в Уфе. Двухэтажный дом Каримова находился на нынешней улице Свердлова сзади здания современного ЦУМа. У Набиуллы были две жены: старшая Шамсизиган (от которой не было детей) и младшая Гильминур (от которой в разное время было 5 детей).

Каримов был активным защитником прав национальных меньшинств, помогал нуждающимся составлять прошения, ходатайства, юридические наследственно-правовые документы, обучал народ вести бизнес, организовывать свое «дело», был известным меценатом Уфимской губернии. Как и многие богатые люди г. Уфы в 1907 г., Каримов внес вклад в строительство в городе Гостиного двора. Кроме этого, в составе группы предпринимателей Уфимской губернии передал определенную сумму В.И. Ленину во время его поездки в ссылку в 1901 г. в Шушенское.

В центре д. Иткул Набиулла разбил прекрасный сад с цветником и оранжереями на площади 20 дес. земли (Норкина,1987, с. 3–4; Рыбалко, 1997, с. 5). Некоторые саженцы были присланы самим И.В. Мичуриным. Сад давал обильные урожаи, плоды по относительно низкой цене продавались жителям поселения и приезжим «кумысникам». Сад стал местом досуга местного населения. Благоухали бегонии, настурции, сирень, ро-

зы, георгины, ароматный табак. На патефоне, купленном Каримовым на Нижегородской ярмарке, в местах отдыха и продажи овощей, фруктов играла музыка. Устраивались чаепития для представителей интеллигенции и духовенства. В частности, на одном из фотографий (Страницы истории Давлеканово, 2017) имам и поп сидят за столом Н.Каримова и пьют чай из самовара.

Сад Набиуллы Каримова стал местом отдыха и встреч жителей Давлеканово. Здесь исподволь возникали споры о земле, о справедливости, о горькой участи бедняков-башкир. Набиулла хотя и жил зажиточно, не кичился своим достатком и образованием, разъясняя, как мог, волнующие народ проблемы.

Назревал вопрос о прекращении «сборищ» в саду. Был составлен донос, вскоре «за возбуждение инородческого населения Уфимской губернии» против властей хозяин сада был сослан 12 октября 1903 г. в ссылку под гласный надзор полиции в Калужскую губернию, в г. Перемышль.

Каримову тяжело было прощаться с близкими и родными местами. Он не смирился с несправедливым приговором, неоднократно писал прошения об освобождении во все инстанции. Однако все его обращения остались без последствий.

За Каримовым в Перемышле была установлена непрерывная слежка с подробным описанием его контактов и образа жизни. В Калужском областном государственном архиве хранятся 74 документа, имеющие отношение к Каримову.

Защиту духовных ценностей мусульман Н.Каримов не прекратил и во время ссылки. Сохранилась фотография, где в день празднования в г. Калуге Курбан-байрама он запечатлен в окружении солдат-мусульман. Праздничный стол по случаю религиозного праздника был оплачен Набиуллой Каримовым. «Соглядатели» написали тогда: «Отзывчив очень на нужды бедных вообще, а равно и своих единоверцев».

Революция 1905 года сократила срок ссылки Н.Каримова на один год, и он вернулся в Давлеканово. Однако, сказались нервное напряжение в ссылке и разрыв с семьей. Вскоре после возвращения, Набиулла заболел раком и умер в конце 1906 г.

После Гражданской войны, в начале 1920-х гг. имение-сад Каримова в Давлеканово был передан местной администрации. Из сада сделали городской парк культуры и отдыха с детскими и спортивными площадками. Исчезли былое великолепие, красота, обилие диковинных плодов и растений,

поражавших местных жителей. Сад стал захолустным провинциальным, мало ухоженным городским парком. Гостиница для проживания приезжающих на кумысолечение, другие постройки были превращены в театральный зал, танцевальный зал, бильярдную и библиотеку.

Все наследники Н.Каримова стали жертвой тоталитарного сталинского режима.

Старший сын Н.Каримова – Мухаммед – стал красным офицером и в 1922−1923 гг. служил военным комендантом г. Уфы, умер в ссылке в ГУЛАГе в 1937 г.

Старшая дочь – Умму-Гульсум – была замужем за местным активистом-коммунистом, которого закололи вилами в 1922 г. во время продразверстки селяне, недовольные политикой большевиков. Вскоре, не пережив горе, умерла и Умму-Гульсум.

Младшая дочь – Ракия – прожила дольше всех из детей Н.Каримова. Однако ее также не миновали потрясения 1937 г. Ее муж Терегулов Хамиулла, бывший командир Красной Армии, защищавший Петроград от Юденича, без суда и следствия по решению «тройки» был расстрелян в 1937 г. в Уфе. Жена Ракия и дочь Наиля были объявлены «врагами народа» и с конфискацией имущества выброшены из своего дома на улицу. Все эти переживания вызвали тяжелую болезнь Ракии – последнее 25 лет жизни она страдала болезнью Паркинсона и умерла в Уфе в 1970 г.

Средний сын – Али – достиг в 1930-е гг. больших успехов в экономических науках, был арестован и сослан в 1937 г. в ГУЛАГ. После завершения срока заключения в 1946 г., когда ему было запрещено селиться в крупных городах европейской части СССР, поселился в «хлебном Ташкенте», где проработал до 1970-х гг. бухгалтером.

Младший сын – Гумер – достиг высокого положения в г. Ленинграде, был также арестован и сослан в 1937 г. в ГУЛАГ (в Сибирь). После освобождения в 1948 г. поселился рядом с Али, в г. Ташкенте.

Прекрасные мечети, магазины полные товаров, экзотический сад, кумысолечебница были разрушены или переквалифицированы под другие нужды. На сегодняшний день сохранились только здания гостиницы (ныне там городская детская библиотека) и мечети в г. Давлеканово. В 2000 г. культовое здание вернули верующим, а в 2017 г. ей было присвоено имя Набиуллы Каримова.

Хочется думать, что в духовном плане смелая реализация Н.Каримовым обширных проектов, его свободолюбие и забота об обществен-

ных нуждах местного населения были внутренним эталоном поведения для его близких и знакомых.

Источники и литература

1. *Гатауллина* М.М. Из истории мечетей // Страницы истории родного края. Давлекановский район / сост. М.М. Гатауллина. Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2010. С. 47–50.

2. *Гатауллина* М.М., *Мухаметзянов* М.З., *Мухаметзянова-Дуггал* Р.М. Давлекановский район Республики Башкортостан: Из истории административно-территориального деления и отдельных населенных пунктов. Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2011. 162 с.

3. *Еники Амирхан*. Страницы прошлого: роман; пер. с татарск. А.Бадюгиной. Казань: Тат. кн. из-во, 1998. 448 с.

4. *Латыпова-Терегулова* Н.Х. Мои воспоминания о детских годах, Каргалах. Уфа: Изд. Хатира, 2002. 33 с.

5. *Латыпова-Терегулова* Н.Х. История одной семьи XX века: через тернии судьбы к торжеству духа. Уфа: Изд. Хатира, 2004. 124 с.

6. *Норкина 3.* Каримовский сад // Знамя (Давлекан. район. газета), 14 июля 1987 г. С. 3–4.

7. *Рыбалко* Т. Место Земли // Вечерняя Уфа. 1997. 28 февр., с. 5 (см. также № 35, 36 «Вечерняя Уфа» за 1997 г.).

8. *Страницы истории Давлеканово* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ok.ru/group52015345696922/topic/63719091563418 (дата обращения: 20.05.2017).

Латыпов Фарит Рафгатович – кандидат технических наук, доцент Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ) (г. Уфа); e-mail: vei10@yandex.ru

Latypov Farit Rafgatovich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Ufa State Aviation Technical University (Ufa)

УДК 008

Л.Ю. Лепешкина

Синкретическая секта «Кугу-сорта» как новое явление в культуре марийцев начала XX века

В статье дается краткое описание марийской секты «Кугу-сорта», показывается ее значение в культуре Поволжья в начале XX века. Особенностью секты являлся ее синкретизм, представлявшим собой сочетание монотеизма с древними традициями марийцев. Выделяются положительные и отрицательные черты данного сектантского движения. Новизна статьи состоит в характеристике марийской секты «Кугу-сорта» как уникального социокультурного феномена, раскрывшегося в полной мере после Первой русской революции. Примечательным является то, что указанная секта серьезно напугала государственную власть и православную церковь. В различных официальных источниках ее называли вредной и националистически настроенной. По мнению автора статьи, возникновение секты «Кугу-сорта» можно рассматривать в качестве реакции части марийского населения Поволжья на противоречивую политику государства, мешавшую проявлению этнических особенностей марийцев. В статье применяется системный подход, позволяющий показать связь секты с другими социальными системами. Логика проведенного исследования определила выбор следующих методологических приемов: принцип историзма, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы.

Ключевые слова: марийская культура, секта «Кугу-сорта», язычество, православие, государственная власть, духовный кризис.

L.Yu. Lepeshkina

The syncretic sect “Kugu-sorta” as a new phenomenon in the Mari culture of the beginning of the 20th century

The article is devoted to the Mari sect “Kugu-sorta”, which had value in the Volga region’s culture at the beginning of the 20th century. A feature of the sect was its syncretism that represented a combination of monotheism with ancient traditions of the Mari. The positive and negative points of this sectarian movement are selected. The novelty of the research is that the Mari sect “Kugu-sorta” is characterized as a unique social and cultural phenomenon, which had been on full display after the First Russian revolution. It is remarkable that the sect had seriously frightened the government and the Orthodox Church. It was called harmful and nationalistical-

ly oriented in different official documents. In the author's opinion, formation of the sect “Kugu-sorta” can be considered as a response of a part of the Mari population in the Volga region to the contradictory policy of the state that hindered manifestation of ethnic features of the Mari. The system approach is used in the article that allows showing communication of the sect with other social systems. The logic of the realized research has defined a choice of the following methodological procedures: the principle of historicism, comparative-historical, logical, retrospective and problem-chronological methods.

Keywords: the Mari’s culture, the sect “Kugu-sorta”, Paganism, Orthodoxy, governmental power, spiritual crisis.

17 апреля 1905 г. императором Николаем II был подписан Указ «Об укреплении начал веротерпимости», обусловленный началом Первой русской революции (Полное собрание законов, 1908, с. 237–238). Данный документ можно рассматривать как некую уступку правительства в пользу конфессиональных предпочтений различных народов Российской империи. В связи с этим определенную свободу получили не только древние этнорелигии, но и сектантские движения. В марийской среде имела активное развитие секта «Кугу-сорта», характерной чертой которой был синкретизм.

Актуальность темы исследования состоит в том, что для возникновения любого сектантского движения необходимы конкретные условия, некая первопричина. Запреты и гонения со стороны властей, духовный кризис общества могут быть теми пусковыми механизмами для формирования инакомыслия. Отказ подчиняться официальной риторике власти свидетельствует о разочаровании государственной «муштрой», если прибегнуть к лексике французского философа Мишеля Фуко. Появление секты «Кугу-Сорта» – это ответ на политику государства до 1905 г., исключающую свободу вероисповедания.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение истории возникновения и развития секты «Кугу-сорта» в 1905–1917 гг. Достижению поставленной цели должно способствовать применение системного подхода, позволяющего показать связь секты как целостной системы с другими социальными системами. Данный подход делает возможным увидеть, по какой траектории будет развиваться изучаемая система, как на нее могут повлиять политические и социокультурные преобразования, насколько она устойчива в кризисных ситуациях. В статье также находят отражение следующие методологические приемы: принцип исто-

ризма, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы.

Статья призвана решить проблему влияния секты «Кугу-Сорта» на культуру марийцев и всего остального населения Поволжья. Первоначально следует дать характеристику движения кугусортинцев, опираясь на документы из Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского этнографического музея.

Нехристианская секта «Кугу-сорта» (в переводе с марийского языка означает «большая свеча») возникла примерно в 1870-е гг. в Яранском уезде Вятской губернии. Сущность учения данного сектантского движения состояла в следующем: Бог создал семьдесят семь вер, «по особой вере для каждого человеческого племени, в целях укрепления национальных особенностей каждого племени, и этим настолько разъединил народы, насколько разъединены различные породы деревьев: елка, липа, осина, береза и прочие» (РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 1–3). В результате подобного разделения вер русскому народу была дана православная христианская вера, татарскому – ислам, марийскому – языческая, берущая начало не из книг, а из преданий, и предающаяся от предков к потомкам в устной форме. Кугосортинцы отрицали христианство и весь культ православной церкви, враждебно относясь к распятию, святым иконам и т.п. (РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 15).

Представители «Кугу-сорта» поклонялись единому Всевышнему Богу (монотеистическая черта) и совершали частные и общественные моления в домах и рощах. Необходимо отметить, что кугусортинцы остерегались старых языческих рощ «как оскверненных… пролитием жертвенной крови; они выбирали в лесу новые «чистые» места для своих жертвоприношений, которые огораживали высокой загородкой с воротами» (Кузнецов, 1909, с. 35). В центре рощи (куэрля) устраивалась площадка, где находилось два дерева: береза (куэ) и липа (пистэ). Только эти деревья кугусортинцы считали священными, способными привлекать Божество во время моления, но береза располагалась выше липы и посвящалась самому Великому Богу, а липа – его жене (Кузнецов, 1909, с. 35–36).

Всевышнему Богу кугусортинцы приносили большую свечу, во время молитвы добывали огонь от трения дерева, употребляли деревянные сабли, гусли, барабанный бой и вывешивали у ворот своих домов и рощей флаги-лоскуты белого холста на высоком шесте. Многобожия кугусортинцы не признавали и кровавых жертв не приносили. Избегали также изделий русского происхождения (РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 15).

В журнале Вятской духовной консистории, составленном 18 октября 1895 г., указывалось, что последователи секты «Кугу-сорта» исповедовали совершенно новую веру, хотя сами они говорили о своей склонности к старой черемисской (т.е. марийской) вере. При этом в журнале давалась ссылка на две печатных статьи о кугусортинцах. В одной статье из «Исторического вестника» за 1895 г. утверждалось, что кугусортинцы поклонялись единому Богу, но отвергали злое начало – Кереметь («Куллеметше»). Не признавали они также кровавых жертв, практиковавшихся их предками, и догматы иудаизма и христианства. Вместе с тем из христианского вероучения кугусортинцы заимствовали единобожие, что сразу ставит под сомнение их приверженность древним марийским традициям. Учение «Кугу-сорта» можно считать совершенно новым, по времени возникновения очень недавним, явлением в духовной жизни марийцев, не имевшим еще прочно установившихся форм, а находившемся в периоде дальнейшего развития (РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 1).

В другой статье под названием «Секта Кугу-сорта среди черемис Яранского уезда» от 1893 г. делается аналогичный вывод, что и в первой: «Секта «Кугу-Сорта» не есть сохранение древней черемисской языческой веры; на основе древнего язычества она представляет среди черемис явление новое» (РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 2).

Многие документы и статьи, находящиеся в РГИА, свидетельствуют о вредности движения кугусортинцев и его возможном негативном влиянии на православное население Поволжья. В 1890–1892 гг. было рассмотрено 14 дел в отношении сектантов и 25 человек привлечено к ответственности. Опекунами над имуществом осужденных сектантов были назначены, по указанию священника с. Упши И.Решетова, русские крестьяне из соседних деревень, негативно относившихся к кугусортинцам (Васильев, 1927, с. 12). Лидеры сектантского движения, в частности, братья Тихон и Андрей Якмановы, после увещеваний русских священнослужителей и представителей гражданской власти, были высланы на поселение в Сибирь, в Томскую и Тобольскую губернии (Васильев, 1927, с. 14).

В то же время, невзирая на отсутствие симпатии со стороны государственных чиновников и русской православной церкви к кугусортинцам, исследователь секты С.К. Кузнецов, ссылаясь на епархиального катехизатора Я.Коблова, констатировал, что в учении сектантов не оказалось ничего опасного для государства, не добыто было также доказательств о пропаганде новой веры среди черемис. Наоборот, акцентировалось вни-

мание на «общительности, добродушии и простоте» сектантов, что не позволяло признавать их «противообщественными, вредными, завлекающими в сеть своего лжеучения многих других» (Цит. по: Коблов, 1905, с. 22). Причем в 1901–1905 гг. популярность секты «Кугу-сорта» росла среди марийского населения Поволжья без какой-либо пропаганды. С.К. Кузнецов выделил следующие причины успешного распространения учения сектантов в регионе: 1) дороговизна кровавых жертв, которые становилось убыточными для религиозного марийца; 2) дешевизна частых молений сектантов, что выражалось в принесении посильной жертвы в виде масла, браги, воска и зернового хлеба; 3) участие женщины в молениях как полноправного члена новой религиозной общины; 4) частое поминовение умерших ради прощения своих земных грехов и возможности оказаться в раю; 5) устранение Кереметя как грозной силы; 6) ореол мученика у основателей секты, перенесших ссылку в Сибирь и сумевших сохранить свою веру (Кузнецов, 1909, с. 50–52).

Ситуация меняется положительным образом для сектантов после 1905 г., когда государственные власти и духовенство перестают их преследовать. Возвратившиеся из сибирской ссылки сектанты самовольно срывали печати с арестованного имущества и начинали им снова пользоваться по собственному усмотрению (Васильев, 1927, с. 16). Кроме того, кугусортинцы приступили к изданию своих молитвенных текстов. Так, в первых числах января 1917 г. А.Якманов приезжал в Казань для проверки печатной литературы о секте (Васильев, 1927, с. 19).

Как отмечала в своих записях исследовательница Поволжья Т.А. Крюкова, кугусортинцы были всегда тверды в своих воззрениях. В качестве жертв у них допускались продукты земледелия и пчеловодства, вводились запреты на вино, табак, сахар, соль, мясо и овощи (РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 15). Огонь, добытый от трения дерева и необходимый для жертвоприношения, являлся посредником между Богом и людьми. Он принимал жертвы и передал их Всевышнему в виде дыма вместе с мольбами людей. В зависимости от направления дыма жертвователи судили о принятии жертвы божеством, об искуплении своих грехов (РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 146. Л. 36).

Если попытаться систематизировать основные характеристики секты «Кугу-сорта», то их можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Положительные и отрицательные черты секты «Кугу-сорта»

Положительные черты	Отрицательные черты
1. Благоговение перед природой, соблюдение принципа уважения к жизни. 2. Стремление сохранять самобытность марийской культуры. 3. Отсутствие потребности навязывать свой образ жизни представителям других культур.	1. Настороженное отношение к носителям православия. 2. Замкнутость сектантов и страх перед всем посторонним как следствие пережитых гонений.

Таблица показывает, что положительные и отрицательные характеристики секты могли вызывать неоднозначную реакцию государственных властей. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что сопротивление кугусортинцев православию и настороженное отношение к русским были характерны и для других народов Поволжья, поскольку христианское вероучение распространялось в регионе изначально насильственным путем. Изолированность кугусортинцев объяснялось их страхом перед официальной властью, поскольку многие активные представители секты подвергались арестам и ссылались в Сибирь. Интерес здесь вызывает характер данной секты – монотеизм с примесями древних марийских традиций, что позволяет ее называть синкретическим образованием. Существование секты «Кугу-сорта» представляло собой попытку реформирования старых марийских верований на почве выраженного национализма. Идеология сектантов была весьма проста и активно распространялась в марийской культуре после 1905 г.: религиозное освобождение марийцев от русского засилья. Они часто вспоминали сказания о якобы правильной марийской жизни в прошлом под властью их феодальной национальной верхушки (МАЭ РАН. Ф. К.–1. Оп. 1. Д. 391. Л. 34).

Революционные события 1917 г. существенно повлияли на взгляды и повседневную культуру населения Поволжья. Кугусортинцы лишь сильнее закрылись от внешнего мира и остались в стороне от великого социалистического строительства, поэтому судить об их негативном воздействии на жителей региона представляется некорректным.

В заключение можно сказать, что секта «Кугу-сорта» выражала потребности марийцев в самоидентификации в полиэтноконфессиональном пространстве Поволжья. «Кугу-сорта», по сути, характеризовала

уровень напряженности в российском обществе начала XX века, находившегося в глубочайшем духовном кризисе.

Источники и литература

1. *НА МАЭ РАН. Ф. К.–1. Оп. 1. Д. 391.*
2. *РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523.*
3. *РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 146.*
4. *РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4.*
5. *Васильев* В.М. Марийская религиозная секта «Кугу Сорта». Краснококшайск: Издание Маробиздата, 1927. 84 с.
6. *Коблов* Я. Черемисская секта кугу-сорта. Этнографический очерк из жизни черемис. Казань, 1905. 25 с.
7. *Кузнецов* С.К. Черемисская секта кугу сорта. Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909. 59 с.
8. *ПСЗ–3. Т. XXV.*

Лепешкина Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, история и правоведение», старший научный сотрудник управления научных исследований, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (г. Тольятти); e-mail: lara_yura@list.ru

Lepeshkina Larisa Yur'evna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy, History and Legal Science Department, Senior research fellow of Science and Research Department, Volga Region State University of Service (Tolyatti)

УДК 94(47).084.3

С.В. Любичанковский

Выборы в волостное земство на юге Урало-Поволжья в 1917 году: фактор «туземной аристократии»[1]

В статье дан анализ процесса подготовки выборов в волостное земство в 1917 г. на примере юго-восточного региона России (Астраханская, Оренбургская и Ставропольская губернии). Сделан вывод о том, что организаторы выборов в регионе столкнулись с двумя фундаментальными проблемами – с одной стороны, недостаток финансирования и невозможность эффективно организовать выборы в условиях продолжавшейся мировой войны и углублявшегося революционного кризиса; с другой стороны – отсутствие реальных рычагов воздействия на родовую аристократию.

Ключевые слова: выборы, волостное земство, родовая аристократия, Временное правительство.

S.V. Lyubichankovskiy

Elections to a “volostnoye zemstvo” in the South of the Ural-Volga region in 1917: factor of “native aristocracy”

This article is about the process of preparation of elections to a “volostnoye zemstvo” in 1917 on the example of the southeast region of Russia (Astrakhan, Orenburg and Stavropol provinces). The conclusion is drawn that organizers of the elections in the region have faced two fundamental problems – on the one hand, a lack of financing and impossibility to effectively organize elections in the conditions of the continuing World War and going deep revolutionary crisis; on the other hand, the lack of real levers of impact on the patrimonial aristocracy.

Keywords: elections, “volostnoye zemstvo”, patrimonial aristocracy, Provisional government.

Волостная земская реформа 1917 г., в результате которой в России возникло низовое сельское самоуправление, была одной из наиболее трудных реформ, осуществленных Временным правительством (Любичанковский, 2007; Любичанковский, 2003). Введение волостного земст-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках проекта РНФ «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма», проект № 17-18-01008.

ва потребовало огромных усилий со стороны властей, но результаты далеко не соответствовали ожиданиям. Целью настоящей статьи является анализ процесса подготовки выборов в волостное земство на примере юго-восточного региона России. Конкретно, речь идет об Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях, которые являлись самыми «молодыми» земскими территориями страны и имели в этом смысле схожий культурно-хозяйственный и общественно-политический опыт.

В 1917 г. земские учреждения России, в том числе Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний встали на сторону Временного правительства и приняли активное участие в осуществлении его политики. Временное правительство именно земскую систему управления рассматривало как основу новой администрации. Показательно, что на должности правительственных губернских комиссаров назначались преимущественно председатели местных губернских земских управ. Однако компетенция земств была по-прежнему ограничена действовавшим «Положением», изданным еще 12 июня 1890 г. Кроме того, законом не предусматривалось существование низовой земской структуры, без чего вся земская вертикаль власти выглядела как дом без фундамента.

Поэтому, уже в мае-июле 1917 г. при активном участии «Особого совещания» под руководством Б.Б. Веселовского и Н.Н. Авинова, действовавшего под эгидой Министерства внутренних дел, был издан пакет законодательных актов, касавшихся создания волостного земства. Это были «Положение о волостных земских учреждениях» (от 21 мая 1917 г.); «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных» (от 11 июня); «Инструкция о порядке выборов волостных гласных на основе пропорциональной системы» (от 26 июля) (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 25; ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А; Сборник указов, 1917, с. 140). Реализация этих законов была поручена губернским и уездным земским управам (ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 180. Л. 12–38; ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 159–166; Вестник Временного правительства, 1917, с. 1–3), создававшим для этого специальные комиссии.

В историографии процесс подготовки и организации выборов зачастую оставался за рамками внимания исследователей. Упор делался на изучение агитации, контрагитации и результатов выборов. Однако именно рутинные технологии власти помогают определить эффективность проводимой политики. Так, при подготовке волостных выборов региональное земство столкнулись с целым рядом объективных препятствий.

Подготовка волостных выборов потребовала от земств создания разветвленной сети избирательных комиссий. В последние должны были входить председатель, назначавшийся уездной земской управой, а также 4–8 членов (в зависимости от числа избирателей в округе) (ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 159–165, 310–325). Половину членов предлагали и утверждали руководители земский управы, а другую – избирало население. Население региона в своей массе крайне равнодушно или даже негативно отнеслось к выборам членов волостных комиссий, в ряде случаев фактически отказалось от участия в их формировании (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 42–44; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 10 об.; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97). Например, 28 июля 1917 г. жители села Надежда Ставропольского уезда открыто заявили представителям власти, что до конца войны не позволят проводить в волости выборы волостных земских гласных, и на этом основании устранились от определения членов волостной избирательной комиссии (ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 133. Л. 37–40). Как свидетельствуют документы, так же поступили жители не менее чем сорока крупных сел в трех рассматриваемых губерниях (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 35–37,43; Д. 39. Л. 7; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 299–409; ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97; ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 49–50; ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 1, 41; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 17–28, 45–53; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 95–102). В результате не менее 20% сельских и волостных избирательных комиссий в регионе включали лишь уполномоченных от земских управ и собраний, то есть не имели в своем составе выборных от населения. Это самым негативным образом отразилось на их деятельности.

Региональное земство также встало перед необходимостью подготовить к выборам большой штат квалифицированных специалистов: инструкторов, консультантов, организаторов, агитаторов, счетчиков (статистиков). Но нехватка их на территориях «самого молодого земства» России ощущалась особенно остро (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 32–43; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 62–79; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 101–112). В итоге пришлось задействовать местных работников просветительских организаций, кооператоров и т.д. Часть из них была командирована в Москву и Петроград на специальные курсы, организованные столичными земствами и университетом Шанявского (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 15–25, 73–94). Вернувшись, они получили статус «уполномоченных-инструкторов» и были командированы

земскими управами в волости и села для руководства действиями земских комиссий (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 34).

С немалыми трудностями земства столкнулись при определении границ волостей (ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–55; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 17–21; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 49–58). В одних случаях требовалось объединить небольшие городские и сельские поселения в единые избирательные округа, в других – разбить крупные поселки на два-три отдельных округа (ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 310–325). Например, в Астраханском уезде общее число волостей увеличилось с 16 до 21 (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 29–31). Схожим образом были размежеваны и структурированы все прочие уезды Юго-Востока России (ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 49–56; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 22–27; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 51–55). При этом, стремясь максимально укрепить свои позиции, земства отклоняли просьбы граждан о создании поселкового самоуправления и нераспространении волостной земской реформы на соответствующие населенные пункты. Такие действия вызвали возмущение и протест жителей селений.

Специальное внимание земства уделили определению количества гласных, избираемых по каждой волости и округу. Численность гласных колебалась от 20 до 50 человек, в зависимости от общей численности населения волости (ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 96–166, 310–325). В среднем, волость с 5000 жителями получила возможность избрать 35 гласных. Однако, исходя из местных условий, избирательные органы устанавливали другие нормы представительства. Например, в Никольской (650 жителей) и Андреевской (775 чел.) волостях Святокрестовского уезда Ставропольской губернии предстояло избрать минимально возможное число гласных – по 20. В Величаевской волости того же уезда с 5358 жителями земское собрание планировалось скомплектовать из 22 гласных, а в Воронцово-Александровской, имевшей 23-тысячное население – из 50 гласных (ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 56. Л. 37–39).

В условиях экономического кризиса земства смогли выделить на волостную земскую избирательную кампанию лишь предельный минимум денежных ассигнований – всего лишь от трех до двадцати тысяч рублей на уезд (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 43–45; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 42–45; ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 42. Л. 4–9), хотя регион отличался от центральных губерний России значительно большими площадями уездов и волостей. Тем временем, правительственная помощь ограничилась кредитом в размере 500 руб. на волость (что состав-

ляло меньше месячного жалованья делопроизводителя в губернском присутствии) (ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 310–325; Вестник Временного правительства, 1917, 13 июня, с. 1–2), которые планировалось погасить впоследствии за счет волостных земских сборов с физических и юридических лиц.

Намеченные земствами сроки проведения выборов волостных гласных (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 38–42; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 28–29; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 56–58) в целом оказались согласованы со временем избирательной кампании в Учредительное собрание и приходились на вторую половину августа 1917 г. (Решения уездных земских собраний, с. 3; Оренбургское земское дело, 1917, 20 августа, с. 3; ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 41; ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 38–40; ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 143. Л. 12–18). Исключение составили обширные территории «кочевых инородцев», где по причине сезонных кочевий, сопротивления родовых старейшин и из-за элементарного языкового барьера выборы гласных оказались отложены до октября 1917 г., а потом и вовсе сорваны (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 145, 161; Д. 143. Л. 40, 52). Официальных агитационных материалов на языках «инородцев» ни в одной из губерний региона так и не было издано. Хотя агитаторы, направлявшиеся в эти районы, обычно владели местным языком, они располагали только русскими печатными материалами. Это также снижало эффективность агитации.

Земства региона должны были также определить систему голосования на предстоящих выборах. Если первоначально выборы планировалось организовать исключительно на основе мажоритарной системы, то 26 июля 1917 г. Временное правительство разрешило земствам применять и пропорциональную систему, при которой избиратель отдавал свой голос за один из списков, выдвинутых общественными и политическими организациями и утвержденных Министерством внутренних дел (ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 159–165, 310–325). Большинство земских избирательных комиссий не решились использовать пропорциональную систему и положили в основу выборов волостных гласных мажоритарную или персонально-именную модель голосования (ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–64; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 84–96; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–121). Однако по-иному поступили в ряде волостей Оренбургского, Ставропольского, Медвеженского и некоторых других уездов, представлявших все три губернии Юго-Востока России (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 16–21, 80–83; ГААО. Ф. 1094. Оп. 1.

Д. 40. Л. 37, 147, 152; ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 330А. Л. 295–330; ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 133. Л. 55–67; Решения волостных собраний, с. 2). Единообразия в этом вопросе достичь не удалось.

Сложности возникли и при составлении списков избирателей волостных земских гласных. Организаторам здесь пришлось столкнуться с прямым сопротивлением со стороны населения. Так, в июле 1917 г., стремясь сохранить общинный уклад и опасаясь увеличения налогов, крестьяне села Михайловское Ставропольской губернии составили и утвердили приговор: «Волостное земство пока не организовывать и списков избирательных не составлять» (ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97–99). В конце июля 1917 г. жители села Надеждинское Ставропольского уезда запретили писарю составлять списки избирателей. Свое решение они аргументировали необходимостью дождаться окончания войны и стабилизации обстановки. В целом, в Юго-Восточных губерниях противодействие составлению названных списков в той или иной форме выразили жители более половины волостей (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 59–82; Д. 181. Л. 80, 85–97). Характерную зарисовку настроений населения оставил один из членов волостной избирательной комиссии Оренбургского края и по совместительству корреспондент журнала «Оренбургское земское дело»: «Заходим в одну избу, хозяин недовольно ворчит: «Уже переписывали, переписывали и нам надоело, а все пишут». Другие говорят: «Это для чего?» «Пусть уже без нас выбирают»… Крестьяне смотрят на выборы волостного земства как на ненужную тяжесть» (Иванов, 1917, с. 6). В итоге региональному земству не удалось в отведенный срок опубликовать списки избирателей волостных гласных: окончательные списки появились в местной печати не в июне, а лишь в конце июля – в Астраханской губернии, в августе – в Оренбургской и Ставропольской губерниях (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 32–35; Списки избирателей, 1917, с. 1–3; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 96–120). Из числа уездов с преимущественно оседлым населением дольше всего списки составлялись в Александровском уезде, где работа затянулась до середины сентября 1917 г. (ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Оп. 200. Л. 98–99). Но наиболее сложная ситуация сложилась на территории проживания «кочевых инородцев» – в Туркменском и Ачикулакском приставствах Ставропольской губернии. Здесь из-за противодействия со стороны родовой знати составление списков завершились только в октябре 1917 г. (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 145, 161; ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352. Л. 11).

В итоге правительство было вынуждено сдвинуть сроки выборов волостных земских гласных. В Астраханском, Черноярском, Орском, Челябинском, Ставропольском, Медвеженском уездах они были назначены на конец августа 1917 г. (ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 39, 81, 152; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–112; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–122; О сроках выборов, 1917, с. 3), в Оренбургском, Верхнеуральско-Троицком, Святокрестовском, Благодаринском – на первую половину сентября (ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–122), в Александровском уезде они вначале были отложены до 24 сентября 1917 г., а затем оказались перенесены на 1 октября 1917 г. (ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 96–120). На территории проживания «инородцев» выборы наметили провести лишь в ноябре 1917 г. (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 146, 162; ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352. Л. 11–14).

Таким образом, на Юго-Востоке России организаторы выборов в волостное земство столкнулись с двумя фундаментальными проблемами. Одна из них была характерна для всей страны и заключалась в недостатке финансирования и невозможности эффективно организовать выборы в условиях продолжавшейся мировой войны и углублявшегося революционного кризиса. Вторая была, по-видимому, характерной для национальных периферий и заключалась в отсутствии рычагов воздействия на родовую аристократию при попытках привнести на эти территории новые внутрироссийские стандарты управления. Одна проблема накладывалась на другую и усугубляла ее, что делало волостные выборы на Юго-Востоке России мероприятием более проблемным, чем на многих других территориях страны.

Источники и литература

1. *Вестник Временного правительства.* 1917. 13 июня. С. 1–3.
2. *Вестник Временного правительства*. 1917. 28 мая. С. 1–3.
3. *ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 39.*
4. *ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40.*
5. *ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5.*
6. *ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6.*
7. *ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 330А.*
8. *ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 42.*
9. *ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 25.*
10. *ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69.*
11. *ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81.*

12. *ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143.*
13. *ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181.*
14. *ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 180.*
15. *ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А.*
16. *ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352.*
17. *ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177.*
18. *ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200.*
19. *ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 56.*
20. *ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 133.*
21. *ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 143.*
22. *Иванов* Н. Наши выборы // Оренбургское земское дело. 1917. 18 июля. С. 6.
23. *Любичанковский* С.В. Кризис губернского управления регионами в позднеимперской России // Федерализм. 2007. № 1. С. 127–140.
24. *Любичанковский* С.В. Кризис системы местного управления в последнее десятилетие существования Российской империи // Российская история. 2003. № 1. С. 197–201.
25. О сроках выборов в волостное земство // Оренбургское земское дело, 1917. 20 августа. С. 3.
26. *Оренбургское земское дело*. 1917. 20 августа. С. 3.
27. *Решения волостных собраний* Оренбургского уезда о порядке проведения выборов // Оренбургское земское дело. 1917. 14 сентября. С. 2.
28. *Решения уездных земских собраний* о сроках выборов в волостное земство // Оренбургское земское дело. 1917. 19 августа. С. 3.
29. *Сборник указов* и постановлений Временного правительства. Пг.: Изд-во МВД, 1917. С. 140.
30. *Списки избирателей* волостных гласных // Оренбургское земское дело. 1917. 29 июля. С. 1–3.

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» (г. Оренбург); e-mail: svlubich@yandex.ru

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)

УДК 94(470):336.221

О.И. Марискин

Трансформация налогообложения крестьянства Среднего Поволжья в начале XX века

В статье анализируется трансформация налогообложения крестьянства России в начале XX века. Рассматриваются региональная практика и результативность налогообложения, в т.ч. подоходного налога на территории Среднего Поволжья.

Революционные события начала XX в. заставили государство объявить о важных налоговых новациях: податная тяжесть прямого обложения была перенесена с крестьянского населения на другие источники дохода. Характерной особенностью царского бюджета являлся незначительный удельный вес прямых налогов в доходных статьях государственной казны. Исключительно велико было фискальное значение винной монополии.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война существенно изменила как характер финансовой системы в России, так и организацию податного дела. Не имея мощной финансовой основы в стране, правительство вынуждено было вести войну не на повышении налогов, а исключительно на усилении внешней и внутренней задолженности и за счет полного расстройства денежного обращения (эмиссии денег).

Потери бюджета правительство постаралось компенсировать повышением ставок практически всех основных прямых и косвенных налогов, а также введением новых видов обложения (косвенного и прямого). С большим трудом и в невероятно архаической форме во время войны в 1917 г. был введен подоходный налог. Эмиссия ничем не обеспеченных государственных кредитных билетов и казначейских знаков для покрытия чрезвычайных расходов привела к гиперинфляции и финансовой катастрофе, что в определенной степени обусловило быструю смену политического режима и социальной системы.

Ключевые слова: налоговая политика в России, крестьянство, Первая мировая война, прямые и косвенные налоги, подоходный налог.

O.I. Mariskin

Transformation of the taxation of the peasantry of the Middle Volga region in the early XX century

In the article transformation of the taxation of the peasantry in Russia at the beginning of the 20th century is analyzed. The author researches regional practice

and productivity of the taxation, including income tax in the territory of the Middle Volga region.

Revolutionary events of the beginning of the 20th century have forced the state to announce important tax innovations: the tax burden of direct taxation was moved from the peasant population to other sources of income. The main feature of the imperial budget was the insignificant specific weight of direct taxes in revenues of the state treasury. Fiscal value of wine monopoly was exclusively great.

Beginning in 1914, World War significantly changed the nature of the financial system in Russia, as well as organization of tax Affairs. Without having a powerful financial basis in the country, the government was forced to wage war not on raising taxes but exclusively on strengthening of external and internal debt and due to full disorder of monetary circulation (emission of money).

The losses of the budget the government tried to compensate by increasing rates of practically all the major direct and indirect taxes, as well as the introduction of new types of taxation (direct and indirect). With great difficulty and in incredibly archaic form during the war in 1917 income tax was introduced.

The issue of unsecured credit banknotes and Treasury marks for extraordinary expenses, led to hyperinflation and financial disaster, which to some extent resulted in the rapid change of the political regime and social system.

Keywords: tax policy in Russia, peasantry, the World War I, direct and indirect taxes, income tax.

Происходящие на современном этапе развития отечественной науки процессы трансформации гуманитарного знания поставили целый ряд важных задач исследовательского и образовательного плана в области экономической истории России начала XX века. Среди них особо актуальными являются вопросы экономических предпосылок, событий и последствий, связанных с Великой российской революцией 1917 года, определившей вектор экономического и социально-политического развития России и всего мира в XX веке.

Система налогообложения и налоги не только неотъемлемая часть финансовой, экономической системы государства, но и важнейший показатель развития общества, степени его модернизации. «В налогах, – справедливо указывал К.Маркс, – воплощено экономически выраженное существование государства» (Маркс, 1955, с. 308). В начале XX в. мировой и российской финансовой наукой полностью осознается необходимость использования регулирующих функций налогообложения в качестве мощного средства экономической политики, системы мер воздействия на общественное производство, его структуру, динамику, направления и темпы модернизации (Вацуро, 1902; Шванебах, 1903; Озеров,

1905; Голубев, 1906; Боголепов, 1907; Хрулев, 1908; Вербицкий, 1916; Твердохлебов, 1916).

В начале XX в. крестьянство само требовало рассмотреть вопрос о крупной налоговой реформе, кардинальной проблемой которой являлось введение подоходного налога. В 1907 г. экономист М.И. Боголепов отмечал: «В эпоху революционных бурь, пронесшихся стремительным ураганом над современной Россией, освобождение от податной анархии было одним из популярных лозунгов пробудившейся деревни. Имеются многочисленные приговоры крестьянских сходов, где единодушно выражался протест против существующей системы обложения и выражалась требование подоходного обложения» (Боголепов, 1907, с. 153).

Отмена существующего прямого и косвенного обложения и замена их прогрессивно-подоходным налогом составляли основной после требования о предоставлении земли пункт в наказах крестьян депутатам Самарской губернии (Крестьянские наказы Самарской губернии, 1906). В наказе 1906 г. крестьян Новотроицкой волости Инсарского уезда Пензенской губернии также отмечалось: «Налоги должен платить всякий по своему достатку; таким образом, кто больше получает дохода, с того и процент должен быть взят в пользу государства выше» (РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 837. Л. 114а об.). В приговорах с. Красная Поляна Краснопольской волости и с. Чирки-Бибкеева Большефроловской волости Тетюшского уезда Казанской губернии более точно определялись не только вид налога, но и величина дохода, подлежащая обложению. Предлагалось «ввести подоходный и прогрессивный налог свыше 500 руб. годового дохода и сложить косвенные налоги со всех предметов первой необходимости: со спичек, керосина, мыла, железа, табаку, сахара и т.д. и наложить таковые на предметы роскоши» и т.п. (РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 837. Л. 1146).

В революционный период существовали даже альтернативные крестьянские проекты налоговой реформы. Так, проект «единственного основного промыслово-подоходного налога» крестьянина с. Пичаева Моршанского уезда Пензенской губернии Ивана Болтышева в 1905 г. удостоился внимания Николая II и был передан на рассмотрение министрам внутренних дел, финансов, юстиции и путей сообщения (ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 50–53).

Требование отмены выкупных платежей и замены всех налогов единым прогрессивно-подоходным налогом для всех сословий, по исследованию Л.Т. Сенчаковой, содержатся в 32,4% наказах и приговорах (в 215 из 664 проанализированных наказов) (Судьбы российского кре-

стьянства, 1995). К аналогичным выводам на основе анализа 300 приговоров по 16 губерниям (в т.ч. по Пензенской и Казанской) пришли В.П. Данилов и А.П. Корелин (Приговоры и наказы, 2000, с. 15).

Революционные события начала XX в. заставили государство объявить о важных реформах, таких, как отмена круговой поруки среди сельского населения (1903), изменение паспортного режима (1906), отмена особых правил о наказуемости крестьян, подведомственных волостному суду (1906), получение права на выход из общины (1906), уравнение в правах крестьян с другими сословиями в отношении поступления на государственную службу, в учебные заведения, в духовное звание и монашество (1906), окончательная отмена подушной подати (1907), отмена выкупных платежей за землю (1907). Введение представительного учреждения, обретение политических прав привели к тому, что крестьянское сословие юридически утратило свои специфические сословные ограничения и стало быстро превращаться в класс.

На 1 января 1907 г. по выкупным платежам за крестьянами числилось первоначального долга 900138,4 тыс. руб. Из этой суммы было погашено ими – 478515,5 тыс. руб., казной (по законам с 1881–1884 гг., с отсрочкой долгов, по манифесту от 3 ноября 1905 г.) – 411150,6 руб. (Кованько, с. 409), не считая 17,5 млн. руб. недоимок, сложенных в 1913 г. По Казанской губернии сложение отмененных выкупных платежей составило 395 376,11 руб. (РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 27156. Л. 132), по Пензенской – 768 026,35 руб. (РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 27171. Л. 57–58).

По манифесту 21 февраля 1913 г. (по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых), были формально сложены все недоимки по отмененным выкупным платежам. Таким образом, окончательно была ликвидирована финансовая сторона крестьянской реформы 1861 г.

В целом отмена выкупных платежей послужила выравниванию поземельного обложения: как надельная земля, так и частновладельческая теперь подлежала обложению в пользу казны только государственным поземельным налогом. Однако недоимки выкупных платежей как архаичная форма встречалась и позже. Так, в 1915 г. по Самарской губернии из оклада 35025 руб. поступило 18786 руб. (РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 25431. Л. 103–105), а в Мензелинском уезде ТАССР сбор выкупных платежей с бывших надельных земель осуществлялся вплоть до декабря 1920 г. (!) (НА РТ. Ф. Р–3452. Оп. 1. Д. 16. Л. 22).

С 1 января 1906 г. были восстановлены полные оклады государственного поземельного налога (льготы были предоставлены по случаю

коронации Николая II). В 50 губерниях Европейской России в связи с увеличением площади земель, привлеченных к обложению, общая сумма была определена в 1906 г. в 13,36 млн. руб., а в 1913 г. – 14,4 млн. руб. (Департамент…, 1913, с. 171). Несмотря на повышение налога общая доля поземельных сборов в России в 1913 г. не превышала 6%.

В целом, с 1907 г. податная тяжесть прямого обложения была перенесена с крестьянского населения на другие источники дохода. Так, если основными статьями бюджета государства, согласно сметам департамента окладных сборов, с 1864 по 1886 г. являлись подушная и оброчная подати (от 63,7 до 81,0% прямых налогов), а 1887–1906 гг. – выкупные платежи (до 55,1%) (Департамент…, 1913, прил. № 11), то в 1907–1913 гг. основными прямыми налогами стали государственный квартирный и государственный промысловый. В 1913 г. доля последнего налога в прямых платежах составила 31% (150,1 млн. руб.) (Россия. 1913 год, 1995, с. 154).

В начале XX в. в России сложились существенные диспропорции в системе налогообложения, характерной особенностью царского бюджета являлся незначительный удельный вес прямых налогов в доходных статьях государственной казны. Так, на косвенные налоги и правительственные регалии (в том числе на винную монополию) в 1913 г. приходилось 50,7%, а на прямые налоги только 8% доходной части бюджета (Россия. 1913 год, 1995, с. 154). Фискальное значение винной монополии в дореволюционной России было исключительно велико. Ее доля в доходах государственного бюджета в начале XX в. была практически постоянной: в 1903 г. – 26,7%, в 1913 г. – 26,4% (Министерство финансов, 1914, с. 6).

В начале XX в. общая тяжесть налогов и платежей крестьянства несколько ослабла. По вычислениям А.М. Анфимова, соотношение всей суммы налогов и платежей к доходу сельского хозяйства составляло в 1901 г. 28,74%, а в 1904 г. – 24,80% (Анфимов, 1984, с. 111). После отмены в 1907 г. выкупных платежей налоги и сборы с крестьян, по расчетам А.Л. Вайнштейна, не превышали в среднем 12,86% дохода (Вайнштейн, 2000, с. 84). Бюджетные исследования крестьянских хозяйств Симбирской губернии показывают, что доля прямого и косвенного обложения крестьянства Поволжья соответствовала общероссийскому уровню, налогами изымалось 11,7% дохода (Краткие бюджетные сведения, 1915).

Первая мировая война существенно изменила как характер финансовой системы страны, так и организацию податного дела. По справед-

ливой оценке Ю.А. Петрова (Петров, 2017, с. 9), Первая мировая война стала прологом Великой российской революции 1917 г., коренным образом изменила европейский государственно-политический ландшафт в целом, определила системные изменения в социальных, экономических, политических институтах и отношениях, масштабные сдвиги в интеллектуальном и культурном пространствах.

Потери бюджета (прежде всего, из-за введение сухого закона) правительство постаралось компенсировать повышением ставок практически всех основных прямых и косвенных налогов, а также введением новых видов обложения (косвенного и прямого. С большим трудом и в невероятно архаической форме во время войны по указу 1916 г. был введен подоходный налог, в основе которого лежал проект, разработанный еще в 1907 г. С введением подоходного налога с 1 января 1917 г. все налоги были оставлены в силе (РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 717. Л. 2, 5). Однако архаизм русской системы реформы затронули лишь в незначительной степени. Основой бюджета по-прежнему оставались косвенные налоги, что не могло не породить социальную напряженность.

Подоходным налогом предполагалось облагать доходы от денежных капиталов, недвижимости, сельского хозяйства на собственной и арендованной земле, сдачи земли в аренду, разработки леса, промысловых, торговых, промышленных занятий и т.п. (ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 9–24). Ставки подоходного налога постоянно пересматривались и к августу 1917 г. достигли 12,5% (первоначальная ставка – 1% при доходе в 1 000 руб.) (ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 270. Л. 3, 4, 15).

Подоходный налог стал охватывать большую часть населения. Как писали в «Земледельческой газете», «…облагаются все виды дохода, следовательно, и доходы от земли. Ввиду того, что обложение начинается с чистого дохода в 850 руб., оно затронет не только крупных землевладельцев, но и многочисленных крестьян и других мелких и средних землевладельцев» (Земледельческая газета, 1917).

При точном учете доходов крестьян податной инспекцией в плательщики подоходного налога могла попасть достаточно значительная часть хозяйств. Например, по данным бюджетных исследований, 27,4% крестьянских хозяйств Пензенской губернии имели доход более 1 000 руб. (Итоги оценочно-статистического исследования, 1923). Относительно высокий доход крестьянского двора при невысоком подушном доходе в 129,3 руб., как правило, достигался благодаря его многолюдности (численность семьи составляла в среднем 7–8 человек).

На практике сбор подоходного налога в 1917 г. столкнулся с объективными трудностями. По закону не позднее 1 марта 1917 г. плательщики должны были добровольно подать заявление о доходе в участковое по подоходному налогу присутствие и, не дожидаясь получения окладных листов, внести не позже 1 августа половину суммы налога (ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 270. Л. 18). Данное обстоятельство в совокупности со слабостью налоговых органов создавало широкие возможности как для сокрытия доходов, так и полного ухода от налога. В одном из отчетов податного инспектора Керенского уезда Пензенской губернии указывалось: «Население уклоняется от уплаты налогов всякими способами, ссылаясь на то, что оно уже исполнило свой долг перед страной, так как члены его семей четвертый год проливают свою кровь на фронте» (ГАПО. Ф. Р–313. Оп. 4. Д. 26. Л. 9 об.). В Краснослободском уезде той же губернии «масса бумаг, посланных крестьянам и лицам, ведущим крестьянский образ жизни, бесследно пропала» (Там же. Л. 93).

В целом в 1917 г. наблюдалось незначительное поступление налога. В годовых отчетах податных инспекторов отмечалось поступление подоходного налога со всех категорий плательщиков Ардатовского уезда Симбирской губернии в сумме 1 344,57 руб., Буинского – 3 822,02, Курмышского – 7 463,49, Карсунского – 28 932,99, Симбирского (вместе с городом) – 71 808,68 руб. (ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1384. Л. 114; Д. 1386. Л. 77; Д. 1389. Л. 60; Д. 1390. Л. 90 об.; Д. 1387. Л. 72 об.–73). В 1917 г. к подоходному обложению по всей Симбирской губернии было привлечено 7 508 человек (ГАУО. Ф. Р. – 183. Оп. 1. Д. 337. Л. 29–29 об.). В целом, к 1 января 1918 г. было собрано не более 1/3 окладных сборов.

Новый податной закон, основанный на принципах всеобщности, соразмерности налога и дохода, мог стать поворотным в истории модернизации России, но в условиях войны и общей натурализации экономики ему была уготована лишь второстепенная роль. Введение хлебной монополии, призыв населения в войска, реквизиция лошадей и скота, недостаток сельскохозяйственных орудий, машин и удобрений, прекращение вывоза хлеба в целом негативно повлияли на эволюцию сельского хозяйства. Наметился переход к свертыванию всей производственной деятельности крестьянского хозяйства и натурализации налогообложения.

Не имея мощной финансовой основы в стране, царское правительство вынуждено было вести войну не на повышении налогов, а исключительно на усилении внутренней и внешней задолженности и за счет полного расстройства денежного обращения (эмиссии денег). При Вре-

менном правительстве налоги и нормальные бюджетные поступления в значительной степени потеряли свое фискальное значение, четко обозначились контуры финансовой катастрофы. Недостаточность обычной системы доходов для покрытия государственных расходов в период войны неизбежно вела к повышению удельного веса чрезвычайных поступлений в казну. К ним, прежде всего, относились внутренние и внешние займы и растущая эмиссия бумажных денег.

Финансовая ситуация к осени 1917 г. полностью вышла из-под контроля Временного правительства. Эмиссия ничем не обеспеченных государственных кредитных билетов и казначейских знаков для покрытия чрезвычайных расходов привела к гиперинфляции и финансовой катастрофе, что в определенной степени обусловило быструю смену политического режима и социальной системы.

Источники и литература

1. *ГАПО. Ф. Р–313. Оп. 4. Д. 26.*
2. *ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252.*
3. *ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 270.*
4. *ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1384.*
5. *ГАУО. Ф. Р–183. Оп. 1. Д. 337.*
6. *НА РТ. Ф. Р–3452. Оп. 1. Д. 16*
7. *РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 717.*
8. *РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 837.*
9. *РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 25431.*
10. *РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 27156.*
11. *РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 27171.*
12. *Анфимов* А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1984. 232 с.
13. *Боголепов* М.И. Финансы, правительство и общественные интересы: бюджеты и бюджетное право; налоги и налоговая политика; государственный долг. СПб., 1907. 334 с.
14. *Вайнштейн* А.Л. Избранные труды. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (опыт статистического исследования). М., 2000. Кн. 1. 507 с.
15. *Вацуро* Г.А. Народно-хозяйственные предположения податного устройства. Казань, 1902. 23 с.
16. *Вербицкий* А.П. Основные формы подоходного обложения в их историческом развитии и система законодательства о подоходном налоге в России. Иркутск, 1916. 87 с.

17. *Голубев* П.А. Податное дело. СПб., 1906. 32 с.

18. *Департамент* окладных сборов 1863–1913. СПб., 1913. 277 с.

19. *Земледельческая газета*. 1917 г. 4 февраля.

20. *Итоги оценочно-статистического исследования* Пензенской губернии, 1909–1913 гг. / Под общим руководством В.Г. Громана. Часть III. Бюджетное исследование крестьянского хозяйства. Вып. 1. Бюджеты отдельных хозяйств. Пенза, 1923. 122 с.

21. *Кованько* П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года и ея последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция: 1861 г. – 1907 г.). Киев, 1914. 562 с.

22. *Краткие бюджетные сведения* по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам Симбирской губернии. Симбирск, 1915. 264 с.

23. *Крестьянские наказы* Самарской губернии. Самара, 1906. 88 с.

24. *Маркс* К. Соч. / К.Маркс, Ф.Энгельс. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. 615 с.

25. *Министерство финансов*. 1904–1913. СПб.: Экспедиция заготовительных бумаг 1914. 136 с.

26. *Озеров* К.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. 259 с.

27. *Петров* Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Экономическая история. 2017. № 2. С. 8–32.

28. *Приговоры и наказы* крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. М., 2000. 416 с.

29. *Россия*. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. 416 с.

30. *Судьбы российского крестьянства*. М., 1995. 624 с.

31. *Твердохлебов* В.Н. Финансовые очерки. М., 1916. 168 с.

32. *Хрулев* С.С. Финансы России в связи с экономическим положением Ея населения. СПб., 1908. 298 с.

33. *Шванебах* П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. 203 с.

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры экономической истории и информационных технологий ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева» (г. Саранск); e-mail: mariskinoi@mail.ru

Mariskin Oleg Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of economical history and informational technologies of N.P. Ogarev Mordovia State University (Saransk)

УДК 94(470.41)"1917"

А.Х. Махмутова

Материалы Второй Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года как источник по характеристике села в эпоху революций (по материалам д. Бизяки Елабужского уезда Вятской губернии)

В статье анализируются материалы второй Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года по деревне Бизяки – подворные опросные листы и бланки с итогами похозяйственного опроса населения.

Ключевые слова: сельскохозяйственная перепись, разверсточная единица, деревня Бизяки, опросные листы.

A.Kh. Makhmutova

Materials of the Second All-Russia agricultural census of 1917 as a source of the characteristic of village in the era of revolutions (on materials of the village Bizyaki of the Yelabuga district of the Vyatka province)

The article analyzes materials of the second all-Russian agricultural census of 1917 in the village of Bizyaki – household questionnaires and forms with the results of the household survey.

Keywords: agricultural census, razvernetsya unit, village Bizyaki, questionnaires.

В годы Первой мировой войны царское правительство все более осознавало необходимость регулирования продовольствия в стране. По постановлению Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу Министерство земледелия распорядилось провести в 1916 г. первую Всероссийскую сельскохозяйственную перепись. Это одно из последних крупномасштабных мероприятий российской статистики эпохи царизма по сбору данных о состоянии аграрного сектора экономики было проведено в мае-июле 1916 г. и охватило 77 губерний и областей.

Перед возглавившим страну после свержения царизма в феврале 1917 г. Временным правительством наряду со многими другими встал и продовольственный вопрос. Требовались точные сведения о землевла-

дении и землепользовании для намечавшейся аграрной реформы. Для нужд продовольственной кампании также нужно было обновление данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. Новая программа переписи была разработана отделом переписи при управлении делами Особого совещания по продовольствию и была утверждена на Всероссийском съезде земских статистиков, проходившем в Москве 18–21 апреля 1917 г. Надвигавшийся продовольственный кризис в стране заставил Временное правительство провести новую сельскохозяйственную перепись уже летом 1917 г.

Вторая Всероссийская сельскохозяйственная перепись проводилась с мая по октябрь 1917 г., в самое «горячее» для крестьян время. Перепись регистрировала такие сведения, как число хозяйств, состав семьи, численность и виды скота, размеры посевных площадей по культурам, земельным площадям и угодьям, аренду земли, наличие сельхозинвентаря, промышленных и торговых заведений. Материалы переписи (поуездные ее итоги по 57 губерниям) были опубликованы уже в советское время в 1923 г. Полнота охваченных переписью объектов, как отмечается в предисловии сборника, пострадала во всех губерниях из-за сильного аграрного движения летом 1917 г. Имели место и массовые отказы населения от участия в переписи.

Несмотря на сложность обстановки (перипетии 1917 года, Гражданская война, а затем и дальнейшие события в стране), в местных архивах сохранились многие материалы второй Всероссийской переписи 1917 года, в частности, опросные листы и бланки похозяйственного опроса населения. Эти документы, собранные в отдельные папки по населенным пунктам, достаточно хорошей сохранности, являются бесценным материалом для наиболее полной характеристики деревень в переломный момент истории.

Для более конкретного рассмотрения и анализа были взяты материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года по деревне Бизяки, хранящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан.

Деревня Бизяки, история которой уходит в глубину веков, расположена в Прикамье, на северо-востоке Республики Татарстан, и входит в состав Менделеевского района. Она находится на берегу Нижнекамского водохранилища, в 12 км к востоку от районного центра. Деревня тянется с севера на юг километра на два вдоль небольшой речки, которую жители называют просто «инеш (речка)», а в официальных документах она значится как речка Безяка. До 1920 г. деревня находилась в составе Елабуж-

ского уезда Вятской губернии. Во владении бизякинского сельского общества издавна была вотчинная земля, закрепленная за сельчанами жалованными грамотами. История бизякинской вотчины несомненно, представляет большой интерес для изучения, так как отражает социально-экономические процессы, происходившие в Вятском крае в XVII–XX вв., затрагивая вопросы расселения и взаимоотношения многонационального населения региона. На примере одной татарской деревни – маленькой ячейки общества – можно увидеть и политику властей, методично ставивших своей целью ограничение прав нерусских народов края и, особенно, главного их права – права на землю; можно проследить и изменения в состоянии хозяйства сельчан на протяжении веков.

В данной статье будут рассмотрены материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года по деревне Бизяки – подворные опросные листы и бланки с итогами похозяйственного опроса населения. В трех больших папках содержатся 462 подворных опросных листа и 11 итоговых бланков по группам хозяйств. Внимательное изучение содержания этих материалов показало уникальность их. Хотя по неизвестным нам причинам отсутствуют несколько опросных листов и один итоговый бланк, изучение и анализ основного банка документов позволяет нам представить состояние деревни к осени 1917 г. (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330–332).

Первая группа документов – опросные листы – содержат сведения о жителях конкретного хозяйства: полные сведения о хозяине двора и данные о составе семьи без указания имен, но с определением родственных отношений и возраста. Здесь же даны сведения о количестве земли, скота, посевов по культурам. Имеются неполные данные о наличии торгово-промышленных заведений, об аренде земель, о дополнительных занятиях. Также есть сведения о призванных на действительную службу и мобилизованных на промышленные предприятия.

Некоторые наблюдения по опросным листам. Сохранилось всего 462 заполненных опросных листа. В двух опросных листах указано, что хозяева этих дворов отказались давать какие-либо сведения, поэтому указаны только имя и фамилия владельца. Кроме того, в 16 листах сведения также отсутствуют, так как владельцев этих хозяйств с семьями во время опроса не было в деревне. В 452 хозяйствах учтены жители, приписанные к бизякинскому обществу, 10 дворов принадлежали посторонним, т.е. не бизякинцам. Это духовные лица, торговцы, кузнец, портной со своими семьями. Они не имели земли и не занимались земледелием. В 16 хозяйствах главами записаны женщины, как правило, вдовы с малыми детьми.

В некоторых опросных листах имеются сведения о призванных на действительную службу (11 человек) и состоявших на учете на Бондюжском, Ижевском и Кокшанском заводах (всего 13 человек). Кроме того, можно встретить записи типа «караульщик пчел», «рыбак», «торгует рыбой», «чернорабочий», «ведет мелочную торговлю» и т.д.

Интересны сведения о количестве и видах домашних животных в каждом хозяйстве, о размерах посевов по видам культур. Начнем с посевов. Бизякинцы владели наделами от одной до семи разверсточных единиц. Разверсточная единица – это участок земли, полагавшийся на одну душу при разделе общинной земли, а затем учитывавшийся при разверстке налогов и других поборов. Одна душа при этом могла определяться по последней ревизии, по наличным душам или по тягловой силе. Можно предположить, что в данном случае в деревне Бизяки разверсточные единицы были определены по числу мужских душ по последней ревизии 1858 г., что произошло при переводе бизякинцев из состава Башкирсого войска в разряд сельских обывателей и включении их в оклад в 1866 г. С тех пор, по-видимому, переделов земли не было, и наделы переходили по наследству. Об отсутствии новых переделов говорят, например, такие факты, как наличие в деревне хозяйств, где есть только один мужчина, который владеет несколькими единицами земли, и наоборот, хозяйств, где на 5–6 мужчин указаны лишь одна-две единицы. После анализа опросных листов можно заключить, что в 1917 г. в Бизяках одна разверсточная единица составляла примерно полторы десятины пахотных земель.

Опросные листы дают возможность выяснить распределение земли по разверсточным единицам внутри бизякинской общины. Так, наделы из одной разверсточной единицы были в 119 хозяйствах, из двух – в 146, из трех – в 99, из четырех – в 39, из пяти – в 28, из шести – в 10 хозяйствах. Надел из семи единиц был лишь в одном хозяйстве. Им владели Хикматулла Альмухаметов (34 лет, женат, жена 24 лет и дочь 3,5 лет) и два его неженатых брата 30 и 20 лет. Следовательно, можно предположить, что при женитьбе братьев и выделении их в самостоятельное хозяйство надел также будет поделен на 3 части. Впрочем, хозяйство это было далеко не богатым: Хикматулла имел только одну лошадь, одну корову и одну овцу с ягненком. И засеял он лишь две с половиной единицы; на них было высеяно 15 пудов ржи и 20 пудов овса. Остальные четыре с половиной единицы были сданы в аренду трем лицам.

Об аренде земли. В 1917 г. в Бизяках дополнительные участки земли брали в аренду 17 хозяйств (от 0,4 до 4 единиц). Чаще всего арендо-

вали у своих родственников или соседей, отсутствовавших в деревне. Столько же владельцев сдавали землю в аренду. 27 хозяйств совсем не засевали свои наделы. Однако отметим, что большинство из них отдавали землю в аренду. Есть отметки о недосеве из-за отсутствия рабочих рук или нехватки семян.

При изучении опросных листов бросается в глаза, что почти половина бизякинцев – 203 хозяйства – засеяли свои наделы только двумя культурами. Это рожь и овес. При одной единице земли, как правило, ржи высевали пять пудов, овса – шесть с половиной пудов. Остальные культуры – пшеницу, ячмень, полбу, горох, гречиху, лен, коноплю – высевали мало, за редким исключением, только для внутреннего употребления. Самое большое разнообразие культур было высеяно в хозяйстве Калимуллы Нигматуллина.

Рассмотрим, каким был состав его семьи. Самому хозяину 60 лет, его жене 55 лет. У них пятеро сыновей 35, 29, 25, 19 и 10 лет и три дочери 19, 17 и 16 лет. Двое старших сыновей женаты (снохи 33 и 29 лет). Есть два внука 7 и 5 лет и внучка 6 лет. Итого в хозяйстве было всего 15 человек – 8 мужчин и 7 женщин. Указано, что второй сын работает на Бондюжском заводе. В хозяйстве Калимуллы Нигматуллина было 8 лошадей, 3 коровы, 2 теленка, 12 овец. Ему принадлежал надел в 5 разверсточных единиц. Еще 3 единицы он взял в аренду. На этих землях было высеяно 43 пуда ржи, 45 пудов овса, 5 пудов пшеницы, 13 пудов ячменя, 6 пудов полбы, 2 пуда гороха, 0,5 пуда льна, 0,1 пуда конопли (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № 362). Все это показывает, что хозяйство было крепким, а семья – работящей. Вряд ли здесь можно говорить об эксплуатации наемного труда. Но можно предположить, что в этом хозяйстве выращивали и товарный хлеб (на продажу). Кстати, и количество лошадей говорит о том, что мужчины этой семьи наверняка занимались извозом, добывая таким образом прибавочный продукт.

Приведу еще два примера. 1) Хозяйство Хикматуллы Салимуллина, 30 лет. Семья из пяти человек: брат 26 лет, сын 3 лет, жена 23 лет и сноха 28 лет. Имеется 2 лошади, 1 корова, 2 теленка, 8 овец, 2 разверсточные единицы земли. Засеяно рожью (10 пудов) и овсом (13 пудов) 1,9 десятины пашни. Под паром находится 1,2 десятины земли (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № 400).

2) Хозяйство Гайнутдина Ахмадьянова, 60 лет. Семья также из пяти человек: жена 55 лет, два сына 20 и 29 лет, дочь 18 лет. Имеется 2 лошади, 1 корова, 6 овец, 6 разверсточных единиц земли. Засеяно 5,9 десятины

пашни: по 30 пудов ржи и овса, 2 пуда пшеницы, 6 пудов полбы. 3,6 десятины земли находится под паром (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № 403).

Как видим, оба хозяйства и по составу семьи, и по движимому имуществу почти одинаковы. Но земли во втором хозяйстве в три раза больше, что, как можно предположить, дает ему возможность работать на рынок, тогда как первому хозяйству, в основном, урожая хватит только для обеспечения своего хозяйства и семьи.

А вот сведения о хозяйстве моего деда: Ибрагимов Махмут, 45 лет, имеет жену 40 лет, трех сыновей 17, 16 и 13 лет, двух дочерей 12 и 8 лет. Все были грамотны. В хозяйстве деда было две лошади, одна корова, четыре овцы с двумя ягнятами и коза. Имел дед 3 разверсточных единицы земли. Засеяно 2,9 десятины земли: ржи высеяно 15 пудов, овса 14 пудов, пшеницы 5 пудов. Под паром находилось 1,8 десятины земли. Кроме того дед занимался шорной торговлей. Было два специально выстроенных из камня здания для хранения товара (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 331. № 258). Напомню, что прадед Ибрагим фактически оставил его почти нищим (в 1891 г. он лишился лошади, и умер сам то ли от голода, то ли от тифа). В начале самостоятельной жизни у деда Махмута с матерью были лишь дом и надел земли. Надо полагать, что он был трудолюбивым и очень сметливым. Женился на такой же трудолюбивой девушке Шамсикамал, дочери Зайнуллы. Приобрел лошадь, корову, в свободное от полевых работ время занялся скупкой кожи, шорных изделий (сбруи, различных ремней), кожаной обуви (ичигов, тапочек и т.д.). Вначале он и сам занимался изготовлением шорного товара, но скупка готового товара по деревням открывала больше возможностей, и он полностью переключился на разъездную торговлю. По воспоминаниям нашего отца, торговал он и на ярмарках (Мензелинской, Спасской в Елабуге), пару раз вместе с односельчанами добирался и на далекую Макарьевскую ярмарку. Словом, дед постепенно крепко встал на ноги и к 1917 г. был уже крепким середняком.

Рассмотрим судьбы еще одного рода – рода Шункаровых. В первой половине XIX века двое из этого рода – Зейнибашар Шункаров и его сын Хисматулла были юртовыми старшинами и держали в своих руках не только свою, но и соседние деревни Тураево, Атясево (Куразово) и другие. В 1821 г. Зейнибашар Шункаров даже получил за выслугу личное дворянство. В конце XIX века одном из самых «крутых» бизякинцев считался внук Зейнибашара Гильмибашар Шункаров. В 1898 г. он внезапно умер, оставив крепкое хозяйство, двух жен и шесть малолетних

сыновей: Гумара 15 лет, Мулланура 9 лет, Гусмана 8 лет, Мирсаитгали 5 лет, Шункара 4 лет и Зиннура 1 года.

Что говорят материалы сельскохозяйственной переписи об этом хозяйстве к 1917 году? У сыновей Гильмибашара Шункарова четыре отдельных хозяйства:

1) У Гумара Шункарова (33 лет) жена 35 лет, два сына 5 и 2 лет и 4 дочери 14, 12, 10 и 8 лет. В его хозяйстве нет никакой живности, есть лишь одна разверсточная единица земли, на которой он высеял 5 пудов ржи и 6,5 пудов овса.

2) Гусман Шункаров, 28 лет, живет с матерью 60 лет. У него состояние хозяйства такое же, как у старшего брата.

3) Хозяйство Мулланура Шункарова, 30 лет. У него жена 19 лет. Сюда же приписаны его брат 26 лет (видимо, Мирсаитгали), работающий фельдшером в Мензелинском уезде, с женой 20 лет. За братьями числится 2 разверсточные единицы земли, которые засеяны 10 пудами ржи и 13 пудами овса. Сам Мулланур состоит на учете на Ижевском военном заводе (повидимому, работает там же).

4) К четвертому хозяйству приписаны Шункар Гильмибашаров 22 лет и его брат 19 лет (Зиннур). У них также две единицы земли, которые сданы в аренду мулле Рафагутдину Халилову «за подать», т.е. Рафагутдин-хазрат должен был оплачивать налоги, приходившиеся на долю братьев. Освободившись от земли, оба брата ушли и из деревни. Отмечено, что Шункар находится на учете на Ижевском заводе, Зиннур отсутствует (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № № 389–392). Итак, от богатства Гильмибашара Шункарова, легенды о котором «дожили» в Бизяках до конца XX века, к 1917 году осталась только земля и, вероятно, дома. Что бы ни явилось причиной разорения этого очень состоятельного хозяйства (только ли смерть хозяина и малолетство детей?), разделившиеся на самостоятельные хозяйства сыновья пополнили ряды беднейших бизякинцев, не имевших никакого домашнего скота. Судьба этого рода, на мой взгляд, ясно показывает неустойчивость благосостояния населения деревни.

Перейдем к анализу второй группы документов переписи 1917 года. Это – специальные бланки с итогами похозяйственного опроса населения. Видимо, вся деревня была поделена на 12 групп, примерно, по 40 хозяйств. Сохранилось 11 бланков. Отсутствует бланк под № 8. В бланках собраны итоговые сведения по каждой группе о количестве и составе населения, о численности и видах скота, о размерах посевных площа-

дей по культурам (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 331. Л. 156–166). Данные эти были сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Сводная опись хозяйства села Бизяки. 1917 год

группы		№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 9	№ 10	№ 11	№ 12	Итого
	Хозяйства	40	40	40	30 +2	40	40	40	39+1	40	40	33+3	428
муж-чин	всего наличных	82	91	103	85	90	88	88	86	80	95	98+ 12+2	1000
из них:	трудоспособных и п/тр-с	36 16	33 18	40 18	26 9	35 16	31 10	29 21	39 13	27 17	35 16	49 16	380 170
	отсутствуют по мобилиз.	9	20	18	11	12	16	14	10	22	16	8+3	159
	отсутствуют по др.прич.	3	3	3	1	1	-	3	6+1	9	4	2+2	38
жен-щин	всего наличных	91	106	131	67	95	107	89	44+ 95	94	105	89+6	1119
из них:	трудоспособных и п/тр-с	41 17	52 10	60 15	29 8	40 15	42 16	38 10	86	54 10	57 15	46 18	545 134
обоего пола	наличных отсутствуют	173 12	197 23	234 21	152 12	185 13	195 17	177 17	172 17	174 32	200 20	234 21	2093 205
хоз-в	со скотом	38	37	38	24	36	31	30	32	31	36	32	365
Из них	Раб.лошадей, мол.и жереб.	46+1 2+1	43 1+1	59	33 1ж	37	42 1+1	41 2+2	43 2ж	42 1+1	36 1ж	48 2+1	
	коров	38+4 н 1б21т	45+3 1+22	54+7 2+28	32+1 1+16	40+4 19	34+6 1+17	30 10+1 9	33+3 22	31+1 22	37+2 5+18	41+8 1+20	
	овец	130 52	122 33	173 43	77 21	114 44	96 26	95 48	176 23	124 30	142 29	125 40	
	коз	5	1	2+1	1+2	2+1	2	7+3	2+3	2+1	1	1+1	
Распр х-в по раб.-мужч	0 1 2 3	7 30 3	14 19 7	10 21 8 1	6 31 4	7 29 2	10 19 1	16 19 5	10 20 8 3	18 17 5	10 25 5	5 20 7 1	113 250 55 8
Распределение лош.	Без лошади 1 лошадь 2 лошади 3 лошади 4 лошади 5 лошадей	5 23 12	13 15 12 –1	5 16 15 3 1	5 14 8 1	12 21 5 2	10 19 11	11 19 8 2	10 20 9	10 20 8 2	12 20 8	4 16 10 1 1 1	97 203 106 11 3 1
Распределение кор.	Без коровы 1 корова 2 коровы 3 коровы 4 коровы 6 коров	9 20 11	6 23 8 3	6 16 12 4 2	7 12 6 3	8 22 8 2	13 17 6 1	12 19 8	11 23 5	12 25 3	13 17 8 2	3 15 12 2 1 1	88 209 87 17 3 1

Итак, после сведения в одну таблицу данных одиннадцати бланков получили следующую картину. В бланках учтено 428 хозяйств (напом-

ню, по опросным листам их 462). В них проживало наличных мужчин 1071, из них трудоспособных 380, полутрудоспособных 170 человек; отсутствуют по мобилизации 159 мужчин, по другим причинам 38 мужчин. В Бизяках наличных женщин учтено 1119, из них трудоспособных 545 человек, полутрудоспособных 134 человека. Итого наличного населения обоего пола всего 2190 человек, отсутствуют 205 человек. Распределение хозяйств по рабочим-мужчинам: в 113 хозяйствах мужчины-работники отсутствуют, по одному трудоспособному мужчине имеют 250, по два – 55, по три – 10 хозяйств. В процентном соотношении это выглядит так: 26,4% : 58,4% : 12,8% : 2,3%.

Хозяйств со скотом в Бизяках счетчики насчитали 333 или 77,8% всех хозяйств. Рабочих лошадей в них было 471, молодых лошадей 8, жеребцов 11. Взрослых коров было 415, нетелей 49, быков 7, подтелков 8, телят 224. Овец было 1374, ягнят 389, коз 26, козлят 13. Интерес представляют и сведения о количестве лошадей и коров в одном хозяйстве. Так, безлошадных дворов было 83, или 19,4%, с одной лошадью – 185 дворов или 43, 2%, с двумя – 106 дворов или 24,8%, с тремя и более лошадьми – 15 дворов или 3,5%. Хозяйств без коровы было 100 или 23,4%, с одной коровой – 197 или 46%, с двумя – 87 или 20,3%, три и более коров было в 25 хозяйствах, что составляло 5,8%.

Напомню, что безлошадные хозяйства считались беднейшими, с одной лошадью – бедными. Судя по приведенным данным о количестве лошадей, в 1917 г. в Бизяках бедные и беднейшие хозяйства составляли более 60% дворов, середняки – почти четверть дворов, а крепкие хозяйства были лишь в 3,5% дворов. Уже отмечалось, что обеспеченность хозяйств лошадьми оказывала большое влияние и на уровень земледелия. В 1917 г. в Бизяках под посевами было занято всего 1297,7 десятин земли, под паром было оставлено 737,5 десятин; недосева было озимых 11 десятин, яровых 19,5 десятин (НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 331. Л. 156–166).

Итак, все эти сведения вкупе с итоговыми данными по группам хозяйств дают наиболее полное представление о жизни деревни Бизяки. Несомненно, можно сказать, что в условиях войны и революционных событий в деревне нарастало обнищание крестьянства. Для выводов же о расслоении деревни и выяснения степени проникновения капиталистических отношений у нас не хватает информации.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330–332.*
2. *НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № 362.*
3. *НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № 400.*
4. *НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № 403.*
5. *НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 331. № 258.*
6. *НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 330. № № 389–392.*
7. *НА РТ. Ф. 991. Оп. 2. Д. 331.*

Махмутова Альта Хазеевна – кандидат исторических наук, историк-краевед (г. Казань)

Makhmutova Alta Khazeevna – Candidate of Historical Sciences, local historian (Kazan)

УДК 274.5(470.40/43)"1905/1917"

А.А. Машковцев

Эволюция конфессионального курса российских властей в отношении лютеран Среднего Поволжья и Приуралья в 1905–1917 гг.

В статье проанализирована эволюция конфессионального курса российских властей в отношении Евангелическо-лютеранской церкви на территории Среднего Поволжья и Приуралья в 1905–1917 гг. Автор отмечает, что после издания 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» российские лютеране, и ранее находившиеся в особом положении среди неправославных христиан империи, получили еще более широкие права. Были сняты некоторые дискриминационные ограничения в отношении лютеран, введенные, главным образом, в годы царствования Александра III. Лица, формально принадлежавшие к Русской православной церкви, но фактически исповедовавшие лютеранство, смогли беспрепятственно воссоединиться со своими единоверцами. Однако либеральный этап конфессиональной политики самодержавия был прерван начавшейся летом 1914 г. Первой мировой войной. Российские лютеране вновь начали подвергаться различным формам дискриминации, а также стали объектом пристального контроля со стороны правоохранительных органов.

В основу данной статьи были положены неопубликованные источники, в частности документы Государственного архива Кировской области, Национального архива Республики Татарстан и Центрального исторического архива Москвы. Также использовались различные виды опубликованных источников, в первую очередь, региональная периодика и законодательные акты.

Ключевые слова: Евангелическо-лютеранская церковь, конфессиональная политика, местные органы власти, Первая мировая война.

A.A. Mashkovtcev

Evolution of the confessional course of the Russian authorities towards the Lutherans of the Middle Volga and Urals in 1905–1917

The article analyzes the evolution of the confessional course of Russian authorities towards the Evangelical Lutheran Church in the Middle Volga and Urals in 1905–1917. The author notes that after decree "On strengthening the beginnings of religious tolerance" of April 17, 1905, Russian Lutherans, who had previously been in a special position among the non-Orthodox Christians of the

empire, gained even wider rights. Was removed a number of discriminatory restrictions against the Lutherans, introduced mainly during the reign of Alexander III. Persons who formally belonged to the Russian Orthodox Church, but who in fact professed Lutheranism, were able to unite unhindered with their co-religionists. However, the liberal stage of the confessional policy of the autocracy was interrupted by the World War I that began in the summer of 1914. Russian Lutherans once again began to be subjected to various forms of discrimination, and also became the object of close monitoring by law enforcement bodies.

The article was based on unpublished sources, in particular, documents of the State Archive of the Kirov region, the National Archive of the Republic of Tatarstan and the Central Historical Archive of Moscow. Also, various types of published sources were used, primarily regional periodicals and legislative acts.

Keywords: Evangelical-Lutheran church, confessional politics, local authorities, the World War I.

В годы революции 1905–1907 гг. началась заметная либерализация религиозной политики российского правительства, коснувшаяся и Евангелическо-лютеранской церкви, хотя она и не испытывала таких серьезных дискриминационных ограничений, как ряд других неправославных христианских конфессий. Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» устанавливал принцип свободы выбора вероисповедания и допускал свободный переход из православия в другую веру, в том числе и в лютеранство.

Издание указа 17 апреля 1905 г. повлекло за собой существенные изменения в ряде отраслей российского права, в частности в уголовном законодательстве. Так, в марте 1906 г. Николай II утвердил положение Государственного Совета «О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного уложения» (ПСЗ–3. Т. XXVI. № 27560. С. 261–265). В результате этого было отменено около тридцати статей «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», предусматривавших уголовную ответственность за выход из состава Русской православной церкви, за оказание противодействия православным миссионерам и пр. (Сафонов, 2007, с. 168). Отмена юридической ответственности за смену веры способствовала массовому возвращению в лютеранство части эстонских и латышских крестьян, ранее принявших православие.

Помимо принятия новых законов, касавшихся всех российских религиозных меньшинств, были изданы нормативно-правовые акты, непо-

средственно относившиеся к лютеранам. Так, в марте 1905 г. (то есть еще до издания указа 17 апреля 1905 г.) министр внутренних дел А.Г. Булыгин издал два циркуляра, отменявших действие распоряжений МВД от 10 июня и 30 декабря 1889 г. о запрещении протестантам организации миссионерских праздников и сборов, а также от 22 октября 1893 г. об ограничении совершения лютеранских богослужений на открытом воздухе и в неприспособленных для этого помещениях (ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 198. Л. 6, 8). 30 июня 1905 г. А.Г. Булыгин отменил циркуляр МВД от 23 апреля 1887 г., запрещавший печатать для всеобщего ознакомления протоколы заседаний лютеранских синодов (ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 82. Л. 8).

Большое значение для Евангелическо-лютеранской церкви России имел и знаменитый манифест 17 октября 1907 г., провозглашавший основные демократические права и свободы, в том числе и свободу союзов. Это позволило лютеранам открыть в период Думской монархии значительное число различных общественных организаций (благотворительных, культурно-просветительских и пр.). Наиболее активно этот процесс шел на юге России, где имелось большое число немецких колоний. «Лютеране юга России выступили инициаторами создания Корпорации студентов-немцев (1909–1915) и Немецкого общества образования южной России (1906–1910), имевшего целью открытие школ, библиотек, организацию различных курсов, лекций, спектаклей, выставок и т.п. В Одессе в 1911 г., с целью содействия религиозному и нравственному развитию молодежи, было основано Одесское общество молодых людей. Главной задачей общества являлась защита юношей от вредных для их нравственности влияний», – отмечает О.А. Лиценбергер (Лиценбергер, 2003, с. 218).

В Среднем Поволжье и Приуралье, где численность немцев была значительно меньше, чем на Нижней Волге или в Новороссии, лютеране не проявляли такой высокой активности, однако и здесь в период Думской монархии функционировало несколько культурно-просветительских объединений. Так, в Казани действовало женское немецкое общество, а при местной кирхе функционировал целый культурный центр (работал хор, ставились пьесы и пр.) (Корнилов, 2003, с. 16).

В целом, демократические изменения в российском религиозном законодательстве, произошедшие в годы Первой русской революции, открывали широкие перспективы для всестороннего развития всех неправославных конфессий, в том числе и Евангелическо-лютеранской церкви. Однако этот либеральный период продолжался менее десятиле-

тия. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война привела к росту антинемецких и антилютеранских настроений в российском обществе, резко осложнив положение лютеран и некоторых других протестантов. Данное событие не позволило завершить процесс трансформации российской конфессиональной политики в сторону закрепления полного правового равенства всех конфессий.

Летом 1914 г. религиозный курс имперских властей в отношении Евангелическо-лютеранской церкви резко изменился. Лютеране, ранее находившиеся в привилегированном положении среди религиозных меньшинств России, неожиданно стали объектом дискриминационных ограничений и даже репрессий. Важно подчеркнуть, что жесткие действия касались в основном немцев-лютеран и практически не затронули Евангелическо-лютеранскую церковь Финляндии, а также эстонские и латышские лютеранские приходы в Прибалтике.

Резкое ухудшение положения Евангелическо-лютеранской церкви напрямую связано с Первой мировой войной, вызвавшей мощный рост антинемецких настроений в русском обществе, а также во властных структурах страны. Хотя всплеск германофобии являлся реакцией на события, происходившие на фронте, однако антинемецкие настроения в России имели и более глубокие корни. У российской политической элиты они сформировались еще в начале XX века под влиянием глубоких геополитических противоречий между Россией и Германией. Возникшее в разгар франко-прусской войны 1870–1871 гг. мощное германское государство почти сразу стало претендовать на гегемонию в Европе и стремиться к расширению своих границ, что не могло не вызывать беспокойства не только в Париже и Лондоне, но и в Петербурге. Кроме того, к началу XX века возникли и острые экономические разногласия между Россией и Германией. Российское руководство проявляло крайнее раздражение русско-германским торговым соглашением, навязанным нам в разгар войны с Японией.

Молодая российская буржуазия, испытывавшая серьезную конкуренцию со стороны немецкого бизнеса, также в значительной степени разделяла подобную позицию. Наконец, антинемецкие настроения проникли в интеллигентскую среду. «…Особенно явно ненависть ко всему германскому проявилась среди образованных классов Российской империи, которым следовало бы быть умнее… Самого невинного проявления любви к немецкой литературе, музыке или искусству было достаточно,

чтобы вызвать потоки оскорблений, а иногда и похуже», – отмечает английский историк Уильям Фуллер (Фуллер, 2009, с. 215).

Росту антинемецких настроений в значительной степени способствовала позиция официальных и правых периодических изданий. С первых месяцев войны на страницах как центральных, так и местных газет стали публиковаться многочисленные антинемецкие статьи. Не осталась в стороне и проправительственная пресса Волго-Уральского региона. В ней постоянно публиковались материалы о жестокости немцев в отношении военнопленных и интернированных лиц, а также о применении ими варварских методов ведения боевых действий (например, использование химического оружия). Впрочем, поскольку кайзеровская армия, действительно, грубо нарушала правила ведения войны, подобная информация регулярно появлялась и на страницах местных либеральных газет, таких как «Вятская речь» (Вятская речь. 1915. № 2. С. 1; Вятская речь. 1915. № 109. С. 3 и пр.).

Большое количество статей, опубликованных губернской прессой Среднего Поволжья и Приуралья, было посвящено проблеме так называемого «немецкого засилия» в России. В числе первых данную тему стала затрагивать церковная пресса. Некоторые авторы, описывая зависимость России от Германии, рисовали поистине апокалипсическую картину. «Незадолго до войны…, когда стали форсировать цены на воск, духовенство узнало, что более половины воска, перерабатываемого свечными заводами, поступает из заграницы, и, главным образом – через немецкие руки. Теперь, когда война открыла глаза широкой публике, мы узнаем, что в нашем храме одни только стены русские, все же остальное происходит прямо или косвенно из Германии. От замка, которым сторож запирает наружную дверь, до креста, который высится к небу и блещет немецкой позолотой» (Вятские епархиальные ведомости. 1915. № 32. С. 1001–1002).

Кроме того, губернская пресса в немалой степени способствовала формированию образа врага в лице российских немцев, рассматривая их в качестве «пятой колонны» Германии. «Но враг, несомненно, и иными путями будет действовать в своих целях. Разными слухами, сплетнями, предложениями и соображениями будет сеять смущение в умах мирного российского населения. Трудно проследить, но несомненно немцы через живущих в нашем гостеприимном отечестве своих собратьев будут распространять, а может быть местами уже распространяют, преувеличенные страхи перед немецкими победами и нашими поражениями», – от-

мечал на страницах «Пермских епархиальных ведомостей» местный православный архиерей Андроник (Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 3–4. С. 56).

Наряду с антинемецкими публикациями появлялись и статьи, носившие антилютеранский и, в целом, антипротестантский характер. «С осторожным умением можно подчеркнуть, что те зверства, которыми немец удивил весь мир, это есть продукт его немецкой веры, веры, в которой почти ничего нет христианского, веры сухой и холодной, не знающей любви и сострадания к ближнему, веры, забывшей все христовы заповеди», – утверждал один из авторов «Вятских епархиальных ведомостей» (Вятские епархиальные ведомости. 1915. № 32. С. 1000). Многочисленные статьи в церковных региональных газетах достаточно настойчиво и последовательно внушали читателям мысль о том, что различные протестантские конфессии, функционирующие как в России в целом, так и в регионе в частности, являются духовно чуждыми русскому человеку, воспитанному в православном духе (Вятские епархиальные ведомости. 1915. № 6–7. С. 155–160; Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 8–9. С. 251–253 и др.).

Достаточно активная, а иногда и агрессивная антинемецкая и антилютеранская кампания, развернувшаяся в российской центральной и региональной прессе, способствовала росту национализма и ксенофобии. В крупных городах страны, в том числе в Петербурге и Москве антинемецкие настроения приняли крайне радикальные формы, что выразилось в погромных действиях. Так, уже 4 августа 1914 г. было разгромлено германское посольство в имперской столице, а 26–29 мая 1915 г. состоялись жестокие немецкие погромы в Москве. В результате одного из них было убито 5 и ранено около 40 прихожан лютеранской кирхи Св. Петра и Павла.

В Среднем Поволжье и Приуралье погромных действий в отношении немцев не отмечалось, тем не менее они также испытывали на себе последствия начавшейся войны. Во всех губерниях региона наблюдался рост бытового национализма, фиксировались случаи оскорбления местных немцев и их бойкота. Кроме того, немцы (главным образом, германские подданные, постоянно жившие в регионе) стали испытывать жесткий прессинг со стороны губернских властей и правоохранительных органов. Так, в Вятской губернии местные власти нанесли тяжелейший удар по бизнесу крупного предпринимателя К.О. Шнейдера, являвшегося кассиром лютеранской общины и одним из главных спонсоров строительства

кирхи. Сразу после объявления войны Шнейдер оказался под пристальным контролем со стороны Вятского губернского жандармского управления, подозревавшего его в связях с германской разведкой (ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 49. Л. 114). Он был выслан в уездный город Орлов, продав компаньонам завод, над развитием которого трудился долгие годы.

Антинемецкая кампания, развернувшаяся в России после начала Первой мировой войны, крайне негативно повлияла на положение Евангелическо-лютеранской церкви и ее духовенства. С момента начала Первой мировой войны и до начала Февральской революции репрессиям подверглись 84 лютеранских пастора, 30 из которых сослали в Сибирь, троих – отдали под суд, остальных выселили за пределы своих приходов (Лукьянов, 2007, с. 235). В фонде ДДДИИ МВД (Ф. 821) РГИА, а также в фонде Московской евангелическо-лютеранской консистории (Ф. 1629) ЦИАМ содержатся документы, свидетельствующие о подобных репрессивных акциях в отношении лютеранских пасторов. К примеру, в 1916 г. военными властями из Ставрополя в Иркутск был выслан пастор Шульц (ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 212. Л. 156). Чаще всего основаниями для депортации служили обвинения в прогерманской пропаганде.

Административный произвол властей испытало на себе и лютеранское духовенство Волго-Уральского региона, в частности, настоятель кирхи Казани пастор Эдуард Карлович Гохайзель (хотя в документах НА РТ он обозначен как Гоэйзель) (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2957. Л. 13). Э.К. Гохайзель занял место пастора летом 1903 г., сменив прежнего настоятеля храма св. Екатерины Рихарда Валькера (НА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 611. Л. 29). Ранее Гохайзель служил в лютеранской церкви Ижевска, находившегося в составе Вятской губернии.

22 декабря 1914 г. помощник начальника Казанский губернский тюрьмы П.П. Степанов сообщил жандармерии о том, что в квартире лютеранского пастора Э.Гохайзеля «по вечерам часто собирается много публики, преимущественно немцев, которые ругают русское правительство и… все сочувствуют Германии» (НА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 611. Л. 2). Самому П.П. Степанову об этом сообщила сестра его жены – Матильда Ивакина, часто бывавшая в доме пастора в качестве портнихи.

На основе данной информации Казанское губернское жандармское управление начало осуществлять следственные мероприятия. 26 и 28 февраля 1915 г. жандармы провели обыски в квартире священника. Для перевода обнаруженной корреспонденции, книг и периодики привлекал-

ся преподаватель 2-й казанской мужской гимназии А.П. Сиверс, хорошо владевший немецким языком.

К счастью для пастора жандармы не обнаружили в изъятой корреспонденции ничего крамольного, кроме описания довольно тяжелого положения некоторых германских пленных и интернированных, которое, в целом, соответствовало действительности. Поскольку в действиях Э.Гохайзеля отсутствовали признаки состава преступления, начатое следственными органами дело было прекращено, и пастор избежал участи других лютеранских священников, подвергнутых различным репрессиям в разгар антигерманской кампании. Э.Гохайзель продолжил исполнять священнические функции вплоть до 1918 г. и покинул Казань уже при большевиках в самый разгар Гражданской войны в России.

Дискриминация в отношении лютеран проявлялась и в попытках имперских и региональных властей ограничить сферу использования немецкого языка в богослужебной и образовательной сферах, а также в церковном делопроизводстве. Попытки вытеснить немецкий язык из названных областей, заменив его русским (в частности в переписке лютеранских духовных учреждений) предпринимались ДДДИИ МВД и ранее, но не слишком настойчиво (ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 112. Л. 3). Начало Первой мировой войны позволило перейти в этом вопросе к более решительным действиям. Инициативу здесь проявляли, как правило, местные чиновники, но центральные власти зачастую просто закрывали глаза на их антинемецкие инициативы. «Одесский губернатор, например, издал распоряжение, запрещавшее произнесение проповедей пасторами в кирхах на немецком языке и это распоряжение не было опротестовано ДДДИИ», – отмечает С.А. Лукьянов (Лукьянов, 2007, с. 234).

В Казанском учебном округе после начала войны руководители многих учебных заведений стали требовать от лютеранских пасторов перевести преподавание Закона Божьего с немецкого на русский язык. Это грубо противоречило действующему законодательству, в частности п. 14 указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»: «Признать, что во всякого рода учебных заведениях, в случае преподавания в них Закона Божьего инославного исповедания, таковое ведется на природном языке учащихся» (ПСЗ–3. Т. XXV. № 26125. С. 258). Кроме того, некоторые ученики недостаточно хорошо владели русским языком, что негативно отражалось на усвоении ими материала. Все это привело к подаче лютеранским духовенством жалоб в различные инстанции (ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 186. Л. 81–81 об.).

Несмотря на несомненное ухудшение положения Евангелическо-лютеранской церкви в России в годы Первой мировой войны, ее взаимоотношения с властями вряд ли правомерно излишне драматизировать. За пределами зоны боевых действий продолжало функционировать большинство лютеранских храмов. В рассматриваемом регионе не только не была закрыта ни одна лютеранская церковь, но и была построена новая кирха в Вятке (январь 1917 г.).

Таким образом, конфессиональная политика российских властей в отношении Евангелическо-лютеранской церкви на территории Среднего Поволжья и Приуралья в 1905–1917 гг. претерпела значительную эволюцию. В годы Первой русской революции были сняты некоторые правовые ограничения в отношении данной религиозной организации, что способствовало ее динамичному развитию в период Думской монархии. Однако начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война резко ухудшила положение немцев-лютеран, ставших объектом жесткого контроля со стороны местных административно-полицейских органов.

Источники и литература

1. *ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 198.*
2. *ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 49.*
3. *НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2957.*
4. *НА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 611.*
5. *ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 82.*
6. *ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 112.*
7. *ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 186.*
8. *ЦИАМ. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 212.*
9. *Вятская речь*. 1915. № 1. С. 1.
10. *Вятская речь*. 1915. № 109. С. 3.
11. *Вятские епархиальные ведомости*. 1915. № 6–7. С. 155–160.
12. *Вятские епархиальные ведомости*. 1915. № 32. С. 1001–1002.
13. *Пермские епархиальные ведомости*. 1915. № 3–4. С. 56.
14. *Пермские епархиальные ведомости*. 1915. № 8–9. С. 251–253.
15. *ПСЗ–3. Т. XXV. № 26125*. С. 258.
16. *ПСЗ–3. Т. XXVI. № 27560*. С. 261–265.
17. *Корнилов* И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2003.
18. *Лиценбергер* О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской империи (XVI–XX вв.). М., 2003.

19. *Лукьянов* С.А. Веротерпимость как принцип религиозной политики в России (XVI–XX вв.). М., 2007.

20. *Сафонов* А.А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов, 2007.

21. *Фуллер* У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / пер. с англ. М. Маликовой. М., 2009.

Машковцев Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Вятского государственного университета (г. Киров); e-mail: wikma116@rambler.ru

Mashkovtcev Andrey Anatolyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Vyatka State University (Kirov)

УДК 271.2:2–86+348

В.В. Машковцева

Указ 17 апреля 1905 г. и трансформация государственно-старообрядческих отношений (на материалах Вятской губернии)

В статье анализируется содержание указа «Об укреплении начал веротерпимости», подписанного Николаем II 17 апреля 1905 г. и знаменовавшего кардинальные изменения конфессиональной политики властей по отношению к старообрядцам. Последователям староверия в начале XX века был предоставлен широкий спектр гражданских и духовных прав, в частности, возможность открывать молельные дома и совершать богослужения по своим обрядам, печатать религиозную литературу, организовывать общины и др. Основу данного исследования составляют неопубликованные источники, в частности, материалы, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Кировской области. Помимо этого, активно использовались опубликованные источники, прежде всего, законодательные акты и материалы местной периодической печати – газеты «Вятские епархиальные ведомости». Обширная источниковая база позволяет сделать вывод о достаточной противоречивости конфессионального курса властей в начале XX века. С одной стороны, издание законов 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. свидетельствует о либерализации религиозной политики самодержавия, с другой стороны, взгляд представителей как светской, так и духовной власти на старообрядцев не претерпел серьезных изменений. Приверженцы староверия, как и ранее, воспринимались как отступившие от официального православия. Этим обусловлена активная миссионерская деятельность православного клира среди старообрядцев с целью возвращения последних в лоно официальной церкви.

Ключевые слова: старообрядчество, конфессиональная политика государства, нормативно-правовой акт, Русская православная церковь, миссионерская деятельность, православное духовенство, молельный дом.

V.V. Mashkovtceva

Law of April 17, 1905 and transformation of the state-old believers' relations (on materials of the Vyatka province)

The article analyzes the content of the decree "On strengthening the beginnings of religious tolerance", signed by Nicholas II on April 17, 1905, which marked the cardinal changes in the confessional policy of the authorities towards

the Old Believers. The followers of the Old Believer in the early 20th century were granted a wide range of civil and spiritual rights, in particular, the opportunity to open prayer houses and perform services for their rghites, to print religious literature, organize communities, etc. The basis of this study is unpublished sources, in particular materials, extracted from the funds of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Kirov Region. In addition, the published sources were widely used, first of all, legislative acts and materials of the local periodical press – the newspaper «Vyatka diocesan news». Extensive source base allows to make a conclusion on the sufficient contradiction of confessional course of the authorities in the early 20th century. On the one hand, the enactment of laws on April 17, 1905, and April 17, 1906 testifies the liberalization of religious policy of the autocracy, on the other hand, the view of representatives of both secular and spiritual authority of Old believers has not changed significantly. Adherents of the Old Believer, as before, were perceived as having departed from the official Orthodoxy. This is due to the active missionary activities of the Orthodox clergy among the Old believers for to return them to the bosom of the official Church.

Keywords: Old Believers, confessional policy of the state, legal act, the Russian Orthodox Church, missionary activity, the Orthodox clergy, House of worship.

Старообрядчество представляет собой один из интереснейших феноменов русской духовной жизни. Его последователи внесли огромный вклад в сохранение древнерусской культуры, создали свою систему обучения и воспитания, основывавшуюся на безусловном авторитете религиозной этики, традиции и реализации идеи преемственности поколений. Помимо этого, из старообрядческих династий происходили многие известные предприниматели, такие как Рябушинские, Морозовы, Солдатенковы, Гучковы и др. Несмотря на активное распространение, увеличение числа приверженцев, старообрядчество, с момента его возникновения, являлось гонимой, преследуемой властями религией. Жизнь староверов была ограничена широким спектром ограничений, нарушение которых жестко преследовалось законом.

Положение старообрядцев существенно изменилось лишь в 1905 г. в связи с изданием 17 апреля указа «Об укреплении начал веротерпимости». Староверы, наконец, были уравнены в правах с адептами Русской православной церкви. Они перестали отныне именоваться словом «раскольник», которое изначально считали оскорбительным для себя. Понятием «старообрядцы» были объединены все последователи «толков и

согласий, которые приемлют основные догматы православной церкви, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам» (ПСЗ–3, т. XXV, с. 258). Важно, что закон теперь устанавливал дифференциацию понятий «старообрядческие согласия» и «сектантство». Ранее же, в отчетах православных миссионеров, а также чиновников гражданского ведомства можно было встретить употребление термина сектанты по отношению к староверам. Учитывая серьезные догматические и обрядовые различия между ними, это нельзя считать корректным. За религиозными обществами старообрядцев признавалось наименование «община». Закон предоставлял ей право владения движимым и недвижимым имуществом, которое распространялось также и на учреждаемые старообрядцами богоугодные заведения (Введенский, 1912, с. 10).

В соответствии с указом «Об укреплении начал веротерпимости» «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение» более не каралось и не преследовалось по закону. Если ранее старообрядцам запрещалось брать на воспитание детей православных, то сейчас им было разрешено даже крестить по обрядам своей веры «принимаемых … некрещеных подкидышей и детей неизвестных родителей» (ПСЗ–3, т. XXV, с. 257).

Получили свои права и представители старообрядческого духовенства. В частности, они стали именоваться «настоятелями и наставниками», освобождались от призыва на военную службу, могли носить имя, данное им при постриге. В паспорте в соответствующей графе допускалась фиксация рода их деятельности, однако при этом запрещалось использовать наименование служителей культа из православной церкви. Духовным лицам старообрядцев предоставлялась возможность свободно отправлять религиозные требы своих прихожан.

Согласно закону было легализовано функционирование центров духовной жизни староверов – молельных домов. Возобновлялась деятельность всех ранее закрытых молелен, кроме тех случаев, когда имелись нарушения Строительного устава. Для получения разрешения на постройку или ремонт той или иной молельни следовало предоставить согласие духовного начальства, иметь необходимые денежные средства и соблюдать предъявлявшиеся технические требования (ПСЗ–3, т. XXV, с. 258).

После обнародования указа «Об укреплении начал веротерпимости» вятские старообрядцы добились разрешения на строительство молельных домов в деревнях Князевское и Тарасенское Глазовского уезда, селе

Тойкино и деревне Черепаны Сарапульского уезда, селе Серсак Елабужского уезда (ГАКО. Ф. 583. Оп. 324. Д. 40, 55, 95; Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 18. С. 614). Однако представители местной гражданской и духовной власти в лице вятского губернатора и епархиального архиерея пытались, порой, воспрепятствовать удовлетворению ходатайств староверов. Например, пришлось преодолевать сопротивление православного духовенства и старообрядцам деревни Черная Сарапульского уезда Вятской губернии. Они представили свое ходатайство о строительстве молельного дома и соответствующее решение общего собрания членов общины, как того требовал закон. Вятский епархиальный архиерей в письме вятскому губернатору подчеркнул, что появление в деревне старообрядческого культового центра «будет для православных служить соблазном к совращению в раскол австрийского толка» (ГАКО. Ф. 583. Оп. 325. Д. 21. Л. 14). Обращает на себя внимание даже используемая преосвященным лексика с очевидным негативным смысловым контекстом – «совращение в раскол». Старообрядцы обратились к губернатору с просьбой разрешить строительство молельни. При этом они выразили свои верноподданнические чувства: «… старообрядцы, пользуясь Царственными Милостями, суть первые борцы за Царя и Отечество, вознося ежедневные молитвы за благоденствие Его Величества …» (ГАКО. Ф. 583. Оп. 325. Д. 21. Л. 16–16 об.). В конечном итоге старообрядцы получили требующееся согласие с условием, что их храм не будет иметь внешнего сходства с православной церковью.

В 1905 г. на законодательном уровне отменялся запрет на печать старообрядческих богослужебных книг (Введенский, 1912, с. 11). Ранее как светские, так и духовные власти занимали в этом вопросе непримиримую позицию: старообрядческие издания «не только противны святой церкви, но и гражданству» (Починская, 1994, с. 34). Теперь же старообрядцы получили возможность легально заниматься книгопечатанием. Ими были открыты типографии в Балахне, Нижнем Новгороде, Саратове, Уральске и других городах. Крупнейший в Вятской губернии старообрядческий книгоиздательский центр находился в селе Старая Тушка. В 1908 г., с разрешения Министерства внутренних дел, Лука Арефьевич Гребнев открыл там «типографию со словолитней для печатания на церковно-славянском языке старообрядческих богослужебных и других религиозно-нравственного содержания книг, а также изготовления необходимого для этой цели шрифта» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 287.

Л. 2). Таким образом, Старая Тушка стала не только культовым, но и просветительским центром староверов на Вятской земле.

Признавая безусловную значимость указа 17 апреля 1905 г. в истории государственно-старообрядческих отношений, следует отметить и ограниченность действия его основных положений на практике в ряде случаев. Например, противодействие со стороны высшего православного духовенства иногда не позволяло старообрядцам возобновить функционирование ранее закрытых молелен, даже не взирая на значительную либерализацию конфессионального курса властей. Так, староверы села Наймушино Глазовского уезда Вятской губернии на протяжении более трех десятилетий боролись за свои права. Их молельный дом был закрыт в 1870 г. и преобразован в единоверческий храм. В 1905 г. они направили прошение о возвращении им молельни на имя председателя Совета министров С.Ю. Витте, однако оно было отклонено. При принятии окончательного решения власти учли, прежде всего, позицию православного клира (РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 73 а. Л. 97 об.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 822. Л. 3 об.).

Закономерным продолжением обозначенного курса стало издание 17 октября 1905 г. Манифеста о «даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» и указа 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин», подтверждавшего право старообрядцев на свободное исповедание их веры, отправление религиозных обрядов в соответствии со своим вероучением, а также разрешавшего образование религиозных общин (ПСЗ–3, т. XXVI, с. 905). После издания последнего нормативно-правового акта Вятским губернским правлением было разрешено образование общины старообрядцев белокриницкого согласия Омутнинского завода Глазовского уезда, деревни Черная Сарапульского уезда, деревни Большие Кондаки Малмыжского уезда, деревни Большие Ключи Уржумского уезда и др. (ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 56; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 37; ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 12; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 53. Л. 67). Общины беспоповцев появились в Уржумском (г. Уржум, дер. Комарово), Нолинском (дер. Боровская, Михинская) и др. уездах (ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 1; ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 2; ГАКО. Ф. 583. Оп. 322. Д. 27; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 20; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 15). По данным официальной статистики, за 1907–1908 гг. власти дали согласие на организацию 26 старообрядческих об-

щин на территории Вятской губернии (Обзор Вятской губернии за 1908 год, 1909. С. 64). Отказ со стороны местных властей мог последовать в случае несоблюдения старообрядцами того или иного пункта действующего закона (ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 2). В основной своей массе заявления старообрядцев удовлетворялись, что давало им возможность легально создавать объединения для реализации религиозных, просветительских и благотворительных целей.

Кардинальное изменение конфессиональной политики властей по отношению к старообрядцам в начале XX века привело к активизации развития данного религиозного течения и увеличению числа его последователей, о чем свидетельствуют статистические сведения, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Динамика численности старообрядцев Вятской губернии в конце XIX – начале XX века (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X, 1904, с. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 2 об.–4; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 2 об.–4).

Годы	1897 г.	1905 г.	1909 г.
Численность старообрядцев (чел.)	98055	105528	115644

Информация о районах компактного проживания старообрядцев на территории Вятской губернии представлена в таблице 2.

Таблица 2

Распределение старообрядцев по уездам Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X, 1904, с. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 2 об.–4; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 2 об.–4).

Уезды	Численность старообрядцев		
	1897 г.	1905 г.	1909 г.
Вятский	1357	1393	1395
Глазовский	30602	37412	43449
Елабужский	1798	1832	704
Котельничский	5	–	–
Малмыжский	17214	18845	23680
Нолинский	8998	8387	8549
Орловский	9116	9703	10411

Сарапульский	13618	11898	15407
Слободской	235	270	274
Уржумский	12993	12899	9251
Яранский	2119	2619	2769

Как видим, лидером по численности старообрядцев Вятской губернии неизменно оставался Глазовский уезд, находившийся на востоке региона. В разные годы здесь проживало от 31,2% (1897 г.) до 37,6% (1909 г.) всех вятских староверов. Центрами беспоповщины в Глазовском уезде являлись села Карсовайское, Кулиг, деревни Павлушата и Мокрушата. Поповщина была наиболее сильно представлена в селах Порезское, Зюздино-Христорождественское, Зюздино-Афанасьевское, деревнях Наймушинская, Антоновская, Тарасенская. В Омутнинском заводе проживали старообрядцы обоих толков.

Второе место по численности старообрядцев Вятской губернии занимал Малмыжский уезд, располагавшийся на юге края. На протяжении рассматриваемого периода здесь проживало от 17,6% (1897 г.) до 20,5% (1909 г.) от общей численности старообрядцев Вятской губернии. В Малмыжском уезде находились такие центры беспоповщины, как село Старая Тушка, деревни Подосиново, Большие Рожки, Красный Ключ, Куженерка. При этом Старая Тушка являлась не только крупнейшим культовым (там находилась молельня), но и книгоиздательским старообрядческим центром всей Вятской губернии, где функционировала типография, открытая по инициативе Л.А. Гребнева. Последователи поповщины проживали в таких населенных пунктах Малмыжского уезда, как село Лекшур, деревни Вихарево, Яшкино, Сосновка, Новый Кузлук.

Третьим центром староверия в Вятской губернии являлся Сарапульский уезд, находившийся на юго-востоке региона. В 1909 г. здесь проживало 13,3% от общей численности всех вятских старообрядцев. Поповцы на территории уезда были максимально представлены в селах Петропавловское и Июльское, деревнях Светлая и Черная, на Ижевском заводе и в городе Сарапуле. Наиболее крупные центры беспоповщины – Воткинский завод, село Кигбаево и деревня Верхняя Талица.

Далее по численности проживавших в них адептов староверия следуют Уржумский, Нолинский, Орловский, Яранский и Елабужский уезды. Незначительно старообрядцы были представлены в Вятском уезде и практически не проживали в Котельничском уезде. Таким образом, на территории Вятской губернии старообрядцы были максимально пред-

ставлены в уездах, находившихся на востоке (Глазовский), юге (Малмыжский, Уржумский) и юго-востоке (Сарапульский) края (Машковцев, Машковцева, 2015, с. 6–15).

Тем не менее, несмотря на происшедшие серьезные изменения в российском законодательстве начала XX века, взгляд властей на «ревнителей древнего благочестия», по существу, оставался прежним. Миссионер по восточному району Вятской епархии священник Иоанн Маракулин отмечал негативные, с его точки зрения, последствия принятия указа «Об укреплении начал веротерпимости»: «После 1905 г. старообрядцы-раскольники по своему невежеству далеко заходят в своем фанатизме. Как будто вероисповедная свобода дала им право свободно издеваться не только над бедным православным крестьянином-односеленцем, но и над православным священником» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3086. Л. 1 об.). И в рассматриваемый период православное духовенство все также оценивало работу в среде старообрядцев как одно из направлений миссионерской деятельности. Православные священнослужители продолжали воспринимать старообрядческих служителей культа как «лжепопов», не имеющих права священнодействовать. Несомненен лишь перенос акцента с силовых на культурно-просветительские меры воздействия на староверов, но не полное уравнение их в правах с последователями Русской православной церкви.

Аналогична позиция представителей местной гражданской власти. С явным неодобрением вятский губернатор отмечает, что после издания законов 1905–1906 гг. старообрядцы «с замечательной энергией стали изыскивать средства, чтобы не только использовать все свои права, но и поставить свои секты в равное с православной церковью положение» (Обзор Вятской губернии за 1908 год, 1909, с. 63, 64). Подобная лексика сохранилась и на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» (подготовка «борцов против раскола» в центральной школе Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая) (Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 11. С. 377; Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 3–4. С. 377; Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 666).

Таким образом, в начале XX века был издан ряд нормативно-правовых актов, свидетельствовавших о либерализации конфессиональной политики государства по отношению к старообрядцам. Однако приверженцы староверия не были полностью уравнены в правах с адептами официальной церкви. Православное духовенство и после выхода в свет указов 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. рассматривало работу со

старообрядцами как одно из важнейших направлений своей миссионерской деятельности.

Источники и литература

1. *РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 822.*
2. *РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 73 а.*
3. *ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3086.*
4. *ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610.*
5. *ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811.*
6. *ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 287.*
7. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 322. Д. 27.*
8. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 324. Д. 40.*
9. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 324. Д. 50.*
10. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 324. Д. 95.*
11. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 325. Д. 21.*
12. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 15.*
13. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 20.*
14. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 37.*
15. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 53.*
16. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 1.*
17. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 2.*
18. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 12.*
19. *ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 56.*
20. *Введенский* А. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. 197 с.
21. *Вятские епархиальные ведомости*. 1906. № 11. С. 371–380.
22. *Вятские епархиальные ведомости*. 1906. № 3–4. С. 25–35.
23. *Вятские епархиальные ведомости*. 1908. № 30. С. 666.
24. Из отчета миссионера по Сарапульскому и Елабужскому уездам священника Петра Трапицына за 1905 год // *Вятские епархиальные ведомости*. 1906. № 18. С. 613–620.
25. *Обзор Вятской губернии* за 1908 год. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1909. 187 с.
26. *Первая всеобщая перепись* населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. 268 с.
27. *ПЗС–3*. 1881–1913. Т. XXV. 1905. Отделение первое. От № 25605–27172 и дополнения. СПб., 1908. С. 257–258.
28. *ПЗС–3*. 1881–1913. Т. XXVI. 1906. Отделение второе. СПб., 1908. С. 904–910.

29. *Машковцев* А.А., *Машковцева* В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии второй половины XIX – начала XX века: взаимоотношения с региональными властями и Православной церковью. Киров, 2015. 223 с.

30. *Починская* И.В. Старообрядческое книгопечатание в XVIII – первой четверти XIX в. Екатеринбург, 1994. 184 с.

Машковцева Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного университета (г. Киров); e-mail: wikma116@rambler.ru

Mashkovtseva Victoria Vyacheslavovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of Vyatka State University (Kirov)

УДК 94(470.41–25)"1905/1907"

Ч.Р. Миннемуллина

Преподаватели и учащиеся Казанской учительской инородческой семинарии в 1905–1907 гг.

Предметом исследования являются события, происходившие в Казанской учительской семинарии в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Рассматривается, каким образом революция повлияла на обстановку внутри Казанской учительской семинарии. В статье прослеживаются конфликты, связанные с многонациональным составом этого учебного заведения, и споры вокруг того, русской является семинария или инородческой. Показано, что вопреки представлениям о семинаристах, как о набожных и добропорядочных молодых людях, они продемонстрировали себя совершенно с другой стороны, как политически активный элемент, способный бороться за свои права. Исследование осуществляется посредством изучения архивных данных и изданий периодической печати этого периода.

Ключевые слова: революция, учительская семинария, беспорядки, Казань.

Ch.R. Minnemullina

Teachers and students of the Kazan Teachers' Seminary in 1905–1907

The subject of the study are events that took place in the Kazan Teachers' Seminary during the First Russian revolution of 1905–1907. It describes how the revolution influenced the situation inside the Kazan Teachers' Seminary. The article traces the conflicts related to the multinational composition of this institution, and the controversy surrounding whether the Seminary is Russian or an aboriginal one.

It is shown that contrary to the views of seminarians, as pious and respectable young men, they showed themselves absolutely on the other hand, as a politically active element capable of fighting for their rights.

The research is carried out through a study of archival data and publications of the periodical press of this period.

Keywords: revolution, Teacher's Seminary, disorders, Kazan.

Обострение социально-экономических противоречий внутри Российской империи и поражение в Русско-японской войне привели к серьезному политическому кризису. Первая русская революция, начавшаяся

в Петербурге в январе 1905 г., в скором времени докатилась до национальных регионов, в том числе и до Казанской губернии. Активное участие в революционных событиях принимала учащаяся молодежь Казани, включая воспитанников высших и средних учебных заведений города (Человек в революции. Т. 1. С. 106–175).

Казанская учительская семинария представляла собой среднее учебное заведение, готовившее учителей сельских школ и народных училищ. Здесь, наряду с русскими, обучались представители многочисленных народов Востока Российской империи. В 1906 г. в Казанской инородческой учительской семинарии произошли первые беспорядки на этнической почве. В этом учебном заведении должен был появиться новый преподаватель русского языка. На эту должность претендовали два кандидата, один из них был русский, а другой кряшен. Отдельные преподаватели поддерживали кандидатуру русского учителя, так как, по их мнению, русский преподаватель мог бы наилучшим образом обучить «инородцев» русскому языку. Однако, в семинарию поступил кандидат-кряшен – Р.П. Даулей (Джераси, 2013, с. 349). Через некоторое время в газете монархического направления «Казанский телеграф» вышла статья «Татарское счастье» (Казанский телеграф. № 4128. С. 2), под авторством Б.Глебского. В ней автор критиковал выбор начальства семинарии в пользу нерусского преподавателя. Автор статьи утверждал, что по мысли основателя этого учебного заведения Н.И. Ильминского, «доминирующее в семинарии место … должно принадлежать русским ученикам, русскому учению, русским влияниям. Это русифицирующее инородцев учебное заведение, приготовляющее из русских и инородцев – русских учителей для русско-инородческих школ края. Система инородческого образования Ильминского никем не отменена. Почему же в таком случае русский учитель русского языка в семинарии в недавнее время перемещен, а на его место назначен природный татарин, воспитанник миссионерских курсов?» (Казанский телеграф. С. 2). Таким образом, Б.Глебский доказывал, что данное учебное заведение не является «инородческим», и его главной целью является, прежде всего, русификация народов Поволжья. Кроме того, автор статьи считал, что тот факт, что один из учителей русского языка семинарии является «природным татарином», исподволь может способствовать распространению ислама среди инородцев (Джераси, 2013, с. 349). Б.Глебский заключал, что «необходимо всеми силами бороться против общего принципа, выразившегося в этом назначении… Этот принцип, прямо говоря, называется изменой системе инородческого

образования Ильминского под видом благоговейного охранения системы. Давать учителя-татарина ученикам «инородцам», значит подготовлять в «инородческом» населении победу магометанства, и без того сильного и фанатичного в крае. Дарить учителя-татарина русским ученикам значит искажать в них с самого начала правильное понятие о русской грамоте и русской литературе.… Для иного карьериста нет ничего святого кроме его карьеры» (Казанский телеграф. № 4128. С. 2).

Выход этой публикации стал поводом для начала беспорядков в семинарии. Возмущенные учащиеся, расценившие данную статью в качестве оскорбления своего учителя, объявили бойкот нескольким преподавателям семинарии, пропагандирующим на своих уроках русификаторские воззрения. Среди них оказались учитель математики Шубин Сергей Иванович, преподаватель истории и географии, а с 1904 г. учитель славянского языка и русской словесности, Рождествин Александр Сергеевич и преподаватель музыки Д.М. Яичков.

Директору семинарии вскоре удалось успокоить разгоряченных воспитанников. Ученики, подозревающие некоторых учителей в написании провокационных статей, пообещали, что беспорядки прекратятся, если не последуют другие публикации подобного рода. Однако 19 ноября в «Казанском телеграфе» появилась очередная статья, на этот раз анонимная, которая получила название «Справка о Казанской учительской семинарии». Она вновь затрагивала болезненный национальный вопрос. В ней описывалось устройство семинарии, и говорилось, в частности, чем семинария отличается от аналогичных учебных заведений страны. Эта особенность заключается, по мнению автора в том, что из положенного по штату числа казенных воспитанников семинарии должно быть не менее половины русских учащихся и до половины крещеных «инородцев». Из этого автор делает вывод, что определять семинарию как инородческую нельзя, а возможно лишь как русско-инородческую.

Эта публикация спровоцировала новое волнение, разделившее воспитанников на две группы. В первую вошла группа третьеклассников с частью учащихся первого класса, во вторую группу вошли второклассники с другой половиной первого класса. И на этот раз последовали беспорядки среди воспитанников, они выразились в инцидентах с преподавателем пения Д.М. Яичковым, описанном Д.Джераси. Когда он спустился в столовую, в него кинули ломтем хлеба. Д.М. Яичков был возмущен, прежде всего, тем, что директор никак не отреагировал и не созвал экстренного педсовета. Обидчики преподавателя Д.М. Яичкова

нашлись быстро. 23 февраля на уроке в третьем классе воспитанник Василь Сергеев признался, что он бросил хлебом в преподавателя и объяснил свой поступок влиянием друзей.

Примечательно мнение по этой проблеме одного из виднейших педагогов семинарии Ашмарина. Он, в частности, утверждал, что один из сотрудников чувашской газеты сообщил ему о том, что в редакцию поступило письмо с призывом громить русскую партию в совете семинарии. Ашмарин сам придерживался мнения, что в семинарии нет разделения на различные партии.

Главными зачинщиками беспорядков в стенах семинарии являлись учащиеся вторых классов. Это объяснялось тем, что выпускные классы боялись лишиться диплома, а первые классы еще недостаточно были адаптированы к новой обстановке, чтобы участвовать в акциях против администрации. Однако когда второклассникам семинарии пригрозили отчислением в случае продолжения беспорядков, волнения пошли на спад.

Известия о беспорядках в стенах учительской семинарии, вскоре дошли до попечителя Казанского учебного округа. Провести ревизию, в связи с беспорядками на почве национальной розни, поручили директору народных училищ Н.А. Спасскому. Он выяснял все обстоятельства случившегося с 3 января по 15 марта 1907 г. и в итоге созвал заседание педагогического совета семинарии. В ходе педсовета наставники разделились на две группы, одни критиковали директора семинарии Воскресенского за его индифферентное поведение во время беспорядков, другие защищали директора и утверждали, что именно его действия привели к установлению общественного спокойствия в стенах семинарии.

Среди главных критиков Воскресенского выступили учитель пения Д.Н. Яичков, наставник математики Шубин и учитель Рождествин. Они утверждали, что беспорядки спровоцировали поведение директора, который в разгар беспорядков задал учащимся написать сочинение на тему «Письмо к товарищу по поводу статьи «Татарское счастье»». Так же они припомнили, разорванные учениками семинарии национальные флаги и реакцию администрации учебного заведения на данный инцидент, как на шалость воспитанников (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7522. Л. 24). Кроме того, учитель Рождествин опубликовал статью в Казанском телеграфе, которая получила название «Вынужденное объяснение».

Другие педагоги высказались в защиту директора. Например, Богданов Дмитрий Федорович видел проблему не в поведении директора, а в статье Глебского, после прочтения которой и началась сходка учащихся.

Богданов объяснял случившееся следующим образом: «собрание было многолюдно и разгоряченно, но директор их успокоил. Он выступил с выдержками из Ильминского и подтверждал, что в семинарии должно быть мирное братство учащихся…. Чтобы снять напряженность среди возмущенных воспитанников, директор дал им задание: написать сочинение на тему «Письмо к товарищу по поводу статьи «Татарское счастье»», это должно было укрепить представления о тех основных началах инородческого просвещения, какие положены в систему Ильминского и утверждены в его сочинениях» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7522. Л. 22).

Несмотря на снижение оппозиционной активности учащихся, администрация и преподаватели семинарии не могли не признать отрицательные с их точки зрения перемены в духовной жизни семинаристов.

Во-первых, в данный период значительно ослабевала религиозность воспитанников семинарии. Происходило это по следующим причинам. К 1907 г. состав воспитанников семинарии значительно изменился, если в последней четверти XIX в., при директорстве Н.И. Ильминского, к учебе допускались только сельские юноши, то теперь среди них были и представители городских сословий. Помощник директора семинарии Богданов считал, что на семинаристов также пагубно сказался прием в семинарию богатых арабов и корейцев. Под влиянием городской среды быстрее распространялись радикальные настроения и ослабевала религиозность учащихся. Во время революционных событий, несмотря на указ администрации семинарии о запрете литературы, не входившей в учебную программу, в подвале учебного здания был обнаружен целый склад с «социалистической литературой», среди которых были учебники политэкономии (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7559. Л. 10).

Во-вторых, в глазах семинаристов резко упал авторитет правящей монархии. В связи с этим нередким явлением стало появление в учебных аудиториях надписей на досках следующего содержания: «Царь-вампир пьет народную кровь. Долой царя! Да здравствует Республика!» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7522. Л. 33).

Ученики Казанской учительской семинарии состояли в оппозиционной организации, объединившей воспитанников многих учительских семинарий, вели с ними переписку, обменивались резолюциями съездов. Казанские семинаристы вместе с учащимися семинарий других городов готовили ряд требований, которые планировали предъявить администрациям учебных заведений. Среди них воззвания «О свободе», «О правах», «О расширении учебной программы» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2.

Д. 7564. Л. 22). Однако органам местной полиции удалось выявить группу, состоявшую из 16–18 человек, воспитанников 1-го и 2-го классов. В результате чего из семинарии был отчислен один из учеников – А.Ильин, который вел переписку с забастовочной организацией. Однако на этом его революционная деятельность не завершилась. После ухода из Казанской семинарии отправился в Пензу и там вел пропаганду уже среди учащихся Пензенской учительской семинарии.

Начальство Казанской семинарии предпринимало различные меры по сдерживанию оппозиционной активности учащихся. Были составлены специальные правила для учащихся, инструкции для наставников-наблюдателей, инструкции для дежурных наставников. Администрация перехватывала почту учеников, в результате чего была обнаружена резолюция, принятая съездом семинаристов в местечке Молодечно, полученная учениками Казанской семинарии из Пензы. Администрация семинарии также обязала воспитанников иметь при себе определенную сумму денег, чтобы в случае начала беспорядков иметь возможность на эти средства отправить учеников домой.

Несмотря на то, что подавляющее большинство преподавателей семинарии были приверженцами консервативно-монархических взглядов, некоторые из них сочувственно относились к оппозиционному движению, 4 октября 1907 г. был арестован преподаватель семинарии Кузьма Сергеев, в квартире которого была обнаружена нелегальная типография, прокламации социалистов-революционеров, а также запрещенные книги. По словам Сергеева, это были вещи уехавшего в Нижний Новгород чувашина Ефима Трофимова, крестьянина Чебоксарского уезда, который подрабатывал в семинарии, исполняя различные поручения.

Таким образом, революционные события 1905–1907 гг. повлияли на обстановку внутри Казанской учительской семинарии. В первую очередь обострились конфликты, связанные с многонациональным составом этого учебного заведения, и споры вокруг того, русской является семинария или инородческой. Вопреки представлениям о семинаристах, как о набожных и добропорядочных молодых людях, они показали себя совершенно с другой стороны, как политически активный элемент, способный бороться за свои гражданские права.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7522.*
2. *НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7559.*
3. *НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7564.*
4. *Джераси* Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 538 с.
5. *Казанский телеграф. 1906. 12 ноября. № 4128.*
6. *Казанский телеграф. 1906. 19 ноября. № 4134.*
7. *Человек в революции:* Казанская губерния: в 2-х томах. Т. 1. 1905–1907 гг. Казань, 2016. 360 с.

Миннемуллина Чулпан Рамиловна – аспирант Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: minchulpan@mail.ru

Minnemullina Chulpan Ramilovna – Postgraduate, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 94(470.41)

З.С. Миннуллин

Татарское общественно-политическое движение и образование Татарской АССР (1917–1920 гг.): источниковедческий аспект

В статье дается характеристика источникам об общественно-политическом движении татар периода образования Татарской АССР, деятельности казанских историков в советское и постсоветское время по публикации и анализу опубликованных и неопубликованных источников. Автор обращает внимание на значительный объем работ по публикации источников соответствующей тематики и в то же время на несоответствие разработки целого ряда публикаций современным требованиям источниковедения.

Ключевые слова: образование Татарской АССР, источники, татарская периодическая печать, мемуары, материалы съездов.

Z.S. Minnullin

Tatar social-political movement and formation of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (1917–1920): the aspect of source studies

The article describes the sources of the socio-political movement of the Tatars in the period of formation of the Tatar ASSR, activities of Kazan historians in the Soviet and post-Soviet period in the publication and analysis of published and unpublished sources. The author draws attention to the significant amount of work on the publication of sources on relevant topics and at the same time the disproportion between the development of a number of publications with modern requirements of source studies.

Keywords: formation of the Tatar ASSR, sources, Tatar periodical press, memoirs, materials of congresses.

Источниковедение татарского общественно-политического движения и образования Татарской Республики можно условно разделить на следующие этапы: советский – 1920–1930-е гг., 1950–1980-е гг. и постсоветский – начало 90-х гг. XX в. по настоящее время.

Первые публикации материалов общественно-политических организаций и политических форумов были предприняты их организаторами и участниками. В двадцатые годы XX столетия появляются первые

сборники документов, посвященные общественно-политическим событиям первой четверти XX века.

Как известно, архивы татарских общественно-политических организаций начала XX века не сохранились. Исключением являются сохранившиеся протоколы Уфимского губернского Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман за март – июнь месяцы 1917 г. (ЦГА ИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 106. Л. 80–127). Тем не менее, существует определенный комплекс источников разнообразного происхождения. В Российском государственном историческом архиве отложились многочисленные телеграммы от мусульман-татар, с восторгом принявших весть о свержении царизма и отмене национальных и религиозных ограничений. На волне всеобщего подъема во всех регионах проживания татар стали возникать всевозможные комитеты, бюро и общества. На совещании 15–17 марта в Петрограде с участием членов мусульманской фракции 4-ой Государственной думы и персонально приглашенных представителей с мест было решено организовать Временное центральное бюро российских мусульман, который поставил на повестку дня созыв Всероссийского мусульманского съезда. В марте – апреле в Казани возник ряд общественно-политических организаций татар: Казанский мусульманский комитет, Мусульманский социалистический комитет, Общество мусульманок, Общество татарских учителей и т.д. Все эти организации занимались издательской деятельностью: были изданы уставы, протоколы собраний, совещаний, всевозможные прокламации и листовки. Например, активной издательский деятельностью занимался Казанский мусульманский комитет, который к 16 июля 1917 г. издал, кроме различных воззваний и инструкций, шесть агитационно-пропагандистских брошюр, планировалось издать еще десять брошюр («Казан мөселман комитеты» тарафыннан). Такая же картина наблюдалась и в других регионах страны.

В ходе подготовки к Всероссийскому мусульманскому съезду прошли Всероссийское совещание воинов-мусульман в Москве, съезды мусульманских (татарских) учителей, женщин, духовенства, которые стали значимыми фактами общественно-политической жизни тюрко-мусульманского мира России. Постановления и резолюции этих съездов и других региональных собраний выполняли роль наказов различных слоев татарского общества (Бөтенрусиядәге мөселман укытучылар…, 1917; Хәлили, 1917; Бөтенрусия мөселман солдатлары…, 1917; [Казан] голәмә җәмгыятенең ляихәсе). Прошедший 1–11 мая в Москве Всероссийский мусульманский съезд стал самым представительным форумом россий-

ских мусульман и нашел отражение в ряде изданий, которые до сих пор не подвергнуты тщательному анализу (Гомумрусия мөселманнары съездыныҢ карарлары…, 1917; Резолюции Всероссийского мусульманского съезда…, 1917; Бөтенрусия мөселманнарыныҢ…, 1917).

Незаменимым источником для изучения истории татарского общественно-политического движения 1917–1920 гг. является татарская периодическая печать. Многочисленные программные документы, отчеты, протоколы различных организаций, опубликованные на страницах татарских периодических изданий, позволяют в определенной степени восстановить утраченные архивы национальных организаций.

Интересны и раскрывают ход общественно-политических событий ярче, чем сухие протоколы и уставы, мемуары участников и современников тех бурных событий революционного лихолетья (1917 ел 1–11 майда…; Баруди, 2000).

Незамеченным до сих пор в исследовательской литературе остается съезд казаков татар-мусульман 24–30 мая 1917 г. в Оренбурге (1917 ел май Оренбург..., 1917).

Три съезда (2-ой Всероссийский, съезд мусульманского духовенства, 1-й съезд воинов-мусульман) состоялись в Казани и завершились принятием основ национально-культурной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Объединенное заседание этих съездов призвало уже к «немедленному осуществлению культурно-национального самоуправления», не ожидая Учредительного собрания.

Деятельность Национального собрания (Милләт мәҗлесе), Национального управления (Милли идарә) II Всероссийского мусульманского военного съезда и проекты по созданию Урало-Волжского штата (Идел-Урал штаты) в источниковедческом плане также относятся к разряду недостаточно разработанных.

Весной 1918 г. был выдвинут проект национальной государственности татар и башкир в форме Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики. 23 марта в центральной большевистской газете «Правда» публикуется «Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике» (Положение…, 1918), территориально совпадающей с «Идель-Уралом». Нарком по делам национальностей И.В. Сталин в тот же день выступил со статьей «О Татаро-Башкирской Советской Республике» (Сталин, 1918; Сталин, 1951, с. 49–50).

В апреле и мае в Москве прошли совещания по вопросу организации ТБССР. В том же году Центральный Мусульманский комиссариат (Татаро-Башкирский комиссариат) издал сборник материалов совещания по

проектируемой Татаро-Башкирской Советской Республике (сост. Г.К. Касимов), куда вошли доклады, выступления и др. материалы М.Вахитова, И.В. Сталина, Г.Ибрагимова, К.Грасиса, Ш.Манатова, К.Якубова и др. (Татар-башкорт шуралар җөмһүрияте, 1918). Речи М.Вахитова и И.В. Сталина на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики издавались отдельной брошюрой и были переизданы (Вахитов, 1918; Сталин, 1954, с. 85–90; Сталин, 1992, с. 32–34).

Писатель и общественно-политический деятель Ф.Сайфи-Казанлы через несколько месяцев после образования ТАССР подготовил и издал первый специально подготовленный сборник документов, посвященный этому событию (Сәйфи Фатыйх, 1920). В сборник вошли документы по проекту Татаро-Башкирской Республики, документы комиссии по подготовке Учредительного съезда предполагаемой республики, материалы Второго Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, декрет об образовании ТАССР и др. Следует заметить, что логически выверенному названию сборника не соответствует подборка документов: они крайне немногочисленны для отражения хотя бы основных событий татарского общественно-политического движения, предшествовавшего образованию ТАССР, и представлены лишь материалами, подписанными М.Вахитовым. Примечательно, что Ф.Сайфи-Казанлы, бывший член партии левых эсеров, в небольшом по объему введении к сборнику, не говоря ни слова о роли большевиков, счел нужным три раза подчеркнуть роль «левых социалистов» в защите интересов беднейших слоев «татаро-башкир» (Там же, с. 5, 7). Документы были изданы без подробных заголовков и археографических легенд, а также без указания языка оригиналов этих памятников.

Такой же характер имеют документы, приведенные в статье Г.С. Касимова из сборника «Татары и башкиры за 10 лет», вышедшего в 1927 г. в Москве на татарском языке (Касыймов, 1927, б. 53–85).

В двадцатые годы прошлого столетия, преимущественно в связи с юбилеем ТАССР, был опубликован ряд документов, как правило, подобранных в соответствии с новыми идеологическими установками (Политика Советской власти…, 1920, с. 21–23; Шәрәф, 1920; Сборник декретов и распоряжений..., 1921; Биш ел эчендә, 1925, б. 4–5; За пять лет, 1925, с. 202–203; 207–208; Из материалов и документов…, 1925, с. 29–39).

В сборниках документов и материалов, подготовленных Испартотделом Татарского обкома ВКП(б), тщетно искать материалы по истории

татарского общественно-политического движения (Грачев, 1926; Ходоровский, 1920).

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. сбором источников по истории татарских общественно-политических организаций, мусульманских съездов активно занимался Н.К. Мухутдинов (1892–1937/1943), однако необоснованная репрессия перечеркнула его планы, собранные же материалы бесследно исчезли (Мухутдинов, 1930, с. 107).

Более удачной оказалась деятельность исследовательской группы под руководством С.М. Диманштейна, которая к концу 20-х гг. подготовила трехтомный сборник документов и материалов. В третьем томе предпринятого комиссией Коммунистической академии пятитомного издания документов и материалов по истории национального вопроса в России были опубликованы ценные документы по истории татарского национально-демократического движения, охватывающие период от февраля до октября 1917 г. Материалы этого тома раскрывают как противоречивый процесс политики Временного правительства по отношению к национально-демократическим организациям татар, так и ход и историю борьбы различных течений в самом движении татар. Серьезным недостатком этого издания было наличие купюр текста без соответствующих примечаний, и вообще, произвольное обращение с источниками. Например, при издании резолюций Первого Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Москве 1–11 мая 1917 г., составители с оговоркой не включили 3–12 пункты из резолюции по рабочему вопросу. Из раздела «Временная духовная организация мусульман» опущены резолюции, определяющие права, состав и сметы духовных учреждений (Революция и национальный вопрос..., 1930). Без всякой оговорки отсутствуют списки лиц, избранных в Оренбургское Магометанское духовное собрание, Всероссийский Мусульманский совет и состав Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета. Имеются также изменения редакционного характера: замена названия раздела, отдельных слов в тексте и т.д. (Революция и национальный вопрос..., 1930). Такого же характера произвольные обращения с источниками встречаются и при публикации материала «Совещание мусульман» (23 июля 1917 г.) из газеты «Голос Дагестана»: было изменено название газетного материала (вместо «Совещание мусульман» на «Решения совещания мусульман») и текст без оговорки был сокращен на 1/3 (Революция и национальный вопрос..., 1930, с. 292–293). Все это существенно снижало информационный потенциал источников этого сборника.

С 30-х гг. по конец 50-х гг. XX в. в силу ряда причин проблемы источниковедения истории татарского общественно-политического дви-

жения и образования ТАССР выпали из номенклатуры исследовательских проблем.

Следующий этап публикации документов и материалов связан, как это стало традиционным в советской, так и постсоветской историографии, с юбилеями Октябрьской революции и годовщин образования Татарской АССР. К этому времени сформировалось новое поколение исследователей историков-профессионалов.

В 1957–1958 гг. к 40-летию Советской власти вышли в свет два сборника документов и материалов, посвященные победе социалистической революции в Казанской губернии, в том числе документы, освещающие взаимоотношений большевиков к левому крылу «мелкобуржуазной демократии» (Татария в борьбе за победу пролетарской революции..., 1957; Революционная борьба…, 1958).

В 1960 г. в издательстве Казанского государственного университета увидел свет сборник, состоящий из 27 документов и материалов по истории образования и государственно-правового положения Татарской АССР (сост. Н.С. Захаров, Ш.Ф. Мухамедьяров, Ш.Ш. Хафизов). Были также опубликованы сборники документов и материалов, посвященные установлению новой власти в регионе, образованию Татарской АССР, роли В.И. Ленина и Коммунистической партии в создании и развитии национальной автономии татарского народа (За власть Советов..., 1960; В.И. Ленин и Татария..., 1970; В.И. Ленин и Татария..., 1990).

Специальный и самый объемный сборник документов и материалов по истории образования Татарской АССР, изданный в 1963 г. (Образование Татарской АССР, 1963), по установившейся традиции начинается с «Декларации прав народов России», тем самым игнорируются и принижаются значение и роль предшествующего общественно-политического движения в образовании территориальной автономии татарского народа. Хотя с формальной точки зрения Татарская АССР являлась декретным образованием, но по существу стала результатом национального движения 1917–1920 гг.

В 1959 г. в г. Уфа было предпринято издание сборника документов и материалов по истории образования БАССР. Ряд опубликованных источников имеют определенное значение и для истории общественно-политического движения и государственности татарского народа. В то же время, приходится отметить, что некоторые важные документы этого сборника изданы с большими купюрами. Например, из постановления Национального собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири о создании Урало-Волжского штата исключены 5 и 6 пункты о

правовом положении и внутреннем устройстве штата (Образование БАССР…, 1959, с. 126–127).

Зарубежные публикации источников по истории татарского общественно-политического движения первых десятилетий XX века представлены в виде приложений к нескольким книгам: особое место среди них занимают работы турецкого историка Наджиба Хаплехамитоглу, который опубликовал в оригинале и в переводе на турецкий язык ряд ценнейших источников (Hablemitoğlu, 1997; Şengül Hablemitoğlu, 1998) и профессора Института по изучению СССР (Мюнхен) Т.Давлетшина (Давлетшин, 1974).

Важное значение для понимания общественно-политической ситуации в России, в частности тюрко-татарском мусульманском мире имеют мемуары Г.Баттала-Таймаса (Баттал Таймас, 2003) и З.В. Тогана (Тоган, 1994), несмотря на существенную тенденциозность воспоминаний последнего.

В постсоветский период историк Р.Р. Фахрутдинов одним из первых приступил к изданию документальных памятников и материалов по истории общественно-политического движения татар 1905–1917 гг. (Материалы и документы…, 1992).

В последующем в ряде журналов, особенно на страницах журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», увидели свет отдельные документы и материалы 1917–1920 гг. на татарском и русском языках (Әхмәтҗанов, 1992, б. 90–100; Исхаков, 1995, с. 54–61; Госманова, 1996, б. 62–72; Усманова, 1997, с. 164–170; Султанбеков, Шарафутдинов, 1997, с. 77–90; Гыйззәтуллин, 1998, б. 47–53; Султанбеков, 1997, с. 96–107; Гиззатуллин, 1999, с. 78–81; Галиуллина, 2002, с. 102–109; Тагиров, 2002, № 1/2, с. 30–41; № 3/4, с. 88–101; Шигабиев, 2005, с. 101–110; Садыкова, 2015, с. 207–213).

В 1995–1999 гг. в Москве и Томске вышли в свет сборники документов и материалов, отвечающие современным требованиям источниковедения (Национально-культурные автономии…, 1995; Культурно-национальная автономия…, т. 1, 1998; т. 2. 1999). В эти антологии включены документы, выявленные в московских и ряде областных архивах, а также материалы из периодической печати, которые свидетельствуют о попытках осуществления национально-культурной автономии на востоке России в 1917–1921 гг. Документы этих сборников, остающиеся по сей день не освоенными в татарстанской историографии, характеризуют национальную политику демократических правительств (Комуч, областные правительства Сибири и Дальневосточной республики) и деятельность нерусских народов востока России на основе нацио-

нально-культурной (национально-персональной, экстерриториальной) автономии. Значительное количество документов и материалов освещают строительство культурно-национального самоуправления татар Сибири, которое началось вскоре после Первого Всероссийского мусульманского съезда в Москве (1–11 мая 1917 г.). Например, состоявшийся в конце июня 1917 г. мусульманский съезд Томской губернии избрал губернский мусульманский совет и исполком. К осени 1917 г. в Сибири возникла целая система национальных советов (Милли шуро): губернских, уездных и городских и их исполнительных комитетов. Самым крупным форумом сибирских татар стал 1-ый Сибирский мусульманский съезд, открывшийся 4 октября 1917 г. в г. Томске. Составитель тома И.В. Нам ограничилась включением в сборник только газетного сообщения о его работе. Тогда как изданные отдельной брошюрой подробные резолюции съезда остались вне поля зрения (Резолюции, 1917).

Материалы съезда свидетельствуют, что участники этого форума были сторонниками либерального общественно-политического течения сибирских областников. Об этом говорят не только восторженный прием одного из «отцов» сибирского областничества Г.Н. Потанина (1835–1920), который был избран почетным председателем съезда, но и принятые резолюции. Например, по вопросу о культурно-национальной автономии 1-ый Сибирский Мусульманский областной съезд «создает свой культурно-национальный центр, который и входит во взаимодействие с Российским Мусульманским культурно-национальным центром для совместного разрешения вопросов не областного характера». Были приняты также «Основы культурно-национальной автономии сибирских мусульман». В перспективе планировалось также создание «для Сибири отдельного Областного Духовного собрания» (Там же, с. 11, 14–18, 19).

Уникальные документы о местных органах культурно-национального самоуправления тюрко-татар, проживающих на территории Дальневосточной республики, представлены на страницах третьего тома антологии. Они наглядно свидетельствуют о «той правовой зрелости, с которой были поставлены и обсуждались вопросы национального строительства и межэтнических отношений на востоке страны, главным принципом которого было обозначено «право широкой автономии», основанной на экстерриториальности, персонализме и признании национальных сообществ коллективными субъектами права» (Львова, 1999, с. 276).

Ряд ценных источников по истории татарского национально-демократического движения 1917–1920 гг. опубликован в сборниках, посвященных известным лидерам этого движения: М.Вахитову, С.Максуди,

М.Султангалиеву, И.Алкину и др. (Мулланур Вахитов…, 1985; Гаффарова, 2001; Султан-Галиев, 1998; Илиас Алкин…, 2002).

В то же время, следует отметить, что, несмотря на определенные подвижки в издании документальных памятников 1917–1920 гг., имеются существенные лакуны в источниковедческом плане. Например, автору специальной монографии, посвященной мусульманским (татарским) военным организациям 1917–1921 гг., И.Г. Гиззатуллину остались неизвестными изданные на русском и татарском языках в виде брошюр протоколы, резолюции, регламенты крупных общественно-политических форумов воинов-татар общероссийского масштаба (Бөтенрусия мөселман солдатлары…, 1917; Протоколы заседаний…, 1917; Регламент…, 1917), что приводит к досадным неточностям при описании этих событий. Например, в Татарской энциклопедии, в краткой статье без автора и указания на литературу, посвященной Всероссийскому мусульманскому военному совещанию отмечается, что на совещании обсуждался вопрос о формировании мусульманских воинских частей в составе российской армии и был избран Временный Всероссийский мусульманский военный совет (Татарская энциклопедия, 2002, с. 646), тогда как согласно протоколам программа совещания состояла из 11 пунктов, в том числе обсуждались вопросы подготовки воинов-мусульман к предстоящему Учредительному собранию, отношение к Временному правительству и войне и о политических перспективах волжских мусульман (татар) в обновленной России и др. (Бөтенрусия мөселман солдатлары..., 1917, б. 3).

Таким образом, источниковедение истории татарского общественно-политического движения начала XX столетия, в том числе и образования Татарской республики, относится к разряду малоразработанных. Целый ряд публикаций источников не отвечают современным требованиям источниковедения.

Источники и литература

1. *ЦГА ИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 106. Л. 80–127.*
2. *1917 ел 1–11 майда* Мәскәү шәһәрендә Гомумрусия мөселманнары съезды хакында кыскача мәгълүмат. Мәләкәс һәм Буа вәкилләренең хатирә дәфтәреннән. Казан: Кәримиләр матбагасы, 1917. 16 б.
3. *1917 ел май Оренбург* вилаяте казачийларының беренче съезды ясалу вә анда бирелгән карарлар. Оренбург: М.Хөсәенов матбагасы, 1917. 21 б.
4. *Әхмәтҗанов* М. Фикер мирасыбызның кыймметле ядкяре [текстның кириллицага күчермәсе] // Татарстан. 1992. № 5/6. Б. 90–100.
5. *Баруди* Г. Памятная книжка. Казань, 2000.

6. *Баттал Таймас* Г. Мин бер яктылык эзләгән идем. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.

7. *Биш ел эчендә*. 1920. 25.06.1920. Казан: 1925.

8. *Бөтенрусия мөселман солдатлары* вәкилләре тарафыннан Мәскәүдә 27 нче апрельдән 30 нчы апрельгә кадәр ясалган киңәш мәҗлесенең кыскача протоколлары. 1 нче китап. Казан: Бөтенрусия мөселман гаскәриләренең мувәкъкать шурасы, 1917. 20 б.

9. *Бөтенрусия мөселманнарының* 1917 нче елда 1–11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездының протоколлары. Пг.: Бөтенрусия мөселманнары шурасы «Башкаручы комитеты»ның нәшре, 1917.

10. *Бөтенрусиядәге мөселман укытучылар* съездының Мәскәүдә булачак гомуми мөселманнар съездына кертәчәк таләпләре. Казан: Нашире Русиядәге Мөселман укытучылар мәркәз «бюро»сы, 1917. 8 б.

11. *Вахитов* М. Татар-Башкорт җөмһүрияте шураларының учредительный съездын җыю хакындагы киңәш мәҗлесендә сөйләгән ип. М.Вахитов нотыгы. М.: Мәркәз мөселман комиссариатының хезмәт шөгъбәсе. [1918]. 24 б.

12. *Галиуллина* Д. «Бакинское» наследие Газиза Губайдуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 102–109.

13. *Гаффарова* Ф.Ю. Садри Максуди (1906–1924 еллар). Казан: «ДАС» нәшрияты, 2001.

14. *Гиззатуллин* И. Алимардан Топчибашев: «В основание форм государства мусульмане кладут лозунг самоопределения народов» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1999. № 1/2. С. 78–81.

15. *Гомумрусия мөселманнары съездының карарлары* (съезд Мәскәүдә 1917 ел 1–11 майда булды). Мәскәү: Башкаручы комитет, 1917. 32 б.

16. *Госманова* Д. Милләт мәҗлесе тарихы чыганакларда // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 1/2. Б. 62–72.

17. *Грачев* Е. Казанский Октябрь (Хроника революции 1917 г.): Материалы и документы. Ч. 1. Март – октябрь 1917 г. Казань: Истпартотдел Татобкома ВКП(б), 1926. 252 с.

18. *Гыйззәтуллин* И. Г.Тукумбетов: «… Безнең йөзебездә сезнең фидакарь ил хезмәткәрләрен табарсыз...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 1/2. Б. 47–53.

19. *Давлетшин* Т. Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974.

20. *За власть Советов*: сб. воспоминаний участников революционных событий в Татарии / под ред. С.И. Мухамедова, В.П. Тимофеева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1960. Ч. 2.

21. *За пять лет*. К годовщине провозглашения Татарской Социалистической Советской Республики. Казань: 1925.

22. *Из материалов и документов* по национальному вопросу и организации Татреспублики // Вестник Научного общества татароведения. 1925. №3. С. 29–39.

23. *Илиас Алкин* – общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы / сост.: И.Р. Тагиров, Д.Р. Шарафутдинов. Казань: Изд-во «Гасыр», 2002.

24. Исхаков С. Конституция культурно-национальной автономии татарского народа (1917 год) // Идель. 1995. № 5/6. С. 54–61.

25. [Казан]голәмә җәмгыятенең ляихәсе // Йолдыз. 1917. 28 апрель.

26. *«Казан мөселман комитеты» тарафыннан* // Корылтай. 1917. 16 июль.

27. *Касыймов* Г.С. Октябрь көрәшендә татарлар // Ун ел эчендә татар башкортлар. (Мәкаләләр җыентыгы). Мәскәү: «Нәшрият кооперативы», 1927. Б. 53–85.

28. *Культурно-национальная автономия* в истории России. Документальная антология. Т. 1. Сибирь. 1917–1920 / под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во ТГУ, 1998; Т. 2. Дальний Восток. 1921–1922 / под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во ТГУ, 1999.

29. *В.И. Ленин и Татария*: документы, материалы, воспоминания / сост. М.А. Сайдашева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990.

30. *В.И. Ленин и Татария*: сб. документов, материалов и воспоминаний / редкол. Г.С. Жук (глав. ред.) и др., вступ. ст. М.Мухарямова, М. Сайдашевой. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 1970.

31. *Львова* Э.Л. К читателю // Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. 2. Дальний Восток. 1921–1922 / под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во ТГУ, 1999.

32. *Материалы и документы* по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.) / авт. и сост. Р.Р. Фахрутдинов. Казань: КГПИ, 1992.

33. *Мулланур Вахитов*. Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца / сост. М.А. Мулюков, И.Р. Тагиров. Казань: Татар. кн. изд-во. 1985.

34. *Мухутдинов* Н.К. Проекты организации средней школы европейского типа для татар в XIX в. // Вестник Научного общества татароведения. 1930. № 9/10.

35. *Национально-культурные автономии* и объединения. Историография. Политика. Антология / сост.: Губогло М.Н., Нам И.В. М., 1995.

36. *Образование БАССР*. Сборник документов и материалов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1959.

37. *Образование Татарской АССР*. Сб. документов и материалов / под ред. И.М. Климова и М.К. Мухарямова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963.

38. *Политика Советской власти* по национальному вопросу за три года. 1917 – XI – 1920. М.: ГИЗ, 1920.

39. «*Положение* о Татаро-Башкирской Советской Республике» // Правда. 1918. 23 марта.

40. *Протоколы заседаний* 1-го Всероссийского Мусульманского военного съезда, состоявшегося 17–25 июля 1917 г. в г. Казани. Казань: Издание Всероссийского Мусульманского военного шуро, 1917. 25 с.

41. *Революция и национальный вопрос*. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С.М. Диманштейна. Т. 3. М.: 1930.

42. *Революционная борьба* крестьян Казанской губернии накануне Октября. Сб. документов и материалов. Казань: 1958.

43. *Регламент* 2-го Всероссийского Мусульманского военного съезда. Казань, 1917. 14 с.

44. *Резолюции* 1-го Сибирского областного мусульманского съезда, состоявшегося в г. Томске 4–12 октября 1917 г. Ачинск: Типография Ачинского т-ва печатного дела, 1917. 31 с.

45. *Резолюции Всероссийского мусульманского съезда*, состоявшегося в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг.: Типография «Трудолюбие» А.А. Миськевича, 1917. 32 с.

46. *Садыкова* Р. «Да здравствует молодая Татарская республика» (к 95-летию образования ТАССР) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 207–213.

47. *Сборник декретов и распоряжений* от 25 мая 1920 г. по 25 мая 1921 г. Казань: Изд. СНК ТАССР, 1921.

48. *Сталин* И.В. О Татаро-Башкирской Республике // Правда. 1918. 23 марта.

49. *Сталин* И.В. Сочинения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1951. Т. 4.

50. *Сталин* И.В. Сочинения. М., 1954. Т. 4.

51. *Сталин* И.В. Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы. М.: Наука, 1992.

52. *Султанбеков* Б. Неуслышанное предупреждение А.Цаликова // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 96–107.

53. *Султанбеков* Б., *Шарафутдинов* Д. Политическая «бомба» Эдгема Булбуловича // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 77–90.

54. *Султан-Галиев* М. Избранные труды / сост. Гизатуллин И.Г., Шарафутдинов Д.Р. Казань: Изд-во «Гасыр», 1998.

55. *Сәйфи Фатыйх* (Казанлы). Татар социаль Советлар җөмһүрияте. (... тарихына гаид рәсми материаллар) / тәртип итүче: Ф.Сәйфи. Казан: Госиздат, 1920. 47 б.

56. *Тагиров* И. Запоздалое издание // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 30–41; № 3/4. С. 88–101.

57. *Татария в борьбе за победу пролетарской революции* (февраль – октябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. Казань: Таткнигоиздат, 1957.

58. *Татарская энциклопедия* / гл. ред. М.Х. Хасанов, [отв. ред. Г.С. Сабирзянов]. Т. 1. Казань: Ин-т татар. энцикл., 2002.

59. *Татар-башкорт шуралар җөмһүрияте* (Беренче китап) / җыючысы: Касыймов Гасыйм. Мәскәү: Шәрык басмасы, 1918. 58 б.

60. *Тоган* З.В. Воспоминания. Кн. 1. Уфа: «Китап», 1994.

61. *Усманова* Д. Февраль 17 г. в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 164–170.

62. *Хәлили* Я. Казандагы Гомуми мөслимәләр съезды // Сөембикә. 1917. № 11/12.

63. *Ходоровский* И. Что такое Татарская Советская Республика. Казань: Госиздат, 1920.

64. *Шәрәф* Галимҗан. Татар-башкортлар һәм Татар җөмһүрияте турында низамнамә дә кушылган). Казан: «Өмид», 1920. 24 б.

65. *Шигабиев* И. Из истории образования ТАССР // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 1. С. 101–110.

66. *Hablemitoğlu* Necip. Çarlık Rusyası'nda Türk Kongreleri (1905–1917). Ankara, 1997.

67. *Şengül Hablemitoğlu*, Necip Hablemitoğlu. Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk Kadın Hareketi (1893–1920). Ankara, 1998.

Миннуллин Завдат Салимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: zminnullin@mail.ru

Minnullin Zavdat Salimovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology, Kazan (Volga) Federal University (Kazan)

УДК 28

Т.Л. Молотова

Архивные материалы о принятии ислама марийцами (2-ая половина XIX – начало XX вв.)

Сообщение посвящено историческим документам Национального архива Республики Башкортостан, в которых отображаются процессы исламизации среди марийцев во 2-ой половине XIX – начале XX вв. В документальном фонде Оренбургского магометанского духовного собрания отображаются причины перехода в ислам, этапы, предшествующие принятию мусульманской религии.

Ключевые слова: марийцы, ислам, архив, архивные документы, причины принятия ислама, Оренбургское мусульманское духовное собрание.

T.L. Molotova

Archive materials on the acceptance of Islam by the Maris (second half of the XIX – beginning of the XX centuries)

The report is devoted to archival materials of the Nathional archive of Republic of Bashkortostan, which shows the processes of Islamization among the Maris in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. In the documentary Fund of the Orenburg Mohammedan spiritual Assembly are displayed the causes of conversion to Islam, the stages preceding the adoption of the Muslim religion.

Keywords: the Maris, Islam, archive, archive documents, reason for acceptance of Islam, the Orenburg Mohammedan spiritual Assembly.

Марийцы были знакомы с исламской религией со времен Волжской Булгарии (X–XII вв.). Во времена Казанского ханства (XIV–XVI вв.) среди поволжских народов получили распространение элементы исламской культуры, проявлявшиеся в семейных обычаях, похоронно-поминальных обрядах, почитании пятницы и др. Особенно сильное воздействие со стороны мусульманской религии испытывали восточные марийцы во второй половине XIX века. (Гареев, 2007, с. 71). Марийский просветитель П.П. Ерусланов в конце XIX века в ряде своих статей отмечал сильное влияние ислама на религиозно-нравственные, правовые воззрения и понятия части восточных марийцев (Ерусланов, 1895, с. 36; 1896, с. 325).

Сообщение посвящено документальным материалам Национального архива Республики Башкортостан, в которых отображаются процессы исламизации среди марийцев во 2-ой половине XIX – начале XX вв. В фонде Оренбургского магометанского духовного собрания хранятся исторические документы (ОМДС; 1788–1917 гг.), связанные с переходом в ислам различных народов России, в том числе и марийцев. Это прошения, рапорты, циркулярные предписания, уведомления, резолюции, извещения, расписки о получении тех или иных документов, связанные с переходом марийцев из язычества, православия в ислам. Данные архивные документы свидетельствуют об интересных конфессиональных процессах среди марийцев во 2-ой половине XIX – начале XX вв.

Большинство документов писались писарями, грамотными людьми, часто в конце их текста вместо подписи просителями ставились родовые тамги, так как некоторые из них были неграмотными.

Марийцам ислам был более близкой, знакомой религией, чем христианство, так как марийцы с древности проживали в близком соседстве с мусульманами и хорошо знали татарский и башкирский языки, а русским языком владели плохо или чаще даже не знали его. Языками межнационального общения в контактных зонах у восточных марийцев с другими народами региона были татарский и башкирский.

Помимо общекультурного влияния татаро-мусульманской традиции на марийцев, во 2-ой половине XIX – начале XX вв., как и среди других поволжских народов, проявлялся открытый переход марийцев в ислам. В архивных материалах ОМДС имеются документы на имя Оренбургского муфтия с просьбами о принятии марийцами-язычниками ислама. Прошения по этому поводу поступали в духовное собрание в различных ситуациях: в случае бракосочетания с мусульманином или мусульманкой; по духовно-религиозным представлениям от тех, кто считал себя истинным последователем этой религии (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 395, 495, 979, 5497, 8400).

Перемена конфессиональной принадлежности не была сиюминутным делом, она находилась под надзором властных структур, духовенства различных конфессий. Ей предшествовали длительные бюрократические этапы, связанные с перепиской, рассмотрением прошений, принятия решений, резолюций по ним, предписаний о причислении к тому или иному мусульманскому приходу и мечети и др. Просителю необходимо было привести убедительные аргументы в пользу принятия той или иной конфессии. Так, в одном из документов, датируемых 1882 г.,

излагается: *«2 сего июля из Канцелярии Г.Вятского Губернатора передана на распоряжение Губернского Правления переписка об увольнении крестьянина Уржумского уезда, Турекской волости, деревни Уселы Тукташа Тухтагулова с семейством из ведомства православной Духовной Консистории.*

Из переписки этой видно, что Тухтагулов податель Г.Губернатору прошения ходатайствовал сделать распоряжения об увольнении его с семейством из ведомства православной Духовной Консистории и причислить к приходу местной магометанской мечети, с тем, чтобы вновь рожденные дети его фактически были записаны в магометанские метрические книги, так как он, происходя из черемис и будучи не крещен и святым миром не помазан, вместе с семейством своим наследует магометанскую веру, которую тайно исповедовали предки его. Вслед за сим Уржумский Уездный Исправник, рапорт от 18 апреля сего года № 1031, предоставил на распоряжение Губернатора рапорт» (НА РБ. Ф. И–295. Оп.11. Д. 253. Л. 1). По поводу этого исправник провел расследование, *«не было ли в данном случае в семействе Тухтагулова совращения».* Исправник предоставил донесение, в котором говорилось, что *«Т.Тохтагулов из черемиской деревни Уселы с семьей в числе 6 человек переселился в д. Параньгу с помощью муллы Хафиза»,* которому помогал в делах мечети. В документе также было выражено мнение односельчан о Т.Тохтагулове*: «Как удостоверили уселинские черемисы, Токтауш по натуре бродяга и поэтому, пользуясь язычеством, примкнул к татарской народности под влиянием параньгинского муллы Хафиза. Доказательством безнравственности его служит то, что уезжая из д. Уселы в д. Параньгу, он оставил там вдового отца Тухтагула Токтарова 75 лет в одиночестве и тайком перетащил с собой скот и домашний скарб, а хлеб запер замком и заявил отцу, что ему не достанется ни крошки. Своевольствуя таким образом, он надеялся на заступничество муллы Хафиза… Между тем параньгинскими татарами на сходе по решению, в виде поощрения, приняли Т.Тохтагулова в свое общество и дали ему земельный подушный надел и однодворицу. Как помошнику муллы Хафиза, в делах в обращении в магометанство большую роль сыграл параньгинский грамотный татарин Сулейман Хамзин, который наставляет семью новообращенного... Дочери Т.Тухтагулова Фатима 17 лет, Патима 12 лет первоначально не изъявляли желания принять магометанство и хотели остаться в родной деревне, но он увез их насильно…».* По этому делу исправника просили сообщить Про-

курору Вятского Окружного суда на предмет возбуждения судебного преследования о совращении в мусульманство (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 253. Л. 2–4).

Большинство прошений о принятии ислама отображают истинные духовные потребности принятия данной религии. В одном из них от 31 декабря 1911 г. от марийца деревни Тибелевой Старобалтачевской волости Бирского уезда Ахмадина Ахметшина сообщалось, что *«по рождению он язычник, но по доброй воле, искренне не хочет находиться в неопределенном положении, т.е. считается язычником, а в действительности исповедует мусульманство и является искренним мусульманином и после смерти желает остаться в магометанской религии»* (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 495. Л. 1).

В обращении от 29.07.1917 г. в ОМДС Лыстанай Килимаева (Кильмакаева) Яшкина из марийской деревни Янбыганово Мишкинской волости Бирского уезда пишет:

«Я просительница урождена в языческой черемисской секте в названной дер. Янбыгановой приблизительно в (год отсутствует – *Т.М.*) *году, где и значюсь, записанной о рождении в особых языческих книгах (вместо метрических) и в посемейном списке Мишкинского волостного правления. Теперь я, проживая в городе Уфе несколько лет, в среде мусульманского общества, я чувствую себя тяжелом угнетенном состоянии, при мысли, что я есть невежественная язычница, и стало быть великая грешница перед Богом, признающая Бога внушенному мне в детстве родителями учению, им данному – дикому нечеловеческому языческому толкованию о Боге. Понятие мое теперь прояснилось и совесть подсказывает, что необходимо принять религию ислама, которую я так полюбила и глубоко уверовала в превосходство ее Догматов о Единстве. Вследствии чего, припадая к стопам Магометанского Духовного Собрания, покорнейше прошу принять меня в среду своего мусульманского общества и сделать распоряжение о причислении меня к приходу № 4 мечети, а мне выдать на руки постановление о том, что я удостоилась быть в исламе, больше язычницей быть не могу. 1917 год Уфа. К сему прошению собственноручно. Лыстанай Кильмакаева»* (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 5497. Л. 1–2).

В некоторых случаях причиной принятия человеком той или иной конфессии были меркантильные интересы. Поэтому в принятии ислама у марийцев были наиболее заинтересованы зажиточные, которые желали заниматься торговлей (Ерусланов, 1896, с. 327).

Как правило, в случае перехода марийцев в ислам постепенно менялась и их этническая идентичность, они постепенно начинали идентифицировать себя с местными тюркскими народами. Этнограф И.А. Износков, описывая в конце XIX века черемисскую деревню Бабикову Кара-Якуповской волости Уфимского уезда, отмечал, что «*бабиковские черемисы, бывшие язычники, успели в короткий сравнительно промежуток времени значительно обашкириться, ...старики и старухи еще помнят свой язык…, что же касается молодежи, то она большею частью знает только один башкирский язык».* Та же ситуация была характерна и для д. Тенсить Стерлитамаского уезда (Износков, 1893, с. 185). Автор говорит, что *«проживая среди магометан и называясь не черемисами, а тептярями, они давно желают принять магометанство, об этом они неоднократно хлопотали в Уфе, но до сих пор, по словам башкир, они не могут приискать такого дельца, который указал бы им на статью закона, дозволяющего переход язычников в магометанство»* (Износков, 1893, с. 185). По статистическим данным Н.В.Никольского за 1911 г., марийцы д. Бабиковой приняли ислам: в селении на тот момент насчитывалось «отпавших в мусульманство» 79 мужчин и 88 женщин, «язычников» – 7 мужчин и 9 женщин (Никольский, 2008, с. 593). Причиной исламизации были и ассимиляционные процессы, связанные с браком представителей разных национальностей. В фондах НА РБ также имеются документы, связанные с прошениями о бракосочетания мусульман и язычников, мусульман и православных (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 3. Д. 11167; Оп. 11. Д. 393, 4676, 5095). Вступающие в брак должны были принадлежать к одной религии. Совершение мусульманского обряда бракосочетания означало переход невесты или жениха в ислам. Так, в одном из прошений черемиска Гульнара Ильметева из д. Бабиковой Уфимского уезда просит сочетаться браком по мусульманскому обряду с башкиром Рамазаном Юлмухамедовым, уроженцем этой же деревни. Дело начато 20 декабря 1884 г., завершено 24 декабря 1884 г. (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 3. Д. 11167. Л. 1–4). Вместо подписей поставлены родовые тамги. В другом прошении от 2 марта 1891 г. также крестьянин д. Бабиковой Ишмурат Ишмуратов просит ОМДС повенчать его с магометанкой по мусульманскому обряду (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 393. Л. 1–2). По административно-территориальному делению Башкирской АССР в 1981 г. д. Бабиково Чишминского района БАССР и д. Тансаитово Кармаскалинского района являлись по этническому составу соответ-

ственно башкирским и татарским селениями (Башкирская АССР, 1981, с. 310, 191).

В случаях принятия марийцами ислама менялись их фамилии, имена на мусульманские и постепенно – их идентичность. Вероятно, марийцы, преодолевавшие на пути официального признания их фактической религиозной принадлежности сложнейшие бюрократические препятствия, становились верующими мусульманами и стремились распространять ислам среди своих соплеменников. Я.Коблов в своей работе о татаризации народов Приволжского края отметил следующую тенденцию: *«Случается, что в инородческом селении – чувашском, черемисском или вотском – обратятся в ислам два-три человека, а по прошествии некоторого времени можно видеть, что эти двое или трое уже привлекли на свою сторону многих других односельчан»* (Коблов, 1910, с. 17).

В фондах архива хранятся документы, связанные с переходом из православия в мусульманство. Имеются и свидетельства о принятии человеком ислама, затем перехода в православие и возврат к мусульманской религии (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 3. Д. 11424; НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Т. 4. Д. 8400). Так, в уведомлении от 20 июня 1910 г. ОМДС констатируется: *«Крестьянину дер. Пужмари* (Малмыжского уезда – *Т.М.*) *Ахмадию Ахадиеву, Федору Никитину сим объявляет, что прошение его от 9 июня сего года с выдачей ему удостоверения о не имении со стороны Духовного Собрания препятствия к принятию его обратно в мусульманскую религию...*» (НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Т. 4. Д. 8400. Л. 1–2).

Если говорить об общей численности марийцев-мусульман, то в 1911 г. их было зафиксировано 433 человека (Никольский, 1913, с. 7). Из них 86 человек проживали в Яранском уезде Вятской губернии, 158 человек – в Царевококшайском уезде Казанской губернии и 189 – в Белебеевском, Бирском, Уфимском уездах Уфимской губернии (Никольский, 2008, с. 354–357). По статистическим материалам Н.В. Никольского за 1911 г. нет селений, где марийцы были бы полностью мусульманами. Чаще всего упоминаются селения (8 деревень), где отпавших в мусульманство 1, 2, 3 человека. К селениям, где отпавшие в мусульманство исчислялось около десятка или десятками можно отнести населенные пункты Коран Бишинды (отп. в мус. 10 мужчин, 9 женщин, языч. 23 м., 18 ж.), Старо-Байгильдино (отп. в мус. 5 муж., 4 жен., прав. 4 м., 3 ж., языч. 154 м., 131 ж.) Белебеевского уезда Уфимской губернии, Бабиково (отп. 79 муж., 88 жен., языч. 7 м., 9 ж.) (Никольский, 2008, с. 591, 593).

Я.Коблов в начале XX века отмечал, что марийцы восточной части Царевококшайского, Казанского, Мамадышского уездов Казанской губернии, Бирского и Мензелинского уездов Уфимской губернии и часть Малмыжского уезда Вятской губернии были сильно подвержены влиянию татар. По его наблюдениям, марийцы этих местностей были очень близки с татарами и перенимали от них, вместе с языком, татарские обычаи и нравы: *«В некоторых черемисских селениях Бирского уезда, напр., в д. Черлакь, Сахаяз, Торгем-дурь и др. все мужчины поголовно носят тюбятеи. У них установился даже обычай, в силу которого, во время свадьбы, тесть, в знак уважения, дарит своему зятю парчевую тюбятейку»* (Коблов, 1910, с. 24). В таком же положении находится д. Шарабаш Казанского уезда, где марийцы совершенно отатарились и в значительной части исповедуют ислам (Коблов, 1910, с. 24). Очевидно, что сторонние наблюдатели воспринимали у марийцев внешнюю схожесть в костюме, облике, манерах с татарами и владение татарским языком как полную татаризацию и мусульманизацию. Внешний облик восточных марийцев и знание татарского языка еще не свидетельствовали о религиозной принадлежности. Например, и в настоящее время в селе Черлак Дюртюлинского, деревне Большесухоязово Мишкинского районов РБ преобладающее население марийцы (Башкирская АССР, 1981, с. 147, 236).

Что же касается деревни «Шарабаш Казанского уезда», то в настоящее время д. Шурабаш Арского района Татарстана является смешанной наполовину марийско-татарской, в ней примерно 120 хозяйств. Исторические предания гласят о том, что в прошлом эта деревня была марийской. Лет 300 назад марийцы наняли в пастухи татарского паренька и он остался в Шурабаше жить, и так в деревне появились татары. Характерной чертой жителей является знание языков друг друга, марийцы хорошо владеют татарским, татары – марийским. Есть и татарско-марийские браки, которые чаще всего заключаются по мусульманскому обряду «никах». У снох русские имена меняются на татарские: Марина – Мадина, Фая – Фарида, Рая-Рауфа и др. (Молотова, 2003, с. 13–14).

Неоспоримый факт, что культура татар и башкир оказала большое влияние на материальную и духовную культуру марийцев, в том числе и на традиционную религию. Конфессиональная принадлежность играла большую роль в идентификационном плане. Восточные марийцы, утратившие родной язык, перешедшие на татарский язык, но не отказавшиеся от своей традиционной религии, сохранили свое этническое самосознание и в настоящее время (Молотова, 2009, с. 153).

Духовная и материальная культура марийского этноса формировалась в условиях тесных этнокультурных контактов с другими народами полиэтничного и поликонфессионального региона, каким является Поволжье, Прикамье и Приуралье. На традиционной религии марийцев отразилось влияние ислама с древности со времен Волжской Булгарии, Казанского ханства, что проявилось в молитвах, в некоторых мифопоэтических представлениях, ритуалах, обрядах, формах поведения, языке, пище, костюме и др. Особенно сильно мусульманизация отразилась на восточных марийцах, в этнически смешанных населенных пунктах, где марийцы в ближайшем соседстве проживали с мусульманами и были оторваны от основной этнической массы, и в тех регионах, где численно преобладали татары и башкиры (восточная часть Царевококшайского, Мамадышский уездов Казанской губернии, Бирский, Мензелинский, Белебеевский уезды Уфимской губернии). Тенденция принятия ислама не была ярко выраженной, эту конфессию приняла небольшая часть марийцев, о чем свидетельствуют статистические данные. Массового отхода в ислам не происходило и из-за позиций Православной церкви, так как она в какой-то степени контролировала ситуацию и выступала против мусульманизации, а также немаловажную роль играла и традиционная этническая вера, проповедники, которой отрицательно относились к смене конфессии и этничности. Очевидно, процесс исламизации продлился бы у марийцев, если бы не произошла Октябрьской революция 1917 года. Она ослабила влияние ислама и христианства на марийцев, с одной стороны, поскольку религия была отделена от государства и религиозная принадлежность стала личным делом человека, с другой, в первые годы Советской власти возрос интерес к своей этнической вере.

Источники и литература

1. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 393.*
2. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 495.*
3. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 979.*
4. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 5497.*
5. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 8400.*
6. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 253.*
7. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 3. Д. 11167.*
8. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 393.*
9. *НА РБ. Ф. И–295. Оп. 3. Д. 11424.*

10. *Башкирская АССР*. Административно-территориальное деление. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. 384 с.

11. *Гареев* И.С. Марийцы Бирского уезда в конце XIX – начале XX века (1897–19617 гг.) // Башкортостан и Марий ЭЛ: Исторический опыт и перспективы сотрудничества. Т. 2. Бирск-Йошкар-Ола: Бирская государственная социально-педагогическая академия, 2007. С. 56–78.

12 *Ерусланов* П. Родственный союз по понятиям восточных черемис // Этнографическое обозрение. Т. 25. 1895. С. 35–49.

13. *Ерусланов* П. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 // Этнографическое обозрение 1896. Т. 29–30. № 2–3. С. 324–329.

14. *Износков* И. Кара-Якуповская волость. Этнографические материалы // Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. Т. 11. Вып. 2. Казань: Типо-литография Императорского университета,1893. С. 183–187.

15. *Коблов* Я. О татаризации Инородцев Приволжского края. Казань, центральная типография, 1910. 27 с.

16. *Никольский* Н.В. Статистические сведения о черемисах за 1911 год с указанием литературы о них и изданий по черемисскому языку. Казань: Центральная типография, 1913. 88 с.

17. *Никольский* Н.В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2008. 735 с.

18. *Молотова* Т.Л. НРФ МарНИИЯЛИ. Материалы этнографических экспедиций–2003. № 144.Отчет по этнографической экспедиции в Моркинский район РМЭ в августе 2003 года. 21 л.

19. *Молотова* Т.Л. Особенности деревни Нарат Чукур (по экспедиционным материалам) // Этнос, общество, цивилизация: 2 Кузеевские чтения. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 152–154.

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнологии Государственного бюджетного научного учреждения при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева» (г. Йошкар-Ола); e-mail: marnii@mari-el.ru

Molotova Tamara Lavrent'evna – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnology of Public State-financed Scientific Institution under the Government of Mari El "Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev" (Yoshkar-Ola)

УДК 339.5:94

Р.Н. Пирова

Азербайджанцы в мусульманском общественном движении Астрахани в начале XX века

Начало XX века в Российской империи было ознаменовано активизацией общественного движения самых различных групп российского общества. Одной из таких значительных групп в стране являлись мусульмане. На фоне организационного оформления мусульманского движения в рамках всего государства происходит оформление и региональных мусульманских культурно-просветительских обществ. Не стала исключением и Астраханская губерния, где мусульмане составляли четвертую часть населения.

В 1906 г. в Астрахани было создано общество «Шурай-Ислам», ведущую роль в котором стали играть представители местной мусульманской средней буржуазии. По своему этническому составу общество было преимущественно татарским. Но в силу пограничного положения региона, издавна являвшегося зоной перекрестных миграций, мусульманское астраханское движение не было моноэтничным.

Большую роль в становлении общества «Шурай-Ислам» и реализации его задач в практической деятельности сыграли азербайджанцы. В частности, руководитель общества – Мустафа Лутфи Измайлов, выходец из Шемахи. Его активная позиция во многом способствовала пробуждению национального самосознания в астраханской махалле, возрастанию ее общественного значения в регионе. Также в статье анализируется общественная деятельность доктора Наримана Нариманова во время его административной ссылки в Астрахань в 1909–1912 гг.

Ключевые слова: общественное движение, мусульмане, татары, азербайджанцы, махалля, культурно-просветительская деятельность.

R.N. Pirova

The Azerbaijanis in Muslim public movement in Astrakhan in the early 20th century

The beginning of the 20th century in the Russian Empire was marked by the expansion of the social movement of various groups of Russian society. One of such important groups in the country were Muslims. On the background of the institutionalization of Muslim movements in the entire state, is also formation of

regional Muslim cultural-educational societies. Was no exception and Astrakhan province, where the Muslims were a quarter of the population.

In 1906, in Astrakhan was founded the society "Shurai-Islam", in which the leading role began to play the representatives of the local Muslim middle bourgeoisie. The ethnic composition of society was a predominantly Tatar. But due to the border location of the region it has long been an area of cross-migrations, and Muslim Astrakhan movement was not mono-ethnic.

A major role in the development of the society "Shurai-Islam" and implementation of its tasks in practical activities was played by the Azerbaijanis. In particular, the head of the Society – Mustafa Lutfi Izmailov, a native of Shemakha. His leadership has greatly contributed to the awakening of national consciousness in Astrakhan mahalla, to increase its publical value in the region. Also the article analyzes the public activity of Dr. Nariman Narimanov during his administrative exile to Astrakhan in 1909–1912.

Keywords: social movement, Muslims, the Tatars, the Azerbaijanis, mahalla, cultural and educational activities.

На волне подъема общественного движения в Российской империи в период первой буржуазно-демократической революции в 1905–1907 гг. в стране институализируются политические партии, самой разной политической направленности: либерально-буржуазные и самодержавно-охранительные, революционные и национальные. Возникли и партия мусульман Российской империи – «Иттифак аль-Муслимин» (Согласие мусульман), учредительный съезд которой прошел в Нижнем Новгороде в августе 1905 г.

Как известно, главную роль в российском мусульманском общественном движении начала XX века стали играть представители татарской и азербайджанской буржуазии. На учредительном съезде были приняты решения о создании отделений партии в Крыму, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Казани, на Урале, в Туркестане и Сибири (Усманова, 1999, с. 112). В числе прочих регионов, предполагалось создать и Нижневолжское отделение с центром в Астрахани. Но астраханские мусульмане несколько опередили события и сами приступили к организации своих национальных общественных организаций.

Астрахань в начале XX века представляла собой город со значительным числом мусульман (преимущественно татар). Согласно статистическим сведениям по городу Астрахань на 1910 г. насчитывалось мусульман 9186 душ м.п., 8883 душ ж.п. (Прикаспийская газета. 1911. 14 апреля. № 88). А вот в губернии, в целом, по данным В.Д. Дремкова,

в 1912 г. насчитывалось 36507 мусульман обоего пола; 1280 из них были городскими шиитами; 28749 человек – казахами Букеевской орды; остальные – татары (Дремков, 1912, с. 3).

От имени этого населения осенью 1906 г. в губернском центре была создана первая в регионе организация мусульман «Меджлис Шурай-Ислам» («Дом мусульманских собраний»). В октябре 1906 г. астраханский губернатор утвердил устав этого общества, в котором цель организации была обозначена как «… объединение своих членов, удовлетворение нужд мусульман – правовых, духовных, материальных, в пределах Манифеста 17 октября 1905 г.». Членами общества могли быть совершеннолетние мусульмане региона, как женщины, так и мужчины, вне зависимости от рода занятий (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722. Л. 88 об.).

Конечно же, мусульманское общественное движение в Астрахани было по своему составу татарским, что логично вытекает из демографического состава астраханского городского мусульманского населения. Татарская средняя и мелкая буржуазия города стала инициатором и основными участниками созданной организации. Учредителями «Шурай-Ислам» выступили 6 человек, 5 из которых были татарами – уроженцами города Астрахань, владевшие различными торговыми предприятиями. Но главным организатором общества выступил этнический азербайджанец, уроженец города Шемахи Мустафа Лутфи Измайлов, торговец коврами. На первом же учредительном собрании «Шурай Ислам», в конце октября 1906 г., он был избран председателем этого общества (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722. Л. 18).

То, что азербайджанец Измайлов стал руководителем татарского по составу движения в Астрахани, глубоко символично. Ведь и в общегосударственном масштабе в мусульманском общественном движении, главную роль играли татарские и азербайджанские общественные деятели. И аналогично общероссийскому, астраханское общественное движение также возглавили представители этих двух национальностей.

Мусульманское население региона формировалось на протяжении столетий. Конечно, основу его составили татары – астраханские и переселенцы из Средневолжских и Приуральских губерний. Но в силу пограничного характера, в регионе сформировались устойчивые колонии торговых людей из приграничных государств и территорий: узбекская и персидско-азербайджанская. С течением времени узбекская колония слилась с татарским населением города и в рассматриваемый период ее потомки пребывали в статусе астраханских мещан (Имашева, 2015, с. 84).

А вот персидско-азербайджанская шиитская община, как мы видели выше по данным статистики, по-прежнему сохраняла свою этническую идентичность. Несмотря на название, подавляющее ее большинство составляли азербайджанцы, выходцы из собственно азербайджанских, к тому времени российских провинций и северных провинций Ирана, т.н. иранского Азербайджана.

Купцы азербайджанского происхождения составили элитарную часть астраханского мусульманского предпринимательства. С начала XIX века они сосредоточили в своих руках внешнюю торговлю через Астраханский порт, создали большой торговый парусный флот и выстроили большие торговые подворья – гостиные дворы в центральной части города (Имашева, 2015, с. 64).

Купеческие династии Мир Багировых и Аджи Усейновых пользовались признанным уважением в астраханском обществе. Члены фамилий участвовали в городском общественном самоуправлении, неоднократно награждались правительственными наградами в связи с признанием их коммерческих и общественных заслуг перед государством.

Несмотря на некоторую обособленность от основной массы астраханских татар-мусульман, связанную с тем, что азербайджанско-персидская община принадлежала к шиитскому направлению ислама, к началу XX века эта замкнутость постепенно преодолевалась.

Азербайджанцы города селятся в 5 и 6 «татарских» участках города, вступают в коммерческие сделки, на выборах в городском самоуправлении выступают единым фронтом с татарами, голосуя за своих, «мусульманских» кандидатов, в татарских джадидских медресе и русско-татарской министерской школе учатся дети азербайджанских торговцев.

Следует также отметить, что астраханская махалля, формировавшаяся на протяжении долгого времени изначально не была моноэтничной по составу, как общины Средней Азии или Среднего Поволжья. В течение веков в нее вливались различные этнические элементы, в основном тюркоязычные, при доминировании татарского, и в итоге сформировалось очень толерантное отношение к любым единоверцам. И, в итоге, татарская община легко соглашается на то, что на волне революционных событий общественное движение возглавил азербайджанец.

Семья Мустафы Измайлова в Астрахани была известна с середины 1880-х гг., когда старший брат – Измаил, открыл на Персидской улице магазин ковров. В 1905 г., после окончания среднего учебного заведения в Стамбуле, к нему приехал младший брат – Мустафа. Но М.Л. Измай-

лов оказался человеком, для которого семейный бизнес не был предметом неустанных забот. Всю свою энергию он отдал делу консолидации астраханских мусульман, созданию и руководству организации «Шурай-Ислам», газеты «Бургани-Таракки» и школы «Даруль-Эдеп» (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722. Л. 103–104).

Большое влияние на становление общественно-политических взглядов М.Л. Измайлова оказали общемусульманское общественное движение и сторонники конституционно-демократической партии (кадетов) России. С идеями необходимости проведения реформ в среде мусульман, прежде всего в сфере образования и культуры, он, скорее всего, познакомился во время своей учебы в Константинополе в 1903–1905 гг. С началом революции и образованием партий, М.Л. Измайлов вступил в кадетскую партию, «где и стал представлять самые энергичные действия в политическом движении» (Имашева, 2014, с. 268).

В конце 1905 г. Мустафа Измайлов вместе с астраханцами Х.Давлекамовым, В.Таначевым и К.Ходжаевым был избран делегатом на всероссийский съезд мусульман в Санкт-Петербурге. Прибыв в столицу 8 января 1906 г., они узнали, что съезд правительством не разрешен и уехали обратно, в Астрахань. Главный вопрос, который должен был обсуждаться на этом съезде – реформа мусульманского образования в России (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722. Л. 108). В столице астраханские делегаты познакомились с лидерами мусульманского движения и самим И.Гаспринским (Имашева, 2014, с. 268).

В своей деятельности на посту председателя астраханского общества М.Л. Измайлов сделал многое для развития национального образования вне рамок конфессиональной общины. Школа общества «Даруль-Эдеп» стала первым начальным учебным заведением мусульман Астрахани, в котором образование было полностью организовано по принципам джадидской педагогики (ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54433. Л. 8).

Впервые дети астраханских мусульман получили возможность изучать географию, историю, основы естественных наук. Программой предусматривалось обязательное изучение русского языка, на который отводилось от 2 до 6 часов в неделю, в зависимости от года обучения. Изучали школьники и татарский, и арабский языки. Также дети посещали уроки физической культуры. Была введена единообразная форма для учеников, проводились утренники и концерты учащихся, был организован школьный театр (ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54433. Л. 10–12).

Это было самое успешное учебное заведение у астраханских мусульман в предреволюционный период. В учебном 1909–1910 гг., не-

смотря на нехватку помещений, количество учеников (мальчиков и девочек) достигало 300 человек. 20 учеников из бедных семей обучались за счет общества, на этом особенно настаивал М.Измайлов (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722. Л. 112).

Для преподавания в школе сам М.Измайлов приглашал специалистов из других регионов Российской империи и Турции. В качестве заведующего школы был приглашен Хамидулла Ишкузинов. Выпускник Казанской татарской учительской школы, преподававший до этого в разных школах Нижегородской и Закавказской губерний. Но в силу личных разногласий с М.Измайловым и ориентации Х.Ишкузинова на поддержку наиболее консервативной части астраханской мусульманской общины, последний был уволен и приглашен в качестве заведующего в джадидское медресе Кизляра (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722. Л. 124).

С осени 1907 г. М.Измайлов сам возглавил школу. Следующим его шагом стало приглашение для преподавания турецких учителей: Ахмета Нура-Адемова, Мухталлима Ярлыгаева, Маргубу Ярлыгаеву и Зулейху ханым Измайлову, которую М.Л. Измайлов выдавал за свою жену, опасаясь ее отстранения от преподавательской деятельности и высылки за пределы государства.

Но приглашение турецких подданных в качестве преподавателей стало большой ошибкой. Их работа в школе попадает под контроль жандармов, Дирекция народных училищ несколько раз закрывает школу. Также неудовольствие властей вызывает форма учеников (якобы, очень похожая на турецкую), наличие учебно-методической литературы на турецком языке и т.д. (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 34).

Самого Измайлова власти отстранили от заведывания учебным заведением, под предлогом отсутствия у него российского образования, необходимого для осуществления педагогической деятельности. Были уволены и турецкие учителя. Борьба за школу с властями длилась около трех лет (1908–1911 гг.), в течение которых школа пять раз закрывалась по распоряжению дирекции народных училищ Астраханской губернии (ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 518. Л. 32–40).

Каждый раз М.Измайлов добивался открытия школы, обращаясь с жалобами к астраханскому губернатору, попечителю Казанского учебного округа. Большую помощь ему оказали депутаты мусульманской фракции Государственной думы Г.Сыртланов и А.Топчибашев, за помощью к которым он обращался (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 118). Таким образом, благодаря активности М.Измайлова, о проблемах астраханских мусульман стало известно всей российской умме.

По инициативе М.Л. Измайлова общество «Шурай-Ислам» стало издавать и собственный печатный орган – первую астраханскую газету на татарском языке «Бургани-Таракки». Сам он взял на себя функции редактора, а в конце 1908 г. на собственные средства открыл типографию, в которой помимо периодических изданий печаталась различная типографская продукция, учебники, литература на татарском языке (Давыдова, 2011, с. 17–25).

Газета стала первым изданием в Астрахани, которое знакомило астраханских татар на родном языке с событиями в стране и мире, здесь они могли разместить и прочитать рекламу, перепечатывались статьи, сообщения, заметки, фельетоны из других мусульманских газет России.

В начале 1908 г. М.Л. Измайлов был привлечен жандармами к следствию по обвинению его в пропаганде идей пантюркизма и противоправительственной агитации на страницах издания. Но, в итоге, был приговорен лишь к штрафу в 250 руб. за некорректные высказывания в адрес астраханских властей. Пока шло следствие, М.Измайлов два месяца отсидел в городском остроге (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 132).

Газета «Бургани-Таракки» выходила до осени 1911 г. Одним из подтверждений включенности лидера астраханских мусульман в общероссийское общественное движение является тот факт, что все значимые события жизни страны и российских мусульман получали освещение на страницах его газеты, будь то чествование юбилея И.Гаспринского, обсуждение вопросов мусульманского образования в Государственной думе, обсуждение избирательных законов и т.д. (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 17–25).

Ближайшим соратником М.Измайлова и членом правления общества «Шурай-Ислам» был Хусаин (Гусейн) Хаятов – приказчик астраханского отделения фирмы «Наследники Шамси Асадуллаева», уроженец города Баку. Энергичные действия Хаятова, его довольно светский образ жизни (он был членом астраханского общества Велосипедистов, общался с русскими приказчиками, был заядлым театралом), очень быстро стали вызывать нарекания со стороны консервативных мусульманских кругов (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 128).

Вместе с М.Измайловым, Х.Хаятов был одним из самых ярых защитников новометодного начального училища «Даруль-Эдеп». Исполняя обязанности секретаря общества «Шурай-Ислам», он сумел «исходатайствовать» у бакинского миллионера З.-А. Тагиева 1000 рублей на приобретение учебных материалов для школы, а затем еще 1000 рублей для приобретения здания для школы (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 128 об.).

Х.Хаятов, как и М.Измайлов был членом астраханского отделения всероссийской партии кадетов. Они принимали участие в организации выборов регионального и общегосударственного масштабов. Пользуясь большим авторитетом среди мусульман города, они обеспечили победу на выборах в Государственную думу 2, 3 и 4 созывов кандидату от кадетской партии (Астраханский вестник. 1912. 22 января. № 6574).

А в рамках городского самоуправления способствовали росту общественного самосознания среди астраханских мусульман. Начиная с 1906 г. в Городской думе резко выросло число гласных-мусульман (с 1 до 6 человек), представителей средней астраханской татарской буржуазии (Прикаспийская газета. 1911. 14 апреля. № 88).

На выборах 1912 г. М.Измайлов хоть и выставил первоначально кандидатуру от 5 участка города, но из-за преследований жандармерии и резкого разрыва с татарской буржуазией города вынужден был покинуть Астрахань навсегда. Зато другой известный азербайджанец – Нариман Нариманов был избран на этих выборах не только гласным Городской думы, но и стал кандидатом от астраханских мусульман в депутаты Государственной думы 4 созыва. Но ввиду того, что закончился срок его административной ссылки, к своим обязанностям гласного доктор так и не приступил (Астраханский вестник. 1913. 24 января. № 20).

Несмотря на это, пребывание Наримана Нариманова в Астрахани в ссылке в 1909–1913 гг. оказало огромное влияние на развитие мусульманского общественного движения в регионе. Его прибытие в город было освещено в газете «Бургани-Таракки», в статье возлагались большие надежды на его участие в жизни астраханских мусульман. И надежды эти оправдались.

Доктор Нариманов торжественно принял на себя обязанности школьного врача в «Даруль-Эдеп». А по большому счету занялся вопросом санитарного просвещения среди мусульман. Доктор организовывал лекции по борьбе с туберкулезом, холерой, другими инфекционными заболеваниями, разъяснял основы личной гигиены, агитировал за соблюдение санитарно-гигиенических норм. Он вел прием больных в махалле практически бесплатно (ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 518. Л. 141).

Во время пребывания в Астрахани весной 1911 г. великого татарского поэта Габдуллы Тукая, Н.Нариманов не только встречался с ним, но и выступил инициатором лечения больного туберкулезом поэта кумысом. Сам сопровождал его в поездках по краю, следил за состоянием больного (Загидуллина, 2008).

С приездом Н.Нариманова значительное развитие получил национальный татарский театр. Доктор выступил в качестве организатора профессиональной труппы, составил репертуар, режиссировал спектакли. Театральные постановки мусульман означали проникновение новых форм общественной жизни, досуга в среду астраханских татар. Кроме того, они способствовали развитию национальной благотворительности. Средства, вырученные от спектаклей, поступали на общественные нужды в кассы общества «Шурай-Ислам» и Попечительство о бедных мусульманах города Астрахани (ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 518. Л. 72–76).

Большое значение имела и журналистская деятельность Н.Нариманова. Он печатался и в татарских, и в русскоязычных астраханских газетах под псевдонимом «Нэр». Темы, которые затрагивал доктор, в основном, были посвящены необходимости культурного просвещения мусульман, развития системы образования и санитарному просвещению. Благодаря его репортажам, статьям и заметкам, русская часть городского населения сумела составить наиболее адекватное представление об образе жизни, нуждах и перспективах развития татарско-мусульманской общины (Прикаспийская газета. 1911. 14 апреля. № 88).

Подводя итог, нам хотелось бы отметить тот факт, что в астраханской мусульманской общине в начале XX века не было актуальным деление единоверцев по национальному признаку. Главным фактором выступала конфессиональная идентичность, которая в целом отражала этническую специфику региона. В целом, можно говорить, что астраханское мусульманское движение, во главе которого стояли азербайджанцы и татары, было составной частью мусульманского движения в России.

Несмотря на то, что азербайджанцы возглавили общественное движение в Астрахани, по своей сути, оно являлось тюркско-татарским, так как татары составили подавляющее большинство в нем. Периодическая печать выходила на татарском языке, спектакли ставились на татарском, в новометодных учебных заведениях основным языком преподавания был татарский. Значение татарского фактора и его ведущая роль никогда не умалялись.

Но нельзя умалить и влияние азербайджанцев – они сумели консолидировать разрозненную астраханскую татарскую буржуазию и придать астраханскому мусульманскому общественному движению тот вектор развития, который позволяет говорить нам о нем как о значимом и состоявшемся историческом явлении.

Источники и литература

1. *Астраханский вестник. 1912. 22 января. № 6574.*
2. *Астраханский вестник. 1913. 24 января. № 20.*
3. *ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 722.*
4. *ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54433.*
5. *ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297.*
6. *ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 518.*
7. *Давыдова* А.А. История издания и функционирования газеты «Бурганъ-Таракки» (1905–1911 гг.) // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2011. № 3(39). С. 17–25.
8. *Дремков* В.Д. О муллах Астраханской губернии. Астрахань, 1912.
9. *Загидуллина* Дж. Габдулла Тукай в Астрахани // Татарский мир. 2008. № 4.
10. *Имашева* М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. 163 с.
11. *Имашева* М.М. Мустафа Лутфи Измайлов – лидер астраханского регионального общественного движения мусульман начала XX века // Преподаватель XXI века. М., 2014. № 4. С. 263–269.
12. *Прикаспийская газета*. 1911. 14 апреля. № 88.
13. *Усманова* Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999.

Пирова Рена Низамиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Дагестанского государственного университета народного хозяйства (г. Махачкала), e-mail: pirova1969@mail.ru

Pirova Rena Nizamievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Theory of State and Law, Dagestan State University of National Economy (Makhachkala)

УДК 355/369+94(47)

Э.К. Салахова

Первая мировая война в судьбе татарского народа: взгляд через призму писем татарских солдат

Первая мировая война оставила в судьбе татарского народа неизгладимый след, стала большой трагедией. Взгляд через призму писем татарских солдат дают возможность изучить внутреннее состояние татарского общества в годы Первой мировой войны, увидеть истинное лицо и реалии войны глазами простых людей. Автором подчеркивается более содержательное и подробное изложение военных событий и выражения эмоций в письмах, отложившихся в архивных фондах цензурных учреждений, нежели в письмах, дошедших до адресатов. Через письма «недозволенного содержания» расскрывается неизвестные стороны войны и тыловой жизни. На источниках эпистолярного жанра автор показывает роль военнослужащих татар в Первой мировой войне и также отражение войны в судьбе народа.

Ключевые слова: Первая мировая война, исторические источники, солдатские письма, рукописи, источниковедческий анализ, татарское общество, история татарского народа, архивные документы.

E.K. Salakhova

The World War I in the fate of the Tatar people: a view through the prism of the letters of Tatar soldiers

The World War I in the fate of the Tatar people has left an indelible mark, it became a great tragedy for people. Look through the prism of the letters of Tatar soldiers provide an opportunity to learn the internal state of the Tatar society during the World War I, to see the true face and reality of the war through the eyes of ordinary people. The author emphasizes the more substantial and detailed account of military events and expression of emotions in the letters deposited in the collections of censorship than in the letters reached the addressees. Through letters of “not permitted content” conveys a sense of the unknown sides of the war and logistical life. The author on the sources of the epistolary genre shows the role of the Tatars in the World War I and also a reflection of the war in the fate of the people.

Keywords: the World War I, historical sources, soldiers' letters, manuscripts, source study analysis, Tatar society, History of the Tatar people, archival documents.

Человечество в своей истории пережило многочисленные войны, каждая из них неминуемо приносила смерть, ломала судьбы людей, лишала будущего. Эхо войны, как правило, в обществе слышится долгое время. Первая мировая война для мирового сообщества, в целом, стала колоссально трагическим событием, которое затронуло многие страны, и в конечном итоге, повлияла на судьбы миллиардов людей. История Первой мировой войны изучается как военное событие, но, к сожалению, внутренняя ее сторона, судьбы народов, участвовавших в этой войне, еще не раскрыты в должной мере.

Официальные документы или же сводки из мест военных сражений не могут дать истинную и правдивую картину войны, которая имеет разные окраски, существуют разные грани этого события. Зачастую, солдаты в своих письмах сообщали родственникам, что «… газетам не верьте, а то у Вас и так представление о войне неправильное. Газеты же одно вранье» (Царская армия, 1932, с. 193).

Письма, как исторический источник и вид эпистолярного жанра, – весьма ценный материал, так как этот вид носителя информации обладает и передает эмоциональную окраску событий, описывает повседневную окопную жизнь солдат и офицеров, раскрывает свое личное отношение к событиям и отражает общее настроение воевавших, и даже передает социальные особенности этого восприятия.

Солдатские письма с фронтов и из военных госпиталей, письма, отправленные им на фронт с Родины, письма военнопленных являются одним из важнейших и малоизвестных источников по истории Первой мировой войны, которые дают возможность увидеть истинное лицо и реалии войны глазами простых людей. Фронтовые письма в немалом количестве отложились в архивохранилищах и библиотеках Казани (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 777 ед. хр. 1613 т, 1701 т, 4425 т, 4772 т, 4840 т, 4876 т, 4907 т, 5666 т, 5832 т, 5833 т; НА РТ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 238, 239, 338).

Более трех тысяч листов солдатских писем и почтовых открыток периода с 1914 по 1917 гг., также письма их родственников и военнопленных хранятся в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ (ОРРК НБЛ) (Амерханова, 2014, с. 133–142). Среди них также имеются письма татарских солдат, попавшие в хранилище благодаря археографическим экспедициям, которые вел со студентами Казанского университета профессор М.А. Усманов, и многолетним экспедициям заведующего восточным сектором библиотеки А.С. Фатхиевым (Салахова, 2016, с. 186–197). Эту коллекцию состав-

ляют письма, которые выдержав цензорскую проверку, были одобрены и дошли до адресатов. Как и следовало, эти письма довольно сухие и зачастую малоинформативные. Зная о расправе, если напишут правду, авторы ограничивались часто только сообщениями о своем здоровье, заботами о родных. Цензура была особенно бдительна к письмам «инородцев», зачастую, письма, написанные на родном языке, уничтожались без всякого прочтения, поэтому татарские солдаты старались передавать своим родным правду о фронте через товарищей, едущих домой лечиться или на побывку.

Особый интерес представляют письма или копии писем, которые с точки зрения цензуры считались письмами «недозволенного» содержания. Через эту контору ежедневно проходило свыше 100 тысяч солдатских писем, часть из них, не выдержавшая проверку, отложилась в фонде Казанской военной цензорской комиссии, не дойдя до адресатов. (Шарангина, 1998, с. 177–184; Казанская губерния, 2014). Они являются бесценными источниками, повествующими об условиях жизни военных, их тяжелой судьбе и ходе военных действий.

Главным лейтмотивом писем военнослужащих-татар и других народов является мысль о ненужности войны, как об огромном несчастье (Шарангина, 1998, с. 177–184). К крестьянской жизни трагические ноты внесла мобилизация работоспособной части мужчин. Представители привилегированных слоев населения, как правило, откупались от воинской повинности. Среди простого народа распространялись прокламации о том, что бедному люду, поскольку он не в силах откупиться от мобилизации деньгами, остается одно – идти на смерть. Заканчивались такие тексты с вопросом: «Справедливо ли это. Просим рассудить». Этими прокламациями в Казани были приклеены даже заборы, ворота и двери здания воинского присутствия (Царская армия, 1932, с. 179).

Некий солдат Мусин в своем письме Исенгулову пишет о рабочем с тульского завода Морозова Борисове, который говорил, что «… война начата богатыми, чтобы капиталы наживать. А мы дураки воюем» (Царская армия, 1932, с. 201). Военнослужащий Г.Фазылзанов также пишет: « … ну и пускай воюют и мулла пускай воюет. А мы посмотрим» (Царская армия, 1932, с. 203). Муллы, как и полагается служащим государству, проповедовали не только повиновение Богу, Пророку, но и правительству, слугам Государя.

Татарских писем сохранилось немного, тем не менее, они дают полное право утверждать, что татары-солдаты воспринимали войну как яв-

но чуждую им. Несмотря на это, татарское общество, пережившее немало драматических событий в своей истории, старался принять ее как испытание судьбы, которое надо пройти достойно и перетерпеть. Видимо, татарскому солдату-крестьянину, с детства была привита терпимость (сабырлык) к невзгодам, поэтому он в своих письмах старается лишний раз не расстраивать своих близких, которые находятся не в лучшем состоянии, чем он (Салахова, 2016, с. 73–79). В 1914 г., в год начала войны, солдат Мухаметов пишет своей жене Фатиме: «Эх и как мы несчастливо родились. Война, надо воевать. Ничего не поделаешь, надо немцу дать по шапке. Русские вот веселятся им понятна защита родины, а нам мусульманам как то и не то. Но драться мы будем храбро, не хуже русских» (Царская армия, 1932, с. 186).

У татар, когда речь шла о мобилизации, употреблялось такое понятие как «сугышка куылу», в дословном переводе «быть погнанным на войну» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 1672 т. Л. 8). Этой емкой фразой выражается восприятие татар войны вообще как трагического события. При этом к данной трагедии они старались относиться с пониманием, и в письмах обращаются к Всевышнему, чтобы тот одаривал царя терпимостью и миром. В суждениях военнослужащих татар, так и русских проявляются нотки безразличия, нежелания воевать. Хуснутдин Уразматов в своем письме, адресованном Шамсебанат, пишет, что «… прошел слух: говорят цари мирятся. Пусть мирятся или воюют между собой, нас бы только освободили, надоело» (Царская армия, 1932, с. 197). Все ждали скорейшего мира. Почти в каждом письме питание надежды на достижение согласия воюющими сторонами и заключения мира. Солдаты уже в 1914 г., в начале военных действий выражали надежду, что вернутся уже к празднику Курбан и скоро война кончится (Салахова, 2016, с. 186–197; ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 2435 т. Л. 1–2 об.).

Как выясняется из текстов многих писем, мобилизация на фронт воспринималась сельскими жителями как большая трагедия, так как семьи оставались без трудоспособных работников накануне уборки урожая и, вообще, без кормильца. Солдаты в письмах выражают обеспокоенность по этому поводу, стараясь подробно расспросить о состоянии урожая и о ценах на хлеб (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 1672 т. Л. 5–6). Следует отметить, что в рамках правительственных мероприятий военного времени осуществлялась изъятие тяговой силы для фронта. Об этом, в частности сообщают татарки д. Шемякино Болтаевской волости Тетюшского уезда Казанской губернии в своем прошении, адресованном Ка-

занскому губернатору: «… самые бедные крестьяне остались без сыновей и лошадей, между тем как богачи нашей волости, состояние которых доходит до 20–30 тысяч, из 4–5 голов лошадей не дали ни одной; к тому же всему удивительно каждому, что сыновья их остались дома, как негодные (к военной службе – *Э.С.*). Как богачи оставили своих сыновей негодными, так же весьма умело они оставили и своих лошадей. 25 апреля выбрано к отправке в Тетюши из волости 123 головы лошадей, на глазах у всех от богачей приготовлено отправить в Тетюши 3–2 головы лошадей» (Царская армия, 1932, с. 182–183).

Моральное и физическое состояние солдат на фронте было угнетающее и тяжелое. В одном письме автор сообщает о походах солдат по 120 км в день и о получении горячей пищи лишь раз в неделю, также о нагрузках, которые не выдерживали даже лошади (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 5670 т). Солдаты в своих письмах жаловались на голод, Балимзан Сибалхалгулов в письме, адресованном Мядине Нугаевой, пишет: «Тяжело здесь жить, холодно есть нечего. Нам дают чечевичную похлебку; хлеба не хватает», Х.Шафиков сообщает: «Нам на семь человек дают один каравай черного хлеба, а иногда и этого не дают, а только дают гороховый суп» (Царская армия, 1932, с. 189, 194).

В письмах содержится информация о мобилизации и взаимосвязи мусульман в дни тяжелых испытаний, так, тот же Б.Сибалхалгулов пишет: «Мы мусульмане живем дружно, как одна семья – у кого что есть, кушаем вместе, другие завидуют нам» (Царская армия, 1932, с. 189). В письме, написанном 10 февраля 1916 г. неким Афлануном после тяжелого боя, приведены суточные паевые нормы солдат, а также лошадей: для одной лошади 15 фунтов сена (фунт = 0, 45359237 кг), 10 фунтов овса; на одного человека 14 золотников сахара (золотник = 4,26 г), чай, 2,5 фунта хлеба, 0,5 фунта мяса, четверть фунта крупы, 28 золотников картошки (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 5670 т. Л. 50–51 об.). Он также подробно сообщает о внутреннем распорядке своей войсковой части. Письмо дает возможность представить часть фронтовой жизни солдат, причем из уст самого участника. Он пишет о том, что в 5 утра поят лошадей, в 6 дают овес, потом чистят лошадей щеткой, в 8 приходят пить чай сами, в 9 выходят на проездку, в 11 возвращаются обратно и дают лошадям сено, а в 11.30 поят лошадей и дают 3 фунта овса, затем обедают сами, в 12 часов солдаты выходят маршировать, оттуда возвращаются в 6 вечера, затем поят лошадей и дают овес, чистят конюшню, после этого сами возвращаются на ужин (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 5670 т. Л. 50–51 об.).

В письмах солдат запечатлены их наблюдения о неравных условиях существования российских и германских частей, находящихся за линией фронта. В 1915 г. Сагатдин Михатдинов в своем письме показывает этот контраст: «У нас в окопах вода и по колено грязь, нам здесь сидеть нельзя, все время день и ночь стоим на ногах. Германцы сейчас очень бьют наших солдат снарядами. Теперь по всему фронту наши дела стали хуже. Наши начинают отступать по всему фронту. Вы спрашиваете, что наши солдаты кушают, они кушают всякую дрянь. Здесь хорошего ничего нет, если описать все наше здешнее положение, то Вам и нам будет плохо. Германские окопы сделаны очень хорошо, в них сухо, а в наших окопах все солдаты болеют, а германцы сидят в окопах, как у себя дома, вот поэтому у них дело все вперед, все они одеты, сыты, в порядке и оружия у них много» (Царская армия, 1932, с. 191). Также письма отражают военную мощь противника. Так, мать солдата, в письме, адресованном своему сыну на фронт, сообщает рассказ, услышанный от вернувшихся с фронта односельчан: «Говорят, что Германия очень озлоблена, несколько раз Германия шла на наших на автомобилях. Говорят, эти автомобили, сделаны из стали, что их не может повредить снаряд, и они на этих машинах выглядывают из маленького окна» (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 2435 т. Л. 1–1 об.). Видимо, речь шла о первых бронемашинах или о первых танках.

Во многих письмах солдаты жалуются на жестокое обращение командиров с подчиненными, о побоях и жестких наказания. Так, один солдат пишет: «Вот вчера сюда приехал генерал, только не бригадный. Сделал осмотр и все роты обошел, спрашивал: нет ли жалоб. Не бойтесь, скажите. Я и тут побоялся сказать, потому что еще до выхода на смотр крепко было наказано. Сказали, что если есть у вас жалобы, то скажите. Если же вздумаете сказать там то таки и знайте, даже и до роты не дойдете» (Царская армия, 1932, с. 195). Другой солдат сообщает: «Несмотря на то, что живем под страхом смерти, еще нас мучают своими разными наказаньями. Вот недавно нескольким моим товарищам дали по 25 и 40 плеток. Причина та они честь не отдали. И эту штуку мне тоже пришлось испытать. Например, я и еще трое товарищей во время похода ели неприкосновенного запаса – сухари и консервы. И вот за это нам дали по 25 ударов. Знаешь в Мектебах когда нас учителя пороли сверх одежды и одним прутом несколько раз, а здесь, сколько в приказе столько прутьев и прямо на голое тело за то, что 1½ ф. сухарей и банка консервов съели» (Царская армия, 1932, с. 190).

В письмах отражается «особенное» отношение к военнослужащим татарам-мусульманам, к которым у властей не было доверия. Солдат Насыров в своем письме сообщает: «Был приказ, чтобы за мусульманами установить строгий надзор, так как мусульмане будто намереваются сдаваться в плен, поэтому на одного мусульманина назначили для надзора по одному русскому солдату. Нам мусульманам, это очень оскорбительно и позорно, почему мы все пали духом, так как мы все как русские проливаем кровь» (Царская армия, 1932, с. 198). Солдат с сибирского стрелкового полка также в своем письме отмечает: «Ротный командир у нас очень злой, а подпоручик злой особенно на татар». Бикбулатов жалуется на то, что его не взяли в школу прапорщиков по причине, что он является татарином. Например, в 130 Херсонском полку в 10 роте взводный запрещал разговаривать по-татарски и собираться группами, ротный бил за то, что, плохо зная русский язык, татары не умели петь «Боже царя храни». Также были факты обзывания их турками и басурманами (Царская армия, 1932, с. 184). Шакир Фаткуллин в 1915 г. писал: «Вчера я получил георгиевский крест. Ходили мы давно уж в разведку и сняли австрийский дозор. Обещали, обещали и вот дали. Ротный сказал, это тебе Шакир, хоть ты и татарин, и песни петь не умеешь, знай, что за русским царем служба не пропадает. Теперь тебя бить меньше станут. Вот я и думаю. Георгиевский крест все-таки защита, а то все подзатыльники и ругань. Шакир сходи за водой, Шакир топи печку, Шакир сторожи. Все меня заставляют, а потому что я мусульманин. Теперь не будут» (Царская армия, 1932, с. 196).

Солдаты были обделены информацией о военных событиях, поэтому они в своих письмах просят родственников написать им, что происходит в русской армии, и в какой стадии находится война. Родственники старались сообщить им новости, которые удавалось почерпнуть из газет, и слухи, распространившиеся среди местных жителей. Так, например, Мухаметджинов пишет: «В эти дни в полку до пятисот мусульман. Среди них есть люди с развитым сознанием. Часто приходят просить газету и журналы. Отказ раздражает их и высказывает обиду: неужели их голос отчаяния не дойдет до сердца наших родных». Солдат Калимуллин возмущается: «Как унизительно: мы взятые из миллионного народа не имеем для чтения родной газеты и журналов. Неужели мы хуже других. Не нужно забывать, что нас 25 миллионов» (Царская армия, 1932, с. 198).

Все, что солдат не мог открыто писать в письмах, он излагал в беитах и мунажетах (вид религиозного песнопения у татар), в которых по-

вествуется о тяжелой доли участников войны, о надежде солдат на скорое возвращения домой живым и здоровым, о мольбе Всевышнему одаривать их терпением (ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 2435 т. Л. 1–2 об.; 1672 т. Л. 3–4, 9–10; «Без плиндә ятамыз, 2014; Яурупа сугышы бәете, 1914). Сочиненные солдатами-татарами беиты и мунажеты составляют золотой фонд образцов, связанных с событиями военного лихолетья.

Итак, письма татарских солдат являются ценным источником по истории Первой мировой войны, в которых глазами вчерашних хлебопашцев в шинелях, рекрутированных на фронт, раскрываются серые будни, надежды и разочарования «маленьких людей», несших все тяготы войны на своих плечах. Многие авторы писем полегли на фронтах, и эти письма являются последней весточкой о человеке, даже могила которого утеряно временем.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 238*
2. *НА РТ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 239.*
3. *НА РТ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 338.*
4. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 777.*
5. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ 1637 т.*
6. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 1613 т.*
7. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 1672 т.*
8. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 1701 т.*
9. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 2435 т.*
10. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 4425 т.*
11. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 4772 т.*
12. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 4840 т.*
13. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 4876 т.*
14. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 4907 т.*
15. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 5666 т.*
16. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 5670 т.*
17. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 5832 т.*
18. *ОРРК НБЛ К(П)ФУ. 5833 т.*
19. *Амерханова* Э.И. Издательские шаблоны писем солдат Первой мировой войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1–2. С. 133–142.
20. «*Без плиндә ятамыз* читлектәге кош кебек...»: Беренче бөтендөнья сугышы бәетләре / төз. Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап, 2014. 119 б.

21. *Казанская губерния* в период Первой мирой войны / сост. Пантелеева О.Е., Федотова О.В., Шарангига Н.А. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2014. 205 с.

22. *Сәлахова* Э.К. «Каләм әйтә: тагы бераз язасы, китә төшсен солдатларның мазасы»(Беренче Бөтендөнья сугышы чоры хатлары) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № 3/4. С. 186–197.

23. *Сәлахова* Э.К. Беренче Бөтендөнья сугышы фронтларыннан язылган татар солдатлары хатларын өйрәнү тәҗрибәсе һәм проблемалар / Әнвәр Хәйри укулары: Милли-мәдәни мирасны барлау, өйрәнү һәм пропагандалау юлында. Республика фәнни-гамәли конференциясе материаллары (Казан, 2015 ел, 27 ноябрь). Казан: ТР ФАнең Ш.Мәрҗани ис. Тарих институты, 2016. Б. 73–79.

24. *Царская армия* в период мировой войны и февральской революции. Казань: Татиздат, 1932. 338 с.

25. *Шарангина* Н.А. «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье»: солдатские письма с фронтов Первой мировой войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 3–4. С. 177–184.

26. *Яурупа сугышы бәете*. Казан: Кәримовләр матбагасы, 1914. 16 б.

Салахова Эльмира Кадимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: ilsalah@mail.ru

Salakhova Elmira Kadimovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Cultural Heritage of Peoples of Tatarstan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 373(091):(=512.145)(470.4)

Ч.Х. Саматова

Особые совещания как инструмент школьной политики правительства в отношении татар-мусульман Поволжья в начале XX в.

В статье рассмотрена деятельность межведомственных особых совещаний начала XX в., на которых обсуждались вопросы школьного образования татар-мусульман. Проанализированы мнения представителей различных ведомств, ученых, религиозных деятелей на проблемы организации и развития русско-татарских школ, мектебе и медресе, джадидистских учебных заведений. Показана взаимосвязь между постановлениями Совещаний и последовавшими правовыми и административными действиями властей в отношении образовательной сферы татар-мусульман.

Ключевые слова: Особые совещания, мектебе, медресе, русско-татарские училища, русские классы при мектебе и медресе, Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел.

Ch.Kh. Samatova

Special Meetings as an instrument of school policy of the government in respect of the Muslim Tatars of the Volga region in the early XX century

In the article activity of interdepartmental special meetings in the early of the XX century where issues of school education of the Muslim Tatars were discussed is considered. Opinions of representatives of various departments, scholars, religious figures concerning the organization and development of the Russian-Tatar schools, mektebe and medreseh, Jadid educational institutions are analyzed. The interrelation between resolutions of the Meetings both legal and administrative actions of the authorities concerning the educational sphere of Muslim Tatars is shown.

Keywords: Special Meetings, mektebe, medreseh, Russian-Tatar schools, the Russian classes at mektebe and medreseh, the Ministry of National Education, the Ministry of Internal Affairs.

В начале XX в. в практику выработки этноконфессиональной политики правительства, в том числе в отношении татар-мусульман, вошло проведение межведомственных совещаний. В их работе принимали участие представители различных ведомств, местных администраций и спе-

циалистов, профессионально занимающихся мусульманской проблематикой, а в некоторых случаях и сами мусульмане. Новый формат деятельности был вызван невозможностью продолжения работы в прежнем ключе, необходимостью обсуждения вопросов за «круглым столом» и выработки рекомендаций, адекватных, как социокультурной ситуации в мусульманском сообществе, так и приемлемых для центральных властей.

Для разработки новых положений в законодательстве, соответствующих принципам, провозглашенным в указе 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» было созвано «Особое вневедомственное совещание по делам веры» (июнь 1905 г. – май 1906 г.) под председательством члена Государственного совета, генерал-адъютанта графа А.П. Игнатьева. В качестве участников императором были утверждены высокопоставленные государственные деятели и представители различных ведомств.

Своеобразной программой обсуждения мусульманской проблематики стала «Записка по делам веры мусульман-суннитов» В.П. Череванского. При подготовке «Записок» им были изучены ходатайства мусульман об упразднении религиозных притеснений, поданные в различные органы государственного управления после обнародования указа 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и соответствующие комментарии к ним местных властей (Фархшатов, 2000, с. 45).

Возмущение автора «Записок» вызвали требования татар о том, что содержание конфессиональных школ и их педагогического персонала должно осуществляться за счет государственных или земских средств. В.П. Череванский писал, что «мусульмане не употребляют спиртных напитков и … сберегают этим путем до 70 млн. рублей в год», «…а эта сумма совершенно достаточна, чтобы мусульмане содержали свои конфессиональные училища на свои общественные сборы» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 17114. Л. 28 об., 29, 32 об.). Стремления мусульман изъять функции управления конфессиональными учебными заведениями из ведомства МНП и передать их в ведение ОМДС противоречили интересам правительства. Согласно мнению В.П. Череванского, непременным условием эффективного надзора за духовными учебными заведениями являлось знание соответствующими чиновниками восточных языков.

При этом В.П. Череванский выступил за предоставление определенной автономии конфессиональной школе. Он считал, что открытые репрессивные меры против духовных учебных заведений не приведут к

улучшению отношений между государством и «инородцами». Поэтому желательно создать условия для беспрепятственного открытия вышеупомянутых школ, учреждение которых должно зависеть только от окружных правлений по делам мусульманской веры.

Против предложенного В.П. Череванским порядка устройства мусульманских учебных заведений выступил чиновник МНП А.С. Будилович, изложивший свою позицию в специальной записке (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 35. Л. 64–66). По его мнению, практическое воплощение предложений В.П. Череванского перечеркнет результаты, которые были достигнуты реализацией закона 20 ноября 1874 г. о передаче мусульманских школ ведению Министерства народного просвещения и ликвидирует контроль учебного ведомства над мектебе и медресе (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 35. Л. 65)

Среди участников Совещания не было единого мнения и относительно обязательного знания кандидатами на духовные должности русского языка. Чтобы не допускать каких-либо «упреков в стеснении веры», исходящих от мусульман, В.П. Череванский предлагал воздержаться от требования непременного знания русского языка тем духовным лицам, в обязанности которых не входило исполнение определенных административных функций или руководство учебными заведениями. А.С. Будилович же утверждал, что ликвидация русского образовательного ценза усилит агитацию мулл против знания государственного языка, явится дополнительным препятствием для открытия русско-татарских школ и, в целом, приведет к усилению антирусских настроений в мусульманской среде. К тому же этим шагом, согласно мнению А.С. Будиловича, правительство могло поставить под сомнение общегосударственное значение русского языка. В ходе обсуждения этого вопроса Совещание пришло к выводу, что знание муллами русского языка не является стеснением веры (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 35. Л. 61).

Несмотря на серьезную подготовительную работу, на Совещании обсуждались только вопросы образовательного ценза для мулл. В связи с открытием Государственной думы «Особое совещание по делам веры» было закрыто. Позже на основе журналов заседаний были подготовлены несколько вероисповедных законопроектов, не получившие правовую реализацию.

МНП в период с 10 мая по 3 июня 1905 г. организовало под председательством А.С. Будиловича «Особое совещание по вопросам образования восточных инородцев». Его главными задачами стали пересмотр

законов об «инородческих» школах восточной и юго-восточной части России и переосмысление системы Н.И. Ильминского. К работе Совещания были привлечены специалисты, имевшие опыт практической деятельности в сфере школьного образования коренных народов, а также известные востоковеды.

Для татар-мусульман вновь рекомендовалось учреждение русско-татарских училищ и русских классов при конфессиональных школах. Последние были допущены лишь потому, что могли способствовать развитию у татар «русских идей» (Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев, 1905, с. 100).

Более желательным было признано учреждение русско-татарских училищ. Члены Совещания, опасаясь татаризации казахов, башкир и других народов при их совместном обучении, единогласно высказались за этнически монолитный состав учебных заведений. Предложения о привлечении в «инородческие» школы русских учеников, установление их совместного проживания в интернатах, введении в состав татарских учительских школ русских учеников явились противодействием превращению их в своеобразные национальные светские учебные заведения.

Проблемы конфессиональных школ мусульман обсуждались на руководимой Н.Ф. Катановым III секции. Одной из основных задач секции являлось определение характера государственной политики по отношению к мусульманским учебным заведениям: «…следует ли признать более правильным пассивное отношение правительства к мектебе и медресе … или активное усвоенное, хотя и нерешительно … со времени передачи надзора за этими школами из Министерства внутренних дел в Министерство народного просвещения» (Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев, 1905, с. XXXII).

Участники Совещания исходили из того, что бесконтрольное существование конфессиональных учебных заведений способствует распространению панисламистских и пантюркистских идеологий. Кроме того, существенную угрозу для безопасности России увидели в развитии национального самосознания татар, которые, как они считали, посредством мектебе и медресе отатаривают тюркские и финно-угорские народы России (Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев, 1905, с. XXXI). Поэтому Совещание единогласно высказалось за сохранение мектебе и медресе в ведении МНП.

На основе решений Совещания были составлены «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной

России» от 31 марта 1906 г. Ряд его положений вызвали недовольство и протест со стороны мусульманского населения. 1 ноября 1907 г. вступили в силу «Правила о начальных училищах для инородцев», представлявшие собой несколько измененный вариант «Правил» 1906 г.

Комплексный подход правительства по отношению к реформируемой на общеобразовательных началах конфессиональной школе татар, был сформирован на проходившем при МВД дел с 12 по 29 января 1910 г. «Особом совещании по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Поволжском крае» под председательством директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Харузина. Оно было организовано по инициативе премьер-министра П.А. Столыпина (Махмутова, 1998, с. 71). В Совещании участвовали представители ведомств, имевших непосредственное отношение к «мусульманскому вопросу». Особое совещание констатировало, что начавшееся в конце XIX в. национально-культурное возрождение мусульманских народов, в освободительный период в Волжско-Камском регионе приняло четкую «антигосударственную панисламистскую и пантюркскую» направленность; среди поволжских татар, ставших в авангарде указанного движения, стал «нарождаться сознательный национализм, стремящийся к обеспечению своего культурного влияния» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4728. Л. 23) не только на тюркские, но и на другие народы России. Предлагаемые для противодействия указанному влиянию меры на территории Поволжья были разделены на три группы: административные, духовно-просветительские, культурно-просветительские. Последняя из них касалась школьной политики в отношении татар-мусульман.

Формирование новых подходов к конфессиональным учебным заведениям татар было связано с возобладавшим в правительственных кругах утверждением, что татары для достижения национальных интересов и проведения своего влияния среди других этносов используют реорганизуемую на общеобразовательных началах школу. Поэтому участники Совещания, резко выступили за недопущение реформирования религиозных учебных заведений и провели четкую грань между образованием конфессиональным и светским. Основываясь на том, что общеобразовательная школа может быть только государственной, участники Совещания предложили преобразовать татарские новометодные школы на общих основаниях в частные учебные заведения. В свою очередь, традиционные учебные заведения в результате исключения из их программы общеобразовательных дисциплин вводились в узко конфессио-

нальные рамки. Исходя из того, что именно классы русского языка при мусульманских школах дали татарам основание предполагать, что духовная школа может быть преобразована в общеобразовательную, участники Совещания пришли к заключению о необходимости закрыть существующие русские классы и впредь не допускать их открытия (Из истории национальной политики царизма, 1929, с. 63). Это демонстрировало отступление правительства от практики сближения татарских школ с государственными общеобразовательными учебными заведениями (Фархшатов, 2000, с. 75).

Направленное в Совет министров подготовленное на основе резолюций Совещания представление (Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.), 2006, с. 318–337) в результате изменения названия («О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому влиянию среди мусульманского населения») приобрело иную «окраску». Теперь рекомендуемые меры обуславливались необходимостью защитить татаро-мусульманское население Поволжья от влияния панисламизма и пантюркизма (Махмутова, 1998, с. 31). Однако и в таком виде решения Совещания 1910 г. не получили законодательное оформление, что, возможно, было связано со смертью координатора курса П.А. Столыпина. Тем не менее, последствием возобладавшего на Совещании отрицательного отношения к новометодным школам стал переход местных властей к активным действиям по отношению джадидистским учебным заведениям, вылившийся в закрытие некоторых учебных заведений и преследование учителей.

При МНП в период с 30 ноября 1910 г. по 14 декабря 1911 г. работало межведомственное «Совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения». Председателем был назначен заместитель министра народного просвещения Л.А. Георгиевский. Проведение Совещания также было инициировано П.А. Столыпиным. Вопросы организации и функционирования русско-татарских школ рассматривались в качестве структурных составляющих следующих тематических отделов Совещания: об употреблении в школах инородческих языков; об учебниках на инородческих языках; о преподавании вероучения; об организации надзора за инородческими и инославными учебными заведениями (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 52). Резолюции Совещания были сформированы в соответствии со следующими основополагающими принципами: необходимость ведения всеобщего начального образования; создание для ино-

родцев благоприятных условий обучения в государственной школе; определение должного положения русского языка как государственного во всех учебных заведениях империи; передача решения некоторых школьных вопросов общественным структурам (уездные и губернские училищные советы, советы при учебных заведениях и при попечителях округов) (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 50 об.–51 об.).

Вопрос об использовании в процессе обучения в русско-национальных школах «природных» языков разделил участников Совещания на два лагеря. Одна из них высказалась за недопущение в образовательную сферу языков коренных народов. Другая считала, что исключение родного языка из начальной школы противоречило педагогическим задачам и могло привести к потере интереса коренных народов к школам нового типа, что в свою очередь, стимулировало бы «совершенно ускользающее от правительственного контроля и наблюдения тайное обучение» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 52). Исходя из этого, большинство участников Совещания поддержали проект МНП, согласно которому для «инородцев», не знавших русский язык, родной язык допускался в качестве «подсобного средства» в период от 1 до 2 года обучения в зависимости от темпов усвоения ими русского языка. При сохранении статуса родного языка как предмета преподавания, устанавливались следующие ограничения: часы, отводимые на родной язык, не должны были превышать учебную нагрузку по русскому языку; предметом изучения являлись языки народов, имевших письменность и литературу (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 55). Участники Совещания рекомендовали издавать за счет казенных средств учебники по татарскому языку, рецензирование учебников для русско-татарских школ передать из ведения местных структур МНП (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 67).

Пытаясь предотвратить возможность уклонения мусульманского духовенства от преподавания основ ислама в русско-татарских училищах, Совещание рекомендовало разрешить преподавание вероучения вне школы только в том случае, если таковое будет производиться духовным лицом или его заместителем в школе. Более того, преподавание вероучения духовными лицами должно было осуществляться во всех государственных учебных заведениях, которые располагались на территории их приходов и имели в составе учащихся мусульман (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 69). Вероучителя должны были иметь образовательный ценз не ниже преподавателя начальных училищ, но в первое время допускались лица и без специальной педагогической подготовки.

С одной стороны, преподавание мусульманского вероучения было нацелено на привлечение мусульманских народов в государственные школы, с другой – устанавливало контроль над формированием определенных религиозно-этических норм у учащихся. При сохранении права контроля над преподаванием религиозных дисциплин за училищной инспекцией, представителю мусульманского духовенства предоставлялась возможность наблюдать за качеством и порядком обучения основ ислама путем посещения уроков и присутствия на экзаменах, особенно, в случае обучения ему светским лицом (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 71 об.). Эти предложения осуществлены не были.

Конфессиональные учебные заведения, в том числе мусульманские, были условно разделены на: «конфессиональные общеобразовательные» с преподаванием общеобразовательных и религиозных предметов, «вероучительные» и «вероучительные, подготавливающие законоучителей и вероучителей» (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 75). Признав конфессиональные школы нежелательными, Совещание допускало их существование только в связи с недостаточностью государственных школ. Было признано нежелательным учреждение конфессиональных школ по принципу этнической общности. В целях противодействия «татаризации», при обучении в мектебе и медресе должен был использоваться родной язык (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 99 об.).

Участники Совещания высказались за развитие частных «конфессиональных общеобразовательных школ повышенного типа», где основательное обучение русскому языку могло, по их мнению, ослабить фанатизм мусульман и приблизить их к русской культуре. В связи с экономическими интересами государства, разрешались частные «конфессиональные профессиональные» училища, за исключением технических и железнодорожных (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 76 об.).

При выработке механизмов контроля, власти основывались на количественных данных о мектебе и медресе. В связи с относительно небольшим числом медресе наблюдение за ними возлагалось на инспекторов народных училищ. Надзор за многочисленными мектебе передавался особым инспекторам, которые должны были ограничиться лишь внешним наблюдением.

14 июня 1913 г. министром народного просвещения Л.А. Кассо были утверждены «Правила о начальных училищах для инородцев», в котором были учтены некоторые рекомендации «Совещания по вопросу о

постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения».

В апреле-мае 1914 г. при МВД состоялось межведомственное «Совещание по делам мусульман» под председательством заместителя министра И.И. Золотарева.

Во главу своих рассуждений участники поставили тезис о том, что не прижившиеся среди российских мусульман идеи панисламизма и пантюркизма, начали активно вытесняться движением пантатаризма, во главе которого стояли казанские татары, а Казанская губерния стала центром распространения этого явления (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 122 об.–125).

Ведущее место в деле распространении указанного движения, по мнению властей, принадлежало татарской новометодной школе. Совещание 1914 г., высказавшись за недопустимость «уклонения мусульманских школ в сторону общеобразовательную» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 351 об.), несмотря на несогласие чиновников МНП, выступило, за усиление надзора над конфессиональными школами путем увеличения размеров заработной платы инспекторам народных училищ, владеющим языками коренных народов (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 357 об.). Среди остальных мер, направленных на «упорядочение» школьного дела мусульман были названы такие неоднократно повторявшиеся властями требования, как: запрет на использование в мектебе и медресе изданных заграницей учебников; недопущение к преподавательской деятельности иностранных подданных или лиц, получивших образование заграницей. Особое внимание было обращено на отсутствие в татарских мектебе и медресе официально одобренных программ преподавания.

В тесной связи с отмеченным выше вопросом стояла проблема регламентации положения мусульманского духовенства. При этом чиновники утверждали, что «до возникновения новометодной школы преобладание татар в магометанском духовенстве не угрожало в особой степени интересам русской государственности» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 135 об.–136). Более того, на основании изучения результатов ревизии ОМДС, чиновники окончательно убедились в том, что оно поддерживает новометодное направление. В пользу указанного факта также свидетельствовал перечень общеобразовательных предметов, рекомендованный Собранием духовенству для преподавания в мектебе и медресе (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 209 об.–210 об., 237 об.). В свою очередь, участвовавшие в работе Совещания мусульманские духовные лица, предло-

жив ограничить обучение в мусульманских школах религиозными дисциплинами, утвердили консервативные круги во мнении, что в программу традиционных школ мусульман необходимо включить только те предметы, которые имеют конфессиональный характер или «соприкасаются с ними ближайшим образом … как, например, арифметика и элементы астрономии» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 212–212 об.).

Объектом особого внимания Совещания стало участие земств в субсидировании мусульманских учебных заведений. Было предложено земствам прекратить финансировать мектебе и медресе независимо от метода преподавания и программы обучения (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 359). В дальнейшем, император указом от 30 ноября 1915 г., подчеркнув, что земства могут заботиться «о развитии средств народного образования лишь в смысле распространения среди местного населения грамоты и образования на языке государственном» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 467. Л. 413), практически, лишал конфессиональные школы татар материальной поддержки со стороны органов земского самоуправления.

Совещание пришло к выводу, что «параллельно с изучением русского языка (среди татар – *Ч.С.*) начинает развиваться известный радикализм и рушится их прежнее строго консервативное политическое направление» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 76. Л. 309). Отмеченный тезис аргументировался тем, что «именно передовые мусульманские деятели и прогрессивная мусульманская печать не только не являются противниками русской образованности, но, наоборот, стараются всячески убедить своих единоверцев в необходимости для них изучать русский язык и даже отдавать детей в русские школы» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 76. Л. 309). Таким образом, на Совещании 1914 г. четко обозначились новые позиции власти относительно необходимости изучения русского языка татарами, которые шли вразрез с курсом школьной политики, проводимой правительством со второй половины XIX в.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что в начале XX в. вопросы школьного образования мусульманских народов активно обсуждались на межведомственных особых Совещаниях. Среди участников Совещаний наблюдались различные точки зрения на вопросы управления и функционирования русско-татарских школ, мектебе и медресе, реформирования последних в джадидистские учебные заведения.

Многие из решений Особых совещаний (1905, 1910–1911 гг. при МНП) реализовались в «Правилах» 1906, 1907, 1913 гг., регулировавших школьную жизнь татар. Ряд резолюций Совещания 1910 г. при Ми-

нистерстве внутренних дел стали негласной инструкцией для местных административных и учебных властей в борьбе с новометодной школой и прогрессивными педагогами. Выводы Совещания 1914 г. при Министерстве внутренних дел о целесообразности распространения русского языка среди татар поставили вопрос о правильности, с точки зрения интересов государства, школьной политики, проводимой им со второй половины XIX в.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4728.*
2. *НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 17114.*
3. *РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 35.*
4. *РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524.*
5. *РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 76.*
6. *РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 467.*
7. *РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576.*
8. *Из истории национальной политики царизма* // Красный архив. 1929. № 36. С. 61–83.
9. *Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)*: Сб. матер. / сост. Д.Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 480 с.
10. *Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев.* СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. 366 с.
11. *Махмутова* А.Х. П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 3/4. С. 68–87.
12. *Фархшатов* М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917). Уфа: Гилем, 2000. 259 с.

Саматова Чулпан Хамитовна – кандидат исторических наук, доцент Казанского кооперативного института (г. Казань); e-mail: chulpan-samatova@mail.ru

Samatova Chulpan Khamitovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Kazan Cooperative Institute (Kazan)

УДК 908 (470.42)

О.А. Свешникова

Программа огнестойкого строительства Симбирского губернского земства и ее реализация (1910-е гг.)

Статья посвящена вопросам земского огнестойкого строительства в Симбирской губернии в начале XX столетия: открытие завода по изготовлению огнеупорных материалов, в том числе прошедшего испытание опытным путем и впервые применяемого в строительстве на территории Симбирской губернии, изобретенного местным архитектором Ф.О. Ливчаком «бетонного пустотелого камня системы инженера Ф.О. Ливчака»; открытие первого в Поволжье специализированного профильного учебного заведения – школы огнестойкого строительства; деятельность отдела огнестойкого строительства губернской земской управы; проекты на постройку зданий из бетонных блоков и их осуществление; роль гражданского инженера Ф.О. Ливчака в реализации и пропаганде огнестойкого строительства; «Правила содействия Симбирского Губернского Земства населению Симбирской губернии по распространению огнестойких построек и крыш»; земские чтения-беседы и курсы для крестьянского населения Симбирской губернии.

Ключевые слова: бетонный пустотелый камень, Ливчак, Симбирское губернское земство, школа огнестойкого строительства.

O.A. Sveshnikova

The Program of fire-resistant building construction of the Simbirsk province' "zemstvo" and its implementation (1910s)

The article is devoted to questions of "Zemstvo"'s fire-resistant construction in the Simbirsk province in the early twentieth century: the opening of the plant for production of refractory materials, including those passed test empirically and for the first time used in construction on the territory of the Simbirsk province, which was invented by a local architect F.O. Livchak "concrete hollow stone of the system of engineer F.O. Livchak; opening of the first in the Volga region foundation of a fireproof materials manufacturing plant, using technology of specialized "School of fire-resistant construction" – the school of fire-resistant construction; activity of the Department of fire resistant construction of the provincial authorities; projects for the construction of buildings from concrete blocks and their implementation; the role of civil engineer F.O. Livchak in the implementation and promotion of fire-resistant construction; "Rules for the assistance

by the Simbirsk Provincial “Zemstvo” to the population of the Simbirsk province for to spread fireproof structures and roofs"; “Zemstvo”’s readings-conversations and courses for the peasant population of the Simbirsk province.

Keywords: concrete hollow stone, Livchak, the Simbirsk province’ “zemstvo”, school of fire-resistant construction.

В Симбирской губернии земское самоуправление было введено на основе «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. Первое губернское земское собрание – распорядительный орган земского самоуправления губернии было созвано в марте 1866 г. На нем была избрана губернская земская управа – исполнительный орган земского самоуправления (ликвидирована в 1918 г.).

Земство занималось различными хозяйственными вопросами, вопросами образования, здравоохранения, страхования. Главным видом земского страхования было страхование строений от огня.

Во все времена настоящим бедствием в России были пожары, Симбирская губерния не была исключением, более всего от этого страдали сельские поселения. Кроме организации страхования от пожаров земство особое место отводило противопожарным предупредительным мерам, главная роль отводилась огнестойкому строительству, которое наиболее интенсивно стало развиваться в начале XX столетия.

«Совсем особое и самое важное место занимает среди противопожарных мер земства огнестойкое строительство. Начавшись со скромных опытов, скорее даже поисков строительных материалов и типов сооружений, подходящих для деревни по своей дешевизне, прочности, простоте устройства и огнеупорности, огнестойкое строительство за последние годы вырастает в мероприятие огромного значения. Огнестойкому строительству по справедливости принадлежит будущее, в нем найдено средство защиты деревни от пожарных бедствий, огнестойкое строительство представляет выход из создавшегося тупика между недостатком земли растущему населению и старым типом строительства» (Симбирское Губернское Земство, 1914, с. 182). С 1911 г. помощь земству в деле огнестойкого строительства, в том числе и материальную, стало оказывать правительство, посчитав его делом общегосударственного значения.

Одним из инициаторов огнестойкого строительства в Симбирской губернии был гражданский инженер Федор Осипович (Иосифович) Ливчак (1878–1919), занимавший в 1906–1910 гг. должность городского архитектора, с 1910 по 1918 год – заведующий строительным отделом

Симбирского губернского земства. При его непосредственном участии в 1910 г. была разработана и принята программа огнестойкого строительства в губернии. Сотрудничество по данному вопросу с земством Ливчак начал еще в 1908 г. К тому времени на территории Александровского сада при губернской земской Александровской больнице уже работала возглавляемая им земская лаборатория для испытания огнестойкого строительного материала. Здесь же начали выпускать «бетонный пустотелый камень системы Ливчака», для изготовления которого Ливчак сконструировал специальный станок. «Бетонный камень» представлял собой прочный, простой по выработке и кладке материал и был доступен по стоимости, прежде всего, сельскому жителю.

Первыми экспериментальными постройками из бетонных блоков стали один из больничных корпусов на сорок мест и ледник, выстроенные в период 1908–1909 гг. на территории земской психиатрической лечебницы – Карамзинская колония для душевнобольных.

В 1909 г. Ф.О. Ливчак принимал участие в Казанской международной выставке, где экспонировал станки для выделки бетонных камней и образцы пустотелого камня, был награжден малой серебряной медалью.

В начале декабря 1909 г. в губернском земском собрании был озвучен доклад о постройке бетонного завода. В июне следующего года на участке Губернской земской больницы по Садовой улице (ныне ул. Кирова), недалеко от здания лаборатории были начато и закончено в текущем строительном сезоне строительство специализированного здания цементно-бетонного завода Симбирского губернского земства. На заводе изготавливались «бетонно-пустотелый камень системы инж. Ливчака («восьми- и девятидырчатые разрезные»), напольная плитка различных рисунков, тротуарная плитка, бетонные и мозаично-мраморные ступени, цементно-песочная черепица «Симплекс» и других систем, водопроводные и канализационные трубы, резервуары, колодцы, дымовые трубы, железобетонные сваи, мостовые балки, мозаичные и бетонные подоконники, железобетонные оконные рамы и пр.» (Там же, с. 88). В 1911 г. в дополнение к работающему заводу, Ливчаком был построен на свои средства и дотации губернского земства собственный завод по производству бетонных блоков на участке за волжской протокой Чувич.

В 1910–1911 гг. земская управа активно приступила к реализации программы огнестойкого строительства. По разработанным Ф.О. Ливчаком проектам появляется целый ряд опытных показательных построек с применением строительного материала – «бетонный пустотелый ка-

мень». Так, здание электростанции, построенное на территории губернской земской больницы, «дважды подвергалось действию огня; первый раз во время постройки, второй раз в 1912 г., причем оба раза после пожара корпус здания не дал дефектов разрушения (Бетонный пустотелый камень…, 1912, с. 19). В течении одного строительного сезона (июнь – ноябрь 1911 г.) строится еще одно больничное здание – дом-особняк старшего врача больницы (здесь проводилась практическая проверка коэффициента теплопроводности стен).

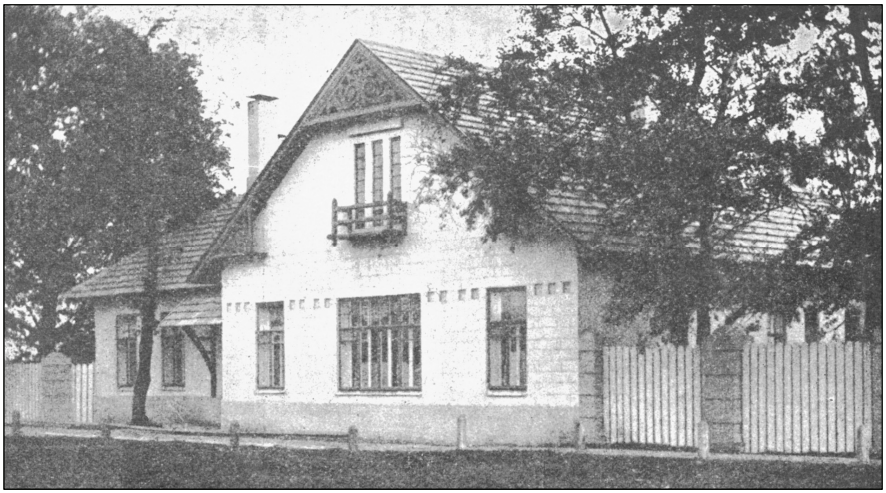

Рис. 1. Дом-особняк старшего врача Симбирской губернской земской больницы. Арх. Ф.О. Ливчак. 1911 г. Фото 1912 г.

Среди первых жилых «пробных» построек можно назвать «частный дом городского типа на две квартиры» дворянки В.Н. Зверевой на Комиссариатской улице (ныне ул. Кузнецова, 10), «Проект на постройку каменного из бетонных пустотелых камней дома на месте принадлежавшем Варваре Никитичне Зверевой в 1-й части г. Симбирска по ул. Комиссариатской» (разработал Ф.О. Ливчак в 1911 г.) (ГАУО. Ф. 137. Оп. 26. Д. 308) и доходный дом князей Ухтомских (арх. Ливчак) на улице Покровской (ныне ул. Льва Толстого, 30).

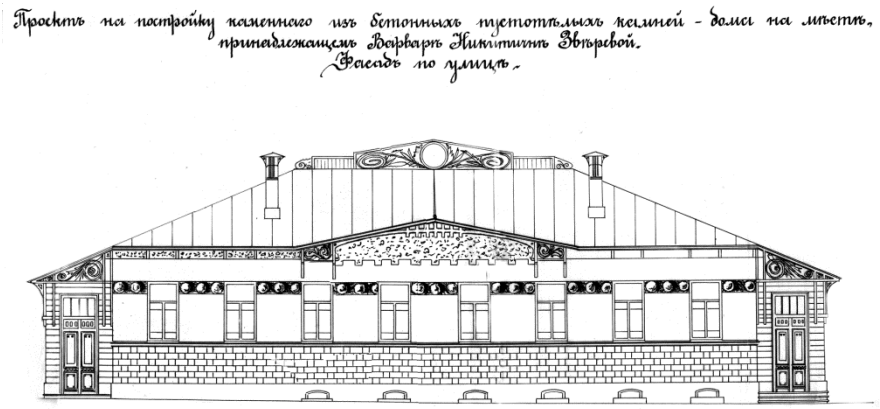

Рис. 2. Чертеж фасада дома В.Н. Зверевой на Комиссариатской улице. Арх. Ф.О. Ливчак. 1911 г.

В газете «Симбирянин» за 12 июня 1911 г. сообщалось, что «вчера состоялась закладка обширного дома кн. Ухтомских по Покровской улице. Дом этот будет возводиться из цементно-песочного камня, изготовленного заводом Симбирского губернского земства. Эта постройка … имеет показательный характер, демонстрируя пригодность пустотела при возведении обширных зданий жилого характера». При строительстве использовался «значительно усовершенствованный тип камня весом, наполовину пониженным против 4-х пудового типа пустотела, бывшего прототипом настоящего» (Симбирянин. 1911. 12 июня). Из бетонных блоков было выполнено и ограждение – забор и ворота с металлической решеткой. Руководством и надзором за строительством, завершившимся в 1912 г., непосредственно занимался сам Ф.О. Ливчак. По его же проекту 1912 г. «на постройку каменного из бетонных пустотелых блоков 2-х этажного дома и холодного строения из бетон[ного] к[амня] на месте принадлеж[ащей] Княжне Евгении Николаевне Ухтомской, состоящем в 1й части г. Симбирска по Покровской ул. № 20й» годом позже на усадьбе Ухтомских, появилось еще одно здание (ныне ул. Льва Толстого, 28) (ГАУО. Ф. 137. Оп. 27. Д. 441).

Рис. 3. Частный доходный дом городского типа князей Ухтомских на Покровской улице. Арх. Ф.О. Ливчак. 1911–1912 гг. Фото 1910-х гг.

Изделия земского цементно-бетонного завода пользовались большим спросом самых различных общественных учреждений: прежде всего, это сама губернская земская управа, уездные земские управы, губернская земская больница, Карамзинская колония для душевнобольных, общество Красный крест, ремесленное училище им. Лебедева, естественно-исторический музей, управление Волго-Бугульминской железной дороги. Кроме того постоянно росло число заказчиков продукции завода среди частных лиц.

В октябре 1910 г. губернская управа в связи с тем, что в губернии открыт и работает завод по изготовлению строительных огнеупорных материалов, просит губернское собрание об открытии при заводе специализированное учебное заведение – школу огнестойкого строительства для подготовки мастеров и инструкторов – специалистов по возведению огнестойких построек.

В декабре 1910 г. Ф.О. Ливчак выступил в губернском земском собрании с докладом «Об устройстве школы огнестойкого строительства и распространении огнестойких построек в селениях губернии».

В 1911 г. на территории, закрепленной за цементно-бетонным заводом, по его проекту было построено трехэтажное здание школы. В качестве строительного материала использовался бетонный пустотелый камень. Главным фасадом здание выходило на Садовую улицу (ныне ул. Кирова, 4). Седьмого сентября 1912 г. (по старому стилю) состоялся торжественный молебен по случаю открытия этого специализированного учебного заведения. Основное двухгодичное отделение готовило мастеров по огнестойкому строительству и печному делу, в рамках так называемого краткосрочного обучения давались лишь практические сведения по данному направлению, занятия проводились на испытательной заводской станции, здесь же строили опытные образцовые постройки из бетонного пустотелого камня, за которыми велись наблюдения на предмет их «практичности и пригодности». Одно из таких строений – здание кузницы, строительный материал – камень состава 1 часть цемента на 12 частей балласта (песок с гравием). При школе был создан музей наглядных пособий с образцами глин, песка, горных пород и строительных материалов.

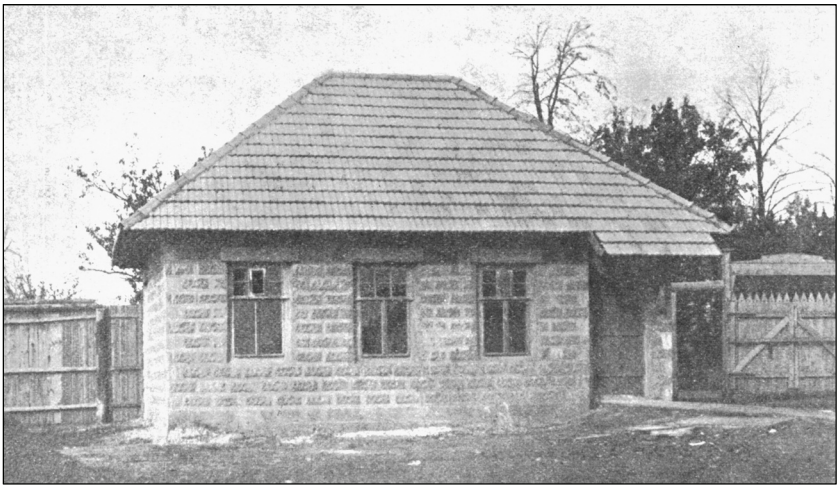

Рис. 4. Опытная (образцовая) постройка. Фото 1910-х гг.

В ноябре 1913 г. площади школьного здания были увеличены за счет двух одноэтажных каменных симметрично расположенных относительного основного объема пристроек, строительство которых началось в мае того же года и продолжалось четыре месяца, по завершении кото-

рого новые помещения сразу же были заселены. Одна предназначалась для квартиры директора, в другой размещалось ученическое общежитие.

Первым заведующим школы был инженер К.А. Панкеев, который на эту должность был рекомендован Санкт-Петербургским институтом гражданских инженеров и прибыл по приглашению в Симбирск в июне 1911 г. (заведовал до сентября 1912 г.). С сентября 1912 г. и до февраля 1915 г. школу возглавлял инженер М.Ю. Пиотровский, последним директором был инженер-технолог К.П. Кривошеин.

В 1913–1914 учебном году в школе обучалось 60 человек, все уроженцы Симбирской губернии. При приеме в школу губернская земская управа руководствовалась принципом представить каждый уезд губернии хотя бы двумя учениками, принимались лица не моложе 18 лет. Занятия проходили с 8 часов утра и до 8 вечера, с двухчасовым обеденным перерывом. Из первого класса во второй перешло 26 учащихся, и только 24 выдержали выпускные экзамены, что было связано со строгими требованиями, предъявляемыми к знаниям учеников: умению толковать и применять на практике полученные теоретические знания, грамотности русского языка, умению разбираться в архитектурных чертежах, составлять небольшие сметы и проекты. Практические навыки отрабатывались в мастерских. Таким образом, первый выпуск в 1914 г. составил 24 человека, по окончании курса все они были приняты на службу в губернское земство на период строительного сезона с пониженным окладом, как обязанные отбыть летнюю строительную практику в качестве инструкторов огнестойкого строительства, целью которой было практическое ознакомление с их будущей деятельностью как со стороны инструктирования огнестойких построек, так и с ведением различных книг и переписки с земскими учреждениями и частными лицами, имеющими отношение к огнестойкому строительству. По окончании практики все были командированы на работы в уезды в качестве специалистов по огнестойкому строительству.

В деятельность школы свои коррективы внесла Первая мировая война. Часть наиболее светлых и теплых помещений школьного здания, а это были учебные классы, управа выделила для размещение раненых на 130 мест. Учебные занятия были переведены в жилые надворные строения, под общежитие специально возвели новую пристройку к зданию завода. Обучение в школе не давало отсрочку от мобилизации на военную службу, поэтому половину учеников второго класса в 1915–1916 учебном году было призвано в армию, по той же причине значительно сократился прием учеников нового набора. Последние имеющиеся на его сегодняшний день сведения о школе и о заводе относятся к 1917 г.

Вопросом «безопасных построек в пожарном отношении» и огнестойкими строительными материалами Ф.О. Ливчак занимался еще, будучи студентом (1900–1904) Санкт-Петербургского института гражданских инженеров императора Николая I. В 1906 г. в Санкт-Петербурге была издана его работа «Образцовая смета на постройку жилого каменного дома и сравнительная – постройку того же здания из бетонитовых камней. С приложением конкретных чертежей и справочных цен по С.-Петербургу. Справочная книжка и руководство к составлению смет для техников, строителей и студентов». Ливчак неоднократно выступал на съездах по огнестойкому строительству – в Ярославле и Петербурге, участвовал в местных губернских земских выставках, в ежегодной ярмарке в Нижнем Новгороде, тем самым всячески рекламировал огнестойкие и огнеупорные материалы. Он пропагандировал огнестойкое строительство. Так, в 1910 г. он выступил с докладом «О применении пустотелых камней как материала для сельских построек» на XIII съезде русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу. В 1911 г. в Симбирске была отпечатана брошюра Ливчака «Бетонный пустотелый камень и способ его выработки по системе автора». В 1912 г. в Симбирске вышла его книга «Бетонный пустотелый камень, станок для выработки его и кладка из него стен зданий. Система инж. Ф.О. Ливчака», в 1914 г. в Санкт-Петербурге было опубликовано ее переработанное и дополненное издание. Все публикации содержали богатый теоретический материал с подробным описанием самого огнестойкого строительного материала и инструкциями по его применению, а также чертежи и таблицы, были хорошо проиллюстрированы рисунками и фотографиями. Последняя работа Ливчака датирована 1918 годом – «Описание станка-формы для выделки ячеист-пустотелых камней для применения деревянных подкладок».

Проведение всех мероприятий по огнестойкому строительству возлагалось на особый отдел губернской управы – отдел огнестойкого строительства («Огнестойкий отдел»), окончательно сформированный в 1913 г. Возглавлял его инженер, в круг обязанностей которого входило заведывание школой, школьным музеем и лабораторией, бетонным заводом (мастерской) при школе, он же проводит лабораторные исследования качества строительных материалов для нужд земства и следит за качеством вырабатываемой заводом продукции[1]. В 1915 г. отдел воз-

[1] Отдел, в свою очередь, делился на два подотдела: бюро при управе и кадры работников в уездах. В обязанности бюро входили взаимодействие по вопросам огнестойкого строительства с различными учреждениями: главным уп-

главлял директор школы огнестойкого строительства К.П. Кривошеин. Помощниками заведующего были два техника, один из которых занимался делопроизводством и отчетами, другой – производственными вопросами в земских мастерских. На местах в каждом уезде было по одному технику. Техник отвечал за наем мастеров всех специальностей по огнестойким постройкам, за распределение работ и составление смет, за проведение бесед с крестьянами по пропаганде огнестойкого строительства. В помощь ему были приставлены два или три инструктора, окончивших курс школы огнестойкого строительства.

Каждый год разрабатывались «Правила содействия Симбирского Губернского Земства населению Симбирской губернии по распространению огнестойких построек и крыш» (Доклады…, 1915).

Губернская управа большое значение придавала пропаганде знаний в области огнеупорного строительства, для крестьян устраивались специальные чтения-беседы в 1913 г. – в 36, в 1914 г. – в 139-ти селениях губернии (Там же, с. 40). Чтения проводились и на хуторских хозяйствах, и в земских, иногда церковно-приходских школах либо в волостных правлениях. Приблизительно их посетило 12550–13465 человек. Крестьянам раздавалась популярная литература, брошюры, в которых говорилось о премировании земством огнестойких построек в сельской местности. Земством, устраивались курсы, на которые приглашали всех желающих. На курсах проводились теоретические и практические занятия, руководили курсами и курсовыми постройками техники, помощниками назначались лучшие ученики школы огнестойкого строительства, принимались лица крестьянского сословия Симбирской губернии в возрасте не моложе 20 лет, физически сильные, предпочтение отдавалось грамотным. В 1910–1913 гг. было обучено свыше двухсот мастеров, что «содействовало устройству огнеупорных построек и десятков тысяч квадратных сажен огнеупорных крыш в селениях губернии. Деятельность эта уже не может быть названа опытом: популяризация огнестойкого строительства ведется настолько широко, что недалеко то время, когда личные опыт и наблюдение каждому крестьянину подскажут, что устройством огнестойких хозяйственных зданий или крыш он защитится от угрозы пожара и разорения» (Там же, с. 183). Показательное строительство земства было лучшей агитацией огнестойкого строительства, к 1914 г. были селения, где до 25 процентов от общего числа построек были огнестойкие.

равлением землеустройства и земледелия, земскими управами, землеустроительными комиссиями, частными лицами, а также денежные вопросы.

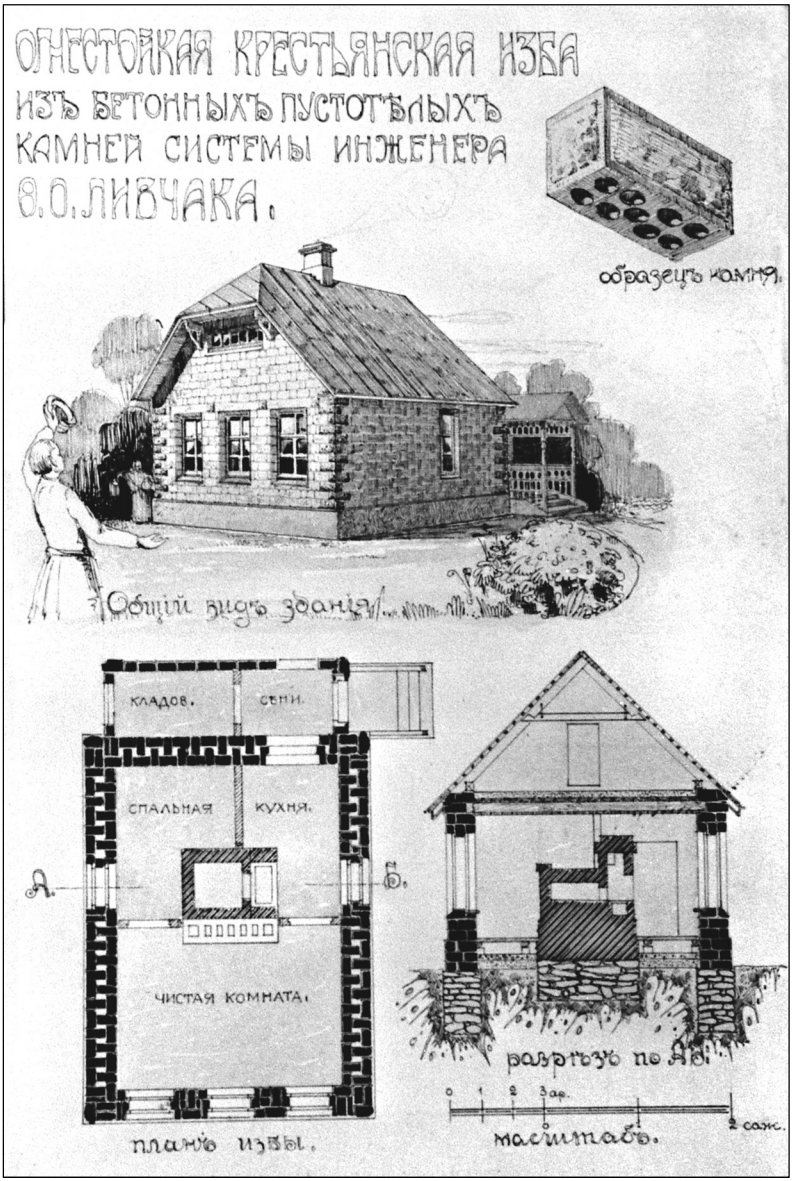

Рис. 5. Огнестойкая крестьянская изба. Проект. Арх. Ф.О. Ливчак. 1918 г.

Одно из последних значимых мероприятий губернского земства в деле огнестойкого строительства – открытие в 1915 г. первого в Симбирской губернии завода по выработке местного цемента (до этого цемент использовался привозной), построенного земством на берегу Волги близ уездного города Сенгилея.

Источники и литература

1. *ГАУО*. Ф. 46. Оп. 4. Д. 377. Дело о распространении огнеупорного строительства среди крестьянского населения в уездах. 1910 г.

2. *ГАУО*. Ф. 46. Оп. 4. Д. 459. Документы по поставке стройматериалов и оборудования для огнестойкого строительства (журналы, заявления, счета). 1911 г.

3. *ГАУО*. Ф. 46. Оп. 4. Д. 518. Проекты по огнестойкому строительству на 1913 г. 1912 г.

4. *ГАУО*. Ф. 46. Оп. 4. Д. 542. Журналы и документы губернской земской управы и переписка о развитии огнестойкого строительства. 1913 г.

5. *ГАУО*. Ф. 46. Оп. 4. Д. 548. Сметы на опытные постройки при школе огнестойкого строительства. 1913 г.

6. *ГАУО*. Ф. 46. Оп. 12. Д. 200. Исполнительная ведомость на опытные постройки зданий при школе огнестойкого строительства. 1911 г.

7. *ГАУО*. Ф. 137. Оп. 26. Д. 308. Дело о разрешении на постройку В.Н. Зверевой по Комиссариатской улице. 1911 г.

8. *ГАУО*. Ф. 137. Оп. 27. Д. 441. Дело о разрешении на постройку Е.Н. Ухтомской на Покровской улице. 1912 г.

9. Бетонный пустотелый камень. Станок для выработки его. Кладка из него стен зданий системы инженера Ф.О. Ливчака. Симбирск. Типография А.П. Балакирщикова, 1912.

10. Бетонный пустотелый камень системы инж. Ф.О. Ливчака // Журнал «Зодчий». 1914 г. № 7, 8

11. Бетонный пустотелый камень. Станок для выработки его. Кладка из него стен зданий. Система инженера Ф.О. Ливчака. 2-е исправленное и значительно дополненное издание. СПб., 1914.

12. *Газета «Симбирянин»* за 1909, 1910, 1911 гг.

13. *Доклады* Симбирской Губернской Земской Управы и постановления Очередного Губернского Земского Собрания сессии 1914 года по огнестойкому строительству, о школе сельского огнестойкого строительства и по цементно-бетонному заводу. Симбирск. Типо-литог. Губерн. Правления, 1915.

14. *Доклады* Симбирской Губернской Земской Управы Очередному Губернскому Земскому Собранию сессии 1915 года по огнестойкому строительству, о школе сельского огнестойкого строительства и по цементно-бетонному заводу. Симбирск. Типо-литог. Губерн. Правления, 1916.

15. *Касаткина* С.С., *Свешникова* О.А. Федор Ливчак. Серия «Мастера архитектуры Симбирска». Ульяновск. Типография Облучинского, 2006.

16. *Ливчак* Ф.О. О применении пустотелых камней как материала для сельских построек // Журнал «Зодчий». 1910. № 15.

17. *Ливчак* Ф.О. Бетонный пустотелый камень и способ его выработки по системе автора. Симбирск, типография А.Т. Токарева, 1911.

18. *Ливчак* Ф.О. Описание станка-формы для выделки ячеист-пустотелых камней для применения деревянных подкладок. Симбирск, 1918.

19. *Лямин* И.В. Ф.О. Ливчак в Симбирске. Краеведческие записки. Вып. VII. Ульяновск, 1987.

20. *Образцовая* смета на постройку жилого каменного дома и сравнительная – постройку того же здания из бетонитовых камней. С приложением конкретных чертежей и справочных цен по С.-Петербургу. Справочная книжка и руководство к составлению смет для техников, строителей и студентов. Составил гражданский инженер Ф.О. Ливчак. СПб., 1906.

21. *Симбирское* Губернское Земство. Юбилейный Сборник 1864–1914 г. Симбирск. Типография А.П. Балакирщикова, 1914.

22. *Справочная* книжка и Адрес календарь Симбирской губернии на 1912 г. Симбирск, 1912 г.

Свешникова Ольга Алексеевна – председатель совета Ульяновского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) (г. Ульяновск); e-mail: sveshnikova@mail.ru

Sveshnikova Olga Alekseevna – Chairman of the Ulyanovsk's regional Department of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIiK) (Ulyanovsk)

УДК 94

О.Н. Сенюткина

Документы Нижегородского губернского жандармского управления как источник по истории нижегородских татар-мусульман начала XX века

На материалах Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) автор анализирует возможности освещения истории нижегородских татар с опорой на документы Нижегородского губернского жандармского управления. Выявляется суть понимания «мусульманского вопроса» на уровне местных провинциальных спецслужб.

Ключевые слова: НГЖУ, «мусульманский вопрос», нижегородские татары, Нижегородская ярмарка, Всероссийские мусульманские съезды.

O.N. Senyutkina

Documents of Nizhny Novgorod's Provincial gendarmerie as a source on history of Nizhny Novgorod's Tatars-Muslims at early 20th century

On materials of the Central archive of Nizhny Novgorod region (TSANO) the author analyzes the possibility of lighting the history of Nizhny Novgorod's Tatars relying on documents of the Nizhny Novgorod Provincial gendarmerie. Revealed the essence of understanding the "Muslim question" at the level of local provincial security forces.

Keywords: NGGU, "The Muslim question", the Nizhny Novgorod's Tatars, the Fair of Nizhny Novgorod, All-Russian Muslim congresses.

Цель статьи – исследовать, какое место среди других вопросов, взятых на контроль органами российских спецслужб, занимал «мусульманский вопрос», каков был, по сути, этот вопрос для Нижегородского губернского жандармского управления начала XX в.

Исторические источники, взятые для изучения автором статьи, представляют собой документы, вышедшие из недр специальных структур. Функции интересующих нас органов сводились, прежде всего, к охране государственного строя и обеспечению правопорядка. Речь идет о политическом сыске, который в полную силу начинает свою историю в 1827 г., что связано с выходом «Положения о корпусе жандармов». Нижегородские жандармы входили сначала в Казанский жандармский округ. Положением от 9 сентября 1867 г. отделение нижегородского гу-

бернского штаб-офицера Корпуса жандармов было переименовано в Нижегородское губернское жандармское управление. С 1880 г. оно подчинялось Департаменту полиции Министерства внутренних дел.

Отметим, что «мусульманский вопрос» как предмет, интересующий спецслужбы, был осознан не сразу. Должны были сложиться соответствующие объективные предпосылки, чтобы власть почувствовала опасность, идущую от активизации «исламского фактора».

Усилению внимания к подданным мусульманам способствовала модернизация России в царствование Александра III, связанная, в свою очередь, с убыстрением темпов развития капитализма. Кроме того, ассимиляторская политика элиты того времени вызывала недовольство нерусского населения страны и также заставляла власть задумываться над методами укрепления государственного аппарата и системы сохранения политического режима.

Историк И.К. Загидуллин справедливо отмечает применительно к концу XIX – началу XX вв.: «Генеральной линией самодержавия явилось стремление установить контроль над религиозной жизнью и культурным развитием народов. Это выразилось, прежде всего, в установлении правительственного надзора над национально-конфессиональными учебными заведениями» («Национальный вопрос…», 2009, с. 8).

Но по мере политизации общественной жизни внимание к нерусским этносам, в том числе к татарам-мишарям Нижегородской губернии, становилось все более заметным и не только в сфере образовательной деятельности. Этот интерес провоцировался объективными обстоятельствами жизни российского общества и внешнеполитической обстановкой. Что касается татар Нижегородчины, то второй фактор явно превалировал над первым, о чем речь пойдет ниже.

В структуре МВД «мусульманским вопросом» занимались департаменты духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) и полиции (ДП). Революция 1905–1907 гг. задала особый тон всей этой работе, значительно активизировав ее.

Свои основные функции Департамент полиции (ДП) и его особый отдел осуществляли через подведомственные им местные учреждения. Ими были, в первую очередь, губернские жандармские управления (ГЖУ), областные жандармские управления (ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж.д.), розыскные пункты (часть которых была впоследствии переименована в охранные отделения), районные охранные отделения (РОО 1907–1914). С осени 1902 г. во многих городах создаются розыскные пункты и охранные отделения

– за ГЖУ осталось производство дознаний по политическим делам, а политический розыск перешел в ОО (охранные отделения).

В Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) отложились документы жандармских органов, прежде всего, интересующих нас местного ГЖУ, управлений на транспорте и охранного отделения (Фонды 1864, 916, 918 и др.).

В контексте статьи весьма интересны научные монографии М.Алексеева (Алексеев, 1998, с. 108–226) и З.И. Перегудовой (Перегудова, 2000, с. 8), посвященные общим вопросам политического сыска в России. Кроме того, следует отметить тот интерес, который возникает к рассматриваемой тематике и утоляется благодаря содержательным просторам Интернета (Радьков; История Нижегородской охранки).

Что же касается отражения темы в историко-краеведческих работах, то историю развития жандармских подразделений и краткую общую характеристику деятельности этих структур дал исследователь Г.Д. Рыжаков в своей научной статье (Рыжаков, 2008, с. 128). Он уделил особое внимание тем условиям, в которых существовали сами спецорганы. В статье был сделан вывод о том, что государственный аппарат оказался неспособным оперативно реагировать на изменения в обществе, что предопределило, в конечном итоге, крушение самодержавия. Мусульманские сюжеты не были предметом интереса автора.

К фондам 916 и 918 ЦАНО впервые обратился в этом ракурсе историк С.Б. Сенюткин (Сенюткин, 2001, с. 312–318), связавший деятельность местного ГЖУ с общественно-политической активностью российских мусульман на Нижегородской ярмарке. Тема была развита и показана на широком российском фоне в монографии О.Н. Сенюткиной (Сенюткина, 2007).

Нам важна, в первую очередь, подборка архивных документов, отражающая работу российских правоохранительных органов – ГЖУ и ОО «в отношении к деятельности панисламистского движения в империи и за ее пределами». В них достаточно полно представлена деловая переписка разных государственных инстанций «по вопросам панисламизма»: переписка различных ГЖУ между собой, с Отдельным корпусом жандармов, охранных отделений друг с другом, с полицмейстерами и старшими унтер-офицерами уездных пунктов. Есть сведения о периодических изданиях тюрок, о настроениях мусульманского населения, о конфискации оружия.

Материалы такого содержания напрямую были связаны с теми задачами, которые решали ГЖУ и ОО: делопроизводство включало в себя политический розыск и охрану государства. Например, по фонду НГЖУ

(918) сохранилось 2948 дел. Это циркуляры ДП, протоколы дознаний по делам политического характера, политические обзоры губернии, розыскные циркуляры ДП, сведения о шпионах и военных разведчиках, списки-справочники на личный состав полиции.

Анализ документов НГЖУ и НОО начала XX века позволяет сделать следующие обобщения. В материалах отражены те же тенденции деятельности спецслужб, которые характерны для всех региональных ГЖУ того времени. Сначала по 1900-м гг. в период до революции отслеживались, в первую очередь, отдельные факты по оскорблению царя со стороны подданных, во время революции – участие в стачках, демонстрациях, митингах, активизация деятельности партий, особенно партии эсеров, выявление производства и использования оружия. И только с 1908 г. в полной мере охранители приступили к изучению мусульманского движения и впоследствии занялись тщательным отслеживанием «панисламизма и пантюркизма».

Источники ГЖУ после 1908 г. можно представить как насыщенные фактическими сведениями о деятельности партии «Иттифак», об образовательном процессе в мусульманской среде России, об отдельных тюркистах и т.п. Дневники агентурных сведений, аналитические записки, информация в вышестоящие инстанции и др. – источниковый формат материалов ГЖУ, в том числе НГЖУ. Находясь в постоянной переписке друг с другом, обмениваясь информацией, ГЖУ оказывали друг другу содействие в наблюдении за отдельными представителями тюркистского движения, за развитием движения в целом. У исследователя есть возможность сопоставления материалов и реконструкции общего процесса развития политического тюркизма.

С 1911 г. ГЖУ начали собирать материал по панисламизму в особые папки в связи с указанием от 25 января 1911 г., сделанным из центра на места: собирать материал об этом течении внутри российского общества. Устанавливалось наблюдение за отдельными лицами и группами, за мусульманской печатью, за проведением собраний, съездов.

Донесения и отчеты осведомителей царского МВД позволяют почерпнуть сведения о тюркистах (факты их биографий, особенности характера и поведения). В ЦАНО в меньшей степени, чем в центральных архивах сохранились дела по проведению обысков и заключению под стражу, по обвинению в пропаганде панисламизма и сборе средств в помощь Турции, воюющей с Россией, об организации «Бреги», о выборах в Государственную Думу. Это объясняется достаточно ярко выраженной политической апатии со стороны местных нижегородских мусульман.

Тем не менее, поступавшие из центра сигналы о шпионаже, проверке политической благонадежности отдельных мусульман, российских и иностранных подданных, в первую очередь, мулл, а также общественных деятелей из тюркской среды, учителей и пр. отложились и в архивных делах на провинциальном уровне.

По «Алфавитным спискам лиц, занимавшихся революционной деятельностью и разыскиваемых ДП» за разные периоды, можно выявить интенсивность внимания спецслужб к тем или иным тюркистам. Среди агентов – персональный информатор П.А. Столыпина, журналист Магомет Хаджет-Лаше, агенты «Борис», «Татарский», «Оренбургский» и др.

Фактически встает вопрос о том, насколько отложившиеся в государственных структурах (ГЖУ, ОО и т.д.) документы односторонни и тенденциозны. Что касается фактов, то они вполне отражают событийную сторону общественно-политической жизни. Если говорить об оценках, то порой они излишне усиливают пристрастие российских мусульман к пантюркизму и панисламизму, уходят от их реального мировидения. Это происходило не от намерений и каких-либо действий по фабрикации «пантюркистских дел», а от недостаточного знания мусульманского мировоззрения, от стремления к последовательному решению задачи по укреплению самодержавного режима. Внимание к «мусульманскому вопросу» со стороны губернаторов, в том числе нижегородских, постоянно возрастало, что прослеживается по интенсивности губернаторских циркуляров.

Если обозначить выводы в сжатом виде, то можно утверждать следующее:

– внимание нижегородских жандармских подразделений, в первую очередь, было приковано не к мусульманам губернии, а к тем общественно-политическим силам, которые проявляли радикальные настроения и по стране в целом и в регионе;

– если это были мусульмане, то, в первую очередь, те, кто имел заграничные связи с единоверцами и возможность влияния на российскую умму;

– внимание спецслужб к местным татарам возникало по распоряжениям из центра в связи с активизацией наиболее активных российских мусульман;

– контакты видных тюркистов начала XX в. с нижегородскими мусульманами были мизерными, однако их значимость была весьма преувеличена впоследствии в ходе политических репрессий периода сталинизма.

Источники и литература

1. *«Национальный вопрос»* в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): Сборник материалов / Сост., авт. вступ. ст. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории Ш. Марджани АН РТ, 2009. 132 с.

2. *Центральный архив Нижегородской области (ГКУ ЦАНО).*

Ф. 916. Нижегородское охранное отделение. 1902–1915.

Ф. 918. Нижегородское губернское жандармское управление. 1821–1928.

Ф. 1864. Штаб-офицер корпуса жандармов Нижегородской губернии. 1842–1865.

3. *Алексеев* М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М.: Изд. дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. С. 108–226.

4. *Перегудова* З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. 412 с.

5. *Радьков* А. Нижегородское охранное отделение [Электронный ресурс]. URL: http://coldwar-nn.ru/wp-content/themes/minezine/files/Rad'kov_AG-Nizhegorodskoye_okhrannoye_otdeleniye.doc (дата обращения: 11.06.2017)

6. *История Нижегородской охранки* – политический сыск // Электронный ресурс Интернет. http://oper-nn.livejournal.com/40959.html (дата обращения: 11.06.2017)

7. *Рыжаков* Д.Г. Жандармские подразделения Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 124–129.

8. *Сенюткин* С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 416 с.

9. *Сенюткина* О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, Изд. Дом «Медина», 2007. 520 с.

Сенюткина Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород); e-mail: senutkina@mail.ru

Senyutkina Olga Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Professor of Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod)

УДК 9(С17):32

Н.С. Сидоренко

Динамика политической жизни на Урале в годы Первой мировой войны и накануне революции 1917 г.

В статье анализируется эволюция политической атмосферы на Урале в годы Первой мировой войны и в канун революции 1917 г. На широком круге источников, в том числе федеральных и региональных архивов, местной периодики представлены сдвиги в организационной структуре и практике деятельности уральских комитетов консервативных, либеральных и социалистических партий. Выявляются основные объективные и субъективные факторы, повлиявшие на сокращение социальной базы правого движения и численности их рядов в годы войны, ослабление воздействия на массовое сознание и поведение населения региона. Характеризуя слабость организационных структур либерального движения на Урале, обращается внимание на попытки их сторонников расширить влияние за счет участия во вновь созданных общественных организациях, работавших на нужды войны (ВПК, ВЗС, ВСГ). Установлена активизация левого течения в уральской кадетской среде, все более ориентировавшейся к поиску контактов с демократическими силами. Отмечены изменения в массовом сознании уральского общества под влиянием тяжести военного времени, оживление деятельности социалистических партий, чьи лозунги и призывы становились идейной основой протестного движения малоимущих групп населения региона. К началу 1917 г. политически активная часть уральского общества все настойчивее проводила идею глубоких преобразований существующего строя как средства решения экономических и социальных проблем.

Ключевые слова: Урал, Первая мировая война, партийная периферия, политические партии и движения, общественно-политический процесс.

N.S. Sidorenko

The dynamics of political life in the Urals in the years of the First World War and on the eve of the revolution of 1917

The article analyzes the evolution of the political atmosphere in the Urals during the years of the World War I and on the eve of the revolution of 1917. Changes in the organizational structure and practice of the activities of the Ural committees of conservative, liberal and socialist parties are presented on a wide range of sources, including federal and regional archives, local periodicals . The

main objective and subjective factors that have affected the reduction of the social base of the right movement and the number of their ranks during the war years, the weakening of the impact on the mass consciousness and behavior of the population of the region are revealed. Describing the weakness of the organizational structures of the liberal movement in the Urals, attention is drawn to the attempts of their supporters to expand their influence through participation in newly created public organizations that worked for war (the military-industrial complex, the VZS, the WSS). Activation of the left stream in the Urals Cadet environment, which was increasingly oriented toward seeking contacts with democratic forces, was established. The changes in the mass consciousness of the Ural society under the influence of the wartime severity, the revival of the activity of the socialist parties, whose slogans and appeals became the ideological basis of the protest movement of the poor groups of the population of the region, are noted. By the beginning of 1917, the politically active part of the Ural society was persistently pursuing the idea of profound transformations of the existing system as a means of solving economic and social problems.

Keywords: the Ural, the World War I, party periphery, political parties and movements, socio-political process.

Изучение истории России начала XX в., включающей в себя ряд проблем, связанных с событиями Первой мировой войны и революции, предполагает исследование не только факторов экономического, социального, но и политического характера. В настоящее время внимание к политическому фактору значительно возросло. Он стал рассматриваться значительно шире, чем на предыдущем этапе отечественной историографии. Сегодня его трактуют через призму политической борьбы различных партий и движений, их влияния на мотивы и поведение людей в сложной, чрезвычайной ситуации.

Наиболее активно данная проблематика развивается в рамках истории политических партий, как на общероссийском, так и на региональном уровне, в том числе на материалах Урала (Нарский, 1995, 366 с.; Сидоренко, 2000, 235 с.; Максимов, Шалагина, 2007, 200 с. и др.). Ряд вопросов нашли отражение в диссертационных исследованиях по истории тыловых территорий в годы Первой мировой войны (Машкова, 2004, 179 с.; Казаковцев, 2007, 222 с.; Рязанский, 2006, 232 с. и др.), что создает предпосылки для более полного и глубокого осмысления революционных событий 1917 г.

В числе наиболее сложных и дискуссионных остается вопрос о влиянии Первой мировой войны на развитие общественно-политиче-

ского процесса. По мнению одних, если бы не война и все страдания и трудности, которые она принесла, то не было бы и Февральской революции, и тем более Октябрьского переворота. Другие утверждают об исторической неизбежности революции, что минимизирует влияние войны. В данной статье предпринята попытка анализа динамики политической жизни одного из крупных регионов страны, военно-экономическое значение которого в условиях Первой мировой войны существенно возросло.

Политическую атмосферу Урала накануне и в начале Первой мировой войны можно охарактеризовать, как относительно устойчивую. В результате сочетания административно-силовых методов и политики реформирования, в регионе поддерживалась политическая стабильность. Доминирующие позиции в политической сфере занимали в 1908–1914 гг. сторонники консерватизма, укрепившие свои позиции в земстве на выборах 1906–1907 гг. и сумевшие сохранить их на выборах 1909, 1912 гг. (Сидоренко, 2000, с. 109). Освобождение либерально настроенных от выборных должностей происходило в дворянских сословных организациях края, чье влияние на внутреннюю политику значительно активизировалось с созданием Объединенного дворянства (Соловьев, 1990, с. 140–141). Лояльность населения политическому режиму находила выражение в поддержке деятельности консервативно-монархических объединений. Накануне Первой мировой войны монархисты и их сторонники объединяли на Урале около 4,9–5,9 тыс. чел., что было сопоставимо с леворадикальными силами (Сидоренко, 2006, с. 32–33). Губернские отделы Союза русского народа (СРН) и других родственных им организаций имелись во всех губернских городах, в ряде уездных, а так же некоторых заводских поселках и в сельской местности. Однако разрозненность их рядов, отсутствие организационного и идейного единства ограничивали возможности идеологического воздействия на массы. Проявив активность в ходе выборной кампании в IV Государственную Думу, к 1914 г. местные комитеты свернули выпуск печатных органов, с началом военных действий почти полностью прекратили свою активность (Сидоренко, 2012, с. 40–44). Патриотический подъем начала войны не стал фактором развития уральской консервативной периферии. Всеобщий национальный подъем вызвал к жизни создание внепартийных организаций патриотического характера, в которых объединялись усилия во имя достижения победы сторонников различных политических взглядов. Их развитие в регионе определенным образом

отразилось на сокращении численности партийных объединений. В 1915 – феврале 1917 года выявлена деятельность только 11 консервативных отделов, численностью около 400 чел. (Сидоренко, 2000, с. 138).

Либеральный лагерь, как целое, занял выжидательную позицию. Сторонники либерализма на Урале, представленные частью торгово-промышленного класса и земской интеллигенцией, приспосабливаясь к новым условиям, действовали преимущественно под флагом «беспартийного прогрессизма». В 1915 – феврале 1917 года выявлена деятельность только пяти организаций общей численностью около ста человек. Тем не менее, либералам удалось сохранить за собой определенные позиции в земствах и разного рода общественных организациях – кооперативных, благотворительных, культурно-просветительных и иных. На выборах в земства в 1912–1915 гг. они сумели потеснить консервативные элементы и упрочить свои позиции. Пермское и Уфимское губернские земства числились по сводкам губернских жандармских управлений, как наиболее оппозиционные в империи (РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 103 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 86. Л. 290).

Заявление лидеров либеральных фракций на чрезвычайных сессиях в июле 1914 г. и январе 1915 г. о соблюдении «внутреннего мира», к которым присоединились и уральские депутаты (Государственная Дума, 1915, с. 34–35), не стало долговременной установкой. Уже вскоре оно уступило место «патриотической тревоге» в связи с поражением русских войск весной-летом 1915 г. и на фоне усиления экономических трудностей и роста социальной напряженности внутри страны. С созданием в Думе Прогрессивного блока оппозиционный тон уральских либералов поднялся на новую ступень. С политическими резолюциями в поддержку программы блока и его действий выступили земства и городские самоуправления гг. Вятки, Перми, Екатеринбурга, Уфы и др. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86 Б. Л. 4 об.; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об.).

Политическая атмосфера в регионе становилась все более насыщенной. В фокусе внимания общества были вопросы обеспечения фронта всем необходимым. Поражения лета 1915 г. усилили внимание правительства к уральскому региону с его развитой металлургией и богатыми топливно-энергетическими ресурсами. Комиссия Особого совещания по обороне приняла решения о размещении военных заказов на частных предприятиях региона. В октябре 1915 г. было создано Уральское заводское совещание. Совместная работа государственных органов и корпора-

тивных объединений позволила в относительно короткие сроки провести перестройку экономики региона на военные нужды, одновременно сопровождая ее технической модернизацией и реорганизацией системы управления. В результате в 1916–1917 гг. показатели выпуска военной продукции на уральских казенных заводах были в 2–4 раза выше, чем в 1914–1915 гг. К середине 1916 г. около 80% частных предприятий на Урале были заняты в производстве вооружения и военного снаряжения. Однако к 1917 г. производительность казенных заводов оказалась ниже требуемой. Не полностью выполняли заказы и частные предприятия (Жук, 2000, с. 99, 121). В числе главных причин были недостаток рабочей силы, издержки управления в условиях военного времени и постепенное вмешательство факторов общественно-политического характера.

Затягивание войны с ее особым режимом напряжений и лишений вызывало нараставшую физическую и психологическую усталость, усиливало внимание к соблюдению сверхценностных установок справедливости, которые только и могли оправдать растущие жертвы и лишения (Поршнева, 2000, с. 176). В этой связи в регионе со второй половины 1915 г. наблюдалось оживление рабочего движения на экономической почве.

Население губерний Урала ожидало от правительства восстановления налаженных веками гражданских экономических отношений, урегулирование цен на предметы первой необходимости, поддержания порядка. Однако частые смены правительства, неизбежно влекшие за собой и постоянную смену программ и распоряжений, дезорганизовывали власть на местах. Это, в свою очередь, вело к росту недоверия населения не только к центральной, но и к местной власти, не проявлявшей, по их мнению, «решительно никаких мер борьбы с инстинктом личной наживы». На почве нехватки продовольствия и введения государственного регулирования отношений между городом и деревней, возросли противоречия между этими группами населения в регионе (РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78).

Не желая отказываться от лидирующих позиций в общественном движении, в уральских кадетских комитетах заметно нарастали радикальные настроения. Так, на февральском расширенном заседании ЦК КДП и июньской конференции 1915 г., созванных для обсуждения вопроса о возобновлении работы Думы и выработки тактики партии в новых условиях, депутат от екатеринбургского областного комитета, кадет Л.А. Кроль настаивал на использовании таких форм воздействия, кото-

рые бы усиливали конфронтацию с властью. Говоря о методах работы, не исключал и революционные, аргументируя это настроем губернского комитета: «Эволюция не вызывает симпатий, ожидают переворота левыми, тогда найдется работа и общ[еству]... Поведение Думы не одобряется» (Съезды и конференции…, с. 143). С левых позиций выступил он и при обсуждении основного тактического лозунга «министерства доверия» на VI съезде КДП в феврале 1916 г. (Там же, с. 272–273).

Уральские либералы активизировали свою деятельность, используя, в том числе, созданную на Урале в годы войны сеть земских и городских организаций, отделов ВПК, в которых им принадлежал ряд ключевых позиций. В данной среде нарастало стремление к поиску контактов с социалистическим движением, тактику которого они противопоставляли ориентации на Прогрессивный блок. Радикальные настроения нашли отражение в решениях Саратовского областного съезда КДП (10–14 октября 1915 г.) с участием представителей от Урала, на декабрьском 1915 г. совещании думцев и представителей ВЗС и ВСГ (в Москве) (Гайда, 2003, с. 163–164, 176).

Усиление радикальных настроений в местных кадетских комитетах оказывало определенное воздействие и на уральских депутатов в Думе. С началом летней сессии 1915 г. они перешли к активной критике действий правительства. Уральские депутаты-прогрессисты А.А. Бубликов, И.В. Титов поддержали лозунг фракции – создания «ответственного министерства», заявив, что «правительство в данном его составе при настоящих силах не в состоянии будет принять действенных мер для развития производительных сил страны…». Уральские депутаты-прогрессисты, используя перерыв в работе сессии, выезжали на места с целью агитации среди своих избирателей в поддержку лозунгов блока (Сидоренко, 2015, с. 180–188).

Существенно выше стал оппозиционный тон либеральных периодических изданий. Для их распространения либералы широко использовали возможности земских библиотек-читален. Только в Пермской губернии к 1913 г. действовало 708 библиотек с книжным фондом более 440 тыс. томов, ими пользовались около 76 тыс. человек. На протяжении рассматриваемого периода шла острая борьба между консерваторами и либералами за влияние в этой сфере. Нередко в качестве средства борьбы использовали закрытие библиотек-читален, как со стороны консерваторов, так и по инициативе земцев-либералов. В 1915 г. Уфимским губернским земством было закрыто 664 библиотеки; шестью уездными земствами Вятской гу-

бернии – 220, оставшиеся Вятское губернское земство отказалось субсидировать. Причиной этого явилось неприятие либералами решения правительства о передаче библиотек-читален под контроль инспекторов училищ. «Вятские и уфимские земцы прекратили доступ населения ко всякой книге», – резюмировал «Уфимский край» – орган умеренно консервативного направления (Уфимский край. 1915. 6 февр.).

В обществе углубились разногласия по вопросу выведения страны из нараставшего кризиса. Политический курс консерваторов на поддержку правительства и усиление централизованного начала в управлении делами общества и государства в условиях военного времени встречал резкое сопротивление либералов.

Призрачность надежд на достижение компромисса с властью усиливала стремление сторонников радикального крыла либерального движения к «штурму власти» с целью изменения приемов и методов управления страной и обществом, что в условиях военного времени ослабляло существующий режим.

На волне протестного движения малоимущих слоев общества активизировалась деятельность подпольных комитетов социалистических партий, восстановление которых закончилось к лету 1915 г. Уральские организации РСДРП наладили выпуск нелегальных листовок и антивоенных прокламаций, в которых призывали трудящихся объединяться в борьбе за свои интересы (Нарский, 1995, с. 89). Большевики развернули агитацию против участия рабочих в работе ВПК и за бойкот выборов их представителей в них. В итоге в проходивших на Урале в мае 1916 г. выборах в рабочие группы при ВПК приняли участие только 35% рабочих. Сорвалась и кампания по проведению подписки на военный заем (Поршнева, 2000, с. 468).

К концу 1916 – началу 1917 г. концепт патриотизма и защиты Отечества под воздействием общественно-политического фактора стал рассматриваться политически активной частью уральского общества как производные глубоких преобразований существующего строя. Это неизбежно вело к росту противоречий между губернской администрацией, с одной стороны, и органами местного самоуправления, общественными и корпоративными организациями, работавшими на нужды войны – с другой. Раскол в рядах региональной политической элиты отражал общероссийскую тенденцию и нашел свое продолжение в событиях Февраля 1917 г.

Таким образом, политическая жизнь уральского общества существенно изменилась под воздействием фактора войны и вызванного ею глубокого социально-экономического кризиса.

Источники и литература

1. *ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86 Б.*
2. *ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 86.*
3. *РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64.*
4. *РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64.*
5. *РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64.*
6. *Гайда* Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. 432 с.
7. *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Пг., 1915. 823 с.
8. *Жук* А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны, 1914–1918: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 254 с.
9. *Казаковцев* С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2007. 222 с.
10. *Максимов* К.В., *Шалагина* С.В. Консервативно-монархическое движение в Уфимской губернии (1905–1917 гг.). Уфа: Уфимская академия экономики и сервиса, 2007. 200 с.
11. *Машкова* Н.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны 1914–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 179 с.
12. *Нарский* И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск: Чел. гос. ун-т, 1995. 366 с. (Ч. 1), 366 с. (Ч. 2).
13. *Поршнева* О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000. 414 с.
14. *Рязанский* И.В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны. (Южный Урал в июле 1914-феврале 1917 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 232 с.
15. *Сидоренко* Н.С. Деятельность сторонников традиционализма в различных слоях уральского общества в начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 51. № 16 (270). 2012. С. 40–44.

16. *Сидоренко* Н.С. Монархические партии и промонархические организации Урала в процессе эволюции государственно-политической системы России в начале XX века: автореф. дисс. … д-ра ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. 55 с.

17. *Сидоренко* Н.С. Парламентская деятельность уральских депутатов в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная Дума. Материалы международной научной конференции. Казань, 17–18 октября 2014 г. М.: Издание Государственной Думы, 2015. С. 180–188.

18. *Сидоренко* Н.С. Монархическое движение на Урале (1905 – февраль 1917 гг.). Челябинск: ЧГПУ, 2000. 212 с.

19. *Соловьев* Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л.: Наука, 1990.

20. *Съезды и конференции* конституционно-демократической партии. В 3 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. 831 с.

21. *Уфимский край*. 1915. 6 февраля.

Сидоренко Надежда Семеновна – доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск); e-mail: sidorenkons@rambler.ru

Sidorenko Nadezhda Semyonovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Chelyabinsk)

УДК 94(470.51)"19"

А.М. Субботина

Деятельность органов земского самоуправления по реализации всеобуча на территории Удмуртии в 1910-е гг.*

В работе анализируются основные этапы и результаты реализации идеи всеобщего обучения земскими учреждениями на территории Удмуртии. Особое внимание уделяется государственной программе всеобуча в рамках законов 1908 и 1909 гг. Выявляется специфика российского всеобуча, ориентированного на развитие начальной школы. Отмечается, что подход к решению проблемы был выработан российской педагогической и земской общественностью еще в 1890-е гг. Но на государственном уровне практические шаги были сделаны уже после Первой русской революции. Основной механизм программы заключался в софинансировании открытия и содержания новых школ государственными и местными органами. Благодаря программе, развитие школьной сети получило систематический, плановый характер с учетом потребностей и возможностей конкретных регионов. Выявляется некоторое отставание удмуртского края от наиболее успешных уездов страны по обеспеченности доступности начального обучения. Раскрываются проблемы, связанные с реализацией всеобуча. Среди них – высокий процент отсева учащихся на ранних сроках обучения, недостаточность начального 3–4-х летнего курса для долгосрочного качественного эффекта полученного образования. Принцип обязательности обучения законодательно не был закреплен. Большинство населения могло рассчитывать только на бесплатное трехклассное образование.

Ключевые слова: земство, образование, начальная школа, Удмуртия, история России, всеобуч.

A.M. Subbotina

Activity of the bodies of territorial self-government for the implementation of universal education in the Udmurt Region in the 1910s

The article analyzes the main stages and results of realization of the idea of universal education by the “zemstvo” in the Udmurt Region. Special attention is

* Статья подготовлена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 15-13-6-6 «Модернизационные стратегии социальных трансформаций российской периферии (XVIII – начало XXI в.)».

paid to the laws of 1908 and 1909. Feature of the Russian program was focused on the development of the elementary school. The author says that the approach to the problem was worked out by the Russian pedagogical community and the "zemstvo" in 1890s. But on the Governmental level practical steps were made after the First Russian revolution. The main mechanism of the program was to co-finance the opening and in maintenance of new schools by state and local authorities. Thanks to the program, the development of the school network received a systematic, planned manner that takes into account the needs and possibilities of specific regions. The author reveals a small lag of the Udmurt Region from the most successful Russian regions where universal education has been achieved. The article describes the problems that reduced the value of universal education. Among them is the high attrition rate in the early stages of training, lack of initial 3–4 years of the course for the long-term quality of the education received.

The principle of compulsory education legally has not been fixed. The majority of the population could only rely on a free three years of education.

*Keywords: "*zemstvo", education, universal education, primary education, the Udmurt Region, Russion history.

Уровень образованности населения является важным показателем социокультурного развития страны. Образование формирует картину мира человека, способствует изменению культуры как отдельной личности, так и общества в целом. Важным этапом в развитии системы народного образования в России стало начало XX в. Именно тогда на законодательном уровне были предприняты практические шаги по введению всеобщего начального обучения в стране. Большую роль в реализации правительственной программы на местах сыграли органы земского самоуправления. В настоящей статье раскрываются основные моменты земской активности в данном направлении на территории Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии).

Народное образование с самого начала существования земства стало одним из приоритетных направлений его деятельности, хотя и не входило в число обязательных функций. Особое внимание к просвещению было обусловлено как идеологическими установками земцев, так и социокультурными факторами. На момент введения земского самоуправления в России в 1860-е гг. подавляющая часть населения страны была безграмотной и ориентированной на традиционные крестьянские ценности и установки. Земские мероприятия по распространению новых рациональных форм ведения хозяйства и изменению повседневного уклада наталкивались на непонимание, а иногда и враждебность в народной среде. Пре-

образование экономической и культурной жизни, по мнению многих земских деятелей, было невозможно без развития школы и просвещения.

Идея всеобуча, всеобщего начального обучения, стала набирать популярность в общественных кругах страны в 1860-е гг. Долгое время за эталон бралась модель средней западноевропейской школы с 7–8-летним курсом обучения, что для России являлось очень дорогостоящим проектом. По имевшимся подсчетам, обучающиеся в такой школе дети в возрасте 7–14 лет составляли примерно 15% населения. Ситуация изменилась в 1890-е гг., когда В.П. Вахтеров в представленном в Московский комитет грамотности реферате предложил ограничиться только всеобщим начальным обучением. Он исходил из того, что в России на тот момент основным типом школы была трехлетняя. Если для развития всеобуча взять ее, то процент детей, которых необходимо охватить школой, по отношению к населению сокращался до 6,5 (Очерки истории школы, 1976, с. 92–93). В этом случае затраты на реализацию всеобуча значительно сокращались. В последующие годы и в земских проектах, и в правительственной программе все расчеты учитывали развитие именно начального образования.

В Вятском губернском земском собрании вопрос о всеобуче поднимался неоднократно. Он обсуждался в 1873 и 1880 гг., но в то время практической реализации не получил. Несмотря на это земства края прилагали немалые усилия по развитию сети учебных заведений.

В середине 1890-х гг. была принята предложенная председателем губернского земского собрания А.П. Батуевым программа расширения школьной сети за счет губернского пособия по 250–400 руб. на открывающееся начальное училище. К 1904 г. выделенная на эти цели губернским земством сумма составила 182000 руб. (Сборник постановлений, 1913, с. 3, 19–20). Впервые открытие школ в крае получило плановую основу. В уездах были созданы подробные планы развития сети народных училищ с картами и финансовым обоснованием. В период реализации программы, 1895–1908 гг. в Вятской губернии было открыто 756 школ (Журналы…, 1909, с. 618). На территории Удмуртии начиная с 1895 по 1910 гг. число земских школ увеличилось более чем в три раза – с 203 до 670, а количество учащихся в них – с 15687 до 44229 (Субботина, 2017, с. 191). Но до всеобщего обучения было еще далеко. Губернская программа продолжала действовать и в дальнейшем, хотя ее финансовый потенциал был исчерпан. Только в 1915 г. Вятское губернское земское собрание постановило в течение пяти лет, начиная с 1917 г. прекратить вы-

плачивать пособие губернского земства по программе А.П. Батуева на сумму 182600 руб. Высвободившиеся средства предполагалось потратить на повышение типа школы, обеспечение учебными пособиями, улучшение качества начального образования (Журналы…, 1916, с. 50).

В начале XX в. вопрос о всеобуче получает решение на государственном уровне. Этому способствовала революция 1905–1907 гг. Закон «О введении всеобщего обучения в Российской империи» так и не был принят, хотя его проект обсуждался во второй и третьей Государственных думах. Его положения вошли в законы от 3 мая 1908 г. и от 22 июня 1909 г. Согласно им, финансирование части расходов на образование брало на себя государство. Практическая реализация возлагалась на уездные земства, городские думы, сельские общества. Согласно закону от 3 мая 1908 г., казна теперь финансировала выплату жалованья учителям. Все освободившиеся в результате этого средства должны были быть направлены на другие потребности начальной школы. По закону от 22 июня 1909 г. государство выделяло средства на выдачу ссуд, предназначенных на строительство школьных зданий.

Скорость и масштабы реализации программы зависели не только от казенного пособия, но и от имеющихся ресурсов на местах. Поэтому расширение школьной сети в разных регионах страны было неравномерным. В Вятской губернии уездные земства в период с 1907 по 1912 г. подготовили планы на основе выдвинутых Министерством народного просвещения норм. Создаваемая сеть учебных заведений должна была учитывать трехверстный радиус и количество детей 8–11 лет из расчета 9,5% к населению в сельских районах и 7% в городах. Планы уездных земств губернии предполагали достижение к началу 1920-х гг. желаемой цели – охват начальной школой всех детей соответствующего возраста. В Сарапульском и Елабужском уездах это должно было произойти в 1918 г., в Малмыжском – в 1919 г., в Глазовском – в 1921 г. Государственные пособия земства края начали получать по мере представления планов в Министерство народного просвещения в 1909–1911 гг.

Первая мировая война существенно затормозила реализацию планов всеобуча. Государственное пособие выделялось только на уже существующие школы и со значительным опозданием. Мобилизация части учительского персонала на фронт также затрудняла работу народных училищ. Напротив, спрос на обучение среди населения в этот период возрастает. Если на заре становления земской школы земствам приходилось прилагать усилия для направления детей в школы, то в 1910-е гг. они уже

были вынуждены отказывать в приеме по причине отсутствия мест. В годы войны интерес к грамоте стимулировался желанием читать письма с фронта и быть в курсе военных событий. Особенная активность в стремлении учиться в это время наблюдается со стороны девочек.

В 1908–1915 гг. в Вятской губернии благодаря правительственной программе появилось 940 новых школ. Расходы государства возросли в 10 раз и составляли 2182791 руб. (Обзор Вятской губернии за 1908, 1909, с. 91–96; То же за 1915, 1916, с. 138–139). На территории Удмуртии в 1915 г. в ведении уездных училищных советов было 1118 начальных училищ с 73660 учащимися. Несмотря на очевидные успехи, всеобщее обучение оставалось делом будущего. По подсчетам автора, в 1915 г. учащиеся в губернии составляли 66% детей школьного возраста. И только в относительно благополучном в этом плане Сарапульском уезде данный показатель был выше 80%. В 15 уездах и 33 городах России к этому времени всеобщее начальное обучение уже стало реальностью. В целом по стране ситуация оставалась далека от этого: только 51% детей в возрасте от 8–11 лет обучался в школе (Рашин, 1956, с. 317).

Еще одной проблемой было отсутствие законодательно закрепленного требования обязательности обучения. Многие крестьянские дети не проходили полный курс даже начальной школы. П.А. Голубев на основе данных проведенного земского исследования сделал вывод о том, что наибольшее количество выбывших приходилось на самые урожайные годы (Голубев, 1901, с. 75–76). Родителям нужны были рабочие руки, и они считали, что для их детей достаточно научиться читать и писать. Большинство выбывших учащихся покидали школу уже в первые два года обучения.

Вопрос о качестве полученного обучения и сохранении полученных знаний и навыков на протяжении последующей жизни также волновал земцев и представителей органов управления образованием. Современники отмечали, что при отсутствии постоянной практики могла наблюдаться утрата навыков владения грамотой. В ответах на вопросы анкеты в 1914 г. учителя Казанского учебного округа указывали, что из школьных предметов прочнее всего усваиваются арифметика и чтение. Скорее всего забывается письмо, «диктовка». А наибольшее влияние на развитие ума учеников имеет чтение и объяснительные беседы по прочитанному (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2 (т. 18). Д. 19965. Л. 19, 23).

Таким образом, в 1910-е гг. благодаря правительственной программе и усилиям земства был сделан значительный шаг вперед по пути дос-

тижения всеобщего начального обучения. Механизм реализации предполагал совместное финансирование вновь открывавшихся школ на основе заранее разработанного плана развития сети начальных народных училищ. Война и последовавшая за ней революция сыграли сдерживающую роль в достижении всеобучу в поставленные сроки. Важными задачами, которые требовали своего разрешения были введение принципа обязательности обучения, повышение уровня образования до среднего, закрепления полученных навыков в рамках культурно-просветительской работы.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 92. Оп. 2 (т. 18). Д. 19965.*
2. *Голубев* П.А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. 168 с.
3. *Журналы* Вятского губернского земского собрания 41-й очередной сессии 11–30 января 1909 г. Т. 2. Вятка, 1909.
4. *Журналы* Вятского губернского земского собрания 48-й очередной сессии 1915 г. Т. 1. Вятка, 1916.
5. *Обзор Вятской губернии за 1908 год.* Вятка, 1909. 109 с.
6. *Обзор Вятской губернии за 1915 год.* Вятка, 1916. 196 с.
7. *Очерки истории школы* и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. 600 с.
8. *Рашин* А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. 352 с.
9. *Сборник постановлений* Вятского губернского земства за 21 г. (1892–1913 гг.) Т. 5. Вятка, 1913.
10. *Субботина* А.М. Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918). Ижевск, 2017. 300 с.

Субботина Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и менеджмента в культуре ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск); e-mail: anvisu@yandex.ru, annnamisu@gmail.com

Subbotina Anna Mikhaylovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Management in Culture, Udmurt State University (Izhevsk)

УДК 94:347.965"18/19"

Н.Г. Тараканова

Адвокаты Среднего Поволжья в борьбе за новую Россию (конец XIX – начало XX вв.)

В статье рассматриваются формы и методы участия российской адвокатуры в общественно-политической жизни страны конца XIX – начала XX вв. Показана деятельность присяжных поверенных губерний Среднего Поволжья по защите интересов беднейших слоев населения в аграрных и политических судебных процессах, ведение просветительской работы среди крестьян по разъяснению избирательного законодательства и политической ситуации в стране, участие в работе первого российского парламента и в борьбе за утверждение конституционных прав и свобод.

Ключевые слова: адвокатура, присяжный поверенный, юридическая консультация, политический процесс, Государственная дума, Среднее Поволжье.

N.G. Tarakanova

Lawyers of the Middle Volga region in the struggle for a new Russia (end of the XIX – beginning of the XX centuries)

The forms and methods of Russian lawyers' participation the in the public and political life of the country of the late XIX-early XX centuries are discussed in the article. Author shows the activities of barristers of provinces of the Middle Volga region to protect the interests of the poorest in the agricultural and political trials, and conducting educational work among the peasants to explain the electoral law and political situation in the country, participating in the work of the first Russian Parliament in struggle for the assertion of constitutional rights and freedoms.

Keywords: advocacy, barrister, legal advice, political process, the State Duma, the Middle Volga region.

Российская адвокатура, получившая благодаря судебной реформе 1864 г. статус самостоятельной правозащитной корпорации, в период экономического кризиса и усиления реакционного курса конца XIX – начала XX вв. выступила в авангарде движения за политическое переустройство страны.

Бессилие власти перед прогрессирующим обнищанием народа не могло оставить равнодушным наиболее энергичную часть общественности, в число которой входили и представители адвокатского сословия, особенно его молодое поколение.

В Москве в начале 1890-х гг. группа молодых помощников присяжных поверенных образовала так называемый «бродячий клуб», который ставил своей задачей поднять профессиональный и общественный уровень адвокатуры. Члены клуба, лидерами которого были выпускник Казанского университета Н.К. Муравьев, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, П.Н. Малянтович, направили свои усилия на оживление работы юридических консультаций при съездах мировых судей, которые стали приходить в упадок, и развернули активную деятельность по оказанию помощи «коснеющему в безысходном невежестве и неграмотности рабочему и крестьянскому населению, которое отлично знает свои обязанности, но не имеет никакого представления о своих правах» и не умеет их отстаивать (Гессен, 1914, с. 383). Свои профессиональные задачи молодая адвокатура усматривала, прежде всего, в том, чтобы «помогать слабейшему в жизненной борьбе», «способствовать продвижению в жизнь великого начала законности, составляющего краеугольный камень всякого культурного правового государства» (Варфоломеев, 2006, с. 62). Деятельность кружка приобретала все большие масштабы и, пополняя ряды единомышленников, вышла за пределы Москвы и распространилась в другие губернии. Следует отметить, что члены кружка проявляли интерес, прежде всего, к делам, имевшим общественно-политический резонанс: рабочим беспорядкам, крестьянским волнениям. А с 1904 г., после передачи в окружные суды рассмотрения дел политического характера, они стали активно участвовать в политических процессах. Выступая в таких процессах, адвокаты не только отказывались от гонораров, но и тратили собственные деньги на поездки. Но при этом присяжные поверенные придерживались той позиции, что не следует смешивать задачи политического деятеля и защитника. Н.К. Муравьев и его единомышленники стремились отстаивать, прежде всего, общечеловеческие ценности и требования законности, а не какие-либо партийные интересы. Однако, судебные речи адвокатов нового поколения заметно отличались от линии защиты их предшественников и носили явный оттенок борьбы за равноправие и политические свободы. В них просматривалось стремление возложить ответственность за усиление народных волнений и беспорядков на представителей официальной власти.

В первые годы XX в. такая форма консолидации адвокатов как юридические консультации, получала все большее распространение. Если в 1900 г. такие консультации действовали в 30 городах России, то через пять лет – в 71 (Крестьянников, 2007, с. 202).

Не осталась в стороне от острых социально-политических проблем и адвокатура Средневолжских губерний. Образовавшаяся в 1905 г. Консультация поверенных при Пензенском окружном суде активно включилась в оказание бесплатной юридической помощи беднейшему населению. В своем отчете за 1906 г. пензенские адвокаты обращают внимание на тяжелое состояние крестьян губернии, усугубившееся тяготами войны. Ежедневно десятки раненых, вдов погибших солдат обращались в юридическую консультацию с просьбами о написании прошений о выдаче пенсий, пособий. Аграрное движение, захватившее поволжские губернии, окончилось привлечением к суду множества крестьян, не имевших никаких средств пригласить себе защитника, и Консультация взяла на себя обязанность участвовать в деле торжества правосудия.

На общих собраниях члены Консультации обращались к обсуждению вопросов, выдвигаемых реалиями политической жизни страны, реагировать на которые они считали своим нравственным долгом.

Для организации защиты по аграрным и политическим делам и оказания помощи населению в вопросах избирательного права в преддверии выборов в Государственную думу, была образована особая комиссия, в которую вошли 8 членов Консультации: присяжные поверенные С.Н. Ашанин, М.В. Терентьев, помощники присяжных поверенных И.И. Архангельский, В.А. Безсонов, А.П. Кавтарадзе, П.Г. Покровский, И.Л. Соколовский и В.В. Казанский (Отчет о деятельности Консультации, 1907, с. 2). Ввиду того, что многие крестьяне были так бедны, что не всегда могли оплатить даже путевые расходы поверенных, был образован особый от кассы Консультации аграрный фонд, из которого покрывались недоплаченные путевые издержки защитников. В целях толкования населению губернии нового избирательного законодательства, осложненного многочисленными разъяснениями Правительствующего Сената, члены Консультации издавали и расклеивали по городу соответствующие листовки, а также вели утреннее и вечернее дежурство в целях устного разъяснения избирательного закона всем желающим. Показателем востребованности услуг Консультации является рост числа обращений. Если в первый год в Консультацию обратилось лишь 542 человека, то в следующем, 1906 г. их число составило уже 1182, при этом еще не все случаи обращения в силу физической загруженности были

зарегистрированы (Отчет о деятельности Консультации, 1906, с. 3). Несмотря на то, что присяжные поверенные в годы обострения политической реакции сами неоднократно подвергались преследованиям, они продолжали защищать «неблагонадежных».

Достаточно остро реагировали на события политической жизни и члены Совета присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты. Так, после трагедии «Кровавого воскресенья» общее собрание присяжных поверенных приняло решение создать специальную комиссию для проведения анализа событий 9–11 января 1905 г.

Адвокатское сообщество с большим энтузиазмом встретило Манифест от 17 октября 1905 г., провозглашавший неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и устанавливавшего основы парламентаризма, определяя, что никакой закон не может вступить в силу без одобрения Государственной думы (Российское законодательство X–XX вв., 1994, с. 41).

Многие представители российской адвокатуры приняли участие в избирательной кампании и вошли в состав первой Государственной думы, Несмотря на определенные сомнения, связанные с толкованием законодательных ограничений о возможности совмещения обязанностей присяжного поверенного с другой службой от правительства или по выборам, доступ адвокатам в парламент не был закрыт и в его состав было избрано 36 представителей присяжной адвокатуры и четверо частных поверенных (Клауцан, 2011, с. 33). Это было самое солидное представительство отдельной профессиональной группы во всенародно избранном органе. Подавляющим большинством голосов депутатов председателем первой Государственной Думы был избран присяжный поверенный С.А. Муромцев, который использовал свои юридические знания для разработки целого ряда документов, регламентирующих работу парламента.

Адвокатура Среднего Поволжья также имела в Государственной думе первого созыва своих представителей. В первый российский парламент вошли 5 присяжных поверенных Казанского судебного округа: С.-Г.Ш. Алкин, А.А. Ахтямов, Г.В. Гутоп, К.В. Лаврский и Н.В. Павлов (Отчет Совета, 1906, с. 8–10). Адвокат Лаврский как представитель партийной фракции трудовиков активно участвовал в заседаниях аграрной комиссии и являлся одним из авторов «Письма 39 членов Государственной Думы» министру земледелия в защиту требований Всероссийского крестьянского съезда по аграрному вопросу.

В группу «трудовиков» в Думе вошли и саратовские адвокаты Н.И. Семенов и Я.Е. Дитц. Николай Иванович Семенов говорил с дум-

ской трибуны о необходимости обеспечения неприкосновенности членов парламента, как гарантии от уголовного преследования за политические убеждения. Известно также его заявление: «Мы не должны проповедовать насилие, но в то же время мы видим в революционном движении единственный исход из настоящего положения России». После роспуска I Государственной думы он был избран в состав революционного комитета «Трудовой группы», выступал защитником на судебных процессах по обвинению крестьян в принадлежности к Всероссийскому Крестьянскому союзу. После февральской революции принял участие в работе государственного совещания в Москве в августе 1917 г.

Адвокат Саратовского судебного округа Яков Егорович Дитц известен как издатель газеты «Поволжский край» и борец за права поволжского многонационального крестьянства. В Думе он присоединился к «трудовикам», хотя и не скрывал своих более «левых» взглядов. Я.Е. Дитц был членом Президиума и нескольких важных комиссий: юридической, о гражданском равенстве, «33-х» (созданной для выработки закона о равноправии) и распорядительной. Участвовал в разработке законопроекта об амнистии, о мировых судах, о неприкосновенности личности.

Представители поволжской адвокатуры входили и в кадетское крыло I Государственной думы. В частности, председатель Саратовского губернского комитета конституционно-демократической партии А.А. Токарский и глава Пензенского бюро – Н.Ф. Езерский. Став самым известным в Саратове присяжным поверенным, А.А. Токарский, учившийся адвокатскому искусству у самого Владимира Спасовича, успешно отстаивал интересы крестьян в аграрных волнениях, активно занимался просветительской деятельностью. В парламенте был членом целого ряда думских комиссий.

Н.Ф. Езерский был редактором пензенской газеты «Перестрой», получившей известность далеко за пределами губернии. На ее страницах он призывал к достижению гражданского мира, борьбе, как против административного произвола, так и против террора со стороны радикальных политических сил.

С роспуском I Государственной думы политическая активность адвокатуры не угасла, несмотря на постигшие их разочарования и репрессии, правозащитники принимали участие в работе всех четырех российских парламентов.

Таким образом, адвокатура Среднего Поволжья представляла собой достаточно заметную демократическую силу, принимавшую активное участие в борьбе за политическое переустройство России на началах

народного представительства, равноправия и личных свобод. Присяжные поверенные, как и подобает защитникам, бескорыстно и самоотверженно отстаивали в суде интересы самой обездоленной части населения, выступали за незамедлительное решение главного для страны аграрного вопроса. Безусловно, они способствовали раскачиванию основ существовавшего политического режима, но в большинстве своем старались действовать в рамках правового поля, призывая к этому и официальную власть.

Источники и литература

1. *Варфоломеев* Ю.В. Адвокат Н.К. Муравьев и политические процессы в России (конец XIX – начало XX вв.) // Отечественная история. 2006. № 6. С. 61 –73.

2. *Гессен* И.В. История русской адвокатуры Т. 1. Адвокатура, общество и государство. 1864–1914. М., 1914.

3. *Клауцан* Н.Г. Присяжные поверенные в Государственной думе Российской Империи первого созыва // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 3 (22). С. 32–36.

4. *Крестьянников* Е.А. Юридические консультации дореволюционной России и консультация г. Томска // Вестник Тюменского университета. 2007. № 1. С. 201–2015.

5. *Отчет о деятельности* Консультации поверенных, состоящих при Пензенском Окружном Суде, с 1 января 1906 г. по 1 января 1907 г. Пенза, 1907. 9 с.

6. *Отчет Совета* присяжных поверенных округа Казанской Судебной палаты за 1905–1906 гг. Казань, 1906.

7. *Российское законодательство X–XX вв.:* в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций /отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994.

Тараканова Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Саранского кооперативного института (филиала) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации» (г. Саранск); e-mail: ngtarakanova@mail.ru

Tarakanova Natalya Gennad'evna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of theory and history of the state and law, Saransk Cooperative Institute (Branch) Russian University of Cooperation (Saransk)

УДК 94(470.41)"1917"

И.З. Файзрахманов

Е.И. Чернышев о крестьянском движении в Казанской губернии в 1917 году

В статье анализируются взгляды Е.И. Чернышева к крестьянскому движению в Казанской губернии в 1917 г. Ввиду особой необходимости для советской историографии изучения происходивших событий в деревне в революционный 1917 год большое внимание уделяется на значимость работ автора как наиболее компетентного в 1920-е гг. исследователя по истории местного аграрного движения. В центре внимания статьи – анализ наиболее значимых результатов работ Е.И. Чернышева: причин роста, основных направлений и форм выражения массового крестьянского движения, периодизации крестьянских выступлений в 1917 г., которые рассматривались им с точки зрения классовых позиций. Подчеркивается односторонние взгляды автора к проблеме развития аграрного движения России в 1917 г. и его влияния на дальнейшие преобразования в деревне, в то время как можно было бы обратить внимание на многоаспектность аграрного вопроса, имевшего не одно, а несколько путей решения.

Ключевые слова: аграрное движение, 1917 год, Казанская губерния, Временное правительство, земельные комитеты, разгром помещичьих имений.

I.Z. Faizrakhmanov

E.I. Chernyshev about the peasant movement in the Kazan province in 1917

The article analyzes the views of E.I. Chernyshev about the peasant movement in the Kazan province in 1917. In view of the special need for the Soviet historiography of study the events that took place in the village in the revolutionary year 1917 great attention is paid to the importance of the author's works as the most competent researcher in the 1920s on the history of the local agrarian movement. The focus of the article is an analysis of the most significant results of the works of E.I. Chernyshev: reasons for the growth, main trends and forms of expression of the mass peasant movement, the periodization of peasant performances in 1917, which he considered from the point of view of class positions. The author's unilateral views on the development of Russia's agrarian movement in 1917 and its influence on further transformations in the countryside are under-

lined, while one might pay attention to the complexity of the agrarian question, the complexity of the agrarian question, which had not one but several solutions.

Keywords: agrarian movement, 1917, the Kazan Province, the Provisional Government, land committees, the defeat of the estates.

Известный казанский историк Е.И. Чернышев (1894–1979) внес существенный вклад в изучение различных вопросов истории и культуры народов Среднего Поволжья и Приуралья XVI – начала XX в. Одно из важнейших направлений его научных исследований была история крестьянства, аграрного движения в России, которой он интересовался со времен учебы в университете. Для новой советской власти требовалось освещение истории крестьянского движения в Казанской губернии в 1917 г. В этой связи Е.И. Чернышев отмечал: «… вопрос об изучении крестьянской революции мощно выпячивается современной общественностью и наукой, настолько мощно, что становится в порядок дня, вызывает срочные работы и по выявлению соответствующих материалов» (Чернышев, 1925, № 1–2, с. 41). Е.И. Чернышеву, который с 1923 г. состоял научным работником в Татарском Бюро Истпарта, поручили заняться этой темой.

Прежде всего, Е.И. Чернышевым было опубликовано несколько различных по видам и происхождению документов из фондов Казанской губернской земской управы, Казанской губернской земельной управы, Казанского Совета крестьянских депутатов и других. Опубликованное прошение татарских крестьян деревни Шемякино Тетюшского уезда казанскому губернатору в 1915 г. свидетельствовало о нарастании недовольства крестьянской бедноты в период Первой мировой войны (Чернышев, 1925, № 3, с. 40–42). Другие материалы за ноябрь 1917 года характеризовали нарастание крестьянской борьбы против помещиков (Чернышев, 1925, № 1–2, с. 41–54). В дальнейшем эти и другие источники были им критически проанализированы и обобщены, результаты опубликованы в серии из 3-х статей под общим названием «Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам)», приуроченной, как отмечал автор, к десятилетней годовщине революции 1917 года (Чернышев, 1926, № 4, с. 50–71; № 5, с. 81–105; 1928, с. 4–98).

В этих работах был сделан акцент на изучение ряда новых для своего времени проблем. Е.И. Чернышев вполне обоснованно уделил внимание подсчету всех случаев выступления крестьянства в Казанской губернии в период с февраля по ноябрь 1917 года, что, по его мнению, позволило бы изучить постепенное распространение движения, которое

носило массовый характер, и сам процесс вовлечения в движение сельских обществ и отдельных групп крестьянства. Однако тот факт, что движение было массовым и носило разнонаправленные формы, не позволило исследователю сделать обобщающие выводы. Он и сам признавал, что его задача – дать материал и наметить некоторые заключения по истории крестьянского движения, а вовсе не представить обобщающее исследование (Чернышев, 1926, № 4, с. 54). В соответствие с идеологическими установками эпохи, Е.И. Чернышев основное внимание уделил оценке характера антиправительственного движения, его политико-экономической и классовой сущности и основным тенденциям социального протеста народных масс.

Указывая на растущие противоречия в деревне, порожденные, прежде всего, внутриобщинными взаимоотношениями на почве надельно-общинного землевладения, Е.И. Чернышев выделил три основных направления массового крестьянского движения: 1) против казенного и [бывшего] удельного землевладения; 2) против крупного и мелкого личного землевладения; 3) против самовольных захватов земель как внутри общины, так и между общинами (Чернышев, 1926, № 4, с. 53). На основе представленных примеров исследователь выявил их пространственную локализацию и особенности каждого направления, при этом особенно подробно рассмотрел третье направление, как наименее изученное. Так, им были изучены индивидуальные захваты общинной земли в 1917 г., среди которых наиболее распространенными были захваты земель у погибших на войне («мертвые наделы») и у находившихся на военной службе («живые наделы») солдат (Чернышев, 1926, № 5, с. 82). Е.И. Чернышев уделил значительное внимание тому факту, что в Казанской губернии, по сравнению в целом с Россией, было мало помещичьих земель, вследствие чего борьба крестьян шла не только против помещичьего землевладения, а, во вторую очередь, выражалась также в захвате земель сельских богачей, хуторов и отрубов, в том числе у татар. По его подсчетам, лишь немногим более одной трети всех крестьянских выступлений в 1917 г. были направлены против помещиков (Чернышев, 1928, с. 79).

Е.И. Чернышев сосредоточил свое внимание на изучении протоколов волостных и уездных комитетов, Казанской губернской управы, также подробно проанализировал материалы таких источников, как описи имений, составленные волостными комитетами, доклады с мест, заслушанные на сессиях губернской и уездных управ, крестьянские наказы, подчеркивая их особую источниковедческую значимость в изучении темы.

Работы Е.И. Чернышева о крестьянском движении в Казанской губернии в 1917 г. существенно обогатили советскую историографию крестьянского движения накануне Октября. В числе основных достоинств работ Е.И. Чернышева – это введенный им в научный оборот большой фактический материал, которым он свободно оперирует.

Е.И. Чернышев характеризует аграрные отношения в деревне периода нахождения во власти Временного правительства, которое потеряло влияние на местах, как самостоятельные, развивавшиеся вне рамок принимаемых правительством решений. На местах власть сосредоточилась в руках сельских и волостных сходов, которые самостоятельно начали решать земельный вопрос путем издания постановлений о наделении дополнительными душевыми наделами малоимущих, а впоследствии и путем захвата помещичьих угодий, инвентаря, семян, скота и пр., увольнение рабочих и служащих с работ в помещичьих имениях. В то же время, случаи разгрома помещичьих имений и изгнаний самих помещиков были очень редкими явлениями (Чернышев, 1928, с. 22).

На основании анализа источников Е.И. Чернышев выделил три периода крестьянских выступлений в 1917 г.: первый период – до середины июня, второй период – с середины июня до сентября, третий период – сентябрь-декабрь. Начальный период крестьянских выступлений историк характеризует как время, давшее толчок к еще большему разрастанию выступлений, которых можно было бы расценивать как анархию и разгром. Он выделил три этапа аграрного движения в первый период: начальный этап – до 22 апреля, когда движение имело еще местный характер; с 22 апреля до конца мая движение носило уже массовый характер и захватывало почти всю Казанскую губернию; в первой половине июня движение разрослась еще сильнее (Чернышев, 1928, с. 23).

Е.И. Чернышев на конкретных примерах показал стремление крестьян к уравнительному землепользованию путем выдвижения требований о переделе земли, отмены различных арендных договоров и, в конечном итоге, предоставления помещичьей земли наиболее нуждающимся в ней малоземельным однообщественникам. Причем, по его мнению, в первом этапе зажиточные слои крестьянства крепко держались за свои земли, более того, намеревались укрепить свои позиции, ведя бедные и средние слои крестьянства за собой.

Из анализа борьбы крестьян с помещиками Е.И. Чернышев сделал довольно интересные выводы о том, что крестьянская борьба началась в уездах наибольшего распространения помещичьего землевладения:

Спасском, Тетюшском, Лаишевском, а наибольший размах и накал приобрела в Лаишевском, Спасском и Свияжском уездах. Е.И. Чернышев изучил случаи самовольных запашек с захватом запасов семян и разгромов имений, причинами которых им названы острое малоземелье, возбуждение населения ложными слухами и отсутствие на местах «сознательного элемента» (Чернышев, 1928, с. 13).

Е.И. Чернышев выявил из источников разрозненные сведения о крестьянских выступлениях в апреле-октябре 1917 года и составил таблицы с количественными показателями, раскрывающие формы крестьянского движения в губернии (Чернышев, 1928, с. 18, 23, 66, 79). На основе изученных материалов (постановления сходов, ходатайства и требования о выделении земли) он обобщил, что наибольший размах антипомещичьей борьбы в деревне пришлась на лето 1917 года, когда с июня начался новый поток захватов, уже легализованных решением, проходившего с 4 по 28 мая 1917 года Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов о немедленной передаче земли крестьянам и комитетам. Движение проявилось, в первую очередь, в захвате лугов и пашни (более 50% случаев). Затем происходят опись имений и взятие последних на учет земельными комитетами, причем помещичье имение после этого оставалось у самого помещика, кроме случаев прямого захвата земель. Затем начинается захват леса, дров и лесных материалов. Случаи снятия у помещиков служащих, рабочих и военнопленных от работ были единичными, точно также можно сказать о захвате хлеба, семян и подсобных предприятий (садов, мельниц, заводов, рыбных ловель и пр.) (Чернышев, 1928, с. 60). Со временем приобретает популярность захват скота, инвентаря. Е.И. Чернышев показал характерные проявления бессилия органов государственной власти Временного правительства в условиях двоевластия: отказы от посылки милиции на места для установления порядков часто объяснялись тем, что «посылать милицию нет смысла, так как ее никто не послушает» (Чернышев, 1928, с. 18).

Е.И. Чернышев на конкретных примерах по Казанской губернии раскрыл методы противодействия земельных комитетов губернским учреждениям Временного правительства, отношение первых ко вторым со временем становилось все нетерпимее, что проявлялось в полном разрыве и нежелании подчиняться, особенно в вопросах хлебной монополии и реставрации помещичьего хозяйства. Таким образом, Временное правительство было фактически бессильно в борьбе с крестьянским движением, потеряв рычаги воздействия на земельные комитеты. В то

же время, Е.И. Чернышев показывает неоднородный состав земельных комитетов, на которых большое влияние оказывали зажиточные слои крестьянства, стремившиеся укрепить свои позиции. В конечном итоге противоречия между бедными и богатыми слоями крестьянства приводили к прямым столкновениям между ними, недовольные решениями комитетов бедные слои просто их игнорировали, стремились провести переизбрание состава неугодных комитетов (Чернышев, 1928, с. 97).

Третий период крестьянского движения приходится на осенние месяцы и на декабрь 1917 года. 2/3 случаев из всего числа движений пришлись на Чистопольский, Свияжский и Лаишевский уезды. Е.И. Чернышев выделяет основные причины роста числа выступлений с сентября к ноябрю 1917 года: контрреволюционная политика Временного правительства, с особым упорством защищавшая помещиков посредством военных отрядов, скупки хлеба, скота и леса для нужд «государственных» учреждений; расхищение хлеба, скота, подсобных предприятий, порубка лесов со стороны помещиков в имениях, перешедших на учет земельных комитетов; обострение борьбы между зажиточными и бедными слоями крестьянства. В конечном итоге поводом для роста крестьянского движения в ноябре стало обострение продовольственного кризиса и падение Временного правительства (Чернышев, 1928, с. 96).

Касаясь такой темы, как революции 1917 года и участия в них народных масс, историку было невозможно оставаться в стороне от политики. В начале 1930-х гг., когда началась травля и разоблачение реакционной сущности историка Н.Н. Фирсова, его ученик Е.И. Чернышев также был обвинен в антисоветской деятельности. В этом не последнюю роль сыграла его трактовка событий 1917 года, позволяющая придраться и усомниться в его лояльности к советской власти. В статье «Против реакционной фирсовщины», вышедшей в № 23 газеты «Красная Татария» от 29 января 1931 г., отмечалось: «Чернышев много опасней Н.Н. Фирсова. Это враг маскирующийся и хитрый. Он клянется марксизмом и ленинизмом, изображает из себя советского активиста. Но, в то же время, в своих писаниях («Из истории крестьянского движения в Казанском крае в 1917 году») под покровом изучения особенностей местного крестьянского движения он настойчиво и умело протаскивает эсэровские идейки о самостоятельности крестьянского движения и независимости его от руководящей роли пролетариата. Умелым подбором фактов он постарается посеять в неискушенной голове сомнения: – «Пожалуй, мол, в 1917 году деревня могла обойтись и без большеви-

ков», – сумеет смазать значение Октября в деревне и пролетарского влияния на нее» (Грачев, 1931. 29 января). После этого работы Н.Н. Фирсова и Е.И. Чернышева о крестьянской борьбе были надолго забыты как несоответствующие истории аграрной революции в России в марксистском ее понимании.

Действительно, не со всеми выводами автора можно согласиться. Так, Е.И. Чернышев основные причины создания революционной ситуации видел в тягостях войны и в созданном ею чрезвычайно напряженном положении в деревне. Автор большое внимание обратил быстро возрастающим и доходящим до обостренных форм спорам за надельную землю между сельскими обществами и крестьянами внутри общества. Среди причин, побудивших к обострению отношений, он называет бедность и незначительность земельных угодий, и то, что даже самый незначительный повод мог взволновать жителей нескольких селений (Чернышев, 1926, № 4, с. 64). Автор на фактах показал, что ближе к осени 1917 года аграрное движение в Казанской губернии разрасталось как снежный ком и принимало форму наиболее острых столкновений. В то же время, на наш взгляд, он недостаточно уделил внимание теме радикализации общественных настроений между богатыми и бедными крестьянами, ища причины только в ухудшившихся экономических условиях, в то время как, следовало бы изучить такие моменты, как поиск причин ослабления государственной власти, последующего роста беспорядков и, как следствие, перехода власти в руки народа, а если быть более точным, в руки толпы.

Е.И. Чернышев призывал обратить внимание и на национальные моменты в столкновениях крестьянских обществ, указывая, что столкновения за землю происходили как между национальностями, так и внутри моноконфессиональной одной общины, и что они были порождены, прежде всего, земельной нуждой одних и сравнительным благополучием других (Чернышев, 1926, № 4, с. 71). Историк, как нам думается, противоречит самому себе, обратив внимание на национальную рознь, тогда как сам же признает основной причиной столкновений малоземелье. Также вызывает вопросы утверждение автора, что «татары проявили себя сторонниками полного уничтожения крупного хозяйства более резко, чем другие национальности» (Чернышев, 1928, с. 98). Для такого проявления недовольства необходимы были резкие причины в виде большего, чем других национальностей, угнетения татар со стороны помещиков, чего не было ни в 1917 году, ни когда-либо ранее.

Е.И. Чернышев подчеркивает, что ноябрьское «погромное движение», уничтожившее помещичью собственность, вовсе не было социалистическим, а было буржуазным и он не может назвать его проявлением ни социалистической, ни буржуазно-капиталистической революции. Развивая его мысли, скажем, что такое «аграрное движение» открывало при определенных условиях путь для развития фермерского хозяйства. Однако Е.И. Чернышев про это не пишет, а акцентирует внимание только на односторонней интерпретации событий 1917 года на селе, которые подготовили социальную базу, явившуюся «гарантией осуществления в жизни деревни большевистского лозунга о национализации земли» (Чернышев, 1928, с. 97). Такой вывод Е.И. Чернышева является явно политизированным суждением, не имеющим ничего общего с исторической действительностью, когда российская деревня и после событий 1917 года имела различные пути развития, а не была втиснута в эту якобы подготовленную крестьянскими движениями социальную базу, делавшая неизбежным путь национализации земли.

Е.И. Чернышев обращает внимание на факты отнятия у помещиков сельскохозяйственных орудий, которые впоследствии либо не использовались, либо, более того, подвергались порче (Чернышев, 1928, с. 98). Естественно, он не приводит свое отношение к таким фактам, ведь разумным здесь было бы говорить только об отрицательных последствиях таких явлений для сельского хозяйства, но в таком случае его самого могли бы расценить как контрреволюционера.

Е.И. Чернышев, как нам представляется, преувеличивает роль «представителей зажиточного и кулацкого элемента деревни», которые, по его мнению, возглавляли «погромное движение» против помещиков от февраля к октябрю 1917 года и внесли решающий вклад в борьбе с помещичьими хозяйствами. Небесспорным представляется показ автором всего крестьянского движения 1917 года как стихийного проявления недовольства крестьянства, подобно тем, которые были во времена С.Разина и Е.Пугачева.

После долгого забвения в период сталинизма (Крестьянское движение, 1950), работы Е.И. Чернышева по крестьянскому движению 1917 года благодаря казанским историкам заняли свою «нишу» в советской историографии. Первые ссылки на его работы мы видим в книге И.М. Ионенко «Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября (по материалам Казанской губернии)» (Ионенко, 1957, с. 6, 7) и в последующих исследованиях по смежным темам (Литвин, 1972,

с. 118). Наиболее значимым результатом работы И.М. Ионенко стало комплексное изучение состояния деревни Казанской губернии до 1917 года, предпосылок последующих массовых выступлений. Автор на более высоком теоретическом и источниковедческом уровне проанализировал формы и методы борьбы крестьян против органов Временного правительства, помещиков и сельской буржуазии, поставил вопрос о необходимости углубленного изучения социально-психологического портрета развернувшихся в деревне событий накануне и после октября 1917 года, уделив внимание не только большевикам, но и эсерам, национальному вопросу. И.М. Ионенко критикует Е.И. Чернышева, прежде всего, за то, что он придал крестьянскому движению 1917 года определяющее значение на пути к революции, а рабочий класс, сельский пролетариат оставались как бы в стороне от происходивших в многонациональной деревне социальных процессов. Правомерным представляется его оценка об одностороннем освещении Е.И. Чернышевым предпосылок и хода крестьянских выступлений, прежде всего, в татарской деревне (Ионенко, 1957, с. 7).

Несмотря на серьезную критику, публикации Е.И. Чернышева, освещавшие аграрную борьбу крестьянства накануне Октябрьской революции, сохранили свое значение для специалистов и до настоящего времени, прежде всего, как первая попытка показа реальной картины крестьянского движения на основе архивных материалов.

Источники и литература

1. *Грачев* Е. Против реакционной фирсовщины // Красная Татария. 1931. 29 января.

2. *Ионенко* И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября (по материалам Казанской губернии). Казань, 1957.

3. *Крестьянское движение* в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции: сб. документов / Д.С. Гутман, Г.Г. Деркач; под ред. Е.И. Устюжанина. Т. 1. Казань, 1950.

4. *Литвин* А.Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны. Казань, 1972.

5. *Чернышев* Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. *1926. № 4*. С. 50–71.

6. *Чернышев* Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. *1926. № 5*. С. 81–105.

7. *Чернышев* Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк третий по архивным материалам) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. *1928. Т. 34. Вып. 1/2.* С. 4–98.

8. *Чернышев* Е.И. Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году // Вестник научного общества Татароведения. *1925. № 1–2*. С. 41–54.

9. *Чернышев* Е.И. Характеристика классовых отношений в деревне в 1915 г. // Вестник научного общества Татароведения. *1925. № 3*. С. 40–42.

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: istorkazan@mail.ru

Faizrakhmanov Ilshat Zavdatovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Department of Modern History, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 93/94

А.Г. Фот

Отзвуки Первой русской революции в стенах Оренбургской духовной семинарии

В данной статье поднимается вопрос о степени влияния революционных событий 1905 года в Российской империи на оренбургских семинаристов. Опираясь на архивные материалы из фонда Оренбургской духовной семинарии и опубликованные источники, автор называет возможные причины волнений среди семинаристов, анализирует их требования и подводит итоги волнений в стенах Оренбургской духовной семинарии.

Делается вывод о том, что революционная риторика инициаторов и организаторов волнений семинаристов серьезно не затронула. Протест носил преимущественно мирный характер. Молодые люди стремились обратить внимание верховной власти на необходимость коренной реформы Духовной школы.

Итогом волнений стали лишь незначительные изменения повседневной жизни семинаристов в стенах учебного заведения.

Исследование проводится в рамках изучения повседневности приходского православного духовенства.

Ключевые слова: пореформенный период, Оренбургская епархия, повседневность, забастовка, семинаристы, петиция.

A.G. Fot

The remnants of the First Russian Revolution within the walls of the Orenburg Theological Seminary

This article concerns the question of the degree of impact of the revolutionary events of 1905 in Russian Empire on the seminarians of Orenburg. Based on the archive materials from the collection of the Orenburg Theological Seminary and on published sources the author points out the possible reasons of the disturbances among the seminarians, analyzes their demands and sums up the disturbances within the walls of the Orenburg Theological Seminary.

It is concluded that the revolutionary rhetoric of the organizers and initiators of the unrest did not seriously affected the seminarians. The protests had largely peaceful nature. Young people sought to draw the attention of the Supreme authorities to the need of fundamental reforms in the Theological school. The result

of the disturbances became only minor changes in the daily life of the seminarians in the walls of the school.

The study is carried out in terms of study of everyday life of orthodox parish clergy.

Keywords: post-reform period, the Orenburg eparchy, everyday life, strike, seminarians, petition.

В дореволюционной России церковь была тесно связана с государством. Власти с помощью духовного сословия, прежде всего приходских священно-и церковнослужителей, доносили до подданных свою позицию. Многолетняя практика подтверждала удобство оглашения официальных документов через церковь, при посредничестве священника власти рассчитывали быстрее добиться повиновения народа. Для того, чтобы духовенство успешно справлялось с транслирующей функцией, по всей империи создавались духовные училища и семинарии. Духовная школа должна была дать «сколь возможно широкое и основательное общее образование и увенчать это образование специальным богословским для приготовления людей к пасторскому служению» (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 220. Л. 8). В идеале, покидая стены учебного заведения, будущие пастыри должны были научиться влиять на народ таким образом, чтобы своим авторитетом удерживать прихожан от масштабных волнений. На практике, семинаристы не только овладевали этой наукой весьма поверхностно, но и сами принимали участие в протестных движениях. Особенно ярко это проявилось в период Первой русской революции 1905–1907 гг.

Протестные выступления учащихся семинарий рассматривались в достаточно большом количестве работ отечественных исследователей, но в целом, лишь Б.В. Титлинов, П.Н. Зырянов, и Г.Е. Колыванов изучали протестные выступления семинаристов в 1905–1907 гг. на всей территории Российской империи (Титлинов, 1924; Зырянов, 1984; Колыванов, 1999). Остальные исследователи изучали протестное движение на примере отдельных семинарий. Как правило, историки считали, что организованный характер имели лишь те семинарские выступления, которые устраивались по решению съездов. (Васильев, 1926; Конюченко, 1996). Прочие акции протеста считались стихийными, неорганизованными выступлениями. К ним относились бунты и волнения. Авторы называли разные факторы, влиявшие на развитие семинарского движения: одни придавали значение ученическому, студенческому или рабочему движению (Ватник, 1985); вторые – революционному движению и политическим событиям (Голубцов, М., 1999; Малышева, Пенза, 1999); тре-

тьи – революционной пропаганде. Пальму первенства в этом вопросе большинство историков отдавало социал-демократам (Бланк, 1954; Черменский, 1961; Шенгелия, 1980).

В данной статье поднимается вопрос о степени вовлеченности оренбургских семинаристов в революционные волнения 1905–1907 гг. Именно на это время приходится пик функционирования нелегальных объединений и проведение забастовок, к которым примыкают семинаристы с целью реформирования духовной школы.

Жесткая регламентация жизни воспитанников, запрет на развлечения, а также существенные различия в программе обучения духовной и светской школы приводили к тому, что молодые люди из семей священнослужителей чаще всего не горели желанием получать образование в семинариях. У представителей духовенства редко находились средства, чтобы позволить своим отпрыскам поступить в другое учебное заведение. Поповичи, вынужденные отправляться в семинарию, учились неохотно, трудно ладили с наставниками и мечтали о светском образовании, которое, как им казалось, приобщит их к особому студенческому братству, а в будущем откроет доступ в другое общество и иную жизнь. Университет, как вспоминал один из поповичей в 1906 г., «был для нас буквально землею обетованной, мечтой, той грезой о светлом новом мире, который унесет нас куда-то в заоблачные выси – в царство идей, братства, равенства, свободы и истины» (цит. по: Манчестер, 2015, с. 279). Неудивительно, что семинаристы негативно относились к мерам властей по ограничению доступа в университеты для детей духовенства. Еще указ от 20 марта 1879 г. предписывал принимать отпрысков клириков в университеты, в случае, если они перед этим успешно сдавали экзамен при гимназии. (Новый закон..., с. 303–304). Семинарский устав 1884 г. не только подтвердил это правило, но и существенно увеличил число специальных богословских предметов за счет сокращения светских дисциплин. Кроме того, общеобразовательные предметы не были сосредоточены на первых курсах семинарии, а были растянуты на весь период обучения (Уставы…, 1884, с. 59–78). Все это значительно затруднило для семинаристов поступление в светские вузы. В результате, с конца XIX столетия в семинариях вспыхивают волнения с целью побудить верховную власть к проведению реформ духовного образования. С конца 1889 г. в Оренбургскую духовную семинарию стали поступать сведения о забастовках в других семинариях. У учеников находили программы реформ, составленные участниками забастовок, с приглашениями «оренбургским товарищам включиться в борьбу». По свидетельствам преподавателей Оренбургской семинарии, эти

призывы вызывали сочувствие у воспитанников. Некоторые из них высказывались в поддержку идей, изложенных в программах (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 121). Однако впервые протест Оренбургских семинаристов против существующих порядков обрел действенные формы лишь в начале XX века.

С 1904 г. брошюры, которые инспектор находил среди вещей семинаристов, чаще свидетельствовали о революционных движениях в Центральной России. Чуть позже стали появляться прокламации социалистического и революционного направления, которые в стихах и прозе призывали семинаристов бороться за свободу, требовать созыва земского собора или учредительного собрания, предоставления права всеобщего, прямого и тайного голосования. Довольно быстро удалось установить, что прокламации распространяет так называемая «Организация средних учебных заведений», работающая под контролем РСДРП и ведущая активную пропагандистскую работу среди учащейся молодежи (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 119).

Вскоре также стало известно, что на семинаристов оказывают влияние двое студентов из Ярославля. Установить их личности и перехватить прокламацию с призывами к забастовке, которую они распространяли среди семинаристов, не удалось. Складывается устойчивое впечатление, что руководство семинарии и не прикладывало особых усилий к тому, чтобы это сделать. Собравшись на очередное педагогическое собрание 4 января уже следующего 1905 г., руководители семинарии лишь разделили всех своих воспитанников на три разряда «по степени благонадежности и благонамеренности, на основании их характера и проявления характера в поведении» (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 111 об.). Такая пассивная реакция на возрастающую угрозу свидетельствует либо о вопиющей халатности руководства семинарии, либо о полной его неспособности повлиять на подопечных.

Начальство, в итоге, не смогло предотвратить участия семинаристов в волнениях, охвативших Оренбург в связи с объявлением Манифеста от 17 октября. Учащиеся бастовали шесть дней – с 18 по 23 октября 1905 г. Они приняли участие в антиправительственном шествии по улицам города, а также присоединились к сходке во дворе дома купца Иванова (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 113–114). Нужно признать, что революционная риторика инициаторов и организаторов этих мероприятий всерьез семинаристов не затронула. Во всяком случае, в петиции, которую они начали составлять 18, а подали ректору 23 октября 1905 г., не было ни одного политического требования. Молодые люди соглашались

вновь приступить к занятиям после коренной реформы духовной школы. Они требовали для семинарии автономии от власти епископа, хотели свести к минимуму преподавание в семинарии богословских предметов и максимально расширить курс светских наук. Ратовали семинаристы и за отмену закона, который с 1879 г. затруднял их доступ в светские учебные заведения, а также за отмену деления выпускников на разряды. Они упоминали о необходимости либерализации внутрисеминарской жизни. Прежде всего, отмены телесных наказаний и обысков. Молодые люди требовали обеспечить неприкосновенность их корреспонденции и предоставление права «…свободного выражения своих мыслей перед преподавателями» (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 111). Проблема существующей системы образования в духовных учебных заведениях заключалась, главным образом, в том, что в атмосфере тревожного ожидания наказания и постоянного нарушения личного пространства, при отсутствии нормального диалога ученика с учителем, не был возможен продуктивный образовательный процесс. Юноши хотели иметь право распоряжаться свободным временем по своему усмотрению: посещать музеи, театры, создавать кружки, читать передовую литературу и свободнее общаться со сверстниками из других учебных заведений (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 110–111).

На наш взгляд, петиция семинаристов наглядно демонстрирует все недостатки духовной школы, накопившиеся к началу XX века. Юноши хотели получать более светское и соответствующее времени образование не только потому, что после семинарии им было сложно поступить в университеты. Получив специфическое богословское образование, они в итоге серьезно отличались от других слоев образованного общества, не встречая среди них отношения к себе как к равным. Об этом писал еще преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, сын сельского священника Д.И. Ростеславлев: «Семинарии прививают к своим воспитанникам особый взгляд на мир, на жизнь, на светское общество, приучают к особому роду мышления, к особому слогу, к особым внешним приемам; все это многим образованным светским людям кажется то нелепым, то диким, то странным» (Ростеславлев, т. 2, с. 388). Между тем, возвышаясь над массой крестьян своими знаниями и привилегиями, духовенство стремилось заводить знакомство с более образованными людьми. Кроме того, замкнутый образ жизни, который диктовали правила духовной школы, после выпуска значительно затруднял адаптацию к приходской жизни. Так что духовная школа действительно нуждалась в реформах, и часть требований участников волнений была вполне справедливой.

Епархиальные власти не смогли быстро справиться с возникшей ситуацией. Архиерей принял решение о временном закрытии учебного заведения. Занятия в семинарии возобновились только 10 января 1906 г. (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 99, 106).

В качестве наказания и усмирения воспитанников, епархиальные власти хотели навсегда исключить из семинарии 30 человек, которых считали главными зачинщиками волнений. Еще 11 человек, хотя и были среди активных участников забастовки, по мнению начальства, оказывали на товарищей благотворное действие, что позволило сохранить мирный характер протеста. Их следовало подвергнуть временному исключению до начала следующего учебного года. (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223. Л. 103–105). В столице решили, что это только накалит обстановку, настроит против властей воспитанников учебных заведений и даст лишний козырь в руки тем, кто подстрекал их на забастовку. Циркулярный указ Святейшего Синода от 16 ноября 1905 г. за № 5837 предписывал: «…Всех уволенных и исключенных из семинарии по поводу последних нестроений в оных воспитанников, считать на время отпущенными в домы родителей». (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 238. Л. 26). Постепенно обратно в семинарию приняли всех воспитанников, которые обучались там до забастовки (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 238. Л. 9–13 об.; 20–23 об.; 31–31 об.).

После октябрьских волнений руководство семинарии ужесточило правила, которым должны были следовать воспитанники учебного заведения (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 218. Л. 42–42 об.), но действовали они недолго. Протест семинаристов все-таки принес им определенные плоды. В 1906 г. Синод постановил ввести в духовных семинариях некоторые изменения по учебно-воспитательной части. Правлениям семинарий было рекомендовано расширять ученические библиотеки, причем не ограничиваться книгами, ранее разрешенными Учебным комитетом при Синоде, а учитывать и пожелания воспитанников в выборе книг. Семинарскому начальству разрешалось устраивать для учащихся в семинариях в свободное от занятий время литературные чтения и вокально-музыкальные концерты (Сушко, 1996, с. 109). С этого времени в Оренбургской духовной семинарии стали проводиться концерты и литературные вечера. На них воспитанники пели, музицировали, читали стихи, подробнее знакомились с творчеством знаменитых светских писателей, спорили и высказывали свое мнение об их произведениях (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 138. Л. 3). С 1909 г. ученики старших классов семинарии получили бесплатный доступ на публичные лекции Оренбургского

психологического общества, которые пользовались неизменной популярностью (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 138. Л. 3 об.–5). Неизгладимые впечатления у воспитанников старших классов семинарии оставили экскурсионные поездки 1912–1913 и 1913–1914 гг. в Москву на Рождественские каникулы. В более чем двухнедельной поездке юноши знакомились с достопримечательностями древней столицы (ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 321, 335). Забота об улучшении досуга воспитанников плодотворно влияла на душевный настрой семинаристов, позволяя им легче переносить тяготы учебы. Организованные экскурсионные поездки к тому же расширяли их кругозор.

Итак, оренбургские семинаристы не остались в стороне от революционных волнений, охвативших Россию в 1905 г. Однако протест учащихся носил мирный характер. Причина забастовки заключалась не в стремлении к политическим преобразованиям, а в надежде на реформу духовной школы. Бастовавшие не добились воплощения в жизнь всех требований заявленных в программе, но организованный протест привел к частичной либерализации внутрисеминарской жизни.

Источники и литература

1. *Бланк* А. Владимир (Краткий очерк истории города). Владимир, 1954.

2. *Васильев* Д. Минувшее (Очерки истории революционного движения молодежи в 1905–1920 гг. во Владимирской губернии). Владимир, 1923.

3. *Ватник* Н.С. Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции (по материалам Московского учебного округа): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.

4. *Голубцов* С.А. Московская духовная академия в революционную эпоху: Академия в социальном движении и служении в начале XX века. Т. 1. Ч. 3. Московская духовная академия дореволюционного периода. М., 1999.

5. *ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 138.*

6. *ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 218.*

7. *ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 223.*

8. *ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 238.*

9. *ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 321.*

10. *ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 335.*

11. *Зырянов* П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

12. *Колыванов* Г.Е. Духовные семинарии в России в 1880-е – 1920-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Сергиев Посад, 1999

13. *Конюченко* А.И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996.

14. *Малышева* Н.В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 1999.

15. *Манчестер* Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

16. *Новый закон* о порядке допущения семинаристов в университеты // Курские епархиальные ведомости. 1879. № 7. Часть официальная. С. 303–304.

17. *Ростеславлев* Д.И. О православном белом и черном духовенстве. В 2-х тт. Т. 2. Лейпциг, 1886.

18. *Семаков* С. Из революционного прошлого молодежи Вятской губернии (1905–1908). Вятка, 1926.

19. *Сушко* А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–115.

20. *Титлинов* Б.В. Молодежь и революция: из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. Л., 1924.

21. *Уставы* православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1884.

22. *Черменский* П.Н. Прошлое Тамбовского края: К 325-летию города Тамбова. Тамбов, 1961.

23. *Шенгелия* Т.Н. Революционное движение учащайся молодежи Грузии (1890–1907 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1980.

Фот Алена Гергардовна – аспирант кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург); e-mail: fotalena@mail.ru

Fot Alena Gergardovna – Postgraduate, Department of Russian History of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)

УДК 94

И.Ф. Шафиков

«Мәҗмуга аль-афкар» Сагита Сунчелея как исторический источник

Доклад посвящен постановке вопроса о введении в научный оборот малоисследованного источника – «Мәҗмуга аль-афкар» Сагита Сунчелея. Затронуты отдельные аспекты внутренней и внешней критики источника. «Мәҗмуга» представляет собой разрозненные анкетные листы заполненные респондентами в 1914 г. Анкета посвящена повседневной жизни и литературе.

Ключевые слова: Сагит Сунчелей, повседневность, татары, 1914, литература.

I.F. Shafikov

“Madjmuga al-afkar” by Sagit Sunchelei as a historical source

The report focuses on the question of introduction into scientific revolution of a little-explored source – “Madjmuga al-afkar” of Sagit Suncheley.

The author discusses some aspects of internal and external criticism of the source. “Madjmuga al-afkar” is a disparate questionnaire sheets filled by the respondents in 1914. The questionnaire is devoted to everyday life and literature.

Keywords: Sagit Sunchelei, everyday life, the Tatars, 1914, literature.

Поэт, переводчик, общественный деятель – Сагит Сунчелей (1889–1941), прославился на литературном поприще. Родился будущий поэт в селении Старый Мостяк Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне Ульяновская область) (Рәми, Даутов, 2001, б. 224).

Начальный этап его жизни тесно связан с Астраханью, где он получил богословское образование и начал свою литературную и педагогическую практику. В 1907 г. он приезжает в Казань для продолжения своего образования. Однако религиозному образованию он предпочитает светское и поступает в Казанскую татарскую учительскую школу. А в 1909 г. вместе с окончившим курс старшим братом Шарифом отправляется работать учителем в д. Сараши Осинской волости Пермской губер-

нии в земской четырехлетней русско-татарской школе (Подробнее см.: Мурсабекова, 2001).

Предметом данной работы является малоисследованный историками труд Сагита Сунчелея – анкета «Мәҗмуга әләфкар» (Собрание мыслей). На данный момент разрозненные листы анкеты хранятся в Национальном музее Республики Татарстан (НМ РТ) с присвоенным номером КП–17520. Из описания известно, что анкеты собраны в 1914 г. от «поэтов, писателей, критиков, учителей и др. интеллигентных лиц» (КП–17520 титул). Всего было обработано 32 листа, различного объема и различного авторства. Нумерация листов, как правило, отсутствует. В некоторых случаях анкеты, заполненные одним респондентом, помечены цифрами от 1 до 9.

Анкета представляет собой два опросных листа, отпечатанных типографским арабским шрифтом, которые, видимо, сам Сагит Сунчелей отправлял своим респондентам для заполнения. Первый лист озаглавлен: латинской цифрой «I» и словом: «Әдәбият» (Литература), и сопровожден, следующим комментарием «Әдәбиятыбызның барышы. Үткәне, хәзерге хәле, киләчәге. Тәкъдир ителерлек әсәрләребез. Пьесалар һәм театрыбыз. Нәрсәгә ихтыяҗыбыз зур. Шигырь, нәшер, тәнкыйть. Шагыйрьләребез, мөхәррир-әдипләребез, мөнәкъкыйдләребез... гомуми мөляхәзә» («Развитие нашей литературы. Прошлое, настоящее, будущее. Достойные представления произведения. Пьесы и театр. В чем мы сильно нуждаемся. Стихосложение, издательское дело и критика. Поэты, издатели-литераторы, критики ... общие соображения»).

Из сопровождающего комментария видно, что Сагит Сунчелей, дает своим респондентам каркас ответа, ставя перед ними вполне четкую задачу. Необходимо ответить, что этот раздел представляет интерес для истории татарской литературы.

Второй лист озаглавлен латинской цифрой «II» и словом «Тормыш» (Жизнь), сопровожден следующим комментарием: «Тормышыбызда гүзәллекләр, кимчелекләр. Тормышыбыз ярарлыкмы, түгелме? Ни җитешми? Бүтәнрәк тормыш кирәкме? Ничек эзлик? Ничек табыйк? Ничек тора башлыйк? Нигә омтылыйк? Ничек яхшырыйк? Ирләребез һәм кыз-хатынларыбыз хакында мөляхәзә» («Красота и недостатки нашей жизни. Достойна ли наша жизнь или нет? Чего не хватает? Нужна ли друга жизнь? Как искать? Как обрести? Как начать жить? На что надеяться? Как лучше? Наблюдения о наших мужчинах и женщинах»).

Как видно, и в данном случае, С.Сунчелей, задает красную линию, структуру ответа. Однако, оставляя определенную свободу для респондента. Не оставляет места для сомнения интерпретация понятия «Тормыш» как повседневной жизни.

Идентификация комментаторов представляет собой определенную трудность, т.к., если некоторые, как, например, Сагид Сунчалей (НМ РТ КП 17520–1) или Сакина-Банат Ахунд Алмасхуди (НМ РТ КП 17520–7), подписались полными именами, то другие оставили только автографы в виде личных подписей или общего «Дустың, Мирсияф» (НМ РТ КП 17520 –8).

Для исследования представляют определенную ценность ответы респондентов на вторую часть. Ответы – это тексты разного объема, от полстраницы до нескольких листов, авторами которых были представители разных слоев татарского общества в 1914 г. Источник содержит многочисленные сведения о повседневной жизни, и эмоциональную оценку, социальных и политических процессов. Рассматриваются вопросы женского образования и статуса, отдельные аспекты моды и тендерных взаимоотношений. Данный источник будет полезен для широкой группы исследователей, владеющих арабской графикой.

Источники и литература

1. *НМ РТ КП 17520.*
2. *Мурсабекова* Р.Р. Сагит Сунчелей: судьба и творчество. Казань, 2001. 157 с.
3. *Рәми* И.Г., *Даутов* Р.Н. Әдәби сүзлек. Казан: Татар. кит нәшрияты., 2001. 399 б.

Шафиков Ильдар Фаритович – ассистент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: nur_ad_din@mail.ru

Shafikov Ildar Faritovich – Assistant of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology, Kazan (Volga) Federal University (Kazan)

Материалы Круглого стола «Источники по истории народов Поволжья и Приуралья позднеимперского периода»

УДК 94(5)+(470.41)

К.Г. Ахсанов

Освещение государственного переворота 23 января 1913 г. в Османской империи периодической печатью татар Поволжья и Приуралья

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью освещения малоизвестных эпизодов в турецкой истории и российско-турецких отношениях. Тема государственного переворота 23 января 1913 г. в целом достаточно подробно не исследована в отечественной исторической науке, а вопрос вовлеченности в события выходцев из России почти не затрагивается в научной литературе. Цель статьи заключается в анализе материалов татарских журналистов, работавших в Стамбуле с ноября 1912 по январь 1913 гг., касающиеся внутриполитической ситуации в Османской империи. Изучив материалы татарских журналистов, находившихся в Стамбуле во время Балканской войны, можно сделать вывод, что они имели тесные связи с местными коллегами по перу, а также со многими османскими политиками, и были свидетелями, возможно, и участниками внутриполитической борьбы в столице Османской империи.

Ключевые слова: Балканская война, Османская империя, Турция, Ф.Карими, «Вакыт», «Йолдыз», «Иттихад ве теракки» (младотурки), Г.Камал.

K.G. Akhsanov

The coverage of the coup d'état on January 23, 1913 in the Ottoman Empire by periodicals of the Tatars of Volga and Ural regions

The relevance of the research problem is caused by necessity to highlight little-known episodes in Turkish history and Turkish-Russian relations. The theme of the coup d'état on January 23, 1913 in general, has not been investigated in the Russian historical science in sufficient details, and the question of involvement in the events of the immigrants from Russia is almost absent in the scientific literature. The purpose of this article is to analyze the materials of the Tatar journalists, who worked in Istanbul from November 1912 to January 1913, concerning the internal political situation in the Ottoman Empire. Having studied the materials of the Tatar journalists who were in Istanbul during the Balkan war, one can conclude that they had close ties with the local colleagues, as well as with many Ottoman politicians, they also were witnesses and maybe participants of the internal political struggle in the capital of the Ottoman Empire.

Keywords: the Balkan war, the Ottoman Empire, Turkey, F.Karimi, “Vakyt”, “Yoldyz”, “Ittihad ve terakki” (the Young Turks), G.Kamal.

Актуальность исследуемой в данной статье темы обусловлена необходимостью освещения малоизвестных эпизодов в истории Турции и российско-турецких отношениях, а также роли российских мусульман в общей картине российско-османских отношений в начале XX в. После присоединения татарских ханств Россией Османская империя воспринималась значительной частью татар как оплот ислама, как возможный освободитель, как союзник в борьбе с колониальной политикой русского самодержавия. Культурные связи между Волго-Уральским регионом и Османской империей насчитывают не одну сотню лет. Новый всплеск интереса к Турции у мусульман России был связан с периодом реформ Танзимата, предпринятых османскими правящими кругами с середины XIX в. с целью преодоления отсталости Османской империи от передовых европейских стран.

Следует отметить, что турецко-османская тема традиционно занимала одно из центральных мест на страницах татарских периодических изданий. Татарские газеты и журналы живо интересовались событиями, происходившими в Османской империи. При этом некоторые татарские журналисты и редакторы были так или иначе связаны с Турцией – учились там или имели родственные связи (Юсуф Акчура, Фатих Карими).

События, связанные с общественно-политической жизнью Османской империи, находили живой отклик среди аудитории татарской печати. С воодушевлением была встречена младотурецкая революция 1908–1909 гг. С сочувствием к Турции писали татарские издания во время Триполитанской войны 1911–1912 гг., когда Италия начала военную кампанию с целью захвата последних османских владений в Африке – Триполитании и Киренаики (нынешняя Ливия). Но наибольший резонанс в татарской прессе вызвали события, связанные с Балканскими войнами 1912–1913 гг. Первая Балканская война, проходившая на территориях Албании, Македонии и Фракии, закончилась тяжелым поражением Османской империи. Болгары взяли Адрианополь (Эдирне) и продвинулись до пригорода Стамбула – Чаталджи (Osmanlı devleti ve medeniyeti tarihi. Cilt. 1. 1994).

Не ограничиваясь перепечатками и ссылками, некоторые, наиболее читаемые, татарские издания направляют в район боевых действий своих корреспондентов. Но прибывшие в Турцию журналисты стали описывать не только военные действия. Они оказались в круговороте острой внутриполитической борьбы, которая шла в то время в Османской империи.

Татарские журналисты оказались в Стамбуле в наиболее драматический момент, когда османские войска, неся тяжелые потери, отступали к Стамбулу от превосходящих войск стран Балканского союза (Болгария, Греция, Черногория, Сербия). Лишь ценой огромных усилий туркам 17–19 ноября 2012 г. удалось отбить болгарские атаки на Чаталджийские позиции, что находились в нескольких десятках километрах от столицы Османской империи. Непосредственная угроза Стамбулу была снята, это способствовало заключению 3 декабря 1912 г. перемирия между Турцией и союзниками. Предполагалось, что мирный договор будет согласован на конференции послов в Лондоне. Тогда, осенью 1912 г., татарские журналисты не могли знать всех аспектов Балканского конфликта, но тем не менее они внесли свой важный вклад в освещение событий как вокруг Балканской войны, так и в описание внутриполитической борьбы в столице Османской империи, кульминацией которой и стал переворот 10 (23) января 1913 г.

В качестве источников при написании данной статьи нами были привлечены материалы татарской периодической печати 1912–1913 гг., в которых освещалась ситуация на фронтах Первой Балканской войны, а также давались оценки событиям в политической жизни Османского

государства. Нами были использованы такие газеты как «Йолдыз» («Звезда»), «Вакыт» («Время»), «Кояш» («Солнце»), а также книга Фатиха Карими, написанная по материалам, которые он отправлял из Стамбула в газету «Вакыт» – «Стамбульские письма».

Когда государства Балканского союза (Сербия, Черногория, Греция и Болгария) начали военные действия против Османской империи, Россия официально заняла нейтральную позицию, что означало возможность свободной трактовки в прессе происходивших событий. Общественное мнение в самой России по Балканскому вопросу разделилось по политическим взглядам и направлениям: социалисты и монархисты, правые и левые занимали порой диаметрально противоположные позиции, но все они, так или иначе, выступали против турецкого присутствия на Балканах. Совершенно иной была реакция на начавшуюся Балканскую войну в татарской печати. Событиям на Балканах посвящались передовые полосы газет, это были перепечатки сообщений информационных агентств, таких столичных газет как «Новое время», «Русское слово», а также собственные комментарии. Наиболее подробно и скрупулезно ход военных действий отслеживала выходившая в Оренбурге газета «Вакыт». Когда стало известно, что на всех фронтах турки терпят одно поражение за другим, а болгарские войска выходят на подступы к Стамбулу, татарские газеты заговорили уже об угрозе не только самой Османской империи, но и всему мусульманскому миру. Можно сказать что, начало Балканских войн буквально взорвало татарскую общественность. Катастрофические поражения турецких войск в первые недели войны и потеря почти всех европейских владений, за исключением нескольких осажденных городов – все это походило на полный крах некогда могущественнейшей Османской империи.

Уже в декабре 1912 г., когда поражение Османской империи на первом этапе войны стало очевидным, газета «Кояш» (Казань) писала: «Если европейцы обращают внимание на эту войну с точки зрения политического равновесия, то многочисленные многомиллионные мусульмане всего мира вынуждены на нее смотреть совсем с другой точки зрения. В этой войне решается судьба единственного сохранившегося до наших дней самостоятельного мусульманского государства – Османской империи. Останется или нет после этой войны на земном шаре хоть один самостоятельный мусульманин, не попавший в зависимость. Для тюркских народов значение результатов этой войны еще важнее: здесь проверяется их способность жить в XX в. Если смотреть с этой точки зре-

ния, мы, татары, естественно, не можем сохранить хладнокровие: при каждом поражении турок наши сердца разрываются, сопереживаем их бедствия и позор» («Кояш», 1912).

Но дело не ограничивалось только сопереживанием, было и соучастие в виде, как бы сейчас сказали, гуманитарной помощи по линии Хиляль Ахмар (турецкий аналог Красного креста), сборов пожертвований и т.д. Мусульмане Поволжья и Приуралья не только внимательно следили за событиями на фронтах Балканской войны, не только собирали пожертвования и ухаживали за раненными. Например, известный татарский политический деятель, публицист Юсуф Акчура ушел на фронт в звании сотника (йузбаши), как сообщает в своей книге редактор газеты «Вакыт» Ф.Карими. Принимал участие в боях и младший брат самого Ф.Карими – Гариф, и даже был ранен. Всего же в военных действиях принимали участие более ста добровольцев из числа российских мусульман (Кәрими, 1913).

Прибывшие в Турцию татарские журналисты стали описывать не только военные действия. Они оказались в круговороте острой внутриполитической борьбы, которая шла в то время в Османской империи. Наиболее полно ситуация в Османской империи периода Балканских войн отражена в книге Ф.Карими «Стамбульские письма» («Истанбул мәктүпләре»), которая написана на основе материалов для газеты «Вакыт», чьим корреспондентом в Стамбуле он был с ноября 1912 по март 1913 гг. Свое видение ситуации содержится в корреспонденциях в газету «Йолдыз» Г.Камала, который пробыл в Стамбуле с ноября 1912 по январь 1913 гг. Были и другие корреспонденты, которые снабжали свои издания новостями непосредственно из гущи событий. После отъезда Г.Камала на родину, газета «Йолдыз» продолжала направлять в Турцию своих корреспондентов.

Выбранные нами источники, а также привлеченные нами работы российских, турецких и европейских исследователей позволили нам составить объективную картину политической жизни Османской империи в конце 1912 – начале 1913 гг. В этот промежуток времени в Стамбуле проживало немало выходцев из Российской империи, значительную часть которых составляли и волго-уральские татары.

Осенью 1912 г. Османская Турция переживала один из самых драматичных эпизодов своей истории. Тяжелые поражения первых дней Балканской войны усугублялись крайне напряженной внутриполитической ситуацией в стране. Воспользовавшись поражением Османской

империи в войне с Италией, опираясь на часть офицерского корпуса, политические противники младотурок (партии «Иттихад ве тараки» – («Единение и прогресс»), или как их называли – «иттихадисты») совершили в июле 1912 г. переворот. Его возглавила созданная в ноябре 1911 г. партия «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие»), в которую вошли многие оппозиционные партии и группы. Новую партию поддерживали представители национальных меньшинств, которым она обещала провести в жизнь принцип автономии национальных областей при сохранении политической целостности страны. «Хюрриет ве иттиляф» представляла собой достаточно сложное явление и включала в свои ряды представителей самых разных политических взглядов: националистов, либералов, западников, секуляристов и т.д., кроме того, в ее состав входили как турки-мусульмане, так представители немусульманских народов Османской империи (Genel Türk tarihi, 2002).

В июле 1912 г. итиляфисты добились отставки правительства, поддерживаемого иттихадистами. Новый кабинет министров находился под контролем итиляфистов. В августе 1912 г. они добились и роспуска парламента, в котором большинство принадлежало иттихадистам. Затем была объявлена амнистия, распространившаяся и на сторонников свергнутого султана Абдул Хамида II. Младотурки, потеряв власть, начали готовиться к борьбе в новых условиях. В августе 1912 г. они провели очередной съезд партии в Стамбуле, а затем их Центральный комитет перебрался в Салоники. 18 октября произошли большие перемены и в Стамбуле. Кабинет министров ушел в отставку, а новое правительство возглавил уже откровенный ставленник итиляфистов Кямиль-паша. Глава правительства получил прозвище «инглиз», т.е. англичанин, так как более двадцати лет находился в тесных связях с Великобританией (Finkel, 2007).

Противники младотурок воспользовались военной ситуацией, чтобы обрушить репрессии на своих политических противников. Многие крупные политические фигуры из числа младотурок были арестованы (Петросян, 2003). Садразам (великий везирь) Кямиль паша выступил с предложением созвать конституционное собрание. Но другие члены кабинета не разделяли этот подход. Младотурки же в эти споры решили не вмешиваться (Feroz, 2010). Вот в такой непростой политической ситуации и пытались разобраться татарские журналисты в Стамбуле.

О том, что политическое противостояние в Стамбуле достигло критического накала Ф.Карими понял из разговора с турецким консулом в

Одессе. На вопрос журналиста об аресте видных деятелей младотурецкого движения Махмуд Шавкет-паши, Джавид-бея, Джахид-бея, и на вопрос «в чем заключается их вина», консул ответил: «...они потопившие всю нашу страну, уничтожившие все что можно, они свели все на нет. Они – мятежники, смутьяны. Они только и знали, как все испортить. Если бы после того, как все испортили, отошли бы в сторону и передали власть другим, как хорошо бы было, но так не поступили. Все держали в своих руках, и, пять-десять человек хотели править страной, как им заблагорассудиться. Знаете, как много в нашей стране разных наций, всех задели за живое… вот результат перед Вами, эфендим» (Кәрими, 1913). Пройдет чуть больше месяца и этот дипломат уже в разговоре с Г.Камалом, который также ехал в Стамбул через Одессу, откажется от своих слов. Подобный поворот был связан с изменениями в политической ситуации в Турции.

Уже в Стамбуле Ф.Карими пишет об арестах членов партии «Единство и прогресс». Он сообщает о том, что арестованы крупные государственные деятели: министры, помощники министров, депутаты, партийные функционеры. Некоторые представители бывшего руководства страны сумели бежать за границу. На расспросы журналиста, в чем же вина младотурок, последовал ответ, совпадающий с официальной на тот момент точкой зрения: «Эфендим, разве не видишь, что свалилось на наши головы? Все это злодеяние иттихадистов, несколько человек, захватив в свои руки власть, перевернули страну с ног на голову. С одной стороны, настроили против себя всех христиан, живущих в стране, с другой, остудили любовь Европы к нам… Они – причина всего нашего нынешнего состояния». Рассуждая о причинах столь жесткого отношения новых властей к младотуркам, Ф.Карими приходит к выводу, что нынешним властям после заключения мира придется ответить за все (поражение в войне и потеря огромных территорий). И на протестной волне вновь будут востребованы младотурки, которые обязательно попытаются вернуть себе власть. То есть уже тогда, в конце осени 1912 г., Ф.Карими фактически предсказал млодотурецкий переворот января 1913 г.

В записях Ф.Карими острое внутриполитическое противостояние видится одной из главных проблем Турции: «Многие здесь признают, что самая главная причина сегодняшней катастрофы Турции заключается в межпартийных распрях, турецкую армию победили не болгары, а междоусобицы. Наиболее образованные слои общества особенно это понимают. Однако, они настолько увлечены межпартийными разногла-

сиями, что, например: если сейчас станет известно, что «Иттихад ве теракки», придя к власти, выдворит все вражеские войска за пределы страны, то противостоящая ей партия категорически не будет довольна, и, что бы спастись от преследований иттихадистов, предпочтет то, что лучше уж Турция будет захвачена балканскими славянами» (Кәрими, 1913). Конечно, в этих рассуждениях есть крайность, вытекающая из личных симпатий автора к младотуркам, которых он называет «самыми способными, талантливыми, и самоотверженными людьми, истинными защитниками родины» (Кәрими, 1913). Стремление турок свалить всю вину на иттихадистов, по мнению Ф.Карими, исходит от отсутствия у них объективной информации, а также от доверия к словам «сладкоголосых» греков и армян. «Иттихадисты стремились установить в Турции турецкую власть. В чем-то, в частности, поторопившись, совершили ошибки, но цели их были верны. Однако иттиляфисты «со товарищи» греками и арнаутами (албанцами) показали свое «мастерство»: они стали главной причиной сокращения или даже уничтожения османской власти в Европе. Бедные чистосердечные турки сейчас хвалят арнаутов и ругают иттихадистов» (Кәрими, 1913).

Одним из важных аспектов политической ситуации в конце 1912 г., являлся вопрос о форме правления в Османской империи. Главнейшим итогом младотурецкой революции 1908–1909 гг. стало восстановление Конституции 1876 г. и назначение правительства большинством депутатов Меджлиса (парламента). И вот ставится под сомнение, пусть неофициально, на уровне слухов, сама необходимость выборного органа. «Среди народа распространилось следующее известие: поскольку в течение 4 лет от депутатов Меджлиса не было никакой пользы, и, по мнению народа, конституционное правление не совершенно, то правительство ликвидирует палату депутатов – Меджлис и оставит только вместо него Шураи девлет (Государственный совет). Сегодня правительство через газеты опровергает эту информацию. Таких намерений не было, это полностью выдуманное сообщение, заявляет правительство. Однако, здесь многие считают, что это сообщение не выглядит полностью безосновательным. Скорее всего, предполагается не явная ликвидация депутатского корпуса, а изменение его значения, сделать несколько шагов назад, и если на политической арене не станет «Иттихад ве теракки», то позже против такого шага вряд ли кто-либо выступит категорически против» (Кәрими, 1913).

К теме арестов младотурок Ф.Карими возвращается почти в каждой своей записи в ноябре и декабре 1912 г.: «Вот их всех собирают и запирают в тюрьму. Вот только в эти дни в имении рядом со Стамбулом у одного из иттихадистов египтянина известного принца Саид-паши проведен обыск силами 150 конных полицейских и 200 пеших военных. Якобы, возможно, что там иттихадисты готовили оружие». При этом, несмотря на преследования, сообщает Ф.Карими, от имени Саид-паши продолжается раздача милостыни. «Достойное сожаления дело, в то время как Отечество находится на краю гибели, заключить в тюрьму или заставить бежать за границу ради спасения своей жизни людей самых избранных, деятельных, истинных защитников родины. В такое время все межпартийные распри должны были быть отброшены в сторону, все сыны отечества, сплотившись, должны были защищать родину. Здесь же все наоборот...» (Кәрими, 1913). Ф.Карими посетил в тюрьме военного управления известного редактора Ахмед-бея Агаева. Приводит его слова: «Нас сюда (в тюрьму) привела верность и любовь к нации и отечеству. Правильны ли были наши усердия или ошибочны будет известно позже, правда станет очевидной» (Кәрими, 1913). Критикуя нынешние турецкие власти, все же Ф.Карими отмечает очень даже приличные условия содержания заключенных: хорошее питание, просторные помещения и даже отсутствие решеток на окнах.

В то время как враг стоит у ворот столицы, пишет Ф.Карими, и, приставив к сердцу родины кинжал, диктует условия позорного мира, в темницу брошены самые талантливые и самоотверженные патриоты страны. Несомненно, что внешние враги и христиане внутри страны, желающие гибели Турции, этому только рады. Ф.Карими сообщает, что на данный момент (20 ноября 1912 г.) под арестом находилось 4–5 бывших министров, 5–6 бывших губернаторов, 30–40 бывших депутатов, и очень много редакторов, писателей, ученых и просто достойных людей (Кәрими, 1913). Не передать словами, пишет Ф.Карими, насколько межпартийные противоречия изнурили и утомили Турцию. От мала до велика все разделились на две партии: иттиляфистов и иттихадистов. Эта рознь проникла даже в армию и, по всей видимости, стала одной из причин поражения в войне, так как расшатала дисциплину и воинскую дружбу и сплоченность. Пришедшие к власти иттиляфисты принялись обвинять в поражении в войне прежнее правительство. Хотя истинная причина, по мнению Ф.Карими, заключается в том что новое руково-

дство армии плохо себе представляло ситуацию в войсках, не знало или игнорировало планы своих предшественников.

В своих записях Ф.Карими очень часто называет иттихадистов истинными патриотами Турции, в то время как их оппонентов – иттиляфистов – связывает с влиянием зарубежных сил и влиятельных группировок «инородцев» внутри страны. В то же время он приводит слова, скажем так, и «объективных критиков» «Иттихад ве теракки», которые обвиняют руководство этой партии в ряде серьезных упущений, в первую очередь, в непоследовательной внешней политике. Не раз в записях Ф.Карими встречаются упоминания о ностальгии части турецкого общества по эпохе свергнутого младотурками султана Абдул Хамида II: «он ведь умел проводить предусмотрительную политику, свержение с трона султана Хамида было ошибкой». Ф.Карими отмечает, что более здравомыслящие говорят, что мы сами своей неумелой политикой заставили людей так мыслить (Кәрими, 1913).

Неудачи в новой Балканской войне ударили по престижу правительства Кямиль-паши. И после заключения перемирия ситуация начинает меняться, о чем пишет в своих заметках Ф.Карими: «По мере продвижения вперед вопроса о мире, смягчается дело членов партии «Иттихад ве теракки». Несколько дней назад со словами «оказывается невинно заключены под стражу» нескольких выпустили. Взяв залог, вчера выпустили еще 18 человек. Среди них Ахмед бей Агаев, бывший министр внутренних дел Хаджи Гадел бей, бывший министр просвещения Амрулла эфенди, бывший министр по делам вакуфов Хайри бей, несколько человек из бывших депутатов. В отношении остальных якобы проводятся проверка и расследование». Ф.Карими отмечает, что люди не поверили официальным сообщениям о том, что якобы младотурки хотят убить падишаха и военного министра (Кәрими, 1913).

В это время, в начале декабря 1912 г. в Стамбул прибывает в качестве корреспондента казанской газеты «Йолдыз» Галиаскар Камал. Как и Фатих Карими, по дороге он посетил турецкое консульство в Одессе и спросил консула: «Верны ли Ваши слова, переданные корреспондентом одной газеты (имея в виду сообщение Ф.Карими – *К.А.*) о младотурках? Вы и вправду говорили о том, что во всех бедах Турции виновны младотурки?». Консул ответил: «Ничего в таком смысле я не говорил. Если не будем заниматься образованием и реформами, причиной нашей катастрофы станет невежество» («Йолдыз», 1912). По всей видимости, опытный чиновник почувствовал изменения в политической ситуации в

Стамбуле. В своих сообщениях в газету «Йолдыз» Г.Камал уделяет политике, а точнее межпартийным столкновениям, гораздо меньше внимания, чем Ф.Карими. Г.Камала больше интересуют такие темы как экономика, просвещение, быт и т.д.

Падение авторитета ведущих партий привело к активизации партийного строительства. Ф.Карими не без иронии пишет о тех, кто пытается, создав новую партию, обрести авторитет и влияние. В то же время, несмотря на необходимость единства общества перед лицом внешней угрозы, правительство, по мнению Ф.Карими, продолжает курс на дискредитацию младотурок: «Враждебные «Иттихад ве теракки» бульварные газеты, например «Алямдар», «Танзимат» каждый день пишут против «Иттихад ве теракки», позорят их, пишут то, что, как и прежде, сеет вражду среди людей. Так как главные составные части нынешнего правительства против «Иттихад ве теракки», то на это, конечно же, закрывают глаза. Иначе с точки зрения здоровья страны не было бы поддержки ситуации, отравляющей сознание народа. Говорю «не было бы поддержки»; поскольку из-за того, что здесь чрезвычайное положение, ни одна из норм конституционности и свободы здесь не являются правилом, и, возможно, все делается с позволения и поддержки властей. Даже газеты печатаются под надзором цензуры (Кәрими, 1913).

В последние дни 1912 г. политическая ситуация в Стамбуле накалялась, правительство теряло уже остатки своего авторитета, и, напротив, росло влияние младотурок. Возвращение из Триполитании, захваченной итальянцами, одного из лидеров «Иттихад ве теракки» – Энвер-бея – стало важным событием, привлекшим внимание общественности и прессы. И Ф.Карими, и Г.Камал пытались встретиться с ним и взять интервью. Ф.Карими встретился с Энвером 14 декабря 1912 г. Г.Камалу этого сделать не удалось, он смог лишь побывать в доме Энвера в его отсутствие и пообщаться с его отцом. Описывая интерьер квартиры, Г.Камал обратил внимание на обилие изображений Наполеона Бонапарта. Видимо, пишет Г.Камал, Энвер бей являлся поклонником этой личности («Йолдыз», 1912). Ф.Карими в своих записях не скрывает своего восхищения этой личностью: «при упоминании же имени проявившего большой героизм во время Турецкой революции и Триполитанской войны Энвер бея на лице всех турок проявляется гордость и надменность, каждый упоминает его имя с уважением, каждый хочет его увидеть и поблагодарить». Далее Ф.Карими пишет о возвращении Энвер бея из Триполитании в Стамбул: «Ему не устроили большой встречи. Так как по некоторым причинам

полной информации не было, вернулся без шума. С другой стороны, по причине бедствий войны у каждого упал дух. Не время для прославлений и торжеств. По причине того, что чести халифата и шестисотлетней державы нанесен очень тяжелый удар, каждый находится в трауре, если даже из глаз людей не текут слезы, их сердца кровоточат. Сердце каждого переполнено чувством мести. Зная все это, Энвер бей и сам бы не принял торжественной встречи» (Кәрими, 1913). На встречу с Энвером Ф.Карими отправился вместе с руководителем «Тюрк юрду» Юсуф беем Акчурой. С первых же минут общения Энвер произвел на журналиста очень хорошее впечатление. В основном, Ф.Карими описывает ту часть беседы, в которой речь идет о пребывании Энвера в Триполитании во время войны с Италией. Во время беседы в комнате находились еще два офицера. Кроме того, за время пребывания Ф.Карими в доме, к Энверу нанесли визит несколько человек, с кем-то разговаривал при журналистах, кого-то отвел в другую комнату и просил подождать. Интересна концовка записи Ф.Карими об Энвере: «Чтобы не ставить в неудобное положение такую великую и уважаемую личность как Энвер бей, не счел нужным спрашивать его о таких вещах и писать о некоторых вещах, которые он говорил» (Кәрими, 1913). Остается открытым вопрос, мог ли знать Ф.Карими о планах Энвер-бея. Спустя несколько недель Энвер возглавит заговор, в результате которого правительство будет свергнуто, и младотурки вернут власть и будут править Османской империей вплоть до 1918 г. По сути, Ф.Карими нанес визит не просто в дом к Энвер-бею, а в один из штабов заговорщиков.

Ф.Карими неоднократно упоминает находившегося в это время в Стамбуле Габдрешида Ибрагимова – крупного богослова, мусульманского общественного деятеля, миссионера. Именно с его помощью в Стумбуле Ф.Карими встретился с видным лидером младотурок – принцем Саидом Халим-пашой. Халим-паша был одним из внуков правителя Египта Мухаммеда Али. Хотя Ф.Карими пишет о Халим-паше как о «египетском принце», следует отметить, что сам Мухаммед Али был европейцем (албанцем) по происхождению.

Халим-паша был очень богат, обладал миллионным состоянием, а также владел многими дворцами и зданиями на Босфоре. В один из этих дворцов – в местечко Ени Кей – и направился Ф.Карими в сопровождении Габдрешида Ибрагимова, который, будучи хорошо знаком с Халим-пашой, стал посредником знакомства татарского журналиста и турецкого политика. «Египетский принц» принял гостей в своем роскошном особня-

ке, выходившем окнами кабинета хозяина прямо к водам Босфора. Познакомившись с Ф.Карими, Халим-паша сам задал гостю из России ряд вопросов о разных сторонах жизни российских мусульман: об образовании (мектебе и медресе), ремеслах и промышленности, уровне образованности мулл, взаимоотношениях мусульман с русским населением.

Затем настала очередь Ф.Карими задавать свои вопросы: «Если власть оставалась бы в руках иттихадистов, началась бы нынешняя война, и, если и началась, то была бы она для Турции настолько бедственной?». Халим паша ответил следующим образом: наши враги бросили все силы на разгром, прежде всего, «Иттихад ве таракки», для этого изнутри и извне подготовили различные средства, наконец, после того как ее (партию) свалили, взяв продолжительную передышку, атаковали нашу страну, в период, когда власть была в руках «Иттихад ве таракки» у них бы не хватило бы на это смелости. Единственная сила, способная спасти Турцию, по мнению Халим паши, это – «Иттихад ве таракки». Вначале вся сознательная часть населения страны, находясь на ее стороне, ожидала от нее действия и спасения, и в действительности партия «Иттихад ве таракки» делала все возможное для спасения страны. Нет сомнения в том, что если бы и так продолжалось, то в делах проявились бы положительные результаты. Однако, люди, не желающие благополучия и счастья Турции, и те, кто помогает этим людям извне, начали со всеми силами действовать против этой партии. Они начали использовать для этого различные материальные и идеологические приемы. Среди самих турок появились те, которые ради личных интересов стали орудием в руках людей, не желающих благополучия и счастья Турции. Враги и изнутри, и извне принялись рубить под корень основы «Иттихад ве таракки». Если бы у нации (турок) было самосознание, образование, способное отличить собственную выгоду от вреда, то от действий врагов не было бы большого вреда. Но, к сожалению, турецкий народ лишен образования, у него не пробудились чувства национального самосознания и патриотизма. Они готовы склониться на ту сторону, которая посмотрит на них благожелательно. По этой причине посеянные среди турок семена смуты всегда дают обильный урожай» (Кәрими, 1913, б. 206). Халим-паша намекнул журналисту, что за свержением «Иттихад ве таракки», прежде всего, стоят внешние силы.

Причины поражения в Балканской войне Саид Халим-паша разъяснил следующим образом. «После того как подготовленные в течение четырех лет планы «Иттихад ве таракки» были испорчены, перевернуты

с верху вниз, знающие положение дел были отстранены, после того, как хозяевами остались люди, не знающие где и в каком состоянии оружие, продовольствие и дороги, какой толк может быть в этом деле! Кроме того: свержение «Иттихад ве таракки» и то, что правительство стало орудием ряда внутренних и внешних интриг, подорвало доверие народа к правительству, погасило надежду на будущее, в армию и полицию, внесло отсутствие единомыслия и в общем подорвало моральный дух народа. По этой причине армия воевала с недостаточным рвением, думали, что все равно в итоге отдадут страну иноземцам, зачем нас только губят. Тогда как во время Триполитанской войны моральный дух народа был очень высоким, потому что тогда правительство было в руках «Иттихад ве таракки», ее (партии) лидеры со всей силой вдохновляли народ, сами выезжая на фронт, демонстрировали самоотверженность. В это время хоть и «Хюрриять ве итиляф», выступив против правительства, и совершала различные мятежи, дух народа не падал. Но во время этой войны иттихадисты не поднимали против правительства никаких мятежей и не создавали ему трудностей, со всеми силами помогали правительству, но, несмотря на это, правительство собрало их и заполнила ими тюрьмы. Само правительство и его сторонники не смогли вдохновить народ и армию. Насколько нужны для войны такие материальные силы, как деньги, оружие, продовольствие, настолько же необходимы духовные силы, высокий настрой, надежда на будущее. В этой войне первые вышеперечисленные у нас были, но не были использованы, последних же совсем не было. Поэтому потерпели поражение».

Будущее Турции после всего произошедшего Саид Халим-паша видит лишь в возрождении власти младотурок: «Если общество «Иттихад ве таракки» в скором времени не придет к власти и не возьмет всю силу в свои руки и не исправит некоторые прежние ошибки, несмотря ни на что не осуществит свою программу, и если будет нужно не испугается установить диктатуру, и не возьмется за дело, Турция не сможет существовать как самостоятельное государство. Тогда происходящие в Румелии события продолжатся в Анатолии и, в конце концов, положат конец будущему Турции» (Кәрими, 1913, б. 207).

Сам Ф.Карими очень лестно отзывается о Саид Халим-паше, называя его патриотом своей страны и очень преданным сторонником «Иттихад ве таракки», отмечая, что люди Саид паши два-три раза в неделю в мечетях Стамбула и среди находящихся за пределами Стамбула беженцев-мусульман раздают пожертвования.

Из беседы Ф.Карими и Саид Халим-паши нужно отметить один интересный факт: во время разговора с татарским журналистом слуга доложил о том, что прибыл полковник Заки-бей и хочет видеть пашу. Этот османский военнослужащий оказался знакомым Ф.Карими – они встретились во время посещениями последним расположения османских войск под Чаталджой. Надо сказать, что этот был достаточно двусмысленный визит действующего военного к оппозиционному и даже опальному политику. А до государственного переворота, организованного младотурками, оставались считанные дни…

Судьба самого Саид Халим-паши сложится достаточно ярко и трагично: после возращения к власти младотурок он войдет в состав нового правительства, а затем на какое-то время даже станет садразамом, то есть великим везирем – главой кабинета. Погибнет в 1921 г. в Риме от рук армянского террориста (Feroz, 2010, s. 209).

Сам переворот 23 (9) января Ф.Карими описывает следующим образом: «В Стамбуле в течение часа двух совершено невероятным образом произошла большая и важная революция: правительство Кямиль-паши, о котором даже нельзя было предположить, что оно уйдет само или его свергнут, в течение четверти часа объявило об отставке и уступило свое место. На его место к власти пришел кабинет во главе с известным Махмуд Шевкет пашой, управление страной, таким образом, перешло в руки сторонников «Иттихад ве таракки», в этот же момент самый способный и самый честный государственный муж свергнутого правительства, бывший военным министром, Назыйм паша навечно покинул этот мир. Все удивились, оказались в изумлении перед этим событием, произошедшем столь быстро как будто с помощью силы волшебства или колдовства» (Кәрими, 1913.). Надо сказать, что Г.Камал дает более детальную картину происходивших событий, пользуясь рассказами участников захвата власти младотурками.

Тема деятельности татарских журналистов в Османской империи в период балканских войн неоднократно поднималась в трудах татарских исследователей. Во вступительной статье к научно-биографическому сборнику, посвященному Фатиху Карими, давая оценку его «Стамбульским письмам», академик М.А. Усманов сделал акцент на том, что татарский журналист еще в 1913 г. увидел банкротство имперской идеологии «османизма» (Фатих Карими, 2000). В наши дни тему татарских газетчиков в Стамбуле затрагивает в своем исследовании Альфина Сибгатуллина: «Люди, подобные Фатиху Карими, были «своими» для Турции, но в то

же время имели особый «взгляд со стороны» на события, которые происходили в Османской империи. Это были люди, знающие Турцию изнутри, но при этом способные взглянуть на нее со стороны, т.е. более объективно и шире, с учетом международного положения страны в эпоху войн и восстании. Этим и объясняется оригинальность «писем» Ф.Карими» (Сибгатуллина, 2010). Но, несмотря на интерес к теме татарских журналистов в Турции в период Балканских войн, в исторической литературе вопрос освещения внутриполитической ситуации в османской империи татарскими журналистами и тем более их личной вовлеченности в политическую борьбу практически не освещался.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам. Осенью 1912 г. Османская империя переживала один из драматических моментов своей истории. В ходе Балканской войны были утеряны почти все европейские владения, и возникла реальная угроза взятия Стамбула болгарскими войсками. Последствия военного поражения усугублялись внутренними противоречиями партий и группировок османской правящей элиты. Поражение османских войск и угроза падения Османской империи вызвала бурную реакцию среди мусульман России (волго-уральских татар). Татарские газеты и журналы с болью и тревогой отслеживали события в Турции. В это непростое время в Стамбул прибывают несколько татарских журналистов, приехавших освещать военные действия, но в итоге оказавшиеся в эпицентре внутриполитической борьбы в столице. Репортеры татарских изданий освещают не только и не столько ход военных действий, а в большей степени общественную и политическую жизнь Османской империи, и, по всей видимости, некоторые из татарских журналистов становятся и участниками событий.

Представленные в статье материалы освещают одну из граней еще недостаточно полно исследованного аспекта российско-османских отношений, а именно роль российских мусульман в этих отношениях. В статье отмечено насколько серьезно воспринимались судьбоносные моменты истории Османской империи образованной частью мусульман России, а именно – волго-уральскими татарами. И здесь период Балканских войн, на наш взгляд, имеет особенное значение. В изложении событий в Османской империи татарские издания пользовались достаточно широкой свободой со стороны имперских властей, чего нельзя сказать о более поздних событиях Первой мировой войны. Находившиеся долгое время в Турции татарские журналисты имели тесные связи с местными коллегами по перу, а также и с действующими политиками.

И здесь можно сформулировать проблему, требующую дальнейшего исследования: насколько татарские журналисты были беспристрастными наблюдателями и насколько непосредственными участниками драматических событий последних лет существования Османской империи.

Источники и литература

1. *Osmanlı devleti ve medeniyeti tarihi. Cilt. 1.* İstanbul: İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi (IRCICA), 1994. 868 s.
2. *Амирханов* Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX в.: исторические зарисовки. Казань, 2006. 152 с.
3. *Амирханов* Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). Казань, 2002. 240 с.
4. *История татар* с древнейших времен. В семи томах. Том VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань, 2013. 1172 с.
5. *В пороховом погребе Европы*. 1878–1914. М., 2003. 560 с.
6. «*Йолдыз*». 1912 (газета на старо-татарском языке, арабская графика).
7. «*Вакыт*». 1912 (газета на старо-татарском языке, арабская графика).
8. «*Кояш*». 1912 (газета на старо-татарском языке, арабская графика).
9. *Кәрими* Ф. Истамбул мәктүпләре. Оренбург, 1913. 454 б. (на старо-татарском языке, арабская графика).
10. *Genel Türk tarihi*. *Cilt 7.* Osmanlı. Ankara, 2002. 714 s.
11. *Finkel* C. Osman's Dream: The Story of the Ottoman Empire 1300–1923. New York: Basic Books, 2007. 674 c.
12. *Петросян* Ю.А. Османская империя: могущество и гибель: исторические очерки. М., 2003. 380 с.
13. *Feroz Ahmad*. İttihad ve terraki. İstanbul, 2010. 256 c.
14. *Фатих Карими*: научно-биографический сборник. Казань, 2000. 320 с.
15. *Сибгатуллина* А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. 264 с.

Ахсанов Камиль Гусманович – кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: kgaxanov@list.ru

Akhsanov Kamil Gusmanovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Kazan (Volga) Federal University (Kazan)

УДК 930

А.В. Ахтямова

Источники по изучению идеологии казанских эсеров (1905–1907 гг.)

Статья посвящена вопросу систематизации источников по истории идеологической деятельности казанских эсеров в 1905–1907 гг. Сделан небольшой экскурс в историю становления и развития эсеровских организаций в крае. Комплекс исторических источников условно разделены автором на следующие группы: делопроизводственные документы, периодические издания, документы партии и нарративные источники.

Ключевые слова: исторический источник, революция 1905–1907 гг., партия социалистов-революционеров, казанские эсеры, идеология.

A.V. Akhtyamova

Sources for the study of the ideology of the Kazan Esers (1905–1907)

The article is devoted to the systematization of sources on the history of the ideological activity of the Kazan Esers in 1905–1907. Made a small excursion into the history of formation and development of revolutionary organizations in the province. The complex of historical sources is conditionally divided by the author into following groups: office documents, periodicals, party's documents and narrative sources.

Keywords: historical source, revolution of 1905–1907, Party of socialists-revolutionaries, Kazan esers, ideology.

В предреволюционный период, когда опасность социального взрыва становится весьма реальной, и в ходе революции определенная социальная группа активно отстаивает особую позицию по политическим вопросам, свою идеологию. Идеология – в широком смысле система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной действительности (Современный философский словарь, 1998, с. 336). Как правило, на основе идеологии разрабатываются политические программы.

В статье характеризуются источники об идеологической деятельности казанских эсеров (социалистов-революционеров) в период революции 1905–1907 гг. Как известно, партия социалистов-революционеров

(ПСР) – одна из самых крупных по численности и влиятельных российский политических партий начала XX в. Если к кануну революции она располагала 2 областными, 24 губернскими комитетами и 42 городскими и уездными группами, то на конец 1906 – начало 1907 г. их количество значительно увеличилось. Исследователями выявлено 13 областных и 78 губернских комитетов, 356 городских и уездных групп (Киселев, Корелин, Шелохаев, 1990, с. 73). Как отметил М.И. Леонов, основной ареал эсеровских организаций в 1905–1907 гг. составляли губернии Поволжья, Нечерноземного центра, Урала, южнорусские и североукраинские губернии (Исхаков, 2004, с. 203). Примечательно, что эта политическая партия имела и национальную окраску, в частности, функционировали эстонский, якутский, бурятский союзы, чувашская греческая, осетинская, мусульманская (татарская) поволжская группы (Киселев, Корелин, Шелохаев, 1990, с. 73). В условиях многоэтнического региона, каким являлось Среднее Поволжье, анализ основных направлений идеологической работы эсеров в одной из крупнейших губерний дооктябрьской России представляет особую значимость. Сделаем краткий экскурс в историю казанских эсеров.

Одна из первых народнических организаций в губернском городе возникла в 1872 г. во главе со студентом Казанского императорского университета Евгением Овчинниковым. В 1880–1881 гг. здесь функционировал состоявший из студентов и семинаристов «Казанский центральный социально-революционный кружок». Известный революционер-народник В.К. Дебогорий-Мокриевич, бежавший из сибирской ссылки, проезжал через Казань и установил связь этого кружка с народовольцами Москвы, Перми, Самары и других городов. В течение 80-х гг. активизируется пропагандистская деятельность казанских народовольцев, которым удалось организовать и подпольную типографию (Лившиц, 1922, с. 91–92).

Первые воззвания за подписью социалистов-революционеров, приглашающих студентов объединяться с народными массами и среди них пропагандировать революционные идеи, появляются в стенах Казанского императорского университета в 1901 г. Однако, Казанская группа эсеров сформировывается в конце февраля – в начале марта 1904 г. «Там, где еще нет наших комитетов, создаются небольшие группы отдельными, симпатизирующими нашей партии людьми. По мере того как деятельность этих групп расширяется, они вступают в контакт с партией, благодаря нашему Центральному Комитету, и действуют уже под наименованием организационных групп или партийных комитетов», –

сообщается в докладе о деятельности ПСР Амстердамскому Конгрессу Социалистического Интернационала в августе 1904 г. (Партия социалистов-революционеров, 1996, с. 137). Возникновение Казанского комитета ПСР относится к 1905 г.

Следует отметить, что в 1906 г. от эсеров откололось правое крыло, образовавшее партию народных социалистов (энесов[1]), и левое крыло – Союз максималистов. В одном из рапортов казанского полицеймейстера говорится о существовании в Казани в апреле 1907 г. группы «Максималистов» в количестве более 20 человек (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 461. Л. 55).

В рассматриваемый период в крае происходило образование национальных политических организаций эсеровского направления. Так, к началу 1906 г. в Казани окончательно оформилась татарская организация социалистов-революционеров. Был избран ее руководящий орган – Городской комитет. Особенностью организации татарских эсеров явилось то, что она с самого начала своей деятельности стремилась к обособлению, проводя работу лишь среди татарского населения. С целью укрепления своей обособленности эсеры обратились к Поволжскому областному комитету с ходатайством сделать свою организацию центром всех татарских социалистов-революционеров Волжско-Камского района. Эта просьба была удовлетворена, и Казанский комитет стал выполнять своеобразную функцию центрального комитета, которому подчинялись городские организации татарских эсеров в Уфе, Оренбурге и Симбирске (Амирханов, 1979, л. 40).

В том же году, в начале августа 1906 г., Т.Н. Николаев организовал в Казани «чувашский кружок», состоявший главным образом из эсеров. Об обстоятельствах возникновения Чувашского союза ПСР исследователь В.В. Макаревский пишет: «В апреле 1907 г. в Казани в нелегальных условиях состоялся съезд чувашских эсеров. На нем присутствовали 46 делегатов из разных губерний Поволжья. Съезд проходил под прикрытием празднования Пасхи на пивном складе купца Александрова. На съезде был образован Чувашский союз партии социалистов-революционеров как автономная национальная организация партии эсеров, поставившая перед собой задачу – объединение и согласование всей революционной работы в общенациональном масштабе. Председателем комитета был избран Т.Н. Николаев, секретарем – С.Н. Николаев» (Макаревский, 2008, с. 6). Отметим, Тимофей Николаев входил в состав Поволж-

[1] В июне 1917 г. энесы объединились с трудовиками в одну Трудовую народно-социалистическую партию.

ского и Казанского комитетов ПСР (некоторое время – председатель Казанского комитета).

Комплекс исторических источников, привлеченных для изучения этой темы, можно условно разделить на следующие группы: делопроизводственные документы, периодические издания, документы партии и нарративные источники.

Отложившиеся в различных учреждениях делопроизводственные документы, содержащие, прежде всего, переписку казанского губернатора с Департаментом полиции и с другими ведомствами, ежегодные отчеты губернатора, рапорты, запросы охранительных структур, позволяют раскрыть структуру и основные направления деятельности ПСР в Казанской губернии и констатировать о широком применении печатной пропаганды.

Значительная часть документов этой группы сохранилась в фондах Национального архива РТ. Среди них особую научную ценность представляют фонды Канцелярии казанского губернатора (ф. 1), Казанского губернского жандармского управления (ф. 199). Здесь же отложился большой массив документации собственно Казанской организации ПСР: уставы, извещения к очередным собраниям и съездам, выписки из перлюстрированных писем – ценнейший материал по воссозданию картины исторического фона. В фонде Казанского временного комитета по делам печати (ф. 420) представляют большой интерес сведения о печатных органах политических партий, об их редакторах, издателях и сотрудниках.

Конечно, важное значение для раскрытия темы имеют материалы крупнейшего федерального архива страны – Государственного архива РФ. Так, в материалах описи Особого отдела (оп. 233–237) фонда Департамента полиции министерства внутренних дел (ф. 102) содержатся сведения о деятельности местных эсеров в общем и об идеологическом направлении в частности.

Ко второй группе источников отнесена периодическая печать – необходимый и важный компонент информационно-пропагандистской работы каждой партии. В 1905–1907 гг. казанские эсеры издавали газеты «Волжский вестник», «Крестьянская газета», «Дневник Казани» и журнал «Метеор». Среди них особое место занимает газета «Волжский вестник» – одно из наиболее крупных изданий г. Казани.

24 декабря 1905 г. право собственности на издание газеты «Волжский вестник» было передано доктору медицины, приват-доценту Казанского императорского университета (впоследствии лаборанту) К.Х. Орлову (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1699. Л. 3). При новом издателе обязанности ответст-

венного редактора были возложены на мещанина В.И. Кудрявцева (до конца января 1906 г.). Еще будучи студентом Казанского императорского университета, он принимал активное участие в студенческих беспорядках 1900 г., позднее стал членом местной боевой организации эсеров (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 560. Л. 124; Там же. Д. 346. Л. 165). После В.И. Кудрявцева должность редактора исполнял некий А.С. Петров, немного позже – студент Казанского императорского университета В.М. Боголюбов, ставший вскоре полноправным хозяином «Волжского вестника». Усиливается роль газеты в политической жизни Поволжья при редакторе-издателе дворянке А.А. Знаменской. По свидетельству начальника Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ), «редакция газеты «Волжского Вестника» представляла из себя центр, от которого исходили все распоряжения, касающиеся тактики местной организации, откуда велись сношения с членами местной и поволжских организаций социалистов-революцинеров и здесь получались руководящие указания из Центрального Комитета» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 385. Л. 1). На страницах «Волжского вестника» рассматривались программные установки и позиции эсеров на решение, в частности, аграрного, рабочего и национального вопросов, а также освещались взгляды не только социалистических, но и либеральных и консервативных партий[2].

18 мая 1906 г. вышел первый номер газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»). Как отмечалось в отчете Казанского временного комитета по делам печати за 1906 г., эта газета по своему содержанию и даже по внешности существенно отличалась от других мусульманских газет, поскольку тексты были написаны понятным, простым языком. По выражению комитета, язык газеты – «чистое казанское наречие, с очень небольшой примесью арабских и персидских слов» (НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 87. Л. 84).

Будучи печатным органом татарских эсеров, газета знакомила читателей со своими программными положениями. В период деятельности I Государственной думы политические симпатии «Таң йолдызы» были на стороне трудовой фракции (Таң йолдызы. 1906. 9, 23 июня). Следует отметить, что опубликованные здесь статьи Гаяза Исхаки – одного из

[2] См. Волжский вестник, например: Национальный вопрос и наши принципы. 1906. 26 мая (№ 135); Очерки по рабочему вопросу. 1906. 4 июля (№ 165); Социализация земли и пролетариат. 1906. 18 октября (№ 251); К земельной программе социал-демократии. 1906. 9 августа (№ 195), 10 августа (№ 196); Государственная дума: земельный вопрос. 1906. 1 июня (№ 140); На митинге в Царско-народной партии. 1905. 20 декабря (№ 35).

организаторов газет «Таң йолдызы», «Тавыш» («Голос»), «Таң мәжмугасы» («Утренний альманах») и активных представителей Татарской организации ПСР – увидели свет в серии «Исхакый публицистикасы» («Публицистика Исхаки») в 1998 г. в журнале «Мирас»[3], анализ которых позволяет понять в целом настроения и чаяния так называемых «социалистов-автономистов». Газета «Таң йолдызы» просуществовала недолго, всего вышло 65 номеров издания. После закрытия газеты ее бывшие сотрудники попытались восстановить печать, но все попытки, связанные с выходом изданий «Таң мәҗмугасы» и «Тавыш», оказались из-за преследований властей неудачными. После третьеиюньского переворота в редакции проводятся обыски, которые приводят к закрытию газет «Тавыш» и «Таң мәҗмугасы» (Амирханов, 1988, с. 98).

8 января 1906 г. в Казани начала выходить первая чувашская газета «Хыпар». Основателем-редактором газеты был Н.В. Николаев (преподаватель «чувашского языка и соединенных с ним предметов» на миссионерских курсах при Казанской духовной академии и помощник инспектора-надзирателя над учащимися в Казанской духовной семинарии). При характеристике деятельности газеты «Хыпар»–1 исследователи (К.К. Петров, В.В. Макаревский) выделяют два периода. По мнению К.К. Петрова, «первый – период буржуазно-либерального направления (№ № 1–22, то есть с 8 января (по старому стилю. – *А.А.*) по 2 июня 1906), второй – период революционно-демократического направления (№ № 23–65), то есть с июня 1906 г. по май 1907 г.)» (цит. по: Леонтьев, 2011, с. 15). Как отмечают современные исследователи, газета «Хыпар» в значительной степени стала «леветь» во второй период своего существования, когда ее редакторами были чувашские эсеры С.И. Игнатьев, П.А. Алексеев, В.И. Иванов, а среди сотрудников находились эсеры С.Н. Николаев, Г.Ф. Федоров, А.Г. Гаврилова (Макаревский, 2008, с. 16; Клементьев, 2014, с. 161).

Четвертую группу источников составили документы партии эсеров. К ней, прежде всего, необходимо отнести такие основополагающие источники, как, например, протоколы и решения съездов ПСР, заявления, письма, прокламации, циркуляры ЦК партии, программные документы социалистов-революционеров.

Огромное научное значение имеет фундаментальное многотомное серийное издание «Политические партии России. Документальное на-

---

[3] См.: Фатыйма Ибраһимова. Исхакый публицистикасы // Мирас. 1998. № 2. 11–26 б.

следие», подготовленное группой российских ученых под руководством доктора исторических наук В.В. Шелохаева. Как известно, многотомный проект включает документы и материалы основных российских небольшевистских партий и хронологически охватывает период с 80-х гг. XIX в. до середины 30-х гг. XX в. Примечательно, что разрешение проблемы источниковой базы ПСР позволяет уточнить ряд важных деталей регионального уровня.

Вместе с тем применительно заявленной темы научная ценность опубликованных источников заключается в возможности познакомиться с позицией по тем или иным вопросам национальных партий социалистической ориентации. В целом необходимо отметить, что Казанский комитет ПСР выражал общую линию с программой общероссийской партии эсеров.

Программа, изданная с грифом Казанского комитета ПСР, хранится в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Отметим, программа Казанского комитета ПСР имеется также в 36-м фонде – Отделе истории партии татарского обкома ВКП (б) (истпарте) – ЦГА ИПД.

Важным источником по изучаемой теме послужили документы личного происхождения. Мемуарные источники содержат ценный материал, способный оказать большую помощь в деле реконструкции отдаленного прошлого, глубже проникнуть в атмосферу революционной эпохи. Как известно, Октябрьская революция 1917 года изменила политический расклад в обществе в пользу пролетарской партии. В итоге судьба многих лидеров политических партий, чьи идеи не совпали с большевиками, сложилась трагически. Очевидно, данный вид источников представлен слабо. Однако, этот хоть и небольшой круг источников дал «ключ» к разгадкам некоторых интересующих нас вопросов. В частности, это воспоминания А.Аросева, Г.Исхаки, Н.Никольского. Мемуарная литература, как и другие материалы, требуют критического подхода.

В целом, привлечение охарактеризованных опубликованных и неопубликованных архивных источников позволяет анализировать идеологическую деятельность казанских эсеров в период революции 1905–1907 гг.

Источники и литература

1. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1699.*
2. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 385.*
3. *НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 461.*
4. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 346.*

5. *НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 560.*

6. *НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 87.*

7. *Амирханов* Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). М.: Наука, 1988. 188 с.

8. *Амирханов* Р.У. Татарская демократическая печать в годы первой русской революции: дисс. … канд. ист. наук: 12.09.79. Казань, 1979. 193 л.

9. *Исхаков* С.М. Политические партии в Российских революциях в начале XX века. Всероссийская научная конференция // Отечественная история. 2004. № 6. С. 199–203.

10. *Киселев* И.Н., *Корелин* А.П., *Шелохаев* В.В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71–87.

11. *Клементьев* В.Н. История национальной государственности чувашского народа. Кн.1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2014. 320 с., [24] с. ил.

12. *Леонтьев* А.П. «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары: Издательский Дом «Хыпар», 2011. 640 с.

13. *Лившиц* С. Очерки истории Казанской социал-демократии (1888–1916) // Пути революции. 1922. № 1. С. 86–92.

14. *Макаревский* В.В. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1906–1918): учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 126 с.

15. *Партия социалистов-революционеров.* Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 1. 1900–1907 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 686 с.

16. *Современный философский словарь* / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2 изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Изд-во «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с.

17. *Таң йолдызы. 1906. 9 нчы июнь.*

18. *Таң йолдызы. 1906. 23 нче июнь.*

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: alsu_was@mail.ru

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

УДК 297

Ю.Н. Гусева

Информация об информаторах: как и кем собирались данные о мусульманах Российской империи в начале XX века

В статье анализируется механизм сбора и обработки информации о мусульманских подданных Российской империи в начале XX века. Акцент делается на освещение сети внутренней агентуры в среде российских тюрок-мусульман. На основании архивных данных составлена таблица секретных сотрудников-мусульман, предоставлявших информацию губернских жандармским управлениям, дается их краткая характеристика. В исследовании представлены формы взаимодействия работников МВД с «мусульманскими» агентами, каналы получения сведений. Уделяется внимание формам обобщения получаемых данных, сильным и слабым сторонам аналитической работы региональных ГЖУ, касающихся проблем пантюркизма и панисламизма.

Ключевые слова: ислам в Российской империи, мусульмане Волго-Урала, российские мусульмане, панисламизм, пантюркизм, МВД.

Yu.N. Guseva

Information about the informants: how and by whom were collected data about the Muslims of the Russian Empire in the early XX century

The article analyzes the mechanism for the collection and processing of information about the Muslim subjects of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The emphasis made on the coverage of internal network of agents among the Russian Turks-Muslims. On the basis of the archival data was drawn a table of classified employees-Muslims, to provide information to provincial gendarmerie administrations, given their brief description One can see a table of secret “Muslim” agents, which provided information to the gendarmerie of provincial administrations. The table gives a brief description of the agents. The study also presents the forms of interaction between employees of Ministry of Internal Affairs and “Muslim” agents, channels for obtaining information. In conclusion, the essay pays attention to the forms of data generalization, to the strengths and weaknesses of the analytical work of the regional gendarmerie of provincial administrations dealing with the problems of pan-Turkism and pan-Islamism.

Keywords: Islam in Russian Empire, the Volga-Ural Muslims, Russian Muslims, Pan-Islamism, Pan-Turkism, Ministry of Internal Affairs.

Тематика «пробуждения ислама» в российских пределах во второй половине XIX – начале XX вв. уже два десятка лет находится на вершине наиболее востребованных мировым востоковедением тем. Можно поддержать мнение Александра Моррисона, отмечающего заметные успехи российской и американо-европейской научной школы в деле осмысления государственно-исламских отношений в Волго-Уральском регионе в имперский период (Morrison, 2017). Значительный шаг в направлении анализа российского исламского дискурса в контексте модернизации имперского пространства был сделан современной русскоязычной (Арапов, 2004; Загидуллин, 2007; Императорская Россия, 2006; Сенюткина, 2007 и др.) и англоязычной историографией (Campbell, 2015; Crews, 2006; Frank, 2001; Kefeli, 2014).

Особого внимания также заслуживают российские исследования, так или иначе затрагивающие тематику панисламизма и пантюркизма как наиболее ярких общественно-политических феноменов-клише, определявших общие контуры государственно-исламских отношений и общественной жизни российских мусульман в рассматриваемый период. Современная полемика, касающаяся, к примеру, феномена «панисламизма» в России, демонстрирует полярность оценок системы государственно-исламских отношений в рамках российской управленческой модели: от «имперской паранойи» (Tuna, 2015) до эффективных усилий структур МВД в предупреждении распространения панисламистских настроений (Бойко, 2016).

Как было убедительно показано Е.Кэмпбелл, на формирование трактовки «мусульманского вопроса» разными социальными категориями российского общества на всем протяжении второй половины XIX – начала XX вв. влияло множество динамических факторов, которые зависели от совокупности внутренних и внешних обстоятельств развития Российской империи (Campbell, 2015). Однако корректное понимание общей специфики национально-религиозных, миссионерских ракурсов, внутриведомственной полемики невозможно сложить без представлений о том, из каких «низовых» конкретных знаний об исламе и мусульманах формировалось именно такое представление рядовых, региональных управленцев, которое затем транслировалось вышестоящим руководителям? Как собиралась и осмысливалась первичная информация, получаемая с мест, и ложившаяся в основу дальнейших аналитических обзоров и обобщений? В какой форме и какого рода информация подавалась или укрывалась и почему? Какой полнотой она отличалась и кому предназначалась?

В данной статье в поле нашего зрения находится тематика сбора, фильтрации, накопления и обобщения информации об исламе и его приверженцах на региональном уровне. Мы посмотрим, через какие источники на местах собирали данные работники МВД и как их обрабатывали. Основное внимание в статье уделим внутренней агентурной работе, которая была ключевой для сбора материалов «с земли». При этом, безусловно, не следует забывать о приоритете реальных обстоятельств жизни, которые зачастую могли не совпадать с представлениями управленцев или внешних наблюдателей об истинных мотивах поступков российских мусульман.

Источниковую базу исследования составляют материалы Особой комиссии по обследованию деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений, занимавшейся в июле-октябре 1917 г. выявлением лиц, сотрудничавших с жандармерией и охранкой[1] (ГАРФ. Ф. 503). В частности, нами изучены: «Список лиц, служащих в секретной агентуре жандармских управлений и охранных отделений и взятых на военную службу по мобилизации /1914–1916 гг./» от 16 октября 1917 г. (Там же. Оп. 1. Д. 23); алфавитный список секретных сотрудников, объявленных Департаментом полиции шантажистами или непригодными для сотрудничества (1907–1917 гг.), алфавитные книги с указанием кличек и имен секретных сотрудников (Там же. Д. 26–30); список-справочник на секретных и вспомогательных сотрудников, осведомителей и заявителей по материалам Астраханского ГЖУ (Там же. Д. 19); список секретной агентуры, опубликованный Министерством юстиции в 1917 г. (Там же. Д. 17).

Из всего блока документов наибольшую ценность представляет перечень агентов, работавших среди мусульман («Список провокаторов[2], работавших против мусульман»). Он был составлен в июне 1917 г. Гаязом Исхаки, членом Всероссийского мусульманского совета, работавшим в «Комиссии по разоблачению секретной агентуры по Панисламии-

[1] В задачи комиссии входило: разработка всех дел, имеющих отношение к политическому розыску с целью выявления секретных сотрудников Департамента полиции, охранных отделений, ГЖУ, составление списков для последующего опубликования, принятие мер к охране и разработке архивов органов политического розыска на местах, удовлетворение требований представителей правительственных органов и общественных организаций, касавшихся политического розыска.

[2] Оговоримся, что в этот период «провокаторами» именовались все категории лиц, сотрудничавших с МВД.

стскому движению», поэтому будет именоваться нами «Список Исхакова» (Там же. Д. 36). Данный документ представляет большой интерес, так как содержит имена и информацию о 12-ти секретных агентах, работавших в мусульманской среде империи. Здесь же имеются краткие характеристики их деятельности, однако в некоторых случаях псевдонимы не раскрыты. Сравнительный анализ с другими изученными нами материалами позволяет охарактеризовать этот источник как неполный: в нем отсутствуют имена сексотов, выявленных в фондах региональных ГЖУ и охранных отделений. Можно предположить, что Г.Исхаки составлял этот список, используя только алфавиты и картотеки центрального архива МВД (ГАРФ. Ф. 102).

Местные материалы губернских жандармских управлений и охранных отделений позволяют существенно дополнить «Список Исхакова». Имена информаторов были выявлены и обобщены архивистами различных областей и республик СССР в 1925–1941 гг. и отложились в фондах Центрального государственного исторического архива Главного архивного управления (ЦГИАМ ГАУ) МВД СССР в виде многочисленных «Списков и справок на секретных сотрудников, служащих ГЖУ, ЖПУ ж. д. и Охранных отделений, составленных по материалам центральных и местных архивов» (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5, 7). Нами были задействованы списки-справочники на секретных и вспомогательных сотрудников, осведомителей и заявителей, выявленных по материалам Казанского, Самарского, Оренбургского, Пермского, Уфимского ГЖУ, розыскного пункта в г. Верном и Семиреченской области (Там же. Оп. 5. Д. 23, 136, 137; Оп. 7. Д. 44, 115, 143 и др.). Большой интерес также представляет «Список лиц, предлагавших свои услуги по внутренней агентуре за 1907–1917» (Там же. Оп. 5. Д. 23). Сюжеты, иллюстрирующие работу сексотов в Туркестане и Закавказье, требуют дополнительного изучения.

Место агентурных данных в процессе накопления «полевых» данных трудно переоценить. В инструкции по организации и ведению внутренней агентуры (датирована не ранее 1914 г.) прямо указывалось, что агентура[3] – единственный, вполне надежный способ осведомления

[3] В системе политического сыска МВД было принято следующее деление внутренней агентуры: лица, состоящие членами т.н. преступных сообществ и входящие в постоянный состав агентуры – «агенты внутреннего наблюдения» или «секретные сотрудники»; люди, которые не входят в т.н. преступные орга-

розыскного органа (Агентурная работа, 2006, с. 344–358). Понимание важности этого канала поступления информации пришло в силовые структуры еще раньше и сопровождалось усилиями центральных, местных полицейских органов и жандармерии по увеличению ее количества: «В июле 1908 г. директор Департамента полиции МВД М.И. Трусевич предписывал увеличить численность осведомителей. Поддержка шла путем увеличения финансирования и повышения требовательности к руководителям политического сыска…» (Агентурная работа, 2006, с. 261–263; Бродникова, 2016, с. 41; Перегудова, 2000).

Всплеск активности национально-религиозной элиты российских мусульман, приходившийся на начало 1910-х гг., заставил властные структуры в центре и на местах уделять этому вопросу повышенное внимание. «… через секретное распоряжение Департамента Полиции МВД по особому отделу от 18 декабря 1910 г. за № 119645 начальникам районных и охранных отделений и губернских жандармских управлений предлагалось: 1) создать новую сеть агентуры, специально работающей на выявление деятельности “панисламистов”»; «25 января 1911 года на места из центра пошла “Секретная справка о необходимости сбора материалов по панисламизму”» (Сенюткина, 2007, с. 367–368).

Судя по имеющимся материалам, значительные успехи МВД в обретении агентуры были заметны в Волго-Уральском регионе (Казанская, Самарская, Астраханская, Уфимская губернии) и Семиреченской области. Большинство из выявленных нами информаторов работало именно здесь, что вполне объяснимо высокой степенью активного участия мусульман этих ареалов в общественно-политических процессах «пробуждения ислама». Результаты нашего поиска в этом направлении представлены в таблице 1. В представленном списке из 26 человек только один информатор был этническим русским, один происходил из среды крещеных татар, остальные – тюрки-мусульмане. В социальном плане многие из них не были маргиналами, напротив, являлись представителями интеллигенции, имели общественный вес и влияние.

низации, но содействуют делу розыска, доставляют материал – «вспомогательные агенты». «Лица, доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества, называются “штучниками”» (Агентурная работа, 2006, с. 344).

Будет ошибочным считать, что вербовка агентов из тюрко-мусульманской среды была масштабной и массовой. Хорошо характеризует сложности обретения агентов на местах, вполне типичные для всех регионов и подтверждающие общеимперскую картину, реплика исправника Бугульминского уезда Самарской губернии Сергей Лукашенко от 20 марта 1911 г.: «…Приобрести секретную агентуру и поставить ее правильно в уезде в целях широкого освещения преступной деятельности панисламизма чрезвычайно трудно. Этому препятствует, прежде всего, фанатизм мусульман, их сплоченность и то наказание, коим грозит Коран мусульманину, отдавшемуся в руки так называемых «не верных» (так в ист. – *Ю.Г.*). Во всяком случае, мне, хотя и с большим трудом, но удалось приобрести агентуру» (ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 81–81 об.).

Как мы видим из архивных региональных материалов, данных нашей таблицы, далеко не во всех случаях информаторы из татарской среды были движимы исключительно материальным интересом (Бойко, 2016, с. 186). Очевидно, что сотрудников МВД и агентов связывали не только сугубо финансовые отношения: с нашей точки зрения, все было «тоньше», информаторы рассматривались как «штучный товар» и с ними у полицейских чинов и жандармерии выстраивалась, по сути, индивидуальная стратегия работы. «Умение беречь агента… должно принадлежать к числу главных талантов руководителей политической полиции», – отмечали управленцы из МВД (Агентурная работа, 2006, с. 9).

Вышеупомянутый Сергей Лукашенко докладывал Начальнику Самарского ГЖУ про агента «Татарин»: «....Сей агент пошел на услуги не столько ради материальной выгоды, сколь по причинам совершенно другого характера, о коих я, не считаю себя в праве объявить, так как связан честным словом, которому никогда в жизни не изменял» (ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 81–81 об.).

Вполне объяснимо, почему особенно высоко ценились и оплачивались услуги образованных мусульман, имевших авторитет и связи с «прогрессивными», интеллектуальными, кругами: учителя, врачи, журналисты, адвокаты (Бойко, 2010, с. 111). Например, в заведующий розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области докладывал начальнику Туркестанского районного охранного отделения 30 ноября 1911 г. о высокой эффективности работы агента «№ 8»: «переводчик, хорошо владеет киргизским и тарачинским языками и их наречиями, мелкий мусульманский адвокат, разъезжающий по своей профессии по

области и соприкасающийся непосредственно с мусульманской массой» (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 7. Д. 143. Л. 15).

Наиболее яркие фигуры сексотов, сотрудничавших, например, с Казанским ГЖУ – «Борис» и «Теоретик». Агент «Теоретик» работал в местном жандармском управлении с мая 1913 г.: «освещал татарское прогрессивное движение, именуя его “пантюркизм”». Первое его «дело» – провалил тайное собрание студентов-мусульман в Киеве летом 1913 г. Вскоре его жалование было увеличено с 20 до 50 рублей. В феврале 1914 г. Казанская жандармерия направила в Департамент полиции МВД рапорт о необходимости «командирования агента в Константинополь для изучения пантюркизма». В Константинополь «Теоретик» отправился 4 июня 1914 г. с командировочными в размере 500 рублей, но с началом военных действий, вернулся в Россию, где продолжил свою деятельность (ГАРФ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 23. Л. 47 об.–50; Бойко, 2016, с. 135).

Своих ценных агентов местные ГЖУ всячески старались не потерять, поэтому в годы войны обращались в центр с просьбами об освобождении их от воинской службы или оставлении их в том регионе, в котором они работали. Весной 1917 г. руководитель Казанского ГЖУ ходатайствовал о применении к агенту «Теоретик» циркуляра МВД № 134211 и возможности продолжать его обычную врачебную деятельность (Письмо…, 2006, с. 361–362). Начальник розыскного пункта в г. Верном и Семиреченской области (сейчас – Алма-Ата, Казахстан) направил в Санкт-Петербург телеграмму от 22 июля 1916 г. с просьбой во время призыва оставить ценного агента «Гард», который состоял в местном «прогрессивном мусульманском кружке», на службе в городской военной части (ГАРФ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 23. Л. 47 об.–50).

Было бы ошибочным сказать, что МВД пыталось любыми средствами заполучить в союзники всех персон, выражавших желание сотрудничать. Личным и деловым качествам агентов уделялось большое внимание, а поступавшие, в частности, от мусульманских подданных такого рода предложения критически рассматривались и могли отклоняться. Основаниями для этого были: умственные способности, скудное представление о предмете (панисламизме, джадидизме), личные негативные качества (склонность к провокации) (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 23. Л. 1, 12 об.).

Единичным, но исключительно важным для властей, явлением было заполучение экспертов-сотрудников из мусульман: официальным работником Саратовского ГЖУ в 1910-е гг. являлся «эксперт» (так в доку-

менте – *Ю.Г.*) Юскаев Хамулла (Хамидулла?) Абдуллович (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 144. Л. 29).

Важно понять, каким образом сотрудниками местных ГЖУ обрабатывалась данные, собираемые внутренней агентурой. В распоряжении центрального Департамента полиции МВД оказывались направлявшиеся с мест разнородные материалы, обобщенные в виде дневников агентуры, сводок агентурных сведений, агентурных записок и дел наружного наблюдения. Так, к началу 1910-х гг. Казанское ГЖУ накопило объемный материал, содержавший программы мусульманских партий, справки о представителях партий и движений, участниках съездов. Данные обобщались в агентурные справки на видных деятелей и образовательных центров: «Справка из дел КГЖУ о панисламистской деятельности известного литератора Исхакова Мухамет Гаязова»; «Справка о педагогическом персонале Галеевского медресе»; «Справка из агентурных сведений КГЖУ о распространении панисламизма и о мерах борьбы с ним»; «Агентурные донесения и дознания о казанских, уфимских, оренбургских, самарских, крымских и кавказских панисламистах». В единые дела сводились анонимные материалы: «Сведения, доставленные в КГЖУ анонимным агентом о различных группировках татар-мусульман и их руководителях» (ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 280. Л. 4, 6). Агентурная информация по возможности перепроверялась.

Особое значение для работы имели картотеки-алфавиты, фотодокументы, образцы газет и периодических изданий. Работниками ГЖУ составлялись и анализировались цифровые показатели роста «мусульманских» периодических и непериодических изданий в губерниях, где издатели были наиболее активными.

Во многих делопроизводственных документах жандармерии можно обнаружить печатную отметку – «В алфавит внесено», которая означала, что данные о лицах, упоминаемых в переписке, переписаны на уже имеющиеся или вновь заведенные карточки системы алфавитов розыскного учреждения Все фамилии фигурантов печатались заглавными буквами с небольшими промежутками между буквами так, чтобы было максимально просто обнаружить конкретную персону (о системах алфавитов и знаменитых «разноцветных» досье: (Агентурная работа, 2006, с. 7; Перегудова, 2000)). Надо полагать, подобные досье составлялись на всех мусульманских лидеров, попавших на страницы материалов ГЖУ.

Закономерно, что за крупными лидерами национально-религиозного движения полицейскими чинами устанавливалось негласное наблюдение. Так, в феврале 1909 г. К.И. Калинин, начальник Казанского ГЖУ, докладывал «наверх» о результатах слежки за Мусой Бигиевым (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1. Л. 43). Данные, собранные филерами, обобщались в сводке на конкретного человека или организацию, сводка же формировалась из т.н. проследков (именовались в документах «сведения») – сжатого описания, предоставленного филером о действиях наблюдаемого (см., например: ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 121). Важно отметить: вся полученная агентурная информация и данные слежки систематизировались аналогично тому, как это делалось в отношении революционных партий.

Улучшению качества обмена и работы с информацией должен был способствовать внутриведомственный обмен сведениями между жандармскими управлениями: Самарское, Оренбургское, Уфимское, Саратовское ГЖУ, с 1909 по 1914 гг. объединенные в Поволжское районное охранное отделение с центром в Саратове, и Туркестан, направляли друг другу данные об активности турецких эмиссаров, распространении татарских и турецких газет, изданий (см., например: ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 4–4 об.). Шел обмен данными и аналитикой и со среднеазиатскими коллегами. В деле Казанского ГЖУ 1913 года «О мусульманских съездах и о деятельности лиц, проводящих идеи панисламистского движения», в частности, сохранилось отношение Начальника Туркестанского районного охранного отделения к казанскому коллеге «о пропаганде казанских и уфимских панисламистов в Казахстане с помощью изданных в Казани учебников» (ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 280. Л. 6).

Наконец, важную лепту в осмысление «мусульманских» проблем вносили местные руководители – губернаторы, чья позиция самым внимательным образом учитывалась на самом высоком уровне. Записка казанского губернатора П.М. Боярского «По вопросу о современном направлении идей мусульманского населения Казанской губернии в связи с развивающейся пропагандой панисламизма и о мерах, могущих способствовать установлению правильного течения местной общественной жизни в соответствии с нашими государственными задачами» была заслушана и приобщена к материалам Особого совещания по мусульманским делам при МВД 1914 года (Особое совещание, 2011, с. 41, 49).

Ранее, в момент выяснения обстоятельств, приведших к написанию «прошения 12-ти мулл» 1908 года МВД направляло запросы губернато-

рам упомянутых в документе регионов с просьбой сформулировать свое мнение по данному вопросу. Интересно, что что их оценки не были унифицированными. Саратовский губернатор, например, прямо объяснял появление подобной бумаги страхом «старых мулл потерять свое прежнее положение, что можно полагать, вызывает у последних враждебные чувства к молодым мугаллимам и желание избавиться от них» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1. Л. 50 об.). Руководитель Симбирской губернии, напротив, полагал, что донос не может считаться безосновательным: «издавна непоколебимый консерватизм и преданность русским государственным началам мулл наталкивается на более прогрессивную и узконационалистическую тенденцию части современного мусульманского духовенства» (Там же. Л. 49).

Подводя итоги, отметим, работниками МВД была проведена серьезная работа по выстраиванию агентурной сети в тюрко-мусульманской среде империи. Свою роль в этом сыграли и материальная заинтересованность информаторов, и их принципиальное несогласие с лозунгами и действиями национально-религиозных лидеров нового поколения. Вместе с тем не стоит оценивать эту сеть как масштабную: 26 секретных агентов в Волго-Уральском регионе и Семиречье вряд ли физически были способны разносторонне и обстоятельно освещать ход и течение бурно развивавшихся общественно-политических и национальных процессов в многомиллионной «армии» мусульманских подданных. Проблемы с приобретением агентуры в этой среде были во многом естественными, проистекавшими из культурно-религиозных различий и скрытого противодействия любым попыткам проникновения «чужаков» в закрытую традиционную среду (в особенности это характерно для сельских общин).

В связи с этим навряд ли стоит переоценивать значимость информации, собиравшейся на местах, но и недооценивать ее также не стоит. Она могла служить реальным дополнительным источником для формирования альтернативных представлений у власть предержащих о реальных процессах, происходивших в татарской среде, отличных от публичных заявлений мусульманских лидеров. Иное дело, что объективная оценка была затруднена ввиду сложностей языкового плана, объема собираемой информации и характера аналитической работы.

Таблица 1

Список секретных сотрудников[4], освещавших «татаро-мусульманское» движение в Российской империи в 1910-х гг.

№ п/п	Кличка[5]	Год, место рождения, занятие	Район деятельности	Статус, краткая характеристика деятельности
1.	«№ 8»	Нет данных	Семиреченская область	1. Секретный сотрудник и переводчик розыскного пункта в г. Верный с ноября 1911 по 1917 г. 2. Мелкий адвокат, русский, хорошо владел киргизским и тарачинским языками и их наречиями, работал непосредственно с мусульманами.
2.	«Абдула-Ата»	Нет данных	Семиреченская область	Вспомогательный агент розыскного пункта в г. Верный с мая 1916 г.
3.	«Айрес»	Крестьянин д. Ново-Кашировой Урсалимской волости Бугульминского уезда	Бугульминский уезд Самарской губернии	1. Секретный сотрудник СамГЖУ с января 1911 по 3 марта 1913 г. 2. Получал 25 рублей в месяц. 3. С 13 июня 1917 г. содержался в тюрьме Самары, 27 сентября 1917 г. осужден Самарской губернской комиссией по внесудебным арестам. Освобожден 30 сентября 1917 г.
4.	«Астраханцев» (он же «Тихий» и «Мусин»)	Нет данных	Поволжские губернии, Челябинск, Кавказ	1. Сотрудничал с Пермским (1908), Астраханским (1911) и Пензенским (1911) ГЖУ. 2. В 1908 г. работал в Челябинске по линии социал-демократической (с/д) партии, был привлечен к дознанию и скомпрометирован в глазах местных с/д. Бежал из Челябинска, проживал на Кавказе. Получал воз-

[4] В список не были включены другие категории – штучники, заявители.

[5] По вполне понятным причинам мы не приводим в таблице подлинные имена секретных сотрудников.

				награждение 50 руб. 3. В октябре 1911 г. был уволен и 16 ноября 1911 г. был арестован Омским ГЖУ.
5.	«Ахмет»	Нет данных	Семиреченская область	Секретный сотрудник розыскного пункта в г. Верный с мая 1916 г.
6.	«Борис»	Журналист, сотрудник татарской газеты	Казань, Уфа	1. Секретный сотрудник Казанского ГЖУ с августа 1908 г. 2. Получал 25 рублей в месяц. 3. 28 сентября 1908 г. «проваливает» в Уфе совещание социалистов-революционеров, за что получает вознаграждение в 25 рублей. В 1909–1910 гг. числился как агент по партии социалистов-революционеров. 4. С 1909 г. давал сведения о татарском прогрессивном движении: с 3 по 22 августа 1909 г. находился в Нижнем Новгороде для выяснения обстоятельств мусульманского съезда мусульман. Был командирован на юбилей муфтия ОМДС М.Султанова в Уфу в августе 1911. В 1913 г. повесился. 5. Значится в «Списке Исхакова».
7.	«Гард»	Крестьянин Казанской губернии	г. Верный и Семиреченская область	1. Секретный сотрудник розыскного пункта в г. Верный с октября 1914 г. 2. Получал 30–40 рублей в месяц. 3. Состоял в центре местного прогрессивного мусульманского кружка.
8.	«Даль»	Нет данных	Казанская губерния	1. Секретный сотрудник Казанского ГЖУ с сентября 1910 г. 2. Получал 40 рублей.
9.	«Житель»	Из дворян Уфимской губернии, учитель	Казань и Казанская губерния, Уфа	1. Секретный сотрудник Казанского ГЖУ с октября 1909 г. 2. Получал 70 рублей в месяц. 3. Отмечался как особо ценный сотрудник. В сентябре 1916 г. по

				просьбе Казанского ГЖУ ввиду призыва его на военную службу его семейству было назначено ежемесячное пособие в 35 рублей. В 1917 г. арестован в Казани. 4. Значится в «Списке Исхакова».
10	«Иван»	Нет данных	Москва	1. Секретный сотрудник Московского охранного отделения в 1916 г. 2. Находится на войне. Не был арестован. 3. Значится в «Списке Исхакова».
11	«Ишан»	Частный поверенный	Туркестан	1. Секретный сотрудник Туркестанского районного охранного отделения (не позднее 1915 г.). 2. Не заслуживал доверия из-за попытки совершить подлог за крупную денежную взятку (21 мая 1915 г.).
12	«Казанский»	Крестьянин 1891 г.р. Карабольской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии	Нет данных	1. Вспомогательный агент Уфимского ГЖУ (не позднее 1913 г.). 2. Не заслуживал доверия.
13	«Каспий»	Нет данных	Нет данных	Секретный сотрудник Бакинского ГЖУ с 1914 г. по «мусульманскому движению и панисламизму».
14	«Киргиз»	Крестьянин д.Старые Чукалы Свияжского уезда Казанской губернии	Астраханская губерния (Ханская ставка)	1. Секретный сотрудник Астраханского ГЖУ до 1916 г. 2. Служил безвозмездно. 3. В ноябре 1916 г. подлежал призыву, по ходатайству ГЖУ был зачислен в войсковую часть, расположенную в Астрахани. 4. Значится в «Списке Исхакова»

15	«Константинов»	Нет данных	Астрахань	1. Секретный сотрудник Астраханского ГЖУ с августа 1915 г. 2. Получал 5 рублей в месяц. 3. Значится в «Списке Исхакова», псевдоним не раскрыт
16	«Компас»		Тифлисская губерния	1. Секретный сотрудник Тифлисского охранного отделения по освещению деятельности «панисламистов». 2. Получал 50 рублей в месяц. 3. В 1912 г. уволен как шантажист.
17	«Красивый»	Нет данных	Семиреченская область	Секретный сотрудник розыскного пункта в г. Верный с апреля 1916 г.
18	«Кук»	Учитель (?)	Уфа	1. Секретный сотрудник Уфимского ГЖУ с 26 мая 1908 г. 2. Получал 40 рублей в месяц, затем жалование уменьшено до 20 рублей. 3. Оценивался как хороший и надежный агент по освещению «панисламистского» движения. 4. Значится в «Списке Исхакова».
19	«Татарин»	Мулла, учитель русского языка	Бугульминский уезд Самарской губернии	1. Секретный сотрудник Самарского ГЖУ с 1911 г. января 1913 г. Был отстранен. 2. Получал 25 (позднее 40) рублей в месяц 3. В июле 1917 г. был заключен в Бугульминскую тюрьму, освобожден 27 сентября 1917 г.
20	«Теоретик»	Сын помещика деревни Азановой (?) Бирского уезда Уфимской губернии, врач, ор-	Казань, г.Константинополь	1. Секретный сотрудник при Казанском ГЖУ с мая 1913 г. 2. Получал 50 рублей в месяц. 3. Имел хорошие связи в татарской среде прогрессистов, пользовался их симпатией. 4. Летом 1913 г. «провалил» тайное собрание студентов-мусульман в Киеве; в 1914 командирован в Константинополь для изучения пантюркизма.

		динатор в клинике Казанского университета		5. Весной 1916 г. выдержал государственный экзамен при Казанском университете. 6. Значится в «Списке Исхакова».
21	«Туйгун»	Нет данных	Семиреченская область	Секретный сотрудник розыскного пункта в г. Верный с июня 1912 г.
22	«Павлов» (по наружному наблюдению кличка «Якут»)	Бывший ученик фельдшерской школы, сотрудник татарских газет	Самарская губерния, зарубежом	1. Секретный сотрудник Самарского ГЖУ с 1907 г. до января 1912 г. 2. При разговоре с незнакомыми лицами сильно заикается. 3. Получал 50 рублей в месяц. 4. В июне 1910 г. выдано пособие на поездку в Париж, был на о. Капри у Горького, свел знакомство с некоторыми слушателями и руководителями школы пропагандистов. 5. В январе 1912 г. отказался от сотрудничества. За ним было установлено наблюдение.
23	«Перс»	Нет данных	Чистопольский уезд Казанской губернии	1. Секретный сотрудник Казанского ГЖУ с 1908 г. 2. Получал 25 рублей в месяц. 3. Значится в «Списке Исхакова». Псевдоним не раскрыт.
24	«Усатов»	Приказчик, заведующий магазином	Астрахань	1. Секретный сотрудник Астраханского ГЖУ с 1912 г. (?) по 1914 г. 2. Предполагалось использовать в зимнее время для работ среди пароходных служащих. 3. Приказом начальника ГЖУ от 14 июля 1914 г. отстранен. 4. Значится в «Списке Исхакова», псевдоним не раскрыт.
25	«Февралев»	Учитель, гласный Астраханской городской Думы	Астрахань	1. Секретный сотрудник Астраханского ГЖУ с 1913 г. 2. Получал по 10 рублей в месяц, с ноября 1915 г. по 15 рублей 3. Значится в «Списке Исхакова».

26	«Шейхутдин Измайлов»	Сотрудник татарской газеты «Вакыт»	Томская губерния	1. Секретный сотрудник Томского охранного отделения. 2. В 1917 г. находился на военной службе в Намангане. Не был арестован. 3. Значится в «Списке Исхакова».

Источники и литература

1. *ГАРФ Ф. 102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1.*
2. *ГАРФ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 17, 23, 26–30, 36.*
3. *ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 23, 136, 137, 144; Оп. 7. Д. 44, 115, 143.*
4. *ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 280.*
5. *ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393.*
6. *ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 121.*
7. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сб. документов. 1880–1917 гг. / Сост. *Е.Н. Щербакова* / под ред. *Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 384 с.
8. *Арапов* Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир: (конец XVIII-начало XX в.): сборник статей. М.: Наталис, 2006.
9. *Бродникова* М.Н. К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. Вып. № 2. С. 37–42.
10. *Бойко* С.И. Организация агентурной работы Казанским губернским жандармским управлением в начале XX века // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1. С. 107–112.
11. *Бойко С.И., Петренко* Н.И., *Соколова* В.И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организация и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016. 208 с.
12. *Гомонова* С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Самара, 2012.
13. *Загидуллин* И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007.
14. Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. *И.К. Загидуллин*. Казань: Изд-во «Ихлас», 2011.
15. *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М.: РОСПЭН, 2000.

16. *Письмо* директора Департамента полиции Е.К. Климовича начальникам губернских, областных и городских жандармских управлений, охранных отделений и офицерам Отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск, в связи с освобождением агентов от воинской службы. 24 марта 1916 г. // Агентурная работа политической полиции Российской империи. С. 361–362.

17. *Сенюткина* О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, ИД «Медина», 2007.

18. *Kefeli Agnes* N. Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy. Ithaca and London: Cornell University Press, 2014. *Campbell Elena.* The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Indiana University Press 2015.

19. *Crews Robert* D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge. London, 2006.

20. *Morrison* A. 2017. Review of Elena I. Campbel. The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2015. (https://www.academia.edu/32764745/Review_of_Elena_Campbell_The_Muslim_Question_in_Late_Imperial_Russia) (дата обращения: 14.08.2017).

21. *Tuna Mustafa.* Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

22. *Frank* A.J. Muslim Religious Institution in Imperial Russia. Leiden; Boston, 2001.

Гусева Юлия Николаевна – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Самарского филиала ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Самара) e-mail: j.guseva@mail.ru

Guseva Yulia Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of Science, Samara branch of Moscow City Pedagogical University (Samara)

УДК 297

Ю.Н. Гусева

Образ исламского модернизма и механизмы его формирования: сбор сведений о мусульманах поволжских губерний в начале XX века

В статье на примере Волго-Уральского региона анализируется механизм сбора и информации о мусульманских подданных Российской империи в начале XX века. На основе современной историографии и архивных данных, многие из которых не были введены в научный оборот, представляется схема циркуляции информационных потоков, освещаются вопросы: как собиралась и осмысливалась первичная информация, получаемая с мест, служившая одним из базовых элементов аналитических обзоров и обобщений для работников МВД и региональных властей. Освещается проблема «революционного» характера деятельности мусульманских лидеров и вопрос о соответствии методики деятельности ГЖУ государственным задачам. В результате делается вывод о сложностях сбора исходного материала, его перевода с татарского языка на русский, которые во многом были продиктованы кадровыми проблемами и неоднородным отношением самого тюрко-мусульманского сообщества к происходившим внутри него переменам.

Ключевые слова: ислам в Российской империи, мусульмане Волго-Урала, российские мусульмане, панисламизм, пантюркизм, МВД.

Yu.N. Guseva

The image of Islamic modernism and the mechanisms of its formation: gathering of data about the Muslims in the Volga provinces in the early 20th century

The article takes the example of the Volga-Ural Region to analyze the mechanism of collecting the information about the Muslim citizens of the Russian Empire in the early of the XX century. Based on the contemporary historiography and archive data, many of which have not been yet introduced in the scientific circulation, a flow scheme of information streams is presented and a question is addressed of how the primary information received from local sources was collected and analyzed which was one of the basic elements of analytical reports and summaries for the officers of the Ministry of Internal Affairs and regional authorities. The article also sheds some light on the problem of the 'revolutionary' character of activity of

Muslim leaders and on the question of compliance of activities of the Gendarmerie Department of the Province with the national objectives.

The result is a conclusion about the difficulty of collecting source material, its translation from the Tatar language into Russian, which was largely dictated by staff problems and heterogeneous relation of the Turkic-Muslim community itself towards changes happening inside of it.

Keywords: Islam in Russian Empire, Volga-Ural Muslims, Russian Muslims, Pan-Islamism, Pan-Turkism, Ministry of Internal Affairs.

На протяжении двух последних десятилетий российское и зарубежное исламоведение постоянно держит в поле зрения сюжет, раскрывающий небывалый (даже в мировых масштабах) расцвет исламской реформистской мысли, имевший место в начале XX века в различных частях Российской империи и наиболее активно проявившийся в Волго-Уральском регионе. Оставляя за рамками статьи сущность историографических дебатов о религиозном модернизме в тюркской среде Поволжья, сфокусируемся на важном, но малоизученном вопросе: каким образом в глазах российских чиновников формировалось определенное, в общих чертах весьма проблемное, представление о своих мусульманских подданных? Из каких информационных потоков и реальных поступков мусульман «прорастало» мнение местных и высших сановников об антиправительственном, «панисламистском», «пантюркистском», «революционном» характере деятельности наиболее активной части тюркского сообщества Волго-Урала?

В академическом смысле интерес к данной проблеме продиктован рядом обстоятельств: широко дебатируемой темой изучения имперского дискурса в отношении «мусульманского вопроса» («мусульманской проблемы» – Campbell, 2015, p. 1). Еще один немаловажный аспект, привлекающий наше внимание: специфичность/универсальность и эффективность методов работы российских силовых ведомств с информацией, методов, апробированных на иных, находящихся под наблюдением антиправительственных (революционных) движениях.

Оценки эффективности деятельности МВД в отношении мусульман Российской империи российскими исследователями диаметрально противоположны. Опираясь на архивные материалы Казанского ГЖУ, С.И. Бойко пишет о том, что «их (правительства, императора – *Ю.Г.*) информационное обеспечение со стороны жандармов было достаточно полным и объективным» (Бойко 2016, с. 182); а «**Предупреждающие** (выделено нами – *Ю.Г.*) действия политической полиции, на наш взгляд,

не давали возможностей для действительного распространения панисламистских и пантюркистских убеждений среди мусульман Казанской губернии» (Бойко 2016, с. 186). На другом полюсе – исследователи, восхваляющие деятельность национально-религиозных лидеров, ориентированных на распад государственности любыми доступными им средствами, и потому резко негативно оценивающие любые усилия жандармерии и охранки по ограничению подобной деятельности. Более взвешенную оценку деятельности обеих сторон, на наш взгляд, дают работы российских авторов, которые, опираясь на широкие источниковые возможности, пытаются анализировать сильные и слабые стороны общественно-политической деятельности поволжских национально-религиозных лидеров (Арапов, 2006; Сенюткина, 2007; Особое совещание, 2011).

Зарубежная историография более консолидирована в оценках: исследователи единодушны в том, что политическая полиция не смогла адекватно оценить этноконфессиональные процессы, происходившие в тюрко-мусульманской среде Империи и потому усилия по их контролю и пресечению был гипертрофированными и во многом бесплодными (Campbell, 2015; Morrison, 2012; Tuna, 2015).

Свою лепту в изучение данной проблемы со стороны истории структур политического сыска вносят региональные работы, освещающие процесс становления и механизма функционирования районных охранных отделений, приемы получения информации, характеризующие специфику работы внутренней и внешней агентуры, перлюстрации в Поволжье (Гомонова, 2012; Гончарова, 2008; Романов, 2003).

Информация о процессах в мусульманской среде Поволжья аккумулировалась на всех управленческих уровнях и в органах всех ветвей власти, при этом, по вполне объяснимым причинам ключевым ведомством, занимавшимся разработкой этого сюжета было Министерство внутренних дел. Именно ему починялся Департамент духовных дел иностранных исповеданий как ключевой орган, взаимодействовавший с муфтиятами и самим министерством; под контролем МВД в 1910–1914 гг. осуществляли свою работу межведомственные Особые совещания по «мусульманским делам», заметно повлиявшие на формирование образа ислама и выработку общегосударственной позиции в отношении мусульманских подданных империи (Особое совещание, 2015). В связи с этим основное внимание в статье будет уделено работе МВД на местах, освещены процессы накопления данных и методы работы с «мусульманской» информацией.

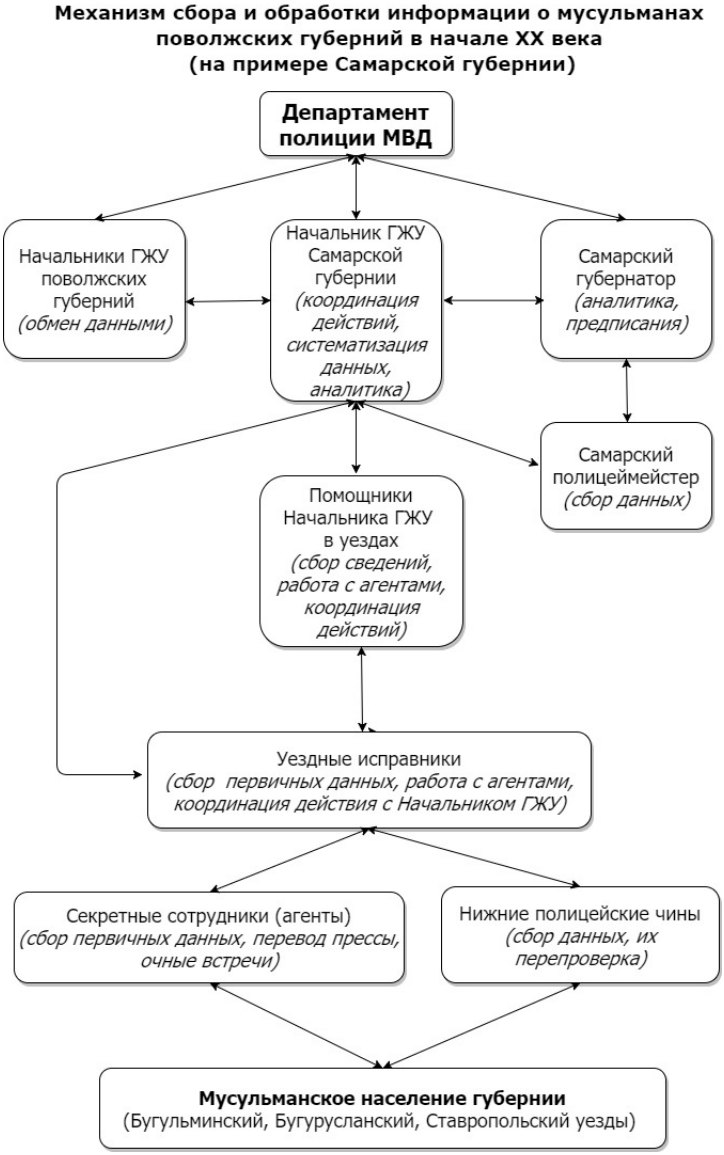

Схема 1. Механизм сбора и обработки информации о мусульманах поволжских губерний в начале XX века (на примере Самарской губернии)

Обобщенные нами сведения о каналах сбора и обмена информацией представлены в схеме (Схема 1). Ниже мы позволим себе некоторые комментарии данного материала.

Важным источником информации для формирования представлений у власть предержащих (региональные власти, работники МВД) о социальных запросах татаро-мусульманского населения Поволжья были петиции и прошения, подававшиеся жителями в органы власти в период с 1905 по 1917 гг. Подавляющее большинство из них отражало перемены общественно-политического и культурного настроя населения в духе джадидизма, идей консолидации мусульман (Бойко, 2016, с. 128; Загидуллин, 2014, с. 201–277; Сенюткина, 2007, с. 231–242; Crews, 2006; Meyer, 2013; Sartory, 2017).

Нельзя не отметить и факты, свидетельствовавшие о внутренней полемике, неоднородности позиций религиозной элиты по отношению к культурно-образовательным новациям. Известное анонимное прошение 12-ти мулл Казанской губернии от 15 августа 1908 г., поданное на имя Столыпина имамами-противниками реформ, содержало обвинения в адрес молодых учителей (мугаллимов) в «революционности», стремлении вести антиправительственную пропаганду (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1. 1908 г. Л. 3, 3 об.; Бойко 2016, с. 130; Campbell, 2015, p. 180). В нем были указаны имена конкретных мугаллимов и мулл Симбирской и Казанской губерний, чья деятельность вызывала недовольство заявителей. Естественно, что МВД начало разбирательство по данному сюжету, рассылая запросы губернаторам и в местные ГЖУ с просьбой прокомментировать оценки анонимных заявителей и их соответствие объективной картине.

С большим вниманием имперские власти отслеживали и перепроверяли слухи, активно циркулировавшие в разные исторические периоды в татарской среде. Местные представители полицейских органов фиксировали слухи о готовящихся съездах, совещаниях, на которых должны были обсуждаться проблемы преподавания, реорганизации муфтията и старались их перепроверить (Бойко, 2016, с. 129; Загидуллин, 2015, с. 109–113; Его же, 2000, с. 138–141; Сенюткина, 2007, с. 393, 399, 483). В руки губернских работников жандармских управлений попадали также заявления от имамов с пересказами сведений, слухов о тяготении тех или иных общественных активистов, религиозных лидеров к Турции и ее политике, с обвинениями в «панисламизме» (ЦГИА РБ. Ф. И–187. Оп. 1. Д. 467. Л. 79 // Цит. по: Уфимское губернское жандармское управление, 2012, с. 344–345; ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1896. Л. 27).

Оставляя за рамками статьи рассуждения об объективности содержавшихся в подобных источниках сведений, зафиксируем то, что они также содержали информацию о способах распространения информации в мусульманской среде (слухи, эмиссары, перемещение заинтересованных лиц по империи под видом паломников) и сами по себе были индикатором неоднородности позиции мусульман в отношении перемен.

Перепроверка подобной информации зачастую была затруднительна в особенности до начала 1910-х гг., когда (как будет показано ниже) предпринимались усилия по усовершенствованию системы сбора информации в мусульманской среде империи. В этом случае могли срабатывать механизмы, вызывавшие гипертрофированно-опасливую и перестраховочную реакцию властей на «мусульманские проблемы» (об этом: Morrison, 2012).

Большое внимание уделялось работниками местных губернских жандармских управлений анализу материалов прессы. На стол начальников ГЖУ ежемесячно ложились обзоры прессы, издававшейся мусульманами Российской империи и их единоверцев за рубежом. В фонде Казанского губернатора сохранялись ежемесячные обзоры печатавшихся в Казани татарских газет «Кояш», «Юлдус», «Баянулхак» (ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 280. Л. 3 об.). Власти пугало резкое увеличение изданий национально-религиозного характера: только с 1909 по 1910 гг. количество печатной продукции, прошедшей через Казанский Временный комитет по делам печати, ведавший вопросами цензуры, в печатных листах возросло на 17,8% (Там же. Л. 1 об.; об этом также см.: Дюдуаньон, 2012).

Они поступали в МВД не только через внутреннюю, но и заграничную агентуру. Например, в 1913 г. заведующему Особым отделом Департамента полиции МВД от заведующего агентурой в Турции направлялись ежемесячные обзоры турецкой прессы с информацией о «панисламистской» пропаганде в Африке, Индии, Турции (ГАРФ. Ф. 529. Оп. 7. Д. 342. Л. 65–68 об.).

Очевидно, что бравший на себя де-факто функцию «осведомительного бюро» Казанский Временный Комитет по делам печати, с большим трудом справлялся с возложенными на него обязанностями: «…по требованиям губернской администрации, жандармского управления и судебных учреждений предоставлялись отзывы и заключения о содержании печатного и рукописного материала на татарском и других восточных языках, месячные обзоры содержания русских и татарских газет и журналов и переводы статей и даже книг. В его обязанности также вхо-

дила иностранная цензура – цензура заграничных периодических и непериодических изданий на восточных языках, присылаемых частным лицам. На основании всего вышесказанного Пинегин (руководитель комитета – *Ю.Г.*) делал вывод, что члены комитета были «переобременены до последней возможности» различной работой (РГИА. Ф. 776. Оп. 22–1912. Д. 283д. Л. 276–281. Цит. по: Патрушева, 2016, с. 83). В частности, перевод вышеуказанного прошения 12-ти мулл на русский язык выполнил член этого цензурного Комитета, председатель переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа, профессор Казанского университета Николай Катанов.

О перегруженности и сложностях переводческой работы, ограниченности кадров, способных работать в интересах властей с материалами татарских газет свидетельствуют и архивные материалы, и данные исследований (Сенюткина, 2007, с. 391). Об остроте проблемы обладания достоверной информацией ввиду незнания татарского языка неоднократно писали в своих документах работники ГЖУ: «Начальник КГЖУ (Казанского ГЖУ – *Ю.Г*) писал, что единственный радикальный способ борьбы с панисламистской пропагандой – тщательное наблюдение за всеми татарскими школами через людей, знающих татарский язык. Он также отмечал необходимость установления единой учебной программы для того, чтобы было проще наблюдать за ее точным соблюдением. В то же время К.И. Калинин констатировал, что одного только агентурного наблюдения недостаточно, нельзя ли иметь в каждой деревне сотрудника из грамотных татар, владеющих в достаточной мере русским языком» (Бойко, 2016, с. 131).

Рефреном в отчетах самарских жандармов звучало: «Помимо мусульман…есть преданные люди, хорошо знакомые с татарским разговорным языком, но, к сожалению, нет ни одного, который мог бы читать печатное и рукописное»; «повторяю, что как агенты наружной Полиции, так равно и частные лица немусульманского вероисповедания татарскою печатью и письмом, к сожалению, не знакомы»; «в интересах дела…безусловно необходимо пригласить из Самары надежных переводчиков, хорошо знакомых с татарскою печатью и письмом» (ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 81–82). В результате за пределами Казани, которая и так была перегружена работой, перевод материалов с арабского и тюркских языков был весьма непростым делом и велся весьма неоперативно. Неслучайно, в 1940-е гг. архивисты Центрального государственного исторического архива указывали на безграмотность или неточ-

ность переводов статей, на которые ссылались работники департамента полиции, делая заключения о распространении панисламистских настроений (ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 79. Л. 2 об.).

На «крайнюю неосведомленность местных правительственных органов» в процессе противодействия «пропаганде панисламизма и пантюркизма (пантуранизма)» указывал директор Департамента Духовных Дел иностранных исповеданий Пермскому в своем письме 11 декабря 1910 г. губернатору Пермской губернии В.А. Лопухину. Основной причиной неосведомленности выступало «весьма малое знакомство громадного большинства должностных лиц с местными языками инородцев, а равно и с их правовым, религиозным и бытовым строем» (ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 512. Л. 60; Campbell, 2015, p. 174).

Очевидно, что в короткие сроки вырастить переводчиков и слой управленцев, способных вникать и разбираться в тонкостях «восточного» закона и быта, было невозможно, поэтому правительство пошло по апробированному пути – активизации сбора первичных данных среди мусульман империи, ключевую роль в котором играла агентурная работа. Тактика опоры на агентурные сведения была удачно опробована на деятелях различных партий и движений, причисляемых к «революционным» и теперь применялась в борьбе с «панисламизмом».

Анализ архивных документов, относящихся к работе МВД на местах, указывает, что к весне 1911 г. уездные исправники создали свою агентуру в татарских деревнях Сергачского, Курмышского, Васильсурского уездов Нижегородской губернии (Сенюткина, 2007, с. 367–368). «К 1914 г. в Казанском губернском жандармском управлении насчитывалось 29 секретных сотрудников … появились агенты, внедренные или же собиравшие сведения по татарским организациям, в том числе по проблемам панисламизма – 5 человек» (Бойко, 2010, с. 110). Выстраивалась сеть агентуры и в Самарской губернии. В 1909–1911 гг. стал заметен рост расходов на содержание секретных агентов, добывавших значительную часть сведений о различных, в том числе татаро-мусульманских, сюжетах (см. табл. 1).

11 марта 1911 г. Начальник Самарского ГЖУ, полковник А.П. Крицкий в своем докладе начальнику Саратовского ГЖУ В.К. Семигановскому указывал: «Что же касается до татарского политического движения, то о таковом поступили лишь сведения от Вятского Губернского Жандармского Управления и относятся они главным образом к Бугульминскому уезду (Самарской губернии – *Ю.Г.*). Эти сведе-

ния путем приобретенной агентуры в лице одного муллы из стариков проверяются, и о результатах будет сообщено дополнительно. Но в то же время ввиду того, что в татарском движении в духе панисламизма занимают руководящее положение главным образом татарские учителя молодого поколения, для всестороннего освещения означенного движения принимаются меры к приобретению агентуры из молодых учителей» (ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 54–54 об.).

Таблица 1

Расходы на содержание секретной агентуры Самарского ГЖУ в начале XX века

Дата	*Сумма (руб.)*
Январь-июнь 1906 г.	55
Октябрь-декабрь 1908 г.	2591
1909 г.	8233
1910 г.	8626,70
1911 г.	7457,82
1912 г.	5833,74
1913 г.	4225,71
1914 г.	4172,13
1915 г.	4807,67
Январь–ноябрь 1916 г.	4655,01

Извлечено из: ГАРФ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

Усилия по приобретению агентуры в мусульманской среде Самарской губернии были не бесплодны. В штате СамГЖУ в июле 1911 г. значился 31 секретный сотрудник: из них четверо наблюдали за эсерами, шестеро – за РСДРП, и двое – «за панисламистскими группами» (Гомонова, 2012, с. 191, 212). В архивных материалах с говорящим названием: «По наблюдению за татарским движением на почве объединения в единой вере в панисламизм» (1912 год) сохранились материалы и выписки из татарских газет, собранные местным агентом «Татарином», а также «соображения и слухи, собранные означенным агентом» (ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1623. Л. 19). В разделе «соображения» информатор просил местных жандармов обратить внимание на определенные статьи в национальных газетах, носящие, по его мнению, антиправительственный характер.

Стоит отметить, что жандармы требовали от подчиненных перепроверки агентурных сведений, не доверяя им безоговорочно, что доказывает профессионализм работников жандармерии. Вот как оценивал начальник СамГЖУ данные от «Татарина»: «Ведь может быть на взгляд агента она (книга – *Ю.Г.*) вредна, но в действительности не предъявляет ничего такого, за что можно было бы ее изъять из обращения. Ко всему этому, агент все время указывает разных лиц, которые привержены к идеям панисламизма, но ни разу не указал, в чем же именно выражалось их приверженность панисламизму и в каких видах она проявляется у них» (ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 47 об.).

Еще один метод работы с лидерами мусульман, прямо отсылающий исследователей к опыту работы жандармерии с революционными организациями, – выдача разрешений на проведение съездов и собраний с тем, чтобы выяснить реальные и декларируемые публично цели и задачи национально-религиозных лидеров.

Интересно отметить, что оценка властями джадидизма, политического тюркизма как «революционных» явлений была, возможно, подсказана чиновникам самими противниками реформ из татарской среды, которые в петиции 12-ти мулл, прямо именовали новометодных мугаллимов «революционерами», смутьянами, которые «возмущают людей против правительства» и просили «убрать тех учителей-революционеров из наших татарских деревень» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1. Л. 3, 3 об.). Не стоит удивляться, почему все упомянутые в этом деле мугаллимы и муллы Симбирской и Казанской губернии стали проверяться МВД, в первую очередь, на предмет причастности к революционным организациям.

Очевидно, что МВД восприняло понятие «революционность» буквально, как движение, прямо направленное на разрушение государственного строя, что не соответствовало действительности. «Революционная» сущность джадидизма для его противников заключалась в попытках реформирования ОМДС, призывах вести проповедь на тюркских языках, использовать литературу и знания, полученные в медресе и мектебе (или на улицах) Османской империи. Однако никаких фактов, свидетельствующих о контактах революционных организаций и мусульманской элиты, противниками реформ приведено не было. Возможно, они использовали термин «революционеры», чтобы привлечь максимальное внимание властей к озвученной ими проблеме.

Иное дело, что такая трактовка в целом стыковалась с информацией, шедшей от внешней агентуры и дипломатов, потому все наиболее актив-

ные муллы и мугаллимы Волго-Урала и других регионов, особенно в 1909–1911 гг., проверялись на предмет сочувствия младотуркам или персидским революционерам. А в канун войны стала очевидна и «рука» Германии, пытавшейся использовать представителей тюркской элиты в собственных интересах борьбы со славянскими государствами и Россией.

Анализируя полноту и качество собираемых сведений о ситуации в татаро-мусульманской среде Волго-Урала, отметим следующее. Недостаток данных ввиду незначительного в масштабах региона количества агентуры и незнания татарского языка чиновниками, почти полное отсутствие навыков чтения и письма у представителей татарского народа, открыто выражавших поддержку российским властям, не давали возможности работникам ГЖУ получить достаточный объем необходимой информации. В связи с лавинообразным ростом количества и массовым распространением мусульманских газет, учебников и литературы, выпускавшейся как внутри Российской империи, так и за ее пределами, агентам, наблюдателям, представителям власти на местах уже было недостаточно владеть навыками разговорного языка: устные коммуникативные навыки уступали необходимости работать с печатным словом. Осовременивая проблему, можно сказать, что жандармы проигрывали в информационном противостоянии, в которое были втянуты усилиями национально-религиозной элиты российских мусульман.

Второй немаловажный момент, осложнявший корректную оценку процессов внутри мусульманского сообщества империи, весьма спорное отнесение религиозно-национальных модернизационных процессов к категории «революционных», и, соответственно, применение аналогичных методик работы с мусульманскими лидерами, методик, которые не учитывали нюансы и многогранность проблемы, ее социокультурный аспект.

Наконец, третье обстоятельство связано со специфическим «ответом» самого тюрко-мусульманского сообщества, которое по многим параметрам не представляло собой единого целого. Оно транслировало вовсе разные сигналы (от безусловной поддержки новаций до их полного неприятия), которые при желании могли быть неоднозначно истолкованы и усложняли и без того непростую задачу, поставленную государством перед работниками силовых структур.

Источники и литература

1. *ГАРФ. Ф.102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1. 1908.*
2. *ГАРФ. Ф. 529. Оп. 7. Д. 342.*

3. *ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 79.*
4. *ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 280.*
5. *ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 512.*
6. *ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393.*
7. *ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1623.*
8. *ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1896.*
9. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сб. документов. 1880–1917 гг. / сост. Е.Н. *Щербакова* / под ред. Г.А. *Бордюгова*. М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 384 с.
10. *Арапов* Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир: (конец XVIII – начало XX в.): сб. статей. М.: Наталис, 2006.
11. *Бродникова* М.Н. К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. Вып. № 2.
12. *Бойко С.И.* Организация агентурной работы Казанским губернским жандармским управлением в начале XX века // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1.
13. *Бойко* С.И., *Петренко* Н.И., *Соколова* В.И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организация и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016. 208 с.
14. *Гомонова* С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Самара, 2012.
15. *Гончарова* Е.А. Местные органы политической полиции в России в 1902–1914 гг. (на материалах Саратовской и Самарской губерний): дисс. … канд. ист. наук. Саратов, 2008.
16. *Дюдуаньон* С. Эхо революций в Иране (1906 г.) и в Турции (1908 г.) в мусульманской печати Российской империи с точки зрения межконфессиональных отношений // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв. Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 251–299.
17. *Загидуллин* И.К. Волнения татарских крестьян Волго-Уральского региона, вызванные нарушением традиционного уклада жизни, во второй половине XIX в.// Известия Алтайского государственного университета. 2015. Вып. № 4 (88). Т. 1. С. 109–113.
18. *Загидуллин* И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 223 с.
19. Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и

материалы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. *И.К. Загидуллин*; сост. указ. *Р.М. Залялетдинова*. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. 588 с.

20. Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. *Загидуллин*. Казань: Изд-во «Ихлас», 2011. 296 с.

21. *Патрушева* Н.Г. Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX в. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. Т. 213. С. 79–84.

22. *Романов* В.В. Организация и деятельность политической полиции Поволжья в конце XIX – начале XX вв. М.: ИД Юрист, 2003.

23. *Сенюткина* О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, ИД «Медина», 2007.

24. *Тольц* В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

25. Уфимское губернское жандармское управление. 1873–1917 гг. Документы и материалы. Уфа: Полиграфдизайн, 2012. 548 с.

26. *Campbell Elena.* The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Bloomington: Indiana University Press, 2015.

27. *Crews Robert* D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, London, 2006.

28. *Meyer James* H. Speaking Sharia to the State // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 14, 3 (Summer 2013). P. 485–505.

29. *Morrison* A. Sufism, Panislamism and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising' // Past & Present. No.214 (2012). P. 255–304.

30. *Sartory Paolo.* Exploring the Islamic Juridical Field in the Russian Empire: An Introduction // Islamic Law and Society. 24 (2017). P. 1–19.

31. *Tuna Mustafa.* Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Гусева Юлия Николаевна – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Самарского филиала ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Самара) e-mail: j.guseva@mail.ru

Guseva Yulia Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of Science, Samara branch of Moscow City Pedagogical University (Samara)

УДК 94(47)

И.К. Загидуллин

Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 года как исторический источник

В статье петиционная кампания мусульман Поволжья и Приуралья 1905 г. оценивается как один из знаковых элементов общественно-политической активности народов края в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Изложенные в петициях и ходатайствах пожелания и предложения различных социальных групп населения рассматриваются как программа обустройства на широких демократических началах новой России и справедливого решения «национального вопроса», основанного на равноправии подданных и религиозных институтов всех признаваемых в империи конфессий. В этой связи важной задачей признается подготовка к изданию этих документов как источников, наиболее полно раскрывающих понимание на тот исторический момент местными элитами стоящих перед мусульманским сообществом проблем и поиск путей их решения.

Ключевые слова: петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 года, Первая русская революция, политика общественного доверия, исторический источник.

I.K. Zagidullin

Petitions of Muslims of the Volga-Ural region of 1905 as a historical source

In the article the petition campaign of Muslims of the Volga and Ural region of 1905 are estimated as one of the most significant elements of social and political activity of the people of the region during the First Russian revolution of 1905–1907. Set forth in the petitions and the requests, wishes and proposals of various social groups of population are considered as the program arrangement on wide democratic basis of the new Russia and a just solution of the “national question”, based on equality of citizens and religious institutions of all recognized religions of the Empire. In this regard, as an important task is recognized the preparation for publication of these documents as sources most fully disclosing the understanding on that historical moment by the local elites of facing the Muslim community problems and finding their solutions.

Keywords: petitions of Muslims of the Volga-Ural region of 1905, First Russian revolution, the policy of public trust, historical source.

Основными источниками по изучению различных аспектов социально-экономической жизни и общественного развития российского общества периода модернизации, в целом, и этноконфессиональных сообществ, в частности, выступают делопроизводственные материалы органов власти, отложившиеся в архивах. В случае отсутствия периодических изданий на родном языке того или народа, являющихся ценнейшим источником массовой социальной информации, значение делопроизводственных документов еще более возрастает, превращаясь во многих случаях в основной источник. Между тем, этот вид источника имеет специфические особенности, как по содержанию, так и по оценке и интерпретации явлений и фактов и, естественно, требует особого критического подхода и осмысления. В этой связи большую ценность приобретают источники, исходящие от различных сословных и этноконфессиональных групп населения. Среди них выделяются прошения, адресованные органам власти различного уровня. Они свидетельствуют о существовании в империи постоянного канала связи между подданными и властью, позволяющей последней получать из «первых рук» оперативную информацию о положении дел на местах. Подача ходатайства также играла важное значение в ослаблении общественного напряжения в поселениях. Причиной такого социального поведения местных жителей, как правило, становилась вера в «белого царя», правительство и высший апелляционный орган империи – Сенат, как к последним «инстанциям справедливости».

В истории приговорных движений народов Поволжья и Приуралья особо выделяется период Первой русской революции 1905–1907 гг. прежде всего тем, что в конце 1904 – начале 1905 гг. имперская власть сама инициировали подачу петиций в адрес Комитета министров, обещая услышать народные нужды и системно решать назревшие проблемы общероссийского и регионального значения. Так, именным высочайшим указом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. (ПСЗ–3. Т. 24. № 25495) император Николай II заявил о намерении провести широкие реформы в общественном устройстве России. Было также обещано упразднение существующих «стеснений» нерусских народов (п. 6), и пересмотр «действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи» (п. 7), что привлекло к петиционной кампании представителей различных этноконфессиональных сообществ из национальных регионов. Именной указ от 18 февраля 1905 г. предос-

тавил частным лицам и учреждениям, радеющим «об общей пользе и нуждах государственных», подавать петиции «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Их рассмотрение возлагалось на Комитет министров (ПСЗ–3. Т. 25. № 25853).

Данная инициатива самодержавной власти является беспрецедентным актом по установлению сотрудничества со своими подданными, независимо от их сословной и этноконфессиональной принадлежности и места проживания. Однако «политика общественного доверия» правительства оказалась кратковременной и была прервана манифестом от 6 августа 1905 г., согласно которому все новые законы предварительно рассматривались и утверждались в Государственной думе. При этом российским подданным запрещалось командировать в Государственную думу депутации, а также «предоставлять словесные и письменные заявления и просьбы», что, по сути, означало аннулирование императорского указа от 18 февраля 1905 г. о свободной подаче петиций. Таким образом, период с 18 февраля по 6 августа 1905 г. стал временем официального диалога власти и законопослушных подданных (ПСЗ–3. Т. 26. № 27425).

Естественно, новый закон не мог сразу остановить поток ходатайств в адрес правительства (и Государственной думы после ее созыва), однако их численность постепенно уменьшалась. К этому времени основная масса социально активных групп населения уже изложила свои проблемы в петициях, теперь терпеливо ожидала ответных мер со стороны власти – появления «справедливых законов». Итак, в петиционной кампании периода Первой русской революции 1905–1907 гг. выделяются два этапа: додумский и думский, когда ходатайства и наказы адресовались избранным депутатам.

Весной и летом 1905 г. приметами российской действительности стали многочисленные и систематически проводимые совещания общественных организаций, представителей различных профессиональных, сословно-социальных, этноконфессиональных групп населения, начиная от учащихся гимназий и кончая дворянскими собраниями, на которых с большим воодушевлением и энтузиазмом утверждались наказы по улучшению и расширению гражданских прав и решению насущных нужд народных масс или корпоративных групп. Атмосферу, охватившую мусульман в период петиционной кампании, особенно весной 1905 г., на которую пришелся ее пик, можно назвать временем пробуждения от

спячки тюркских народов империи или временем мечтаний. Впервые не опасаясь последствий составлялись тексты петиций, адресованные императору или председателю Комитета министров С.Ю. Витте. Эти документы петиционного движения отложились в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 15, 20, 21, 25, 26, 31). Мусульмане 14 губерний Поволжья и Приуралья подали более 530 ходатайств и телеграмм, как правило, от имени городских и сельских общин; различных сословно-социальных групп, мусульманских приходов. В итоге петиции запечатлели довольно широкий диапазон общественных настроений.

Петиционная кампания, подача прошений о повышении статуса исламских институтов и реформировании управления духовных дел, проведение совещаний разного уровня и масштаба, посвященные этим вопросам, являются составной частью либерального общественного движения мусульманских народов рассматриваемого времени.

В последние десятилетия изучение петиционной кампании мусульманского населения 1905 г. стало объектом внимания исследователей Л.А. Ямаевой (Ямаева, 2002), О.Н. Сенюткиной (Сенюткина, 2007), Д.М. Усмановой (Усманова, 2005; Усманова, 2009), С.М. Исхакова (Исхаков, 2007), М.Н. Фархшатова (Фархшатов, 2012), И.К. Загидуллина (Загидуллин, 2014) и др. Благодаря их публикациям были введены в научный оборот новые источники, позволяющие в значительной степени по-новому взглянуть на общественные процессы в Волго-Уральском регионе. Однако в этих публикациях петиции и сама петиционная кампания рассматриваются в контексте или как составная часть общественного движения мусульманских народов или же в них освещаются особенности подачи и содержание отдельных прошений конкретных общин или корпоративных групп. На наш взгляд, сегодня востребовано комплексное изучение петиционной кампании татар и башкир как целостного социального явления – одну из форм борьбы за достижение равноправия исламских институтов с институтами РПЦ, за расширение религиозно-культурной автономии мусульман, как обращений к центральной власти, содержащих общеполитические высказывания и требования.

На содержание петиций оказывали воздействие мировоззрение и интеллектуальный уровень просителей. Компетентное и четкое изложение своих мыслей требовали владения юридической терминологией и хорошее знание русской грамоты. Аргументированность положений,

выдвигаемых просителями, усиливалась и логически структурировалась в случае привлечения компетентного составителя прошения, возможно, человека с юридическим образованием.

Если говорить более конкретно, то в большинстве прошениях говорится об общенациональных нуждах, касающихся вероисповедальных вопросов и ущемления единоверцев по конфессиональному признаку в различных сферах жизни. Среди них также имеются ходатайства уполномоченных этносоциальных групп населения, в которых преобладают наказы об улучшении своего социально-правового положения. Привлекают внимания и прошения личного характера, прежде всего, ходатайства возвратившихся в ислам крещеных татар. В самостоятельную группу можно выделить прошения местного значения, вызванные желанием разрешить недавно возникшие или длительное время не дающие покоя мусульманам вопросы. Сюда можно отнести ходатайства мусульман г. Казани, адресованные в Комитет министров по поводу разрешения отдыхать торговым заведениям мусульман в пятницу и работать в воскресенье (Загидуллин, Багаутдинова, Байбулатова, 2015, с. 47–65).

Если ранее прошения подавались уполномоченными сельских обществ в форме общественного приговора, то в 1905 г. наблюдался отход от этой практики. Дело в том, что путем составления общественных приговоров сельские общества не только действовали в установленном законом порядке, а вводили принцип коллективной ответственности и брали под свою опеку доверенных лиц, как исполнителей решения «мира». В условиях официального разрешения подачи прошений о нуждах и притеснениях активизировались сельские духовные лица, которые нередко выступали в качестве уполномоченных местных жителей, не имея на это соответствующего общественного приговора. Иначе говоря, они брали на себя ответственность выражать мнение прихожан или единоверцев ряда населенных пунктов. Активности мусульман способствовали царившая в стране атмосфера всеобщего пробуждения, а также агитация и призывы представителей местных элит к участию в петиционной кампании.

Еще одной особенностью петиционной кампании следует признать разнообразие содержания петиций. Если в прошениях сельских обществ отдельных губерний можно выделить лишь несколько вариантов с примерно одинаковыми требованиями, то для большинства ходатайств городских общин характерны оригинальные тексты. Они, как правило,

проникнуты идеей достижения равноправия для мусульман, им присуща более высокая правовая грамотность.

В целом петиционная кампания мусульман Поволжья и Приуралья 1905 г. является одним из знаковых элементов общественно-политической активности народов региона в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Изложенные в петициях и ходатайствах пожелания и предложения различных социальных групп населения правомерно оценивать как программа обустройства Новой России и справедливого решения «национального вопроса», основанного на равноправии подданных и религиозных институтов всех признаваемых в империи конфессий. В этой связи важными задачами являются выявление, систематизация и подготовка к изданию этих документов как источников, наиболее полно раскрывающих на тот исторический момент понимание местными элитами стоящих перед мусульманским сообществом проблем и поиск путей их решения.

Источники и литература

1. *РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 15, 20, 21, 25, 26, 31.*
2. *Загидуллин* И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.
3. *Загидуллин* И.К., *Багаутдинова* Х.З., *Байбулатова* Л.Ф. Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX – начале XX вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 3–4. С. 47–65.
4. *Исхаков* С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М.: Издательство «Общественно-политическая мысль», 2007. 400 с.
5. *ПСЗ–3. Т. 24. № 25495.*
6. *ПСЗ–3. Т. 25. № 25853.*
7. *ПСЗ–3. Т. 26. № 27425.*
8. *Сенюткина* О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н.Новгород, 2007. 423 с.
9. *Усманова* Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. Казань: Фән АН РТ, 2005. 584 с.
10. *Усманова* Д.М. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. Казань: изд-во «Фән», 2009. 568 с.

11. *Фархшатов* М.Н. Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.: о модернизации государственного устройства России // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). Н.Новгород, 2012. С. 76–89.

Информация об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Modern History, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. – век
вв. – века
вып. – выпуск
г. – год
гг. – годы
губ. – губерния
д. – дело
д., дер. – деревня
дес. – десятина
дисс. – диссертация
др. – другие
ед. хр. – единица хранения
изд. – издание
им. – имени
кн. – книга
коп. – копейка
л. – лист
л.с. – лошадиная сила
млн. – миллион
напр. – например
об. – оборотный
оп. – опись
пос. – поселок
ред. – редактор
рис. – рисунок
руб. – рубль
с. – село
с. – страница
сб. – сборник
сер. – серия
см. – смотрите
сост. – составитель
табл. – таблица
т. – том
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.н. – так называемый
т.п. – тому подобное
т.ч. – (в) том числе
табл. – таблица
тип. – типография
тыс. – тысяча
ул. – улица
ф. – фонд
ч. – часть
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БФ ЧОУ ВО КИУ – Бугульминский филиал Частного образовательного учреждения Высшего образования «Казанский инновационный университет»
ВЗС – Всероссийский земский союз
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВПК – Всероссийский промышленный комитет
ВСГ – Всероссийский союз городов
ГААО – Государственный архив Астраханской области
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области

ГБУ СО ЦГАСО – Государственное бюджетное учреждение Самарской области Центральный государственный архив Самарской области
ГЖУ – губернское жандармское управление
ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики
ГКУ – Государственное казенное учреждение
ГОУ ВПО – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГСМ – горюче-смазочные материалы
ГУП – государственное унитарное предприятие
ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
ДП – Департамент полиции
ЖПУ ж.д. – Жандармско-полицейское управление железных дорог
ЗАО – закрытое акционерное общество
ИИА – издательско-информационное агентство
КГЖУ – Казанское губернское жандармское управление
КДП – партия конституционных демократов
Комуч – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет
МНП – Министерства народного просвещения
НА МАЭ РАН – Научный архив ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
НБ КГМА – Научная библиотека Казанской государственной медицинской академии
НБ КазНЦ РАН – Научная библиотека Казанского научного центра Российской академии наук
НБЛ КФУ – Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета
НГЖУ – Нижегородское губернское жандармское управление
НГЛУ – Нижегородский государственный лингвистический университет
НИИ – научно-исследовательский институт
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ННГУ – Нижегородский государственный университет
НОО – Нижегородское охранное отделение
НРФ – научный рукописный фонд
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОЖУ – областное жандармское управление
ОКВ – Оренбургское казачье войско

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОО – охранное отделение
ОРРК НБЛ К(П)ФУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСР – партия социалистов-революционеров
РАН – Российская академия наук
РБ – Республика Башкортостан
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИА – Региональное информационное агентство
РМЭ – Республика Марий Эл
РОНО – районный отдел народного образования
РОО – районное охранное отделение
РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТ – Республика Татарстан
РЭМ – Архив Российского этнографического музея
САСШ – Североамериканские соединенные штаты
СОШ – средняя общеобразовательная школа
СРН – Союз русского народа
СурГУ – Сургутский государственный университет
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФГБУН – федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
ЦГА ИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГИАМ ГАУ – Центральный государственный исторический архив в Москве Главного архивного управления
ЦДНИ ВКО – Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЦК – Центральный комитет
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
ЧНО – Чувашское национальное общество

Народы Поволжья и Приуралья
между революциями (1905–1917 гг.)

Сборник статей

Научное издание

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 28.11.2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 32,25 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

ЛОГОС
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
им. академика В.И. Андреева

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46,
231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф